

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ и ПИСЕМЪ.

Подъ редакціей М. К. Лемке

Томъ III

1842—1845 гг.

(№№ 338—416)

Издание наследниковъ автора

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ И ПИСЕМЪ.

Подъ редакціей М. К. Лемке

Томъ III

1842—1845 гг.

(№№ 338—416)

Издание наследниковъ автора

4669

Оглавленіе.

1842.

№№	СТР.
**338.	Приписка къ Ю. О. Курутѣ 3
*339.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру 4
**340.	Приписка къ Т. А. Астраковой 5
**341.	Письмо къ А. А. Краевскому 6
**342.	Письмо къ А. Л. Витбергу 8
343.	Москва и Петербургъ 8
344.	Дневникъ 17
**345.	Письмо къ Л. В. Дубельту 75
346.	Новгородъ-Великій и Владиміръ-на-Клязьмѣ . . . 76
**347.	Письмо къ Л. В. Дубельту 81
**348.	Письмо къ А. Л. Витбергу 82
**349.	Письмо къ А. А. Краевскому 82
*350.	Запись въ альбомъ бар. Е. В. Тизенгаузенъ . . . 83

1843.

351.	Дневникъ 87
352.	Дилетантизмъ въ наукѣ 163
	Статья первая 163
	Статья вторая. <i>Дилетанты-романтики</i> 177
	Статья третья. <i>Дилетанты и цехъ ученыхъ</i> 193
	Статья четвертая. <i>Буддизмъ въ наукѣ</i> 212
**353.	Письмо къ А. Л. Витбергу 234
**354.	Письмо къ Н. П. Огареву 234

№№	СТР.
**355.	Письмо къ Н. П. Огареву. 237
**356.	То же. 240
*357.	Письмо къ Т. Н. Грановскому 241
*358.	Письмо къ А. И. Тургеневу 241
**359.	Письмо къ А. А. Краевскому 242
**360.	Изъ письма къ Т. П. Пассекъ 242
*361.	Письмо къ В. П. Боткину 243
*362.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру 243
363.	Капризы и раздумье. I. По поводу одной драмы. 245
*364.	Письмо къ женѣ 266
*365.	Приписка къ Ю. О. Курутѣ. 267
*366.	Письмо къ Т. Н. и Е. Б. Грановскимъ 268
367.	„Москвитянинъ“ о Коперникъ 269
368.	Путевыя записки г. Вѣдрина. 273
*369.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру 275
*370.	То же. 278
371.	Публичныя чтенія г. Грановскаго 279
*372.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру 283
373.	Умъ—хорошо, а два—лучше 287
*374.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру 292
**375.	Приписки къ Н. Х. Кетчеру. 293
*376.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру 294
*377.	То же. 295

1844.

378.	Дневникъ 299
*379.	Приписки къ Н. Х. Кетчеру 380
**380.	Письмо къ А. Л. Витбергу 381
*381.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру 381
*382.	То же 382
*383.	То же 383
*384.	То же 385
*385.	То же 386
*386.	То же 388
*387.	То же 390
*388.	То же 391
*389.	То же 393
*390.	То же 395
**391.	То же 396
*392.	Письмо къ Е. О. Коршу 397

№№	СТР.
393.	О публичныхъ чтенiяхъ г-на Грановскаго 403
*394.	Приписка къ Н. Х. Кетчеру 408
**395.	Письмо къ Т. Н. Грановскому 409
*396.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру 412
**397.	Изъ письма къ Т. П. Пассекъ 413
*398.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру 414
**399.	Истинная и послѣдняя эмансипація рода человѣч- скаго отъ злѣйшихъ враговъ его 416
*400.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру 419
*401.	Письмо къ Т. Н. Грановскому 422
*402.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру 423
**403.	Письмо къ А. А. Краевскому 426

1845.

*404.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру 431
**405.	Письмо къ Н. П. Огареву 433
406.	Дневникъ 440
**407.	Письмо къ А. А. Краевскому 453
*408.	Приписка къ Н. Х. Кетчеру 455
**409.	Письмо къ гр. А. Θ. Орлову 456
410.	Письмо первое о „Москвитянинъ“ 1845 года 457
*411.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру 457
**412.	Письмо къ Ю. Θ. Самарину 459
*413.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру 461
*414.	Приписка къ Н. Х. Кетчеру 464
415.	„Москвитянинъ“ и вселенная 465
*416.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру 471
	Библиографическiй комментарий 473
	Опечатки и дополненiя 482

1842

338. Приписка къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

17 января 1842.
Новгородъ. ¹

Мало могу я прибавить, милостивая государыня, Юлія Ѳеодоровна, кромѣ повторенія словъ Гамлета: «Несчастія рѣдко ходятъ въ одиночку, а всегда толпою». И, между тѣмъ, доколѣ человѣкъ живъ, онъ все надѣется, все чего-то ждетъ отъ будущаго. Послѣднее время было для насъ не легко.

Неужели въ февралѣ мы увидимъ Васъ? Дай Богъ! Какъ искренно хочется мнѣ лично высказать еще разъ благодарность и уваженіе Ивану Эммануиловичу и Вамъ. Пока дѣлаю это письменно и остаюсь покорный слуга

А. Герценъ.

Позвольте мнѣ утрудить Васъ просьбою передать мой усердный привѣтъ Софіи Ѳеодоровнѣ и всему семейству Вашему, а при свиданіи сказать Павлу Сергѣевичу ¹⁾ и Похвисневу, что я всегда съ пріятностью вспоминаю ихъ и съ почтеніемъ.²

◆◆ 1. 13 января Н. А — на писала Курутѣ: «Неоцѣненный другъ, мамаша, тороплюсь писать къ вамъ, несмотря на то, что силы мои едва это позволяютъ. Чувствовало ли ваше сердце, что происходило съ нами это время?.. Я ожидала умноженія семейства своего въ февралѣ и ошиблась двумя мѣсяцами; вдругъ неожиданно 22 декабря Богъ далъ намъ дочку! — Боже мой, до сихъ поръ сама не вѣрю тому, что говорю... Безмѣрна была наша радость, — намъ такъ хотѣлось дочь! Но Богу не угодно было продлить эту ра-

¹⁾ Кожинъ.

дость: черезъ двое сутокъ Онъ взялъ ее назадъ... Не скажу болѣе ни слова объ этомъ,—тяжело, слишкомъ тяжело; сама я поправляюсь. Какая пустота!?!..»

Къ этому письму Герценъ и сдѣлалъ приписку 17 января.

2. Въ февралѣ Н. А — на описывала Т. А. Астраковой все событіе подробнѣе. «Ты знаешь, какъ я боялась, чтобы со мною не повторилось несчастье, бывшее въ Спб., а вмѣстѣ и надежда утѣшала. Весь декабрь я занималась приготовленіемъ елки для Саши. Для него и для меня это было въ первый разъ,—я болѣе его радовалась ожиданіемъ. Удивляюсь, какъ дѣтски я заботилась—и все это, точно, для того, чтобы чувствительнѣе былъ ударъ: 22 (у Пассекъ напечатано 25, но изъ дальнѣйшаго видна ошибка—*М. Л.*) декабря родилась дочь! Радости, восторга нашего не умѣю высказать. Казалось, ребенокъ прекрасный, здоровый; назвали Наташей. Радость Александра удваивала мою,—намъ такъ хотѣлось дочери, и Богъ ее послалъ. «Вотъ тебѣ сестрица на елку»—говорила я Сашѣ; кажется, и онъ радовался съ нами и все просилъ посмотреть на нее, поцѣловать ее. Я была очень слаба и скоро стала замѣчать въ окружающихъ безпокойство и сомнѣніе; докторъ ѣздилъ часто, съ нимъ говорили тихонько отъ меня. Все это объясняло мнѣ ожидающее меня несчастье. Наканунѣ праздника пронесли мимо меня елку для Саши, а черезъ часъ принесли ее, мою дочку, чтобы благословить въ послѣдній разъ»... (Пассекъ, II, 280).

339. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

28 января (1842).

Вѣрно, всего менѣе ждешь письма отъ меня. Вотъ въ чемъ дѣло: скажи Огареву, что, глубокомысленно обсудивъ, я нахожу, что его карету купить недурно. Вотъ условія: 2000 руб., если ее не ободралъ Ст. Мих. ¹⁾ безъ него. Пусть *онъ возьметъ* ее доставить сюда (разумѣется, на мой счетъ), *mais c'est un point très important* ²⁾, иначе Ив. Ал. ³⁾ продержитъ ее мѣсяцевъ 6. А мнѣ она нужна; для всего этого пусть онъ явится къ нему и кончитъ разомъ, но пусть и похлопочетъ, если сладить, о доставкѣ сюда порядительно. Аминь.

¹⁾ ?

²⁾ Но это очень важный пунктъ.

³⁾ Отецъ.

Я, кажется, писавши вчера, написалъ не такъ (а на изнанку, т. е. Тгі,—вмѣсто, не помню какъ) заглавіе книги, которую прошу Боткина купить. Онъ самъ долженъ знать, которую.

Еще: чтобъ Огаревъ не забывалъ о Скворцовѣ ¹⁾ попросить.

Наташа опять что-то нездорова, а Сашка въ квадратѣ здоровъ на сію минуту, потому что кричитъ какимъ-то рыбо-птичьимъ голосомъ.

Слышалъ ли о удачномъ переводѣ фамилии Шенвейнъ и tutti frutti? ²⁾

Книгу и записочку о просимыхъ книгахъ передай Егору Ивановичу.

340. Приписка къ Т. А. Астраковой.

(Начало февраля 1842).

Могу только прибавить, что я здоровъ и что, несмотря на полосу довольно черную, которую прожили, живы и не потеряли надежду на будущее.

Дай Богъ, чтобы эти строки застали Николая лучше. Что Гол., сдѣлалъ ли что? Не теряйте и вы надежды—право, можетъ, мы встрѣтимся радостно.

Александръ. ¹⁾

◆ 1. Герцены получили отъ Т. А. Астраковой извѣщеніе о болѣзни ея мужа, Николая Ивановича, и отвѣчали ей: Н. А.—на письмомъ, приведеннымъ мною въ № 338, а Герценъ—этой къ нему припиской. 12 февраля Астраковъ умеръ. Гол.—сокращенная фамилія или пользовавшаго его доктора, или Д. П. Голохвастова, какъ начальника Астракова по службѣ.

Т. А.—на говоритъ, что участіе друзей въ ея горѣ навсегда оставило въ душѣ отрадную память. «Александръ и Наташа писали мнѣ, просили беречь себя для ихъ дружбы, учили твердости своими несчастіями. Отраднѣе всего было слышать, какъ они всѣ говорили объ утратѣ Николая, съ какой любовью и уваженіемъ вспоминали о немъ. Александръ даже удивлялъ меня своими серьезными, полными участія письмами, до того, что я почувствовала къ нему симпатію, которая до тѣхъ поръ была какъ бы парализована

¹⁾ Вятскій другъ.

²⁾ И прочіе пустяки.

его холодностью, проистекавшею, какъ мнѣ казалось, изъ его самолюбія, которому я никогда не потворствовала. Кромѣ нравственнаго сочувствія, Александръ, а также и Сатинъ помогли мнѣ выпутаться изъ долга» (Пассекъ, II, 281).

341. Письмо къ А. А. Краевскому.

3 февраля 1842.
Новгородъ.

Я нѣсколько дней имѣлъ намѣреніе написать къ Вамъ, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, нѣсколько строкъ, и, наконецъ, представился случай: я вспомнилъ, что сегодня день св. Власія, а я въ Москвѣ жилъ въ приходѣ у Власія, потому и началъ писать; *et après cela parlez moi de la filiation des idées* ¹⁾: идеи у людей въ головѣ просто ходятъ, какъ люди по Невскому проспекту: Тальони, а потомъ Булгаринъ ²⁾, а потомъ портной Оливье. Но я не объ этомъ собирался писать, а, во-первыхъ, принести распустившійся и ухающий благо цвѣтокъ моей благодарности за присылку «Отеч. Зап.» и на сей годъ; мнѣ даже немного стало стыдно за свою лѣнь, но, услышавши отъ здѣшняго казначея, что нынѣшній годъ будетъ продолжаться до будущаго, я надѣюсь исправиться отъ лѣни; а, во-вторыхъ, надобно сказать объ этомъ 1 №. Ну, какъ это не грѣшно Панаеву было помѣстить «Актеона», и какъ Вы приняли его?! Да кого же охота заберетъ послѣ посылать повѣсти? «Актеонъ» — просто *chef d'œuvre*. Славно подѣйствовало на Панаева, что онъ переѣхалъ отъ Пяти угловъ къ одному углу ³⁾. Вѣдь, просто превосходно: отъ помѣщика, который отъ грыжи носилъ сережку, до «Актеона», который даже не имѣлъ способности выпускать грыжу... а потомъ мать и Антонъ, няня и М-те. Пожалуйста, Андрей Александровичъ, скажите ему, сверхъ дружескаго привѣта, что я съ душевнымъ восхищеніемъ читаль эту мастерскую повѣсть... А дочь-то бѣдныхъ, но благородныхъ родителей...

И Виссаріонъ ⁴⁾ гласъ велій поднялъ и, точно Платонъ, въ

¹⁾ Говорите мнѣ послѣ этого объ ассоціаціи идей.

²⁾ Ѳаддей Венедиктовичъ, писатель и журналистъ, состоявшій въ дружескихъ отношеніяхъ съ агентами III Отдѣленія, которыми и пользовался, когда хотѣлъ напакостить врагамъ или конкурентамъ.

³⁾ Въ Спб. есть мѣсто, называемое «Пять угловъ»; тамъ и жилъ Панаевъ.

⁴⁾ Бѣлинскій.

формѣ разговора, въ которомъ le second interlocuteur ¹⁾ молчитъ, не разѣвая рта (спора зато не выйдетъ), а зато статья эта поставитъ Бѣл. у многихъ головою выше: я здѣсь это вижу. Я не умѣю хвалить, а что ни начну говорить, все выйдетъ одна похвальба. А, ей Богу, статья Бѣл. увлекательна ²⁾. * Но позвольте же; все, что на душѣ, надо высказать. Передъ чѣмъ я уничтожился и перешелъ въ одинъ эвиръ созерцанья, это — Лермонтова сказка ³⁾ и отрывокъ о Гегелѣ ⁴⁾.

Кстати, скажите Бѣл., что я, наконецъ, дочиталъ *и хорошо* «Феноменологію» ⁵⁾, чтобъ онъ ругалъ однихъ послѣдователей (можно бы и ихъ не ругать, ну да, вѣдь, пчелу не уговоришь не дѣлать меду, а у Бѣл. это — медъ), а великую тѣнь не трогалъ бы. Къ концу книги точно вѣзжаешь въ море: глубина, прозрачность, вѣяніе духа несетъ... *lasciate ogni speranza* ⁶⁾ — берега исчезаютъ, одно спасеніе внутри груди, но тутъ-то и раздается: *Quid timeas? Caesarem vehis* ⁷⁾, — страхъ разсѣвается, берегъ вотъ, прекрасные листки фантазіи оципаны, но сочные плоды дѣйствительности тутъ. Исчезли ундины, но полногрудая дѣва ждетъ... Извините, я что-то заврался, но таково было впечатлѣніе. Я дочиталъ съ біеніемъ сердца, съ какою-то торжественностію. Г. ⁸⁾ — Шекспиръ и Гомеръ вмѣстѣ, оттого добрымъ людямъ и кажется непонятно греко-англійское нарѣчіе его.

Прощайте, не сердитесь, что оторвалъ отъ дѣла. Прошу васъ при свиданіи поклониться Языкову ⁹⁾. О. ¹⁰⁾ вѣритъ, что статьи, никѣмъ не подписанныя, — его сочиненія.

Пан. и его (а, можетъ, и Вис.?) жду. Здѣсь очень пріятный городъ и норовъ.

Преданный вамъ А. Герценъ.

Липпертъ пишетъ біографію Гете; я увѣренъ, что онъ на это рѣшился потому, что Кайдановъ ¹¹⁾ писалъ біографію человечества ¹²⁾.

¹⁾ Второй собесѣдникъ.

²⁾ «Русская литература въ 1841 году», написанная въ формѣ діалога А и Б.

³⁾ «Сказка для дѣтей» («Умчался вѣкъ эпическихъ поэмъ»...).

⁴⁾ «Воспоминанія о Гегелѣ».

⁵⁾ «Феноменологія духа» — лучшее сочиненіе Гегеля.

⁶⁾ Оставьте всякую надежду («Адъ» Данте).

⁷⁾ Чего тебѣ бояться? Ты везешь Цезаря.

⁸⁾ Гегель.

⁹⁾ Михаилъ Александровичъ, другъ Бѣлинскаго.

¹⁰⁾ Огаревъ.

¹¹⁾ Иванъ Кузьмичъ, авторъ пресловутаго «Краткаго начертанія всемірной исторіи» и мн. др.

¹²⁾ Четыре статьи К. Э. Липперта, «Гете», напечатаны въ XX—XXII томахъ «Отечественныхъ Записокъ» 1842 г.

342. Письмо къ А. Л. Витбергу.

9 февраля 1842 г.
Новгородъ.

Встрѣчая въ прошедшемъ, 1841, году новый годъ, я думалъ въ 1842 году быть уже не въ Новгородѣ, почтеннѣйшій Александръ Лаврентьевичъ, но Богу угодно было иначе. Я не ропщу, впрочемъ; хочется перемѣнить родъ службы и избрать климатъ получше для Наташи, которой здоровье плохо. Вѣроятно, вы уже слышали о томъ, что мы имѣли несчастье лишиться новорожденной. Пора отдохнуть отъ всѣхъ ударовъ, хочется спокойствія...

Дай-то Богъ вамъ силы нести вашъ крестъ.

Дайте намъ вѣсточку о себѣ, не мстите за наше молчаніе тѣмъ же...

Передайте усердный поклонъ Авдотѣ Викторовнѣ и поцѣлуйте дѣтокъ. Душевно преданный вамъ

Александръ.

343. МОСКВА И ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатаая въ первый разъ небольшую статейку о Москвѣ и Петербургѣ, писанную мною во время моей второй ссылки, т. е. пятнадцать лѣтъ тому назадъ, я исполняю желаніе моихъ друзей, между прочимъ того, который мнѣ прислалъ ее изъ Россіи. Статья эта нравилась многимъ и обошла всю Россію въ рукописныхъ копіяхъ. Впослѣдствіи (въ 1846) я напечаталъ отрывки изъ нея въ небольшомъ разсказѣ «Станція Едрово», но, само собою разумѣется, что нечего было и думать, чтобы цензура пропустила рѣзкія мѣста, а они-то и составляютъ все достоинство этой шутки. Я во многомъ теперь не согласенъ, но оставилъ статью такъ, какъ она была, по какому-то чувству добросовѣстности къ прошедшему.

И вы туда же, любезные друзья: сердитесь, что я, усѣвшись на берегѣ Волхова, говорю объ одномъ прошедшемъ, какъ будто у насъ нѣтъ настоящаго, какъ будто намъ положенъ тайный рубежъ въ исторіи—не вести изслѣдованій позже происхожденія Руси, какъ будто важнѣйшее дѣло и событіе въ нашей исторіи—

метрическое свидѣтельство о рожденіи, послѣ котораго такъ скромно жили, что нечего и разсказать... Тутъ я васъ остановлю. Я потому именно сталъ говорить о прошедшемъ, что, мнѣ кажется, мы и въ немъ не жили, а только кой-какъ существовали. Но, пожалуй, въ сторону прошедшее!

Говорить о настоящемъ Россіи значить говорить о Петербургѣ, объ этомъ городѣ безъ исторіи въ ту и другую сторону, о городѣ настоящаго, о городѣ, который одинъ живетъ и дѣйствуетъ въ уровень современнымъ и своеземнымъ потребностямъ на огромной части планеты, называемой Россіей. Москва, напротивъ, имѣетъ притязанія на прошедшій бытъ, на мнимую связь съ нимъ; она хранитъ воспоминанія какой-то прошедшей славы, всегда глядитъ назадъ; увлеченная петербургскимъ движеніемъ, идетъ задомъ напередъ и не видитъ европейскихъ началъ оттого, что касается ихъ затылкомъ. Жизнь Петербурга только въ настоящемъ; ему не о чемъ вспоминать, кромѣ о Петрѣ I, его прошедшее сколочено въ одинъ вѣкъ; у него нѣтъ исторіи, да нѣтъ и будущаго; онъ всякую осень можетъ ждать шквала, который его потопитъ. Петербургъ—ходячая монета, безъ которой обойтись нельзя; Москва—рѣдкая, положимъ, замѣчательная для охотника нумизма, но не имѣющая хода. Итакъ, о городѣ настоящаго, о Петербургѣ.

Петербургъ—удивительная вещь. Я всматривался, приглядывался къ нему и въ академіяхъ, и въ канцеляріяхъ, и въ казармахъ, и въ гостиныхъ, а мало понялъ. Живши безъ занятій, не втянутый въ омутъ гражданскихъ дѣлъ, ни въ фронты и разводы *мирныхъ военныхъ занятій*, я имѣлъ досугъ,—отступя, такъ сказать, въ сторону,—разсматривать Петербургъ; видѣлъ разные слои людей,—людей, которые олимпийскимъ движеніемъ пера могутъ дать Станислава или отнять мѣсто; людей, непрерывно пишущихъ, т. е. чиновниковъ; людей, почти никогда не пишущихъ, т. е. русскихъ литераторовъ; людей, не только никогда не пишущихъ, но и никогда не читающихъ, т. е. лейбъ-гвардіи штабъ и оберъ-офицеровъ; видѣлъ львовъ и львицъ, тигровъ и тигрицъ; видѣлъ такихъ людей, которые ни на какого звѣря, ни даже на человѣка не похожи, а въ Петербургѣ—дома, какъ рыба въ водѣ; наконецъ, видѣлъ поэтовъ въ III Отдѣленіи собственной канцеляріи и III Отдѣленіе собственной канцеляріи, занимающееся поэтами; но Петербургъ остался загадкой, какъ прежде. И теперь, когда онъ началъ для меня исчезать въ туманѣ, которымъ Богъ завѣшиваетъ его круглый годъ, чтобъ издали не видно было, что тамъ дѣлается, я не нахожу средствъ разгадать загадочное существованіе города, основаннаго на всякихъ противоположностяхъ и противорѣчійхъ, физическихъ

и нравственныхъ... Это, впрочемъ,—новое доказательство его современности: весь періодъ нашей исторіи отъ Петра I—загадка; нашъ настоящій бытъ—загадка... этотъ разноначальный хаосъ взаимно-гложущихъ силъ, противоположныхъ направленій, гдѣ иной разъ всплываетъ что-то европейское, прорѣзывается что-то широкое и человѣческое и потомъ тонетъ или въ болотѣ косо-страдательнаго славянскаго характера, все принимающаго съ апатіей—кнутъ и книги, права и лишеніе ихъ, татаръ и Петра—и потому, въ сущности, ничего не принимающаго, или въ волнахъ дикихъ понятій о народности исключительной,—понятій, недавно выползшихъ изъ могилъ и не поумнѣвшихъ подъ сырой землей.

Съ того дня, какъ Петръ увидѣлъ, что для Россіи одно спасеніе—перестать быть русской, съ того дня, какъ онъ рѣшился двинуть насъ во всемірную исторію, необходимость Петербурга и ненужность Москвы опредѣлились. Первый неизбѣжный шагъ для Петра было перенесеніе столицы изъ Москвы. Съ основанія Петербурга Москва сдѣлалась второстепенной, потеряла для Россіи прежній смыслъ свой и прозябала въ ничтожествѣ и пустотѣ до 1812 года. Быть можетъ, въ будущую эпоху... Мало-ли что можетъ быть, и навѣрно много хорошаго будетъ въ будущую эпоху,—мы говоримъ о прошедшемъ и о настоящемъ. Москва ничего не значила для человѣчества, а для Россіи имѣла значеніе омота, втянуваго въ себя всѣ лучшія силы ея и ничего не умѣваго сдѣлать изъ нихъ. Москву забыли послѣ Петра и окружили тѣмъ уваженіемъ, тѣми знаками благосклонности, которыми окружаютъ старуху-бабушку, отнимая у нея всякое участіе въ управленіи имѣніемъ. Москва служила станціей между Петербургомъ и тѣмъ свѣтомъ для отслужившаго барства, какъ предвкушеніе могильной тишины. Къ Петербургу она не питала негодованія, напротивъ, тянулась всегда за нимъ, перенимала и уродовала его моды, обычаи. Все юное поколѣніе служило тогда въ гвардіи; все талантливое, появлявшееся въ Москвѣ, отправлялось въ Петербургъ писать, служить, дѣйствовать. И вдругъ эта Москва, о существованіи которой забыли, замѣшалась съ своимъ Кремлемъ въ исторію Европы, кстаті сгорѣла, кстаті обстроилась; ея имя попало въ бюллетени великой арміи, Наполеонъ ѣздилъ по ея улицамъ. Европа вспомнила объ ней. Фантастическія сказки о томъ, какъ обстроилась она, обошли свѣтъ. Кому не прокричали уши о прелести, въ которой этотъ фениксъ воспрянулъ изъ огня. А надобно признаться, плохо обстроилась Москва; архитектура домовъ ея уродлива, съ ужасными претензіями; дома или, лучше, хутора ея малы, облѣплены колоннами, задавлены фронтонами, огорожены заборами... И какова же она была прежде,

ежели была гораздо хуже? Нашлись добрые люди, которые подумали, что такой сильный толчекъ разбудить жизнь Москвы; думали, что въ ней разовьется народность самобытная и образованная, а она, моя голубушка, растянулась на сорокъ верстъ отъ Троицы въ Голенищевъ до Бутырокъ да и поживаетъ опять. А ужъ Наполеона не предвидится!

Въ Петербургѣ всѣ люди вообще и каждый въ особенности прескверные. Петербургъ любить нельзя, а я чувствую, что не сталъ бы жить ни въ какомъ другомъ городѣ Россіи. Въ Москвѣ, напротивъ, всѣ люди предобрые, только съ ними скука смертельная; въ Москвѣ есть своего рода полудикій, полуобразованный барскій бытъ, стирающійся въ тѣснотѣ петербургской; на него хорошо взглянуть, какъ на всякую особенность, но онъ тотчасъ надоѣстъ. Русское барство не знаетъ комфорта; оно богато, но грязно; оно провинціально и напыщено въ Москвѣ и оттого непрерывно на иголкахъ, тянется, догоняетъ нравы Петербурга, а Петербургъ и нравовъ своихъ не имѣетъ. Оригинального, самобытнаго въ Петербургѣ ничего нѣтъ,—не такъ, какъ въ Москвѣ, гдѣ все оригинально—отъ нелѣпой архитектуры Василя Блаженнаго до вкуса колачей. Петербургъ—воплощеніе общаго, отвлеченнаго понятія столичнаго города; Петербургъ тѣмъ и отличается отъ всѣхъ городовъ европейскихъ, что онъ на всѣ похожъ; Москва—тѣмъ, что она вовсе не похожа ни на какой европейскій городъ, а есть гигантское развитіе русскаго богатаго села. Петербургъ—parvenu; у него нѣтъ вѣками освященныхъ воспоминаній, нѣтъ сердечной связи съ страной, которую представлять его вызвали изъ болотъ; у него есть полиція, присутственныя мѣста, купечество, рѣка, дворъ, семиэтажные дома, гвардія, тротуары, по которымъ ходить можно, газовые фонари, дѣйствительно освѣщающіе улицы, и онъ доволенъ своимъ удобнымъ бытомъ, не имѣющимъ корней и стоящимъ, какъ онъ самъ, на сваяхъ, вбивая которыя, умерли сотни тысячъ работниковъ.

Въ Москвѣ мертвая тишина; люди систематически ничего не дѣлаютъ, а только живутъ и отдыхаютъ передъ трудомъ; въ Москвѣ послѣ 10 часовъ не найдешь извозчика, не встрѣтишь человѣка на иной улицѣ; разъединенный бытъ славяно-восточный напоминаетъ на каждомъ шагу. Въ Петербургѣ вѣчный стукъ *суеты суетствій*, и всѣ до такой степени заняты, что даже не живутъ. Дѣятельность Петербурга бессмысленна, но привычка дѣятельности—вещь великая. Летаргическій сонъ Москвы придаетъ москвичамъ ихъ пекино-хунорскій характеръ стоячести, который навелъ бы уныніе на самого отца Іакинѣа ¹⁾. У петербуржца цѣли ограниченныя или подлыя,

¹⁾ Бичуринъ.

но онъ ихъ достигаетъ; онъ недоволенъ настоящимъ, онъ работаетъ. Москвичъ, преблагороднѣйшій въ душѣ, никакой цѣли не имѣетъ, большею частью доволенъ собою, а когда не доволенъ, то не умѣетъ изъ всеобщихъ мыслей, неопредѣленныхъ и неотчетливыхъ, дойти до указанія большого мѣста. Въ Петербургѣ всѣ литераторы торгаши; тамъ нѣтъ ни одного круга литературнаго, который бы имѣлъ не личность, не выгоду, а идею связью. Петербургскіе литераторы вдвое менѣе образованы московскихъ; они удивляются, пріѣзжая въ Москву, умнымъ вечерамъ и бесѣдамъ въ ней. А между тѣмъ вся книжная дѣятельность только и существуетъ въ Петербургѣ. Тамъ издаются журналы, тамъ цензура умнѣе, тамъ писалъ и жилъ Пушкинъ, Карамзинъ; даже Гоголь принадлежалъ болѣе къ Петербургу, чѣмъ къ Москвѣ. Въ Москвѣ есть люди глубокихъ убѣжденій, но они сидятъ сложа руки; въ Москвѣ есть круги литературные, безкорыстно проводящіе время въ томъ, чтобы всякій день доказывать другъ другу какую-нибудь полезную мысль, напр., что Западъ гніетъ, а Русь цвѣтетъ. Въ Москвѣ издается одинъ журналъ, да и тотъ «Москвитянинъ».

Москвичъ любитъ кресты и церемоніи, петербуржець—мѣста и деньги; москвичъ любитъ аристократическія связи, петербуржець—связи съ должностными людьми. Москвичу дадутъ Станислава на шею, а онъ его носитъ на брюхѣ; у петербуржца Владиміръ надѣтъ, какъ ошейникъ съ замочкомъ у собаки или какъ веревка у обрвавшагося съ висѣлицы. Въ Петербургѣ можно прожить года два, не догадываясь, какой религіи онъ держится; въ немъ даже русскія церкви приняли что-то католическое. Въ Москвѣ на другой день пріѣзда вы узнаете и услышите православіе и его мѣдный голосъ. Въ Москвѣ множество людей ходитъ каждый воскресный и праздничный день къ обѣднѣ; есть даже такіе, которые ходятъ и къ заутрени; въ Петербургѣ мужескаго пола никто не ходитъ къ заутрени, а къ обѣдни ходятъ одни нѣмцы въ кирку да пріѣзжіе крестьяне. Въ Петербургѣ одни и есть мощи: это—домикъ Петра; въ Москвѣ покоятся мощи всѣхъ святыхъ изъ русскихъ, которые не помѣстились въ Кіевѣ, даже такихъ, о смерти которыхъ доселѣ идетъ споръ, напримѣръ, Дмитрій-царевичъ. Вся эта святыня бережется стѣнами Кремля; стѣны Петропавловской крѣпости берегутъ казематы и монетный дворъ.

Удаленная отъ политическаго движенія, питаюсь старыми новостями, не имѣя ключа къ дѣйствіямъ правительства, ни инстинкта отгадывать ихъ, Москва резонерствуетъ, многимъ недовольна, обо многомъ отзывается вольно... Вдругъ является Иванъ Александровичъ Хлестаковъ большого размѣра,—Москва кланяется въ поясъ, рада

посѣщенію, даетъ балы и обѣды и пересказываетъ бон-мо ¹⁾). Петербургъ, въ центрѣ котораго все дѣлается, ничему не радуется, никому не радуется, ничему не удивляется: если-бъ порохомъ подорвали весь Васильевскій островъ, это сдѣлало бы меньше волненія, чѣмъ пріѣздъ Хозрева-Мирзы въ Москву ²⁾). Иванъ Александровичъ въ Петербургѣ ничего не значить: тамъ никого не надуешь ни силой, ни властью, тамъ знаютъ, гдѣ сила и въ комъ. Въ Москвѣ до сихъ поръ принимаютъ всякаго иностранца за великаго чловѣка, въ Петербургѣ—каждаго великаго чловѣка за иностранца. Во всю свою жизнь Петербургъ разъ только обрадовался: онъ очень боялся француза, и когда Витгенштейнъ его спасъ, онъ бѣгалъ къ нему навстрѣчу. Въ добрѣйшей Москвѣ можно черезъ газеты объявить, чтобъ она въ такой-то день умилилась, въ такой-то обрадовалась: стоитъ генераль-губернатору распорядиться и выставить полковую музыку или устроить крестный ходъ. Зато москвичи плачутъ о томъ, что въ Рязани голодъ, а петербуржцы не плачутъ объ этомъ, потому что они и не подозрѣваютъ о существованіи Рязани, а если и имѣютъ темное понятіе о внутреннихъ губерніяхъ, то навѣрное не знаютъ, что тамъ хлѣбъ ѣдятъ.

Молодой москвичъ не подчиняется формамъ, либеральничаетъ, и именно въ этихъ либеральныхъ выходкахъ виднѣется закоснѣлый скиѣтъ. Этотъ либерализмъ проходитъ у москвичей тотчасъ, какъ побываютъ въ тайной полиціи. Молодой петербуржецъ формаленъ, какъ дѣловая бумага, въ шестнадцать лѣтъ корчитъ дипломата и даже немного шпіона и остается твердъ въ этой роли на всю жизнь. Въ Петербургѣ все дѣлается ужасно скоро. Полевой въ пятый день по пріѣздѣ въ Петербургъ сдѣлался вѣрноподаннымъ; въ Москвѣ ему было бы стыдно, и онъ лѣтъ пять вольнодумствовалъ бы еще. Вообще московскіе жиденькіе либералы начинаютъ въ Петербургѣ искать мѣсть, проклинать просвѣщеніе и благословлять разводы. Петербургъ, какъ египетская печь, только скорѣе развертываетъ скорлупу, а каковъ выйдетъ цыпленокъ,—не его вина. Бѣлинскій, проповѣдывавшій въ Москвѣ народность и самодержавіе, черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ въ Петербургъ заткнулъ за поясъ самого Анахарсиса Клоотса ³⁾). Петербургъ, какъ всѣ положительные люди, не слушаетъ болтовни, а требуетъ дѣйствій, оттого часто благородные московскіе говорители становятся подлѣйшими дѣйствителями. Въ Петербургѣ вообще либераловъ нѣтъ, а коли за-

¹⁾ Von mot—острота.

²⁾ Персидскій посланникъ, командированный въ Спб. съ извиненіемъ за убійство Грибоѣдова.

³⁾ Французскій крайній революціонеръ XVIII ст.

ведется, такъ въ Москву не попадаетъ, — они отправляются отсюда прямо въ каторжную работу или на Кавказъ.

Въ судьбѣ Петербурга есть что-то трагическое, мрачное и величественное. Это — любимое дитя сѣвернаго великана, гиганта, въ которомъ сосредоточена была энергія и жестокость конвента 93 года и революціонная сила его, — любимое дитя царя, отрекшагося отъ своей страны для ея пользы и угнетавшаго ее во имя европеизма и цивилизациі. Небо Петербурга вѣчно сѣро; солнце, свѣтящее на добрыхъ и злыхъ, не свѣтитъ на одинъ Петербургъ; болотистая почва испаряетъ влагу; сырой вѣтеръ приморскій свищетъ по улицамъ. Повторяю, каждую осень онъ можетъ ждать шквала, который его затопитъ. Въ судьбѣ Москвы есть что-то мѣщанское, пошлое; климатъ не дуренъ, да и не хорошъ; дома не низки, да и не высоки. Взгляните на москвичей подъ Новинскимъ или въ Сокольникахъ 1 мая: имъ и не жарко, и не холодно; имъ очень хорошо, и они довольны балаганами, экипажами, собою. И взгляните послѣ того въ хорошій день на Петербургъ. Торопливо бѣгутъ несчастные жители изъ своихъ норъ и бросаются въ экипажи, скачутъ на дачи, острова; они упиваются зеленью и солнцемъ, какъ арестанты въ «Fidelio» ¹⁾, но привычка заботы не оставляетъ ихъ; они знаютъ, что черезъ часъ пойдетъ дождь, что завтра тружѣники канцеляріи, поденщики бюрократіи, они утромъ должны быть по мѣстамъ. Человѣкъ, дрожащій отъ стужи и сырости, человѣкъ, живущій въ вѣчномъ туманѣ и инеѣ, иначе смотритъ на міръ; это доказываетъ правительство, сосредоточенное въ этомъ инеѣ и принявшее отъ него свой непріязненный и угрюмый характеръ. Художникъ ²⁾, развившійся въ Петербургѣ, избралъ для кисти своей страшный образъ дикой, неразумной силы, губящей людей въ Помпеѣ, это — вдохновеніе Петербурга! Въ Москвѣ на каждой верстѣ прекрасный видъ; плоскій Петербургъ можно исходить съ конца въ конецъ и не найти ни одного даже посредственнаго вида; но исходивши, надо воротиться на набережную Невы и сказать, что всѣ виды Москвы — ничего передъ этимъ. Въ Петербургѣ любятъ роскошь, но не любятъ ничего лишняго; въ Москвѣ именно одно лишнее считается роскошью; оттого у каждаго московскаго дома колонны, а въ Петербургѣ нѣтъ; у каждаго московскаго жителя нѣсколько лакеевъ, скверно одѣтыхъ и ничего не дѣлающихъ, а у петербургскаго одинъ, чистый и ловкій.

Надобно сознаться, что нельзя быть противоположнѣе воспи-

¹⁾ Опера Бетховена.

²⁾ Карлъ Павловичъ Брюлловъ.

тану, какъ Петербургъ и Москва. Петербургъ во всю свою жизнь видѣлъ только серальные перевороты, низверженія и празднованія, и вовсе не знаетъ нашего стариннаго быта. Москва, выросшая подъ татарскимъ игомъ и овладѣвшая Русью не по собственному достоинству, а по недостойнству прочихъ частей, остановилась на послѣдней страницѣ котошихинскихъ временъ и только по слуху знаетъ о послѣдующихъ переворотахъ. Въ свое время прїѣдетъ курьеръ, привезетъ грамотку, — и Москва вѣритъ печатному, кто царь и кто не царь, вѣритъ, что Биронъ — добрый человекъ, а потомъ, — что онъ злой человекъ, вѣритъ, что - - - - - , чтобъ посадить Анну Иоанновну, а потомъ Анну Леопольдовну, а потомъ Иоанна Антоновича, а потомъ Елисавету Петровну, а потомъ Петра Федоровича, а потомъ Екатерину Алексѣевну на мѣсто Петра Федоровича. Петербургъ очень хорошо знаетъ, что - - - - не пойдетъ мѣшаться въ эти - - - - дѣла: онъ видѣлъ оргіи Лѣтняго сада, герцогиню Биронъ, валяющуюся въ снѣгу, и Анну Леопольдовну, спящую - - - - - на балконѣ Зимняго дворца, а потомъ посланную; онъ видѣлъ похороны Петра III и похороны Павла I. Онъ много видѣлъ и много знаетъ.

Нигдѣ я не предавался такъ часто, такъ много скорбнымъ мыслямъ, какъ въ Петербургѣ. Задавленный тяжкими сомнѣніями, бродилъ я, бывало, по граниту его и былъ близокъ къ отчаянію. Этими минутами я обязанъ Петербургу, и за нихъ я полюбилъ его такъ, какъ разлюбилъ Москву за то, что она даже мучить, терзать не умѣетъ. Петербургъ тысячу разъ заставитъ всякаго честнаго человека проклясть этотъ Вавилонъ; въ Москвѣ можно прожить годы и, кромѣ Успенскаго собора, нигдѣ не услышать проклятія. Вотъ чѣмъ она хуже Петербурга. Петербургъ поддерживаетъ физически и морально лихорадочное состояніе. Въ Москвѣ до такой степени здоровье усиливается, что органическая пластика замѣняетъ всѣ жизненныя дѣйствія. Въ Петербургѣ, кромѣ коменданта Захаржевскаго ¹⁾, нѣтъ ни одного толстаго человека, да и тотъ толстъ отъ контузіи. Изъ этого ясно, что кто хочетъ жить тѣломъ и духомъ, тотъ не избереетъ ни Москвы, ни Петербурга. Въ Петербургѣ онъ умретъ на полдорогѣ, а въ Москвѣ изъ ума выживетъ.

«Да что, чортъ возьми, скажете вы: говорилъ, говорилъ, а я даже не понималъ, кому вы отдаете преимущество». Будьте увѣрены, что и я не понималъ. Во-первыхъ, для житья нельзя избрать въ сію минуту ни Петербурга, ни Москвы; но такъ какъ есть фатумъ, который за насъ избираетъ мѣсто жительства, то это дѣло кончен-

¹⁾ Яковъ Васильевичъ, управляющій Царскимъ-Селомъ.

ное; во-вторыхъ, все живое имѣетъ такое множество сторонъ, такъ удивительно спаянныхъ въ одну ткань, что всякое рѣзкое сужденіе—односторонняя нелѣпость. Есть стороны въ московской жизни, которыя можно любить, есть онѣ и въ Петербургѣ; но гораздо болѣе такихъ, которыя заставляютъ Москву не любить, а Петербургъ ненавидѣть. Впрочемъ, хорошія стороны найдутся вездѣ, даже въ Пекинѣ и Вѣнѣ; это—тѣ три человѣка добрыхъ, за которыхъ Богъ прощаль нѣсколько разъ грѣхи Содома и Гоморры, но не болѣе, какъ прощаль. Увлекаться этимъ не надобно: вездѣ, гдѣ много живетъ людей, гдѣ давно живутъ люди, найдется что-нибудь чело-вѣческое, что-нибудь торжественное и поэтическое. Торжественъ звонъ московскихъ колоколовъ и процессій въ Кремлѣ; торже-ственны большіе парады въ Петербургѣ, торжественны сходбища буддистовъ на Востокѣ, при свѣтѣ ста двѣнадцати факеловъ читающихъ свои святыя книги. Намъ мало этой поэтической стороны, намъ хочется... Мало ли чего хочется.

Пророчать теперь желѣзную дорогу между Москвой и Петербургомъ. Давай Богъ! Черезъ этотъ каналъ Петербургъ и Москва взойдутъ подъ одинъ уровень, и навѣрно въ Петербургѣ будетъ дешевле икра, а въ Москвѣ двумя днями раньше будутъ узнавать, какіе нумера иностранныхъ журналовъ запрещены. И то дѣло!

Новгородъ, 1842.

344. ДНЕВНИКЪ.

Съ 25 марта 1842 г.

Новгородъ.

—●—
1842 г.

25 марта. Тридцать лѣтъ! Половина жизни. Двѣнадцать лѣтъ ребячества, четыре школьничества, шесть юности и восемь лѣтъ гоненій, преслѣдованій, ссылокъ. И хорошо и грустно смотрѣть назадъ. Дружба, любовь и внутренняя жизнь искупаютъ многое. Но признаюсь непрерывныя гоненія и оскорбленія нашли средство причинять ужасную боль; и при словѣ 30 лѣтъ становится страшно, пора, пора отдохнуть.—Я навѣрно отслужилъ свои 15 лѣтъ, могу идти въ безсрочно отпускные. Даже и 25 если считать годы вдвое какъ у моряковъ за кампанію.

26. Вчера получилъ вѣсть о кончинѣ Михайла Федоровича Орлова. Горе и пуще бездѣйственная косность подѣдаетъ Геркулесовскія силы, онъ вѣрно прожилъ бы еще лѣтъ 25 при другихъ обстоятельствахъ. Жаль его. Эта новость, пришедшая вденъ моего рожденія *aviso* ¹⁾. *Memento mori* ²⁾ въ одномъ отношеніи и *vivere memento* ³⁾ въ другомъ. Примѣръ передъ глазами.

— Я никогда не считалъ Мих. Фед. ни великимъ политикомъ, ни истинно опаснымъ демагогомъ, ни даже человѣкомъ тѣхъ огромныхъ способностей, какъ о немъ была *fama* ⁴⁾. Но онъ имѣлъ въ

¹⁾ Какъ предупрежденіе.

²⁾ Помни часъ смертный.

³⁾ Помни о жизни.

⁴⁾ Молва.

себѣ много привлекательнаго, благороднаго начиная съ наружности, до обращенія и пр. Онъ былъ *человѣкъ* между Московскими аристократами, исполненный предразсудковъ, отсталой отъ новаго поколѣнія, упорно державшійся теорій репрезентативности какъ они были постановлены въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка и выдумывавшій свои теоріи дивившія своей неосновательностью. Молодое поколѣніе кланялось ему, но шло мимо и онъ съ горестію замѣчалъ это. Я былъ лѣтъ 19 познакомившись съ нимъ. Тогда онъ еще былъ красавецъ, «чело, какъ черепъ голый», античная голова, оживленные черты и высокій ростъ придавали ему истинно что то мощное. Именно съ такой наружностію можно увлечь людей. Возвращенный изъ ссылки, но не прощенный онъ былъ въ очень затруднительномъ положеніи въ Москвѣ. Снѣдаемый самолюбіемъ и жаждой дѣятельности, онъ былъ похожъ на льва сидящаго въ клѣткѣ и не смѣвшаго даже рычать; *faute de mieux* ¹⁾ онъ окружилъ себя небольшимъ кругомъ знакомыхъ и проповѣдывалъ тамъ свои теоріи; главное лицо по талантамъ и странностямъ занималъ въ этомъ кругу Чаадаевъ. Подавленное честолюбіе, глубокая увѣренность что онъ могъ бы дѣйствовать съ блескомъ на высшихъ правительственныхъ мѣстахъ, и воспоминаніе прошедшаго, желаніе сохранить его какъ нѣчто святое ставило Орлова въ непрерывное колебаніе. «Стеретьъ прошедшее» и явиться какоюся Магдалиной говорилъ одинъ голосъ «не сходить съ величественнаго пьедестала который данъ ему прошедшимъ интересомъ и оставаться окруженнымъ ореолой оппозиціонности говорилъ другой голосъ. Отъ этого Орловъ дѣлалъ непрерывныя ошибки. Вовсе безъ нужды и безъ пользы громогласно иной разъ унижался—и пріобрѣталъ одинъ стыдъ. Ибо тѣ передъ которыми онъ это дѣлалъ недовѣряли ему, а тѣ которые были свидѣтелями теряли уваженіе. Правительство смотрѣло на него какъ на закоснѣлаго либерала и притомъ какъ на безхарактернаго человѣка; а либералы—какъ на измѣнника своимъ правиламъ; даже легкое наказаніе его всравненіе съ другими декабристами не нравилось. И въ самомъ дѣлѣ неприятно было видѣть на Московскихъ гуляньяхъ и балахъ Мих. Ѳед. въ то время какъ всѣ его товарищи ныли и уничтожались на каторгѣ. Орловъ не умѣлъ носить трауръ, который ему повелѣвала благопристойность высшая. При всемъ томъ обѣ стороны судили его пристрастно, онъ отнюдь не былъ ни Мирабо ²⁾, ни Сіэйесъ для Петербургской

¹⁾ За неимѣніемъ лучшаго.

²⁾ Оморэ-Габріель, наиболѣе краснорѣчивый ораторъ первой французской революціи.

аутократіи, также не заслужилъ насмѣшекъ либераловъ. Главная вина его *неловкость*. Въ сущности онъ сохранялъ много рыцарски доблестнаго до конца жизни, въ немъ была бездна гуманнаго, добраго. За это мы должны его простить. Въ 1834 я оставилъ его въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ моральныхъ и физическихъ. Пришелъ мой чередъ ссылки возвратившись наконецъ въ 1840 я видѣлъ его мелькомъ въ 41 онъ на меня сдѣлалъ ужасное вліяніе, что то руинное, убитое было въ немъ, работавши 7 лѣтъ и все попустому чтобъ получить поприще, онъ убѣдился, что *тамъ* никогда не простятъ, что ни дѣлай, ужасное обвиненіе онъ смѣлъ думать о правахъ—анаѳема не стирающаяся. А юное поколѣніе далеко ушло и съ снисхожденіемъ, (а не съ увлеченіемъ) смотрѣло на старика. Онъ всё это чувствовалъ и глубоко мучился, занимался отдѣлкой дома, стекляннымъ заводомъ чтобъ заглушить внутренній голосъ. Но не выдержалъ. Съ моей стороны я посылаю за нимъ въ могилу искренній и горькой вздохъ; несчастное существованіе оттого только что случай хотѣлъ чтобъ онъ родился въ эту эпоху и въ этой странѣ. *Аминь*.

28. Два удара піэтизму и католицизму. Архіер. Шартрской возсталъ въ Парижѣ противъ Германской философіи, пугаль паде-ніемъ католицизма etc.—но правительство созданное доктринерами взяло сторону мысли противъ авторитета. И подобное же повторилось въ Стутгардѣ, гдѣ министръ въ камерѣ, рѣшительно вышелъ лицомъ къ лицу сражаться съ католическимъ духовенствомъ.—Въ Вяткѣ жилъ сосланный Грузинскій Князь, онъ не выдержалъ суроваго климата и впалъ въ злѣйшую чахотку, я посѣтилъ его за нѣсколько дней до смерти, онъ былъ едва живъ, но съ видомъ глубокаго убѣжденія сказалъ «Лишь бы весной не было хуже, а то пожалуй сдѣлается чахотка». Вотъ какъ умирающіе не понимаютъ своего положенія, тоже о католицизмѣ и піэтизмѣ.

Временной налогъ Пиля дѣлаетъ эпоху 1).

Апрѣль мѣсяць.

2.—Получилъ вѣсть о кончинѣ Карла Ив. Кало 27 марта въ университет. больницѣ. Ему легко было закрыть глаза: одинъ изъ честнѣйшихъ, благороднѣйшихъ людей, несмотря на свое званіе 2).

1) Робертъ Пиль возстановилъ въ Англіи подоходный налогъ.

2) Камердинеръ «сенатора», Льва А. Яковлева.

Онъ инстинктивно какъ-то любилъ меня съ самаго дѣтства. Что это какъ быстро уносить могила прежнее поколѣніе? «И тебя уже не стало!...»

Завтра подаю въ отставку. Одна четверть желаній исполнится: хоть волю употребленія времени пріобрѣту.¹

4.—Господи, какіе невыносимо тяжелые часы грусти разъѣдаютъ меня. Слабость ли это, или послѣдствіе того развитія, которое приняла душа моя, или, наконецъ, мое законное право, образъ отраженія во мнѣ окружающаго? Неужели считать мою жизнь оконченною, неужели все волнующее, занимающее меня, всю готовность труда, всю необходимость обнаруженія схоронить, держать подъ тяжелымъ камнемъ, пока пріучусь къ нѣмотѣ, пока заглушить потребности,—и тогда начать жизнь пустоты, роскоши? Да, только послѣднее возможно, когда оно естественно течетъ изъ сущности извѣстнаго рода плоскости духа; въ этотъ міръ чужой не взойдетъ. Есть другая жизнь, прекрасная и высокая, чисто инсентивная, съ единой цѣлью внутренняго просвѣтленія; но я чувствую, что середь тихихъ занятій кабинета подчасъ является ужасная тоска. Я долженъ обнаруживаться,—ну, пожалуй, по той же необходимости, по которой питить сверчокъ.

Гете говорить:

Gut verloren—etwas verloren,
 Ehre verloren—viel verloren,
 Musst Ruhm gewinnen,
 Da werden die Leute sich anders besinnen.
Muth verloren—alles verloren,
 Da wäre es besser nicht geboren ¹).

Это—величайшая истина, и потому-то, когда я сознаю совершенную потерю духа, я паду. Но еще, кажется, я далекъ отъ этого. Счастливы дѣтски-религіозные люди—имъ жить чрезвычайно легко. Но будто возможно изъ совершеннolѣтія перейти въ ребячество иначе, какъ черезъ безуміе. Одна мать, потерявшая всѣхъ дѣтей своихъ, говорила мнѣ съ веселымъ видомъ: «я не жалѣю ихъ, я ихъ хорошо помѣстила», и она вставала по ночамъ къ заутрени, держала строгій постъ и была счастлива. Я даже завидовать не могу, хоть удивляюсь великой тайнѣ врачеванія безвыходнаго горя субъ-

¹) Богатство потерять—небольшая, сравнительно, потеря; честь потерять, это—ужь великая потеря; можно, однако, завоевать славу, и люди измѣняютъ свои мнѣнія. Но если *мужество потерять—все тогда потеряно*; лучше бы тому совѣмъ не родиться.

ективнымъ мечтательнымъ убѣжденіемъ. У ней несчастіе переполнило душу и обратилось въ безумное блаженство ¹⁾). Но мои плечи ломаются, но еще несутъ! И ужасная мысль, что еще годы надобно таскать эту тяжесть, разливаешь мракъ, и судорожное негодованіе щемитъ душу.

6.—Теперь всѣ пугаютъ меня ужасными послѣдствіями отставки; но такъ и быть: лучше годъ лишній ссылки, но спокойное употребленіе времени. Одинъ большой плутъ предлагаетъ выпутаться деньгами, — быть можетъ, оно и такъ, деньги у насъ всемогущи. Самодержавіе, ограниченное взятками такъ, какъ во Франціи была нѣкогда монархія *limitée par des chansons* ²⁾). Вотъ состояніе! Одно желаніе — силы, силы перенести еще... сколько? ну, навѣрное три года — этихъ свирѣпыхъ гоненій.

8.—Писалъ къ Дубельту, чтобъ увѣдомить его объ отставкѣ. Я не думаю, чтобъ онъ или г. Бенк. имѣли что-нибудь противъ меня лично; не думаю даже, чтобъ тотъ или другой по охотѣ или по симпатіи дѣлали зло. Но боюсь всего отъ равнодушія; у насъ почти нѣтъ инквизиціи изъ убѣжденных (развѣ таковъ былъ Мордвиновъ ³⁾), предмѣстникъ Дубельта). Какъ бы то ни было, я далъ себѣ слово многое сдѣлать, во многомъ уступить, чтобъ добраться до свободы. Я склонилъ голову, — тамъ нѣтъ борьбы, гдѣ съ одной стороны никакихъ правъ, никакой силы. Понимаю, что, подавая въ отставку, я отдаляю нѣсколько счастливые шансы. Но жертвовать всѣмъ временемъ, это — потеря существенная. Я считалъ годъ лишній удаленія за отставку и нахожу, что выгода перевѣшиваетъ. — Написавши такое письмо, я всякій разъ дѣлаюсь боленъ: усталъ, прожоръ, безсиліе и волненіе. Вѣроятно, это то самое чувство, которое испытываютъ публичныя женщины, первые раза продавая себя за деньги, хотя и защищаясь нуждой etc. — Полнаго отпущенія сознательному грѣху нѣтъ. *L'homme se sent flétri* ⁴⁾). Да, можетъ, я этимъ спасу свою индивидуальность. А тутъ вопросъ: да нужна ли индивидуальность моя для чего бы то ни было, или нужна ли на что-нибудь индивидуальность, спасаемая такимъ образомъ? Гдѣ же внутренняя жизнь, если человѣкъ не можетъ покориться обстоятельствамъ, какъ бы они скверны ни были, съ гордымъ сознаніемъ правоты? — Эгмонтъ и Оранскій! ⁵⁾). Эгмонтъ рыцарской доблестью

¹⁾ Вѣроятно, это Л. Д. Филипповичъ.

²⁾ Ограниченная пѣснями.

³⁾ Александръ Николаевичъ, помощникъ Бенкендорфа.

⁴⁾ Человѣкъ чувствуетъ себя запятнаннымъ.

⁵⁾ Графъ Ламбраль Эгмонтъ и Вильгельмъ Оранскій — политическіе дѣятели, ведшіе борьбу противъ Филиппа II.

купилъ плаху. Но надобно *быть Оранскимъ*, чтобъ стяжать право поступать, какъ онъ. Спасая себя хитрыми уступками, онъ спасалъ страну. А я, спасая себя? Но неужели моя жизнь кончена, неужели все это вздоръ? Nein, das sind keine leere Träume ¹⁾).

Я не могу долго пробыть въ моемъ положеніи, я задохнусь, и какъ бы ни вынырнуть—вынырнуть ²⁾).

12.—Вотъ что значить подать въ отставку: мнѣ стало какъ-то легче; явились свѣжія силы и туманъ нѣсколько разсѣяли. Изъ двухъ чудовищъ, стоящихъ подлѣ меня съ вѣчно поднятой дубиной, одно исчезло. И какъ будто съ выходомъ въ отставку я обязанъ работать, ибо досугъ мой, время мое. И буду работать. А между тѣмъ еще не знаю, чѣмъ разрѣшится, какія послѣдствія принесетъ этотъ шагъ.

Хочется написать пропедевтическое слово желающимъ приняться за философію, но сбивающимся въ цѣли, правѣ, средствѣ науки. По дорогѣ тутъ слѣдуетъ указать весь вредъ добрыхъ людей, *любящихъ* пофилософствовать. Враги науки не такъ опасны, какъ всѣ полу-піэтисты, полу-раціоналисты. Началъ; что будетъ, не знаю ³⁾).

13.—Продолжаю въ свободное время лекціи Вильмена ⁴⁾). И это мнѣ очень полезно: мы забыли XVIII вѣкъ; тутъ онъ оживаетъ, переносимся снова въ тѣ времена Вольтера, Бюффона,—и, что ни говори, великія имена. Замѣчательно слѣдить, какъ въ началѣ своей карьеры Вольтеръ дивитъ, поражаетъ смѣлостью своихъ религіозныхъ мнѣній,—и черезъ два десятка лѣтъ Гольбахъ, Дидро; онъ отсталъ, матеріализмъ распахнулся во всей силѣ. «Le patriarche ne veut pas se départir de son rémunérateur vengeur; il raisonne *là* dessus comme un enfant» ⁵⁾), пишетъ Гриммъ,—а также смѣло и дерзко выказываетъ свою голову и попираетъ ногами нравственность. Тутъ видишь das Werden ⁶⁾ 93 года. Дидро импровизируетъ:

Et mes mains ourdiraient les entrailles du prêtre
A défaut d'un cordon pour étrangler les rois ⁷⁾).

¹⁾ Нѣтъ это не пустыя грезы!

²⁾ См. № 345.

³⁾ См. № 352.

⁴⁾ Абель-Франсуа, извѣстный французскій писатель и государственный дѣятель.

⁵⁾ «Патріархъ не хочетъ отказываться отъ своего награждающаго мстителя; онъ разсуждаетъ объ этомъ, какъ ребенокъ».

⁶⁾ Будущее, «становленіе».

⁷⁾ И мои руки свили бы (веревку) изъ внутренностей попа, если бы не оказалось шнурка, чтобы задушить королей.

При всемъ томъ, эта ступень развитія чрезвычайно важна и сдѣлала существенную пользу. Ошибка ихъ состояла въ томъ, что они поняли генезисъ духа во временномъ, конечномъ, приняли его за произведеніе матеріи, за матерію. Генезисъ отчасти вѣренъ у нихъ; даже если бы нѣсколько шаговъ они пробились дальше, то они сами поняли бы, что они со словомъ «матерія» сопрягаютъ еще что-то обладающее ею, призывающее ее къ жизни, что-то вѣчное, безконечное, имѣющее цѣлью проявленіе и пр. атрибуты, не идущіе страдательной матеріи. Такъ, какъ Спиноза былъ истиненъ на той точкѣ, на которой стоялъ, и эта точка была необходимой степенью, такъ и ихъ. Что касается до атеизма, онъ послѣдовательнѣе, нежели робкій деизмъ Вольтера и Руссо. Впрочемъ, Руссо случайно наткнулся на истинный путь богопознанія, т. е. развитія духа своего до созерцанія Бога. Этотъ ихъ творецъ, геометръ *des jenseits* ¹⁾, не участвующій, праздный, котораго мы не можемъ знать и передъ которымъ благоговѣемъ, не удовлетворитъ ни горечи придыханія религіознаго ума, ни строгости логическаго. Отрицаніе Бога было шагомъ къ истинному разумѣнію его; отрицаніе его, какъ Іеговы, какъ Юпитера, какъ чуждаго земли, судящаго гдѣ-то, совлекало съ него послѣднюю конечность, приданную религіозными представленіями, и послѣднюю абстракцію философіи. Для нихъ, съ точки зрѣнія анализа и *raison naturelle*, Богъ только существовалъ, какъ природа, какъ вселенная, какъ вѣчный міръ, о которомъ Плиній говоритъ: *Æternus, immensus, totus in toto, immo vero ipse totum, тотальность дѣятельности замкнутой idemque rerum naturae opus et rerum ipsa natura* ²⁾. Надобно оставить перебродить эту матерію творца и творенія вмѣстѣ, и она должна сама выработаться изъ лукреціевской тенденціи въ направленіи современной духовной философіи. Это движеніе сильнѣе разума, это его феноменологія. Но уже послѣ Гольбаховъ, Дидро et С-ніе невозможно чувственно-католическое представленіе, вдохновлявшее глубокіе умы гораздо выше материализма, потому что они умѣли оторваться (безсознательно) отъ буквы и переноситься въ сферы абсолютной спекуляціи,—но служившее идолопоклонствомъ массъ. Что за огромное зданіе воздвигнула философія XVIII вѣка, у одной двери котораго блестящій, язвительный Вольтеръ, какъ переходъ отъ двора Людовика XIV къ царству разума, и у другой—мрачный Руссо, полубезумный, наконецъ, но полный любви, и остроты котораго не выражали ни

¹⁾ «Потусторонность».

²⁾ Вѣчный, безмѣрный, весь во всемъ и даже самъ—все и производительность природы вещей, и сама природа вещей.

остроумія рѣзкаго, ни родства съ grand siècle, а предсказывали остроты de la Montagne ¹⁾, С. Жюста и Робеспьера. Вольтеръ съ омерзениемъ прочелъ въ Эмилѣ: «И если сынъ короля полюбитъ истинно дочь палача, отецъ не долженъ ему препятствоватьъ». Вотъ réhabilitation de l'homme чисто демократическая. Масса читала не такъ, какъ Вольтеръ. Шутки, полуслова дѣйствуютъ, но гордый языкъ лицомъ къ лицу съ властью долженъ былъ поразить у Руссо. Мы привыкли.

И всѣ дѣятели того вѣка были люди жизни въ Англіи и во Франціи: Монтескье, Бюффонъ и пр. Германія выдвинула потомъ свою мысль, свое искусство—обширное и великое, но выращенное въ кабинетѣ. Біографіи германскихъ читать нельзя. Первый чело-вѣкъ у нихъ Шиллеръ, да развѣ Лессингъ еще. Чему же дивиться, что Фридрихъ II, чело-вѣкъ практической, не могъ сродниться съ своимъ отечественнымъ направлениемъ. Для того, чтобы симпатизировать съ нимъ, надобно было показать ему всю мощь свою (Гете, Гегель).

15 апрѣля.—2-го вышелъ указъ, позволяющій помѣщикамъ дѣлать условія съ крестьянами, которые остаются при землѣ, но уже дѣлаются въ среднемъ положеніи между крѣпостнымъ и помѣщичьимъ, подъ названіемъ обязанныхъ. Причина, сказано, чтобъ земли не выходили изъ дворянскихъ родовъ; но есть ли это ограниченіе права отпуска въ свободные хлѣбопашцы, ясно не видать. Силы обязательной указъ не имѣетъ, это—предложеніе тѣмъ, кто хочетъ. Побудительной причины хотѣтъ не предвидится. Состояніе крестьянъ мнимо улучшится. Это ex-attachés à la glèbe ²⁾ среднихъ вѣковъ, la gent corvéable et taillable ³⁾. Замѣчателенъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, объявляющій, что въ этомъ указѣ (который давно былъ ожидаемъ) ничего новаго нѣтъ, что онъ относится къ желающимъ и чтобъ не смѣли *подразумѣвать* иной смыслъ, *мнимое* освобожденіе крестьянъ etc., etc. Ne réveillez pas le chat qui dort! ⁴⁾.

26.—Дней пять занимался статьей о «дилетантизмѣ въ наукѣ»; я доволенъ; кажется, удачно обрисована эта болѣзнь, общая нашимъ pseudo-философамъ.

Крестиль у Рейхеля ⁵⁾.

¹⁾ «Горы».

²⁾ Бывшіе прикрѣпленные къ землѣ.

³⁾ Народъ, подлежащій барщинѣ и оброку.

⁴⁾ Не будите кошку, которая спитъ!

⁵⁾ Новгородскій знакомый.

29.—Урокъ отъ Германа ¹⁾. Я поступилъ не вовсе осторожно, однако, очень извинительно; мнѣ отвѣчали письмомъ, полнымъ—если не дерзости, то желанія показать оскорбленіе и принести оскорбленіе. Мнѣ было больно. Старикъ, оказывающій мнѣ въ коротенькое знакомство учтивость и доброе расположеніе, вдругъ поставилъ въ такое странное положеніе. Я писалъ и извинился, потому что считаю неосторожность виною; другой сатисфакціи не могло быть, и полнѣе не могло. Но когда же люди перестанутъ быть китайцами, когда они не будутъ приводить въ зависимость отъ щепетильнаго самолюбія всѣ прекраснѣйшія отношенія? И какая готовность при тѣни не обиды, а подозрѣнія въ забвеніи условнаго поклоненія, которымъ взаимно люди обманываютъ другъ друга,—прервать всѣ связи, доставлявшія удовольствіе, etc. Тяжело убѣждаться, что записные эгоисты изобрѣли себѣ лучшей *esprit de conduite* ²⁾. Надобно совершенную симпатію, единство образа мыслей, много сходнаго въ прошедшемъ и тогда еще нѣсколько лѣтъ близкаго знакомства, шпіонства другъ за другомъ, чтобы дерзнуть откровенно поступать. Я проученъ этими встрѣчами, въ которыхъ за тѣнь симпатіи я простиралъ откровенно объятія и оставался въ дуракахъ. Отъ этого мнѣ тошно, грустно въ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ никого близкаго, а этихъ любезныхъ незнакомцевъ хочется ежедневно мѣнять,—они надоѣдаютъ.

Теперь еще вопросъ: что онъ сдѣлаеть, получивши мое письмо? Что скажетъ? Я съ полнымъ сознаніемъ, что не хотѣлъ оскорбить, извинился. Ложный стыдъ можетъ заставить его поддержать и послѣ того мысль, что я поступилъ дурно. Но истинное благородство требуетъ не того.

30.—Самые жесткіе, неумолимые изъ всѣхъ людей, склонные къ ненависти, преслѣдованію за это, ультра-религіозники, — изъ нихъ вѣдетъ Святой Германдадой ³⁾. Отъ того, что они — чрезвычайно внѣшнія натуры, глубина ихъ ложная: они *въ другую сторону* вышли вонъ изъ глубокой и прекрасной среды жизни, въ которой живетъ все благородное и доброе. Ихъ обуялъ формализмъ и, сверхъ всего, они поврежденные. Да, сверхъ того, они играютъ отчаянную игру въ XIX вѣкѣ.

1) ?

2) Поведеніе.

3) Союзъ въ Испаніи XV вѣка для преслѣдованія воровъ и преступниковъ.

Май мѣсяць.

4.—Странное сближеніе: читалъ на дняхъ «*Прометей*» Эсхилова и «*Двое Фоскари*» Байрона. Если сравнить грековъ съ іудеями, то удивительно, насколько греки *больше* люди: они не могли склониться ни подъ какое иго. Что за громкій, энергическій протестъ—этотъ прикованный Титанъ, пренебрегающій Зевса, ругающійся надъ нимъ, и этотъ хоръ океанидъ, вѣрный Титану даже послѣ угрозы. Сколько человѣчески прекраснаго въ молчаніи Прометея, когда его приковываютъ, и въ отказѣ Юпитеру объяснить пророчество о низверженіи его съ престола. Э. Кине воспользовался этимъ пророчествомъ и на немъ основалъ поэму, прекрасно придуманную, но плохо и слабо выполненную; въ самомъ дѣлѣ, *post facto* слова Прометея кажутся предсказаніемъ Христа. Гете представилъ *того* Прометея, Эсхилова. И эта пьеса давалась въ Афинахъ, а въ Парижѣ въ 1842 въ к. ¹⁾ депутатомъ какой-то глупецъ съ ужасомъ требовалъ закона, чтобъ отвратить на театрахъ появленіе лицъ въ платьяхъ католическаго духовенства. Народъ, побѣдившій Ксеркса, рукоплескалъ свободному и гордому голосу Титана, несмотря, что этотъ голосъ направлень противъ Зевса!

Два лица остаются глубоко впечатлѣнными въ душѣ послѣ чтенія «Фоскари»: дожъ и Марина. Въ мрачныхъ, конвульсивныхъ созданіяхъ Байрона старикъ Фоскари—святой, доблестный, спокойный и великій, а она южная по натурѣ, необузданная въ страстяхъ и сильная именно по южному. Отвѣты дожа предсѣдателю десяти и вся послѣдняя сцена удивительно хороши. Какъ относится Эсхилъ Прометей къ Каину Байрона и его Аталантъ къ дѣвамъ? Тутъ измѣрить разстояніе и различіе Греціи и XIX вѣка.

9.—Вотъ и опять девятое мая. Но уже одного изъ героевъ этого дня нѣтъ: бѣдный Астраковъ подъ сырой землей. Четыре года... да что это, много времени или мало? Кажется, все это было три недѣли, мѣсяць тому назадъ, а много прошло. Худшее, это—болѣзненное состояніе Наташи въ продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ. Вся жизнь ея до свадьбы была мученье; два года счастья и потомъ новыя мученья—физическія. Какъ же быть довольнымъ жизнію? Ея болѣзнь и преслѣдованія—двѣ черныя нити, глубоко вплетенныя въ нашу жизнь. Съ какимъ мучительнымъ чувствомъ я вижу послѣдовательное ослабленіе существа, такъ молодого лѣтами.

¹⁾ Камера.

И она много способствуетъ сама болѣзни, принимая всѣ впечатлѣнія съ чрезвычайной силой и скрывая часто дѣйствія ихъ. Хотѣлось бы скакать на югъ, на европейскую почву, — разсѣяніе, климатъ, люди помогли бы ей, — а на ногахъ цѣпь. И тутъ становится досадно, зачѣмъ, какъ на смѣхъ, есть средства и не велѣно пользоваться. Какую свѣтлую, прекрасную жизнь мы могли бы вести! Нѣтъ желанья роскоши, нѣтъ желанья знатности; симпатическій кругъ людей, умственная, артистическая дѣятельность и свобода. Давно отказался я отъ другихъ мечтаній. Но будущее грозить худшимъ.

Есть благо, котораго власть отнять не можетъ, это — воспоминанія; развѣ догадаются поить дурманомъ или наливать какой-нибудь составъ въ мозгъ. Что это за свѣтлые дни были 8 и 9 мая 1838! Тутъ-то раздается грудь, и человѣкъ безконеченъ въ своемъ блаженствѣ. Но въ этой средѣ долго нельзя удерживаться, жизнь утягиваетъ въ свою прозаическую діалектику, хочетъ непременно поставить изнанку возлѣ лицевой стороны. Будемъ нести изнанку за лицевую сторону, — и съ Богомъ въ дальнюю дорогу.

17.—Писалъ эти дни вторую статью о дилетантизмѣ. Мнѣ самому уясняется мысль, писавши. Вѣроятно, это скорѣе недостатокъ, чѣмъ достоинство.

20.—Semper idem ¹⁾). Одно чувство всплываетъ надъ всѣмъ, — тягостное и ужасное, — чувство моего положенія. Переписывался съ Денномъ о здоровьѣ жены. Деннъ, какъ и здравый смыслъ, совѣтуетъ ѣхать въ Москву, для основательнаго лѣченія подъ хорошимъ руководствомъ. И никакихъ средствъ. Ѣхать на недѣлю, на двѣ одной Н. врядъ будетъ ли полезно; надолго она меня не хочетъ оставить. Рѣчь идетъ о жизни человѣка; двоихъ дѣтей я уже лишился по милости гоненій. Неужели правдоподобно это? Повѣрятъ ли счастливыя страны въ возможность такихъ насилій? Черезъ сто лѣтъ здѣсь не повѣрятъ. И между тѣмъ это истина: я долженъ быть нѣмымъ зрителемъ, какъ слабѣетъ, разрушается, быть можетъ, это прекрасное существо, и не могу употребить такого простаго средства, какъ ѣхать лѣчиться въ Москву, а ужъ что и думать о чужихъ краяхъ.

Да гдѣ же вина? Чтò сдѣлано мною?

Когда человѣкъ въ 30 лѣтъ смотритъ впередъ, какъ я, и видитъ туманъ и мракъ, то онъ долженъ благословить судьбу, если она дала ему характеръ настолько свѣтлый, настолько независимый, что онъ не предается отчаянію. Начать новую жизнь поздно,

¹⁾ Все то же.

продолжать старую невозможно. Великій искусъ: надобно обречься на совершеннѣйшую ничтожность. Тогда, быть можетъ, оставятъ въ покоѣ.

Это моя великая надежда, ею я живу. У насъ ни въ чемъ нѣтъ многолѣтней послѣдовательности. Перестанутъ, наконецъ, гнать. И настанутъ годы спокойной пустоты, тупой боли и пассивной бездѣтельности.

23.—Какъ невыносимо грустно и тягостно жить подчасъ. Книга выпадаетъ изъ рукъ, перо тоже. Хочется жить, дѣятельно-сти, движенія, и одно... одно нѣмое, тупое, глупое положеніе со-сланнаго въ пустой городишко. Подчасъ я изнемогаю. Стыдно дѣ-лается потомъ, но что же дѣлать,—я человѣкъ, не плутарховскій герой, не лицо изъ житія святыхъ. Больно, унизительно, оскорби-тельно и существенно убійственно, если взять въ расчетъ время. И умереть, быть можетъ, въ этомъ положеніи... Фи!

Іюнь мѣсяць.

10.—Сегодня уѣхалъ Огаревъ послѣ 11 дней. Прекрасно про-веденные дни, дни жизни, т. е. когда человѣкъ живетъ въ настоя-щемъ, хотя не со всѣхъ сторонъ свѣтло; но мы давно не встрѣ-чались такъ спокойны и веселы. Онъ намѣренъ разойтись съ нею ¹⁾. Дай Богъ, но врядъ найдетъ ли достаточно силы. Она хитростью, притворствомъ можетъ еще овладѣть его тихой и благородной ду-шой. Можетъ, еще и настанутъ свѣтлые дни со стороны частной жизни. ²

Онъ говорилъ и о другихъ надеждахъ, но я такъ отвыкъ отъ нихъ, что едва сердце бьется при словахъ; удивленіе, похожее на то, когда бы мы увидѣли усопшаго намъ близкаго,—а вѣры нѣтъ.

Итакъ, онъ въ Римъ, Парижъ, а я—все здѣсь и съ цѣпью на ногахъ. Писалъ къ Дуб.; 1 іюля серебряная свадьба. Я чувствую пси-хическую необходимость ѣхать въ большой городъ; надобны люди, я вяну, во мнѣ бродитъ какая-то не употребленная масса возможно-стей, которая, не находя истока, поднимаетъ со дна души всякую дрянь, мелочи, нечистыя страсти.

Если-бъ можно было уловить и рассказать все, что просколь-заетъ въ иную минуту бездѣйствія,—какъ бы гадокъ, развратень показался человѣкъ.

¹⁾ Марія Львовна.

Мнѣ одиночество въ кругу звѣрей вредно. Моя натура по превосходству соціабельная. Я назначенъ, собственно, для трибуны; форума, такъ, какъ рыба для воды. Тихій уголокъ, подный гармоніи и счастья семейной жизни, не наполняетъ всего, и именно въ не наполненной долѣ души, за неимѣніемъ другого, бродить цѣлый міръ. бесплодно и какъ-то судорожно. ³

11. — Онъ привезъ «Мертвыя души» Гоголя, — удивительная книга, горькій упрекъ современной Руси, но не безнадежный. Тамъ, гдѣ взглядъ можетъ проникнуть сквозь туманъ нечистыхъ, навозныхъ испареній, тамъ онъ видитъ удалую, полную силы національность. Портреты его удивительно хороши, жизнь сохранена во всей полнотѣ; не типы отвлеченные, а добрые люди, которыхъ каждый изъ насъ видѣлъ сто разъ. Грустно въ мірѣ Чичикова, такъ, какъ грустно намъ въ самомъ дѣлѣ; и тамъ, и тутъ одно утѣшеніе въ вѣрѣ и упованіи на будущее. Но вѣру эту отрицать нельзя, и она не просто романтическое упованіе *ins Blaue* ¹⁾, а имѣетъ реалистическую основу: кровь какъ-то хорошо обращается у русскаго въ груди. Я часто смотрю изъ окна на бурлаковъ, особенно въ праздничный день, когда, подгулявши, съ бубнами и пѣснями они ѣдутъ на лодкѣ, крикъ, свистъ, шумъ. Нѣмцу во снѣ не пригрезится такого гулянья; и потомъ въ бурю — какая дерзость, смѣлость, — летитъ себѣ, а что будетъ, то будетъ. Взглянулъ бы на тебя, дитя, — юношею, но мнѣ не дожидаться, благословляю же тебя, хоть изъ могилы. Но все это ни одной іотой не уменьшаетъ горечь жизни. Сверхъ всего повтореннаго много разъ, отдѣльность, несимпатія со всѣхъ сторонъ тягостна. Барству, чиновничеству мы не хотимъ протянуть руки, да и они на нашего брата смотрятъ, какъ на безумнаго, а православный народъ, которому, для котораго, за который всякій благородный человѣкъ готовъ, Богъ знаетъ, что сдѣлать, если не въ открытой войнѣ, въ которой онъ насъ опутываетъ сѣтью мошенничества, то онъ молчитъ и не довѣряетъ, нисколько не довѣряетъ, — я это испытываю очень часто; когда онъ видитъ простой расчетъ, дѣло другое, но когда не изъ расчета, а просто изъ доброжелательства что-нибудь сдѣлать, онъ качаетъ головой и боится быть обманутымъ.

12. — Не у всѣхъ страсти тухнуть съ лѣтами, съ обстоятельствами; есть организациі, у которыхъ съ лѣтами и страсти окрѣпаютъ и принимаютъ какой-то странный характеръ прочности. Вообще человѣкъ долженъ быть очень остороженъ, радуясь, что онъ миновалъ бурный періодъ, — онъ можетъ возвратиться къ нему во-

¹⁾ На небеса.

все, неожиданно. И тутъ рѣшается споръ: разумъ или сердце возьметъ верхъ. Выше, свободнѣе, нравственнѣе, когда разумъ; но въ самомъ огнѣ увлеченія есть прелесть, живешь вдесятеро... А послѣ—раскаяніе, упреки.

Я всегда проповѣдывалъ противъ *Naturgewalt* ¹⁾; но гуманность моя идетъ до того, что я прощаю ей, если только въ силу этой *N—lt* не отрекается человѣкъ самъ отъ всего человѣческаго. Это рѣдко и бываетъ, почти только при помѣшательствѣ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, ибо сама страсть влечетъ къ чему-нибудь человѣческому, хотя часто и не лучшимъ путемъ; наслажденіе, напримеръ, есть по превосходству право живущаго etc., etc. Все это рѣшительно недоступно піэтистамъ. Вообще въ піэтизмѣ нѣтъ ничего гуманнаго, несмотря на то, что христіанство по превосходству гуманно. Они, заморившіе въ себѣ все, называемое ими «земное», не имѣютъ никакой снисходительности; они жестки, даже свирѣпы. Любви въ нихъ нѣтъ: ихъ любовь подлажена *ein Sollen* ²⁾, по приказу. Нашъ братъ—просто человѣкъ, напротивъ: чѣмъ шире раздается его кругъ, тѣмъ больше отпускаетъ, да и то подчасъ кажется ненужнымъ, потому что и отпускать нечего (кромѣ уголовныхъ дѣлъ и то не всѣхъ).

16.—Продолжаю. Тотъ, кто нашелъ въ себѣ силу хранительную и побѣдилъ распахнувшуюся страсть, не будетъ жестокъ въ осужденіи ближняго, не выдержавшаго напора, увлекшагося, оттого, что онъ помнитъ, чего ему стоила побѣда, какъ онъ, изнеможенный, сломанный, вышелъ изъ борьбы. Жестоки легко побѣждающіе, т. е. такіе, къ которымъ страсти едва притрогиваются, узкія натуры, эгоисты и абстрактно добродѣтельные люди. Но вотъ еще вопросъ, сюда же относящійся. Безспорно всякая побѣда есть освобожденіе отъ внѣшняго, но не приходится ли людямъ часто бороться съ фантомами, ими придуманными? Чтобъ привести совершенно очевидный примѣръ, я не могу приписать достоинство особенно замѣчательное глупому человѣку, отказывающемуся при желаніи ѣсть отъ скоромной пищи въ постный день; борьба нелѣпа,—развѣ для упражненія себя въ самообузданіи? Оттого человѣкъ кажется рабомъ страстей болѣе, нежели онъ есть, что его не выпускаютъ изъ смѣшного рабства *suī generis* ³⁾ предразсудки, напр., монашескіе обѣты. Примѣръ передъ глазами. О. ⁴⁾ понимаетъ ясно,

¹⁾ Гнетъ природы.

²⁾ Долгъ.

³⁾ Своего рода.

⁴⁾ Огаревъ.

когда бракъ есть что-нибудь и когда онъ дѣлается нелѣпой формой, взаимнымъ рабствомъ, отвратительнымъ соединеніемъ гетерогеннаго; такой бракъ *in facto* уже распался, если нѣтъ дѣтей; онъ—безслѣдно прошедшее. *Онъ* именно въ этомъ случаѣ, а не смѣть разойтись. Бойтся общественнаго мнѣнія, говоритъ онъ; но тутъ есть и другая боязнь—отъ совѣсти timogée ¹⁾).

17.—Вчера гонецъ изъ Петерб. отъ Огарева. Дуб. не находитъ возможнымъ дѣлать представл., находя бесполезнымъ, ибо по всѣмъ прочимъ обо мнѣ гос. отказалъ (вѣроятно ли??!) и предлагаетъ послѣднее средство: писать Нат. къ императрицѣ и притомъ съ тѣмъ же нарочнымъ. Прислали черновую. Нат. переписала, подписала и отправили. Просьбу беретса доставить Соллогубъ ²⁾, много хлопотавшій въ этомъ. И все вмѣстѣ оскорбительно до невѣроятной степени; достоинство моей человѣческой личности, а вмѣстѣ и всѣхъ личностей замято въ грязь этимъ безправіемъ. ⁴

20.—Чудеса! письмо отъ Дуб., и вновь отказъ. Для чего же просьба? Невѣроятно, невѣроятно! Неужели рѣшиться на совершенную утрату жизни? Какъ ужасно искупается душа, осмѣливающаяся становиться выше толпы! Черезъ четыре дня будетъ 8 лѣтъ... Тутъ нѣтъ словъ. Лишь бы не надломилась плечи подъ тяжестью креста. ⁵

Проѣзжалъ Фроловъ ³⁾ съ больной сестрой вчера. Мнѣ благотворны всѣ эти проѣзды, я смываю провинціализмъ ими, набираю силы. Оттого я и хочу переѣхать въ Тверь, чтобъ быть опять на большой дорогѣ. ⁶

27.—Двѣ замѣчательныя случайности, нѣсколько противорѣчащія сказанному за двѣ страницы о простомъ народѣ. Мнѣ нужны были деньги; одинъ изъ здѣшнихъ купцовъ самъ мнѣ привезъ, даль безъ расписки и ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ (и не взялъ) процентовъ. Казалось, что онъ радъ былъ, что могъ меня одолжить. *Og donc* ⁴⁾, я никогда положительно ничего для него не сдѣлалъ, а такъ какъ я теперь отставной, то, вѣроятно, и не могу впередъ ничего сдѣлать. Они оцѣнили разницу между мною и прочими чиновниками—и за это спасибо. Второе. Буфетчикъ здѣшней гостиницы совѣщался со мною насчетъ своего сына: онъ третій годъ въ гимназіи. «Да ужъ мнѣ бы хотѣлось его послѣ въ университетъ, чтобъ былъ человѣкомъ». Мальчикъ приходилъ ко мнѣ,—живой. Я ему далъ книгу и подстрекнулъ заниматься. Совѣтую итти по медицинскому факультету. Отецъ—чей-то вольноотпущенный.

¹⁾ Трусливой.

²⁾ Графъ Владиміръ Александровичъ, писатель.

³⁾ Николай Григорьевичъ, другъ Грановскаго.

⁴⁾ Между тѣмъ.

In potentia ¹⁾ много въ русской душѣ. Недавно еще рассказывалъ инженеръ о боровицкихъ лоцманахъ; что за удалы! что за безконечный stimulus ²⁾, который развертываетъ въ нихъ эту потребность пѣсенъ, вина и удали!..

28.—Вчера, поздно вечеромъ или, вѣрнѣе, ночью, сидѣлъ я у окна съ Н.; было тепло и чрезвычайно хорошо. Тишина мертвая. Волховъ сверкалъ; тихо и гладко текъ онъ, ни листокъ не шелохнется; весла шумѣли, правильно, ритмомъ раздѣляя время; на другомъ берегу пѣлъ мужикъ какую-то безконечную пѣсню,—мы слушали его съ восторгомъ, какъ дай Богъ, чтобъ слушали Росси и Пасту. Время шло, а онъ пѣлъ да пѣлъ... грустно, уныло. Что составляетъ его пѣть? Вѣдь, это духъ, вырывающійся на волю изъ душевной прозаической сферы пролетаріата; этой пѣсню онъ безсознательно входитъ въ царство божіе, въ міръ безконечнаго, изящнаго. Духъ, выработавшійся до человѣчности, звучитъ такъ, какъ цвѣтокъ благоухаетъ, но звучитъ и для себя; за трепетомъ жизни, за неопредѣленной радостью бытія животнаго слѣдуетъ экспансивность человѣка, онъ наполняетъ своею пѣсню окружающее единство его съ другими и удовлетворяетъ свою жажду. Если глубоко всмотрѣться въ жизнь, конечно, высшее благо есть само существованіе,—какія бы внѣшнія обстановки ни были. Когда это поймутъ, поймутъ что въ мірѣ нѣтъ ничего глупѣе, какъ пренебрегать настоящимъ въ пользу грядущаго. Настоящее есть реальная сфера бытія. Каждую минуту, каждое наслажденіе должно ловить; душа непрерывно должна быть раскрыта, наполняться, всасывать все окружающее и разливать въ него свое. Цѣль жизни—жизнь. Жизнь въ этой формѣ, въ томъ развитіи, въ которомъ поставлено существо, т. е. цѣль человѣка—жизнь человѣческая. Читаю Лукреція: «De rerum naturæ» ³⁾. Какой взрослый и во многихъ отношеніяхъ здоровый взглядъ. (Разумѣется, надобно простить метафизическія ошибки, физическія etc.). Да, древній міръ умѣлъ лучше даже нашего любить и цѣнить космосъ, великое все, природу.

Іюль мѣсяць.

1.—Вчера была ужасная гроза, и громъ ударилъ въ церковь, шаговъ сто отъ нашего сада. Мы сидѣли на террасѣ, ударъ былъ оглушительнень. Стало какъ-то неловко и страшно. Ну, если убьетъ меня, насъ!?

¹⁾ Въ потенціальномъ видѣ.

²⁾ Возбудитель.

³⁾ «О природѣ вещей».

Гроза миновала, но мнѣ было грустно. Гдѣ время вѣры въ будущее, въ жизнь, въ ея необходимость, въ храненіе ея, въ ея важную связь съ всемірнымъ, съ всеобщимъ, съ человѣчествомъ? Knábengedanken! ¹⁾ Когда тонулъ досчаникъ на Волгѣ, я твердо смотрѣлъ на опасность, я вѣрилъ въ индивидуальность. И теперь думаю, что естественная смерть не придетъ, пока человѣкъ имѣеть что-нибудь выразить. Но случай внѣшній ударить, и никому, ничему и дѣла нѣтъ.

6.—«Скажи, фонтанъ Бахчисарая,
Таковъ ли былъ я, расцвѣтая?»

Я съ страннымъ чувствомъ обращаюсь иногда назадъ, далеко назадъ, къ ребячеству. Какъ богато хотѣла развернуться душа, и что же вышло? какое-то неудачное существованіе, переломленное при первомъ шагѣ. Но гдѣ же внутренняя сила, если внѣшнее могло ее сломить? Стало, и безъ внѣшняго не много бы вышло. А между тѣмъ, какъ всегда, грудь была полна чувствъ, голова—мыслей. Зачѣмъ? или что препятствуетъ ихъ проявленію?

9.—Письмо отъ графа Бенкендорфа къ моей женѣ извѣщаетъ о разрѣшеніи ѣхать въ Москву съ тѣмъ, чтобъ я не приѣзжалъ въ Петербургъ. Все сдѣлано графомъ Віельгорскимъ ²⁾. Не даромъ онъ магнетически какъ-то понравился мнѣ при первой встрѣчѣ; и графъ Соллогубъ много хлопоталъ. Оно не все, но лучше; я не ждалъ. Ровно 8 лѣтъ взятію Огарева—9 іюля 1834. Въ Москвѣ будутъ и неприятности, но не такъ заглохнешь. И опять фатумъ, фатумъ! ⁷

Москва.

25 іюля. Двѣнадцать дней, какъ мы оставили Новгородъ. Но встрѣча съ Москвой не была вполне радостна; изъ близкихъ людей почти никого нѣтъ. Отца я засталъ въ разрушающемся состояніи; онъ сталъ впадать въ какую-то старческую апатію, занимается исключительно мелочами и пр., а потомъ онъ страдаетъ неизлѣчимою болѣзнью, и вся обстановка становится lugubre ³⁾. И самое положеніе не лишено неприятности: предписано имѣть надзоръ... Опять шпионы окружаютъ, опять sur le qui vive ⁴⁾. Два-три человѣка и средства заниматься испускаютъ, съ другой стороны.

¹⁾ Ребяческія мысли.

²⁾ Михаилъ Юрьевичъ.

³⁾ Тягостно-мрачная.

⁴⁾ На-сторожѣ.

29.—Ничего не дѣлаю, а внутри сдѣлалось и дѣлается много. Я увлекался, не могъ остановиться—и послѣ ахнулъ. Но въ самомъ раскаяніи есть что-то, защищающее меня передо мною. Не тѣ ли единственно удерживаются, которые не имѣютъ сильныхъ увлеченій? И почему мое увлеченіе было полно упоенія, безумнаго *bien être* ¹⁾, на которое обращаясь, я не могу его проклясть? Подлѣ не фактъ, подлѣ обманъ, оскорбленіе; обиды нѣтъ. Это я понимаю до ясности. Ригоризмъ не можетъ дать абсолюціи ²⁾, да я и самъ далекъ отъ того, чтобы дать ее себѣ, но человѣчественный судъ долженъ молчать, снисходить, реабилитировать. Въ этомъ великое призваніе нашего вѣка. Пусть положительное законодательство назначаетъ плети и цѣпи; мы не будемъ съ нимъ за одно, мы должны съ иной точки взглянуть на паденіе, на искушеніе. Христосъ не бросилъ камня. ⁸

Много толковалъ о подобныхъ предметахъ съ Боткинымъ ³⁾. Да, люди (т. е. разившіеся до современности) не хотятъ, чтобы что-нибудь впередъ шло безъ сознательныхъ уступокъ мнѣнію, положительному законодательству, преданію etc. Все хотятъ провести сквозь горнило сознанія; съ этимъ вмѣстѣ дѣтскія вѣрованія, готовые понятія о добрѣ и злѣ уничтожаются. Человѣкъ ищетъ полной свободы не для своеволія, а для разумно-нравственнаго бытія. Много теперь сковываетъ людей, подобно, какъ соблюденіе постовъ. Оскоромившагося угрызала совѣсть, онъ мучился проглоченнымъ кускомъ. Зачѣмъ? Затѣмъ, что преступилъ вышнее велѣніе и пр.

Былъ у Чаадаева. Подробности о смерти Мих. Оед. ⁴⁾. Онъ умеръ спокойно, величаво. Все путное въ Москвѣ показало участіе къ больному, даже незнакомые: оцѣнили, поняли, благословили въ путь. Толпа народу была на отпѣваніи и проводила его. Витали ⁵⁾ дѣлаетъ бюстъ. Послѣ его смерти полиція опечатаала бумаги и отослала въ Петербургъ.

Толки о «Мертвыхъ душахъ». Славянофилы и антиславянисты раздѣлились на партіи. Славянофилы № 1 говорятъ, что это—апоѳеозъ Руси, «Иліада» наша, и хвалятъ, слѣд.; другіе бѣсятъ, говорятъ, что тутъ анаѳема Руси, и за то ругаютъ. Обратнo тоже раздвоились антиславянисты. Велико достоинство художественнаго произведенія, когда оно можетъ ускользнуть отъ всякаго односторонняго взгляда. Видѣтъ апоѳеозъ—смѣшно, видѣтъ одну анаѳему—несправедливо. Есть слова примиренія, есть предчувствія и надежды

1) Хорошее самочувствіе.

2) Absolution—отпущеніе грѣха.

3) Василій Петровичъ.

4) Орловъ.

5) Иванъ Петровичъ, извѣстный русскій скульпторъ.

будущаго, полнаго и торжественнаго, но это не мѣшаетъ настоящему отражаться во всей отвратительной дѣйствительности. Тутъ переходъ отъ Собакевичей къ Плюшкинымъ,—обдаетъ ужасъ; въ съ каждымъ шагомъ вязнете, тонете глубже, лирическое мѣсто вдругъ оживить, освѣтить и сейчасъ замѣняется опять картиной, напоминающей еще яснѣе, въ какомъ *рѣѣ* ада находимся и какъ Данте хотѣлъ бы перестать видѣть и слышать,—а смѣшныя слова *веселая* автора раздаются. «Мертвыя души»—поэма, глубоко пострадавшая. «Мертвыя души»,—это заглавіе само носить въ себѣ что-то, наводящее ужасъ. И иначе онъ не могъ назвать; не ревизскія—мертвыя души, а всѣ эти Ноздревы, Маниловы и *tutti quanti*—вотъ мертвыя души, и мы ихъ встрѣчаемъ на каждомъ шагу. Гдѣ интересы общіе, живые, въ которыхъ живутъ всѣ: вокругъ насъ дышущія мертвыя души? Не всѣ ли мы послѣ юности, такъ или иначе, ведемъ одну изъ жизней гоголевскихъ героевъ? Одинъ остается при маниловской тупой мечтательности, другой буйствуетъ à la Nosdreff, третій—Плюшкинъ и пр. Одинъ дѣятельный человѣкъ—Чичиковъ, и тотъ ограниченный плутъ. Зачѣмъ онъ не встрѣтилъ нравственнаго помѣщика *добросерда, стародума*... Да откуда попался бы въ этотъ омутъ человѣкъ столько аномальный, и какъ онъ могъ бы быть типомъ? Пушкинъ въ «Онѣгинѣ» представилъ отрадное человѣческое явленіе во Владимірѣ Ленскомъ да и разстрѣлялъ его, и за дѣло. Что ему оставалось еще, какъ ни умереть, чтобы остаться благороднымъ, прекраснымъ явленіемъ? Черезъ десять лѣтъ онъ отучнѣлъ бы, сталь бы умнѣе, но все былъ бы Маниловъ. Да и въ самой жизни у насъ такъ. Все выходящее изъ обыкновеннаго порядка гибнетъ: Пушкинъ, Лермонтовъ впереди, а потомъ отъ А до Z многое множество, оттого что они не дома въ мірѣ мертвыхъ душъ.

Со славянофилами столько же мало можно говорить, и они такъ же нелѣпы и вредны, какъ піетисты. Рѣшительно нѣтъ мѣста рѣчи и слову. Религіозные люди, напр., часто прибѣгаютъ къ уловкѣ: «да, по разуму-то такъ, да разумъ-то спотыкается». Такъ и славянофилы: «да, все это по-европейски такъ, а по-нашему нѣтъ». Вредны они до чрезвычайности. Причина очевидна. Marmier ¹⁾ въ Москвѣ. Они принялись, было, его образовывать въ славянофильство, предложили ему изслѣдовать все превосходство православія надъ католицизмомъ (Marmier, вѣроятно, послѣ школы впервые услышалъ о важномъ преніи). Затаскали его до того, что ему, на-

¹⁾ Ксавье Мармье, французскій путешественникъ, выпустившій въ 1843 г. «Lettres sur la Russie, la Finlande et la Pologne».

конецъ, опротивѣли монахи, похвалы древняго быта и т. п. Православіе—ихъ знамя.

Въ Польшѣ молодые гегелисты отрекаются торжественно отъ всякой положительной религіи, сопряженной съ формализмомъ ритуаловъ etc.

Августъ мѣсяцъ.

2.—Вчера былъ въ Перовѣ. Первый разъ посѣтилъ тѣ мѣста, гдѣ 8 мая 1838 встрѣтился съ Natalie и откуда мы поѣхали во Владиміръ. Съ той встрѣчи мы не разлучались, и четыре года съ половиной,—лучшую безъ малѣйшей тѣни сторону моего бытія,—оставило это непрерывное присутствіе существа благороднаго, высокаго и поэтическаго. Мало-по-малу все окружавшее меня сошло съ пьедесталовъ, на которые его подняло юношество и увлеченія, но она осталась на своемъ, поднялась еще выше. Мы сидѣли въ той самой комнаткѣ, гдѣ ждали коляску, и я чувствовалъ себя хорошо. Нѣтъ, отдѣльные факты паденія несостоятельны противъ истиннаго чувства: одно—мимолетное состояніе души, другое—Grundton ¹⁾ ея.

Дома печально. Состояніе отца ужасно. Къ существенной болѣзни у него, всегда мнительнаго, присоединяется раздраженное воображеніе о ея важности. Онъ мучитъ себя, самъ мѣшаетъ всѣмъ пособіямъ и проводитъ дни въ какомъ-то страшномъ состояніи abattement ²⁾. Морально онъ никогда такъ не падалъ. Онъ началъ на все смотрѣть съ какимъ-то полнѣйшимъ равнодушіемъ и заниматься только своей болѣзью и мелочами. Можно ли желать, если его болѣзнь неизлѣчима, продолженія такихъ страданій? Хотя большая часть ихъ воображаемая, но отъ этого не легче ему.

Статья о дилетантизмѣ нравится и очень нравится, повѣсть—нѣтъ ³⁾. Повѣсть—не мой удѣлъ, это я знаю и долженъ отказаться отъ повѣстей. Мнѣ трудно писать повѣсти; сцены (какъ Трензинскій въ «Отеч. Зап.») выйдутъ хороши, но цѣлое, но все не имѣетъ выдержанности. Въ такихъ статьяхъ, какъ дил., я дома и пишу ихъ съ увлеченіемъ и свободой.

13.—Наказаніе идетъ рядомъ съ проступкомъ; оно есть одно изъ естественныхъ послѣдствій, а у кого душа такъ свихнута, что проступокъ не развивается въ наказаніе, для него положительное.

¹⁾ Основной тонъ.

²⁾ Упадокъ духа.

³⁾ Былъ начать романъ «Кто виноватъ?»

законодательство имѣетъ тюрьмы, штрафы etc., etc. Страшный судъ переѣхалъ вмѣстѣ со всѣмъ заприроднымъ на землю, онъ—наше царство небесное внутри человѣка. Какія минуты ужаснѣйшихъ страданій я перенесъ нѣкогда за М. ¹⁾, какія угрызения, униженія за послѣднюю глупость, а она—глупость, увлеченіе мгновенное, а между тѣмъ я страдаю.

Съ жадностью пробѣжалъ я «Hogase» G. Sand,—великое произведеніе, вполне художественное и глубокое по значенію. Горась—лицо, чисто современное намъ, жертва вѣка больше, нежели организациі. Онъ всегда былъ бы ниже сильныхъ страстей, глубокихъ и непреходящихъ убѣжденій, всегда былъ бы мелокъ и эгоистъ. Но переходное время боренія двухъ міровъ, растравившее всѣ раны, провозгласившее всѣ права личности, указавши безконечную мощь и власть, и дало эгоизму несравненно блистательнѣйшую арену и притомъ романическую. А потомъ скептическое состояніе умовъ, особенно во Франціи, развило еще болѣе жажду сильныхъ потрясеній за дешевую цѣну. Таковъ Горась. Онъ не можетъ выйти изъ себя, онъ не способенъ къ сильной страсти, потому что не способенъ жить для другого, въ другомъ; онъ натягиваетъ въ себѣ страсть для того, чтобъ упиться одуряющимъ, огненнымъ сокомъ ея, а между тѣмъ она не даетъ ему жданнаго блаженства, потому что il y a du louche là dedans ²⁾. Эгоизмъ, одинъ онъ истиненъ. Кто его обвинить за увлеченіе Марты? Даже ревность, если-бы она выражалась не такъ грубо, не такъ гадко, нашла бы отпущеніе. Нѣтъ, не тутъ, ни даже въ своей ничтожности, въ мелочахъ, въ придирикахъ къ ней, въ охлажденіи, во всей красѣ онъ является гигантомъ эгоизма, узнавши о беременноти. Я дивлюсь всему снисхожденію Ла-Ревиньера.

А между тѣмъ многіе ли, сойдя въ глубину души, не найдутъ въ себѣ много горасовскаго? Хвастовство чувствами, которыхъ нѣтъ, страданіе для народа, желаніе сильныхъ страстей, громкихъ дѣлъ и полная несостоятельность, какъ дойдетъ до дѣла. А слабость раскаиваться, просить прощенія и на другой день впадать снова въ порокъ. Это я испыталъ на себѣ. Господи, какъ себя рядить въ герои человѣкъ, сидя въ кабинетѣ, и вотъ нашъ герой втолкнуть въ жизнь: кругомъ все кипитъ, несется, страсти раздуваются, какъ паяльной трубкой, и онъ остается при своемъ удѣльномъ вѣсѣ. Горькія минуты разочарованія, но счастье тому, кто ихъ имѣлъ. Хуже всего, когда все окружающее догадается прежде самого.

15.—«Deutsche Jahrbücher» ³⁾. Имъ философія германская вы-

¹⁾ П. П. Медвѣдева.

²⁾ Чувствуется фальшь.

³⁾ Журналъ, издававшійся Арнольдомъ Руге въ Дрезденѣ.

ступаютъ изъ аудиторіи въ жизнь, становится социальна, революціонна, получаетъ плоть и, слѣд., прямое дѣйствіе въ мірѣ событій. Тутъ видны, ясны большіе шаги въ политическомъ воспитаніи, и нѣмцы дѣлаются почти свободны отъ обвиненій, обыкновенно налагаемыхъ на нихъ. Въ статьѣ, въ которой они говорятъ объ отреченіи отъ положительной религіи со всѣмъ формализмомъ ея, благородство удивительное. «А что (въ концѣ статьи) сдѣлаетъ государство? Или оно оставитъ насъ въ покоѣ и признаетъ тогда церковь за общество, сущее рядомъ и по одинаковому праву съ другимъ обществомъ. Или оно будетъ послѣдовательно характеру, взятому имъ прежде, неразрывно съ церковью, и тогда оно въ правѣ насъ гнать. Тогда насъ ждетъ ссылка. И мы пойдемъ въ нее. И для того говоримъ, чтобъ предупредить слабыхъ, чтобъ они знали, что такой шагъ можетъ влечь за собой такія послѣдствія, и остереглись бы. Сами мы не такъ думаемъ». «Кто отца или мать возлюбилъ болѣе Христа, тотъ недостойнъ быть Христовъ». Давно ли нѣмцы стали говорить этимъ языкомъ, давно ли сердце забилось у нихъ отъ такихъ реальныхъ причинъ, и не пророчить ли это многое въ будущемъ, то есть въ будущемъ близкомъ, которое мы увидимъ? *Se muove, se muove!* ¹⁾

Одна изъ статей оканчивается прямо: надобно рѣшиться и однажды навсегда: «христіанство и монархія или философія и республика!» И вотъ Германія—*lancée* ²⁾ въ эмансипацію политическую и съ своимъ характеромъ твердой мысли, глубины и притомъ квіетизма, такъ, какъ противоположны характеры Германіи и Франціи въ дѣлѣ эмансипаціи, — ясно, слѣдя, напр., «*Deutsche Jahrb.*» и «*Revue Indépendante*». Въ «*Revue*» сколько жизни, огня, словъ такихъ, которыя сейчасъ соберутъ кружки на бульварахъ, и притомъ какая плоскость пониманія истинъ, независимо отъ современныхъ интересовъ. Философски-политическія статьи просто смѣшны; Фр. двумя вѣками отстала въ спекуляціи отъ нѣмцевъ, такъ, какъ нѣмцы—пятью отъ французовъ въ приложеніи идеи права къ дѣйствительности.

21.—Безслѣдно не можетъ пролетѣть испытаніе, на которое тратилось души много, при которомъ были страданія и упоеніе, какъ бы, впрочемъ, для поверхностныхъ людей ничтожны сами факты ни показались.

23.—Странно и оскорбительно участіе большей части людей, даже любящихъ насъ. Человѣкъ палъ, потерялся, ищетъ выхода,

¹⁾ «Она движется, она движется!»

²⁾ Бросившаяся.

страдаетъ и въ безсиліи обращается къ людямъ, увѣреннымъ въ любви къ нему и въ его любви. Они тотчасъ оскорбляютъ его, заставляютъ его привязать себя къ позорному столбу, рассказывая подробности, самымъ ужаснымъ образомъ (сожалѣя и прощая) выскажутъ глубину паденія, которую онъ зналъ. Они не могутъ удержаться отъ суда, ибо они любили не человѣка, а свой идеаль. Потомъ начинается исторія помощи. Не спрашивая, сообразно ли, нѣтъ ли съ характеромъ, съ настоящимъ болѣзненнымъ состояніемъ человѣка, даютъ совѣты и требуютъ исполненія такъ, какъ они хотятъ. А если онъ не можетъ такъ поступить, радуются его неудачамъ, упрекаютъ ими, терзаютъ. Себя, свою гордость, тѣнь того, что люди разумѣютъ подъ честью, не компрометируютъ они для помощи; тутъ эгоизмъ развертывается съ тою же нахальностью, какъ когда у насъ просить знакомый помощи денежной. Мелкіе, мелкіе люди! А къ нимъ принадлежимъ больше или меньше и мы; говорящіе; однако, не совсѣмъ. Любовь и симпатія полная (напримѣръ, въ исторіи Ог.) окружили его какой-то атмосферой—что-то глупо выразился—*à la Selin* ¹⁾. Что онъ ни дѣлалъ, онъ не могъ выйти изъ любви и дружбы, хотя и были произносимы слова жестокія etc., etc.

29.—Мое теперешнее состояніе похоже на похмелье, какое-то усталое, лѣнивое состояніе чего-то *wüstes* ²⁾, неясная память дурачества сдѣланныхъ, на которыя тратилась энергія, энергія пьяная и глупая. Это хорошо, какъ средство смиренія, какъ *memento* слабости. А между тѣмъ я добровольно загрязнился.

Сентябрь мѣсяць.

2.—Случайно попалась на глаза «*Manon Lescaut*» ³⁾. Когда-то я читалъ съ большою любовью этотъ романъ. Причина очевидна: коллизія истинная, великая и полная глубокаго интереса и паѳоса. Легкій взглядъ XVIII столѣтія не умѣлъ разглядѣть во всю ширину и бездонность ужасъ любви къ такому существу, какъ *Manon*, хотя понялъ трагическую сторону, превосходно выразившуюся въ окончаніи. Я его оправдываю. Надобно вообще дойти до высокой степени разврата, чтобъ безъ любви (какая бы она ни была), безъ

¹⁾ На манеръ Селина. Александръ Ивановичъ Селинъ—мужъ Екатерины А. Захарьиной, сестры Н. А—ны. ⁹

²⁾ Опустошенное.

³⁾ Романъ аббата Антуана Прево-д'Экзиль, изв. франц. писателя XVIII в.

увлеченія, хлѣдно и расчетливо заводитъ интриги, интриги мелкія, которыя при первомъ неудобствѣ бросаются и о которыхъ совсѣмъ не вспоминають или вспоминають такъ, какъ о вчерашнихъ котлеткахъ. Для меня этотъ систематическій развратъ отвратителенъ. Въ публичномъ домѣ человѣкъ отрѣшается отъ своего достоинства и остается чисто животнымъ, но въ расчетливой интригѣ онъ падаетъ ниже животнаго, именно потому, что животный актъ убить человѣческимъ размышленіемъ, но человѣческимъ не сдѣлался. Одного физическаго желанія мало для человѣка: онъ дѣлаетъ тотчасъ требованіе высшаго порядка—красоту. Эта нравящаяся красота должна его увлечь своимъ магнетизмомъ. Ну, какъ же повѣрить, чтобъ подъ этими изящными чертами крылся развратъ, обманъ, или, и узнавши его, какъ не повѣрить, что весь этотъ обманъ, развратъ — случайное паденіе, отклоненіе отъ истинной, благородной сущности бытія въ формѣ столь граціозной. Богатство души передаетъ свой избытокъ ей, заблудшейся, несчастной, и между тѣмъ узы скрѣпляются самымъ обладаніемъ, близостью. Есть что-то отвратительное въ томъ, чтобъ, раскрывая объятія женщины, не отдаться ей, презирать ее; въ такомъ случаѣ лучше ее не надобно, тутъ нѣтъ ни увлеченія, ни огня. Быть обманутымъ лучше. Состояніе илотизма, въ которомъ держали женщинъ, произвело тотъ ужасный развратъ, который именно гадокъ по его скрытности, по обманчивости своей. Повѣсть о Мапон будетъ всегда прекраснымъ произведеніемъ.

10. — Когда безъ всякаго внѣшняго побужденія, безъ всякой причины со дна души поднимается какая-то давящая, грусть, которая растетъ, растетъ, и вдругъ сдѣлается нѣмая, жестокая боль, и такъ станетъ ясно все дурное, трагическое нашей жизни,—готовъ бы умереть, кажется. Суэта послѣдняго времени долго заглушала этотъ голосъ; пріѣздъ въ Москву, эпизодъ о торгѣ, досада на себя и матеріальныя хлопоты не давали ему мѣста. Лишь только стало поспокойнѣе и лучше, вѣчный голосъ скорби, вопль негодованія, вопль духа, рвущагося къ формѣ жизни полной, человѣческой, свободной, снова раздался. Судьба рѣшена; половина жизни прошла въ боли и борьбѣ,—эта половина незамѣняема; вторая врядъ ли будетъ радостнѣе.

Споръ съ Чаадаевымъ о католицизмѣ и современности. При всемъ большомъ умѣ, при всей начитанности и ловкости въ изложеніи и развитіи своей мысли, онъ ужасно отсталъ. Даже мнѣ было жаль употреблять всѣ средства; въ немъ какъ-то благородно воплотилась разумная сторона католицизма. Онъ въ ней нашелъ примиреніе и отвѣтъ, и притомъ не путемъ мистика и піэтиста, а со-

ціально-политическимъ возрѣніемъ. Но, тѣмъ не менѣе, и это голосъ изъ гроба, голосъ изъ страны смерти и уничтоженія. Намъ страненъ этотъ голосъ. Истиннаго оправданія нѣтъ имъ, что они не понимаютъ живого голоса современности.

11.—Поймутъ ли, оцѣнятъ ли грядущіе люди весь ужасъ, всю трагическую сторону нашего существованія? А между тѣмъ наши страданія—почка, изъ которой разовьется ихъ счастье. Поймутъ ли они, отчего мы лѣнтяи, отчего ищемъ всякихъ наслажденій, пьемъ вино..... и пр.?.. Отчего руки не поднимаются на большой трудъ? Отчего въ минуту восторга не забываемъ тоски?.. О, пусть они останутся съ мыслью и съ грустью передъ камнями, подъ которыми мы уснемъ,—мы заслужили ихъ грусть. Была ли такая эпоха для какой-либо страны? Римъ въ послѣдніе вѣка существованія, и то нѣтъ. Тамъ были святы воспоминанія, было прошедшее; наконецъ, оскорбленный состояніемъ родины могъ успокоиться въ лонѣ юной религіи, являвшейся во всей чистотѣ и поэзіи. Насъ убиваетъ пустота и беспорядокъ въ прошедшемъ, какъ въ настоящемъ отсутствіе всякихъ общихъ интересовъ. Правы утверждающіе, что наша исторія развивается самобытно, *genus originale* ¹⁾ — надобно сознаться.

13.—Сцена, какъ выразился кто-то, есть парламентъ литературы, трибуна, пожалуй, церковь искусства и сознанія. Ею могутъ разрѣшаться живые вопросы современности, по крайней мѣрѣ, обсуживаться, а *реальность* этого обсуживанья въ дѣйствиіи чрезвычайна. Это не лекціи, не проповѣдь, а жизнь, развернутая на самомъ дѣлѣ со всѣми подробностями, съ всеобщимъ интересомъ и семейственностью, со страстями и ежедневностью. На дняхъ испыталъ я это на себѣ. Небольшая драма заставила меня думать и думать. Юноша влюбился въ дѣвицу старѣ себя. Она его любитъ, и они женились. Прошло пять лѣтъ; молодой человѣкъ влюбляется въ другую, и начинается тотъ ужасный бой, который такъ удивительно выразилъ Гёте въ «Wahlverwandschaft» ²⁾. Мужъ, человѣкъ честный, благородный; онъ понимаетъ свою обязанность относительно жены, уважаетъ ея высокія достоинства, но не любитъ ея и скрываетъ. Жена, необыкновенно благородное созданіе, любитъ мужа до безумія и все понимаетъ въ страданіяхъ. Она рѣшается умертвиться. Мужъ въ отчаяніи. Проходитъ годъ, она осталась въ живыхъ, но ее считаютъ умершею, и первый онъ убѣжденъ въ этомъ. Онъ женится на другой и встрѣчаетъ на дорогѣ свою первую жену. Женатый

¹⁾ Оригинальный родъ.

²⁾ «Die Wahlverwandschaften».

отъ живой жены! Ему кажется, что онъ сдѣлалъ что-то чудовищное. Жена (1-я) умираетъ; онъ хочетъ убить себя, но его другъ заставляетъ его жить для второй жены etc. Вотъ что тутъ ужасно: *всѣ правы*. Молодой человѣкъ откровенно поступилъ, женившись на дѣвушкѣ старше его, но это была неосторожность; въ ней заключалось адское сѣмя, изъ котораго должно, могло, по крайней мѣрѣ, вырасти то несчастье, которое выросло. Но за неосторожность развитіе жизни наказываетъ его вдесятеро противъ всякаго уголовнаго преступника. А жена — добродѣтельная, отдававшаяся ему такъ самоотверженно—и вовсе что ей дѣлать? Отойти прочь, оставить его? Да гдѣ эти герои, гиганты или лучше—эгоисты? Она и прежде могла бы *расчестъ*. Но Богъ съ ними, съ хорошими счетчиками, они не бываютъ несчастны, — но и блаженство жизни и полнота ея не для нихъ. Женщина убита, она ничего не имѣетъ внѣ мужа. Мужъ убитъ, онъ безчестенъ въ своихъ глазахъ, онъ обманщикъ въ обѣ стороны, онъ рабъ. Они влекутъ быстро другъ друга къ могилѣ; слабѣйшій падетъ прежде, второй спасенъ. Не тутъ-то было: угрызение совѣсти навѣки стало набрасывать трауръ. Этакая безвыходность! Бракъ, когда отъ него отлетитъ духъ, — позорнѣйшая и нелѣпнѣйшая цѣпь. Какъ, на какихъ условіяхъ дозволяется ее бросить? — трудный вопросъ, которому фактическое разрѣшеніе дадутъ грядущія поколѣнія, но я замѣчу вотъ что. Да неужели для человѣка только и дано въ удѣлъ, что *любитъся*, и развѣ одна любовь даетъ Grundton всей жизни? На все есть время, Зачѣмъ этотъ человѣкъ не раскрылъ свою душу общимъ, человѣческимъ интересамъ, зачѣмъ онъ не доросъ до нихъ? Зачѣмъ и женщина эта построила весь храмъ своей жизни на такомъ пѣсчаномъ грунтѣ? Какъ можно имѣть единымъ якоремъ спасенія индивидуальность чью-нибудь? Все оттого, что мы дѣти, дѣти и дѣти.

Древній міръ вовсе не зналъ той трагической стороны семейной жизни, которая развилась въ сѣни феодально-христіанскаго міра. Древній міръ былъ одностороненъ, онъ не призналъ права женщины, но мы можемъ перестать быть Вертерами и Тогенбургамъ, не впадая въ его односторонность. Какой фазисъ въ жизни занимаетъ любовь, потомъ семейство? Какой бы ни занимало, но исключительно человѣкъ не долженъ себя погружать въ одно индивидуальное чувство. У него якорь спасенія въ идеѣ, въ мірѣ общихъ интересовъ; духъ человѣка носится между этими двумя мірами. Пренебреги онъ сердцемъ индивидуальнымъ, онъ былъ бы уродъ,— обратнo тоже.

Встарь религіозные люди находили примиреніе и выходъ въ религіи, она тоже всеобща. Выходъ былъ мнимый, но врачевалъ.

22.—Высочайшее произведение русской живописи,—разумѣется, «Послѣдній день Помпеи» ¹⁾). Странно, предметъ ея переходитъ черту трагическаго,—самая борьба невозможна. Дикая, необузданная Naturgewalt, съ одной стороны, и безвыходно трагическая гибель всѣмъ предстоящимъ. Мало, воображеніе дополняетъ и видитъ ту же гибель за рамами картины. Что противъ этой силы сдѣлаеть черно-волосый Плиніи? Что христіанинъ? Почему русскаго художника вдохновилъ именно этотъ предметъ?

Наоборотъ. На фронтонѣ Исаакіевской церкви будетъ барельефъ, представляющій Исаакія Далматскаго, гордо не покоряющагося императору, бѣсящемуся и досаждующему на него. Надобно думать, что цензура не пропуститъ этого барельефа! ²⁾).

Геройство консеквентности, самоотверженіе принятія послѣдствій такъ трудно, что величайшіе люди останавливались передъ очевидными результатами своихъ принциповъ. Таковъ Гегель, развитіе юнаго гегельянизма, развитіе его началъ; но Гегель бы отрекся отъ нихъ, онъ любилъ, уважалъ *das Bestehende* ³⁾, онъ видѣлъ, что онъ не вынесетъ удара, и не хотѣлъ ударить; ему казалось, на первый случай и того довольно, что онъ дошелъ до своихъ началъ. Юное поколѣніе съ нихъ начало; шагъ впередъ былъ именно тотъ ударъ, который долженъ былъ глубоко поразить *das Bestehende*. Гегель бы отрекся отъ нихъ, но вотъ въ чемъ дѣло: они *вѣрнѣе* были бы ему, нежели онъ самъ, т. е. ему, мыслителю, отрѣшенному отъ его случайной личности, эпохи и пр. Шеллингъ — живой примѣръ, какъ можно отстать отъ собственной своей мысли, когда мыслитель остановится на половинной дорогѣ ея развитія, не имѣя, впрочемъ, силы остановить имъ же даннаго движенія. Положеніе Шеллинга истинно трагическое, какъ выразился Руге. Всякая остановка, половинность не годится, когда развитіе идетъ впередъ. Жиронда явнымъ образомъ положила голову на плаху, ставши между якобинцами и монархистами. Ежели бы королевская партія одолѣла, ихъ все бы казнили. Таково нынѣ положеніе правой стороны гегельянизма. Маргейнеке ⁴⁾ поступилъ съ доброй цѣлью для Бруно Бауера ⁵⁾ престранно: онъ хотѣлъ попасть въ *juste milieu* ⁶⁾ и попалъ между двухъ стульевъ на полъ. И прусское правительство, и юная гегельянская школа его обругали.

1) Картина Карла Павловича Брюллова.

2) Горельефъ исполненъ И. П. Витали.

3) Установившееся.

4) Филиппъ-Конрадъ, извѣстный нѣмецкій богословъ.

5) Нѣмецкій философъ гегеліанской школы.

6) Золотая середина.

Будь горячъ или холоднѣй! А главное—будь консеквентенъ, умѣй *subig* ¹⁾ истину во весь объемъ.

30.—Продолжая, вотъ еще что слѣдуетъ замѣтить. Не должно обвинять Гегеля въ хитрости, въ лицемѣрствѣ. Новое воззрѣніе такъ далеко отрѣзывало отъ прежняго, что онъ не смѣлъ себѣ *признаться* во всѣхъ слѣдствіяхъ своихъ началъ; оттого неминуемое послѣдствіе—*неясность* во многихъ практическихъ выводахъ. Онъ хотеть не истиннаго, естественнаго, само собою текущаго результата, но еще, чтобъ онъ былъ въ ладу съ существующимъ. Ему страшно было говорить такъ, какъ страшно-бъ было другимъ слушать. Юная школа могла высказать больше, для нея не шло впередъ то уваженіе къ окружающему фактическому міру, которое было у Гегеля; но не должно забывать, что не шло именно потому, что Гегель поставилъ юное поколѣніе на высокую точку, съ которой оно могло разомъ увидѣть то, что онъ вырабатывалъ и что ему открывалось, какъ видъ входящему на гору. Когда онъ взшелъ, ему не видать было больше горы, онъ испугался этого,—она слишкомъ была связана со всѣми испытаніями, судьбами, которыя онъ пережилъ. Таково всегда было развитіе во времени идеи. А потому величайшая справедливость должна быть въ приговорахъ дѣятелямъ. И Лютеръ, и Мирабо, и Платонъ были перейдены, т. е. развиты.

Критика дѣлается исполненною высокою страстности, она дѣлается религіозна, наконецъ. Самое отрицаніе, конечно,—вмѣстѣ и положеніе. Ее знаетъ свобода такъ, какъ знала философія самопознаніе; свобода, т. е. освобожденіе отъ внѣшняго, мертваго ограниченія, отъ цѣпей былого, не признаннаго за вѣчное самопознаніемъ, свобода дѣйствовать по разумѣнію, мышленію, изложеніе мысли etc.

Христіанство удивительно приготовило индивидуальность къ настоящему. Углубленіе въ себя, признаніе безконечности въ себѣ, очищенный и вмѣстѣ доведенный до высочайшей степени эгоизмъ и, слѣд., развитіе собственнаго достоинства. А съ другой стороны, мысль самопожертвованія для всеобщаго, любовь и пр. Эта борьба сама по себѣ развила все богатство духа человѣческаго. А съ другой стороны, борьба съ матеріальнымъ, временнымъ. Эта *вѣчная ложь* феодальныхъ вѣковъ, говорящихъ объ уничтоженіи страстей, о пренебреженіи землей и поступающихъ совсѣмъ иначе,—сколько должна была развить пракческаго и теоретическаго. Современность, ставящая реальнѣйшей сущностью государство (именно цар-

¹⁾ Переносить.

ство божіе на землѣ, по религиозному выраженію) разомъ уничтожаетъ ложь, ибо государство имѣетъ и свою временную сторону, и свою вѣчную, любовь и эгоизмъ, развитіе себя и отданіе себя, всеобщее въ каждомъ и каждый, втекающій, снимающійся всеобщимъ, которому царь—Разумъ. Тутъ истинное осуществленіе темно-провидѣннаго христіанствомъ и всему отзывъ etc.

Читалъ на дняхъ комедію Бомарше. Нѣтъ сомнѣнія, что «Свадьба Фигаро»—геніальное произведеніе и единственное на французской сценѣ. Въ ней все живо, трепещетъ, пышетъ огнемъ, умомъ, критикой и, слѣд., оппозиціей. Мысль его ясна въ Фигаро, хотя отъ этого само лицо не приобрѣло особенной дѣйствительности; для меня chef d'oeuvre — его Сузанна, Керубино и графиня.

Вопросъ о семейной жизни, объ отношеніяхъ брака его очень занималъ; это—главная тема почти всѣхъ комедій его. Въ «La mère coupable» ¹⁾ онъ взялся лицомъ къ лицу со своей задачей. Пьеса немного резонерствующая, писанная въ его старости, но онъ самъ говоритъ, что она для него результатъ долгихъ медитацій ²⁾ и что до нея онъ доходилъ «Севильскимъ цырульникомъ» и «Свадьбой Фигаро». Тема глубока. Графъ Альмавива, бѣсившійся нѣсколько лѣтъ отъ ревности, ненавидящій сына своего по подозрѣнію, что онъ не отъ него родился, добивается доказательствъ и между тѣмъ беретъ мѣры уничтожить имѣнье, передать и пр. Наконецъ, доказательства пришли. Онъ—сынъ Керубино. Графъ жестоко, свирѣло упрекаетъ жену. Ангельское, самоотверженное существо, павшее давно, случайно, будучи оставлена мужемъ, увлеченная безумной страстью Керубино,—она проводила время свое въ глубокомъ раскаяніи. Упреки ей приняты, какъ наказаніе, но подъ тяжестью ихъ она ломится. Человѣческое чувство побѣждаетъ въ графѣ романтизмъ ревности. Онъ проситъ прошенія у жены, отъ души обнимаетъ, признаетъ Леона, такъ, какъ его жена еще прежде признала его побочную дочь, и гармоническое счастье водворяется на мѣсто дикаго боренія страстей, которыми, быть можетъ, слишкомъ испутились невинная вина графини и легкомысліе (несравненно виновнѣйшаго) графа. Дѣйствіе пьесы хорошо, человѣчески примиряющее. Радуетесь, видя графа, выходящаго изъ заколдованнаго круга предразсудковъ и фанатизма.

Мысль реабилитаціи женщины—одна изъ любимыхъ и ярко прорѣзывается вездѣ у Бомарше рядомъ съ негодованіемъ, насмѣшкой противъ аристократіи и тогдашняго состоянія. Уже въ «Bar. de

¹⁾ «Виновная мать».

²⁾ Méditation—размышленіе.

Sév.» ¹⁾ притѣсненная Розина имѣеть всё его симпатіи, и онъ заставляеть ее сказать, когда Бартоло говоритъ, что мужъ имѣеть право читать письма жены: «Mais pourquoi lui donnerait-on la préférence d'une indignité qu'on ne fait à personne?» (Acte II. Sc. XV) ²⁾. Въ «Свадьбѣ Фигаро» женщина торжествуетъ безусловно; во-первыхъ, въ этой неуловимой, острой, милой Сузаннѣ, которая побѣдила самого Фигаро, побѣдила торжественно, потому что онъ не умѣлъ стать выше подозрѣнія, потому что и въ немъ выразилась тиранская натура мужчины; во-вторыхъ, въ графинѣ. Мужъ-волокига смѣеть, имѣеть право (и доселѣ) тѣснить жену ревностью, онъ ее мучить за взгляды, шутки, онъ ее готовъ опозорить, предать общественному поруганію за поступокъ, который онъ сейчасъ готовъ былъ совершить и который, если-бъ совершилъ, извлекъ бы улыбку у всѣхъ, кромѣ Фигаро. Эту *неправду*, эту дикую неправду и выставилъ Бомарше, и онъ, конечно, былъ изъ первыхъ, понявшихъ плотское состояніе женщины.

И всё эти бѣшенныя страсти ревности, мщенія еще казались такъ справедливо текущими изъ самыхъ естественныхъ отношеній мужа и жены. А между тѣмъ, глядя имъ въ глаза прямо и трезво, видишь, что это—все привидѣнія, не имѣющія дѣйствительности. А сколько слезъ, сколько крови пролилось во имя ихъ.

Октябрь мѣсяць.

7. — «De la Prusse par un inconnu. 1842» ³⁾. Авторъ выдается за француза. Католикъ à la mode ⁴⁾, то есть съ демократическими выходками, но книга исполнена интереса, несмотря на односторонность. Пруссія должна была, если не вся, то правительствомъ, покраснѣть до ушей. Скрытный, обманчивый, безэнергичный и тупой деспотизмъ, облеченный въ формы германо-quasi-европейскія. Какъ страшно сдѣлается на душѣ, когда видишь все бѣдное развитіе права гдѣ-нибудь въ Пруссіи; вдругъ взглянешь домой, — и Пруссія покажется раемъ земнымъ.

16.—Пересматривалъ и поправлялъ статью «Grübeln по поводу одной драмы» ⁵⁾, т. е. развитіе мысли, записанной послѣ бенефиса

¹⁾ «Севильскій цырульникъ».

²⁾ «Да почему же, наконецъ, жена должна пользоваться преимуществомъ получать оскорбленія, которыя нельзя позволить себѣ наносить другимъ».

³⁾ «О Пруссіи, сочиненіе неизвѣстнаго. 1842».

⁴⁾ По современной модѣ.

⁵⁾ См. № 363.

Самойлова ¹⁾ (8 лѣтъ старше), — статья вышла не дурна. Она назначается въ альманахъ Грановскаго вмѣсто «Дилетантизма», отнятаго для «Отеч. Зап.». А прогос, въ послѣднемъ № повѣсть извѣстнаго графа Ѳ. В. Ростопчина ²⁾. Много юмора, остротъ и мѣткаго взгляда.

22. — День рожденія Н. ³⁾ — 25 лѣтъ. Страшно идетъ время. Вчера я смотрѣлъ долго на два портрета мои Витберговой работы. Одинъ дѣланъ въ концѣ 1835, другой—въ половинѣ 1836; оба были похожи, особенно первый. И мнѣ стало грустно; первый разъ я испыталъ чувство человѣка, не токмо вышедшаго изъ юности, но и отдалившася отъ нея. Гдѣ эти черты, гдѣ это выраженіе, гдѣ мягкость, нѣжность, грація? Семь лѣтъ, и какая перемѣна! Я перенесся въ то время. Это былъ періодъ романтизма въ моей жизни: мистическій идеализмъ, полный поэзіи, любовь, всепоглощающее и всенаправлявшее чувство. Одиночество, первый годъ ссылки, нѣсколько мѣсяцевъ послѣ тюрьмы. Это былъ періодъ *der Gemüthlichkeit* ⁴⁾, но у меня никогда не было жизни такъ сосредоточенной въ личныхъ отношеніяхъ, чтобъ хоть на время забыть всеобщіе интересы. Напротивъ, я со всѣмъ огнемъ любви жилъ въ сферѣ общечеловѣческихъ современныхъ вопросовъ, придавши имъ субъективно-мечтательный цвѣтъ. Наконецъ, въ 1838 году жизнь достигла до той высшей степени цѣлаго развитія, далѣе которой итти нельзя. Надобно объяснить. Съ 1838 шель ли я назадъ или впередъ? Сомнѣнья нѣтъ, что впередъ: взглядъ сталъ шире, основательнѣе, ближе къ истинѣ, я отдѣлался отъ тысячи предрасудковъ съ тѣхъ поръ, много занимался etc. Но для меня, какъ для лица, лучшаго, полнѣйшаго періода жизни не можетъ быть, какъ отъ половины 1838 до половины 1839. Сторона мысли, разума взяла верхъ надъ страстностью (и должна была); но съ тѣмъ вмѣстѣ потухло множество наслажденій. Тотъ годъ тѣмъ важенъ, что тогда все было уравновѣшено и развернуто въ пышный цвѣтъ, стройный, согласный концертъ всѣхъ элементовъ. Такой періодъ въ исторіи чело-вѣчества была греческая жизнь. Человѣчество гораздо дальше двинулось въ христіанскомъ и современномъ мірѣ, но того юношескаго, стройнаго согласія внутренняго и внѣшняго нѣтъ,—одна сторона пожертвована другой. Тотъ годъ былъ лучшимъ годомъ для нашихъ индивидуальностей. Испивъ всю чашу наслажденія индивидуальнаго бытія, надобно продолжать службу роду человѣческому,

¹⁾ Василій Васильевичъ.

²⁾ «Охъ, французы!», въ X кн. «Отеч. Записокъ» 1842.

³⁾ Н. А—на.

⁴⁾ Эмоціональность.

хотя бы она была и не легка. Да зачѣмъ же переживается такой прекрасный періодъ, зачѣмъ онъ такъ скоро проходитъ? Онъ не проходитъ, а измѣняется. Да и, сверхъ того, все индивидуальное подчинено времени, хотя, съ другой стороны, полнота наслажденія внѣ всякаго времени, она заключаетъ безконечность въ настоящемъ и есть достойная цѣль индивидуальнаго бытія. А прогос.

Часто говорятъ, земной шаръ, какъ индивидуумъ, имѣющій органическое развитіе, имѣлъ (какое бы оно ни было) временное начало и, слѣд., будетъ имѣть конецъ (недавно еще говорилъ мнѣ объ этомъ М. Gros philosophe franco-germanique ¹⁾), а съ нимъ и человѣчество; словомъ, судьба планеты — судьба индивидуальнаго. Для чего все развитіе, къ чему и проч.? Вопросъ трудный. Физически не знаю, какъ отвѣчать на самую гипотезу гибели планеты. Но этимъ, если хотятъ (какъ Gros) доказать личность Бога или безсмертіе души, не много возьмутъ. Да самое развитіе ist Lohn der reichlich lohnet ²⁾—вѣчность не въ числѣ лѣтъ отъ рожденія до ∞ , а въ развитіи въ себѣ божественнаго духа, не имѣющаго зависимости отъ времени.

26.—Вчера въ восьмомъ часу утра умеръ Вадимъ ³⁾. Онъ былъ боленъ съ мѣсяць. Послѣднюю ночь я провелъ у его кровати, и онъ скончался при мнѣ. Мы послѣдніе годы волею и неволею видались рѣдко. Онъ жилъ въ южныхъ губ., я въ сѣверныхъ, онъ въ Москвѣ, я въ Петербургѣ; къ этому присоединялась разница въ образѣ воззрѣнія на предметъ слишкомъ яркая, чтобъ можно было примириться, забывъ ее, и недостаточно развитая, чтобъ именно по самой противоположности мнѣній найти другъ въ другѣ особый интересъ. Онъ отъ славянофильства дошелъ до ортодоксности и даже до ненависти къ Западу; такимъ образомъ ему пришлось отвергнуть все историческое развитіе человѣчества, всю науку, философію, всю мысль нашего вѣка,—на это силъ не было, осталось das vornehme ignoriren ⁴⁾ и защита мѣста; тутъ надобно дойти до безумія, чтобъ сдѣлаться интереснымъ, т. е., какъ Морошкинъ ⁵⁾. Но при всемъ этомъ и несмотря на другія личныя отношенія, я цѣнилъ въ этомъ человѣкѣ всегда высокое благородство души, чистоту жизни, съ которой онъ проламывался сквозь ужасныя несчастія и недостатки. Годъ тому назадъ, онъ еще былъ полонъ силъ,

¹⁾ «Михаилъ Большой, франко-германскій философъ». Это было прозвище М. А. Бакунина въ дружескомъ кругу.

²⁾ Награда, которая щедро награждаетъ.

³⁾ Пассекъ.

⁴⁾ Игнорированіе важнаго.

⁵⁾ Михаилъ Яковлевичъ.

предпріятій,—даже когда я пріѣхалъ въ Москву въ іюнѣ, онъ былъ здоровъ или жаловался на общее разстройство; въ августѣ, и именно 26, въ именины Наташи, онъ былъ у меня и говорилъ, что простуженъ, что надобно побережься. Потомъ я его съ мѣсяць не видалъ, онъ жилъ на дачѣ; пріѣхавши, я засталъ его очень похудѣвшимъ, въ ипохондріи; въ началѣ октября развилась чахотка, и вчера я присутствовалъ при великой тайнѣ смерти, и вся эта... ¹⁾), вся потенція, энергія, какъ угодно, исчезла, уничтожилась, оставя послѣ себя слѣдъ на веществѣ, уже гниющемъ, и на костяхъ, которыя долго не сгниютъ, но сгниютъ же.

Дней пять передъ смертью меня ужаснула не худоба его, не кашель, а замѣтная тупость умственныхъ способностей и чрезвычайная ограниченность даже; это потуханье интеллектуальной стороны шло возрастая: за день до смерти, за два онъ только занимался болѣзнію, говорилъ о лѣкарствахъ, о ихъ дѣйствіяхъ. Въ два часа ночи (съ 24 на 25) онъ проснулся, ему было полегче; однако, жена догадалась, что не передъ добромъ, привела дѣтей—онъ улыбнулся. Жена сказала ему, чтобъ перекрестилъ ихъ; онъ сдѣлалъ видъ, что самъ хочетъ, потомъ закрылъ глаза и уснулъ. Прислали за мною. Я пришелъ въ началѣ четвертаго; онъ спалъ спокойно, изрѣдка только издавая легкій стонъ и не просыпаясь, не раскрывая глазъ, не взоидя ни на минуту въ сознаніе, умеръ. Въ 7 часовъ утра дыханіе стало рѣже, прерывистѣе; онъ раза два продолжительнѣе застоналъ, и въ ту же минуту глаза его приняли спокойный видъ, и дыханіе прекратилось. Черезъ два часа мы его уже переносили на столъ, а еще черезъ два часа мальчикъ отъ Кампіони ²⁾ снималъ маску, заливши алебастромъ лицо. Тайна и грозная, страшная тайна. А какъ наглазно видно тутъ, что jenseits³⁾—мечта, что духъ безъ тѣла невозможенъ, что онъ только въ немъ и съ нимъ что-нибудь!—«Мы увидимся, скоро увидимся», говорила жена,—теплое, облегчающее вѣрованіе, мое послѣднее вѣрованіе, за которое я держался всѣми силами. Нѣтъ, и тебя я принесъ на жертву истинѣ... А горько разставаться съ тобою было, романтическое упованіе новой жизни.

Когда я вышелъ изъ ихъ дома, чтобъ послать имъ людей и сдѣлать часть распоряженій, солнце свѣтило, морозный день былъ сѣверно хорошъ, на улицѣ движенъе, жизнь. Жизнь вѣчна, жизнь идетъ своимъ чередомъ; она производитъ для себя и уничтожаетъ,

¹⁾ Слово не разобрано.

²⁾ Сантинъ Петровичъ, содержатель скульптурной мастерской въ Москвѣ.

³⁾ Потусторонность.

испортивши, износивши формы, не жалѣя объ нихъ. Я прїѣхалъ къ Кампіони. Никого нѣтъ въ первой залѣ, я—въ другую: статуи, картины, роскошныя, граціозныя формы жизни поразили меня послѣ того, какъ я такъ пристально вглядѣлся въ угловатыя, ужасныя формы смерти. А въ другой комнатѣ дѣвочка лѣтъ 15 пѣла веселую итальянскую пѣсню. Говоря объ этомъ днѣ, я не долженъ пропустить лицо, поразившее меня изяществомъ всего существа своего. Черткова (Елизавета Григорьевна, урожденная графиня Чернышева, т. е. Чернышевыхъ въ самомъ дѣлѣ, а не военного министра) ¹⁾, сначала она поразила меня удивительно благородной и выразительной наружностью; въ ней видна аристократическая кровь, это—одна изъ героинь Вальтеръ Скотта: высокая, худая, не въ первой молодости, грандіозная и *hehr* ²⁾, какъ говорятъ нѣмцы. Но потомъ она меня удивила образомъ участія; ни непрерывныхъ слезъ, ни банальныхъ утѣшеній, ни перешептыванья, ни жестовъ, ничего,—спокойное, глубокое участіе, безъ словъ, но ясно звучащее въ этой группѣ, составленной изъ мертвеца и его прїятелей, хлопочущихъ около него, и жены въ отчаяніи, и дѣтей испуганныхъ. Эта женщина была похожа на тѣ явленные образа Богородицы, которые видѣлись прежними святыми и которые сходили примирительной голубицей между Богомъ и человѣкомъ. Эта женщина была артистическая необходимость въ этой группѣ,—безъ нея картина была бы *surchargée* ³⁾ черного и безнадежнаго. Вотъ и моя дань аристократіи; въ ней именно важнѣйшую долю изящной формы и изящныхъ формъ надо отнести чистой, благородной крови и нравамъ истинной аристократіи. Проведя весь этотъ день и всѣ сутки въ натянуто напряженномъ состояніи, въ которомъ одно сильное чувство смѣнялось другимъ,—скорбь, тяжкія мысли и проч.,—когда я вечеромъ поздно остался дома, одинъ съ Наташей, возлѣ спалъ малютка, тишина, тогда мнѣ стало чрезвычайно легко, я взошелъ опять въ среду истинной жизни, ибо судорожныя, экстаическія минуты составляютъ крайность.

А давно ли Вадимъ, только-что выпущенный изъ университета кандидатомъ, въ преизбыткѣ силъ, съ необузданнымъ самолюбіемъ, съ русской удалью, дѣлилъ всѣ мечты, всѣ увлеченія наши? Это было съ конца 1831 до начала 1834. 11 лѣтъ, впрочемъ! Послѣ женитьбы онъ много измѣнился; а, можетъ, не онъ, а мы двинулись впередъ, а онъ остался на старомъ мѣстѣ. Попавши въ сла-

¹⁾ Мужъ ея, Александръ Дмитріевичъ Чертковъ, археологъ, историкъ, владѣлецъ извѣстной въ Москвѣ бібліотеки.

²⁾ Величественная.

³⁾ Слишкомъ преисполнена.

вянизмъ, онъ даже и на старомъ мѣстѣ не остался, а пошелъ инымъ путемъ назадъ; всѣ общечеловѣческіе интересы, всѣ современные вопросы занимали его только по мѣрѣ ихъ причастности къ славянскому міру, а тутъ надобно замѣтить, что именно имъ-то они вовсе и не занимаютъ. Мы разстались довольно холодно. Въ 1840 году мы встрѣтились въ Петербургѣ; разстояніе между нами было непереходимое; но я тогда въ немъ оцѣнилъ прекраснаго семейнаго человѣка, и мы сблизились опять и такъ остались до его кончины. Въ послѣднее время его финансовое положеніе начало, было, поправляться; но несчастье за несчастьемъ лишили возможности улучшить жизнь; работой онъ былъ заваленъ; можетъ, онъ касался, наконецъ, до спокойствія въ матеріальномъ отношеніи, но жизнь порвалась.¹⁰

И она, давно ли, кажется, жила у насъ въ домѣ, приѣзжая изъ Корчевы,—Темира, дѣвица беззаботная и un peu pédante¹⁾; а теперь вдова, въ крайности, съ двумя дѣтьми и съ третьимъ не родившимся. Будущность ея ужасна: не представляется ни пристанища, ни куска хлѣба. Конечно, найдутся люди, но хлѣбъ милостыни, что ни говори, съ пескомъ. Вотъ еще семейство въ счетъ Астраковыхъ, Медвѣдевыхъ, Витберга и многихъ, многихъ. Страшно вспомнить,—всѣмъ помочь силъ нѣтъ. А кого же обойти?

29.—Вчера схоронили Вадима въ Симоновѣ²⁾. Похороны были торжественны по истинному участию людей, окружавшихъ гробъ. Жена твердо шла за гробомъ, стояла возлѣ, и, когда привинтили крышку, она облокотилась на гробъ. Никто не смѣлъ ни двинуть гробъ, ни прервать этой нѣмой горести. Она долго стояла; слезъ не было, но взглядъ ея былъ невыносимъ; кругомъ все рыдало; въ ея взглядѣ было видно что-то безпредѣльно отчаянное и убитое, и вмѣстѣ недоумѣніе, вопросъ, упрекъ. Въ Симоновѣ покойника встрѣтилъ самъ архимандритъ (Мельхиседекъ), бывший пріятелемъ съ В., и эта дань уваженія была хороша. Жена стала возлѣ могилы; ее уже закапывали—такъ же страшно молча и безъ слезъ. Архимандритъ подошелъ къ ней и сказалъ: «Довольно, это не наше,—въ церковь, за мной, молиться Богу». И мы взошли въ церковь уже безъ покойника; уже онъ сталъ совершенно прошедшее. Вотъ гдѣ крѣпость религіи; въ эти минуты человѣкъ готовъ все сдѣлать, чтобъ найти выходъ и примиреніе. Религія врачуетъ все. Когда мыслитель, гражданинъ говоритъ о подчиненіи индивидуальнаго всеобщему, на нихъ смотрятъ, какъ на людей безъ сердца; когда ху-

¹⁾ Немного педантка.

²⁾ Монастырь въ Москвѣ.

дожникъ или ученый скажетъ, что звукъ его лиры, его кисть—утѣшительница въ его горести, назовутъ эгоистомъ. А когда религія рѣзко говоритъ: «оставь, это мое, идемъ молиться, покоряйся безропотно», тогда все покоряется и склоняетъ колѣна, безъ разсужденій, повинувась слѣпо.

Ноябрь мѣсяцъ.

1.—Духъ человѣческой роетъ себѣ да роетъ внѣ, онъ дѣлаетъ свое какъ въ родѣ, такъ и въ лицѣ. Жена Вадима, которая первые дни своего несчастія была въ полнѣйшей вѣрѣ, вдругъ со вчерашняго дня начинаетъ сомнѣваться и безпрестанно колеблется между дѣтскимъ признаніемъ и полнымъ отрицаніемъ. Она называетъ это паденіемъ, молится о подкрѣпленіи, но молитва не исполняется; тутъ ясно видно благородное, человѣческое направленіе, не позволяющее обольщать себя, и, съ другой стороны, видно, какъ слабо дѣйствуетъ при современномъ состояніи развитія духа религіозная положительность.

2.—Письмо отъ Сатина изъ Ганау. Огаревъ опять надѣлалъ глупости въ отношеніи къ женѣ, снова сошелся съ нею, поступалъ слабо, обманывалъ, унижался и опять сошелся. Послѣ всего бывшаго! Вотъ что я писалъ къ Огареву: «Бѣдный, бѣдный Огаревъ, я грущу о твоёмъ положеніи, но ни слова, когда дружба истощила безуспѣшно все, чтобъ предупредить, отвратить; ея дѣло остаться вѣрною въ любви. Дай руку; какъ бы ты ни поступилъ, не хочу быть судьей твоимъ, хочу быть твоимъ другомъ; я отворачиваюсь отъ темной стороны твоей жизни и знаю всю полноту прекраснаго и высокаго, заключеннаго въ ней. У тебя широкія ворота для выхода изъ личныхъ отношеній—искусство, міръ всеобщаго; я хочу не знать жалкой борьбы, отъ которой раны, конечно, будутъ не на груди». Я откровенно дѣлю съ нимъ его несчастіе, понимаю его слабость (какъ его, ибо во мнѣ есть возможность паденій, увлеченій, но такой слабости нѣтъ и тѣни), не могу простить его поступка, но далекъ и отъ жесткаго приговора. У К. ¹⁾ сильная способность любить, но онъ жестокъ на словахъ, скоръ въ приговорахъ, это—его недостатокъ, его ограниченность. Для хладнокровнаго наблюдателя это—психологическій феноменъ, достойный изученія. Чѣмъ эта ограниченная, неблагородная, некрасивая, наконецъ, женщина, противоположная ему во всѣхъ смыслахъ, дер-

¹⁾ Н. Х. Кетчеръ.

жить его въ илотизмѣ? Любовью? онъ не любитъ ее, даже не уважаетъ; абстрактной идеей брака? онъ давно не признаетъ власть его. Чѣмъ же? Отталкивающее ее существо такъ сильно, что все, приближавшееся къ ней, ненавидитъ ее; вездѣ, на Кавказѣ, въ Москвѣ, въ Неаполѣ, Парижѣ она возбуждала смѣхъ и негодованіе. Сожалѣніе и слабость, безпредѣльная слабость, вотъ что затягиваетъ цѣпь, которую должно было сбросить,—такъ далеко зашелъ ея эгоистическій, дерзкій нравъ. Такая ли будущность ждала Огарева? И въ такомъ-то омутѣ теряетъ онъ силы на глупую борьбу, теряетъ здоровье, жизнь. Это ужасно! Но теперь-то ему и нужна дружба! ¹¹

6.—Отвратительная тяжесть нашей эпохи тѣмъ ужаснѣе, что людямъ мыслящимъ приходится бороться не съ одними людьми силы и власти, а еще съ долею литераторовъ. Славянофильство приносить ежедневно пышные плоды; открытая ненависть къ Западу есть открытая ненависть ко всему процессу развитія рода человѣческаго, ибо Западъ, какъ преемникъ древняго міра, какъ результатъ всего движенія и всѣхъ движеній,—все прошлое и настоящее человѣчество (ибо не ариѳметическая цифра, счетъ племень или людей—человѣчество). Онъ допс вмѣстѣ съ ненавистью и пренебреженіемъ къ Западу—ненависть и пренебреженіе къ свободѣ мысли, къ праву, ко всѣмъ гарантіямъ, ко всей цивилизации. Такимъ образомъ, славянофилы само собою становятся со стороны правительства и на этомъ не останавливаются, идутъ далѣе. Правительство тѣснить безсмысленно; оно имѣетъ шпионовъ, которые доносятъ вздоръ, оно за вздоръ бьетъ казнями, ссылками. Но нѣтъ настолько образованныхъ шпионовъ, чтобъ указывать всякую мысль, сказанную изъ свободной души, чтобъ понимать въ ученой статьѣ направленіе и пр. Славянофилы взялись за это. Отвратительные доносы Булгарина не оскорбляютъ, потому что отъ Булгар. нечего ждать другого, но доносы «Москвитянина» повергаютъ въ тоску. Булгаринъ работаетъ изъ одного гроша, а эти г-да? Изъ убѣжденія, ¹⁾ убѣжденіе, позволяющее прямо дѣлать доносы на лица, подвергая ихъ всѣмъ бѣдствіямъ деспотическаго наказанія. Правительство, по счастью, безграмотно, не читаетъ журналы. И что за дикія мнѣнія проповѣдуются ими! А возражать нельзя. Москва—центръ всѣхъ этихъ скопищъ. Горько и подчасъ нельзя не сознаться, что Петербургъ, какъ бы то ни было, а выше Москвы. Цензура здѣсь вдесятеро строже, привязчива, подла, притѣснительна, а между тѣмъ цензоръ Крыловъ ²⁾—профессоръ съ

¹⁾ Слово не разобрано.

²⁾ Никита Ивановичъ.

либеральной геноптее. То, что въ «Отеч. Зап.» печатается, то здѣсь страшно говорить при многихъ. Слава Петру, отрешемуся отъ Москвы! Онъ видѣлъ въ ней зимующіе корни узкой народности, которая будетъ противодѣйствовать европеизму и стараться снова отторгнуть Русь отъ человѣчества.

Для Пашкова ¹⁾ альманаха я изготовилъ, было, свою статью «Къ характеристикѣ неоромантизма». Да помиуйте, этого цензура не пропуститъ, это будетъ обидно для піэтистовъ, надо тамъ измѣнить, тамъ скрыть мысль. Боже праведный! Въ образованныхъ государствахъ каждый, чувствующій призваніе писать, старается раскрыть свою мысль, употребляя на то талантъ свой; у насъ весь талантъ долженъ быть употребленъ на то, чтобъ закрыть свою мысль подъ рабски вымышленными, условными словами и оборотами. И какую мысль? Пусть бы революціонную, возмутительную, — нѣтъ, мысль теоретическую, которая до пошлости повторялась въ Пруссіи и въ другихъ монархіяхъ. Можетъ, правительство и промолчало бы, — патріоты укажутъ, растолкуютъ, перетолкуютъ! Ужасное, безвыходное состояніе!

Анекдотъ съ графомъ При, котораго выслали за границу, напомнилъ, между прочимъ, разговоръ Конарскаго ²⁾ съ кн. Долго-руковымъ ³⁾ за часъ до смертной казни.

10. — Вчера сосѣдъ мой въ театрѣ рассказывалъ, что оперу Россини «Вильгельмъ Телль» даютъ у насъ подъ названіемъ «Карлъ Смѣлый». Я еще этой глупости не зналъ, — и смѣшно, и досадно, и отвратительно.

14.—Scène de la vie privée ⁴⁾—горькое объясненіе съ отцомъ. Странное дѣло, какъ живучъ эгоизмъ и какъ онъ растетъ съ лѣтами, до какой безчувственности доводитъ онъ. Послѣ смерти Льва Ал. онъ былъ испуганъ, пораженъ и съ годъ явно былъ кротче, но теперь съ каждымъ мѣсяцемъ я вижу, что онъ глубже и глубже падаетъ въ какую-то жизнь скупца и эгоиста, для котораго въ мірѣ ничего не существуетъ, кромѣ капризовъ. Странно видѣть человѣка 74 лѣтъ вблизи, ведущаго такую жизнь, отрѣшенную отъ всѣхъ человѣческихъ интересовъ, и страшно то, что нѣтъ возмож-

¹⁾ Александръ, другъ Т. П. Пассекъ; сынъ его, Ипполитъ Александровичъ Пашковъ, воспитывался у Т. П. Пассекъ вмѣстѣ съ ея дѣтьми и многими считался ея сыномъ.

²⁾ Симонъ, польскій революціонеръ.

³⁾ Василій Андреевичъ.

⁴⁾ Сцена изъ частной жизни. Таково (но во множественномъ числѣ) общее заглавіе нѣкоторыхъ повѣстей Бальзака, несомнѣнно, извѣстныхъ Герцену.

ности поставить себя такъ, чтобъ или молча быть зрителемъ, или удерживаться въ границахъ при всякомъ оскорбленіи.

Я безъ хвастовства могу сказать, что я прожилъ собственнымъ опытомъ и до дна всѣ фазы семейной жизни и увидѣлъ всю непрочность связей крови; онѣ крѣпки, когда ихъ поддерживаетъ духовная связь (то есть, когда ихъ не нужно), а безъ нихъ держатся до перваго толчка. Vanitas! Vanitas! ¹⁾

Письмо отъ Бѣлинск. ²⁾. Фанатикъ, человѣкъ экстремы ³⁾, но всегда открытый, сильный, энергичный. Его можно любить или ненавидѣть,—середины нѣтъ. Я истинно его люблю. Типъ этой породы людей — Робеспьеръ. Человѣкъ для нихъ — ничего, убѣжденіе — все.

18. — А. И. Тургеневъ—милый болтунъ; весело видѣть, какъ онъ, несмотря на сѣдую голову и лѣта, горячо интересуется всѣмъ человѣческимъ, сколько жизни и дѣятельности. А потомъ пріятно слушать его всесвѣтные рассказы, знакомства со всѣми знаменитостями Европы. Тургеневъ — европейская кумушка, человѣкъ au courant ⁴⁾ всѣхъ сплетенъ разныхъ земель и странъ, и все рассказываетъ, и все описываетъ, остритъ, хохочетъ, пишетъ письма, ѣздитъ спать на вечера et faire l'aimable ⁵⁾ вездѣ.

Былъ на дняхъ у Елагиной ⁶⁾, матери если не Гракховъ, то Кирѣевскихъ ⁷⁾. Видѣлъ второго Кир. Мать — чрезвычайно умная женщина, безъ *цитатъ*, просто и свободно. Она груститъ о славянобѣссии сыновей. Между тѣмъ, оно растетъ и растетъ въ Москвѣ. Чѣмъ кончится это безумное направленіе, становящееся костью въ теченіе образованія. Оно принимаетъ видъ фанатизма мрачнаго, нетерпимаго. Можетъ, хорошо, что возможность такихъ убѣжденій обнаруживается, а съ ними вмѣстѣ обнаруживается вся нелѣпость ихъ.

«Можетъ ли, имѣетъ ли право человѣкъ мѣнять краеугольныя убѣжденія свои?» «Если можетъ, гдѣ же незыблемыя основы нравственнаго и умственнаго бытія человѣка?» Въ самомъ дѣлѣ, съ перваго взгляда кажется что-то странное, пустое въ душѣ человѣка, мѣняющаго свои убѣжденія. Но это неправда. (Здѣсь не идетъ рѣчь о тѣхъ плоско-импрессионабельныхъ натурахъ, которыя безъ

1) Суета! Суета!

2) В. Г. Бѣлинскій.

3) Extrême—крайній, крайность.

4) Въ курсѣ.

5) Показывать свою любезность.

6) Авдотья Петровна.

7) Иванъ и Петръ Васильевичи.

причины принимаютъ и безъ причины бросаютъ свои мнѣнія). Человѣкъ развивается, истина раскрывается, насколько онъ вмѣщаетъ ее въ себя, въ концѣ развитія, а не съ самаго начала; она имѣетъ свои степени развитія, на которыхъ она иначе понимается подъ извѣстнымъ угломъ, но человѣкъ не долженъ останавливаться на абстракціи. Человѣчество достигаетъ истины; краеугольныя основы его бытія нравственнаго лежатъ въ немъ (an sich), но ясны ему могутъ быть на концѣ развитія, а не при началѣ, не въ прошедшемъ. Всею истиной прошедшее никогда не обладало. Да и это фундаментальное, истинное есть всеобщее, идея, Богъ, и притомъ Богъ понятый не jenseitlich, не фантастически образно, а въ имманенціи и присущей ей трансценденціи (міръ мышленія, нравственности, идеи, уничтожающей, снимающей все временное, какъ трансценденція самой природы и человѣка). Важно не слово, а понятіе, смыслъ. Конечно, добродѣтель вѣчна и всегда должна была быть нормою дѣйствованій. Но какъ опредѣлялась и понималась добродѣтель въ данныя эпохи? Міръ эллинскій, юдаическій, христіанскій разумѣли совсѣмъ разное. Все течетъ и текуче, но бояться нечего: человѣкъ идетъ къ фундаментальному, идетъ къ объективной идеѣ, къ абсолютному, къ полному самопознанію, знанію истины и дѣйствованію, сообразному знанію, то есть къ божественному разуму и божественной волѣ. Выдерживать свое частное мнѣніе противъ истины — ограниченность, эгоизмъ, гордость. Случай, когда лицо правѣе вѣка, почти невозможенъ или возможенъ при эксцентрическихъ обстоятельствахъ.

Розенкранца ¹⁾ статья о жизни Гегеля въ Прутцовомъ альм. на 1842 г. ²⁾ Вотъ что тамъ очень хорошо. «Der Gedanke, aus welchem sein (Hegels) ganzes System emporkeimte, war der der Liebe. Die Anschauung aber, an welcher er sich als Charakter orientierte, war die des Gottmenschen. Schon in der Tübinger Periode sprach er die Analogie der Liebe mit der Vernunft aus und stellte sie — obwohl sie nur ein empirisches Prinzip sei — unendlich hoch. Die Bewegung der Liebe aus sich in ein Andr'es als in sich selbst unterzugehen, in dem And. bei sich zu sein und sich nur zurückzukehren um sich seiner von Neuem zu entäussern, wurde ihm der Weg zu seiner dialektisch. Meth.» ³⁾

¹⁾ Иоганнъ-Карль, нѣмецкій философъ.

²⁾ Робертъ Прутцъ, нѣмецкій поэтъ и историкъ литературы; его альманахи назывались «Litterarhistorisches Taschenbuch».

³⁾ Мыслью, изъ которой выросла вся система Гегеля, была любовь, нагляднымъ же представленіемъ, съ помощью котораго установился его характеръ, служило представленіе Богочеловѣка. Уже въ тюбингенскомъ періодѣ онъ говорилъ объ аналогіи любви съ разумомъ и безконечно-высоко

Хотя Розенкранцъ вообще очень недалній пониматель и формалистъ большой руки, но это не мѣшаетъ отдать ему справедливость, что единственно такъ надобно умѣть понимать Гегеля; и тогда сдѣлается смѣшно отъ глупыхъ сентенцій о сухости ума, объ импосибельности его etc., etc.

Тамъ же: «Glauben ist die Art, wie das, wodurch eine Antinomie vereinigt ist, in unserer Vorstellung vorhanden ist. Die Vereinigung ist die Thätigkeit. Diese Thätigkeit reflectirt als Object ist das Geglaubte» ¹⁾ (Гегелево «Теологическое разсужденіе», писанное въ 1794).

Понятіе о любви къ женщинѣ, согласное съ высказываемымъ нынче лѣвой стороной: онъ заставляетъ рыцаря разсказывать о своей нѣжной страсти Аристиду.

23.—Вчера провелъ вечеръ у Елагиной. Были оба Кирѣевскіе, Дмитріевъ ²⁾ и вздоръ. Иванъ Кирѣевскій,—конечно, замѣчательный человѣкъ; онъ фанатикъ своего убѣжденія такъ, какъ Бѣлинскій своего. Такихъ людей нельзя не уважать, хотя бы съ ними и былъ діаметрально противоположенъ въ воззрѣніи; ненавистны тѣ люди, которые не умѣютъ рѣзко стоять въ своей системѣ, которые хитро отступаютъ, боятся высказаться, стыдятся своего убѣжденія и остаются при немъ. Кирѣевскій *souer et âme* ³⁾ свое убѣжденіе, онъ не терпящъ, онъ грубо и дерзко возражаетъ, вѣренъ своимъ началамъ и, разумѣется, одностороненъ. Человѣкъ этотъ глубоко перестрадалъ вопросъ о современности Руси, слезами и кровью купилъ разрѣшеніе—разрѣшеніе нелѣпое, однако, не такъ отвратительное, какъ піэтический оптимизмъ Аксакова ⁴⁾. Онъ вѣритъ въ славянскій міръ, но знаетъ гнусность настоящаго. Онъ страдаетъ и знаетъ, что страдаетъ, и хочетъ страдать, не считая въ правѣ снять крестъ тяжелый и черный, положенный фатумомъ на него. Таковъ онъ показался мнѣ. Натура сильная и держащаяся всегда въ какой-то экзальтаціи, которая, полагаю, должна быть неразрывна съ фанатической односторонностью. Въ такихъ убѣжденіяхъ страсти уча-

ставилъ любовь, хотя бы она была всего лишь эмпирическимъ принципомъ. Движеніе любви изъ самого себя въ нѣчто другое, какъ прекращеніе своего существованія въ себѣ, пребываніе въ этомъ другомъ и возвращеніе въ себя для новаго отреченія отъ самого себя, проложило путь къ его діалектическому методу.

¹⁾ Вѣра есть тотъ способъ, какимъ присутствуетъ въ нашемъ представленіи то, что объединяетъ антиномію. Объединеніе есть дѣятельность. Эта дѣятельность, взятая, какъ объектъ рефлексіи, образуетъ содержаніе вѣры.

²⁾ Михаилъ Александровичъ, племянникъ извѣстнаго поэта, консервативный поэтъ, очень близкій къ редакціи «Москвитянина».

³⁾ Сердцемъ и душой.

⁴⁾ Константинъ Сергѣевичъ.

ствуютъ наравнѣ съ разумомъ, а страсти не даютъ величаваго спокойствія мысли. М. Дмитріевъ—другого рода человѣкъ; во-первыхъ, какъ родной братъ, похожъ на Краевского: умѣренно либераль, умѣренно остеръ, романтикъ à la Casimir Delavigne ¹⁾, говорунъ и оберъ-прокуроръ. Толкуетъ о Европѣ, о жандармахъ и полиціи и печатаетъ доносы въ стихахъ. Дошла рѣчь до «От. Зап.» и до Бѣлинскаго. Кирѣевскій отозвался съ негодующимъ презрѣніемъ, Дмитріевъ—съ острою. Рѣчь шла о какой-то неважной статьѣ. Я вдругъ бросилъ имъ свое мнѣніе также рѣзко въ пользу «От. Зап.». Сдѣлалось молчаніе. Перемѣнили разговоръ тотчасъ. Точно, середь гимна Богу, поднялъ рѣчь атеистъ. Одна Елагина была съ моей стороны. А смѣшно Дмитріевъ бранить (съ умѣренностью) все и недоволенъ, что Бѣлинскій не имѣетъ достаточнаго уваженія къ тому, къ чему онъ самъ не имѣетъ уваженія. ¹²

Былъ у графа С. Г. Строганова и провелъ у него часа два. Можетъ, я ошибаюсь, можетъ, онъ имѣетъ особый даръ fasciner ²⁾ людей, но я уважаю и люблю его. Доселѣ изъ всѣхъ аристократовъ, извѣстныхъ мнѣ, я въ немъ одномъ встрѣтилъ много человѣческаго. Говорили съ нимъ опять о современномъ состояніи науки въ Германіи. «Да,—замѣтилъ графъ,—борьба великая и рѣшительная; и страшное положеніе людей критики: они должны были принести на жертву всѣ святѣйшія убѣжденія, всѣ вѣрованія, все облегчающее нашу жизнь и для чего?»—Для истины, для истины,—сказалъ я. «Истина ихъ не для насъ; мы не на той степени развитія, зачѣмъ намъ забѣгать?»—Въ этомъ нельзя не согласиться; но что дѣлать тѣмъ, которые развились до современности?—«Несчастіе для нихъ, но, конечно, нельзя итти назадъ. Впрочемъ, можно заниматься инымъ, полезнѣйшимъ, своевременнѣйшимъ». Строгановъ отзывается о Бѣлинскомъ съ признаніемъ его достоинства (вотъ насколько онъ выше славянофиловъ). Онъ понимаетъ значеніе «Отеч. Зап.», понимаетъ единство ихъ духа. Бранилъ Францію и «Москвитянина», и кончилъ тѣмъ, что самымъ любезнымъ образомъ пригласилъ приходить къ нему по вечерамъ, поспорить и потолковать. Много неосновательности въ томъ, что онъ говоритъ; но, во-первыхъ, онъ *не всю* свою мысль высказываетъ; во-вторыхъ, не надобно забывать, что есть уже значительная разница въ лѣтахъ и что онъ провелъ свою жизнь въ военномъ станѣ и въ высшей аристократіи нашей, которая не отличается особенной современностью образованія.

¹⁾ Казимиръ Делавинь, популярный тогда французскій поэтъ.

²⁾ Очаровывать.

Анекдотъ. Пасторъ Зедегольмъ ¹⁾, ограниченный человѣкъ и вовсе не знающій философіи, хотя и занимается ею лѣтъ 30, вздумалъ за деньги прочесть нѣсколько лекцій хорошо знакомымъ людямъ. На второй лекціи кто-то вздумалъ подшутить надъ Зедегольмомъ *dans le genre russe* ²⁾. Является нѣкто, вызываетъ пастора въ другую комнату и увѣдомляетъ его, что *eine hohe Person* ³⁾ предупреждаетъ его, чтобъ онъ прекратилъ свои лекціи подъ опасеніемъ великихъ непріятностей. Ужасъ овладѣваетъ гостями и пасторомъ, жена его въ отчаяніи, гости бѣгутъ въ смятеніи, и пасторъ, уничтоженный, убитый мученикъ науки, доселѣ не можетъ прійти въ себя. Шутка была глупа, не гуманна. А положеніе, въ которомъ такая шутка можетъ удасться, еще въ тысячу разъ глупѣе и не гуманнѣе.

29.—Писалъ статью о специализмѣ въ наукѣ. Рядъ этихъ статей идетъ удачно ⁴⁾.

Въ альманахѣ Прутца между разными выписками изъ гегелевскихъ бумагъ замѣчательна нота его о смертной казни. Онъ начинаетъ съ замѣчанія Монтеスキе, что жестокія и частыя казни ожесточаютъ народъ и дѣлаютъ равнодушнѣе и къ наказанію, и къ преступленію. Гегель дѣлаетъ вопросъ, почему ожесточаетъ зрѣлище казней? Если привыкаютъ видѣть смерть, то войско видитъ и вдесятеро болѣе. Что же въ казни поражаетъ насъ? *Ein wehrloser Mensch ist es, der uns in die Augen fällt, der gebunden, von einer zahlreichen Wache umgeben, von ehrlosen Henkersknechten gehalten, hinausgeführt und da ganz wehrlos, unter dem Zuruf und Gebet der Geistlichen, die der Missethäter nachschreit, um das Bewusstsein des gegenwärtigen Augenblicks zu übertäuben. So stirbt er* ⁵⁾. Солдатъ, сраженный пулей, не производитъ того страшнаго чувства: онъ имѣетъ право защиты, были шансы въ его пользу; у преступника отнято право защиты. *Die empörende Empfindung einen Wehrlosen von einer, noch dazu überlegenen, Anzahl Bewaffneter hinrichten zu sehen, wird bei den Zuschauern nur dadurch nicht in Wuth*

¹⁾ Альбрехтъ Карловичъ.

²⁾ Въ русскомъ жанрѣ.

³⁾ Высокопоставленное лицо.

⁴⁾ «Буддизмъ въ наукѣ».

⁵⁾ «Передъ нами беззащитный человѣкъ, связанный, окруженный многочисленной стражей, ведомый подлыми заплечными мастерами; онъ беспомощно выкрикиваетъ вслѣдъ за духовниками возгласы и слова молитвы, чтобы заглушить въ себѣ сознаніе данной минуты. Такъ онъ умираетъ». Эта и слѣдующая цитата изъ сочиненія Розенкранца «*Hegels Leben*»; первая на стр. 527, вторая — 499—500.

verwandelt, dass ihnen der Ausspruch des Gesetzes heilig ist... Wenn die Hencker schon Diener der Gerechtigkeit sind, so hat doch diese bloße Vorstellung die allgemeine Empfindung nicht zu unterdrücken vermocht, welche das Handwerk oder den Stand dieser Menschen, die hier in Angesicht des ganzen Volks mit kaltem Blut einen Wehrlosen tödten können, die hier ganz als blinde Werkzeuge, so wie die wilden Thiere, denen man ehemals die Verbrecher vorwarf, ihren Dienst verrichten, mit dem Brandmal der Ehrlosigkeit stempelt ¹⁾).

Далѣе онъ замѣчаетъ, что палачи всегда бываютъ очень тихіе и скромные люди, желая спасти свою личность отъ позора званія etc.

А въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» высочайшее повелѣніе объ учрежденіи особой цензуры при III Отдѣленіи; было прежде только для театра, теперь для всѣхъ литературныхъ произведеній, вѣроятно. Еще шагъ!.. Боже, Боже—неужели нѣтъ предѣла? На дняхъ было 17 *лѣтъ* этой мрачной, страшной страницѣ нашей исторіи.

Въ Барселонѣ провозгласили республику.

Декабрь мѣсяцъ.

9.—Какъ будто въ этотъ промежутокъ ничего и не было. Все попрежнему: Саша бѣгаетъ, шумитъ; Natalie въ своей комнатѣ; я за письменнымъ столомъ. А между тѣмъ мрачная, гадкая страница прожита нами. Въ ночь съ 29 на 30 родился малютка, вечеромъ 5 умеръ.—Третій. Какой *non sens* ²⁾, какая оскорбительная власть случайности! Дитя родилось легко, здоровое, потомъ утромъ 30 начались судороги, и всѣ пособія оказались ничтожными; шесть дней оно страдало. мучилось, на 7 остался изнуренный трупъ. 5-го ему стало легче, надежды явились не токмо у меня, но у самого Рихтера ³⁾,—отъ этого вѣсть о его смерти ударила больно. Прежде

¹⁾ Чувство возмущенія при видѣ беззащитнаго человѣка, казнимаго вооруженными людьми, не превращается у присутствующихъ въ ярость только потому, что приговоръ закона для нихъ священенъ..... Хотя палачи и являются слугами правосудія, однако, это представленіе не могло изгладить того общаго всѣмъ чувства, которое клеймитъ безчестіемъ ихъ ремесло и званіе. На глазахъ всего народа они способны хладнокровно убивать беззащитныхъ людей, являясь въ данномъ случаѣ совершенно слѣпыми орудіями, какъ дикіе звѣри, которымъ нѣкогда отдавали преступниковъ на съѣденіе.

²⁾ Безсмыслица.

³⁾ Михаилъ Вильгельмовичъ, извѣстный акушеръ.

я не надѣялся. А бѣдная мать, третій разъ обманутая, удивленная, такъ сказать, наглостью безпорядка, задавленная горемъ...

Мнѣ пришло въ голову: хорошо, что мы *Persönlichkeit Gottes, übergreifende Subjectivität* ¹⁾ принимаемъ не въ томъ смыслѣ, какъ добрые люди, а то, признаться, не въ похвалу лицу были бы эти бессмысленные удары.

Кетчеръ, благородный Кетчеръ жилъ у насъ всѣ эти дни, не спалъ ночи, самъ пеленаль, помогаль купать, смотрѣль за всѣмъ, касающимся больныхъ, утѣшалъ, хлопоталь и въ самомъ дѣлѣ успѣль; половину тягости онъ снялъ на свою грудь съ нашей.

М. В. Рихтеръ—замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ видѣнныхъ мною докторовъ; онъ идетъ къ дѣлу съ обширнымъ взглядомъ, съ обдуманностью и занимается, какъ фактомъ науки, больнымъ, съ усердіемъ и глубокомысліемъ. Онъ все сдѣлалъ, что только могъ. Когда малютка умеръ, онъ предложилъ мнѣ разрѣшить аутопсію; польза была очевидна, ибо третій подобный случай заставилъ употребить всѣ средства для дознанія истинной причины. Я согласился. Однако, страшно щемящее чувство душило меня все время аутопсіи; я, было, отворилъ дверь, взошелъ въ комнату, гдѣ производилась она, но мнѣ было очень нехорошо, и я тотчасъ ушелъ. Есть какой-то *pietät* ²⁾ къ близко-умершему и какая-то профанация въ разоблаченіи тайнъ. Вотъ результатъ: часть мозга слишкомъ мягка, другая груба, вода въ мозгу; неправильно сильная оссификація. Итакъ, причина смерти *hydrocephalus* ³⁾, и отъ абнормальнаго состоянія мозга зависѣли всѣ нервныя явленія, спазмы, конвульсіи etc. Остальное образовано совершенно хорошо. Но тутъ-то медицина и въ жалкомъ положеніи,—она не умѣетъ отвѣчать на вопросъ: какъ предотвратить въ фѣтальномъ состояніи *hydrocephalus*? еще менѣе,—въ какой зависимости и отъ какихъ причинъ третій разъ отъ довольно здоровыхъ родителей рождаются дѣти съ такой болѣзью, въ то время какъ первый ребенокъ, предшествовавшій, былъ совершенно здоровъ? Они ссылаются на слабые нервы жены, на ея нѣжное сложеніе вообще, однако, эта слабость далека отъ обмороковъ и другихъ признаковъ болѣзненнаго расслабленія нервовъ; говорятъ (и это мое собственное убѣжденіе), что въ первомъ случаѣ, бывшемъ въ Петербургѣ, испугъ, причиненный присылкою за мной изъ тайной полиціи (*belli* ⁴⁾ *frutti!* ⁵⁾), обусловилъ болѣзнь младенца. А 2,

1) Индивидуализмъ Бога, выступающая субъективность.

2) Чувство благочестія.

3) Водянка мозга.

4) На самомъ дѣлѣ *bei*.—А. И. Г. Каламбуръ—«бей».

5) Хорошенькіе плоды!

а 3 случаи? Да натура взяла pli ¹⁾),—да почему же она взяла pli?—chi lo sa? ²⁾).

Рихтеръ совѣтуетъ ѣхать въ теплый край, брать морскія ванны. Хорошо, очень хорошо было бы. Да куда? въ чужіе края? пустятъ ли? Опять chi lo sa. Тяжкое, не представляющее выхода состояніе. Несчастіе съ одной стороны, гоненія—съ другой, даже отношенія къ отцу столь же тяжелы, какъ и гоненія,—все вмѣстѣ давитъ свинцовыми ногами въ грудь. ¹³

13.—Иногда такая злоба наполняетъ всю душу мою, что я готовъ кусать себя. И частное, и общее, — все глупо, досадно. Я мучился, когда стонало бѣдное дитя,—теперь хотѣлось бы еще слушать этотъ стонъ: стонъ—все же бытіе. А это тупое, нѣмое молчаніе трупа, могилы. Я мучился прежде, что не имѣю права ѣздить въ Москву, а теперь тѣмъ,—что въ Москвѣ. Этотъ городъ мнѣ противенъ. Я въ послѣднее время не могъ ни разу взойти въ старый домъ безъ судорожнаго щемленія ¹⁴. Видъ, жизнь отца приводятъ меня въ ужасъ; онъ мало-по-малу утратилъ всѣ слѣды благородныхъ чувствъ, съ каждымъ днемъ растетъ въ немъ мелочная скупость, привязчивость и страшный холодъ и безучастіе ко всему близкому и дальнему. Не могу вѣрить, чтобъ всякій старецъ оканчивалъ такъ страшно свою жизнь. Нѣтъ, это горькое наказаніе за жизнь. Да зачѣмъ я-то поставленъ зрителемъ и судьбою? О, жизнь, жизнь, какая гиря! Но выбора нѣтъ. Впередъ!

21.—Вчера продолжительный споръ у меня съ Хомяковымъ ³⁾ о современной философіи. Удивительный даръ логической fascinаціи ⁴⁾, быстрота соображенія, память чрезвычайная, объемъ пониманія широкъ; вѣренъ себѣ, не теряетъ ни на минуту aggrèe-pensée, къ которой идетъ. Необыкновенная способность. Я радъ былъ этому спору: я могъ нѣкоторымъ образомъ извѣдать силы свои,—съ такимъ бойцомъ помѣриться стоитъ всякаго ученья, и мы разошлись, каждый при своемъ, не уступивши іоты. Консеквентность его во многомъ выше формалистовъ гегельянскихъ; онъ прямо говоритъ, что изъ Гегелевыхъ началъ на *Persönlichkeit Gottes, die Transcendenz* ⁵⁾ вывести нельзя, не сдѣлавши великой ошибки, что изъ нея необходимо *Immanenz* ⁶⁾ и жизнь — *inneres Gähren* ⁷⁾, приходящая

1) Складка.

2) Кто его знаетъ?

3) Алексѣй Степановичъ, извѣстный славянофилъ.

4) Fascination—способность чаровать.

5) Индивидуализмъ Бога, трансцендентность.

6) Имманентность.

7) Внутреннее броженіе.

въ себя къ идеѣ. Но, говоритъ онъ, «такъ какъ этотъ результатъ нелѣпъ, слѣд., послѣднее слово философіи—нелѣпость».

Опровергая Гегеля, Хомяковъ не держится въ всеобщихъ замѣчаніяхъ, въ результатахъ; нѣтъ, зная свою изворотливость, онъ идетъ въ самую глубь, въ самое сердце, то есть въ развитіе логической идеи. По его, недостатокъ главный — невозможность перехода (слѣдовательно, полного пониманія) мысли въ фактъ, къ факту. Что фактъ логическій не можетъ *вполнѣ* знать факта реальнаго, и это вотъ почему. Одна изъ сторонъ факта случайна, отъ нея мысль отвлекаетъ; онъ ее признаетъ, но оставляетъ, беретъ необходимое, законъ, реинтегрируетъ понятіе факта во всей чистотѣ его всеобщаго, т. е. абстрактнаго бытія, но фактъ *des Daseins* ¹⁾ имѣетъ *необходимо* и сторону случайности и, слѣд., какъ конкретъ не можетъ быть воссозданъ, а только, какъ абстракція; отсюда недостатокъ жизни въ логическомъ движеніи. Оставленіе случайности возможно въ теоріи, на дѣлѣ—не такъ (все это мнѣніе его). Человѣкъ въ фѣтальномъ состояніи долженъ развиваться въ человѣка совершеннолѣтняго, необходимость лежитъ въ понятіи *Embryo* ²⁾, но случайность отрѣзываетъ нить жизни,—и факта нѣтъ. А потому случайность существенна факту, а мыслью принята за несущественное.

Далѣе. Философія ведетъ къ имманенціи, но если самопознаніе, субъективность развертывается, погруженная въ міръ реальный, а міръ реальный *idealiter* ³⁾ долженъ развиваться въ самопознаніе, но можетъ *gehemmt sein* ⁴⁾ на дорогѣ случайностью, стало, можно предположить такую эпоху вселенной, въ которой субъективности, сознанія вовсе нѣтъ, а есть *dumpfes, unklares für sich* ⁵⁾ броженіе,—а если планета—такая же индивидуальность, какъ индивидуальность человѣка, то, и разившись до сознанія; она можетъ погибнуть и съ ней весь побѣжденный процессъ, который долженъ бы былъ продолжаться на всѣхъ точкахъ вселенной. Но изъ нихъ каждое также зависитъ отъ случайности,—отсюда хаотическое, страшное воззрѣніе. Я сказалъ ему, что это свирѣпѣйшая односторонность имманенціи, и доказывалъ кругомъ ограниченныя вліянія случайности etc., etc. Результатъ его: Гегель и гегельяне представляютъ высшій моментъ философіи, совершенно послѣдовательный и необходимый изъ всего предшествовавшаго развитія, но этотъ резуль-

¹⁾ Потусторонность.

²⁾ Зародышъ.

³⁾ Идеально.

⁴⁾ Быть задержанъ.

⁵⁾ Глухое, неясное для себя.

татъ доводитъ до построенія идеальнаго, параллельнаго реальному, — но и реальное доводитъ въ послѣднемъ словѣ до имманенціи и распадагося хаотическаго атомизма, слѣд., до нелѣпости. Но эта нелѣпость не есть субъективная ошибка лица или школы, а логическое, необходимое послѣдствіе всего движенія науки. Слѣд., наука въ послѣднемъ результатѣ своемъ уничтожаетъ себя и доказываетъ, что живой фактъ можетъ только въ абстракціи быть знаемъ мыслью, строяемъ ею, но, какъ конкретъ, онъ выпадаетъ изъ нея. Итакъ, логическимъ путемъ однимъ нельзя знать истину. Она воплощается въ самой жизни — отсюда религіозный путь.

По дорогѣ были еще тысячи отступленій и частныхъ соприкосновенныхъ вопросовъ между весьма оригинальными замѣчаніями Хомякова. Вотъ примѣръ. Христіанская партія въ Германіи упрекаетъ гегельянъ вообще въ томъ, что личность Бога у нихъ не выходитъ въ замкнутости обыкновенной *Persönlichkeit*, а тѣ защищаются въ этомъ. Между тѣмъ, если бы такая *Persönlichkeit* выходила по логическому пути, то въ самой *Persönlichkeit* было бы полнѣйшее отрицаніе второго лица и, слѣд., отрицаніе возможности христіанства. Остается принятіе безличнаго Бога; *cela n'arrange pas les affaires* ¹⁾ піэтистовъ, но можно эманировать христіанство. *Belle alternative* ²⁾. Греція никогда не знала никакого бога, кромѣ чловѣка. Персія, Индія выше ея: поклонялись, хоть абстрактнымъ, но всеобщимъ идеямъ. Буддизмъ хотѣлъ свободы, хотя бы на счетъ бытія. Въ этомъ безуміи есть высокое направленіе etc., etc.

Долго говоривши, наконецъ, я хотѣлъ узнать рѣшительно его построенія, его внутреннюю мысль, ибо такого рода негачія не есть положеніе чего бы то ни было. Но онъ отдѣлался и ничего не сказалъ. Сперва онъ употребилъ выраженіе *бытіе есть богъ*, потомъ сказалъ *богъ внѣ міра*; но какъ же, спросилъ я, бытіе отдѣльно отъ сущаго? «Разумѣется, — замѣтилъ онъ, — не отдѣльно, но для себя» — дальнѣйшаго развитія и главное — христіанскаго, онъ не сдѣлалъ. Да и было уже поздно. Да я думаю, и нѣтъ ничего готоваго. ¹⁵

22. — Такъ, какъ въ прошлый разъ, такъ и теперь Наташа видимо перенесла спокойно ужасный ударъ, плакала, но держалась въ предѣлахъ самоотверженія и грусти, а не отчаивалась. Эта умѣренность и власть надъ собой, кажется, мнимая. Теперь, когда прошли недѣли, болѣе и болѣе видны опустошенія, сдѣланныя новымъ ударомъ въ этомъ нѣжномъ и нервномъ существѣ.

Иногда ея безвыходно печальный взоръ мнѣ невыносимъ, — онъ

¹⁾ Это не устраиваетъ.

²⁾ Недурная альтернатива.

для меня тягостнѣе всякаго креста. Доля, конечно, должна относиться къ болѣзненному состоянію: всякая маленькая шероховатость, ничтожное обстоятельство ее оскорбляетъ глубочайшимъ образомъ, и она скрываетъ это; но выраженіе боли и грусти выражается на благородномъ челѣ до такой яркой степени, что ихъ нельзя не видѣть. Я виню себя въ томъ, что не умѣю окружить ея жизнь со всѣхъ сторонъ сферой высшаго порядка, въ которую не входили бы маленькія мелочи. Съ другой стороны, вредъ слишкомъ затворнической жизни также очевиденъ: надобно движенія, разсѣянности. Но развѣ всякіе люди могутъ разсѣяться? а гдѣ же взять иныхъ? Странное устройство жизни. Мы нашли полную гармонию, полное соотвѣтствованіе. Я теперь, какъ пять лѣтъ и шесть тому назадъ, готовъ *huldigen* ¹⁾ высокому прекрасному существу. Тупая случайность смутила наше благородно-гармоническое существованіе. Три гробика... Три колыбели замѣнились вдругъ тремя гробами. Это страшно. Да, нѣтъ предопредѣленія, — отсутствіе разума въ управленіи индивидуальной жизнью очевидно.

27.—Я иногда задыхаюсь отъ какого-то сокрушительнаго огня въ крови. Потребность всякихъ потрясеній, впечатлѣній, потребность непрерывной дѣятельности и невозможность сосредоточиться на одной книжной заставляетъ духъ безпокойно бросаться на все безъ разбора, безъ разума. А послѣ *je me sens flétri, flétri doublement par le repentir même, repentir d'homme faible, qui a toute la possibilité de tomber demain encore plus profondément* ²⁾. Этотъ безпокойный духъ, кажется, свидѣтельствуетъ не болѣе, какъ не устоявшійся нравъ: есть жидкости, вѣчно бродящія и киснущія потомъ, когда перебродятъ.

Вчера Гр. ³⁾ говорилъ о своихъ семейныхъ отношеніяхъ, — тоже недурны. Хлопочетъ о разводѣ въ бракѣ; а не слѣдуетъ ли допустить разводы всѣхъ узъ родства, не исключая узъ родительскихъ? Одно физическое рожденіе не связываетъ неразрывно, и если родство не родилось въ духѣ, — его нѣтъ, оно — цѣпь, натяжка. И будто человекъ не можетъ иными дѣйствіями отречься отъ физическаго рожденія? Должно ли, въ самомъ дѣлѣ, въ грядущихъ вѣкахъ семейственность подавлять, или какъ она измѣнится? Въ современныхъ отношеніяхъ нѣтъ развитія, нѣтъ будущаго. Половина энергіи пропадаетъ на бесплодную борьбу внутри семейства,

¹⁾ Присягнуть.

²⁾ Я чувствую себя запятаннымъ, запятаннымъ вдвойнѣ самымъ фактомъ раскаянія, раскаянія слабого человека, который вполне способенъ завтра же пасть еще глубже.

³⁾ Т. Н. Грановскій.

и сколько нѣжныхъ, благородныхъ душъ гибнуть безвозвратно жертвою нелѣпыхъ предразсудковъ. А если и эту цѣпь снять? Посмотрите тогда на животнаго, — да и цѣпи оттого, что люди все еще животныя.

«Diplomatische Geschichte der Polnischen Emigration von 1831»¹⁾ — собраніе довольно любопытныхъ документовъ о Польшѣ—унесенной, безземельной. Вообще дѣйствіе этой брошюры щемяще и тяжелое. Самая надежда, которую они хранятъ, не оживляетъ, не облегчаетъ, потому что она похожа на надежду чахоточнаго. Демократическая партія совершенно отдѣлилась отъ аристократовъ и предала ихъ позору, обличивъ, сколько они ускорили катастрофу. Языкъ манифеста 1840 твердъ. Нѣкоторыя подробности о событіяхъ; покрытыхъ непроницаемой завѣсой послѣ революціи. О дѣтяхъ, эмиссарахъ etc., etc. А мы толкуемъ о утопіяхъ въ то время, какъ возлѣ, около... ну, да что объ этомъ говорить. Грустно..... и съ этимъ грустнымъ чувствомъ, давно знакомымъ, мы проводимъ и этотъ годъ.

Окончилъ этимъ днемъ статью объ ученыхъ²⁾. Многіе ее находятъ лучшей изъ моихъ статей. Окончилъ и о романтизмъ для альманаха. Пора снова приняться за серьезное чтеніе; 1842 проведенъ со стороны занятій прерывисто, хоть не бесполезно. Сначала усердное чтеніе Гегеля, пониманье и воспроизведеніе живое его ученія,—тогда и 1-я статья о дилетантизмъ; потомъ съ 1-го іюня мѣсяца четыре *dolce far niente*, а въ концѣ нѣсколько исправился. Но все не могъ наладить систематическаго труда. А состарѣлся я много въ этотъ годъ и покидаю его не вовсе довольнымъ собою.

29.—Хомяковъ въ изложенномъ спорѣ, между прочимъ, бросилъ слѣдующее замѣчаніе: древній міръ, оканчиваясь, умирая, выразился двумя индивидуальностями — Пилатомъ и Брутомъ, — Брутомъ, который провелъ всю жизнь въ стоическомъ поклоненіи добродѣтели, преслѣдуя ее, жертвуя ей, окончилъ тѣмъ, что угомонился въ ней, и Пилатъ, который зналъ, что дѣлаетъ неправое, сдѣлалъ его, омывая руки.

◆◆ 1. Въ самомъ концѣ декабря 1841 г. или 1—3 января 1842 г. Герценъ вошелъ съ прошеніемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ черезъ новгородскаго губернатора, о содержаніи котораго, за неотысканіемъ подлинника, можно судить по отношенію министра внутр. дѣлъ, гр. Л. Перовскаго, отъ 9 января 1842 г. къ шефу

1) «Дипломатическая исторія польской эмиграціи съ 1831».

2) «Дилетантизмъ въ наукѣ».

жандармовъ. Переведенный въ Новгородъ совѣтникомъ губ. правленія и уже въ чинѣ коллежскаго асессора, Герценъ,—говорилось въ отношеніи, — «по разстроеннымъ домашнимъ обстоятельствамъ и болѣзни жены», проситъ объ увольненіи «на нѣкоторое время въ отставку» и о дозволеніи «жить въ Москвѣ у престарѣлаго отца», а если нельзя, то «частью въ деревнѣ, а частью въ томъ губернскомъ городѣ, гдѣ пожелаетъ или гдѣ полезнѣе будетъ для излѣченія больной жены». 15 января гр. Бенкендорфъ сообщилъ министру, что такъ какъ недавно еще государь отказалъ въ просьбѣ, то теперь неудобно снова говорить о томъ же лицѣ; что же касается увольненія отъ службы, то оно вполнѣ зависитъ отъ прямого начальства Герцена; жить же можетъ вездѣ, кромѣ столицъ. Когда новгородскій губернаторъ получилъ отъ министра такой же отвѣтъ, Герценъ понялъ, что прежде, чѣмъ подать въ отставку, надо было взвѣсить все за и противъ такого шага. Наконецъ, онъ рѣшился.

2. Во время пребывания Огарева въ Россіи, между январемъ—временемъ возвращенія изъ заграничнаго отпуска, и іюнемъ—отъѣздомъ во второй разрѣшенный отпускъ, Марія Львовна оставалась въ Европѣ: она поѣхала въ Италію съ молодымъ, искренно ее любившимъ, художникомъ С. Воробьевымъ. Такимъ образомъ разрывъ былъ фактомъ. Черезъ два съ половиною года Огаревъ вспоминалъ свое новгородское путешествіе: «Помнишь, какъ мы къ утру прощались до завтра и при первомъ свѣтѣ смотрѣли на Волховъ?» («Рус. Мысль» 1891, VI, 19).

3. 30 мая указомъ сената Герценъ вовсе уволенъ отъ службы за болѣзнь, съ награжденіемъ чиномъ надворнаго совѣтника (дѣло деп. герольдіи прав. сената 1847 г. № 136—2). Такимъ образомъ служба прекратилась, но жить нужно было въ Новгородѣ.

4. Письмо къ Дубельту—см. № 347. 13 іюня Николаю I былъ представленъ всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ шефъ жандармовъ говоритъ: Герценъ «проситъ предстательства моего объ исходатайствованіи ему всемилостивѣйшаго разрѣшенія на пребываніе въ Москвѣ, или буде сего невозможно, то по крайней мѣрѣ на свободный туда приѣздъ по временамъ. Таковую просьбу тит. сов. Герцена осмѣливаюсь повергнуть на высочайшее воззрѣніе вашего величества». Резолюція 14 іюня: «не заслуживаетъ того».

Огаревъ немедленно узналъ объ этомъ отъ Дубельта и поспѣшилъ увѣдомить обо всемъ друга.

Вотъ текстъ письма Н. А—ны къ императрицѣ, отправленнаго 17 іюня.

«Madame. Mon Mari le conseiller honoraire Herzen a eu l'insigne malheur de s'attirer la disgrâce de Sa Majesté l'Empereur qui lui a fait interdire l'entrée des deux capitales. Il ne m'appartient pas de vouloir justifier l'inconséquence commise par un jeune homme en répétant de faux bruits sur la police de St.-Pétersbourg; mais je me trouve souffrante et malheureuse,—et à ce titre je n'hésite pas d'implorer l'Auguste protection de Votre Majesté Impériale. Un plus long séjour à Novgorod porterait le dernier coup à ma santé détériorée par des couches malheureuses et qui nécessitent les avis des médecins les plus experts; d'un autre côté la délabrement de notre petite fortune rend notre présence à Moscou indispensable. Ne pouvant me décider à abandonner mon mari sous le poids du malheur qui l'accable, je n'ai plus d'espoir que dans la gracieuse intercession de Votre Majesté qui a déjà épuisé tant de larmes. C'est la grâce de mon mari, le pardon de sa faute, le droit de rentrer ne fut ce qu'à Moscou pour veiller à ses affaires et aux soins exigés par ma santé, que j'ose supplier Votre Majesté de demander à Votre Auguste Epoux.

«Je ne puis me dissimuler la hardiesse de ma démarche, mais à une époque où la Russie entière est dans la joie, j'ai osé espérer qu'une seule parole de Votre Majesté pourrait changer la douleur de toute une famille en actions de grâce éternelles.

«De Votre Majesté Impériale la très humble sujette *Natalie Herzen*.
«Novgorod, maison Schbiakin, quartier de la Sainte Sophie».

Переводъ.

«Ваше Величество, мой мужъ, надв. сов. Герценъ, имѣлъ огромное несчастіе впасть въ немилость Его Величества Государя, воспретившаго ему въѣздъ въ обѣ столицы. Мнѣ не подобаетъ оправдывать непослѣдовательность молодого человѣка, повторяя невѣрные слухи о петербургской полиціи; но я чувствую себя больною и несчастною и потому не задумываюсь умолять объ августѣйшемъ покровительствѣ Вашего И. В. Болѣе продолжительное пребываніе въ Новгородѣ нанесло бы окончательный ударъ моему здоровью, расшатанному несчастными родами, послѣ которыхъ я нуждаюсь въ совѣтахъ лучшихъ врачей; съ другой стороны, разстроенность нашего небольшого состоянія дѣлаетъ наше присутствіе въ Москвѣ необходимымъ. Не будучи въ состояніи покинуть моего мужа подъ тяжестью обрушившагося на него несчастія, я питаю надежду только на милостивое заступничество В. В., уже осушившей столько слезъ. Я осмѣливаюсь умолять, чтобы В. В. просили вашего высокаго супруга простить моего мужа, простить его ошибки и даровать ему право возвратиться, хотя бы въ Москву, чтобы заняться тамъ дѣ-

лами и заботами о моемъ здоровьи. Я не могу скрыть отъ себя смѣлости моего ходатайства, но осмѣлилась надѣяться, что въ такое время, когда вся Россія переживаетъ радость, — одно лишь слово В. В. можетъ превратить несчастье цѣлой семьи въ вѣчную благодарность. В. Величества покорнѣйшая вѣрноподданная, Н. Г.».

Въ «Воспоминаніяхъ» гр. В. А. Соллогуба находится подробный разсказъ, изъ котораго видна доля его участія во всемъ этомъ дѣлѣ.

«Въ сороковыхъ годахъ я часто посѣщалъ лѣтомъ на дачѣ въ Павловскѣ чету Панаевыхъ; романы Панаева (Ивана Ивановича—*М. Л.*) тогда усердно читались, а жена его (Авдотья Яковлевна—*М. Л.*) была одна изъ самыхъ красивыхъ женщинъ въ Петербургѣ; немалой приманкой также для посѣтителей дома Панаевыхъ служило почти постоянное въ немъ присутствіе знаменитаго потомъ народнаго поэта, Некрасова... Итакъ, я посѣщалъ довольно часто Панаевыхъ и однажды вечеромъ, послѣ пріятнаго обѣда былъ осажденъ слѣдующей просьбой со стороны г-жи Панаевой.

— Графъ,—сказала мнѣ хорошенькая хозяйка,—вы знаете съ такими важными людьми, у васъ такія большія связи, сдѣлайте доброе дѣло — помогите одному совершенно невинно политически пострадавшему молодому человѣку.

— Да, онъ заслуживаетъ состраданія, — въ свою очередь, замѣтилъ Панаевъ.

— И вниманія, — прибавилъ Некрасовъ, — потому что человѣкъ онъ не дюжинный.

«И она съ большимъ жаромъ разсказала мнѣ исторію этого невинно пострадавшаго,—исторію, о которой я уже, впрочемъ, слышалъ много. Возвращаясь домой, я сообразилъ, что путемъ обыкновеннаго заступничества ничего нельзя будетъ добиться; но я зналъ неисчерпаемую доброту императрицы Александры Ѳеодоровны и потому рѣшился обратиться лично къ ней черезъ одну изъ болѣе приближенныхъ къ ней придворныхъ дамъ; выборъ мой палъ на графиню Тизенгаузенъ, которую императрица особенно любила и отличала. Екатерина Ѳеодоровна Тизенгаузенъ съ свойственной ей добротой и обязательностью согласилась ходатайствовать передъ императрицей о нашемъ *protégé*. Государь Николай Павловичъ, неуклонный въ своихъ рѣшеніяхъ, часто уступалъ, однако, просьбамъ императрицы, но на этотъ разъ отказалъ наотрѣзъ; нѣсколько разъ императрица возобновляла объ этомъ разговоръ и всегда получала одинъ и тотъ же отвѣтъ: «нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ»; но, наконецъ, согласился онъ и, точно «*pro temore*», проговорилъ: «хорошо, но за послѣдствія не отвѣчаю» (стр. 133—135).

Память немного измѣнила Соллогубу: онъ говоритъ, что все это дѣлалось для выдачи Герцену заграничнаго паспорта, слѣдовательно въ 1846 г.,—на самомъ дѣлѣ хлопотали именно объ освобожденіи изъ Новгорода въ 1842 г.

5. 20 іюня Герценъ получилъ письмо Дубельта, сообщавшаго объ уже приведенной мною резолюціи Николая I отъ 14 іюня.

6. Николай Григорьевичъ Фроловъ, ровесникъ Герцена; окончивъ Пажескій корпусъ, въ 1830 г. поступилъ въ Семеновскій полкъ прапорщикомъ, въ 1834 г. вышелъ въ отставку, поступилъ въ Дерптскій университетъ, откуда отправился въ Германію; въ 1837 г. поселился въ Берлинѣ, гдѣ очень серьезно занимался философіей и естественно-историческими науками. Подъ вліяніемъ извѣстнаго географа Риттера очень заинтересовался географіей и въ 1852 г. издавалъ въ Россіи журналъ «Магазинъ Землевѣдѣнія и Путешествій». Умеръ 15 января 1855 г. Былъ другомъ Грановскаго, Герцена, Сатина, Бѣлинскаго и др.

7. 3 іюля Николай I положилъ резолюцію на письмѣ Н. А—ны къ императрицѣ: «въ Москвѣ жить можетъ, но сюда не пріѣзжать и оставаться подъ надзоромъ полиціи». 4 іюля Бенкендорфъ общалъ объ этомъ Н. А—нѣ, не упомянувъ, однако, о надзорѣ, что не было скрыто въ бумагахъ къ министру внутр. дѣлъ, отправленной въ тотъ же день.

11 іюля Н. А—на написала Бенкендорфу: «Милостивый Государь Графъ Александръ Христофоровичъ! Письмо Ваше отъ 4 іюля, которымъ Вамъ угодно было извѣстить о Всемилостивѣйшемъ соизволеніи Государя Императора на облегченіе судьбы моего мужа, призвало меня снова къ жизни и исполнило мое сердце безпредѣльнымъ благоговѣніемъ къ Высокой заступницѣ, до которой я осмѣлилась довести мой умоляющій голосъ. Моя благодарность къ милосердію Ея Величества превратится въ вѣчную молитву.

«Милостивое вниманіе Ваше удвоило нашу радость; при всѣхъ великихъ, важныхъ дѣлахъ Вы, исполненные участія къ страждущей, больной женщинѣ, почтили ее увѣдомленіемъ о счастливой перемѣнѣ судьбы ея мужа. Не откажитесь, Сіятельныйшій Графъ, принять отъ нея и выраженіе искренней признательности и глубокаго уваженія къ особѣ Вашей, съ которымъ она имѣетъ честь пребыть, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства покорнѣйшей слугою, *Н. Герценъ*» (дѣло Архива III Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи 1834 г., 1 экс., № 239, ч. 10).

8. Въ гл. XXVIII «Былого и думъ» Герценъ самъ рассказываетъ о своемъ увлеченіи. Здѣсь приведу лишь свидѣтельство Т. П. Пассекъ. «Разъ въ Москвѣ Александръ, во время продолжительной

болѣзни жены, легкомысленно увлекся служившей у нихъ горничной, но вскорѣ встревожился этимъ и тотчасъ же отдалилъ ее. Это повело къ большимъ семейнымъ несчастіямъ. Раздраженная, отдаленная дѣвушка отмстила ему на всю его жизнь. Собравшись говѣть, она пришла просить прощенія у Н. А—ны, упала ей въ ноги и все высказала. Натали жила въ полной увѣренности въ него. Здоровье ея этимъ было сильно потрясено. Она не могла опомниться долгіе годы; ей казалось, что палъ не онъ одинъ, но пали они оба, что идеальный союзъ ихъ разбился вдребезги. Упрекать, дѣлать сцены было не въ ея натурѣ; она молча уходила въ себя и плакала въ его отсутствіе. Александръ не могъ понять такой долгой грусти; онъ любилъ ее, — страдалъ, огорчался и раздражался» (т. III, 81—82).

9. А. И. Селинъ (род. 1816 г.) былъ человѣкомъ очень мягкаго характера, нѣжной деликатности въ обращеніи, готовый безъ разсужденій и оглядки помочь всякому, но очень горячій и вспыльчивый. Въ это время Герценъ зналъ его, потому что Селинъ былъ уже женихомъ Е. А. Захарьиной. Въ 1843 г. состоялась ихъ свадьба, послѣ которой Селины отправились за границу. Въ 1845 г. Селинъ занялъ каѳедру русской словесности въ Кіевскомъ университетѣ, которую занималъ до смерти, въ 1877 г. Вскорѣ послѣ этого Е. А—на, около 60 лѣтъ, вышла замужъ за кіевскаго окружнаго лѣсничаго, А. К. Гериха. Въ 1881 г., потерявъ уже и второго мужа, Е. А—на, боясь обыска, уничтожила портретъ Герцена и его письма. («Биографич. словарь профессоровъ и преподавателей и. университета св. Владиміра», Кіевъ, 1884 и «Одесскія Новости» 1905 г. № 6770).

10. П. В. Анненковъ писалъ М. М. Стасюлевичу въ 1882 г.: «Я встрѣтилъ въ интимной перепискѣ Герцена и Огарева негодование на Пассека, прежняго ихъ друга, доходившее до того, что они называли его «перебѣжчикомъ», а въ моихъ воспоминаніяхъ Пассекъ представлялся очень фразистымъ и малоталантливымъ фантазеромъ. За что было негодовать? А. Н. Пыпинъ разъяснилъ мнѣ дѣло. Нашимъ друзьямъ показалось, что Пассекъ отводитъ глаза отъ бѣдъ народныхъ своими проповѣдями о значеніи его быта и памятниковъ, имъ оставленныхъ» («М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ», III, 411).

11. 2 февраля 1842 г. московскій генераль-губернаторъ сообщилъ шефу жандармовъ, что Огаревъ вернулся изъ-за границы и проситъ ходатайства о дозволеніи ему вновь отправиться за границу и пробыть тамъ еще два курса лѣченія жены; кн. Голицынъ, съ своей стороны, находилъ его вполне достойнымъ такого раз-

рѣшенія. 16 февраля Николай I положилъ резолюцію на докладѣ гр. Бенкендорфа: «Еще на 6 мѣсяцевъ» (дѣло Архива III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи, 1834 г., 1 экс., № 239, ч. 8).

12. Въ «Воспоминаніяхъ» Ѳ. И. Буслаева находимъ слѣдующій рассказъ: «Московскіе славянофилы были не такъ брезгливы, чтобы не допускать въ свой интимный кружокъ кое-кого изъ западниковъ. Они дружески и довѣрчиво относились къ Т. Н. Грановскому, къ Герцену, даже къ Чаадаеву, котораго величали «католическимъ аббатикомъ». Двухъ послѣднихъ я впервые увидалъ на вечерѣ въ одномъ славянофильскомъ семействѣ. Это было, какъ сейчасъ вижу, въ угольной комнатѣ, довольно просторной, съ двумя окнами на улицу и съ одной дверью въ гостиную. У глухой стѣны, противъ двери, на диванѣ съ двумя или тремя дамами сидѣла молодая и красивая хозяйка и курила сигару,—папиросы тогда еще не вошли въ общее употребленіе. Ея мужъ переходилъ изъ одной комнаты въ другую, занимая одинокихъ гостей или прислушиваясь къ бесѣдамъ говорящихъ между собою. Противъ хозяйки отъ двери къ заднему углу у стѣны былъ тоже диванъ; на диванѣ сидятъ рядышкомъ Чаадаевъ съ Хомяковымъ и горячо о чемъ-то между собою разсуждаютъ; первый въ спокойной позѣ, а другой вертится изъ стороны въ сторону и дополняетъ свою скороговорку жестами обѣихъ рукъ. Для А. С. Хомякова разговаривать значило вести диспутъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ былъ неукротимый боець; свои состязанія ловко и задорливо умѣлъ тянуть до безконечности. Когда же противникъ начиналъ съ нимъ соглашаться, онъ придерется къ какому-нибудь его словечку или обмолвкѣ, бросится въ сторону и является передъ нимъ съ новымъ запасомъ вооруженія, даетъ другой оборотъ спору и другую обстановку и повторяетъ такую атаку до тѣхъ поръ, пока тотъ не выбьется изъ силъ. У окна въ углу, близъ дивана съ дамами, въ креслѣ сидѣлъ неизвѣстный мнѣ господинъ, лѣтъ тридцати, средняго роста, плотнаго сложенія, съ коротко остриженными волосами; круглое и полное лицо безъ бакенбардъ и усовъ, въ темно-синемъ фракѣ съ металлическими, позолоченными пуговицами, гладкими, безъ гербовъ. Онъ былъ спокоенъ и медлителенъ въ движеніяхъ и не разговорчивъ, лишь изрѣдка перемолвится съ хозяйкой или дастъ короткій отвѣтъ престарѣлому А. И. Тургеневу, который, наклонивъ голову и сложивъ руки за спиною, шагаль взадъ и впередъ по комнатѣ и, останавливаясь тамъ и сямъ, прислушивался къ говорящимъ. Легкій гулъ оживленной бесѣды время отъ времени покрывался зычными возгласами К. С. Аксакова, который пылко ораторствовалъ въ сосѣдней комнатѣ. Меня очень заинтересовалъ господинъ въ синемъ фракѣ съ позолоченными пуго-

вицами. Какъ и зачѣмъ попалъ сюда, думалось мнѣ, этотъ петербургскій чиновникъ, такой приформленный и этикетный? Къ моему крайнему удивленію, мнѣ сказали, что это—Герценъ. Онъ только что воротился изъ Вятки, куда былъ сосланъ» (стр. 295—296).

Память измѣнила Буслаеву: описываемое, по его же словамъ, было въ 1842 г., слѣд., отъ Вятки Герценъ былъ отдѣленъ почти пятью годами. Да тогда и удивляться было нечего, такъ какъ инымъ онъ и не могъ себѣ представить невѣдомаго Герцена; въ 1842 г. послѣдній не былъ похожъ на описаннаго господина и потому, дѣйствительно, долженъ былъ удивить человѣка, слышавшаго о немъ другое. Допуская, что Буслаевъ вѣрно передалъ свое впечатлѣніе, надо допустить, что онъ наблюдалъ Герцена въ одномъ изъ такихъ домовъ, гдѣ А. И—чъ чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ.

13. Родившагося и умершаго мальчика назвали Иваномъ. Въ «Московскомъ Некрополѣ» даты рожденія и смерти указаны совершенно невѣрно. Въ разказѣ Т. А. Астраковой многое перепутано: докторъ названъ Бромомъ и освѣщенъ весьма отрицательно, смерть ребенка отнесена къ слѣдующему послѣ рожденія дню и т. п.; вѣроятнѣе всего, что вся эта путаница—результатъ «обработки» воспоминаній Астраковой Т. П. Пассекъ. Во всякомъ случаѣ для насъ интересно описаніе чувствъ и настроенія мужа и жены.

«Когда я вошла къ малюткѣ Ванѣ, съ нимъ былъ припадокъ. Этотъ крошка страдалъ до того ужасно, что ночами мнѣ долго слышался тотъ раздирающій душу крикъ и представлялось искаженное судорогами личико. Я возвратилась къ Наташѣ, она спросила меня: «Видѣла ты его?»—Видѣла.—«Онъ очень кричитъ? очень страдаетъ? скажи правду».—Да, очень.—«Неправда ли, лучше умереть?»—Конечно, лучше.—«Видно, такъ надо,—сказала она: пошли ко мнѣ Александра, что онъ? Скажи ему, что я на все готова, я знаю, онъ боится прійти, боится измѣнить себѣ; и зачѣмъ обманывать, тѣшить?—смѣшно». Сказавши это, она горько улыбнулась.—Быть можетъ, Наташа, они и правы—замѣтила я: ты возмущаешься, а тебѣ это вредно. «—Нѣтъ,—возразила она—лучше знать правду, ждать неизбежнаго горя, чѣмъ вдругъ услышать. Пошли же его ко мнѣ, пошли!» Я позвала Александра. Онъ былъ жалокъ, взволнованъ, то садился, то вставалъ, ходилъ туда и сюда, лицо его горѣло, въ глазахъ свѣтились слезы. Когда я вошла, онъ бросился ко мнѣ и спросилъ: «Видѣли?»—Видѣла.—«Что она?»—Зоветь къ себѣ васъ.—«Какъ же итти? *я не сумѣю скрыть*».—И не надобно, лучше знать заранѣе, чѣмъ узнать вдругъ. Такіе сюрпризы убиваютъ.—«Да, это правда, но какъ сказать?»—Она все знаетъ, ступайте къ ней скорѣе.

«Я ушла домой вечеромъ измученная. На слѣдующій день новорожденный кончилъ жизнь... Когда Наташа стала поправляться, посѣщенія друзей возобновились. Наташа выѣзжала рѣдко, она была все какъ-то хвора и нервна. Наряды, необходимые при выѣздахъ, были ей противны. Только по просьбѣ Александра, она дѣлала необходимые визиты и затѣмъ довольствовалась домашней жизнью, въ ней она находила все свое блаженство» (Пассекъ, т. II, 282—283).

14. Въ это время Герцены жили вблизи отца, въ домѣ кн. Гариной (Рейхель, «Отрывки изъ воспоминаній», 29), такъ какъ третій домъ Яковлева (см. гл. V «Былого и думъ») еще не былъ купленъ.

15. 6 февраля 1843 г. Бѣлинскій писалъ В. Боткину: «Письмо Герцена ко мнѣ меня опечалило—отъ него папахиваетъ умѣренностью и благоразуміемъ житейскимъ, т. е. началомъ паденія и гніенія (я требую отъ тебя, чтобы ты далъ ему въ руки это мое письмо). Онъ толкуетъ, что г. Хомяковъ—удивительный человѣкъ, что онъ, правда лежитъ по уши въ грязи, но, видишь ты, и страдаетъ отъ этого. А въ чемъ выражается это страданіе? въ болтовнѣ, въ семинарскихъ диспутахъ pro и contra. Я знаю, что Хомяковъ—человѣкъ не глупый, много читалъ и вообще образованъ; но мнѣ было бы гадко его слышать, и онъ не надулъ бы меня своею диалектикою... Хомяковъ, это—изящный, образованный, умный И. А. Хлестаковъ, человѣкъ безъ убѣжденія, человѣкъ безъ царя въ головѣ; если онъ къ тому еще проповѣдуетъ, онъ—шутъ, паяцъ, кощунствующій надъ священнодѣйствіемъ религіознаго обряда. Плюю въ лицо всѣмъ Хомяковымъ, и будь проклятъ, кто осудитъ меня за это... Крѣпко пожми руку Герцена и скажи ему, что я, хоть и побранился съ нимъ, но люблю его тѣмъ не менѣе. Въ письмѣ его ко мнѣ есть нѣсколько строкъ, писанныхъ рукою Нат. А.—ны—за нихъ я не умѣю и благодарить, еще менѣе умѣю выразить, какъ много онѣ утѣшили меня» (Бѣлинскій «Письма», т. II, 334, 336).

345. Письмо къ Л. В. Дубельту.

8 апрѣля 1842.

Милостивый Гссударь, Леонтій Васильевичъ! Имѣвши честь. получить письмо которымъ Ваше Превосходительство почтили меня. въ минувшемъ Декабрѣ м. я не смѣлъ и думать въ скоромъ времени безпокоить васъ. Но я долженъ былъ покориться необходимости, притомъ я беру перо не съ тѣмъ чтобъ снова утруждать Ваше Превосходительство просьбою—я еще полонъ благодарности. за высокое предстательство обо мнѣ—мнѣ кажется, что я обязанъ довести до вашего свѣдѣнія слѣдующее:

Болѣзненное состояніе моей жены въ которомъ я поѣхалъ. снею изъ Петербурга усиливалось болѣе и болѣе, наконецъ кончина втораго малютки, пять мѣсяцевъ тому назадъ, сильно потрясла ее здоровье; видя трудность излѣчить ее въ довольно суровомъ климатѣ, не имѣя надежды провести снею нѣкоторое время для лѣченія въ которой-нибудь изъ столицъ, я рѣшился ѣхать снею на лѣто въ деревню, а если не будетъ облегченія въ южныя губерніи. Прележавши долгое время больнымъ я не могъ проситься въ долгій отпускъ и подалъ просьбу объ увольненіи отъ настоящей должности, предварительно узнавъ чрезъ Министерство внутреннихъ дѣлъ что препятствій на это особыхъ нѣтъ. Цѣль моего письма состсить только въ томъ чтобъ высказать Вашему Превосходительству причины, побудившія меня такъ поступить—истина ихъ извѣстна Г. Военному Губернатору, Г. Полковнику Корпуса Жандармовъ и сверхъ того врачамъ здѣшнимъ. Будущность моя еще болѣе отнынѣ зависитъ отъ графа Александра Христофоровича и отъ Васъ. Позвольте мнѣ сохранить вѣру, что когда настанетъ время Вы не отнимите руку помощи—потому что именно она можетъ исторгнуть меня изъ настоящаго положенія. Въмѣстѣ съ этой вѣрой въ моей груди жива надежда что будущность дастъ мнѣ средства доказать мое усердіе и ревность, стерѣть тѣнь набрасываемую на меня извѣстными Вамъ обстоятельствами. Не смѣю думать, чтобъ мое увольненіе основанное на сказанныхъ причинахъ могло усугубить тяжесть настоящаго—нѣтъ современемъ свѣтлый лучъ милосердія ниспадетъ съ Августѣйшаго трона и на меня. Безъ вѣры въ это—лучше бы не жить.

Присовокупляю еще что если мнѣ не нужно будетъ ѣхать въ южныя губерніи, я имѣю намѣреніе къ зимѣ переѣхать въ Тверь.

Умоляя простить что я такъ долго остановилъ вниманіе Ваше на себѣ, съ истиннымъ почтеніемъ и глубочайшей преданностью честь имѣю пребыть Милостивый Государь Вашего Превосходительства покорнѣшимъ слугою.

Александръ Герценъ.¹

◆◆ 1. Герценъ отнюдь не имѣлъ никакого обязательства служить, и потому читатель можетъ тѣмъ болѣе недоумѣвать, зачѣмъ понадобилось такое письмо? почему его пугали смѣлостью подачи въ отставку? Объясненіе просто: во времена Николая I каждый не служившій дворянинъ третировался какъ «лодырь», вольнодумъ, человѣкъ неблагонамѣренный. Герценъ тѣмъ болѣе могъ опасаться такой оцѣнки, что еще недавно получилъ важный для него чинъ кол. ассессора и такимъ образомъ какъ бы подчеркивалъ, что больше въ службѣ правительству не нуждается.

346. Новгородъ-Великій и Владиміръ-на-Клязьмѣ ¹⁾.

Недостаточно знать Петербургъ и Москву; для того, чтобъ знать Петербургъ и Москву, надобно еще заглянуть на то, что дѣлается вокругъ нихъ. Около Москвы мирный вѣнокъ шести или восьми губерній, великороссійскихъ до конца ногтей. Москва среди ихъ покоится, какъ старшая въ семействѣ; изъ нея берутъ ея племянницы и сестрицы образованіе, моду, умъ и глупость. Довольное спокойствіе овладѣло этой полосой, и она находится въ полудремотѣ, предпочитая сонъ отцу и матери, какъ говоритъ пословица. Старые губернаторы любятъ назначеніе въ эти губерніи. Въ нихъ никогда не бываетъ ни чрезвычайныхъ преступленій, ни безпримѣрной добродѣтели, ни вулканическихъ изверженій, ни опасныхъ разливовъ; хлѣбъ всегда родится довольно плохо, зато рѣдко совсѣмъ не родится; крестьяне благочестивы, жалуются на Бога за

¹⁾ Въ 1841 году ^{о)}, во время моей ссылки въ Новгородъ, сердясь на губернское правленіе и мерзкую погоду, на глупую ссылку и глупыхъ чиновниковъ, я написалъ небольшое юмористическое письмо — «Москва и Петербургъ»; письмо это понравилось многимъ и ходило по рукамъ. Этотъ успѣхъ подстрекнулъ меня написать другое письмо — «о Новгородѣ и Владиміръ». Рукописи перваго у меня нѣтъ; второе, казалось мнѣ, будетъ кстати въ той книжкѣ «Полярной Звѣзды», въ которой помѣщенъ рассказъ о моей новгородской жизни. — А. И. Г.

^{о)} 1842.

бѣдность, на казенную палату за рекрутскіе наборы, а на помѣщиковъ никогда не жалуются вслухъ. Каждая изъ этихъ губерній имѣеть свой талантъ,—стало, завидовать другъ другу нечего,—и онѣ такъ же мирно и родственно стоятъ на одномъ мѣстѣ около Москвы, какъ планеты ни минуты не постоятъ на одномъ мѣстѣ около солнца. Калуга производитъ тѣсто, Владиміръ—вишни, Тула—пистолеты и самовары, Тверь—извозничаетъ, Ярославль—человѣкъ торговый.

Климатъ Москвы съ ея присными принадлежитъ къ тѣмъ вещамъ, которыхъ вся характеристика состоитъ изъ отрицательныхъ качествъ: не холодный, не теплый, кукуруза не растетъ, яблони не мерзнуть. Послѣ того, какъ Петръ I открылъ возможность жить въ сыромъ болотѣ, прилегающемъ къ Балтійскому морю, нечего и доказывать обитаемость московской полосы. Я признаюсь откровенно въ моей ограниченности: не понимаю, какъ можно по доброй волѣ жить въ климатѣ восьми-девяти-мѣсячной зимы. Аскольдъ и Диръ были единственные порядочные люди изъ всей норманской сволочи, пришедшей съ Рюрикомъ: они взяли свои лодки да и пошли съ ними пѣшкомъ въ Кіевъ. Игорь, Олегъ и tutti quanti, жившіе на югѣ Россіи, были люди со вкусомъ, оттого единственный періодъ въ русской исторіи, который читать не страшно и не скучно, это—кіевскій періодъ.

Но какъ волка ни корми, онъ къ лѣсу глядитъ; истинные патріоты убѣжали опять на сѣверъ, на сѣверъ Владиміра-на-Клязьмѣ и Москвы. Впослѣдствіи и эта полоса оказалась радикаламъ недостаточно сѣверной. Петръ нашель сѣверъ почище.

Когда ѣдешь изъ Москвы въ Петербургъ, сначала по дорогѣ деревни напоминаютъ близость къ сердцу государства; Тверь—дальній кварталъ Москвы, и притомъ хорошій кварталъ; Тверь на Волгѣ и на шоссе, городъ съ будущностью, съ карьерой. Но въ новгородской губерніи путника обдаетъ тоской и ужасомъ; это—предисловіе къ Петербургу: другая земля, другая природа, безплодная пажити, болота съ болѣзненными испареніями, бѣдные деревни, бѣдные города, голодные жители и, что шагъ, становится страшнѣе, сердце сжимается; тутъ природа съ величайшимъ усиліемъ, какъ сказалъ Грибоѣдовъ, производитъ одни вѣники; чувствуешь, что подѣзжаешь къ той полосѣ земного шара, которая только сдѣлана Богомъ для бѣлыхъ медвѣдей да для равновѣсія, чтобъ шаръ не свалился съ орбиты. Деревья, какъ-то сторбившись, болѣзненно стоятъ на сырой и тощей землѣ, какъ волосы на головѣ у полуплѣшиваго. Такъ вы достигаете Новгорода. Отъ Новгорода начинаются стеариновыя свѣчи, гвардейскіе и всяческіе солдаты,—видно,

что Петербургъ близко. Остальные 180 верстъ — тотъ же пустырь ужасный, отвратительный, посыпанный кое-гдѣ солдатами. До Ижоръ, до Померанья можете присягнуть, что остается верстъ 1.000 до большого города. И въ углу этой-то неблагоприятной полосы земли, на трясинѣ между двухъ водъ — Петербургъ, Петербургъ блестящій, удивительный, одинъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ въ мірѣ. Петръ I, по русской пословицѣ, на обухѣ рожь молотилъ. Лишь бы мнѣ уѣхать на югъ, я всегда буду восхвалять, какъ дивную побѣду надъ природой, — Петербургъ. Три градуса вверхъ начинается здоровый сѣверъ, три градуса внизъ начинается умѣренно дурная полоса, въ которой Москва; промежуточные шесть градусовъ при приятномъ сосѣдствѣ моря и всякихъ водъ, рѣчныхъ, озерныхъ, болотныхъ, лѣчебныхъ и ядовитыхъ, при восточности положенія, при близости - - - - - , восьми министерствъ, трехъ полицій, святѣйшаго синода и всей - - - - - съ нѣмецкими сродниками составляютъ полосу вѣчной сырости, нравственной и физической изморози, душевнаго и тѣлеснаго тумана. Петербургъ, вбитый сваями не въ русскую, а въ финскую землю, находится между олонецкой и новгородской губерніями. Олонецкая губернія отстала отъ иркутской, иркутская не отстала отъ новгородской. Въ олонецкой губерніи разбросанныя по скалистой землѣ и между лѣсами деревни совершенно разобщены; есть села, къ которымъ никакихъ нѣтъ дорогъ, кромѣ тропинокъ. Новое изобрѣтеніе колесъ не вездѣ извѣстно въ олонецкой губерніи и они таскаютъ тяжести вдолокомъ. Петрозаводскъ — мѣсто въ родѣ Березова, — ему дали сибирскія права, чтобъ заманить служащихъ. И все это возлѣ Петербурга. До границы олонецкой губер. отъ Петербурга верстъ 200, не больше. Новгородская губернія дальними уѣздами не далеко ушла отъ олонецкой. Объ ней еще нельзя судить по большой дорогѣ: дикость, бѣдность земли, которая никогда не родитъ достаточно хлѣба для прокормленія, и къ тому еще военныя поселенія.

Въ новгородской губерніи есть деревни, разобщенныя лужами и болотами съ цѣлымъ шаромъ земнымъ, къ нимъ ѣздятъ только зимой. Этими болотами и этой грязью защищались новгородцы нѣкогда отъ великокняжескаго и великоханскаго ига, теперь защищаются отъ великополицейскаго. Въ эти деревни попь ѣздитъ раза три въ годъ и за цѣлую треть накрещиваетъ, навѣнчиваетъ, хоронить... При зимней дислокаціи солдатъ по уѣздамъ, какая-то рота попала въ одну изъ этихъ моченыхъ деревень; пришла весна, — нѣтъ роты да и деревни не могутъ найти, — хлопоты, переписка, съемка плановъ; по счастію, лѣто продолжается мѣсяца три, —

въ октябрскіе утренники является рота: она была за непроходимыми топами.

Да, нечего сказать, Петербургъ не разлилъ жизни около себя и не могъ, наоборотъ, почерпнуть жизненныхъ соковъ изъ сосѣдства, и въ этомъ опять его трагическій характеръ. Петербургъ все сжимается, лѣпится, сосредоточивается около Зимняго дворца—даже въ самомъ городѣ такъ. Много толковали о томъ, что въ Москвѣ огромный домъ, а возлѣ него хижина; но надобно вспомнить, что эти дома разбросаны на сорока верстахъ вездѣ. Не угодно ли въ Петербургѣ мѣрю двѣ версты отойти отъ Зимняго дворца по Петербургской сторонѣ — какая пустота, нечистота. Все дѣйствіе Петербурга на окружающія мѣста ограничилось тѣмъ, что онъ развратилъ Новгородъ и, начавши собою новую непонятную Русь, придавилъ все древнее въ самомъ мѣстѣ зародыша.

Владиміръ относится къ Москвѣ такъ, какъ Новгородъ къ Петербургу. Владиміръ былъ столицей, великъ и славенъ, — какъ можно было быть великимъ и славнымъ на Руси. Задушенный татарами, онъ уступилъ Москвѣ, пошелъ къ ней въ подмастерья, когда она сѣла хозяйкой всякимъ пронырствомъ и искательствомъ, но онъ сохранилъ въ своихъ воспоминаніяхъ былую славу, помнитъ Андрея Боголюбскаго и древность своей епархіи. Что-то тихое, кроткое въ его чертахъ, осыпанныхъ вишнями. Москва любила такихъ, не слишкомъ удалыхъ, сосѣдей и помощниковъ, и между ними завязалась искренняя дружеская связь; что было лишней крови, Москва высосала, и отставной столичный городъ, какъ истинный философъ или какъ грузинскій царевичъ, довольный тѣмъ, что осталось, — хотя и ничего не осталось, кромѣ того, чего взять нельзя, — ничего не хочетъ, ничего не усовершенствуетъ, строго держится православія и не заслуживаетъ брани, можетъ, потому, что и похвалить не за что. И Новгородъ былъ столицей и поважнѣе, — онъ былъ республикой, насколько можно было быть республикой на Руси. Душить его принялись мастера — не татарамъ чета: два Ивана Васильевича да одинъ Алексѣй Андреевичъ ¹⁾). Татары народъ кочевой, ни въ чемъ нѣтъ выдержки; придутъ, сожгутъ, оберутъ, разобидятъ, научатъ считать на счетахъ, бить кнутомъ, а потомъ и уйдутъ себѣ, чортъ знаетъ куда, — нехристи и варвары. Православные Иваны Васильевичи, особенно послѣдній, принялись за дѣло основательнѣй. Память вышибъ своей *долбнею* царь Иванъ Васильевичъ изъ новгородцевъ, а долбня эта осталась и хранится въ соборѣ; Вельтманъ писалъ книгу о «Господинѣ нашемъ Новгородѣ

¹⁾ Графъ Аракчеевъ.

Великомъ» и плакалъ отъ умиленія, встрѣтившись нечаянно на улицѣ съ Ярославовой башней. Я не плакалъ о господинѣ-слугѣ, а не разъ содрогался. Зданія, пережившія смыслъ свой, наводятъ ужась, когда вы спросите объ нихъ новгородца, выросшаго и со-старѣвшагося здѣсь, и онъ вамъ отвѣтитъ: «говорять, еще до Петра строено». Софійскій соборъ стоитъ на томъ же мѣстѣ, а противъ него губернское правленіе съ какимъ-то подъячески-осунувшимся фасадомъ. Въ соборѣ хранится, какъ я сказалъ, долбня, а въ губернскомъ правленіи въ золотомъ ковчегѣ — записка Аракчеева къ губернатору о убійствѣ его любовницы.

Какъ Новгородъ жилъ отъ Ивана Васильевича до Петербурга, никто не знаетъ; вѣроятно, корни гражданственности были и не глубоки и не живучи; вѣроятно, самъ Новгородъ ужаснулся грѣху торговать съ Ганзою и не слушаться указовъ. Грязный, дряхлый и ненужный стоялъ онъ, пока Петербургъ подросталъ, обстроился; но въ немъ не осталось ничего стариннаго русскаго, и не привилось ни одной капли европейскаго; нравы Новгорода представляютъ уродливую и отвратительную пародію на петербургскіе. Нравы Петербурга могутъ быть сносны только въ этомъ вѣчномъ вихрѣ, шумѣ, стукѣ, трескѣ, при новостяхъ, театрахъ, пароходахъ, кофейныхъ и иныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ. Бѣдный и лишенный всякихъ удобствъ, Новгородъ невыносимо скученъ. Это большая казарма, набитая солдатами, и маленькая канцелярія, набитая чиновниками. Нѣтъ обществности, подъячіе по-петербургски держатъ дверь на ключъ и не сходятся. Немного смѣшное гостепріимство подмосковныхъ губерній имѣетъ всегда какую-то бономію; циническій эгоизмъ новгородцевъ поселяетъ отвращеніе. Тутъ въ первый разъ пріѣзжающій изъ внутреннихъ губерній можетъ узнать, что такое петербургскій чиновникъ, *species petropolina, ministerialis* ¹⁾, это — махровый чиновникъ, далеко оставляющій за собою мелкихъ плутовъ, уѣздныхъ и губернскихъ.

Въ Новгородѣ каждое неосторожное слово можетъ навлечь бѣдствія; Петербургъ научилъ *ci-devant* ²⁾ республику наушничать. Въ губерніяхъ подмосковныхъ говорите, что хотите; разумѣется, не поймутъ, коли дѣло скажете, но и не донесутъ: «мы, де, дворяне».

Иваны Васильевичи долбили, собственно, городъ, но какъ нашъ вѣкъ желаетъ приобщить къ муниципальнымъ выгодамъ и земледѣльцевъ, — графъ Аракчеевъ рѣшилъ распространить благодѣяніе Ивановъ Васильевичей на всю губернію. Средство, имъ избранное,

¹⁾ Порода (разновидность) петроградская (петербургская), министеріальная.

²⁾ Прежнюю.

было гениально, — военныя поселенія. Заставить пахать землю по темпамъ, увѣрить мирнаго мужика, что онъ—грозный воинъ, разрушить семью и деревню и водворить казармы въ цѣлую волость, и все это—легкимъ и простымъ средствомъ: засѣкая десятаго мужика до смерти и всѣхъ остальныхъ—степенью меньше. Жаль, что смерть Анастасиі 1) помѣшала графу очень много, а потомъ немножко—смерть императора Александра, —окончить богоугодное дѣло.

Странная судьба Новгорода — въ его исторіи два имени не забыты, оба женскія: Марѳа-посадница и Настасья-наложница; обѣ обрушили на Новгородъ невыразимыя бѣдствія: первая жизнью, вторая смертью. Москва радовалась смерти первой, Петербургъ плакалъ о второй.

Новгородъ. 1842 года.

347. Письмо къ Л. В. Дубельту.

6 іюня 1842 г.

Милостивый Государь, Леонтій Васильевич! Нѣтъ извиненія въ смѣлости которую я беру снова утруждать Ваше Превосходительство, если Вы не найдете ее въ тягостномъ положеніи моемъ. Слухъ о предстоящемъ радостномъ торжествѣ 2), съ которымъ вѣроятно сопрягутся новыя милости—воскресилъ во мнѣ надежду: Вы имѣете возможность осуществить ее, Вы можете исторгнуть отца семейства изъ трудныхъ обстоятельствъ, я не имѣю права усомниться, чтобъ Вы не желали этаго.

Я еще въ Новѣгородѣ, увольненіе мое должно быть скоро объявлено, прежде ѣхать въ деревню я не могъ. Теперь остановился ожидая послѣдствій сего письма. Болѣзненное состояніе моей жены требуетъ болѣе и болѣе непрерывной помощи врачей, мнѣ остается оставить ее въ Москвѣ и жить самому въ деревнѣ—это тягостно, удручительно потому что я неимѣю права приѣзжать въ Москву, одна мысль этой невозможности сдѣлаетъ бесполезнымъ леченіе и исполнить горечью жизнь мою. Къ этому присовокупляется, что я черезъ долгое отсутствіе изъ Москвы растроиваю дѣла свои—какъ отецъ семейства на мнѣ лежитъ обязанность думать о будущей судьбѣ.

1) Минкина.

2) 1 іюля Николай I собирался праздновать свою «серебряную» свадьбу.

Не откажитесь принять на себя трудъ передать графу Александру Христофоровичу что я умоляю Его Сіятельство повергнуть мою судьбу предъ милосердіемъ Государя Императора и испросить мнѣ Всемилостивѣйшаго разрѣшенія отправится вмѣстѣ съ женою въ Москву и если мнѣ невозможно остаться тамъ на жительство, позволенія беспрепятственно приѣзжать изъ деревни когда того будутъ требовать мои семейныя дѣла.

Не имѣя никого кто бы могъ мнѣ подать руку помощи, кромѣ Вашего Превосходительства я снова вручаю судьбу моего семейства Вашему предстательству.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю пребыть Милостивый Государь Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою

А. Герценъ.

348. Письмо къ А. Л. Витбергу.

10-го іюля 1842 г.
Новгородъ.

Почтеннѣйшій Александръ Лаврентьевичъ! Тѣмъ пріятнѣе мнѣ отвѣчать на ваше письмо, что я начну съ доброй вѣсти: доля нашихъ молитвъ сбылась, и я ѣду на-дняхъ въ Москву. Это было всего необходимѣе для разстроеннаго здоровья жены, необходимо также въ финансовомъ отношеніи. Это счастливое улучшеніе моей судьбы случилось очень недавно, и я усердно молю Бога ниспослать все благое виновникамъ благополучнаго оборота дѣла. Признаюсь, я въ послѣднее время ужъ начиналъ грустить не на шутку. Я ѣду въ воскресенье или въ понедѣльникъ, и изъ Москвы буду писать къ вамъ обстоятельнѣе. Теперь у насъ разгромъ, укладка и проч.

Душевно преданный вамъ

Александръ.

349. Письмо къ А. А. Краевскому.

10 іюля 1842 г.

Почтеннѣйшій Андрей Александровичъ! Мой скептицизмъ былъ неумѣстенъ: сейчасъ я получилъ офиціальное сообщеніе и спѣшу Васъ увѣдомить. Очень-очень хотѣлось бы мнѣ написать звучную

строку искренней благодарности дѣлателью «Тарантаса» и его благородному родственнику ¹⁾, но не знаю, слѣдуетъ или нѣтъ. Передайте Вы имъ все, чѣмъ можетъ быть полно сердце отца семейства, мужа больной страждущей женщины и пр. и пр. Мнѣ бы хотѣлось обнять, поцѣловать, сжать крѣпко руку и состричь для того, чтобъ не заплакать.

Послѣ завтра ѣду въ Москву; мой адресъ, пожалуй, къ брату: все равно.

Вашъ А. Герценъ.

Сейчасъ проѣхалъ здѣсь Василій Петровичъ ²⁾.

350. Запись въ альбомъ бар. Е. В. Тизенгаузенъ.

Вы, вѣрно, много разъ слышали, какъ путешественники съ радостью и восхищеніемъ вспоминаютъ, какъ послѣ бурь и непогодъ, измержнувъ и сбившись съ дороги, они вдругъ неожиданно находили гостепріимную руку, тепло и привѣтъ... Таково будетъ всегда мое воспоминаніе объ вашемъ домѣ, гдѣ я грустнымъ путникомъ постучалъ въ вашу дверь: она отворилась, и болѣе нашель путникъ, нежели могъ ожидать. Отправляясь далѣе, онъ отъ души благословляетъ васъ и уноситъ съ собою пріятную надежду, что иногда вы вспомните объ немъ.

А. Герценъ.

Новгородъ,
12 іюля 1842 г.¹

◆◆ 1. Бар. Елизавета Васильевна Тизенгаузенъ была женой бар. Карла Егоровича, жандармскаго штабъ-офицера въ Новгородѣ. Сынъ ея, бар. Карлъ Карловичъ Тизенгаузенъ, посылая мнѣ копію съ подлинника, хранящагося у него въ г. Ростовѣ ярославскомъ, писалъ 10 апрѣля 1912 г.: «Со словъ моихъ отца и матери, я знаю, что А. И. Герценъ, когда жилъ въ Новгородѣ, часто бывалъ въ нашемъ домѣ, гдѣ былъ принятъ, какъ самый близкій родной; что въ нашемъ домѣ всегда о немъ вспоминали съ особенной любовью и уваженіемъ и какъ о необыкновенномъ чело­вѣкѣ, и считали его образцомъ гражданина и великимъ патріотомъ, для кото-

¹⁾ Графъ Соллогубъ и графъ Вельгорскій.

²⁾ Боткинъ.

раго благо родины и народа было превыше всего. Отецъ и мать мои всегда съ грустью и соболѣзнованіемъ говорили о томъ, что *такой* человѣкъ вынужденъ былъ покинуть Россію. Къ этимъ воспоминаніямъ могу прибавить еще одно, дорогое лично для меня. Какъ-то однажды, когда я былъ уже взрослымъ человѣкомъ, въ разговорѣ съ отцомъ и матерью моими я упомянулъ о томъ, что помню, что, когда былъ еще малымъ ребенкомъ, меня взялъ съ пола на руки какой-то высокій господинъ, весь въ черномъ, съ длиннымъ ногтемъ на одномъ пальцѣ, какъ мнѣ показалось... «Да, вѣдь, это былъ Герценъ!» — въ одинъ голосъ вскричали отецъ и мать мои».

1843

351. ДНЕВНИКЪ.

(Продолженіе).

Тысяча восемьсотъ сорокъ третій годъ.

МОСКВА.

1843 годъ.

Январь мѣсяць.

1.—Встрѣтились мы съ 1843 годомъ подъ счастливымъ со- звѣздіемъ. Девять лѣтъ я не встрѣчалъ новый годъ въ Москвѣ ¹⁾. Шумно и весело, съ пѣнящими бокалами и искренними объятіями друзей, перешли мы въ него. И было чрезвычайно весело, что рѣдко посѣщаетъ насъ; на минуту скорбное отлетѣло, мы были довольны, что вмѣстѣ послѣ долгихъ и скорбныхъ лѣтъ. Огарева недоста- вало, но онъ былъ съ нами въ воспоминаніи и въ портретѣ.

7.—«Deutsche Jahrbücher» запрещены въ Саксоніи. Ввозъ лейп- цигскихъ газетъ запрещенъ въ Пруссіи за крупныя слова между королемъ прусскимъ и Гервегомъ ²⁾. А какъ все еще смѣшно, жалко! Въ Петербургѣ Клейнмихель, министръ инженерный, велѣлъ поса- дить двухъ цензоровъ на гауптвахту, и они были посажены, а по- томъ кто-то велѣлъ ихъ выпустить, и ихъ выпустили. Послѣ этого просто по улицамъ ходить опасно: первый генералъ вздумаетъ по- садить, потомъ извинится.

¹⁾ 1834-й встрѣчалъ въ Москвѣ, 1835-й—былъ въ заключеніи, 1836— 1842 встрѣчались въ провинціи.

²⁾ Георгъ, нѣмецкій поэтъ, впослѣдствіи сыгравшій роковую роль въ жизни Герцена.

Объ «D. Jah.» жалѣтъ особенно нечего, потому что полныя энергіи издатели не сядутъ сложа руки, а такъ, какъ переѣхали изъ Галле въ Лейпцигъ, такъ переѣдутъ въ Цюрихъ, Женеву, пожалуй, въ Бельгію. Въ одномъ изъ послѣднихъ № была статья француза Jul. Elisard ¹⁾ о современномъ духѣ реакціи въ Германіи. Художественно-превосходная статья. И это чуть ли не первый французъ (котораго я знаю) ²⁾, понявшій Гегеля и германское мышленіе. Это громкій, открытый, торжественный возгласъ демократической партіи, полный силъ, твердый обладаніемъ симпатій въ настоящемъ и всего міра въ будущемъ; онъ протягиваетъ руку консерватистамъ, какъ имѣющей власть, раскрываетъ имъ съ неимовѣрной ясностью *смыслъ* ихъ анахронистическаго стремленія и зоветъ въ челоуѣчество. Вся статья отъ доски до доски замѣчательна. Когда французы примутся обобщать и популяризировать германскую науку, — разумѣется, понявши ее, — тогда наступитъ великая фаза der Bethätigung ³⁾. У нѣмца нѣтъ еще языка на это. Въ этомъ дѣлѣ, можетъ, и мы можемъ вложить лепту.

8.—Аксаковъ ⁴⁾, князь Гагаринъ ⁵⁾ и др. Когда настаетъ эпоха совершеннаго развитія, разумнаго и сознательнаго для народа, мыслящія проникнуты единымъ духомъ, увлечены одной всеобщей мыслью, религіей. Возможно еще противодѣйствіе религіи—своя религія прошедшаго. Но когда народъ ощущаетъ одинъ темный трепетъ призванія, одно броженіе чего-то неяснаго, но влекущаго его въ сферу шири, тогда мыслящія, не имѣя общей связи, начинаютъ метаться во всѣ стороны. Страшное сознаніе гнусной дѣйствительности, борьбы заставляетъ искать примиренія во что бы ни стало, примиренія во всякой нелѣпости, себяобольщенія,—лишь бы была дѣятельность мысли, лишь бы оторваться отъ дѣйствительности и найти причину, почему она такъ гадка. Вотъ причина этого множества партій, самыхъ непонятныхъ, въ Москвѣ. Общая связь одна,—всѣ убѣждены въ тягости настоящаго, но выходъ находитъ каждый молодецъ на свой образецъ. Партія католиковъ всѣхъ дальше въ нелѣпости. Она нелѣпа во Франціи, ибо католицизмъ имѣлъ торжественный моментъ развитія и столько же торжественный моментъ признанія дряхлости, безсилія. О его воскрешеніи смѣшно думать на Западѣ,—ну, да французы-католики раг

¹⁾ Псевдонимъ М. А. Бакунина.

²⁾ Надо понимать въ томъ смыслѣ, что этого «француза» прочелъ и потому зналъ, не имѣя еще свѣдѣній, кто именно авторъ.

³⁾ Осуществленія.

⁴⁾ Константинъ Сергѣевичъ.

⁵⁾ Иванъ Сергѣевичъ, іезуитъ.

métier ¹⁾), а какво же въ нашъ вѣкъ сдѣлаться католикомъ par affinité élective ²⁾), сдѣлаться іезуитскимъ пропагандистомъ... Жаль откровенность, съ которой бросаются въ эти мертвыя путы. Таковъ князь Гагаринъ; онъ считаетъ Чаадаева *отсталымъ*. Понять можно: аристократъ, вѣроятно, не получившій серьезнаго образованія, ни сильнаго таланта, между тѣмъ, умъ и горячее сердце,—Богъ привелъ взглянуть на Францію, на Европу. Дома-то черно, страшно. Путь человѣчества неизвѣстенъ. Основныя, краугольныя начала современнаго взгляда, автономія разума, исторія—terra incognita. А тутъ случайная встрѣча съ іезуитомъ, съ безумнымъ католикомъ; передъ непривычнымъ глазомъ развертывается въ первый разъ ученіе, мощно развитое изъ своихъ началъ (которыя впередъ втѣсняетъ своимъ авторитетомъ),—и удивленный человѣкъ предается вымершему принципу. Таланты Чаадаева дѣлаютъ его болѣе отвѣтственнымъ. Vice versa ³⁾): партія православныхъ, Кирѣевскій ⁴⁾ en tête ⁵⁾), а потомъ и Шевыревъ ⁶⁾)—дилетанты религіи, и славянофилы, и русофилы, и Аксаковъ полу-гегельянецъ и полу-православный. Они передъ католиками имѣютъ важный шагъ впередъ, потому что они родились въ православіи, связаны воспитаніемъ, народными воспоминаніями etc. Сверхъ того, православіе никогда не имѣло такого торжественнаго финала, какъ реформація; оно, покойное, никогда не шло ни впередъ, ни назадъ, и потому это безжизненное, но и не мертвое бытіе, въ самомъ дѣлѣ, имѣетъ нѣчто проблематическое, о чемъ мечтать можно. Почему знать, чѣмъ оно разовьется,—такъ, какъ можно ждать еще развитія византійскаго зодчества, а уже готическаго нельзя. Я говорилъ долго съ Аксаковымъ, желая посмотрѣть, какъ онъ примирилъ свое православіе съ своимъ гегельянизмомъ; но онъ и не примиряетъ: онъ признаетъ религію и философію разными областями и позволяетъ имъ какъ-то вмѣстѣ, это—конкубинатъ sui generis. Другіе, какъ Кирѣевскій, отвергаютъ все западное, не хотятъ даже знать, боятся знать, т. е. боятся углубиться въ себя, чтобъ не найти тамъ зародышей скептицизма. Споры между католиками и православными пресмѣшны,—такъ и переносишься въ блаженной памяти средніе вѣка. Типъ этихъ споровъ одинъ: «откуда вѣдьмы,—изъ Кіева или изъ Чернигова?» Для

¹⁾ По ремеслу.

²⁾ По собственной склонности.

³⁾ И обратно.

⁴⁾ Иванъ Васильевичъ.

⁵⁾ Во главѣ.

⁶⁾ Степанъ Петровичъ, профессоръ русской словесности, другъ Погодина.

людей, не вѣрящихъ въ вѣдѣмъ, остается зѣвать и жалѣть расточенія силъ. Эти господа дѣлали преспеціальныя изученія исторіи церкви, знаютъ подробности ненужныя и мелочныя, дающія пищу ихъ контроверзѣ, и совершенно незнакомы съ краеугольными истинами историческаго движенія,—до смѣшного. Князь Гагаринъ однажды доказывалъ, что въ XVI, что ли то, вѣкъ было незаконное избраніе русскаго патріарха, и отсюда выводилъ заключеніе о мѣрѣ законности постановленій и пр.; но развѣ греко-россійская церковь не есть событіе, которое требуетъ только признанія? и что поможетъ доказательство, что она не имѣетъ въ такомъ-то смыслѣ такого-то оправданія?.. Тутъ еще не всѣ. Есть и протестанты, улыбающіеся надъ тѣми и другими, какъ надъ отсталыми, смѣющіеся надъ невѣждами, утверждающими, что вѣдѣмы изъ Кіева или изъ Чернигова,—а сами они знаютъ навѣрное, что вѣдѣмы идутъ изъ Житомира. Ихъ положеніе тѣмъ не завидно, что ихъ бьютъ со всѣхъ сторонъ, религіозныхъ и совѣмъ не религіозныхъ; куда они ни обернутся, это—чужая собака, пристающая къ грызущимся. И грызущіяся тотчасъ обращаются на чужую, оставляя свой раздоръ.

И на это расточается большая дѣятельность, хоть плода ждать нельзя; но, какъ бы то ни было, нельзя не признать, что самая дѣятельность эта утѣшительна: безъ нея Москва была бы гробъ; привычка заниматься всеобщимъ, переносить свои интересы въ сферу вопросовъ религіозныхъ—хороша. Привычка собираться для споровъ, излагать, защищать свое profession de foi постановляетъ въ люди насъ,—все-таки, безличныхъ рабовъ. Итакъ, спасибо и на томъ!

Вчера явился ко мнѣ знакомиться профессоръ казанскаго университета Григоровичъ ¹⁾. Отраднѣе уже самое юношески-благородное желаніе изъявить свою симпатію людямъ... какъ сказать?.. людямъ движенія; но еще отраднѣе видѣть профессора славянскихъ языковъ въ Казани, твердо смотрящаго на свой предметъ съ точки зрѣнія современной науки. Мнѣ дорого было и его вниманіе, и узнать, что за Волгой есть такой благородный представитель гуманности.

Разговоръ съ Гр. ²⁾ о личномъ положеніи моемъ, нашемъ всегда оставляетъ мрачное расположеніе. ¹ А впрочемъ, подчасъ кипятъ надежды. Nein, nein, es sind keine leere Träume! Нѣтъ достаточно вѣры, оттого нѣтъ достаточно резигнаціи. Хочется насладиться жизнью, отдохнуть отъ прошлыхъ ударовъ въ то время, какъ слѣдовало бы самоотверженно исполнить долгъ. Конечно, мы приносимъ, хоть малую, но приносимъ пользу.

¹⁾ Викторъ Ивановичъ, извѣстный славистъ.

²⁾ Т. Н. Грановскій.

14. — Правительство подыскивается и приготовляетъ ловушки славянофиламъ. Оно само поставило знаменемъ народность, но оно и тутъ не позволяетъ итти дальше себя: о чемъ бы ни думали, какъ бы ни думали, — не хорошо. Надобно слугъ и солдатъ, которыхъ вся жизнь проходить въ случайныхъ интересахъ и которые принимаютъ за патриотизмъ дисциплину.² Передъ Рождествомъ, Клейнмихель велѣлъ посадить на гауптвахту двухъ цензоровъ за не понравившееся ему выраженіе объ офицерахъ. Врядъ поймутъ ли, сообразятъ ли европейцы этотъ случай. Министръ инженерный, который только начальникъ публичныхъ работъ, военный, приказалъ арестовать чиновниковъ, служащихъ по иному вѣдомству, и для которыхъ, какъ для всѣхъ, есть же законный судъ, вслѣдствіе котораго можно наказывать. Въ родѣ осаднаго положенія. Мы все глубже и глубже погрязаемъ въ какое-то дикое состояніе военнаго деспотизма и безправія. Утѣшаетъ одно: все это зиждется на одной матеріальной силѣ, — нравственной, исторической основы никакой.

16. — Опять тяжелый разговоръ съ Natalie, точно въ прошедшемъ году послѣ ея болѣзни. Отчасти всѣ эти Grübeleien¹⁾ — именно слѣдствіе болѣзни; но есть корни и глубже — въ ея характерѣ, въ ея воспитаніи. Главная вина моя, что я не умѣлъ осторожно, нѣжно вырвать ихъ. Нѣсколько дней я заставлялъ ее въ слезахъ, съ лицомъ печальнымъ. Сначала я молчалъ, но не могъ скрыть и свою грусть; это удвоило ея печаль, — наконецъ, я не находилъ болѣе силъ, à la lettre²⁾ не находилъ силъ вынести этотъ видъ; отъ него приходилъ въ какое-то горячешное состояніе, уходилъ съ какою-то тяжестью въ груди, въ головѣ. За что это благородное, высокое созданіе страдаетъ, уничтожаетъ себя, имѣя всю возможность счастья, возмущеннаго только воспоминаніемъ трехъ гробиковъ, — воспоминаніемъ ужаснымъ, но которое одно не могло бы привести къ такимъ слѣдствіямъ?... Я просилъ, наконецъ, объяснить, и снова явились ни на чемъ не основанныя Grübeleien. «Я тебѣ не нужна; напротивъ, всегда больная, страждущая я тебѣ порчу жизнь; лучше было бы избавить отъ себя, — ты меня любишь, я знаю, ударъ тебѣ былъ бы боленъ, но потомъ было бы спокойнѣе» и пр., пр. Я просилъ, умолялъ, — требовалъ, наконецъ, — разумомъ разобрать всю нашу жизнь, чтобъ убѣдиться, что все это — тѣни, призраки. Она плакала ужасно и признавалась, что съ перваго дня нашей жизни вмѣстѣ, ее эти мысли не покидаютъ, что она только ихъ скрывала, что онѣ уже развиты съ самой первой встрѣчи, что она поняла, какъ

¹⁾ Умствованія (рефлексія).

²⁾ Буквально.

моя натура должна была имѣть иную натуру въ соотвѣтственность, болѣе энергическую и пр., и пр., и все это съ видомъ существеннаго, сильнаго горя. Наконецъ, часа черезъ два я уговорилъ ее самое разобрать похладнокровнѣе. Тогда начались новыя слезы, извиненія, доказательства, что самый этотъ фактъ подтверждаетъ. Что за причина заставляетъ мучиться ее? Чрезвычайная нѣжность и susceptibility¹⁾, чрезвычайная любовь. Но зачѣмъ же болѣзненное выраженіе такого препростого начала? Привычка сосредоточиваться, обвиваться около мыслей скорбныхъ. Если я въ этомъ отношеніи могу себя винить, то это въ разсѣяньи, въ возможности предаваться предметамъ занятій и поглощаться ими. Это понято ею, какъ нельзя лучше, и мысли никогда не приходило ей въ этомъ видѣть дурное; но она много остается одна. *Безпечность врожденная* мнѣ кажется подчасъ невниманіемъ, и я не умѣю поправить себя, потому что я живу чрезвычайно просто, поступаю совершенно натурально. Но самое ужасное, самое оскорбительное для меня это—не высказываемое, но понятное обвиненіе въ недостаткѣ любви: оно оскорбительно по ложности. Въ то время, какъ душа моя склоняется, *huldigt*²⁾ съ умиленіемъ ея прекрасной высокой душѣ; въ то время, какъ ея личность обнимаетъ мою какимъ-то благоуханіемъ любви; въ то время, какъ я только въ нее и вѣрю,—недовѣріе! Я гордился прежде ригоризмомъ своимъ, но опытъ доказалъ, что я могу падать, увлеченный минутнымъ порывомъ знойной страсти; но отъ моего паденія до Grundton всей жизни моей нѣтъ перехода. Моя любовь къ Natalie—моя святая святыхъ, высшее, существеннѣйшее отношеніе въ моей частной жизни, становящееся рядомъ съ моимъ гуманизмомъ. Я такъ сросся съ моей любовью, что мнѣ страшнымъ, чудовищнымъ кажется всякое сомнѣніе. Ну, не нелѣпость ли, что мы мучимъ другъ друга безъ всякихъ достаточныхъ причинъ...

18.—Странное состояніе духа растеть у Natalie и подавляетъ ее. Ея характеръ принадлежитъ къ такимъ, съ которыми нѣтъ средствъ; на нее ничто не дѣйствуетъ, кромѣ внутренняго голоса. А онъ ей подсказываетъ сомнѣніе и мрачныя вещи. Неужели я довелъ ее до этого ужаснаго состоянія недостаткомъ любви, пустоютою?! Да что же я послѣ этого?.. У *ней нѣтъ* вѣры въ меня... Все это составляетъ какой-то узелъ въ жизни, отъ котораго будемъ считать новую эру. А тяжело мнѣ, ужасно тяжело... Кара это, что ли? Конечно, но да мимо идетъ скорѣе чаша сія... Недѣлю тому на-

¹⁾ Susceptibilité—чрезвычайная обидчивость.

²⁾ Благоговѣйно.

зась жизнь была еще спокойна, и вдругъ безъ причины разверзлись какія-то пропасти подъ ногами, — лишь бы удержаться на краю. Я виноватъ, много виноватъ, глубоко падалъ, — но любовь моя была всегда святою святыхъ; я минутами забывалъ ее — могъ забывать — и вотъ чудовищное дѣйствіе. Я отравилъ жизнь, — страшно сказать, волосы становятся дыбомъ, — я испортилъ жизнь тому существу, которое любилъ и люблю больше всѣхъ. Несчастный нравъ! Я мелокъ, загрязненъ, но что же въ ней нѣтъ милосердія? Я заслужилъ крестъ, лежащій на мнѣ, но колѣни гнутся подъ тяжестью его. А я думалъ, что мои паденія съ рукъ сойдутъ, — низкое упованіе! Жалкая душа, и тѣмъ болѣе жалкая, что она вооружена талантами. Я поднимусь; ну, а рубцы-то, нанесенные мною? Впрочемъ, я не хотѣлъ никогда ни даже темной минуты доставить ей, я всегда готовъ былъ всѣмъ пожертвовать для нея. Но при всемъ этомъ чувствую, какъ справедливъ крестъ; безконечная любовь ея имѣетъ въ себѣ безконечную гордость, эта гордость пренебрегаетъ милосердіемъ, — простымъ прощеніемъ она стираетъ, отбрасываетъ факты, но остается при горести и оплакиваніи утраченнаго счастья. Облегченіе, облегченіе ей и мнѣ! *Grâce, grâce — grâce pour toi même* ¹⁾).

19.—Что дѣлается со мною? Все покрывается какимъ-то туманомъ. И вдругъ трепеть; должно быть, въ родѣ того, который ощущаетъ колодникъ, приговоренный къ кнуту, передъ наказаніемъ; все мучитъ меня. Неужели я заслужилъ? Не мнѣ вѣшать мѣру наказанія. Высочайшая любовь къ лицу есть эгоизмъ! Высочайшее смиреніе — гордость! А чувствовать себя неправымъ, носить угрызеніе, видѣть терзаніе невиннаго, святого существа ежеминутно передъ глазами... О, лучше ослѣпнуть...

21.—И во всѣхъ случаяхъ она побѣждаетъ меня. Это единственная индивидуальность, которая просто поработываетъ меня, — можетъ, именно потому, что всякая мысль поработанія далека отъ ея благородной, прекрасной души. Вчера мы долго, долго и скорбно говорили. Я раскрывалъ всѣ раны, всѣ угрызенія, нанесенныя минутами паденія; мало-по-малу становилось на душѣ свѣтлѣе; я какъ-то выросталъ, ощущалъ всю мощь свою, всю любовь свою и всю ея любовь, обнявшую нимбомъ существо мое. И мы провели минуты высокаго блаженства, все прошедшее было забыто, мы были хороши, какъ въ день свадьбы. Благословеніе этому вечеру!

22.—Истинное, глубокое раскаяніе очищаетъ не только отъ событія, въ которомъ раскаивается человѣкъ, но вообще очищаетъ отъ всей пыли и дряни, наносимой жизнью. Небрежность людская

¹⁾ Пощады, пощады, — пощады для тебя самой.

позволяетъ насѣсть пыли, паутинѣ на святѣйшія струны души: гордость не позволяетъ видѣть паденья—и тотчасъ раскаянія (если натура не утратила благородства); человѣкъ возстановляется, но гордости нѣтъ, нѣтъ сухости,—въ немъ трогательная грусть, онъ стыдится и проситъ милосердія, онъ дѣлается симпатиченъ падшему.

Всѣ эти дни рѣшительно ничего не дѣлалъ. Минутами душа такъ переполнялась, что изъ cadaго пальца, кажется, готова была струиться сила; я, можетъ, впервые въ жизни, глубоко жалѣлъ, что я не музыкантъ: то, что мнѣ хотѣлось сказать, только можно было бы сказать звуками. Минутами овладѣвала апатія, тягостная, сонная. Впрочемъ, читалъ Мицкевича. Много прекраснаго, высокохудожественнаго въ этомъ плачѣ поэта. Боже мой, какъ хороша у него картина русской дороги зимой! Безконечная пустыня, бѣлая, холодная,—море, не раскрывающее груди своей вѣтру,—вѣтру, который мететъ эту степь отъ полюса до Чернаго моря. Дороги, пересѣкающія ту степь, вызваны не торговлей, не народной нуждой, а проведены по приказу царя и пр. и пр. Замѣчательно въ той же поэмѣ мѣсто о памятникѣ Петра. Миц. сравниваетъ его (и влагаетъ это въ уста Пушкина) со спокойной позой Марка Аврелія въ Римѣ. Тутъ лошадь несетъ, она стала на дыбы на краю пропасти и остановилась, какъ замерзнувшій каскадъ: еще шагъ,—и сѣдокъ разбился бы вздрезги. Взойдетъ солнце свободы, подуетъ вѣтеръ западный и растаетъ каскадъ.

Во второй части «Дзядовъ» еще духъ отрицанья сильнѣй, истинно байроновскій, борется съ католическимъ воззрѣніемъ. Но оно съ каждымъ шагомъ беретъ верхъ. Для образца его поэзіи:

A une mère polonaise.

Le Christ à Nazareth aux jours de son enfance
 Jouait avec la croix, symbole de sa mort:
 Mère du Polonais! qu'il apprenne d'avance
 A combattre et braver les outrages du sort.

Accoutume ses mains à la chaîne pesante:
 Qu'il apprenne à traîner l'immonde tombereau,
 A mépriser la mort sous la hache sanglante
 A toucher sans rougir la corde du bourreau.

Car ton fils n'ira point sur les tours de Solyme,
Comme ses fiers aïeux, détrôner le croissant,
Ni comme le Gaulois, planter l'arbre sublime
De la liberté sainte, et l'arroser de sang.

Il lui faudra combattre un tribunal parjure,
Recevoir le défi par un agent secret,
Pour témoin le bourreau dans la caverne impure,
Un ennemi pour juge et la mort pour decret.

La mort!... Pour monument et pour gloires funèbres
Il aura d'un gibet les horribles débris,
Quelques pleurs d'une femme—et parmi les ténèbres
Les mornes entretiens de quelques vieux amis ¹⁾.

Сколько бѣдствій лежитъ позади этой колыбельной пѣсни!

28.—Вѣсть объ Julien Elisard. Онъ смываетъ прежніе грѣхи свои,—я совершенно примирился съ нимъ.

31.—Началъ статью о формализмѣ—будетъ хороша ²⁾). Вчера «die Jüdin» ³⁾ оставила меня подъ какимъ-то тягостно хорошимъ чувствомъ. Мнѣ просто чрезвычайно нравится libretto; много и много навѣваетъ думъ,—притомъ музыка, какъ море, обтекающее, томящее и примиряющее безконечными волнами звуковъ.

¹⁾ Спаситель нашъ, ребенкомъ въ Назаретѣ, баюкалъ крестикъ, на которомъ впослѣдствіи спасъ міръ: мать-полька! я бы твое дитя забавлялъ игрушками, которыя ждутъ его въ будущемъ.

Обвей заранѣе его руки цѣпями, вели запрягать его въ тачку,—чтобы онъ не поблѣднѣлъ передъ топоромъ палача, чтобы не палъ духомъ при видѣ веревки.

Ибо онъ не пойдетъ, какъ нѣкогда рыцари, водрузить побѣдоносный крестъ въ Іерусалимѣ, или, какъ воины новаго міра,—пахать поле свободы, поливать кровью землю,—

Вызовъ пришлетъ ему невѣдомый шпіонъ, сраженье дастъ — клятво-преступный судъ; ареной боя будетъ вертепъ разбойниковъ, приговоръ ему произнесетъ могучій врагъ.

И могильнымъ памятникомъ побѣжденному будутъ нѣмые столбы ви-сѣлицы, а славу замѣнить ему короткое рыданіе женщинъ и долгія, ночныя бесѣды соотечественниковъ (Переведено съ польскаго).³

²⁾ См. № 352.

³⁾ «Жидовка», опера Галеви.

Февраль мѣсяць.

4.—Боткинъ ¹⁾ назвалъ начало статьи о ф. ²⁾ symphonía eroica ³⁾. Я принимаю эту хвалу,—она написалась, въ самомъ дѣлѣ, съ огнемъ и вдохновеніемъ. Тутъ моя поэзія, у меня вопросъ науки сочлененъ со всѣми соціальными вопросами. Я иными словами могу высказывать тутъ, чѣмъ грудь полна.

14.—Тихо проведенное время. Графъ Строгановъ ⁴⁾ обѣщаль написать къ Б. ⁵⁾ и узнать, можно ли ѣхать на короткое время въ чужіе края. Если... Боже мой, я не соображу, что черезъ шесть мѣсяцевъ я могу сидѣть гдѣ бы то ни было, не боясь жандармовъ! Но надежды опереть не на чемъ, лучше не думать объ этомъ. ⁴ Изъ людей видѣлъ одного, да и тотъ женщина, т. е. Павлова ⁶⁾; ея голосъ непріятенъ, ея видъ также не вовсе въ ея пользу, но умъ и таланты не подлежатъ сомнѣнію. Больше на первый случай ничего не могу сказать.

15.—Письмо отъ Огарева. На него только можно сердиться и негодовать, когда ни его нѣтъ, ни письма нѣтъ. Достоинство сирены: сталъ говорить, и симпатичная всему прекрасному и высокому душа все поправила, примирила, возстановила. Письма отъ J. Elisard'a и отъ Бѣл. Одинъ умомъ дошелъ до того, чтобъ выйти изъ паутины, въ которой сидѣлъ; другой ⁷⁾ страдаетъ, глубоко страдаетъ; безпокойный духъ его мечется, ломаетъ себя. И когда же онъ дойдетъ до свѣтлаго, гармоническаго развитія? или есть натуры, которыхъ вся жизнь въ томъ и состоитъ, что онѣ ломаются? Впрочемъ, много и внѣшнихъ обстоятельствъ имѣютъ вліяніе на него,—не деньги, а недостатокъ симпатій, недостатокъ близкихъ людей, одиночество, на которое обрекъ его Петербургъ.

18.—Въ «Siècle» ⁸⁾, между прочимъ, съ чрезвычайнымъ хладнокровіемъ рассказанъ слѣдующій случай, бывший, помнится, въ Ліонѣ. Какой-то работникъ, не имѣя нѣкоторое время занятій, пришелъ въ ужасную крайность. На его рукахъ больная жена; оба очень

¹⁾ Василій Петровичъ.

²⁾ № 352.

³⁾ Героическая симфонія.

⁴⁾ Сергѣй Григорьевичъ.

⁵⁾ Гр. Бенкендорфъ.

⁶⁾ Каролина Карловна, писательница.

⁷⁾ Вѣлинскій.

⁸⁾ Парижская большая политическая газета.

молоды. Они жили на чердакѣ, и, не имѣя въ одинъ день хлѣба и видовъ что-нибудь достать, онъ укралъ въ нижнемъ этажѣ какую-то бездѣлицу для того, чтобъ, продавши ее, купить хлѣба и лѣкарства женѣ. Воровство было сдѣлано такъ неловко, что тотчасъ открыли, кто виновникъ. Работникъ, до того слышій порядочнымъ человѣкомъ и понявшій, что потерялъ послѣднее благо, ожидая жандармовъ, грустилъ, грустилъ съ женою, — да и рѣшились *повѣситься*. Оба привели въ дѣйствіе предположеніе, но жандармы успѣли отрѣзать веревки. Теперь будетъ судопроизводство. Оно въ высшей степени замѣчательно. Надобно замѣтить, что французское jury ¹⁾ смертоубійство легче и снисходительнѣе обсуживаетъ, чѣмъ *воровство!* Подобные случаи выставляютъ разомъ во всей гнусности современное общественное состояніе. Не можетъ человѣчество итти далѣе въ этихъ путяхъ незаконія. Но какъ выйти? Тутъ-то весь вопросъ, но на него не можетъ быть полнаго теоретическаго отвѣта. Событія покажутъ форму, плоть и силу реформаціи. Но общій смыслъ понятенъ: общественное управленіе собственностями и капиталами, артельное житье, организація работъ и возмездій и право собственности, поставленное на иныхъ началахъ; не совершенное уничтоженіе личной собственности, а такая инвеститура обществомъ, которая государству даетъ право общихъ мѣръ, направлений. Фурьеризмъ, конечно, всѣхъ глубже раскрылъ вопросъ о социализмѣ; онъ далъ такія основанія, такія начала, на которыхъ можно построить болѣе фаланги и фаланстера. Подобные анекдоты оправдываютъ злобный характеръ Прудоновой брошюры ²⁾.

20.— Говорятъ, Уваровъ ³⁾ общій отчетъ за управленіе министерства просвѣщенія за десятилѣтіе заключаетъ предложеніемъ расширить свободу книгопечатанія и, слѣд., измѣнить цензурныя учрежденія. Конечно, это дѣлается для славы, для того, чтобъ даже въ Европѣ поговорили, но тѣмъ не менѣе, что за путаница хорошаго и дурного во всемъ управленіи, въ каждомъ государственномъ лицѣ ⁴⁾. Нѣтъ опредѣленныхъ воззрѣній, нѣтъ опредѣленныхъ цѣлей, — и вѣчный типъ Хлестакова, повторяющійся отъ волостного писаря до ----. Духъ подражанія европейцамъ насъ не оставилъ; мы все еще, какъ мѣщане во дворянствѣ, хвастаемся, что мы образованы, и стараемся заявить, что имѣемъ либеральныя идеи. Между тѣмъ, ихъ нѣтъ, такъ, какъ нѣтъ образованія. Но и вражды противъ идей нѣтъ. Оттого выходитъ, что такой-то съ спо-

¹⁾ Судъ присяжныхъ.

²⁾ «Qu'est ce que la propriété?» («Что такое собственность?»).

³⁾ Сергѣй Семеновичъ.

⁴⁾ Такого предложенія Уваровъ и не посмѣлъ сдѣлать, да и не хотѣлъ.

койной совѣстью говорить и дѣлаетъ въ трехъ разныхъ смыслахъ, нисколько не замѣчая того. Разумѣется, этотъ недостатокъ всего замѣтнѣе въ значительныхъ людяхъ. Наши вельможи не умѣютъ себя держать ни относительно насъ, ни относительно служащихъ, всего менѣе относительно иностранцевъ: или troppo или troppo poco ¹⁾, или дерзко, или фамиліарно, или грубо, или унизительно-учтиво. Они не свободны въ своихъ манерахъ, потому что они играютъ роль, а не въ самомъ дѣлѣ аристократы. Одинъ изъ самыхъ лучшихъ магнатовъ, графъ Строгановъ, исполненный личнаго благородства и пр., со всѣмъ тѣмъ впадаетъ иногда въ страшныя нелѣпости, желая à propos de bottes ²⁾ вдругъ представить изъ себя лорда-тори и забывая, что полчаса передъ тѣмъ онъ посмѣялся надъ англійскимъ туризмомъ, и излагать вещи человѣческія безъ всякихъ предразсудковъ касты. Таковы всѣ и князь Дм. Вл. Голицынъ, слывшій либераломъ и какъ premier gentilhomme de l'empire ³⁾. Ein gutes Herz verwirrte Fantasie, das heisst auf Deutsch: ein Narr war Lametrie ⁴⁾. А не выражаетъ ли все это вмѣстѣ, что мы не устоялись? броженіе странное, уродливое гетерогенныхъ элементовъ. ⁵

Ал. Ал. Тучковъ ⁵⁾—чрезвычайно интересный человѣкъ, съ необыкновенно развитымъ практическимъ умомъ. У насъ это большая рѣдкость: мы—или животныя, или идеологи, какъ и азъ грѣшный; ничѣмъ не занимаемся или занимаемся всѣмъ на свѣтѣ. Еще болѣе интересный потому, что очевидецъ и долею актеръ въ трагедіи слѣдствія по 14 декабря, — актеръ, какъ подсудимый, разумѣется. Характеристическія подробности! Разказы объ этомъ времени—наша genesis, эпопея. Когда-нибудь надобно записать подробности.

28.—Завтра выйдетъ въ Петербургѣ 3 № «От. Зап.», въ которомъ моя статья о романтизмѣ ⁶⁾. Я пробѣжалъ ее. Или цензура ее изородуетъ, или эта статья можетъ принести послѣдствія,—можетъ, третью ссылку. Горько будетъ, но я готовъ. Я окрѣпъ и возмужалъ въ послѣднее время; мнѣ нуженъ досугъ, и я теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, надѣюсь на огромную силу души Natalie. Странная жизнь! Но жребій брошенъ: я не могу жить иначе, нѣчто похожее на призваніе заставляетъ поднимать голосъ, а они не мо-

¹⁾ Слишкомъ много или слишкомъ мало.

²⁾ Ни съ того, ни съ сего.

³⁾ Первый дворянинъ во всей имперіи.

⁴⁾ Простодушнаго человѣка смутило воображеніе, это значитъ по-нѣмецки: Ламеттри былъ дуракъ.

⁵⁾ Алексѣй Алексѣевичъ, отецъ второй жены Огарева.

⁶⁾ № 352, статья вторая.

гутъ вынести человѣческаго голоса. Вліяніе, которое дѣлаеть мой голосъ, убѣждаетъ всѣмъ жертвовать, ибо, кромѣ его, я ни къ чему не призванъ. Ссылка заставитъ смолкнуть. Надобно предпринять трудъ продолжительный. А любимая мечта, послѣднее желаніе личное—путешествіе! И вдругъ, вмѣсто ссылки, дозволеніе ѣхать? И счастье, и несчастье, втѣсняемое внѣшней неразумной силой, противны и оскорбительны. Въ обоихъ случаяхъ личность чело-вѣка подавлена.

Мартъ мѣсяцъ.

4.—Еще ужасное и тяжелое объясненіе съ Н. ¹⁾. Я думалъ: все окончено, давно окончено; но въ сердцѣ женщины не скоро пропадаетъ такое оскорбленіе. Она плакала, отчаянно, горько плакала,—я уничтожалъ себя; состраданіе, любовь, мучительное угрызёніе, бѣшенство, безуміе,—все разомъ терзало меня. Сегодня я проснулся въ ознобѣ, весь больной, съ какой-то ломотой во всемъ тѣлѣ. Если-бъ была молитва! Въ какую пропасть стащилъ я ее, которая не могла представить себѣ такого паденія! Гнусно, отвратительно! Когда я смотрю пристально на себя и разоблачаю все гадкое, мнѣ является потребность сильная итти ко всѣмъ любящимъ меня и сказать: прежде посмотрите—вотъ вашъ другъ! Да, и это изъ самолюбія,—мнѣ больнѣе всего ихъ неправая оцѣнка. Еще пять-шесть такихъ сценъ, и я сойду съ ума, а она не переживетъ. Ночь, ночь, темно, скверно, тяжело... Но чище ей, когда я такъ чисто покаялся, когда это уже давно прошедшій фактъ? Зачѣмъ подрываться подъ другого? Зачѣмъ? глупо, и тутъ любовь, но въ другомъ видѣ, любовь—Немезида. Чтобъ довершить все, чтобъ дать послѣдній ударъ въ самую грудь, я вспомнилъ, что вчера было 3 марта. 3 марта 1838 года я не былъ раскаивающимся и гадкимъ, она не была убитая и невольнo карающая. Тогда мы увидѣлись впервые послѣ разлуки. Все было свѣтло, свято, прекрасно. Жизнь сулила одно блаженство. Зачѣмъ же я допустилъ змѣиное жало? Гдѣ мнѣ прибрать черное слово, которымъ бы я могъ выразить мое состояніе?

10.—Кажется, живетъ себѣ такъ, ничего важнаго не дѣлаешь, *semper idem* ²⁾ ежедневности, а какъ только пройдетъ порядочное количество дней, недѣль, мѣсяцевъ,—видишь огромную разницу возрѣнія. Доселѣ я тридцать лѣтъ не останавливался. Ростъ продол-

¹⁾ Жена.

²⁾ Вѣчное одно и то же.

жается, да, вѣроятно, и не остановится. Послѣднее время я пережилъ цѣлую жизнь, и все мрачное переработается во мнѣ въ ткань свѣтлую, лишь бы она не страдала, лишь бы она умѣла примириться, забыть. Мнѣ такъ страшны ея страданія,—за что она, бѣдная, за всю высоту, чистоту купила слезы? Но неужели любовь не вращаетъ? Неужели моя любовь слаба?

13.—Ея страданія, ея сомнѣнія уничтожаютъ меня. Я палъ, je suis flétri ¹⁾ въ ея глазахъ; ее мучить это, она сама унижена въ моемъ униженіи, полное довѣріе потрясено! Время, моя безпредѣльная любовь уврачуютъ, быть можетъ. Я понимаю, что раскаяніемъ, слезами я очистился. Мы вмѣстѣ оплачемъ, вмѣстѣ погрустимъ, но теперь она часто хуже, нежели грустить. Вчера мнѣ было ужасно тяжело. А въ такія минуты я, долго изнемогая, дохожу до мыслей слабыхъ. Мнѣ бы хотѣлось уѣхать одному изъ Москвы, не видать, не знать и отдохнуть такъ. Мнѣ становится страшно въ комнатѣ,—мнѣ больно смотрѣть на игру Саши: онъ такъ беззаботенъ, веселъ. Да чья же грудь не найдетъ въ себѣ полного примиренія за такое полное раскаяніе? Ея страданія, ея сомнѣнія тѣмъ страшнѣе, что вся религіозная сторона упованія, успокоенія—въ ней. Иной религіи я не знаю. Вѣра въ человѣчество, вѣра во всеобщее слишкомъ широка, слишкомъ безлична; она свята мнѣ, но я говорю объ индивидуальномъ вѣрованіи, объ частномъ возношеніи и спокойствіи.

Вторая статья также принята съ рукоплесканіемъ. Меня, если-бъ знали во всѣхъ изгибахъ, поставили бы, можетъ, на одну доску съ Бакунинымъ, т. е. талантъ и дрянной характеръ. La nature ne fait jamais un pas qui ne soit en tous sens (Buffon) ²⁾.

14.—Когда человѣкъ съ глубокимъ сознаниемъ своей вины, съ полнымъ раскаяніемъ и отреченіемъ отъ прошедшаго проситъ, чтобъ его судили, распяли,—онъ не возмутится никакимъ приговоромъ. Онъ вынесетъ всякое наказаніе, поверженный въ прахъ, слезами раскаянія, мучительными угрызеніями; онъ смиренъ и понимаетъ, что наказаніе должно быть, что это—справедливость. Еще болѣе: онъ тутъ же подозреваетъ, что ему легче будетъ по ту сторону наказанія, что казнь примиряетъ, замыкаетъ, отрѣзываетъ прошедшее отъ грядущаго. Да, онъ не возмутится, а просто приметъ казнь. Но сила карающая должна на томъ и остановиться; если она будетъ продолжать карать, если она безпрестанно будетъ ему напоминать всю гнусность его поступка,—по страшному реак-

¹⁾ Я опозоренъ.

²⁾ Природа не дѣлаетъ ни одного шага, который не имѣлъ бы всесторонняго направленія (Бюффонъ).

тивному дѣйствию падшій возмутится, онъ себя самъ начнетъ реабилитировать. Отчасти это понятно. Что онъ прибавитъ къ своему раскаянію? Чѣмъ ему иначе примириться? Невинный имѣетъ передъ виноватымъ такой страшный шагъ впередъ, что онъ не можетъ быть довольно снисходителенъ. Дѣло человѣческое посадить виновнаго (если его раскаяніе чисто) возлѣ, погрузить о его паденіи и показать ему же, что все еще обладаетъ всѣми силами уничтожить сдѣланное раскаяніемъ, что достоинство человѣческое въ немъ не подавлено. Человѣкъ, котораго удостовѣрятъ, что онъ сдѣлалъ смертный грѣхъ, которому нѣтъ прощенія, долженъ зарѣзаться или глубже погрязнуть въ пороки,—иного выхода ему нѣтъ.

17.—Жизнь, жизнь! Середь тумана и грусти, середь болѣзненныхъ предчувствій и настоящей боли—вдругъ взойдетъ солнце, и такъ свѣтло на душѣ, ясно, безпредѣльно хорошо. Вчера весь день прошелъ такъ; мы были, какъ 3 марта, какъ 9 мая. Мы тѣснѣе соединились, выстрадавъ другъ друга, намучившись. Волна жизни дѣлается шире, полнѣе,—лишь бы она лишилась ѣдко-соленыхъ свойствъ.

Высокая, святая женщина! Я не встрѣчалъ человѣка, въ которомъ бы благороднѣе, чище и глубже былъ взглядъ. Но она непрерывно себя разлагаетъ, поддерживая себя непрерывно въ восторженномъ состояніи,—ей нравится эта полнота жизни, но тѣло ея болѣзненное и слабое не можетъ вынести яркаго огня, которымъ пылаетъ умъ и сердце. За такія минуты, какъ вчера, можно пожертвовать годами. И странное начало этому обновленію, этой гласности любви. Не было мгновенія, не токмо времени, въ которомъ бы я не любилъ ее со всѣмъ глубокимъ чувствомъ благоговѣнія, но она мучилась и подозрѣвала какую-то холодность, которой не было и не было. Между тѣмъ въ минуту физическаго, нечистаго увлеченія я сдѣлалъ поступокъ, въ которомъ она вовсе меня не подозрѣвала. Я былъ чистъ и правъ въ томъ, въ чемъ ея болѣзненное воображеніе обвинило. Я никогда не придалъ бы огромной важности гадкому, но безслѣдному поступку, если-бъ онъ не прибавилъ ей страданій. Она никогда не пойметъ, никогда не сообразитъ, что можетъ быть чисто физическое увлеченье, минута буйнаго кипѣнья крови, минута воображенія, разожженного образомъ нечистымъ, словомъ, страсть, которая вовсе не переводима на языкъ любви и непонятна для нея, страсть полуживотная, грязная и не благословенная тѣмъ знаменіемъ, которымъ любовь освящаетъ физическій актъ. Мы глубже почувствовали благо нашей жизни! Но я трепещу, что ея Grübeleien опять возвратятся и будутъ мучить. А между тѣмъ ея здоровье разрушается наглазно:

она тлѣтъ,—одна надежда у меня на лѣто и на путешествіе. Это, наконецъ, какая-то ядовитая иронія—жертвовать тѣломъ за развитіе духа. Какъ широко, прекрасно текла бы жизнь наша, если-бъ каплю силъ прибавить ей. Болѣзнь развиваетъ Grübeleien, а Grübeleien помогаютъ болѣзни.

19.—Четыре года тому назадъ, 19 марта, уѣхалъ Огаревъ изъ Владиміра послѣ перваго свиданья. Какъ все тогда было свѣтло! Не прошло года послѣ свадьбы; тихая, спокойная, прекрасная идиллія владимірской жизни! Недоставало только друга,—и онъ явился радостный и упоенный своимъ счастьемъ. Все улыбалось. Ни одного диссонанса не было видно. Мы были чрезвычайно счастливы, юно счастливы. Любовь, дружба, преданность всеобщимъ интересамъ, сознание блаженства,—это былъ блестящій эпилогъ юности, точка поворота, въ которой все собралось въ праздничной одеждѣ. Давши эту награду за прошлое, этотъ залогъ будущему, судьба повлекла насъ быстро по желѣзной дорогѣ. Сколько пережилось въ эти четыре года, сколько испытаній! Главное цѣло, все цѣло: и дружба, и любовь, и преданность общимъ интересамъ,—но освѣщеніе не то, алый свѣтъ юности замѣнился сѣвернымъ, яснымъ, но холоднымъ солнцемъ реального пониманья. Чище, совершеннолѣтнѣе пониманье, но нѣтъ нимба, окружавшаго все для него. Періодъ романтизма исчезъ, тяжелые удары и годы убили его. Мы, не останавливаясь, шли впередъ, многого достигли, но юныя формы приняли мускулезный и похудѣвшій видъ путника усталого, сожженного солнцемъ, искусившагося всѣми тягостями пути, знающаго теперь всѣ препятствія и пр. Первый ударъ былъ страшенъ, потому что разомъ потрясъ самыя нѣжныя струны. Эта ссора съ М. Л. ¹⁾, а четыре года тому назадъ мы разстались, какъ братъ съ сестрой. Ея раздоръ съ мужемъ, его слабость... и цѣлая исторія, отвратительная и мучительная. А потомъ вторая ссылка... и многое. Мнѣ кажется, наступаетъ теперь новая эпоха успокоенія совершеннолѣтняго и дѣятельности, болѣе развитой. А, впрочемъ, проживемъ—увидимъ. Теперь одна цѣль, одно желаніе—поправить здоровье Natalie и ѣхать, ѣхать на югъ, въ степь, если нельзя въ Италію.

23.—Тихое счастье домашнее снова начинаетъ кротко согрѣвать мое безпокойное существованіе. Здоровье Нат. получше, духъ ея распространилъ опять свои крылья во всемъ спокойномъ, благородномъ характерѣ. Бурные дни эти доказали мнѣ всю великую необходимость для меня въ ней. Всѣ святѣйшіе корни бытія спле-

¹⁾ Огарева.

тены съ нею неразлучно. Лишь бы какъ-нибудь устроить ея здорье.

Что за прекрасная, сильная личность Ивана Кирѣевского! Сколько погибло въ немъ и притомъ развитого. Онъ сломался такъ, какъ можетъ сломаться дубъ. Жаль его, ужасно жаль. Онъ чахнетъ, борьба въ немъ продолжается глухо и подрываетъ его. Онъ одинъ искупааетъ всю партію славянофиловъ.

25 марта.

Годъ, какъ начать этотъ журналъ,—тридцать одинъ годъ мнѣ. Этотъ годъ былъ съ излишествомъ богатъ опытомъ, толчками по плюсу и по минусу; въ новый вступили весело въ кругу друзей и знакомыхъ.

27.— Не могу не замѣтить остроту уморительную. На-дняхъ за ужиномъ я сказалъ, что нашъ девизъ—*taceamus* ¹⁾). Хомяковъ прибавилъ *taceamus igitur* ²⁾), а А. И. Тургеневъ тотчасъ спѣлъ: *Taceamus igitur, Russi dum sumus, post Mongolam servitutem, post Polonam (не упомяну) nos habebit humus!* ³⁾ Да, помолчимъ!

Въ Германіи яростныя гоненія на свободу книгопечатанія. Пруссійскій король является безъ маски, баварскій ⁴⁾ выдерживаетъ роль, которую игралъ всю жизнь— претенціозной тупости. Когда онъ издалъ свою глупую книжонку, написанную исковерканнымъ языкомъ: «*Wahlhallagenossen*» ⁵⁾), которую въ Лейпцигѣ назвали *Walfischhalle's Gunsten* ⁶⁾), въ одномъ изъ лейпцигскихъ журналовъ было сказано отъ имени Людвиг-Баварца: «*Mein Bruder in der Wart der ist redselig, ich aber bin schreibselig*» ⁷⁾). Хороши эти литераторы и говоруны.

¹⁾ Будемъ молчать.

²⁾ Помолчимъ же.

³⁾ Помолчимъ же, пока мы русскіе; послѣ монгольскаго рабства, послѣ польск. ... насъ приметъ земля! (Передѣлка перваго куплета извѣстной студенческой пѣсни: «*Gaudeamus igitur*»).

⁴⁾ Людвигъ I.

⁵⁾ «Товарищи Валгаллы». Валгалла—большое и роскошное зданіе, воздвигнутое баварскимъ королемъ Людвигомъ I близъ Регенсбурга. Въ немъ онъ помѣстилъ 163 бюста извѣстнѣйшихъ дѣятелей въ области германской исторіи, науки и искусства. Эти дѣятели и ихъ бюсты названы *Genossen* (товарищи, участники).

⁶⁾ Сатирическая передѣлка предыдущаго заглавія, основанная на звуковомъ сходствѣ словъ «Валгалла» и «Вальфишъ Галле» (Китъ и дворъ), «Генносентъ» и «Гунстенъ» — благосклонность, покровительство. Вмѣстѣ выходитъ нѣчто, въ родѣ «Благосклонности китовой галереи».

⁷⁾ Мой братъ—большой охотникъ говорить, а я—писать.

30.—Едва прошло нѣсколько спокойныхъ дней,—Саша занемогъ и очень круто. Неужели вся жизнь должна быть пыткой и мученіемъ, смѣняемымъ для отдыха только и для того, чтобъ не уничтожился человѣкъ покоемъ? Грустно, тяжело и только тѣмъ, что ничего не можешь дѣлать, какъ быть зрителемъ. Человѣкъ по песчинкѣ, несчетнымъ трудомъ, потомъ и кровью копить, а случай хватить и однимъ глупымъ ударомъ разрушаетъ выстраданное. Едва теперь удалось нѣсколько поправить разстроенное здоровье Наташи,—спокойствіе, вниманіе, гармонія кругомъ; едва начали возвращаться силы,—вотъ новый толчокъ. И кто его знаетъ, каковъ онъ будетъ... и весна... Кровью полна голова и гадко.

Апрѣль мѣсяць.

5. — Длинный разговоръ о философіи съ Ив. Кирѣевскимъ. Глубокая, сильная, энергическая до фанатизма личность. Наука, по его мнѣнію,—чистый формализмъ, самое мышленіе—способность формальная, оттого огромная сторона истины, ея субстанціальность является въ наукѣ только формально и, слѣдовательно, абстрактно, не истинно или бѣдно-истинно. Философія не можетъ рѣшить свою задачу, не достигнетъ примиренія и истины, потому что ея путь недостаточенъ etc., etc. Слово есть также формальное выраженіе, не исчерпывающее то, что хочешь сказать, а передающее односторонне. Конечно, наука *par droit de naissance* ¹⁾ абстрактна и, пожалуй, формальна; но въ полномъ развитіи своемъ ея формализмъ—діалектическое развитіе, составляющее органическое тѣло истины, ея форму, но такую, въ которую утянуто само содержаніе. Содержаніе животнаго — не члены его, взятые какъ члены, но и не внѣ членовъ; оно само ставитъ органы и расчленяется. Конечно, та же наука имѣетъ результатомъ негачію и переходитъ себя, ибо философія каждой эпохи есть фактической, исторической міръ той эпохи, схваченный въ мышленіи. Переходя себя, она переходитъ необходимо въ *новый* положительный міръ, уничтоживъ все незыблемо твердое стараго. А Кир. хочетъ спасенія стараго во имя несостоятельности науки. Такъ легко критика не засыпаетъ.

А propos. Въ 1 № «Revue des Deux Mondes» статья какого-то Lèbre о Гегелѣ и Шеллингѣ. Очень умно и проникательно написана. Честь французу. Все ловко и живо схвачено, многое понято вѣрно и горячо. Жаль, что сжатая рамка не позволили ему высказаться.

¹⁾ По праву происхожденія.

Онъ говоритъ о реакціи Шеллинга, какъ о неудачной попыткѣ положительной философіи, внѣ логики (и между тѣмъ на разумѣ) опертой и пр. Все то, что я замѣтилъ изъ нѣсколькихъ лекцій, прочтенныхъ мною, — поэтически возвышенное стремленіе, разбивающееся объ форму не свойственную, мистическіе обѣты, видѣнія. — Но въ гостяхъ хорошо, а дома лучше. Гречъ ¹⁾ подавалъ доносъ на «Отечест. Записки», и III Отдѣл. Собств. канцеляріи, отвергнувъ его съ презрѣніемъ, написало ему полный отвѣтъ. Литераторъ, уничтоженный, замятый въ грязь Дубельтомъ! во имя гуманности! ⁶

10. — Невольно воспоминается, что было въ эти дни 8 лѣтъ тому назадъ. Меня отправили въ Пермь. День былъ такой же солнечный, но теплѣе. Какъ юнъ я тогда былъ! девятимѣсячная тюрьма только прибавила экзальтаціи. 9 апрѣля я простился и видѣлся съ Наташей; тутъ впервые мысль любви къ ней, благовѣніе einer Huldigung ²⁾ явились въ головѣ, и я былъ весь подъ влияніемъ свиданья. Выѣздъ былъ страшно тяжелъ. Въ Перовѣ я часа два ждалъ Кетчера; онъ не пріѣхалъ, и я съ растерзаннымъ сердцемъ поскакалъ, поскакалъ въ жизнь. Да, лишь съ этого дня считается практическая жизнь и, Господи, сколько прожито и *нажито* въ эти 8 лѣтъ! Будто бы въ пристани,—но это не такъ, это — станція, *une halte* ³⁾. Вчера такъ тихо, мирно сидѣли мы вечеръ у Грановскаго: мы, они, Кетчеръ и Боткинъ. Какая благородная кучка людей, какой любовью перевязанная! Въ настоящемъ много прекраснаго. Ловить, ловить, все ловить и всѣмъ упиваться: дружбой, виномъ, любовью, искусствомъ! Это значитъ жить. Впередъ смотрѣть отраднo и страшно: тучи, вулканическія гибели и хорошая погода послѣ тучъ... да, можетъ, солнце этихъ ведреныхъ дней посвѣтитъ на могилы наши. А это скверно. Нѣтъ столько самоотверженія, чтобъ отказаться отъ участія въ наградѣ, когда не отказываемся ни отъ какаго труда. И частно то грядущее, и отраднo, и страшно. Болѣзнь Наташи не уменьшается. И что за странное устройство людское. Намъ хорошо теперь; окруженные удивительной симпатіей, благороднѣйшими лицами, съ которыми давно не видались, которыхъ видѣть люблю, а между тѣмъ, мнѣ бы хотѣлось въ даль, въ глушь, гдѣ бы было тепло, гдѣ бы было море и гдѣ бы мы остались только вдвоемъ.

Сегодня я читалъ какую-то статью о «Мертвыхъ душахъ» въ «Отечеств. Зап.»,—тамъ приложены отрывки. Между прочимъ, рус-

¹⁾ Николай Ивановичъ, журналистъ и педагогъ.

²⁾ Преданность.

³⁾ Привалъ.

скій пейзажъ (зимняя и лѣтняя дорога). Перечитываніе этихъ строкъ задушило меня какой-то безвыходной грустью, эта степь — Русь, такъ живо представилась мнѣ, современный вопросъ такъ болѣзненно повторялся, что я готовъ былъ рыдать... Дологъ сонъ, тяжелъ. За что мы рано проснулись? — спать бы себѣ, какъ все около. — Довольно!

13.— Боже мой, какими глубокими мученіями учить жизнь; лѣта и событія, только они могутъ совершить становленіе въ жизнь,— ни талантъ, ни геній! Въ мышленіи все мое. Тутъ что-то ускользнуло, растеть независимо и вырастаетъ въ чудовище. Мнѣ такъ тяжело было вчера и сегодня. Я становлюсь въ жизни скептикомъ и себя презираю за этотъ скептицизмъ. Гдѣ сила любви? Я могъ, любя, нанести оскорбленіе, пасть мелко, гнусно. Она, еще болѣе любя, не можетъ стереть этого паденія съ меня, не можетъ принести мнѣ на жертву мучительнаго Grübeleien оскорбленій; что же можетъ человѣкъ для человѣка? Сдѣлать жертву въ томъ случаѣ, когда ему пріятнѣе жертвовать, нежели не жертвовать. Страшно; лучшія, святѣйшія отношенія, индивидуализируясь и углубляясь въ одномъ личномъ, грозятъ страшными ударами. Что замѣшало въ мою жизнь этотъ звукъ, страшно раздирающій душу? А бываютъ минуты, въ которыя жизнь просто становится противна и отвратительна.

15.— Письмо отъ Огарева, письмо отъ Бѣлинскаго и длинный разговоръ съ Кетчеромъ и Наташей. Странная вещь, до какой степени низокъ человѣкъ; онъ самъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ выйти изъ себя или подняться въ такую сферу, въ которой бы въ самомъ дѣлѣ поглощались его личныя особенности, Eigenthümlichkeiten ¹⁾ характера и пр. Какъ опытъ и навыкъ къ вѣрному взгляду безпрестанно открываютъ въ жизни, въ людяхъ новое и какъ по большей части тягостно трезвое воззрѣніе; нимба нѣтъ, которымъ все окружалось. Мы удивляемся великимъ самопожертвованіямъ потому, что мѣряемъ все на свой аршинъ. Все дѣло въ томъ, что чѣмъ человѣкъ жертвуетъ, то не есть его существенный интересъ или наслажденіе,—самопожертвованіе превышаетъ его. Всякое я тянетъ къ себѣ, даже въ любви и дружбѣ. Эгоизмъ сосредоточенный есть только болѣзненное, исключительное, сумасшедшее проявленіе ячности, которая имѣетъ сильный, рѣзкій голосъ во всѣхъ начинаніяхъ людскихъ. Сознаніе—не вовсе признанная власть надъ личнымъ влеченіемъ. Огаревъ понимаетъ, что онъ свое положеніе дѣлаетъ безвыходнымъ именно по нерѣ-

¹⁾ Собственныя, особенныя свойства.

шительности, и не дѣлаетъ, однако, ни шагу потому, что самая тягость его положенія для него легче, нежели рѣшиться на что-нибудь... И, все-таки, какъ прекрасны люди, какъ Огаревъ, въ другомъ родѣ,—какъ Бѣлинскій. Какой любовью и какимъ привѣтомъ мы окружены!

Графъ Строгановъ писалъ еще къ г. Бенкендорфу и просилъ доложить Г. ¹⁾ о моемъ путешествіи. О, Боже, неужели такъ близко совершеніе мечты, упованіе самаго заповѣднаго? — мнѣ страшно вздумать, что въ іюлѣ, быть можетъ, проведу мѣсяцъ съ Огаревымъ на Lago Maggiore; я поюнѣю; это одно изъ послѣднихъ требованій, чисто личныхъ.

18. — Какъ бы не такъ. Письмо отъ Строганова, которымъ извѣщаетъ объ отказѣ. Какое постоянное, упорное, злое гоненіе. И за что? Какія тутъ причины? Фридрихъ II говорилъ, что онъ съ однимъ Салтыковымъ ²⁾ не могъ воевать и что тотъ его всегда приводилъ въ замѣшательство своими движеніями, потому что они были лишены всякой причины и всякаго смысла. Не всему можно искать причинъ! Еще мечта, одна изъ предпослѣднихъ, убита. Тяжела шапка рабства, состояніе безправія душитъ, и никакого конца не предвидится... И ея положеніе не измѣняется: все то же болѣзненное настроеніе, та же грусть. Одинъ я какъ-то безобразно здоровъ физически и внутри иногда бываетъ хорошо, а часто—ночь ночью: какъ-то холодно въ груди, давящая тоска, убійственная, разлагающая мозгъ—не костей, а духа.

Друзья, друзья!—они много дѣлаютъ; мы ими окружены, какъ прелестнымъ вѣнкомъ, но мнѣ надобно быть безъ всякой задней мысли, чтобъ отдаваться имъ, а когда сквозь ихъ и свой смѣхъ я вижу слезы ея, я кажусь бѣглецомъ съ поля битвы, и радость меркнетъ. Путешествіе, Италія излѣчили бы ее и меня. Какое страшное насиліе! Черезъ поколѣніе никто не повѣритъ, что люди могли, не повѣсившись съ отчаянія, жить подъ такимъ гнетомъ.

Гибель, потуханье гдѣ-нибудь въ холодныхъ, снѣговыхъ полянахъ, безъ участія, безъ отзыва—хороша будущность! Одно осталось—заниматься. Итакъ, опять за книги, и затаить все живое въ душѣ, и обмануть себя схоластикой.—Abomination! ³⁾

21. — Спорили, спорили и, какъ всегда, кончили ничѣмъ,—холодными рѣчами и остротами. Наше состояніе безвыходно, потому что ложно, потому что историческая логика указываетъ, что мы

¹⁾ Государь.

²⁾ Гр. Петръ Семеновичъ, генералъ-фельдмаршалъ.

³⁾ Мерзость!

внѣ народныхъ потребностей и наше дѣло — отчаянное страданіе, страданіе безсимпатичное, не оцѣняемое и, конечно, полезное для будущаго, но намъ не дающее никакого личнаго вознагражденія; жить отвлеченной идеей самопожертвованія неестественно, — даже религиозные фанатики имѣли награду личную въ упованіи. Стоицизмъ есть тоже отчаянное положеніе.

22. — Ужасно проведенный вечеръ и ночь. Ея грусть принимаетъ видъ безвыходнаго отчаянія. Бывало, за слезами слѣдовали свѣтлыя слова. Я не знаю, что мнѣ дѣлать. Ни моя любовь, ни молитва къ ней, ничего не помогаетъ. Я гибну, нравственно уничтоженный, флетрированный. Каплю елея на раны, каплю воды на алканье—изнемогаю! Я шутя, бессознательно, буйствуя, развязаль руки низкой натурѣ своей, разбилъ зданіе всей жизни, я не умѣлъ сохранить, потому что слишкомъ много дано было. Теперь нѣтъ помощи; что укажетъ время,—не знаю; я надѣялся, я предвидѣлъ, что все это пройдетъ, что ужасное положеніе пройдетъ, какъ катастрофа, но свѣтлое-то прошло. Она бываетъ жестока, беспощадна со мной,—много надобно было, чтобъ довести до этого ангельскую доброту. Она не слушаетъ болѣе словъ моей любви, а все же, подчасъ мнѣ кажется, я не заслужилъ этого; я такъ много люблю, такъ искренно раскаиваюсь. Жизнь ужасно тяжела,—подчасъ мнѣ (и это первый разъ, какъ себя запомню) кажется, хорошо умереть, «глупую сказку,—какъ говоритъ Макбетъ,—разсказанную дуракомъ» закрыть—и да здравствуетъ небытіе. Страшно, земля подъ ногами колеблется. Нѣтъ точки, на которую опереться. А мои мечты... мечты! Иногда хотѣлось бы броситься на грудь какого-нибудь близкаго и говорить, и стонать... а иногда такъ пошлы кажутся всѣ эти друзья; не нужно ихъ, всѣ они ничего не понимаютъ... У меня не осталось ничего святого, одна она; она—и богъ, и безсмертье, и искупленье; и передъ ней я святотатецъ. Она хочетъ и не можетъ отпустить мнѣ. Ночь, ночь!!

28.—Она сказала на концертѣ Листа *новость* ¹⁾. Господи, что будетъ, то будетъ. Можетъ, это — выходъ, представляемый судьбою. Все взволновалось во мнѣ, и какое-то чувство радостное переплелось съ тысячью другихъ чувствъ. О, если-бъ любовь могла творить чудеса, я совершилъ бы ихъ. Надежда и страхъ...

¹⁾ О беременности (сыномъ Иваномъ); пятая по общему счету.

Май мѣсяць.

1.—На прошлой недѣлѣ слушалъ нѣсколько разъ Листа. Когда столько и столько накричатъ, ждешь Богъ вѣсть чего и часто обманываешься—именно потому, что ожиданія сверхъестественны, неисполнимы. Однако, истинные таланты не теряютъ ничего отъ крика фамы. Такова Таліони, на которую я смотрѣлъ иногда сквозь слезы, таковъ и Листъ, котораго слушая, иногда навертывается слеза. Поразительный талантъ!

Вчера дикій концертъ цыганъ. Для Листа это было ново, и онъ увлекся. Музыка цыганъ, ихъ пѣніе не есть просто пѣніе, а драма, въ которой солистъ увлекаетъ хоръ—безгранично и буйно. Понять легко, почему на вакханаліяхъ цыгане дѣлаютъ такой эффе́ктъ.

6.—Я безпрестанно строю, строю вновь храмъ домашняго счастья, и онъ мнѣ кажется опять незабываемъ,—а черезъ день рушится, какъ прахъ. Какая страшная казнь мнѣ. Все, что я дѣлаю для того, чтобъ исправить, оказывается недостойнымъ. Я свято-татственными руками коснулся дерзко и грубо до святыхъ отношеній, я могъ забыть ихъ, я оправдывалъ себя и обрушилъ страшныя несчастія на голову свою. Хотя бы... да въ томъ то и дѣло, что не мнѣ выборъ. Я, привязанный внутренно къ позорному столбу, долженъ страдать; я игралъ всѣми благами жизни,—проигралъ, это естественно. Но я понимаю, что это не такъ, что во мнѣ таилась всегда основа святая и чистая. Да зачѣмъ же она не удержала меня? О, если послѣ всѣхъ этихъ мученій должно усугубиться мое несчастіе, если... страшно сказать... что тогда будетъ? Есть выходъ. Да ужъ вѣры нѣтъ въ свою силу. Я нравственно запятнанъ. Тяжело, безконечно тяжело, и тѣмъ тяжеле, что я, какъ ребенокъ, хватаюсь за каждую тѣнь надежды и, по прежней свѣтлости характера, открываю душу радостнымъ упованіямъ, а время обличаетъ несостоятельность ихъ.

Приемъ Листа у Павлова ¹⁾ выразилъ какъ-то всю юность нашего общества и весь характеръ его. Литераторы и шпіоны, все выказывающее себя. Мнѣ было грустно. А Листъ милъ и уменъ.

9.—Пять лѣтъ послѣ моей свадьбы. Этотъ пятый годъ былъ тяжелъ; онъ раздавилъ послѣдніе цвѣты юности, послѣднія упова-

¹⁾ Николай Филипповичъ, мужъ Каролины Карловны.

ня,—и былъ правъ. Налегать, играть своимъ счастиемъ, значить оправдать бѣдствія, накликать ихъ. Одно осталось цѣло, свято, какъ было: это—она, она изнуренная, склоненная подъ бременемъ жизни, подъ бременемъ, которое я не умѣлъ сдѣлать легче. Я взглядѣлся въ себя и въ жизнь. У меня характеръ ничтожный, легкомысленный; людямъ нравится во мнѣ широкой взглядъ, чело- вѣческія симпатіи, теплая дружба, доброта, и они не видятъ, что fond всему—слабый характеръ, не въ томъ смыслѣ, какъ у Ога- рева—инертивно-слабый а суетливо-слабый и, какъ такой, склон- ный къ прекраснымъ порывамъ и къ гнуснѣйшимъ поступкамъ. Послѣ гнуснаго поступка я понимаю всю отвратительность его, то есть слишкомъ поздно, а твердой хранительной силы нѣтъ. И эти паденія повергаютъ меня въ скептицизмъ страшный, убійствен- ный: повязка падаетъ за повязкой, мечта—за мечтой, и простота результатовъ, до которыхъ доходишь этимъ путемъ, страшна, хуже всякаго отчаянія, именно по наглой наготѣ своей. Вчера говорилъ объ этомъ съ ближайшими людьми, но и они не хотятъ понять: одинъ умъ ставится ими во что-нибудь и благородная *posture*, такъ сказать. Мнѣ больно принимать ихъ любовь, зная, что они ее дурно помѣстили. Да, да, послѣдніе листы облетѣли; будетъ ли весна и новый листъ, могучій по возврату,—кто скажетъ? И при- званіе общее, и частное призваніе,—все оказалось мечтою, и страш- ная, раздирающія сомнѣнія царятъ въ душѣ,—слезы о вѣкѣ, слезы о странѣ и о друзьяхъ, и объ ней... Чаша эта горька!.. А пять-то лѣтъ тому назадъ какъ все было свѣтло и ясно; это былъ пре- дѣлъ, далѣе котораго индивидуальное счастье не идетъ... Шагъ да- лѣе,—шагъ вонъ. Шагъ вонъ значило для нея шагъ къ могилѣ. Страшная логика у жизни. Иногда, кажется, для того можно ли- шить себя жизни, чтобъ испортить развитіе этихъ королларій ¹⁾, чтобъ сдѣлать насмѣшку.

На дняхъ читалъ я Кирѣевскому и Хомякову 4 статью,— большой эффектъ и рукоплесканіе. 3-я статья напечатана въ «Отеч. Зап.» и тоже производитъ говоръ, но прежде я болѣе бы вкусилъ эти рукоплесканія, упился бы ими отъ души; теперь для меня суще- ствуетъ одно упоеніе—*via humida* ²⁾, т. е. виномъ.

13.—Баронъ Гакстаузенъ ³⁾ и Козегартенъ ⁴⁾, путешествен-

¹⁾ Corollaire—слѣдствіе, заключеніе.

²⁾ Мокрымъ путемъ.

³⁾ Августъ; былъ приглашенъ Николаемъ въ Россію за лестный отзывъ объ указѣ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ; въ началѣ 1844 вернулся въ Германію.

⁴⁾ Вильгельмъ, нѣмецкій публицистъ и политико-экономъ.

ники изъ Пруссіи, занимающіеся изслѣдованіемъ славянскихъ племенъ и, въ особенности, бытомъ и состояніемъ крестьянъ въ Европѣ. Я имѣлъ случай говорить съ Гак.; меня удивилъ ясный взглядъ на бытъ нашихъ мужиковъ, на помѣщичью власть, земскую полицію и управленіе вообще. Онъ находитъ важнымъ элементомъ сохранившуюся изъ глубокой древности общинность, еѣ-то надобно развивать, сообразно требованіямъ времени. Индивидуальное освобожденіе съ землею и безъ земли онъ не считаетъ полезнымъ: оно противопоставляетъ единичную, слабую семью всѣмъ страшнымъ притѣсненіямъ земской полиціи, *das Beamtenwesen ist grässlich in Russland* ¹⁾. «Зачѣмъ у васъ судейская власть не поставлена самобытно относительно другихъ властей? Зачѣмъ дворяне не умѣютъ пользоваться выборами и избирать на уѣздныя мѣста порядочныхъ людей?» Мало ли зачѣмъ. Затѣмъ, что правительство не вынесетъ никакой самобытной власти, затѣмъ, что исправникъ трактуется, какъ лакей, затѣмъ, что въ уѣздныхъ городахъ жить нельзя—нѣтъ ни лѣкарей, ни средства воспитать дѣтей, ни общества, ни удобствъ жизни. Онъ хотѣлъ, чтобъ ему сказали нормальное отношеніе помѣщичьихъ крестьянъ къ господину, на примѣръ, въ московской губерніи, алгебраическую формулу, такъ сказать. Но это вздоръ; если-бъ отношеніе общины сельской къ помѣщику измѣнялось съ ея величиною, съ количествомъ земель или иныхъ условій жизни, тогда можно бы понять какую-нибудь норму. Это не такъ. Состояніе общины NN зависитъ отъ того, что помѣщикъ ея богатъ или бѣденъ, служитъ или не служитъ, живетъ въ Петербургѣ или въ деревнѣ, управляетъ самъ или приказчикомъ. Вотъ это-то и есть жалкая и безпорядочная случайность, подавляющая собой развитіе. Между прочимъ, говоря о дворовыхъ людяхъ и мастеровыхъ, баронъ Г. замѣтилъ: *il y a des principes d'un saint-simonisme renversé (à chacun selon ses talents)* ²⁾, т. е., что чѣмъ талантливѣе, тѣмъ больше дуютъ съ него оброка. Демократическая нивеллировка...

15.—Скоро будетъ Бѣлинскій; жду, очень жду его. Я мало имѣлъ близкихъ отношеній по внѣшности съ нимъ, но мы много понимаемъ другъ друга. И я люблю его рѣзкую односторонность, всегда полную энергіи и безстрашную. Потому онъ по своему симпатиченъ. Мнѣ надобны эти обновленія, какъ свѣжія примочки воспаленному мѣсту; я какъ-то быстро изнашиваю жизнь. Онъ пишетъ о моемъ счастіи, а я ему хочу высказать, какъ я не умѣлъ

¹⁾ Чиновничество ужасно въ Россіи.

²⁾ Тутъ принципы сенсимонизма, такъ сказать, на-изнанку (каждому по его способностямъ).

понять его, какъ я забылся, зазнался. Онъ меня осудить, и мнѣ останется, покраснѣвъ и затаивъ слезу, слушать. То же будетъ, когда явится Ог.! Одно, одно,—лишь бы новыя силы помогли ей; мнѣ страшно жить такъ; я стою со всѣмъ благомъ моей жизни, съ моимъ руномъ на весеннемъ льду, и эти минуты внутренняго трепета—ихъ ничѣмъ ничто не вознаградить. Страшный скептицизмъ остается результатомъ всего этого, и ни занятія, ничто не мощно побѣдить боли.⁷

26.—Одиннадцать дней не дотрагивался до журнала. Ну, что же въ нихъ?—ничего. Жадное стремленіе къ какой-то полной жизни и скептицизмъ, все мутящій. Всякій день уносить что-нибудь. Я быстро отцвѣлъ и отживаю теперь свою осень, за которой не будетъ весны. Шиллеръ безконечно правъ, говоря, что *Irthum ist Leben*¹⁾; медузины взгляды скептицизма убили черты, оживленные мечтами, и пр. Я смотрю около—все дѣти, умныя, полныя благородства, высоты, симпатіи и вѣры, дѣтской вѣры; всѣ они могутъ дѣлать, потому что они игру принимаютъ за дѣло. Дитя потому сон амоге дергаетъ шнурокъ, что онъ твердо убѣжденъ въ лошади на концѣ шнурка. На дняхъ говорили о безсмертіи. Я не вѣрилъ въ безсмертіе, но желалъ его; этотъ разъ я съ ужасомъ замѣтилъ, что мнѣ все равно и что мысль уничтоженія даже сладка въ иную минуту; выдохнуться подъ прекраснымъ небомъ, среди людей свободныхъ, пышныхъ растений... благословляя дѣтей, друзей,... лишь бы не увидать упрека на чьемъ-либо лицѣ.

Зачѣмъ женщина вообще не отдается столько живымъ общимъ интересамъ, а ведетъ жизнь исключительно личную? Зачѣмъ онѣ терзаются личнымъ и счастливы личнымъ? Соціализмъ какую перемѣну внесетъ въ этомъ отношеніи.

29.—Я забывался, падалъ и очистился, какъ христіанинъ, кровью невиннаго. Но эта кровь вопіетъ, я изнемогаю, теряю всѣ силы. Ея слова, ея уничтоженіе, горестъ... Нѣтъ, я не такъ палъ; къ падшему пощада; если бы у меня былъ характеръ, я зарѣзался бы. Кромѣ эгоизма, есть натяжки у людей, гипостазія эгоизма, онъ—начало и конецъ всего, плюсъ гордость и желаніе наслажденій. Жить иную минуту легко, а всегда—тяжело, безконечно тяжело. Я ослабѣлъ какъ-то.

31.—Сегодня или вчера годъ, какъ пріѣхалъ Огаревъ въ Новгородъ. Этотъ годъ страшно обширенъ по внутреннимъ событіямъ, и въ немъ я отстрадался за все благо моей прошлой жизни. Последній безотчетно свѣтлый мигъ, былъ мигъ, въ который мы про-

1) Жизнь состоитъ изъ ошибокъ.

водили его. Вслѣдъ за тѣмъ нечистыя волненія, тоска душнаго состоянія ссылки, переѣздъ, дурачество и горестное, раздражающее душу сознаніе, что я дурачась не смотрѣлъ на существо, близъ меня стоящее; что я поколебаль ея вѣру, отнялъ основу нравственнаго быта, убилъ, разрушилъ. Когда я опомнился, я бросился на колѣни, я рыдалъ, я умолялъ, но было поздно. Есть страшныя развитія души, которыя не имѣютъ прошедшаго; для нихъ прошедшее вѣчно живо: они не гнутся, а ломаются, они падаютъ паденіемъ другого и не могутъ сладить съ собою. Вчера вечеромъ нашъ разговоръ объ этомъ былъ кротокъ; меня посѣтило опять давно неизвѣстное чувство гармоніи, и я плакалъ отъ радостнаго чувства. О, если-бъ она знала все, что дѣлается въ душѣ моей, она увидѣла бы, что никогда я не былъ достойнѣе блага ея любви; я сталъ чище, выше всею глубиною моего паденія.

Размышленіе по поводу Записки объ Останкинѣ ¹⁾. Дружба и любовь должны бѣжать холодной, юридической справедливости. Любовь въ основаніи пристрастна, лицепріятна,—въ этомъ ея характеръ. Тактъ, уваженіе, деликатность на всѣхъ степеняхъ сношенія людей другъ съ другомъ; близость, пренебрегающая этимъ, близка къ шероховатости. Уваженіе, вѣра—вотъ риза истинной симпатіи.

Іюнь мѣсяць.

4.—«Histoire de X ans», L. Blanc ²⁾. Чрезвычайно замѣчательное явленіе по взгляду, по изложенію и по ревелации ³⁾. Въ революціи 30 іюля вся Франція и вся первая половина XIX вѣка имѣютъ представителей en bien и en mal ⁴⁾. Франція величественно и торжественно возстаетъ, оскорбленная глупыми ордонансами; противодѣйствіе геройское, но которое, умѣвши побѣдить, не имѣло выдержки и позволило себя глупо обмануть. Скептическій, не дошедшій до формулированія своей мысли, XIX вѣкъ не имѣлъ ничего готоваго. Демократія была безсистемная; социализмъ, едва родившійся, съ первыхъ дней революціи провидитъ, чья побѣда. Робкая, трусливая, корыстолюбивая и перемѣнчивая bourgeoisie ⁵⁾ завладѣетъ всѣмъ, и въ центрѣ ея, окруженный неблагородными лицами и нѣсколькими обманутыми, какъ кошмаръ, хитрый Людо-

¹⁾ Имѣніе графа Шереметева.

²⁾ «Исторія десяти лѣтъ, 1830—1840», Луи Блана.

³⁾ Révélation—откровеніе.

⁴⁾ Какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ.

⁵⁾ Буржуазія.

викъ-Филиппъ, человѣкъ прозаическій, далекій отъ всякой геніальности, царь во имя посредственности и для нея. Камера ¹⁾), грязное болото, въ которомъ исчезаетъ великій потокъ революціи, боясь народа болѣе, нежели Бурбоновъ, спѣшила сдѣлать короля. А король ея разомъ обманулъ мошеннически Карла X, и камеру, и народъ. Отъѣзжающій старикъ, окруженный своей семьей, вѣрный этикетамъ и рыцарски преданный идеѣ, которой уже нѣтъ, примиряетъ съ собою; его жаль, онъ окруженъ какимъ-то поэтическимъ отблескомъ прошедшихъ вѣковъ. Людов.-Филиппъ, принимающій безъ шансовъ депутаціи, представляетъ какую-то циническую фигуру, поселяющую отвращеніе.

14. *Покровское*.—Странно идетъ наша жизнь. Возлѣ каждой минуты блага и счастья какая-то безотходная иронія ставитъ страшныя привидѣнія. Третьяго дня мы пріѣхали сюда, и я давно не былъ въ такомъ свѣтло-радостномъ расположеніи. Видъ полей меня обмылъ, мнѣ было хорошо, очень хорошо... тишина кругомъ, спокойствіе,—все расположило душу къ ряду впечатлѣній, безотчетно гармоническихъ. А сегодня утромъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома утонулъ Матвѣй. Я любилъ его: онъ былъ для меня болѣе, нежели слуга; я въ немъ воспиталъ благородныя свойства, и они принялись; онъ мальчикомъ вступилъ въ мой домъ и съ лѣтами пріобрѣлъ истинно человѣческія достоинства. Онъ развился болѣе, нежели надобно, *avec une grécosité* ²⁾), которая начинала его мучить неравномѣрностью своей. Онъ тяготился своимъ состояніемъ, часто бывалъ небреженъ, но всегда благороденъ; онъ искупалъ цѣлый классъ людей въ моихъ глазахъ. И вдругъ погибнуть такъ глупо, такъ бессмысленно случайно, 22 лѣтъ,—это страшно. Какой скептицизмъ навѣвають такіе примѣры. Вчера онъ упалъ, было, съ плотины. Саша со слезами бросился къ нему и сказалъ: «я тебя люблю, не утони». Это—последняя сладкая минута его. Я совѣтовалъ не купаться за плотиной,—онъ не послушался; сегодня утромъ пошелъ и заплатилъ жизнью за неосторожность. Можетъ, для него смерть благо,—жизнь ему сулила страшные удары; съ нѣжной душой онъ былъ все же слуга, у него не было будущаго. Но страшно быть свидѣтелемъ такого спасенія отъ будущаго.

Когда я прибѣжалъ на берегъ, его искали и полчаса не могли найти въ глубинѣ; я велѣлъ спустить плотину, его поймали неводомъ и вытащили. Боже, этотъ цвѣтушій силами молодой человѣкъ, который вчера вечеромъ пребеззаботно говорилъ со мною,

¹⁾ Палата депутатовъ.

²⁾ Съ скороспѣлостью.

который не думалъ, конечно, о смерти, — теперь посинѣлый трупъ съ открытыми глазами. Что думалъ онъ, какъ шелъ вдвоемъ купаться? они дурачились въ рѣкѣ; что думалъ онъ, протянувши руки и не найдя тотчасъ помощи? Еще разъ страшно! ⁸

Грустное впечатлѣніе этого случая надолго отравитъ нашу деревенскую жизнь, а она, было, началась такъ благотворно. Бѣдный Матвѣй! Писалъ къ его матери.

Вчера деревенскіе мальчики приходили играть къ Сашѣ; мнѣ грустно было смотрѣть на нихъ. Съ какимъ радушіемъ наперерывъ они старались чѣмъ-нибудь потѣшить Сашу. Низшіе классы ужасно оклеветаны. Посмотрите, какъ добръ, какъ весь предается ласкѣ простолюдинъ (разумѣется, исключая дворовыхъ), — стоитъ съ нимъ обходиться по-человѣчески. Грубые приемы наши ставятъ его en garde ¹⁾; самая привычка подозрѣвать, что его хотятъ обидѣть, насторожила ихъ. Но когда онъ увѣрится, что къ нему подходятъ съ любовью, онъ вострепнется и радъ жизнь положить за всякаго. Горе людямъ, пользующимся властью, чтобъ еще болѣе втапывать въ грязь народъ, и стыдъ имъ за клевету, подлую и низкую, на нихъ: они клеветуютъ, чтобъ оправдаться. А тѣ бѣдные не имѣютъ этой послѣдовательности ненависти къ истинно враждебному стану.

16. Вчера хоронили его; Кетчеръ и я несли гробъ. Миръ его памяти! Какъ живое быстро минуетъ, переходитъ, пораженное смертью. Жизнь, какъ потокъ, тотчасъ находитъ свое русло и течетъ.

Уединеніе сельской жизни, близость съ природой и даль отъ людей чрезвычайно хороши. Человѣкъ долженъ по временамъ отходить въ сторону, чтобъ собраться. Внѣшнее однообразіе жизни деревенской даетъ просторъ внутреннимъ процессамъ.

Каждая бездѣлица въ этомъ домѣ и въ околныхъ мѣстахъ напоминаетъ мнѣ меня въ разныя эпохи моей жизни: я нашель надпись, сдѣланную мною въ 1827 г., и другую — въ 1838. Какая поэма, романъ, какой рядъ событій и видоизмѣненій между этими годами... Стремлюсь побывать въ Васильевскомъ, — тамъ я долѣе живалъ, и лучшія воспоминанія дѣтства и отрочества связаны съ горами, водами этой деревни. Лѣта развитія не прибавляютъ грузъ, а, напротивъ, потребляютъ массу мечтаній и вѣрованій юношескихъ; становится все легче, плечи многихъ довлѣютъ нести тяжести, но ничего не нести — надобно имѣть вдесятеро болѣе силъ. Думать, что судьба человѣка, напр., таинственно предпопре-

¹⁾ Насторожѣ.

дѣлена, стараться разгадать эту тайну, узнать нѣчто грозное—легче, нежели знать, что никакого секрета нѣтъ, спрятаннаго о жизни каждаго человѣка. До большей легкости ноши достигъ я рядомъ бурныхъ испытаній, но мнѣ грустнѣе. Въ 1827 я былъ 15 лѣтъ, идеи древняго республиканизма бродили въ головѣ, я вѣрилъ непреложно, что «взойдетъ заря плѣнительнаго счастья». Тутъ, въ этой комнаткѣ, лежа на этомъ диванѣ, я читалъ Плу-тарха, и свѣжее отроческое сердце билось. Въ 1838 я приѣзжалъ изъ ссылки, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы,—мнѣ было 26 лѣтъ, жизнь раскрыла всѣ прелести и упоенія. Теперь, въ 1843, измученный многими, съ скептицизмомъ въ душѣ, я ищу у тѣхъ же полей участія. А юности уже нѣтъ, а вѣрованій нѣтъ, только что-то похожее волнуетъ подчасъ кровь.

18.—2-й томъ L. Blanc, 1831 годъ. Отличительная черта французскаго правленія послѣ революціи 30 года—ограниченность, коварство и стараніе мошенническими штукаами скрыть своекорыстные и жалкіе виды. Дома, въ камерѣ, въ сношеніяхъ съ государями и съ народами—то же самое. Талейранъ доказалъ, наконецъ, что плутовство не значитъ геніальность. Король потерялъ всякое уваженіе,—Dupont de l' Eure ¹⁾ уличилъ его во лжи. Л. Ф. взбѣлся и сказалъ, что онъ обнародуетъ его грубость. «Почемъ знать,—отвѣчалъ министръ,—кому повѣрятъ: вамъ или Dupont de l' Eure». Король смирился. Обиднѣе всего тупость тогдашняго управленія; Франціи выпадала гегемонія всей либеральной Европы, а она загрязнилась въ дипломатическихъ сдѣлкахъ, выдавала, продавала своихъ приверженцевъ. Орлеанская эпоха не смоеетъ этихъ пятенъ. Бельгія, Испанія, Италія и Польша уличаютъ ее въ эгоизмъ и трусости. Въ противоположность ей карлисты получаютъ благородный свѣтъ. Одно объясненіе—неразвитость демократической партіи; политическіе перевороты безъ соціального сдѣлались невозможны. А царство средняго сословія было все же продолженіе феодальнаго соціализма, котораго высшее развитіе въ Америкѣ, остановившейся на односторонней тенденціи. Сѣверная Америка—*non plus ultra* ²⁾ феодальнаго развитія, такъ, какъ оно должно было явиться въ мірѣ реформаціонномъ.

26.—А какъ взглянешь около себя... Бѣдный, бѣдный русскій мужикъ. И что досаднѣе всего видѣтъ,—средство поправить его состояніе по большей части подъ руками; алчность помѣщиковъ и

¹⁾ Жакъ-Шарль Дюпонъ (изъ департамента Eure), французскій государственный дѣятель; въ 1830 г. министръ юстиціи.

²⁾ Высшая, не превзойденная ступень.

неустройство государственныхъ крестьянъ повергаетъ ихъ въ это положеніе. Глядя на ихъ жизнь, кажется чѣмъ-то чудовищно-преступнымъ жить въ роскоши; обыкновенно мужикъ здѣшной полосы никогда не ѣстъ мяса, у него едва хватаетъ хлѣба; коли побогаче, ѣстъ капусту; онъ каждый день съ своей семьей отыгрывается отъ голодной смерти. О запасахъ думать нечего; умри лошадь, корова,—онъ пошелъ ко дну. У кого много работниковъ въ семьѣ, тѣ живутъ получше, но много ли такихъ? Возлѣ ихъ бѣдныхъ полей богатая поля помѣщика, обработанныя его руками, скирды хлѣба, копны сѣна—какое ангельское самоотверженіе! Сегодня приходили къ окну нищіе изъ сосѣдней деревни; помѣщикъ выгоняетъ ихъ ежедневно на работу поголовно,—у нихъ хлѣба нѣтъ, это бросается въ глаза, а если есть только хлѣбъ, то совѣсть помѣщика чиста: чего же имъ болѣе? они сыты... Мы дивимся глadiatorамъ, а развѣ черезъ вѣкъ не будутъ дивиться намъ, нашей свирѣпой жестокости, отсутствію челоуѣколюбія въ насъ? Чѣмъ мы лучше суринамскихъ колонистовъ, англичанъ въ Индіи? Нѣтъ, мы хуже, потому что крестьяне наши лучше дикихъ; кротко, грустно несутъ они тяжелый крестъ жизни, черно проводятъ ее, имѣя въ перспективѣ розги, голодь и барщину, если оброчный,—рекрутство, взятіе во дворъ. Наши славянофилы толкуютъ объ общинномъ началѣ, о томъ, что у насъ нѣтъ пролетаріевъ, о раздѣлѣ полей; все это—хорошіе зародыши, и долею они основаны на неразвитости; такъ, у бедуиновъ право собственности не имѣетъ эгоистичнаго характера европейскаго; но они забываютъ, съ другой стороны, отсутствіе всякаго уваженія къ себѣ, глупую выносливость всякихъ притѣсненій,—словомъ, возможность жить при такомъ порядкѣ дѣлъ. Мудрено ли, что у нашего крестьянина не развилось право собственности въ смыслѣ личнаго владѣнія, когда его полоса—не его полоса, когда даже его жена, дочь и сынъ—не его. Какая собственность у раба? Онъ хуже пролетарія—онъ *res* ¹⁾, орудіе для обрабатыванія полей. Баринъ не можетъ убить его, такъ же, какъ не могъ при Петрѣ, въ извѣстныхъ мѣстахъ, срубить дубъ; дайте ему право суда, тогда только онъ будетъ челоуѣкомъ. 12 мил. людей *hors la loi* ²⁾)... *Carmen horrendum* ³⁾.

28.—Дочиталъ первые три тома L. Blanc. Какъ поэтически явился сень-симонизмъ, какъ геройски явилась республиканская партія, и какъ вдругъ уничтожились одни и обезсилили другіе. Но

1) Вещь.

2) Внѣ закона.

3) Ужасающій законъ.

если они видимо уничтожились и ослабли, то въ нравахъ, въ общемъ мнѣніи осталось очень, очень много. У нихъ не было полной отгадки. Между тѣмъ необходимость социальнаго переворота теперь стала очевидна; враги развитія, какъ Гизо, понимаютъ и трепещутъ. Измѣненіе права собственности, коммунальная жизнь, организація работъ—вопросы, занимающіе всѣхъ, видящихъ далѣе носа; нелѣпость случайнаго и нелѣпаго распредѣленія такого важнаго орудія, какъ богатство, нелѣпость гражданскаго порядка, приносящаго на жертву огромное большинство, невозможность равенства при такомъ устройствѣ,—все это стало очевидно, а давно ли? Воззрѣнія со стороны консерватистовъ проникнуты сознательно или безсознательно эгоизмомъ и своекорыстіемъ привилегированныхъ кастъ. Теперь, напр., толкуютъ, что при организаціи равнаго воспитанія отецъ не можетъ дать того воспитанія, которое онъ считаетъ лучшимъ, а забываютъ, что теперь всѣ отцы низшихъ классовъ не могутъ дать никакого воспитанія своимъ дѣтямъ. Конечно, при лучшемъ общественномъ устройствѣ многіе не будутъ имѣть возможности тратить деньги, какъ теперь, они стѣсняются, но никто не будетъ мереть съ голоду. А развѣ при развитіи идеи права не стѣсняется самодурная воля деспота, развѣ ему не хуже, напр. въ Англіи, нежели въ Россіи. Франціи принадлежитъ великая инициатива этого переворота. Она ему положила начало конвентомъ. Болѣзненно достигаетъ она до осуществленія. Достигнетъ ли? когда? Все равно, человѣчество ей не забудетъ первый шагъ. Удивляюсь, какъ славянобѣснующіеся не понимаютъ исторіи, не понимаютъ европейскаго развитія, это—помѣшательство. Славяне въ будущемъ, вѣроятно, призваны ко многому, но что же они сдѣлали въ прошедшемъ со своимъ стоячимъ православіемъ и чуждостью отъ всего человѣчества?

30.—Гостили Бѣлинскій, Боткинъ, Грановскіе. Исторія Боткина ¹⁾ отравила почти все время; она поселила неловкость между нами и покрыла чѣмъ-то тяжелымъ все время. Конечно, онъ не правъ, какъ смѣшно-слабый характеръ, какъ человѣкъ, причувшійся рефлексировать тамъ, гдѣ должно дѣйствовать, наконецъ, какъ человѣкъ, ставящій эгоистически выше всего какое-то себѣ-потворство, обоготворяющій маленькія удобства и боящійся поднести чашу жизни къ устамъ, потому что тяжело держать ее. Все это такъ; болѣе: мы только тѣхъ людей можемъ уважать, которые, рѣшивши въ сердцѣ и въ головѣ вопросъ, ломаютъ всѣ препятствія,

¹⁾ Его связь съ француженкой Агмансе. См. особую главу въ «Быломъ и думамъ».

пренебрегаютъ ранами,—словомъ, имѣютъ храбрость поступка и всѣхъ послѣдствій его, доросли до дѣйствительной жизни. Но, съ другой стороны, нельзя не видѣть, что слабость Б. испугалась въ самомъ дѣлѣ страшнаго. Онъ содрогнулся отъ слова «бракъ»; истинная любовь не содрогнулась бы, но все же бракъ страшенъ: контрактваніе себя, кабала, цѣпь. Бракъ не есть истинный результатъ любви, а христіанскій результатъ ея; онъ обрушиваетъ страшную отвѣтственность воспитанія дѣтей, семейной жизни etc., etc. Мнѣ семейная жизнь легка съ этой стороны, но это — случайность, и именно потому я имѣю голосъ. Между свободнымъ счастьемъ чело-вѣка и его осуществленіемъ всегда путы и препятствія прежняго религіознаго воззрѣнія. Въ будущую эпоху нѣтъ брака, жена освобождается отъ рабства, да и что за слово «жена»? Женщина до того унижена, что, какъ животное, называется именемъ хозяина. Свободное отношеніе половъ, публичное воспитаніе и организація собственности. Нравственность, совѣсть, а не полиція, общественное мнѣніе опредѣляютъ подробности сношеній.⁹

Глубоко грустные стоны издаются и теперь еще по временамъ изъ болѣзненной души Н. Ей судьба привила духъ страданій; исторія Б. опять потрясла ее и растравила старое; причина все одна: мы не можемъ свободно и широко взглянуть на отношенія людей между собою,—христіанскіе призраки мѣшаютъ. Они были необходимы въ свое время, теперь ихъ не нужно. Христіанскій бракъ былъ нуженъ для того, чтобъ пріучить людей въ женѣ уважать женщину; ревнивая любовь среднихъ вѣковъ, идеализація дѣвицы окружили женщину свѣтлымъ кругомъ, и онъ останется и будетъ тѣмъ свѣтлѣе, чѣмъ далѣе разовьется нравственность.

Христіанское общество, какъ всякое одностороннее, имѣетъ всегда въ себѣ самомъ обратную сторону. Неразрывный бракъ, съ одной стороны, и, съ другой,—публичные дома, гдѣ женщина брошена въ грязный развратъ, поставлена ниже животнаго. Но какъ примирить, какъ устроить? Сенъ-симонисты дали великій примѣръ смиренія: они ждали голоса женщинъ, чтобъ рѣшить вопросъ; но съ тѣхъ поръ, развѣ голосъ G. Sand не заявлялъ мнѣніе женщины?

Бѣлинскій не перемѣнился ни на волосъ,—вѣчно въ экстремѣ; но глубоко вникающій и симпатичный съ одной стороны, рѣзкій до цинизма въ словахъ, но вѣрный въ смѣлости и не трусь, конечно, въ консеквентности. Я люблю его рѣчь и недовольный видъ, и даже ругательство.¹⁰

Іюль мѣсяць.

4. — «*Révolution d'Angleterre. Charles I*» par Guizot ¹⁾. Для того, чтобы дойти до вселенскаго переворота конца XVIII столѣтія, надобно было испытать частные эмансипационные перевороты. Реформація торжественно заключается англійской революціей. Она далеко отъ всеобъемлющаго характера французской, она боится инициативы, старается каждому требованію придать историческую основу, она предоставляет только такія права, на которыя она имѣетъ историческіе antecedенты, она двигается впередъ, но спиною, безпрестанно смотря на прошедшее и боясь, особенно въ первую половину, сознаться, что идетъ по вовсе не разработанной землѣ и новой. Между тѣмъ, всѣ вопросы первой важности обсуживаются съ трибуны и въ брошюрахъ. Республиканское устройство пресвитеріанской церкви, разногласіе независимыхъ, нижній парламентъ, въ глазахъ народа захватывающій власть, внѣдряютъ великія идеи о правѣ народа, о самодержавіи народа; массы воспитываются. Полковникъ Кромвель, вербуя себѣ солдатъ, говорилъ имъ: «Знайте впередъ — я не хочу лицемѣрить, не говорю — беру васъ защищать короля и парламентъ. Нѣтъ, еслибъ король стоялъ передо мной, я первый пустилъ бы ему пулю въ лобъ» и пр. При началѣ революціи массы отступили бы съ ужасомъ отъ человѣка, который бы дерзнулъ произнести слова эти. Кромвель зналъ, съ кѣмъ говорить, — всѣ энергическіе изъ слушателей шли подъ его знамя. Въ Англии, какъ тутъ, такъ и до нашихъ дней, удивляетъ насъ, привыкшихъ къ военно-восточному деспотизму, глубокое, твердое, величаво-спокойное сознаніе правъ своихъ и правъ благородства, достоинства человѣка вообще. Гизо приводитъ въ *pièces justificatives* ²⁾ примѣръ вопроса лорда при Елизаветѣ, говорившаго въ парламентѣ очень сильно противъ нея. Съ какою доблестью отвѣчаетъ онъ, и съ какою доблестью члены верховнаго суда понимаютъ правоту его. Права свободно разумной личности признаны съ тою же непоколебимостью, съ какою у насъ, на примѣръ, они всѣ отвергнуты. Во время первой войны, король и парламентъ плѣннымъ ни съ той, ни съ другой стороны не дѣлали обидъ, и

¹⁾ «*Histoire de la révolution d'Angleterre depuis l'avènement de Charles I jusqu'à l'avènement de Charles II*» — «Исторія англійской революціи» соч. Гизо.

²⁾ Оправдательные документы.

общественное мнѣніе громко возстало, когда король для униженія плѣнниковъ велѣлъ имъ дефилировать передъ собою, а въ его глазахъ они были государственные преступники. Вотъ этого-то воспитанія въ правомѣрное состояніе у насъ вовсе нѣтъ; даже мы не уважаемъ и ту законность, которая дается нашимъ сводомъ. Оттого сводъ безпрестанно нарушается внизу массою подлыхъ агентовъ и самимъ народомъ, для выгодъ котораго сдѣланъ законъ, съ другой стороны—высшей властью, которая не видитъ въ немъ закона, а распоряженіе, указы, состоящіе до новаго указа. Отсюда этотъ хаосъ неопредѣленныхъ правъ, гдѣ иной разъ власть старается о развитіи элективного ¹⁾ начала или коллегіальнаго управленія, а массы противодѣйствуютъ ему; а другой разъ малѣйшее поползновеніе пріобрѣсти гражданскія права со стороны лицъ,—особенно же заявленіе своихъ правъ, сознаніе ихъ,—принимаются за бунтъ и тою же властью наказываются кнутомъ и всѣмъ на свѣтѣ.

Разстояніе наше съ Европой во всемъ неизмѣримо. Въ Европѣ самодержавіе было болѣзнью одного вѣка, отъ которой сама власть тотчасъ стремилась отречься (скрывая цѣль подъ личиною общественной пользы); у насъ въ заключеніе всей исторіи нашей, не имѣвшей никакого знамени, въ XIX вѣкѣ водрузили хоругвь, на которой просто и ясно говорится, что цѣль наша—слава эпохи самодержавія. Народъ—только поддержка самодержавія. Представьте европейскія государства: Сардинію, Неаполь, Австрію, гдѣ бы принципъ деспотизма дошелъ до того, чтобъ на знамени написать: «абсолютизмъ—самовольство власти...».

6.—Обыкновенно возстаютъ противъ дѣлопроизводства процессовъ Людовика XVI и Карла I. Политическіе преступники во время переворота всегда судятся внѣ обыкновенныхъ формъ; цѣль этого рода процессовъ вовсе не раскрытіе истины, виновности, а обвиненіе, побѣда принципа. Людовикъ XVI и Карлъ I положили головы для торжества идеи революціонной и для спасенія самой революціи; обстоятельства Англіи и Франціи, сверхъ фанатизма, привели къ трагической катастрофѣ. Не гораздо ли страннѣе и гнуснѣе видѣть, какъ въ монархіяхъ въ спокойное время, когда ничего не боятся, судятъ исключительными судами и инквизиторскими порядками не токмо политическихъ преступниковъ, но людей неосторожныхъ, авторовъ эпиграммы или остроты за чашей вина. Зачѣмъ всегда указывать на бурное время, когда въ штиль, безъ нужды, дѣлаютъ то же... Да, жалостно прощанье Карла I съ дѣтьми. А развѣ всѣ, погибающіе въ Шпильбергѣ ²⁾, Сибири, Боб-

¹⁾ Electif—избирательный.

²⁾ Австрійская крѣпость, куда заключались политическіе преступники.

руйскѣ, Динабургѣ, Петроп. кр., бездѣтны? Да, можетъ, они и не прощались съ ними; да, можетъ, ихъ дѣти пошли по міру. Люди до сихъ поръ не могутъ повѣрить, что они не только передъ богомъ, но и передъ людьми равны...

Перечитывали наши письма 1835, 36 годовъ. Хороши всѣ эти звуки и пѣсни любви, какъ давно неслыханная національная пѣсня, а ужъ сколько прожито съ тѣхъ поръ! Эта восторженная любовь, полная юности и романтизма, перешла въ иную форму, болѣе истинную и дѣйствительную, но не такъ радужно и ярко свѣтлую. Читая, навертывается улыбка, переносишься въ тѣ времена, завидуешь имъ и чувствуешь, что теперь совершеннолѣтіе. Эти шаги въ совершеннолѣтіе считаются потерями душами нѣжными. Трезвый взглядъ очень труденъ, такъ же, какъ консеквентность своимъ началамъ. И истинно тяжело тому, кого судьба наградила страшной логикой, и когда у него нѣтъ недвижимаго имѣнія, куда онъ не пускаетъ мысль.

9.—«Histoire de la contre-révolution en Angleterre» par. Ar. Carrel ¹⁾). XVI вѣкъ началъ въ границахъ реформаціи эмансипацію Европы отъ христіанства; нельзя было міру феодальному и католическому безъ боя уступить, тѣмъ болѣе, что и сами реформаторы и всѣ секты противоположныя, кромѣ малыхъ исключеній, не отдѣлались отъ феодализма. Распутный Карлъ II и отвратительно-ограниченный Яковъ II были органами этого прошедшаго, ищущаго себѣ мѣста въ мірѣ, явно отрекшемся отъ него. Разница притѣсненій и ужасовъ Якова съ нашимъ состояніемъ огромная; тамъ есть партія за него, у насъ только повиновеніе изъ невѣжества и выгоды. У насъ власть не имѣетъ партіи *propre sic dictum* ²⁾). Абсолютизмъ въ Европѣ хотѣлъ обоготворить историческое начало монархической власти; у насъ - - - - - одной стороною въ противоположности съ исторіей: оно эмансипаціонно по петровскому элементу и притѣснительно во имя силы, на которую опирается, во имя грубой матеріальной силы. Яковъ II прямо боролся и съ нимъ боролись; тамъ были права на борьбу; ему, Богъ знаетъ, какихъ трудовъ стоило сдѣлать судебную власть подлою, у насъ понятія нѣтъ о правѣ внѣ произвола. Тамъ насиліе, революція—абнормальность, у насъ—обыкновенный порядокъ дѣлъ; оттого тамъ человѣкъ шелъ на плаху невинно, но могъ высказать это; у насъ молча и нѣмо казнили бы его, у насъ не усомнились бы въ томъ, что онъ казненъ по праву. Каррель замѣчаетъ, что

¹⁾ «Исторія контръ-революціи въ Англіи», Армана Карреля.

²⁾ Въ собственномъ смыслѣ этого слова.

республика была невозможна для Англии при ея раздѣленіи на классы,—безсомнѣнно. Оттого-то и во Франціи не провозглашается республика. Государство раздѣленное должно имѣть центръ, связующій его,—государя; иначе будетъ охлократія или régime de terreur. Самая власть Кромвеля опиралась на консервативныхъ интересахъ одного класса такъ, какъ власть Людовика-Филиппа.

10.—Феодальный бытъ и управленіе развились органически изъ элементовъ народныхъ и историческихъ, и развились во всей силѣ и красѣ съ чрезвычайной многосторонностью и послѣдовательностью. Въ немъ и имъ развиты католицизмъ и рыцарство, романтизмъ и общины. Но стремительно развивающійся духъ Европы въ нѣсколько вѣковъ *изжилъ* романтично-феодальное содержание; остались формы, да и тѣ должны были ждать видоизмѣненій,—часть христіано-германскаго міра наступалъ; онъ дѣлался тѣсенъ для вновь развивавшихся идей,—революціи за революціей начинаютъ съ XV столѣтія громить феодальное statu quo. Реформація начала освобожденіе отъ католицизма и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ христіанства; считаютъ послѣ реформаціи одну политическую революцію, состоящую въ освобожденіи народовъ отъ власти, пріобрѣтеніе правъ и пр., но параллельно съ нею шла другая революція, ниспровергавшая съ другого конца все феодальное устройство—развитіе центральной власти, абсолютизма; абсолютизмъ, для покрытія своей новизны, революціонности, назвалъ себя историческимъ, повелъ свое начало отъ временъ до-историческихъ, но это—чистая ложь. Абсолютизмъ центральной власти относительно феодальнаго устройства такъ же революціонеръ, какъ либерализмъ и политическій характеръ деспотизма Людовика XIV не имѣетъ той религіозной связи съ народомъ, съ государствомъ, какъ власть королей въ средніе вѣка.

Послѣ Вестфальскаго мира разработался новый элементъ, сдѣлавшійся преобладающимъ до французской революціи, это—дипломатія и политика; основаніемъ ихъ эгоизмъ и плутовство, все дѣлалось, какъ у игроковъ съ подтасованными картами; народный голосъ становился не нуженъ; самый голосъ чести, сильный въ средніе вѣка, умолкъ. Народы управлялись дворами. Тамъ гнѣздились торгаши народной крови и благосостоянія, дѣлили земли, присоединяли чужое, отчуждали свое полицейскими распоряженіями, поддерживая ихъ, въ случаѣ нужды, арміями. Постоянныя арміи (учрежденіе антифеодальное) сдѣлались величайшей опорой централизаціи и всѣхъ увеличеній королевской власти. Но, разъединенная съ народомъ, власть эта становилась болѣе и болѣе оскорбительною и должна была, пройдя грязнымъ періодомъ публичной безнравственности и

разврата, пасть, если не вездѣ фактически, то вездѣ во мнѣніи. Миновало съ дипломатіей и дворами то величавое, виднѣвшееся на челѣ царей среднихъ вѣковъ, о чемъ Шекспиръ такъ прекрасно сказалъ: «и океанъ не смоетъ слезъ съ чела моего». Цари, окруженные непреклонными, гордыми герцогами и вассалами,—тогда они были необходимы и въ нихъ вѣровали, и они вѣровали въ себя (какія бы индивидуальныя отступленія ни были). Рыцари стали дворовыми людьми, челядью королей. Обманъ и ложь считались не пороками для власти; а рядомъ реформація подталкивала дѣтскія вѣрованія; уму, мысли дано было уваженіе. Французская революція является совершенно послѣдовательнымъ вторымъ отрицаніемъ феодализма. Центральная власть отреклась отъ народа и аристократовъ, оставя божественность короля въ пользу его. Фр. р. ¹⁾ была тѣмъ же дѣйствіемъ со стороны массъ: она доказала небожественность власти и замкнула приготовительную эру перехода въ новый міръ. Въ наше время фактически, по старой памяти, многое стоитъ, но дряхлое, оглупѣвшее, какъ Талейранъ ²⁾ въ послѣдніе годы—представитель этого былого. Плутство въ дипломатіи осталось мерзкой привычкой, оно невозможно. Это изнашивание формъ, нѣкогда прекрасныхъ, есть признакъ сильной жизни; это, говоря языкомъ философіи, та великая трансценденція *der übergreifenden Subjectivität* ³⁾ челоѣчества, изъ которой состоитъ исторія. Народы, слабые внутренними началами, бѣдные жизнью и мыслью, какъ Китай, Персія, вѣка живутъ подъ одной формой, и имъ она довлѣеть.

11.—XVIII вѣкъ начался въ мракѣ страшныхъ событій, которыми оканчивался христіанскій міръ. Людовикъ XIV давилъ полстолѣтія почти всю Европу; онъ уже совершилъ отрицаніе былого безсознательно и былъ просто деспотъ, тиранъ. Его называли великимъ, потому что современники его, за исключеніемъ Вильгельма III, были малы и низки. Читая объ немъ, мѣришь наглазно, сколько мы подвинулись; для Европы теперь все это невозможно, у насъ хотя возможно, но уже дико. Гоненіе гугенотовъ, уничтоженіе цѣлыхъ городовъ, обманы и пронырство въ сношеніяхъ съ союзниками, это—величіе. Хороша и Германія того вѣка... Одна Англія и Голландія искупали тогда челоѣчество, и ими успокаивается взглядъ, останавливаясь на Вильгельмѣ III. Англія велика своимъ предвареніемъ въ политическомъ воспитаніи всѣхъ народовъ. Около Людо-

¹⁾ Французская революція.

²⁾ Шарль-Морисъ, извѣстный французскій дипломатъ.

³⁾ Выступающая субъективность.

вика составила атмосфера подлости, все въ ней было подло: Босюэть ¹⁾ и Кольберъ ²⁾, литература и церковь, войско и парламентъ,—все были лакеи; едва кое-гдѣ вырѣзывается величественная въ своей простой красотѣ фигура Фенелона ³⁾. Вильгельмъ III былъ не тори и не вигъ, Наполеонъ еще болѣе былъ внѣ всѣхъ партій. Въ этомъ свидѣтельство ихъ превосходства надъ современниками; они глядѣли обширнѣе, они вышли изъ пробитыхъ полей на свѣжую дорогу. Сверхъ того, въ этомъ глубокой тактъ дѣйствительности. Партіи сердятся на такихъ людей: они кажутся измѣнниками съ обѣихъ сторонъ; чаще всего они бываютъ правѣе обѣихъ сторонъ и именно потому не могутъ принять à соеиг всѣ увлеченія которой-нибудь. Есть другого рода люди, которые потому не принадлежатъ къ партіи, что или это не серьезно, что они ниже всеобщихъ интересовъ, напр. Талейранъ, или гнусно ячны и подчиняютъ подлому расчету интересы общіе, напр. Фуше ⁴⁾. Но мы говоримъ объ истинныхъ дѣятеляхъ въ исторіи. Имѣтъ свою теорію, свои твердыя, однажды оконченныя стремленія и цѣли—такъ же негодно въ политической дѣятельности, какъ въ наукѣ. Кромвель говорилъ: «въ переворотѣ всѣхъ дальше уйдетъ тотъ, кто не знаетъ, куда идетъ». Онъ на себѣ доказалъ истину этихъ словъ. Само собою разумѣется, что есть краеугольныя начала, общія тенденціи, очень сознательныя и очень сознанныя, но лишь бы не было требованія осуществить ихъ по субъективному мнѣнію; надобно дать волю обстоятельствамъ и, выразумѣвъ ихъ указаніе, стать во главѣ ихъ,—покоряясь имъ, покорить ихъ себѣ; это принесеніе на жертву мнѣнія, не говоря о прочемъ, совершенно законно уже потому, что я смотрю на предметъ съ извѣстной точки, а событіе, развивая его, развиваетъ вслѣдствіе всѣхъ сторонъ. Самый трогательный примѣръ вреда отъ настроеній—Лафайетъ. Это—идеализмъ въ политикѣ. Человѣкъ жизни идетъ до конца, до послѣднихъ слѣдствій. Человѣкъ рефлексіи и теорій не идетъ дальше грани, поставленной имъ самимъ, и тутъ всегда, при благопріятнѣйшемъ стремленіи, при безусловной чистотѣ, при талантѣ онъ тормозитъ ходъ происшествій, а такъ какъ гора крута,—его расшибаетъ, какъ Жиронду. Ни Робеспьеръ, ни Наполеонъ не могли имѣтъ предварительно опредѣленнаго плана дѣйствія; они были живые органы,

¹⁾ Жакъ, извѣстный французскій проповѣдникъ, историкъ и богословъ.

²⁾ Жакъ, знаменитый французскій государственный дѣятель.

³⁾ Франсуа Салиньякъ де ла-Мотъ, извѣстный франц. моралистъ и писатель.

⁴⁾ Иосифъ, герцогъ, франц. политическій дѣятель и начальникъ полиціи при Наполеонѣ I.

отдашіеся событіямъ, участникамъ и развивателямъ ихъ, и, наоборотъ, развивались ими. Наполеонъ разъ въ жизни былъ съ *aggrège pensèe*, противоположной духу обстоятельствъ; онъ, по собственнымъ словамъ его, понялъ, что надобно надѣть республиканскую шапку, а вмѣсто нея онъ надѣлъ токъ съ перьями Карла Великаго. Ватерлоо было отвѣтомъ на эту ошибку. Но нелегко уразумѣть, сродниться съ своимъ временемъ такъ, чтобъ понимать его, слѣдить за нимъ, забѣгать и не потерять ни своего, ни того, что видоизмѣняетъ его. Послѣ легко обсуживать ошибки, событія прошедшія,—какъ трупъ разсѣченный ясно показываетъ, гдѣ причина смерти; но когда онѣ живы,—одному острому глазу доступно внутреннее строеніе изъ-за цвѣта и пара страстей и односторонности.

13.—Нѣтъ скорбнѣе и грустнѣе чувства, какъ несчастно вѣрный взглядъ на вещи, снимающій съ нихъ наружный покровъ, удовлетворяющій другихъ въ томъ случаѣ, когда не токмо нѣтъ возможности дѣйствовать на вещи, но даже нѣтъ средства показать другимъ, что они заблуждаются. Это особое положеніе, невѣріе въ то, чему вѣрятъ другіе; неразрывная съ ними горькая иронія и досада давятъ душу, живую и раскрытую. Взглядъ этотъ отъ общаго переходитъ къ лицамъ, и тутъ еще хуже: онъ безжалостно вскрываетъ ихъ, указываетъ неподложныя точки помѣшательства ихъ, къ которымъ они приросли, и становится больно за современнаго чловѣка. Какъ мало цѣлыхъ, трезвыхъ натуръ! Иной и трезвѣе другихъ разумомъ, эстетическимъ чувствомъ, да характера ни на грошъ. Не признакъ ли это несовершеннолѣтія?

Читалъ «*Von der aesthetischen Erziehung der Menschheit*»¹⁾ Шиллера. Великое и пророческое твореніе; оно, какъ Лессингово воспитаніе чловѣчества²⁾, предупредило многимъ свое время. Шиллеру не отдавали въ послѣднее время достодолжнаго; письма эти писаны въ 1795 или около,—тогда едва начиналъ писать Шеллингъ. Шиллеръ пошелъ съ точки зрѣнія Канта, а какіе сочные, жизненно-прекрасные плоды,—онъ далеко перешелъ взглядъ критической школы. Тутъ, какъ въ нѣкоторыхъ страницахъ Гете, первые аккорды, поэтическіе и звучные, новой науки (Фихте³⁾ онъ изучалъ, ссылается на него).

16.—Schlosser, «*Geschichte des XVIII Jahrhunderts*»⁴⁾. Великій XVIII вѣкъ начался съ такой же крайности, какъ окончился,

1) «Объ эстетическомъ воспитаніи чловѣчества».

2) «*Die Erziehung des Menschengeschlechts*»—послѣднее сочиненіе Лессинга.

3) Юганъ-Готтлибъ, извѣстный нѣмецкій философъ.

4) «Исторія XVIII столѣтія», Шлоссера.

но вовсе въ противоположномъ смыслѣ. Самодержавіе, достигнувши полнаго развитія, взяло на себя показать немыслящимъ массамъ всю нечеловѣчность свою; оно обезумѣло и въ какомъ-то буйномъ опьяненіи, по горло въ крови, развратное и наглое, показало, чего можно ждать отъ нелѣпаго переноса всѣхъ правъ на одно лицо, которому нѣтъ преградъ. Оно разорило народы, не умѣя защитить ихъ; оно поглотило несмѣтныя богатства, не сдѣлавъ улучшеній; оно пировало, плахой и цѣпями останавливая голодный крикъ страждущей толпы. Толпа заслуживала такого воспитанія. Что можетъ лучше характеризовать этотъ періодъ, какъ война за испанское престолонаслѣдіе и потомъ за австрійское? Около десяти лѣтъ Европа облита кровью, государства разорены, города уничтожены, арміи погублены—изъ чего? гдѣ интересы бойцовъ? Изъ того, чтобъ втѣснить народу полубезумнаго меланхолика, чуждаго по правамъ и по происхожденію, въ короли, нисколько не заботясь, хочетъ ли его или нѣтъ народъ. Чтобъ увѣнчать тупость подобной войны, судьба шутила, призвавъ его соперника—лицо, столь же ничтожное—смертью брата на другой тронъ. Съ какою наглостью дѣлать и передѣливаютъ кровавые куски испанской монархіи; какое право, какой смыслъ? Идея законности наслѣдія одна выдвигается впередъ, это—неблагодарный бой у гроба о достояніи покойника; миллионы людей составляютъ это достояніе, а съ ними обращаются, какъ съ стадами. Вотъ къ чему пришелъ христіанскій міръ, вѣчно стремившійся къ недосягаемому идеалу, невозможному и мечтательному. А массы—массы смотрѣли, оцѣпенѣлыя отъ ужаса и не могли въ себѣ побѣдить застарѣлую болѣзнь ума, привязывающую ихъ къ династіямъ. Жалкая Германія выпила всю горечь позора и бѣдствій; ея династы валялись въ грязи, нанимаясь къ Людовику XIV или императору; опозоренные, они утопали въ развратѣ и пили по каплѣ кровь глупыхъ народовъ, не умѣвшихъ даже негодовать. Династы занимались церемоніалами и дипломатіей, никогда не подумавши о томъ, что дѣлается у нихъ подъ ногами. Можетъ, этотъ *gettemépage* ¹⁾ пригодился для будущаго, растолкалъ народы, занесъ зародыши человѣческихъ идей въ косные классы; живой организмъ европейскій все претворилъ и переработалъ, но изъ этого нельзя ни іотой уменьшить печать позора абсолютической эпохи. И не умѣли видѣть народы возлѣ стоявшую Англію, возлѣ стоящую Голландію; слѣпота несовершеннолѣтія, дѣтскаго взгляда только излѣчивается временемъ. Сѣверная война не лучше. Собственно цѣль, интересъ былъ у Петра I, и Петръ I тутъ, какъ Фридрихъ II

1) Передряга, сумятица.

послѣ, не принадлежитъ къ стаѣ самодержцевъ начала XVIII вѣка. Во-первыхъ, они—революціонеры, во-вторыхъ,—геніальные люди; они шли своей дорогой, во многомъ впадали въ ошибки, но имѣли интересы великіе, результаты, до которыхъ достигли, гигантскіе. Петръ, съ наружностью и съ духомъ полуварвара, но геніальный и незыблемый въ великомъ намѣреніи пріобрѣсти къ человѣческому развитію заключенную страну свою, очень страненъ въ дикой грубости своей, возлѣ изнѣженныхъ и утонченныхъ Августовъ и С-піе. Человѣкъ, отрекшійся отъ всего былого страны своей, покраснѣвшій за нее и кровью водворявшій новый порядокъ, имѣетъ всегда что-то революціонное, хотя и на тронѣ, и въ самомъ дѣлѣ въ немъ даже нѣтъ требованій на феодальное поклоненіе, на церемонность и проч., общую всѣмъ въ то время. Онъ схватилъ европеизмъ въ Голландіи,—лучшій источникъ того времени; онъ принадлежалъ новой Европѣ, внѣдрялъ ее, какъ варваръ, но правительство втолкнулъ въ колею, вовсе не похожую на европейскіхъ династовъ; хуже или лучше, навѣрное, не такую. Матеріальный, положительный гнетъ, не опирающійся на прошедшее, революціонный и тираническій, опережающій страну для того, чтобъ не давать ей развиваться вольно, а изъ подъ кнута; европеизмъ въ наружности и совершенное отсутствіе человѣчности внутри,—таковъ характеръ современный, идущій отъ Петра. Тѣмъ не менѣе, лицо его велико въ этомъ вѣкѣ, и мысль его велика; она еще не совсѣмъ исполнилась, но, вѣроятно, будетъ и ей осуществленіе. Петръ, какъ только почувствовалъ силу, замѣшался въ большую часть европейскіхъ интригъ, принялъ участіе, подалъ голосъ, посылалъ войско; справедливо или нѣтъ, но Европа пріучилась къ имени Россіи, и Россія была втолкнута въ семью европейскіхъ народовъ. Россія и Пруссія—два свѣжіе элемента для развитія; Пруссія—королевство послѣ-реформаціонное—ей въ основѣ не феодальная мысль, но нельзя не согласиться, что въ ея начальномъ развитіи ужасная прозаичность и ея геній—прозаикъ Фридрихъ II. Странно видѣть, какъ капральской палкой и мѣщанскимъ понятіемъ объ экономіи въ Пруссіи, кнутомъ и топоромъ въ Россіи вселяется гуманизмъ. Дурныя средства непремѣнно должны были отразиться въ результатахъ. Пруссія бездушна и zu nüchtern ¹⁾). Германія вообще, потративши всю силу на бой за религію, на XXX-лѣтнюю войну, ниже всей Европы въ развитіи гуманности. Какъ согласить такую почву съ литературой, вскорѣ имѣвшей Лессинга, Гете и Шиллера?

¹⁾ Слишкомъ разсудительна.

21.—Посѣщеніе Фил. ¹⁾); оно мнѣ было дорого, сверхъ личныхъ отношеній, потому что показываетъ жажду людей сообщаться, обновляться, передавать свое; сто верстъ скверной дороги и три дня—жертва, которую даромъ не дѣлаютъ, особенно люди, дѣлающіе это не отъ пустоты и скуки. Такія вещи иногда, если не мирятъ, то укрощаютъ мою нелюбовь къ нашему обществу. Письмо отъ Огар. изъ Vagni di Lucca ²⁾—и хорошо; главное, въ немъ *не видать горизонта*. Ничего не можетъ быть страшнѣе, когда въ человѣкѣ виденъ горизонтъ,—съ нимъ нѣтъ полной свободы, нѣтъ той безконечности симпатіи. ¹¹

23.—Въ началѣ XVIII столѣтія твердо и мощно стоитъ міръ христіано-самодержавный, феодально-монархическій. Внизу безсознательная толпа за все страдаетъ и платитъ, вверху власть *par la grâce de Dieu* ³⁾, поддерживаемая дворянствомъ и войскомъ. Она не боится, да и гдѣ ея состоятельные враги?—неужели нѣсколько литераторовъ? А между тѣмъ, червь гробовой уже точитъ этотъ міръ; страшное дуновеніе Англій, два раза освобожденной и, наконецъ, вышедшей лучшими умами изъ религіозной односторонности, вѣяло скептицизмомъ и разсудочнымъ движеніемъ на Францію и вызывало людей, далеко ушедшихъ впередъ съ легкой руки англійской пропаганды,—Монтескье, Вольтеръ etc., etc. Какъ слабъ былъ этотъ твердый существующій порядокъ! Его сила и мощь были призрачны: такъ сгнившій пень стоитъ, будто силенъ и здоровъ, сгнивши и превратившись въ землю внутри. Замѣчательно, что антихристіанская пропаганда развилась вмѣстѣ съ рядомъ либеральныхъ идей въ Англій и Франціи въ аристократіи, которой сила только и зависѣла отъ того же феодально-религіознаго воззрѣнія, которое подрывалось. И возможно ли было мечтать, что послѣ этихъ ударовъ христіанство и феодализмъ еще живы? Толпы тогда были изъяты изъ движенія, но Руссо далъ иное направленіе развитію.

27.—Судьбы Германіи жалки и пошлы въ XVIII вѣкѣ. Ея аристократы—все-таки, мѣщане, *cela n'est pas du comme il faut*, нѣтъ граціи, нѣтъ благородства. И отвратительные кретины, царствовавшіе, не занимаясь, разоряя, уничтожая въ глупой роскоши свои народы, заставляютъ дивиться, откуда взялись цѣлыя поколѣнія дураковъ и мерзавцевъ на тронѣ и около, и еще болѣе дивиться этой кошачьей живучести нѣмцевъ, которыхъ разоряютъ, разоряютъ и войной, и войсками, и палачами, и фальшивыми деньгами,

¹⁾ И. И. Филипповичъ.

²⁾ Морское купанье въ Луккѣ.

³⁾ Божіею милостью.

и таксами, и всѣмъ на свѣтѣ,—а они все съ голоду не мрутъ. Вотъ великіе результаты картофельной экономіи. Безнравственность въ Германіи доходила до высшаго предѣла,—ни малѣйшей тѣни человѣческаго достоинства. Крѣпости набиты арестантами, гоненія за религію, гоненія за стихи, гоненія за дерзкое слово о министрѣ,—все это тихо, безъ шума,—и народъ ничего. Были и въ другихъ земляхъ ужасы въ половинѣ XVIII вѣка, напр., англійскій парламентъ страшно наказалъ шотландское возстаніе, но тамъ это абнормальность, а тутъ все это въ порядкѣ вещей. Ученые и духовенство—первые клеветы власти. Французы, сгнетенные деспотизмомъ Людовика XV, гнушались нѣмецкой подлостью. Во Франціи чувствуется вліяніе новаго духа въ каждомъ литературномъ произведеніи; тамъ читаешь, улыбаясь, видя, какъ эти люди пляшутъ на шагъ отъ пропасти, по другую сторону которой Франція обновляется. Въ Германіи нѣтъ ни одного луча свѣта, тамъ одинъ либераль—Фридрихъ II, самодержецъ Пруссіи.

И какъ подумаешь, что едва 75 лѣтъ прошло, какъ Европа спала въ униженіи, едва пробуждаемая благовѣстомъ водворителей новаго міра, и взглянешь на современное ея состояніе, далекое отъ достиженія, но тѣмъ не менѣе развитое потребностью,—невольнo благоговѣйный трепетъ уваженія къ человѣчеству обнимаетъ душу. Велика французская революція: она первая возвѣстила міру, удивленнымъ народамъ и царямъ, что міръ новый родился и старому нѣтъ мѣста.

30.—Блестящая, острая и аристократическая оппозиція Вольтера и общества Гольбаховъ¹⁾ не видала всего результата своихъ началъ; они думали разрушать старое въ извѣстномъ кругу; смѣлые въ отрицаніи, въ построеніи своей системы матеріализма, они держались вдаль отъ массъ. Появленіе Руссо должно было поразить ихъ. Руссо былъ монтаньярь²⁾ между ними, жирондистами. Руссо имѣлъ инья симпатіи и другое провидѣніе. Ихъ идеаль была Англія,—ее поставилъ цѣлью Монтескье; Руссо въ учрежденіяхъ Англіи видѣлъ тотъ же феодализмъ. Легкая и смѣлая въ словахъ, оппозиція приняла у Руссо характеръ плача и проклятія. Руссо мечталъ, хотя и превратно, о новомъ мірѣ; онъ подкапывалъ не одни учрежденія, а все зданіе общественное стараго міра; его поняли только въ революцію. Шлоссеръ говоритъ, между прочимъ, что въ половинѣ XVIII вѣка добрые нѣмецкіе теологи еще толковали,

¹⁾ Поль-Анри Гольбахъ—извѣстный франц. философъ-матеріалистъ XVIII вѣка.

²⁾ Членъ партіи «Горы» (крайней лѣвой) во французскомъ конвентѣ 1792.

подкрѣпляясь ужасной начитанностью, о томъ, кто писалъ заповѣди Моисея: Богъ или Христосъ... Хорошіе нѣмцы!

31.—А въ 1770—80 Лессингъ и Базедовъ ¹⁾ были въ полномъ цвѣтѣ, въ полной дѣятельности, и огромная потребность свѣта отличилась въ Германіи, и наставало время Шиллеровыхъ драмъ, поэмъ Гете, Гердеръ уже писалъ.

Противодѣйствіе галломаніи было, безсомнѣнно, полезно, но эпоха галломаніи была весьма необходима, чтобъ очеловѣчить нѣмцевъ. Удивительное развитіе: гдѣ и какъ прозябали зародыши, распустившіеся вдругъ? откуда столько силъ у Германіи, изнуренной войнами? Какъ просвѣщеніе коснулось массъ въ столь короткое время? etc.

Августъ мѣсяць.

8.—На-дняхъ исполнилъ давнишнее желаніе,—ѣздилъ въ Васильевское ²⁾. Послѣдній разъ я былъ тамъ 1830 года. По дорогѣ туда слышалъ вѣсть о іюльской революціи—итакъ, 13 лѣтъ. В. тѣсно связано съ ребячествомъ и отрочествомъ; съ 1822 всякое лѣто или черезъ лѣто я проводилъ тамъ мѣсяцы. Въ Москвѣ ученье, товарищи, дѣтская суета; въ В. я пріѣзжалъ будто бы для отдыха, для отчета, и потому память объ этомъ мѣстѣ вплетена во всѣ воспоминанія. У меня пробѣжало какое-то странное чувство, когда я увидѣлъ и узналъ давно знакомыя мѣста: мнѣ хотѣлось и смѣяться, и заплакать. И помимо всего—прелестное мѣсто. Жаль, что оно продано. Я понимаю аристократическое чувство привязанности къ обладанію мѣстомъ. Разныя фазы жизни живо промелькнули: вотъ дерево, гдѣ я сиживалъ ребенкомъ; вотъ дорога, по которой юношей я хаживалъ къ сельской красавицѣ и тратилъ на легкую интригу огромную энергію, не оцѣненную, разумѣется. Встрѣтилъ горбатую работницу священника, которая во время оно была уже лѣтъ 70; одинъ мужикъ узналъ меня. Та же рѣка, гористые берега, обширные виды; мнѣ жаль было ѣхать: я только при этой рѣкѣ, при этихъ липовыхъ аллеяхъ могу ярко перенестись въ тѣ времена, когда вся жизнь лежала впереди, и на душѣ все было пестро и зелено.

Omnia idola constanti et solenni decreto sunt abneganda et renuntianda et intellectus ab iis omnino liberandus est et expurgandus, ut non alius fere sit aditus ad Regnum Hominis, quod fundatur

¹⁾ Иоганнъ, нѣмецкій писатель-моралистъ и педагогъ.

²⁾ Съ 1835 г. принадлежало Н. П. Голохвастову.

in scientiis, quam ad Regnum Coelorum, in quod nisi sub persona infantis intrare non datur.—*Vaco, ab Ver.* ¹⁾).

Метода Бэкона—*вовсе не* эмпирія въ томъ смыслѣ, въ которомъ поняли ее нѣкоторые изъ французскихъ и англійскихъ естествоиспытателей. Онъ за истину вѣдѣнія и цѣль принималъ форму, какъ всеобщее, какъ идею, но не абстрактную, а внутренне опредѣленную и, возвышаясь къ всеобщности, искалъ *единство*.

16.—Былъ въ Москвѣ. Москва на меня наводитъ глубокое уныніе, я не могъ дожидаться часа отъѣзда. Тоска отъ окружающаго и тоска оттого, что былъ одинъ; я привыкъ, вжился въ мою маленькую семейную жизнь: мнѣ необходимы и слова Наташи, и смѣхъ Саши. Потребность воротиться была мучительно сильна. ¹²

17.—Брошюра Фрауенштэдта ²⁾ о Шеллингѣ. Нѣтъ дѣла болѣе благодарнаго, какъ то, что дѣлаетъ Шеллингъ: подтасовка и прилаживаніе философскаго мышленія къ данному неподвижному, прошедшему воззрѣнію. Это—схоластика и съ тѣмъ вмѣстѣ ложь. Сколько поэтическаго дара и остроумія истощено на объясненіе мѣровъ, и между тѣмъ объясненія эти оставляютъ какое-то неприятное чувство; чувствуется, что все придумано послѣ. Положеніе Шеллинга понятно; понятно, какъ его платоническому духу болѣзненно видѣтъ негачію, одну негачію; но какъ понять, что онъ удовлетворился жалкими мистико-философскими, натянутыми и худо склеенными воззрѣніями? Онъ начинаетъ съ пантеизма и приходитъ къ іудаизму, и этотъ іудаизмъ называетъ положительной философіей. По мѣрѣ того, какъ онъ развиваетъ свою положительную науку, становится тягостнѣе и неловче; чувствуешь, что его рѣшенія не разрѣшаютъ, что все покрыто туманомъ, не свободно. Мало-по-малу онъ совершенно оставляетъ наукообразный путь и теряется въ самомъ эксцентрическомъ мистицизмѣ, объясняетъ сатану, чудеса, воскресеніе, сошествіе духа au pied de la lettre ³⁾. Не вѣришь, что это писано въ XIX вѣкѣ; кажется, это слова схоластика XIV вѣка или теолога первыхъ лѣтъ реформаціи. Языкъ и воззрѣнія Бэкона понятнѣе для насъ и современнѣе. Новое дока-

¹⁾ «Должно разъ навсегда торжественно отказаться отъ призраковъ и освободить, очистить отъ нихъ разумъ человѣческой, ибо единственный открытый человѣку путь для господства надъ природой,—господства, котораго онъ можетъ достигнуть только наукой,—есть тотъ же, который ведетъ и въ царство небесное, куда нельзя войти иначе, какъ въ скромной роли ребенка» (Бэконъ «*Novum Organum*», кн. I, LXVIII. Пер. И. А. Бибикова).

²⁾ Юлій, нѣмецкій философъ. «*Studien und Kritiken zur Theologie und Philosophie*».

³⁾ Въ буквальномъ смыслѣ.

зательство, какъ германскій умъ всегда готовъ свихнуться въ область туманныхъ фантазій и тратить талантъ и гений на пустую работу, лишь бы внѣ практическихъ сферъ, лишь бы внѣ тѣхъ сферъ, въ которыя человѣкъ призванъ. А послѣ Канта могли бы итти путемъ трезвымъ. Впрочемъ, Шеллингъ нанесъ ударъ страшный христіанству: его философія обличила, наконецъ, всю нелѣпость христіанской философіи,—онъ своимъ именемъ, своей ссорой съ Гегелемъ заставилъ обернуться на себя всю ученую Германію и подумать о своемъ бредѣ. Есть вещи, для которыхъ гласность, обличеніе, обслѣдованіе — смерть.

Шеллингъ сдѣлался вверхъ ногами поставленный Яковъ Бёмъ. Тотъ, полный мистическаго созерцанія во всѣ стороны, восходилъ къ глубокому философскому воззрѣнію, а Шеллингъ изъ глубокаго фил. воззрѣнія опустилсѣ въ дѣтскій мистицизмъ. Бёмъ, заключенный въ мистическую терминологію, живши въ началѣ XVII столѣтія, нашелъ твердость не останавливаться на буквѣ, имѣлъ мужество принимать страшныя консеквенціи для боязливой совѣсти того вѣка; онъ дѣйствовалъ разумомъ, и мистицизмъ окрылялъ его разумъ. У Шеллинга вездѣ видна покорность разума и устремленіе всѣхъ силъ подчиниться теизму и преданію безъ истинной наивной вѣры. Простая вѣра не станеть употреблять его Spitzfindigkeiten ¹⁾).

25.—Завтра утромъ ѣдемъ въ Москву. Меня душитъ тоска,—ужъ не предчувствіе ли? Съ какимъ-то отвращеніемъ ѣду я; мнѣ ужасно хотѣлось бы еще пожить въ Покровскомъ. Здѣсь тихо, вдали отъ людей, отъ сплетенъ, отъ гнусностей. Да и этотъ простой, добрый народъ... Я любилъ его... И славный народъ,—сколько надежды на эти умныя, развязныя, бойкія фізіономіи.

Сентябрь.

9.—Съ 26 въ Москвѣ. Время суетъ, внѣшнихъ занятій, почти потерянное, если бы не было *занимательныхъ* эпизодовъ; наконецъ, все успокаивается, и я могу надѣяться на покой и мою обычную жизнь. Эпизодъ свадьбы страшень ²⁾). И что за уродливое и вмѣстѣ высоко благородное, поражающее лицо несчастнаго Егора Ив. Въ ту минуту, когда ихъ вѣнчали, онъ, убитый и оскорбленный, читалъ молитвы объ нихъ. Онъ прислалъ образъ благословить ихъ. И откуда эта дѣвушка взяла столько коварной хитрости, чтобы обма-

¹⁾ Лукавыя изощренія.

²⁾ Екатерина А. Захарына вышла за А. И. Селина.

нывать всѣхъ, и, уличенная, она не раскаялась и пошла къ вѣнцу легко и свободно, осыпаемая горькими упреками. *L'une vaut l'autre* ¹⁾. Но мнѣ ихъ стало жаль, когда они стояли подъ вѣнцомъ, и священникъ клалъ страшныя чары, изъ которыхъ имъ не выпутаться. А они думали, кажется, о постороннемъ, не зная, что и зачѣмъ, а между тѣмъ все придумали и устроили сами, во имя любви. То была обоюдная афера, и оба ошиблись. ¹³

18.—Бэконъ и Декартъ представляютъ генезисъ философіи, какъ науки: безъ метода того и другого она никогда не развилась бы въ наукообразной формѣ. Яковъ Бѣмъ, болѣе глубокий и мощный силой, геніальной интуиціей, поднялся до величайшихъ истинъ, но это — путь генія, путь индивидуальной мощи. Но генезисъ не есть еще сама философія. Ни признаніе факта Бэкона не покорило ему вполне природу, ни идеализмъ Декарта не покоришь ему духа. Сѣмя, брошенное Декартомъ, возросло въ Спинозѣ. Спиноза—истинный и всесторонній отецъ новой философіи. «*Ego, говоритъ онъ, non praesumo, me optimam invenisse Philos., sed verum me intelligere scio*» ²⁾. Это сознание почерпнуто изъ глубокаго созерцанія, и оно истинно. Высота Спинозы поразительна. И какое полное жизни мышленіе. Онъ далъ основу, изъ которой могла развиваться германская философія; одна сторона была имъ исчерпана (духъ, какъ субстанція), и онъ первый не взялъ ничего внѣшняго, не прибѣгнулъ къ религіознымъ или традиціознымъ средствамъ. Спиноза былъ врагъ формализма, несмотря на схоластическія формы, въ которыхъ излагаетъ свое ученіе, это—недостатокъ вѣка; напимѣръ, требованіе доказательствъ искусственныхъ, не ясное само по себѣ, ему противно. И немудрено: онъ мышленіе почиталъ высшимъ актомъ любви, цѣлью духа, его жизнью. Не говоря о цѣломъ ученіи его, замѣчу, какія молніи генія безпрестанно прорываются у него, напр.: «*Homo liber de nulla re minus quam de morte cogitat et ejus sapientia non mortis sed vitæ meditatio est... Beatitudo non est virtutis praemium, sed ipsa virtus*» ³⁾. Его взглядъ на временное *sub specie eternitatis* ⁴⁾, всецѣлость разнообразія вѣчно живетъ въ его разумѣ, оставляетъ далеко за нимъ его предшественниковъ. Для него мышленіе было дѣломъ высоко религіознымъ и чисто

1) Одна стоитъ другого.

2) «Я не говорю, что избобрѣлъ лучшую философію, но знаю, что понимаю истинно».

3) «Свободный человѣкъ менѣе всего думаетъ о смерти, а мудрость его основана на размышленіяхъ о жизни, а не о смерти... Счастье не есть награда за подвигъ добродѣтели, но—самый подвигъ».

4) Съ точки зрѣнія вѣчности.

нравственнымъ. А какъ его принялъ вѣкъ? и должно ли дивиться этому намъ,—онъ умеръ въ 1677 году.

22.—Споръ о дуэли. Что значить отсутствіе всеобъемлющихъ религіозныхъ убѣжденій? Каждый человѣкъ по своему принимаетъ за путеводную нравственность остатки старыхъ убѣжденій, начатки новыхъ, и все это сосуществуетъ въ хаотическомъ безпорядкѣ. Старый міръ имѣетъ сильные корни въ нашей душѣ и, несмотря на то, что его характеръ во всемъ аристократиченъ, монашественъ, противоестественъ, бездна его самыхъ существенныхъ мнѣній перешла въ нашъ вѣкъ, развивающійся подъ знаменемъ демократіи, реальности и самозаконности разума.

Кто осмѣлится говорить противъ дуэли, противъ щепетильной дворянской чести и *point d'honneur* ¹⁾, а между тѣмъ нелѣпость дуэли очевидна. Человѣкъ смѣлѣе дотронулся рукою до Бога, до всего общаго, но до частнаго, личнаго не смѣетъ коснуться. Честь, честь,—и никогда не дать себѣ отчета, что именно честно и что оскорбительно, и какое удовлетвореніе какимъ образомъ исправляетъ. Дуэль есть смертная казнь, сопряженная съ опасностью палача: дуэль есть актъ дикой, кровавой мести, на которую не токмо отдѣльное лицо, но и общество не имѣетъ никакого права. Феодальные вѣка доказали всю случайность содержанія чести, но тогда личность должна была требовать безконечнаго признанія, иначе не развилось бы понятіе о достоинствѣ человѣка. А теперь!..

25.—Новость о покушеніи въ Польшѣ и другая въ «*Journal de Débats*» объ арестованіи 3000 человѣкъ. Мученическая страна... Опять слѣдственные комиссіи, опять каторга, Сибирь... Грустно, тяжело грустно. Страшное время, и ничего впереди. Конечно, пройдутъ вѣка... Стара пѣсня; разумѣется, такъ, но видѣть около, возлѣ и всю жизнь быть только страдальнымъ зрителемъ... Какую грудь, какія плечи надобно имѣть!... ¹⁴

30.—XVIII вѣкъ имѣлъ что-то революціонное въ костяхъ и мясѣ. Во имя абсолютизма такіе люди, какъ Помбаль ²⁾, Аранда ³⁾, приобщали цѣлыя страны къ новому порядку идей, или Струэнзе ⁴⁾ въ Даніи. Когда наступаетъ время, духъ находитъ себѣ мѣсто въ самомъ вражескомъ станѣ. Теоріи открытаго эгоизма и себякорыстія дали послѣдній ударъ христіано-феодальной нравственности. Отсутствіе нравственности—отличительный характеръ тогдашней политики. Фридрихъ и Екатерина равно не гнушались всѣми средствами.

¹⁾ Пунктъ чести.

²⁾ Себастьянъ, маркизь, знаменитый португальскій министръ.

³⁾ Педро-Пабло, графъ, испанскій дипломатъ.

⁴⁾ Иоганнъ-Фридрихъ, датскій государственный дѣятель.

Не говоря уже о раздѣленіи Польши, достаточно вспомнить все оскорбительное тиранство косвенныхъ налоговъ, перенятыхъ Фридрихомъ II у Франціи, но развитыхъ въ какой-то грязно гнусной формѣ, до которой они никогда не достигали во Франціи (напримѣръ, акцизъ на жженный кофе и пр.).

Октябрь.

6.—Schlosser приводитъ мѣсто, въ которомъ Рейнгольдъ ¹⁾, будучи юношей и ученикомъ іезуитовъ, писалъ къ отцу: «Ein so eifriger Christ, wie du, mein bester Papa, weiss beinahe so gut als ein Geistlicher, dass es heiligere Brüder giebt, als jene der sündhaften Natur, und dass ein Mensch, der dem Fleische abgestorben ist, eigentlich keinen andern Vater mehr haben könne, als den himmlischen, keine andere Mutter, als seinen Orden, keine andere Verwandte, als seine Brüder in Christo, und kein anderes Vaterland, als den Himmel. Die Anhänglichkeit an Fleisch und Blut ist eine von den stärksten Ketten, mit denen uns Satan fest an die Erde schmieden will» ²⁾. Писано 13 сентября 1773. Но за что же Шлоссеръ такъ негодуетъ на іезуитовъ, при томъ и выставляетъ это мѣсто, какъ документъ превратнаго ученія? Да это просто логическая консеквенція христіанскаго ученія,—начало этого воззрѣнія въ самомъ Евангеліи. Да они, сверхъ того, не истинны только по супранатуральному устремленію духа къ jenseits: воззрѣніе это широко и глубоко человѣчественно. Безъ сомнѣнія, естественныя связи ниже духовныхъ etc.

9.—3 сентября въ Аѣинахъ ³⁾ и движеніе въ Италіи. Итакъ, югъ Европы не спитъ. Въ Италіи будутъ казни, въ Греціи — Богъ знаетъ, что. Правительство Людовика-Филиппа противъ; оно не хочетъ понять своего призванія въ борьбѣ двухъ началъ и укрѣ-

¹⁾ Карлъ, нѣмецкій философъ.

²⁾ «Такой ревностный христіанинъ, какъ ты, милѣйшій папа, знаетъ не хуже духовныхъ, что есть болѣе святыя братья, чѣмъ братья по грѣшной природѣ, и что у человѣка, умертвившаго въ себѣ плоть, нѣтъ въ сущности другого отца, кромѣ небснаго, другой матери, чѣмъ его Орденъ (іезуитскій), другихъ родственниковъ, кромѣ братьевъ во Христѣ, и другого отечества, кромѣ неба. Зависимость отъ плоти и крови есть одна изъ самыхъ крѣпкихъ цѣпей, которыми сатана приковываетъ насъ къ землѣ».

³⁾ Произошло вооруженное возстаніе, организованное демократической партией.

плететь Парижъ. Безъ крови не развяжутъ эти узлы. Отходящее начало судорожно выдерживаетъ свое мѣсто и, лишенное всякихъ чувствъ, готово всѣми нечеловѣческими средствами отстаивать себя. А намъ, славянамъ, предстоить молчаніе или слово внѣ отечества, какъ сказалъ Мицкевичъ, начиная нынѣшній курсъ свой. Но и вездѣ несовершеннolѣтіе поразительное; въ Англии, напр., радикалы хотятъ требовать, чтобъ не платящіе земледѣльцы владѣльцу земли наемной суммы были судимы и наказывались на общихъ установл. о долгахъ. Это они догадались въ 1843 году.

24.—Вчера проводили Кетчера въ Петерб.; ему болѣе, нежели кому-либо, нужны друзья и симпатическій кругъ, онъ только въ немъ и живетъ; въ Петерб. у него нѣтъ ни друзей, ни близкихъ. Такая жизнь ему будетъ тяжела; но собственно для его развитія петерб. жизнь для него—важная фаза. Москва располагаетъ къ квіетическому и мечтательному взгляду; онъ въ Москвѣ начиналъ принимать свой плі¹⁾ и состарѣлся бы въ немъ; тамъ взойдутъ новые элементы въ жизнь.¹⁶

26.—Разговоръ съ П. В. Кирѣвскимъ. Ихъ воззрѣніе странно до поразительности; оно, безъ сомнѣнія, не изъято поэзіи, хотя односторонность очевидна. Религіозное воззрѣніе имѣетъ необходимо долю ложную, но ихъ воззрѣніе есть еще частно-религіозное, именно—греко-россійское христіанство: они отвергаютъ все западное христіанство; исторія, какъ движеніе челоуѣчества къ освобожденію и себяпознанію, къ сознательному дѣянію, для нихъ не существуетъ; ихъ взглядъ на исторію приближается къ взгляду скептицизма и матеріализма съ противоположной стороны. Вся жизнь челоуѣчества—болѣзненное, абнормальное явленіе. Въ этомъ есть сумасшедшая консеквенція—принять грѣхопаденіе, т. е. осуществленіе развитія передъ ними должно ввести страшный безпорядокъ и перекувыркнуть смыслъ исторіи. Они принимаютъ за истинную церковь, за единую дверь къ благодати, остальное все нечестиво, сбилось съ дороги etc. И съ тѣмъ вмѣстѣ признаютъ, что и греческая церковь подавлена, никуда не годна у насъ. Что же остается? И для кого искупленіе рода челоуѣческаго? Неужели христіанство, въ началѣ имѣвшее 12 апостоловъ, черезъ 1800 лѣтъ оканчивается двумя или тремя лицами, знающими какую-то, подъ спудомъ хранящуюся, истину въ церкви, живущей, по ихъ сознанию, во лжи? Дѣятельность и стремительное движеніе европейское они называютъ мелочной хлопотливостью и находятъ единымъ идеаломъ квіетическое спокойствіе какой-то созерцательной жизни на индійскій ма-

¹⁾ Отпечатокъ.

неръ. Внутренній страхъ, что ихъ мысль не признана, дѣлаетъ ихъ фанатически нетерпимыми,—въ нихъ, какъ во всѣхъ фанатикахъ, недостаетъ любви. Они на Западъ смотрятъ съ ненавистью. Это такъ же пошло и нелѣпо, какъ воображать, что все наше національное гнусно и отвратительно. Оттого что Руси общечеловѣческое начало начали прививать неестественно, насильственно, они ополчились противъ общечеловѣческой цивилизаціи Европы, считая ее однимъ блескомъ, пустымъ и ложнымъ. Присутствуя при прививкѣ формъ, они проглядѣли, что долго на родной почвѣ въ этихъ формахъ обитала прекрасная сущность. Въ одномъ французскомъ водевилѣ кто-то кричитъ: «Ma voiture, ma voiture! 50 fr. pour ma voiture!» ¹⁾. Въ переложеніи на русскіе нравы того же водевиля, актеръ кричитъ: «карету, карету или 50 палокъ!» Виноватъ ли европеизмъ! Да, намъ тяжело отъ этого искусственнаго періода. А зачѣмъ же мы представляли нѣсколько вѣковъ стоячее болото? Да въ этой-то стоячести вся прелесть созерцательной жизни. Противъ этого говорить нечего, разные критериумы, — надобно итти врозь или замолчать... Петръ Кирѣевскій выражаетъ собою, въ числѣ самыхъ отчаянныхъ славянофиловъ, ультра-славяниста; разумѣется, что, при всемъ уродливомъ взглядѣ, онъ — человѣкъ талантливый, восторженный и благородный; онъ, можетъ, во многомъ долженъ будетъ уступить брату, но далеко оставляетъ за собой многихъ одномышленниковъ. Съ своей точки зрѣнія они очень консеквентны, а опору точки зрѣнія не подвергаютъ анализу, даже минуютъ ее высказать. Это—вѣрованіе и, какъ вѣрованіе, имѣетъ корень въ субъективномъ чувствѣ. Кирѣевскіе послѣдовательнѣе Аксакова ²⁾ и Самарина ³⁾: тѣ хотятъ на основаніяхъ современной науки построить зданіе славяно-византійское,—они по Гегелю доходятъ до православія и по западной наукѣ—до отверженія западной исторіи; они принимаютъ прогрессъ, смотрятъ нашими глазами на будущность человѣчества, оттого у нихъ потеряна необходимая консеквентность. П. В. обращенъ на одно прошедшее Руси, онъ смотритъ на будущее безъ вѣры; народъ, какъ индивидуальность, какъ случайная личность, носить въ груди возможность гибели, но прожитое имъ — его руно, которое онъ стремится возстановить для Руси.

Пробѣжалъ IV томъ Кюстина ⁴⁾. Безъ сомнѣнія, это—самая занимательная и умная книга, писанная о Россіи иностранцемъ.

¹⁾ «Мою карету, мою карету! 50 фр. за мою карету!»

²⁾ Константинъ Сергѣевичъ.

³⁾ Юрій Ѳедоровичъ.

⁴⁾ «La Russie en 1839 par M. le marquis de Custine»—«Россія въ 1839 году».

Есть ошибки, много поверхностнаго, но есть истинный талант путешественника, наблюдателя, глубокой взглядъ, умѣющій ловить на лету, умѣющій по нѣсколькимъ образчикамъ догадаться о массѣ. Всего лучше онъ схватилъ искусственность, поражающую на всякомъ шагу, и хвостовство тѣми элементами европейской жизни, которые только и есть у насъ для показа. Есть выраженія поразительной вѣрности: «un empire de façades... la Russie est policée, non civilisée...» ¹⁾ и др.; онъ глубоко подловилъ характеръ общества, описывая иронію и грусть его, подавленность и своеволие; онъ оцѣнилъ національный характеръ,—это большое достоинство. Онъ умѣлъ въ грубой, дикой и рабствомъ искаженной физиономіи разглядѣть черты высокихъ свойствъ, прекрасныхъ надеждъ и намековъ. Горько улыбаешься, читая, какъ на француза дѣйствовала безпредѣльная власть и ничтожность личности передъ нею; какъ онъ пряталъ свои бумаги, боялся фельдъегеря и т. д. Онъ, проѣзжій, чужой, чуть не ускакалъ отъ удушья,—у насъ грудь крѣпче организована. Мы привыкаемъ жить, какъ поселяне возлѣ огнедышащаго кратера. Ложь, притворство, связанность рѣчи въ обществѣ тоже не могли не броситься въ глаза французу. Теплое начало его души и добросовѣстность сдѣлали особенно важной эту книгу; она вовсе не враждебна Россіи; напротивъ, онъ болѣе съ любовью изучалъ насъ и, любя, не могъ не бичевать многого, что насъ бичуетъ. На Петра онъ смотритъ съ точки зрѣнія славянофиловъ: судить слишкомъ рѣзко, во многомъ справедливо, но безъ глубокаго историческаго смысла; такія событія, какъ петровскій переворотъ, должно брать шире и общнѣе. Царствованіе Екатерины онъ называетъ длинной комедіей, которой она обманывала Европу. Ловко и къ мѣсту припомнилъ онъ слова Александра M-me de Staël: «je ne suis qu'un heureux accident pour la Russie» ²⁾.

Арестъ и незаконное взятіе француза Pernet сильно подѣйствовали на Кюстина; они наполнили его знакомымъ чувствомъ негодованія, но онъ не по-русски,—не затаилъ въ душѣ и слово, и слезу, онъ далъ волю своей рѣчи, и къ концу онъ одушевляется и сильной рѣчью отбрасываетъ всю отвѣтственность народныхъ бѣдствій страны, населенной прекраснымъ племенемъ, правительству. Слова его язвятъ и попадаютъ мѣтко; онъ называетъ правительство - - - - - ³⁾. Полный грусти летитъ онъ за границу, и въ Тильзитѣ грудь его вздохнула свободно,—гора свалилась съ плечъ.

¹⁾ «Имперія фасадовъ» (показнаго)... въ Россіи есть благочиніе (полицейское), но нѣтъ цивилизаціи.

²⁾ «Я для Россіи—лишь счастливая случайность».

³⁾ - - - - -

Онъ прїѣхалъ въ Россію съ *aggrèe pensèe* ¹⁾, враждебной европейскому либерализму, а уѣхалъ примирившись. Онъ совѣтуетъ недовольнаго француза прислать посмотрѣть Россію—для излѣченія. Тягостно вліяніе этой книги на русскаго: голова склоняется къ груди, и руки опускаются; и тягостно отъ того, что чувствуешь страшную правду, и досадно, что чужой дотронулся до большого мѣста, и миришься съ нимъ за многое, и болѣе всего за любовь къ народу.

29.—Вчера «Fenella» ²⁾, которую видѣлъ и прежде, увлекла меня сильнѣе обыкновеннаго. Голландъ—очень хорошій актеръ; не имѣя голоса, онъ игрой выкупаетъ многое. Что за геніальная несообразность—на русской сценѣ Фенелла! Бельгійцы съ представленія «Фенеллы» пошли на площадь, парижане бѣсновались и съ колѣнопреклоненіемъ заставляли пѣть марсельезу.

Что ни говори записные музыканты, а *libretto*, а сама драма, развиваемая въ оперѣ,—очень важное дѣло; тогда музыка дѣйствуетъ не отвлеченно, а захватываетъ вмѣстѣ съ драмой всего человѣка, и дѣйствіе ея не ослаблено, а увеличено. *Libretto* «Жидовки», «Вильгельма Телля», «Фенеллы»—наши, современные. Есть мѣста въ «Вил. Теллѣ», при которыхъ кровь кипитъ, слезы на рѣсницахъ, и между тѣмъ музыкой все это обнимается какою-то примирающей средой.

Ноябрь.

3.—Письмо изъ Ганау ³⁾ и еще нѣсколько писемъ, теплыхъ, симпатичныхъ, воскрешающихъ много хорошаго изъ былого. Я всегда и вездѣ встрѣчалъ людей, готовыхъ любить.

4.—«Die Kommunisten in der Schweiz. Wörtlicher Abdruck des Kommissionalberichts an die Regierung v. Zürich» ⁴⁾. Первое, что удивило въ этой книгѣ, это—фамилія Бакунина, названнаго не токмо въ числѣ коммунистовъ, но упомянутаго, какъ одинъ... изъ «venin» ⁵⁾. Они были захвачены; слѣдовательно, и онъ ⁶⁾. Странная судьба этого человѣка. Пока онъ былъ въ Россіи, этого конца предсказать было нельзя. Jules Elysard указалъ великую перемѣну,—его консеквентность не могла остановиться. Что съ нимъ

¹⁾ Задняя мысль.

²⁾ Фенелла («Нѣмая изъ Португалии»), опера франц. композитора Обера.

³⁾ Отъ Н. М. Сатина.

⁴⁾ «Коммунисты въ Швейцаріи». Подлинный докладъ правительственной комиссіи кант. Цюрихъ.

⁵⁾ Ядъ (революціонный).

⁶⁾ Бакунинъ оставался на свободѣ.

будеть? Коммунистское движеніе въ Швейцаріи имѣло представителемъ своимъ Вейтлинга ¹⁾—прежде портного, потомъ энергическаго писателя и пропагандиста. Мѣста изъ его писаній, приведенныя комиссіей, краснорѣчивы и сильны. Распространеніе коммунизма шло очень быстро между работниками швейцарскими и германскими. Начала ихъ извѣстны: *Eine vollkommene Gesellschaft hat keine Regierung, sondern eine Verwaltung* ²⁾—организация работъ, равенство *in fact*, война собственности etc., etc. Много одушевленія; слова Вейтлинга иногда поднимаются до апостольской проповѣди; прекрасно опредѣляютъ они свое отношеніе къ либераламъ. Есть нелѣпости (напр., теорія воровства), но есть зато рѣзкая истина.

Болтовня де-Санглена ³⁾ имѣетъ свой интересъ, какъ живая хроника за 50 послѣднихъ лѣтъ. Поверхностный и малообъемлющій умъ, но большая живость, своего рода острота и бездна фактовъ интересныхъ. Нѣкоторыя подробности о смерти Павла, множество анекдотовъ объ александровскихъ временахъ, которые онъ имѣлъ случай хорошо знать *en qualité* начальника тайной полиціи, о Барклаѣ (онъ былъ генералъ-полицмейстеромъ 1 арміи въ 1802). Конечно, незавидное время было тогда, но какая разница! Что-то гуманное, кроткое, хранившее благопристойность было въ правительствѣ. Нынче маска не считается нужной. Нѣтъ любви, нѣтъ связи съ народомъ. Безпощадность и деспотизмъ сдѣлались привычкой послѣдняго изъ полицейскихъ служителей, равно какъ характеръ всего управленія.

Недавно сѣкли инженерныхъ юнкеровъ и потомъ—на 6 лѣтъ въ солдаты за какую-то дѣтскую шалость. Боже мой!...

10.—Кетчерово письмо, проникнутое любовью и нѣжностью. Какъ въ немъ странно спаялись его демократическая угловатость, грубость внѣшняя съ дѣтской нѣжностью и свѣжестью души... Онъ долго въ П—гѣ не проживетъ.

Длинный и презанимательный разговоръ съ Самаринымъ. Онъ согласенъ, что ясно не можетъ развить логически свою мысль объ имманентномъ сосуществованіи религіи съ наукой, что *das Aufheben* ⁴⁾ наукой оставляетъ церковь во всей ея дѣйствительности. Онъ согласенъ, что расторжимость челоуѣка, который мышленіемъ разрушаетъ то, что принимаетъ фантазіей и сердцемъ, съ другой сто-

¹⁾ Вильгельмъ, нѣмецкій коммунистъ.

²⁾ Въ благоустроенномъ обществѣ не должно быть правительства (при нудительнаго), а только управленіе (административное).

³⁾ Яковъ Ивановичъ.

⁴⁾ Уничтоженіе.

роны, усыпляя мышление, снова даетъ мѣсто представленію, непримира. Но они требуютъ этого, хотятъ etc.

Требованіе это вмѣстѣ съ славянизмомъ дѣлается религіей. Они говорятъ, что плодъ европейской жизни созрѣетъ въ славянскомъ мірѣ, что Европа, достигнувъ науки, негачіи существующаго, наконецъ, провидѣнія будущаго въ вопросахъ социализма и коммунизма, совершила свое, и что славянскій міръ—почва симпатическаго, органическаго развитія будущаго. Это мысль не токмо ихъ, но и западныхъ славянъ, напримѣръ, Мицкевича; но у нашихъ важное различіе. У нихъ славянизмъ нераздѣленъ съ греческой религіей: церковь одна, это—наша церковь; они ждутъ, что католицизмъ и протестантизмъ равно признаетъ истинность ея, и это самая отчаянная гипотеза изъ всѣхъ. Такое созерцаніе будущаго, безъ сомнѣнія,—религія, и можетъ дойти до фанатизма.¹⁶

Читалъ V томъ Кюстина. Книга эта дѣйствуетъ на меня, какъ пытка, какъ камень, приваленный къ груди; я не смотрю на его промахи, основа воззрѣнія вѣрна. И это страшное общество, и эта страна—Россія... Его взглядъ оскорбительно много видитъ. Какъ вѣрно сказалъ онъ: «la pensée inutile s'envenime dans l'âme qu'elle empoisonne faute d'autre emploi»¹⁾. Славянофилы, вѣря въ мечтаемую будущность, хотя и понимаютъ настоящее, но, радуясь будущему, мирятся съ нимъ. Ихъ счастье!

16.—Замѣчательно, что византійская архитектура, иконопись, церковная музыка и ваяніе не имѣютъ въ смыслѣ художественномъ высокаго развитія. Съ одной стороны, это подтверждаетъ мысль славянофиловъ, что восточная церковь *чище* и вѣрнѣе христіанству, съ другой,—свидѣтельствуетъ объ несовмѣстимости христіанства со всякой живой сферой, такъ и съ искусствомъ. Католическая церковь, имѣвшая сама въ себѣ негачію и, слѣд., развитіе, не могла не найти стилия и высокаго развитія. Живопись была эмансипаціей изъ-подъ власти исключительности религіозной. И въ этомъ великое достоинство католицизма, не понимаемое православными. Они не понимаютъ, что абстрактное, не выходящее въ жизнь существованіе церкви, потому именно и *чисто* (употребляя ихъ выраженіе), что оно отдѣлено отъ жизни; да въ этомъ собственно опредѣленъ недостатокъ, а не достоинство. Вѣрность буквальная христіанству должна была привести къ квіетико-созерцательному покою и къ мертвой церкви съ пассивнымъ характеромъ. Католицизмъ есть само христіанство развивающееся; оно есть дѣйствительное христіан-

¹⁾ «Безполезная мысль становится ядовитою въ душѣ, которую она отравляетъ за отсутствіемъ другою примѣненія».

ство, а восточ.—eine schlechte Möglichkeit, eine incomm en surable Probleme ¹⁾). Восточная церковь, скажутъ теперь, когда католицизмъ изжилъ свои формы, явится, какъ высшая религіозная форма, и съ ней сочетаются идеи социализма и коммунизма. Да на чемъ же это основано? Во-первыхъ, человѣчество не можетъ опредѣлиться въ религіозномъ отношеніи византизмомъ, потому что византизмъ не можетъ удовлетворить развитію самомышленія, возникшаго на развалинахъ католицизма; добросовѣстно никто не можетъ сказать, чтобы была адекватность между ученіемъ восточной церкви и требованіями духа времени. Человѣчество перешло ее; и такъ для нея времени полного развитія не было; теперь поздно, тогда рано. Мудрено ли послѣ этого, что вся ея жизнь выражаетъ недѣйствительность ея. Она не признаетъ государства, а государство тѣснить ее; она ограничивается жизнью монастырской, постѣмъ и молитвой, а жизнь развивается возлѣ, внѣ ея вліянія; она считаетъ искусство чуждымъ себѣ, науку игнорируетъ, все временное давитъ. И всю жизнь была давила всѣмъ временнымъ и попираема.

24.—Вчера Гранов. началъ свои публичныя лекціи. Превосходно! Какой благородный, прекрасный языкъ, потому именно, что выражаетъ благородныя и прекрасныя мысли. Я очень доволенъ. Его лекціи, въ самомъ дѣлѣ,—событіе, какъ говоритъ Чаадаевъ; слыханное ли дѣло, чтобъ на лекціи, безъ опытовъ физики или химіи, сошлось множество людей, изъ которыхъ 50 заплатили за входъ по 50 рублей? И какъ современны онѣ, какой камень въ голову узкимъ націоналистамъ. Писалъ сегодня статейку объ нихъ для «Московскихъ Вѣдом.», повезу ее завтра къ графу Строганову,—кажется, недурно ²⁾). Множество дамъ; разумѣется, онѣ не слушать ѣздятъ, а казать себя,—но все это хорошо и, впрочемъ, въ самомъ дѣлѣ есть желаніе интересовъ всеобщихъ.

А между тѣмъ дома опять тучи. Удивительная вещь,—только что все успокоится, только покажется, что пришло время гармоніи,—новый ударъ въ самую грудь напомнитъ всю наготу ея и ломкость. Саша очень боленъ. Страшные опыты меня сдѣлали почти трусомъ, и теперь именно, когда Наташа такъ ищетъ покоя. Я вѣрю, почти убѣжденъ, что безъ чего-нибудь новаго болѣзнь его минуетъ благополучно, но у меня, т. е. у мужчины и притомъ во все не нервнаго, сердце надывается видѣть страданія ребенка. А она... страшно! Для меня есть минуты еще больше горькія, нежели самые болѣзненные припадки коклюша, это—когда въ промежуткѣ

¹⁾ Плохая возможность, несоизмѣримая проблема.

²⁾ См. № 371.

сильныхъ припадковъ онъ начинаетъ играть и говорить вздоръ; такъ видна тутъ слабость; какое-то невыразимо тяжкое состояніе вызываетъ болѣзненный видъ ребенка, безопасно играющаго, не зная, что съ нимъ дѣлается и какія страданія его ждутъ черезъ минуту.

Что тутъ придумаетъ человѣчество? Чѣмъ укрѣпитъ оно себя отъ страшныхъ ударовъ случайности?—тутъ страховыя общества не помогутъ; *on a beau dige* ¹⁾ о мірѣ всеобщемъ; разумѣтся, человѣку, имѣющему широкіе интересы, нѣсколько легче, нежели сосредоточенному на одномъ личномъ и семейномъ, но легче не значить легко. Легко однимъ эгоистамъ: тѣ—истинные цари жизни.

26.—Вчера возилъ гр. С. 1-ю статью о лекціяхъ Грановскаго. Онъ согласился, чтобъ она была напечатана въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», но чтобъ имя Гегеля не было произнесено. Откуда эта гегелефобія? Потомъ длинный разговоръ объ «От. Зап.», Бѣлинскомъ, Боткинѣ etc.; онъ знаетъ множество подробностей. Странно, какое вниманіе обращено на меня и на всѣхъ... Предостереженія, совѣты. Въ гр. С. бездна рыцарски-благороднаго. Длинный, замѣчательный разговоръ.

28.—Вчерашняя лекція Грановскаго была превосходна. Какое благородство языка, смѣлое, открытое изложеніе. Были минуты, въ которыхъ его рѣчь подымалась до вдохновенія. Рѣчь шла о философіи исторіи; есть нѣкоторыя неясности, отъ которыхъ люди отдѣлываются словами, которымъ придаютъ какое-то страшное по содержанию значеніе; ими себя увѣряютъ, что вопросъ уясненъ, а онъ только переведенъ на другой языкъ. Читая Гегеля и находясь весь еще подъ его самодержавной властью, я самъ во многихъ случаяхъ разрѣшалъ логическими штукаами или логической поэзіей не такъ-то легко разрѣшимое. Съ такими вещами я встрѣтился и у Гр.; онъ, не имѣя твердости сдѣлаться свирѣпымъ имманентомъ (какъ выражается Хомяковъ) и удерживая своего рода идеализмъ, необходимо наталкивается на антиномію, которую приходится разрѣшать поэзіей, антропоморфизмомъ всеобщаго etc. Онъ прекрасно защитилъ философію въ обвиненіи, что она всегда за сильнаго, и объяснилъ намъ... Словомъ, ничего подобнаго въ Москвѣ никогда не было читано всенародно. И публика была внимательна, даже увлечена. Статья моя объ его лекціяхъ напечатана вчера. Сюрпризъ удался вполнѣ,—онъ и не подозрѣвалъ. Утромъ Коршъ ²⁾ ему прислалъ №. Гр. былъ такъ тронутъ, что не могъ сразу все

¹⁾ Напрасно говорятъ.

²⁾ Евгеній Ѳедоровичъ, редакторъ «Моск. Вѣдомостей».

прочсть. Когда кончилась лекція, все порядочное въ аудиторіи съ восторгомъ изъявляло свою благодарность проф. Это — одинъ изъ лучшихъ дней въ жизни Грановскаго. И какъ счастлива, съ горящимъ лицомъ и со слезами на глазахъ, сидѣла его жена! Публичныя чтенія удивительно заманчивы, кабы позволили... Статья сдѣлала эффе́ктъ, всѣ довольны; славянофилы и яростные тоже довольны. Пора приниматься за вторую статью ¹⁾).

Декабрь.

1.—Вчера Гр. встрѣтили страшными рукоплесканіями; онъ не ждалъ и смѣшался, долго не могъ прийти въ себя. Лекціи его дѣлають фуроръ; мода ли, скука ли,—что-бъ ни вело большинство въ аудиторію, польза очевидна: эти люди приучаются слушать. Публичныя чтенія пойдуть въ ходъ, *sui generis* публичность. Можно было бы радоваться и мечтать, если бъ можно было забыть, что въ то же время розгами засѣкають до полусмерти юношей. А такое воспоминаніе представляетъ такими жалкими, такими ничтожными всѣ наши усилія, дѣла...

6.—Анненковъ ²⁾ и письмо изъ Петерб. ¹⁷ Бѣлинскій женился; кажется, въ мірѣ нѣтъ человѣка, менѣе способнаго къ семейной жизни, несмотря на то, что въ груди его гигантская способность любви и даже самоотверженія. Кетчеръ предлагаетъ пріѣхать; удивительный человѣкъ: сколько высокой любви помѣщается въ немъ, и притомъ—любви дѣятельной, готовой на пожертвованія; меня глубоко трогаетъ его дружба. Не скверно ли, что мы все доброе и благородное считаемъ жертвой, какою-то абнормальной тяжелой?

Перечиталъ введеніе въ Гегелеву философію исторіи. Чѣмъ болѣе мы зрѣемъ, тѣмъ замѣтнѣе рѣшительный идеалистъ великаго замыкателя христіанства и Колумба для философіи и человѣчественности; что за странные два концентрическіе круга, которыми онъ опредѣляетъ духъ человѣчества: исторія—это поприще духа, одѣйствованіе его, его истина, его полное бытіе. Потомъ духъ самъ по себѣ, въ своей области; эти круги то имѣютъ одинакій радіусъ—и тогда одинъ кругъ, то радіусъ духа самого по себѣ получаетъ какую-то безконечную величину, — и тогда опять кругъ одинъ, а онъ въ обоихъ случаяхъ считаетъ два круга. Человѣчество знаетъ

¹⁾ См. № 393.

²⁾ Павелъ Васильевичъ.

духъ такъ, какъ духъ себя знаетъ; во всемъ этомъ есть тавтологическая бифуркація, затрудняющая смыслъ истины для того, чтобъ ее высказать глоссологіей вѣка.

11. — Неблагородство славянофиловъ «Москвитянина» велико; они — добровольные помощники жандармовъ. Они негодуютъ на Гранов. за то, что онъ не читаетъ о Россіи (читая о среднихъ вѣкахъ въ Европѣ), не толкуетъ о православіи, негодуютъ, что онъ стоитъ со стороны западной науки (когда восточной вовсе нѣтъ) и что будто бы мало говоритъ о христіанствѣ вообще. Все это было бы ихъ дѣло, но они кричатъ объ этомъ такъ, что и Филаретъ началъ толковать; хотятъ печатать въ «Москвитянинѣ», что онъ читаетъ по Гегелю etc. Публика, дамы за него. Живое участіе къ его чтеніямъ растетъ, все это придаетъ хоть нѣсколько жизненности обществу; а между тѣмъ, того и смотри—закроютъ лекціи. Главный характеръ нашего періода у насъ, это—хаосъ, анархія; толку не найдешь ни въ чемъ. Въ «От. Зап.» напечатана моя IV статья почти вся ¹⁾. Я со всякимъ днемъ нахожу вѣроятнымъ, что надъ всѣми нами опять разразится громъ, а между тѣмъ истинно, никто ничего не дѣлаетъ такого, что бы выходило изъ предѣловъ: полуслова, абстракціи. Что за жизнь!

17.—Вторую статью о лекціяхъ Гр. гр. Строгановъ отказалъ помѣстить въ «Моск. Вѣдом.»,—можетъ, онъ правъ: боязнь крика, поповъ, доносовъ справедлива ²⁾. Я долго былъ у него; разстались, кажется, довольные другъ другомъ; странный онъ человѣкъ, но я уважаю многое изъ его качествъ, и, безъ сомнѣнія, онъ очень важенъ для московскаго университета, а *partant de là* ³⁾ и для просвѣщенія всей Россіи. «Москвитянина» нѣтъ еще.

Доселѣ въ Петербургѣ говорятъ и говорятъ о страшномъ беззаконіи наказанія инженерныхъ юнкеровъ. Даже Петербургъ ужаснулся и смѣлъ показать негодованіе на Клейнмихеля. Подробности этой исторіи поразительны: ни покрывала, ни стыда. Такими ударами они разбудятъ, хоть кого. Ихъ друзья, кромѣ шпионовъ и отъявленныхъ мерзавцевъ, не могутъ переварить этого. Да не сказка ли это изъ 1743 года? Вѣрить ли, что въ 1843 г. она была??

21.—Вчера Грановскій публично съ каеэдры оправдывался въ гнусныхъ обвиненіяхъ, расточаемыхъ Шевыр. и Погод. и, наконецъ, напечатанныхъ въ «Москвитянинѣ». Окончивъ чтеніе, онъ сказалъ:

¹⁾ № 352.

²⁾ См. № 393.

³⁾ А отсюда.

«Я считаю необходимымъ оправдаться передъ вами въ нѣкоторыхъ обвиненіяхъ на мой курсъ. Обвиняютъ, что я пристрастенъ къ Западу; я взялся читать часть его исторіи, я это дѣлаю съ любовью и не вижу, почему мнѣ должно бы читать ее съ ненавистью. Западъ кровавымъ потомъ выработалъ свою исторію; плодъ ея намъ достается почти даромъ, какое же право не любить его? Если-бъ я взялся читать нашу исторію, я увѣренъ, что и въ нее принесъ бы ту же любовь. Далѣе меня обвиняютъ въ пристрастіи къ какимъ-то системамъ; лучше было бы сказать, что я имѣю мои ученые убѣжденія; да, я ихъ имѣю, и только во имя ихъ я явился на этой каѳедрѣ; рассказывать голый рядъ событій и анекдотовъ не было моей цѣлью. Проникнуть ихъ мыслью...» и тутъ еще нѣсколько словъ, которыя я не разобралъ. Громъ рукоплесканій и неистовое bravo, bravo окончило его рѣчь; съ невыразимымъ чувствомъ одушевленія былъ сдѣланъ этотъ аплодисментъ, проводившій Гр. до самыхъ дверей аудиторіи. На этотъ разъ публика была достойна профессора. И какая плюха доносчикамъ! Такія проявленія, сколько они ни бѣдны, какъ они ни рѣдки, радуютъ. Глядя на гамъ и шумъ, у меня сердце билось, и кровь стучала въ голову: есть таки симпатіи. Можетъ, послѣ этого, власть наложитъ свою лапу, закроютъ курсъ, но дѣло сдѣлано: указанъ новый образъ дѣйствія университета на публику, указана возможность открыто, благородно защищаться передъ публикою въ обвиненіяхъ щекотливыхъ, и подтверждена возможность единодушной оцѣнки такого подвига, возможность возбудить сампатію.

Что за великое дѣло публичность! Именно, какъ Proudhon говоритъ, что работникамъ платятъ каждому отдѣльно, а не цѣнятъ новую силу, происходящую изъ совокупности ихъ. Да, множество людей представляетъ не ариѳметическую сумму силъ ихъ, а несравненно сильнѣйшую мощь, происходящую отъ поглощенія ихъ во-едино: каждый сильнѣе всего мощью всѣхъ.

Читаю IV томъ L. Blanc. Какъ подлѣ и отвратителенъ Людовикъ-Филиппъ и его правительство въ исторіи съ герцогиней Беррійской. Вотъ что значить отсутствіе того голоса въ сердцѣ, который громко вопіетъ противъ всего нечистаго, сальнаго. Не говоря о томъ, что воспользоваться беременностью женщины, чтобъ опозорить ее,—подло, особенно когда (по ихъ же понятіямъ) эта женщина свое пятно бросаетъ и на идею королевской власти и на свою семью, которая есть семья Людовика-Ф., но и это можно бы простить,—страшны средства, употребленные для доказательства. Ей, женщинѣ, послать сказать, чтобъ она встала и прошла по комнатѣ для того, чтобъ ея животь былъ виденъ, подписка, допросы въ са-

мое время родовъ, 18 свидѣтелей, пушечные выстрѣлы... Низко и грязно, къ тому же и несправедливо. Это только наше варварское понятіе о женщинѣ могло поставить въ важное обвиненіе женщинѣ, что она, будучи нѣсколько лѣтъ вдовою, нашла себѣ друга, любовника, мужа. Вообще исторію этого времени читать грустно: все такъ мелко, пошло... разумѣется, прорываются громадныя дѣянія и громадныя характеры, но это исключеніе. Таковъ книгопродавецъ и типографъ Ботъ, въ первыхъ дняхъ іюльской революціи, отдѣльные сцены въ исторіи Cloître de St-Méry ¹⁾, Родде, идущій продавать афишку, рыцарь-демократъ Ар. Каррель, итальянецъ Буонаротти ²⁾, старецъ карбонаризма, великая, святая личность и огненная натура Маццини ³⁾, и... и вся бесполезность ихъ усилій. Это опять отбрасываетъ во всѣ ужасы скептицизма.—На дняхъ пробѣжалъ я 1-й № «Европейца». Статья Ив. Кирѣевского удивительная; она предупредила современное направленіе въ самой Европѣ; какая здоровая, сильная голова, какой талантъ, слогъ... и что вышло изъ него. Деспотизмъ его жалъ, жалъ, и онъ сломился, наконецъ. Сломился, какъ благородная натура: онъ не измѣнилъ своему направленію, а бросился въ самый темный лѣсъ мистицизма,—тамъ ищетъ спасенья. Бѣдныя жертвы и великія жертвы, приносимыя Молоху!¹⁸

24.—Пріѣзжалъ Бѣляевъ изъ Вятки. Удивительно, до чего безуміе и опьянѣніе власти доходитъ; въ Вятской губ., въ Нолинскомъ уѣздѣ крестьяне за послушаніе чинов. палаты государ. имуществъ были усмиряемы губернаторомъ вооруженной рукой; они стояли въ толпѣ и не дѣлали никакихъ насилій, ждали объясненія, въ нихъ стрѣляли картечью, и 60 человекъ убито. Они бросились на колѣни, и ихъ передрали плетью. Губернаторъ этотъ — знаменитый шпионъ Мордвиновъ, управлявшій нѣсколько лѣтъ III Отдѣленіемъ; были мѣрами толь отеческими недовольны,—и его повысили въ директоры одного изъ д-товъ мин. фин. Вторая исторія въ 1842 году въ Казани, гдѣ, отнявши у мужиковъ картофель, велѣли его сѣять, потомъ освободили ихъ за деньги, потомъ опять велѣли сѣять. Выведенные изъ себя крестьяне взбунтовались и были усмиряемы пулями и тесаками; цѣлыя семьи бѣжали въ лѣса и мѣсяцы не смѣли возвратиться. Кто-нибудь долженъ проснуться: или правительство, или народъ. О первомъ такъ же трудно повѣрить, какъ о другомъ; впрочемъ, министръ Киселевъ проѣзжалъ по Козьмо-

1) Монастырь Сень-Мери.

2) Филиппъ-Мишель, итальянскій патриотъ, сыгравшій роль и въ первой франц. революціи, единомышленникъ коммуниста Бабефа.

3) Джузеппе, знаменитый итальянскій революціонеръ, потомъ другъ Герцена.

демянску, гдѣ была военно-судная комиссія по этому дѣлу, и даже не озаботился спросить о немъ. И этотъ господинъ хочетъ быть *Umwälzungsmann!* *Misère, misère!* ¹⁾ Разумѣется, они могутъ быть стимулусомъ, тѣми толчками въ лицо спящаго, отъ котораго тотъ вскочить, но быть великими дѣятелями,—для этого надобна любовь къ идеѣ, любовь къ народу.

«На генерала Киселева не положу моихъ надеждъ,
«Онъ милъ,—о томъ ни слова!—

сказалъ Пушкинъ.

Съ 29 на 30, ночь... Ни вѣры нѣтъ, ни надежды... я себя какъ-то ненавижу... хотѣлось бы, чтобъ тутъ былъ Грановскій и вино бы хотѣлъ пить... этого не должно бы быть. Время тащится тихо; можетъ, вопросъ нѣсколькихъ существованій рѣшается теперь. Тупая сила, глупая сила... Ну, что же, смертный приговоръ или милость?—Случай.

30.—Вечеръ. Въ часъ безъ 10 минутъ родился мальчикъ ²⁾; доселѣ все счастливо, но я еще не смѣю, боюсь надѣяться. Страшные опыты проучили.

31.—Вечеръ. Полутора сутокъ прошло и *rien d'alarmant* ³⁾, дитя малъ и не изъ крѣпкихъ; но доселѣ болѣзненнаго ничего не видать и грудь беретъ. Для Наташи неистощимое благо, если это дитя будетъ живо; это ее морально и физически успокоить. ¹⁹

Дружба, любовь окружаетъ насъ прекраснымъ вѣнкомъ; сколько симпатіи горячей, полной, благородной. Это наше великое благо въ жизни, награда и пр. Грановскій, получивши записку, не могъ ее читать отъ волненія и передалъ другому. Утромъ, когда еще ожидали, — онъ молился. Я не могу этого дѣлать. Въ рѣшительныхъ минутахъ я, наконецъ, нахожу силу и стою, будто на барьерѣ во время дуэли; жду, что пуля: мимо или въ грудь... Жду мрачно, собравши всю твердость. Середь ожиданія является рефлексія, и я иду и на гору, и подъ гору съ дикой, свирѣпой послѣдовательностью, не отгоняю страшнаго, а всматриваюсь въ него. Всякій по своему.

Черезъ часъ наступить и новый годъ. Въ прошломъ не было страшныхъ внѣшнихъ толчковъ, но страшныя внутреннія событія. Я съ содроганіемъ вспоминаю весну... Да покроетъ могила 1843 многое слышанное и сказанное тогда! Но рубецъ остался неизгладимъ, но *выжитое* всѣмъ этимъ осталось...

1) Человѣкомъ, который произведетъ переворотъ. О, мразь!

2) Николай.

3) Ничего тревожнаго.

◆◆ 1. Изъ писемъ Грановскаго къ женѣ, Елизаветѣ Федоровнѣ, урожд. Коршъ, отъ начала января 1843 г. видно, что во время ея отсутствія изъ Москвы онъ почти все время проводилъ у Герценовъ; такимъ образомъ, тогда ихъ отношенія были очень близки («Т. Н. Грановскій и его переписка», II, 257).

2. Николаевская формула государственнаго управленія, выражающаяся въ извѣстной триадѣ: «православіе, самодержавіе и народность», извѣстна широкой публикѣ весьма поверхностно, между тѣмъ Герценъ часто и намекаетъ на нее, и прямо указываетъ. Поэтому я считаю не лишнимъ сдѣлать нѣкоторыя выдержки изъ классическаго доклада С. С. Уварова, представленнаго имъ Николаю I въ 1843 г. и официально напечатаннаго въ 1864 г. подъ заглавіемъ «Десятилѣтіе министерства народнаго просвѣщенія, 1833—1843 гг.» Вотъ какъ онъ излагаетъ тѣ «главныя начала», которыя были преподаны Николаемъ I въ день назначенія его министромъ, 19 ноября 1833 г.

«Углубляясь въ разсмотрѣніе задачи, которую предлежало рѣшить безъ отлагательства, задачи, тѣсно связанной съ самою судьбою отечества, — независимо отъ внутреннихъ и мѣстныхъ трудностей этого дѣла, — разумъ невольно почти предавался унынію и колебался въ своихъ заключеніяхъ при видѣ общественной бури, и въ то время потрясавшей Европу, и которой отголосокъ, слабѣе или сильнѣе, достигалъ и до насъ, угрожая опасностію. Посреди быстрого паденія религіозныхъ и гражданскихъ учрежденій въ Европѣ, при повсемѣстномъ распространеніи разрушительныхъ понятій, въ виду печальныхъ явленій, окружавшихъ насъ со всѣхъ сторонъ, надлежало укрѣпить отечество на твердыхъ основаніяхъ, на коихъ зиждется благоденствіе, сила и жизнь народная; найти начала, составляющія отличительный характеръ Россіи и ей исключительно принадлежащія; собрать въ одно цѣлое священные останки ея народности и на нихъ укрѣпить якорь нашего спасенія. Къ счастью, Россія сохранила теплую вѣру въ спасительныя начала, безъ коихъ она не можетъ благоденствовать, усиливаться, жить. Искренно и глубоко привязанный къ церкви отцовъ своихъ, русскій искони взиралъ на нее, какъ на залогъ счастья общественнаго и семейственнаго. Безъ любви къ вѣрѣ предковъ, народъ, какъ и частный человѣкъ, долженъ погибнуть. Русскій, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного изъ догматовъ нашего *православія*, сколь и на похищеніе одного перла изъ вѣнца Мономахова. *Самодержавіе* составляетъ главное условіе политическаго существованія Россіи. Русскій колоссъ упирается на немъ, какъ на краеугольномъ камнѣ своего величія. Эту истину чувствуетъ неисчи-

слимое большинство подданныхъ Вашего Величества: они чувствуютъ ее въ полной мѣрѣ, хотя и поставлены на разныхъ степеняхъ гражданской жизни и различествуютъ въ просвѣщеніи и въ отношеніяхъ къ правительству. Спасительное убѣжденіе, что Россія живетъ и охраняется духомъ самодержавія сильнаго, человѣколюбиваго, просвѣщеннаго, должно проникать народное воспитаніе и съ нимъ развиваться. Наряду съ сими двумя національными началами, находится и третье, не менѣе важное, не менѣе сильное: *народность*. Вопросъ о народности не имѣетъ того единства, какъ предъидущій; но тотъ и другой проистекаютъ изъ одного источника и связуются на каждой страницѣ исторіи Русскаго Царства. Относительно къ народности все затрудненіе заключалось въ соглашеніи древнихъ и новыхъ понятій; но народность не заставляетъ итти назадъ или останавливаться; она не требуетъ *неподвижности* въ идеяхъ. Государственный составъ, подобно человѣческому тѣлу, перемѣняетъ наружный видъ свой по мѣрѣ возраста: черты измѣняются съ лѣтами, но фізіономія измѣняться не должна. Неумѣстно было бы противиться этому періодическому ходу вещей; довольно, если мы сохранимъ неприкосновеннымъ святилище нашихъ народныхъ понятій; если примемъ ихъ за основную мысль правительства, особенно въ отношеніи къ отечественному воспитанію.

«Вотъ тѣ главныя начала, которыя надлежало включить въ систему общественнаго образованія, чтобы она соединяла выгоды нашего времени съ преданіями прошедшаго и съ надеждами будущаго, чтобы народное воспитаніе соотвѣтствовало нашему порядку вещей и было не чуждо европейскаго духа. Просвѣщеніе настоящаго и будущаго поколѣній, въ соединенномъ духѣ этихъ трехъ началъ, составляетъ, безсомнѣнно, одну изъ лучшихъ надеждъ и главнѣйшихъ потребностей времени и тотъ священный трудъ, который довѣренность Вашего Величества возложила на мое усердіе и рвеніе».

Далѣе Уваровъ указываетъ, какъ шло самое развитіе началъ триады на практикѣ, чего достигало правительство рядомъ своихъ мѣръ.

«Не исключая даже лицъ крѣпостнаго состоянія отъ участія въ благотворныхъ плодахъ знаній и просвѣщенія, министерство, однако, считало необходимою обязанностію для себя привести ихъ въ мѣру истинныхъ нуждъ и прямой пользы умственной, и нравственной людей этого сословія. Объемъ ихъ обученія *ограниченъ* одними приходскими и уѣздными училищами. Переходъ изъ низшихъ въ среднія учебныя заведенія, а изъ сихъ въ высшія, вездѣ и для всѣхъ состояній, подчиненъ опредѣлительнымъ правиламъ,

всегда соблюдаемымъ въ точности, въ отношеніи же къ людямъ крѣпостного состоянія *эта строгость еще болѣе усилена*: они не иначе допускаются въ эти заведенія, какъ когда, по волѣ помѣщиковъ, получаютъ увольненіе отъ сего состоянія. Согласно съ тѣмъ, и частныя заведенія, въ которыхъ кругъ ученія соотвѣтствуетъ гимназіямъ, *сдѣланы недоступны* для лицъ крѣпостного состоянія, а въ тѣхъ реальныхъ училищахъ, въ которыя допускаются ученики всѣхъ состояній, кругъ наукъ словесныхъ приведенъ въ соразмѣрность съ приходскими и уѣздными училищами и изъ нихъ *исключено* все, что не относится прямо и непосредственно къ техническимъ наукамъ»...

О цензурѣ въ докладѣ читаемъ:

«Наблюдая десять лѣтъ за труднымъ и сложнымъ дѣломъ цензуры, я старался опредѣлить середину между изысканною строгостью цензоровъ, могущей нечувствительно сдѣлаться стѣснительною, и легковѣрною ихъ безпечностію, которую не замедлили бы обратить во зло. Въ этотъ промежутокъ времени министерство не избѣгнуло, конечно, всѣхъ нареканій, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ смыслѣ. Между тѣмъ мы видимъ на опытѣ, что по цензурной части не оказалось въ это время никакихъ особенно замѣчательныхъ случаевъ или затруднительныхъ явленій. Обуздавъ единожды твердыми мѣрами врожденную строптивость періодическихъ изданій, наблюдая постоянно за ихъ духомъ и направленіемъ,—министерство рѣдко встрѣчало необходимость подвергать *ласному* взысканію эту вѣтвь литературной промышленности, которая, *къ сожалѣнію*, болѣе прочихъ дѣйствуетъ на массу читателей. Замѣтить можно, что оказавшіяся въ прежнее время уклоненія періодической литературы отъ правильнаго смысла могутъ быть большею частію приписаны вредному вліянію тогдашнихъ политическихъ идей, извнѣ къ намъ перешедшихъ. *Съ тѣхъ поръ, какъ въ кругу нашихъ писателей возродилась мысль о народности даже въ литературѣ,—большая часть иноземныхъ идей, въ политическомъ смыслѣ, лишилась своей приманки. Мысль объ умственной самостоятельности сильно распространилась въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ; и если эта мысль подлежитъ, можетъ быть, нѣкоторому преувеличенію въ умахъ незрѣлыхъ и пристрастныхъ, то по крайней мѣрѣ она изцѣляетъ ихъ, и не безъ успѣха, отъ чрезмѣрнаго предубѣжденія въ пользу другихъ понятій, болѣе опасныхъ и противныхъ существующему порядку въ іосударствѣ ¹⁾.*»

¹⁾ Одна изъ причинъ, по которой «западники» сторонились отъ «славянофиловъ».

Это измѣненіе въ направленіи умовъ доказывается даже цифрою переведенныхъ и оригинальныхъ сочиненій. Число первыхъ уменьшалось по мѣрѣ того, какъ умножалось количество другихъ; и теперь на 757 оригинальныхъ произведеній, переведенныхъ приходится только 36, между тѣмъ какъ въ 1832 году было первыхъ 672, а послѣднихъ 134».

Не менѣ замѣчательно и «заключеніе» доклада, весьма характерное для николаевской эпохи:

«Изгладить противоборство такъ называемаго европейскаго образованія съ потребностями нашими; изцѣлить новѣйшее поколѣніе отъ слѣпого, необдуманнаго пристрастія къ поверхностному и иноземному, распространяя въ юныхъ умахъ радушное уваженіе къ отечественному и полное убѣжденіе, что только принаровленіе общаго, всемірнаго просвѣщенія къ нашему народному быту, къ нашему народному духу, можетъ принести истинные плоды всѣмъ и каждому; потомъ обнять вѣрнымъ взглядомъ огромное поприще, открытое предъ любезнымъ отечествомъ, оцѣнить съ точностью всѣ противоположные элементы нашего гражданскаго образованія, всѣ историческія данныя, которыя стекаются въ обширный составъ Имперіи, обратить сіи развивающіеся элементы и пробужденныя силы, по мѣрѣ возможности, къ одному знаменателю; наконецъ, искать этого знаменателя въ тройственномъ понятіи *православія, самодержавія и народности*,—такова была цѣль, къ коей министерство народнаго просвѣщенія приближалось десять лѣтъ; таковъ планъ, коему я слѣдовалъ во всѣхъ моихъ распоряженіяхъ.

«Естественно, что направленіе, данное Вашимъ Величествомъ министерству и его тройственная формула—должны были возстановить нѣкоторымъ образомъ противъ него все, что носило еще отпечатокъ *либеральныхъ и мистическихъ* идей: *либеральныхъ*—ибо министерство, провозглашая *самодержавіе*, заявило твердое намѣреніе возвращаться прямымъ путемъ къ русскому монархическому началу, во всемъ его объемѣ; *мистическихъ* потому, что *выраженіе—православіе*,—довольно ясно обнаружило стремленіе министерства ко всему положительному въ отношеніи къ предметамъ христіанскаго вѣрованія и удаленіе отъ всѣхъ мечтательныхъ призраковъ, слишкомъ часто помрачавшихъ чистоту священныхъ преданій церкви. Наконецъ и слово *народность* возбуждало въ недоброжелателяхъ чувство непріязненное за смѣлое утвержденіе, что министерство считало Россію возмужалою и достойною итти не *позади*, а по крайней мѣрѣ *рядомъ* съ прочими европейскими національностями. Если-бъ нужно было еще ближе увѣриться въ справедливости избранныхъ началъ, то это удостовѣреніе можно было бы

найти и въ порицаніи ихъ противниками величія Россіи, и въ общемъ, радостномъ сочувствіи, съ коимъ эти завѣтныя слова были приняты въ отечествѣ всѣми приверженцами существующаго порядка. Въ царствованіе Вашего Величества главная задача по министерству народнаго просвѣщенія состояла въ томъ, чтобы собрать и соединить въ рукахъ правительства всѣ умственныя силы, дотолѣ раздробленныя, всѣ средства общаго и частнаго образованія, оставшіяся безъ уваженія и частію безъ надзора, всѣ элементы, принявшіе направление неблагонадежное или даже превратное, усвоить развитіе умовъ потребностямъ государства, обезпечить, сколько дано чело-вѣческому размышленію, будущее въ настоящемъ. Послѣ десяти-лѣтняго періода можно безошибочно сказать, что начала, избранныя Вашимъ Величествомъ и управлявшія непрерывно, подъ моимъ руководствомъ, министерствомъ народнаго просвѣщенія, выдержали опытъ времени и обстоятельствъ, явили въ себя залогъ безопасности, оплотъ порядка и вѣрное врачеваніе случайныхъ недуговъ».

3. Привожу тотъ же отрывокъ изъ «Do matki Polki» на родномъ языкѣ Мицкевича:

Nasz Odkupiciel, dzieckiem w Nazarecie:
 Piastował krzyżyk, na którym świat zbawił
 O matko Polko! jabym twoje dziecię
 Przyszłemi jego zabawkami bawił.
 Wcześniej mu ręce okręcaj łańcuchem,
 Do taczkowego każ zaprzęgać wozu:
 By przed katowskim nie zbłądnął obuchem,
 Ani się spłonił na widok powrozu.
 Bo on nie pójdzie, jak dawni rycerze,
 Utkwić zwycięski krzyż w jerozolimie,
 Albo jak świata nowego żołnierze
 Na wolność orać, krwią polewać ziemię—
 Wyzwanie przyszłe mu szpieg nieznamy,
 Walkę z nim stoczy sąd krzywo-przysiężny;
 A placem boju będzie dół kryjomy,
 A wyrok o nim wyda wróg potężny.
 Zwyciężonemu za pomnik grobówy
 Zostaną suche drewna szubienicy;
 Za całą sławę krótki płacz kobiecy
 I długie, nocne rodaków rozmowy.

4. Строгановъ собрался написать только 16 марта. Вотъ его письмо въ переводѣ съ французскаго: «Графъ, принимая особенное участіе въ лицѣ, о которомъ говорится въ прилагаемой запискѣ, я рѣшаюсь обезпокоить васъ и совершенно конфиденціально спросить у васъ, можетъ ли оно надѣяться получить разрѣшеніе на

заграничное путешествіе и узнать, не получить ли оно отказа, если обратится за этимъ къ властямъ. По точнымъ свѣдѣніямъ, которыя я имѣю, здоровье его жены таково, что только теплый климатъ можетъ дать нѣкоторую надежду на выздоровленіе. Въ ожиданіи вашего отвѣта, графъ, прошу васъ принять увѣреніе въ лучшихъ чувствахъ вашего преданнаго слуги, гр. С. Строганова».

Приложенная записка носила названіе «справки», была написана рукой Герцена,—очевидно, съ черновика, одобреннаго Строгановымъ, и подписана послѣднимъ. Вотъ ея содержаніе:

«Надворный совѣтникъ Александръ Герценъ, по Высочайшему повелѣнію переведенный въ 1840 изъ Петербурга и которому Всемилостивѣйше разрѣшено жительство въ Москвѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1842 года, по разстроенному здоровью жены его, находится въ неизвѣстности, можетъ ли онъ теперь ѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ въ Италію. Необходимость этой поѣздки основана на томъ, что всѣ медицинскія пособія послѣ третьяго несчастнаго разрѣшенія отъ бремени г-жи Герценъ не принесли никакого облегченія ея страждущему состоянію, которое, по общему мнѣнію врачей, можетъ только облегчиться пребываніемъ въ южной Италіи».

24 марта гр. Бенкендорфъ отвѣтилъ Строганову, что, не будучи увѣренъ въ разрѣшеніи со стороны государя, онъ хотѣлъ бы знать, угодно ли Строганову, чтобы во всеподданѣйшемъ докладѣ было указано, что ходатайство возбуждается отъ его собственнаго имени. 31 марта Строгановъ отвѣтилъ утвердительно. 7 апрѣля Бенкендорфъ сдѣлалъ докладъ, на которомъ Николай I написалъ: «переговоримъ», а рукою шефа жандармовъ потомъ написано: «не позволено, 9 апрѣля 1843 г.» (Архивъ III отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи, 1 экс., 1834, дѣло № 239, ч. 10).

5. 24 декабря 1842 г. Боткинъ писалъ Краевскому: «Строгановъ, разговаривая съ Г., сказалъ, между прочимъ, что «От. Зап.», вѣроятно, скоро должны обратить на себя особенное вниманіе». («Отчетъ И. Публичной Библиотеки за 1889 годъ», 52).

6. Доносъ на «Отечеств. Записки» какъ разъ въ это время написалъ не Гречъ, а Булгаринъ (см. мою книгу «Николаевскіе жандармы» etc, стр. 286—288).

7. 10 мая Бѣлинскій писалъ В. П. Боткину: «Вотъ какое значеніе имѣетъ въ жизни мужчины преданная ему женщина: другъ нашъ, Герценъ, очень счастливо женатъ, но мы не полюбили бы его, если бы онъ отъ этого былъ не только вполне счастливъ, но даже и просто счастливъ; однакоже, онъ, все-таки, счастливѣе всѣхъ насъ. У насъ нѣтъ ничего ни впереди, ни позади; жизнь для насъ—постылая жена, которую мы ненавидимъ, но съ которою раз-

статья не имѣемъ права; а у него есть живая связь съ жизнью— это его жена» (Бѣлинскій «Письма», т. II, 366—367).

8. Бѣлинскій писалъ Краевскому: «Матвѣй—славный былъ человекъ» («Отч. И. Публ. Библ. за 1889», 22).

9. Въ октябрѣ 1843 г. Бѣлинскій писалъ своей невѣстѣ, М. В. Орловой: «Ахъ, если бы знали вы, Marie, что за существо—жена Герцена!.. Это женщина, подобно вамъ, больная, низкаго роста, худая, прекрасная, тихая, кроткая, съ тоненькимъ голоскомъ, но страшно энергичная: скажетъ тихо,—и быкъ остановится, съ почтеніемъ упрется рогами въ землю передъ этимъ кроткимъ взглядомъ и тихимъ голосомъ. Н. А—на не побоялась бы познакомиться съ Eugénie. Когда я былъ у Герцена въ деревнѣ,—даже меня поразила царствующая тамъ европейская свобода. Всѣ мужчины въ блузахъ (родъ рубашки, опоясанной кожанымъ ремнемъ); гуляя разъ, я пожаловался на усталость и жаръ, и ко мнѣ всѣ пристали (и она), чтобы я снялъ съ себя сюртукъ и понесъ его на плечѣ. Разъ я сконфузился даже, когда она подшутила надъ моею чиновническою (все глупое и подлое есть чиновническое) вѣжливостью, что я поклонился ей, выходя изъ-за обѣда. Какъ жаль, что вы съ нею незнакомы: она вывела бы васъ изъ затруднительнаго положенія и указала бы вашей совѣсти большую дорогу. Боткинъ возилъ къ ней знакомиться Argpance, и та была очень довольна этимъ знакомствомъ... Когда шли толки о томъ, надо ли обвѣнчаться Б. съ Argm. или остаться имъ безъ вѣнца въ интимныхъ отношеніяхъ,—я сказалъ, что это невозможно въ нашемъ обществѣ, ибо прежде всего, кто же захочетъ быть знакомымъ съ Argm?—«Жена Герцена и моя жена прежде всѣхъ»,—сказалъ Грановскій. Право, Marie, все это не дурные люди, и они образуютъ собою свой отдѣльный кругъ общества, который, кромѣ себя, никого знать не хочетъ и никѣмъ не интересуется, но которымъ многіе и многіе очень интересуются» (Бѣлинскій «Письма», т. III, 67—68).

10. Я имѣлъ возможность прочесть всѣ письма Бѣлинскаго, напечатанныя подъ ред. Е. А. Ляцкаго въ трехъ томахъ (Спб. 1914), безъ массы купюръ, сдѣланныхъ поневолѣ редакторомъ, и былъ пораженъ количествомъ и степенью употреблявшихся Бѣлинскимъ такихъ выраженій и словъ, которыя не могутъ не считаться циничными и совершенно неприличными. Это меня поразило тѣмъ болѣе, что въ письмахъ Герцена такія и подобныя выраженія попадаются крайне рѣдко. Я очень далекъ отъ вывода изъ этого о изменности души «неистоваго Виссаріона»,—который, конечно, сдѣлаютъ когда-нибудь профессора И. И. Ивановы, но не могу не за-

мѣтить, что такой фактъ отгѣняетъ разницу въ воспитаніи обоихъ знаменитыхъ писателей.

11. Въ этомъ письмѣ Огаревъ говоритъ: «Итакъ, я осужденъ получать отъ васъ печальныя посланія. Не горечь упрековъ, падающихъ на меня—упрековъ, можетъ быть, заслуженныхъ, смущаетъ меня въ твоемъ письмѣ, Александръ, но собственно твое расположеніе духа, какое-то отчаяніе, котораго я бы не желалъ въ тебѣ видѣть, именно въ тебѣ, потому что предполагаю въ тебѣ силу духа и вѣру непоколебимую... Перечитываю строки Наташи, и мнѣ грустно стало. Наташа—скептикъ! Я этого сообразить не могу; не давай себя портить, сестра! Ты лучше можешь чувствовать, чѣмъ они могутъ понимать. «Александръ, пишешь ты, недоволенъ собою, и я недовольна собою!» Съ чего же ты недовольна собою? Какіе грѣхи тяготятъ тебя? Какія пятна у тебя на душѣ? Нѣтъ, сестра, ты свѣтла и чиста, какъ день.... Скоро ли мы всѣ перестанемъ говорить о разочарованіи и страданіи? Просто это самообвиненіе и печальный взглядъ на жизнь тѣшатъ насъ, потому что мы за ними можемъ скрыть отъ себя, что намъ лѣнь жить сильно и здорово» («Рус. Мысль» 1890, III, 5, 8—9).

12. См. № 364.

13. М. К. Рейхель рассказываетъ, что Егоръ Ивановичъ былъ влюбленъ въ Екатерину А—ну Захарьину, названную ею просто «свояченицей», что получилъ ея обѣщаніе выйти за него замужъ, но не раньше смерти И. А. Яковлева. «Это было тайной для всѣхъ, даже для меня, хотя я и спала въ одной комнатѣ съ нею и была съ нею очень дружна. Вдругъ явился прежній ея обожатель (А. И. Селинъ—*М. Л.*), котораго она считала потеряннымъ, и всѣ ея обѣщанія Егору Ивановичу были забыты. Когда потомъ узнали всѣ обстоятельства дѣла, впечатлѣніе было не въ пользу молодой дѣвушки... Свадьба была скоро сыграна; Егоръ Ив. не препятствовалъ, но онъ былъ убитъ. Еще прежде, чѣмъ Е. И. узналъ объ ея помолвкѣ, она выманила у него всѣ свои письма, боясь, чтобы они не послужили противъ нея уликой, и разорвала ихъ въ клочки. Но онъ зналъ эти письма наизусть, со всѣми грамматическими ошибками, знаками препинанія и сообщалъ ихъ намъ по памяти» (стр. 19—20). Въ письмѣ Е. А. Селиной къ Е. С. Некрасовой отъ 1895 г. находимъ: «Когда я выходила за Ал. Ив. замужъ, Наташа и Ив. Алексѣевичъ меня благословляли. Но онъ не желалъ этого брака, рассчитывая выдать меня за старика сенатора, Егора Александровича Дурасова, который обо мнѣ и не думалъ и который рассчитывалъ на внучку Бутурлиной, у которой былъ миллионъ приданаго... Со времени замужества моего за А. И. Селина про-

текло уже 53 года и съ тѣхъ поръ всѣ мои сношенія съ нѣкогда мнѣ близкими были совершенно прерваны, такъ какъ это мое замужество было вопреки ихъ желанію. Поэтому и разлука наша была вѣчною» (Румянц. музей).

14. Въ августѣ 1843 г. русская полиція арестовала очень много выдающихся польскихъ дѣятелей, по преимуществу адвокатовъ и чиновниковъ судебного вѣдомства. Большинство ихъ (Гзовскій, Венцковскій, Давидъ Левицкій, Гроссъ, Бѣлинскій и др.) было сослано въ каторжныя работы въ Нерчинскъ («100 лѣтъ борьбы польскаго народа за свободу», М. 1907, 132).

15. Въ Спб. Кетчеръ былъ опредѣленъ въ медицинское управленіе; не выдержавъ жизни внѣ привычнаго круга, онъ вернулся въ Москву въ 1845 г.; въ эти два года онъ редактировалъ «Журналъ Мин. Внутрен. Дѣлъ».

Чтобы видѣть, какъ тяготила Кетчера жизнь внѣ Москвы, интересно прочесть страничку въ «Литературныхъ воспоминаніяхъ» И. Панаева. «Надобно было посмотрѣть на бѣднаго Кетчера, когда онъ вздумалъ, было, переселиться въ Петербургъ, по совѣту своего брата, на службу въ медицинскій департаментъ! Кетчеру была необходима жизнь на распашку, въ какомъ-нибудь маленькомъ деревянномъ флигелькѣ съ садикомъ или, по крайней мѣрѣ, съ палисадникомъ, въ которомъ бы онъ могъ копаться запросто въ халатѣ, садить огурцы и подсолнечники, вести небольшое хозяйство, имѣть небольшіе запасы,—для этого требовались различные чуланчики, небольшой отдѣльный погребъ и тому подобное... Въ Москвѣ онъ легко пользовался всѣми этими удобствами, сохранялъ кислую капусту до осени и угощалъ среди лѣта друзей своихъ жирными селянками; по утрамъ онъ безпрестанно переходилъ отъ своихъ грядъ съ огурцами къ переводу Шекспира и отъ Шекспира снова къ огурцамъ; послѣ ранняго обѣда отправлялся куда-нибудь за городъ къ пріятелямъ и собиралъ дорогой еще иногда грибы, проходя черезъ какой-нибудь лѣсокъ; а вечеромъ кричалъ и хохоталъ на вольномъ воздухѣ, разливая шампанское... Послѣ такой привольной, размашистой жизни онъ вдругъ очутился въ тѣсной квартирѣ огромнаго петербургскаго дома, по крайней мѣрѣ, съ 4000 обитателей, на самомъ верху; грязная лѣстница, ни одного чуланчика, ни одной травки на вымощенномъ дворѣ,—все какъ-то узко, тѣсно... и пріятели—люди небогатые и разсчетливые, у которыхъ шампанское не появляется всякій день... Ни голосу, ни движеніямъ, ни размашистымъ привычкамъ нѣтъ никакого простора. Кетчеръ изнемогалъ въ такой жизни, стоналъ по Москвѣ и тремѣлъ проклятіями противъ Петербурга. По его словамъ, въ Петербургѣ ничего даже нельзя

было достать порядочнаго: и говядина хуже московской, и вино скверное, подмѣшанное, и шампанское поддѣльное, и сигары—никуда негодныя» (стр. 252—253, изд. 1888 г.).

16. Герценъ познакомилъ съ Самаринымъ вскорѣ по переѣздѣ въ Москву и въ началѣ 1843 г. они были уже въ пріятельскихъ отношеніяхъ, что видно изъ писемъ Самарина («Сочиненія», XII, 35, 41, 46, 47). 15 ноября 1843 г. Грановскій писалъ Кетчеру: «Фильтрахъ (прозвище Герцена въ пріятельскомъ кругу—*М. Л.*) пользуется твоимъ отсутствіемъ и завелъ дружбу съ Юріемъ Самаринимъ. Я давно говорилъ наперекоръ тебѣ и Боткину, что Самаринъ очень умный и даровитый человѣкъ, оставляя въ сторонѣ его мнѣнія. Фильтрахъ же пришелъ, было, въ восторгъ отъ этихъ самыхъ мнѣній. Я не шучу. Вчера другъ нашъ доказывалъ, что у С. сильная логика, великій талантъ изложенія и что во многомъ онъ правъ. Крюковъ (Дмитрій Львовичъ, профессоръ римской словесности—*М. Л.*) замѣтилъ, что Александръ Ивановичъ предобрый человѣкъ. Съ этимъ и я согласенъ» («Т. Н. Г. и его переписка», II, 459).

17. Анненковъ невѣрно относитъ знакомство съ Герценомъ къ осени 1843 г. Вотъ какъ онъ характеризуетъ Герцена въ это время (декабрь 1843 г.). «Когда я узналъ его, Герценъ былъ въ полномъ блескѣ молодости, исполненъ надеждъ на себя, составляя гордость и утѣшеніе своего круга. Въ эпоху первыхъ публичныхъ лекцій Грановскаго онъ волновался, писалъ о нихъ статьи и торжествовалъ успѣхъ своего друга такъ шумно, что казалось, будто празднуетъ свой собственный юбилей». «Признаться сказать, меня ошеломилъ и озадачилъ на первыхъ порахъ знакомства этотъ необычайно подвижной умъ, переходившій съ неистощимымъ остроуміемъ, блескомъ и непонятной быстротой отъ предмета къ предмету, умѣвшій схватить съ чужой рѣчи, и въ простомъ случаѣ изъ текущей жизни, и въ любой отвлеченной идеѣ ту яркую черту, которая даетъ имъ фізіономію и живое выраженіе. Способность къ поминутнымъ, неожиданнымъ сближеніямъ разнородныхъ предметовъ, которая питалась, во-первыхъ, тонкой наблюдательностью, а во-вторыхъ, и весьма значительнымъ капиталомъ энциклопедическихъ свѣдѣній, была развита у Г. въ необычайной степени, такъ развита, что подъ конецъ даже утомляла слушателя. Неугасающій фейерверкъ его рѣчи, неистощимость фантазіи и изобрѣтенія, какая-то безоглядная расточительность ума приводили постоянно въ изумленіе его собесѣдниковъ. Послѣ всегда горячей, но и всегда строгой, послѣдовательной рѣчи Бѣлинскаго, скользящее, безпрестанно перерождающееся, часто парадоксальное, раздражающее, но

постоянно умное слово Г. требовало уже отъ собесѣдниковъ, кромѣ напряженнаго вниманія, еще и необходимости быть всегда наготовѣ и вооруженнымъ для отвѣта. Зато ужъ никакая пошлость или вялость мысли не могли выдержать и полчаса сношеній съ Г., а претензія, напыщенность, педантическая важность прямо бѣжали отъ него или таяли передъ нимъ, какъ воскъ передъ огнемъ». «Герценъ былъ умомъ, въ высшей степени непокорнымъ и неуживчивымъ, съ врожденнымъ органическимъ отвращеніемъ ко всему, что являлось въ видѣ какого-либо установленнаго правила, освященнаго общимъ молчаніемъ, о какой-либо непровѣренной истинѣ. Въ такихъ случаяхъ хищническія, такъ сказать, способности его ума поднимались цѣликомъ и выходили наружу, поражая своею ѣдкостью, изворотливостью и находчивостью. Онъ жилъ въ Москвѣ на Сивцевомъ Вражкѣ еще невѣдомымъ для публики лицомъ, но уже приобрѣлъ извѣстность въ кругу своемъ, какъ остроумный и опасный наблюдатель окружающей его среды; конечно, онъ не всегда умѣлъ держать подъ спудомъ тайну тѣхъ слѣдственныхъ протоколовъ, тѣхъ послужныхъ списковъ о близкихъ и дальнихъ личностяхъ, какіе велъ въ умѣ и про себя. Люди, безпечно стоявшіе съ нимъ объ руку, не могли не изумляться, а подчасъ и не сердиться, когда открывались тѣ или другія части этой невольной работы его духа. Къ удивленію, вмѣстѣ съ нею уживались въ немъ самыя нѣжныя, почти любовныя отношенія къ избраннымъ друзьямъ, не избавленнымъ отъ его анализа, но тутъ дѣло объясняется уже другой стороной его характера.

«Какъ бы для возстановленія равновѣсія въ его нравственной организаціи, природа позаботилась, однако же, вложить въ его душу одно неодолимое вѣрованіе, одну непобѣдимую склонность: Герценъ вѣровалъ въ благородные *инстинкты* человѣческаго сердца, анализъ его умолкалъ и благоговѣлъ предъ инстинктивными побужденіями нравственнаго организма, какъ передъ единственной, несомнѣнной истиной существованія. Онъ высоко цѣнилъ въ людяхъ благородныя, страстныя увлеченія, какъ бы ошибочно они еще ни помѣщались, и никогда не смѣялся надъ ними. Эта двойная, противорѣчивая игра его природы—подозрительное отрицаніе, съ одной стороны, и слѣпое вѣрованіе—съ другой, возбуждали частыя недоумѣнія между нимъ и его кругомъ и были поводомъ къ спорамъ и объясненіямъ; но именно въ огнѣ такихъ пререканій, до самаго отъѣзда за границу, привязанности къ нему еще болѣе закалились, вмѣсто того, чтобы разлагаться. Оно и понятно почему: во всемъ, что тогда думалъ и дѣлалъ Герценъ, не было ни малѣйшаго признака лжи, какого-либо дурного, скрыто вскормленнаго чувства или

разсчетливаго коварства; напротивъ, онъ былъ всегда весь цѣликомъ въ каждомъ своемъ словѣ и поступкѣ. Да была и еще причина, заставлявшая прощать ему даже иногда и оскорбленія, причина, которая можетъ показаться невѣроятной для людей, его не знавшихъ.

«При стойкомъ, гордомъ, энергическомъ умѣ это былъ совершенно мягкій, добродушный, почти женственный характеръ. Подъ суровой наружностью скептика и эпиграмматиста, подъ прикрытіемъ очень мало церемоннаго и нисколько не застѣнчиваго юмора жило въ немъ дѣтское сердце. Онъ умѣлъ быть какъ-то угловато нѣженъ и деликатенъ, а при случаѣ, когда наносилъ слишкомъ сильный ударъ противнику, умѣлъ тотчасъ же принести ясное, хотя и подразумеваемое, покаяніе. Особенно начинающіе, ищущіе, пробующіе себя люди находили источники бодрости и силы въ его совѣтахъ; онъ прямо принималъ ихъ въ полное общеніе съ собой, съ своей мыслью, что не мѣшало его разлагающему анализу производить подчасъ надъ ними очень мучительные психическіе эксперименты и операціи. Говорить ли о странной аномаліи? Онъ самъ чувствовалъ эту струну добродушія въ себѣ и принималъ мѣры, чтобы она звучала не слишкомъ явственно. Самолюбіе его, словно, было оскорблено при мысли, что, кромѣ ума и способностей, у него могутъ еще подмѣтить и доброту сердца» («Литературныя воспоминанія», 241, 237—238, 238—240).

18. «Европеецъ» выходилъ въ 1832 г., успѣвъ выпустить только два номера; третій въ неполномъ видѣ составляетъ большую библиографическую рѣдкость; между прочимъ, имѣется въ Академіи Наукъ. Въ № 1 И. Кирѣевскій помѣстилъ свою программную статью «Девятнадцатый вѣкъ», такъ и оставшуюся не оконченной. Принадлежа къ первымъ опытамъ философской конструкціи русской исторіи, статья эта указывала на отрѣшенность русскаго прошлаго отъ общаго хода всемірнаго историческаго развитія, какъ на результатъ недостатка у насъ духовной античной культуры. По мнѣнію будущаго славянофила, намъ необходимо было усвоеніе современнаго ему европейскаго романтическаго религіознаго настроенія, — необходимо, какъ непремѣнное условіе нашего всемірно-историческаго будущаго. Мѣсто этой работы Кирѣевскаго въ общемъ ходѣ развитія русской исторической мысли хорошо указано П. Н. Милюковымъ въ «Главныхъ теченіяхъ рус. истор. мысли». При содѣйствіи III Отдѣленія журналъ былъ прекращенъ, а Кирѣевскій зачисленъ въ разрядъ людей, «неблагомыслящихъ и неблагонадежныхъ». Подробности интересующіеся найдутъ въ моей книгѣ «Николаевскіе жандармы» etc.

19. Т. А. Астракова оставила также описание обстоятельств рожденія Николая, въ которыхъ снова примѣшала доктора Брока. Н. А.—на очень боялась родовъ послѣ трехъ подрядъ неудачныхъ исходовъ. Приглашенный заранѣе, по совѣту Кетчера, А. А. Альфонскій сумѣлъ ее успокоить и внушить ей увѣренность въ вполнѣ благополучный исходъ пятыхъ родовъ. Вотъ что писала она Т. А. Астраковой незадолго до рожденія Николая: «Мое сердце наболѣло, каждое прикосновеніе къ нему чувствительно; бываютъ минуты, что я спокойнѣе, бываютъ и такія, что я не знаю, что съ собой дѣлать. Безотвѣтная нелѣпость, отнявшая у меня троихъ дѣтей, пугаетъ меня. Смотрю на Сашу и думаю то же. То мнѣ кажется, что у меня чахотка; то думаю, что сама умру скоро... Все это такъ нелѣпо, такъ несвязно и такъ странно, страшно!!! Если бы мнѣ можно было наплакаться досыта, а этого рѣшительно нельзя. Бѣдный Александръ, при немъ у меня наворачиваются слезы, я ихъ глотаю—это тяжело. Временами такое состояніе проходитъ; временами и имъ будто весело, какъ будто наслаждаются жизнью. Не отвѣчай мнѣ на это письмо ни слова—какъ показать Александру?» (Пасекъ, II, 285—287).

352. ДИЛЕТАНТИЗМЪ ВЪ НАУКѢ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Мы живемъ на рубежѣ двухъ міровъ, — оттого особая тягость, затруднительность жизни для мыслящихъ людей. Старыя убѣжденія, все прошедшее міросозерцаніе потрясены, но они дороги сердцу. Новыя убѣжденія, многообъемлющія и великія, не успѣли еще принести плода; первые листы, почки пророчатъ могучіе цвѣты, но этихъ цвѣтовъ нѣтъ, и они чужды сердцу. Множество людей осталось безъ прошедшихъ убѣжденій и безъ настоящихъ. Другіе механически спутали долю того и другого и погрузились въ печальныя сумерки. Люди внѣшніе предаются въ такомъ случаѣ ежедневной суетѣ; люди созерцательные страдаютъ, во что бы ни стало ищутъ примиренія, потому что съ внутреннимъ раздоромъ, безъ краеугольнаго камня нравственному бытію человѣкъ не можетъ жить. Между тѣмъ всеобщее примиреніе въ сферѣ мышленія провозгласилось міру наукой. И жаждавшіе примиренія раздвоились. *Одни* не вѣрятъ наукѣ, не хотятъ ею заняться, не хотятъ обслѣдовать, почему она такъ говоритъ, не хотятъ итти ея труднымъ путемъ; «наболѣвшія души наши», говорятъ они, «требуютъ утѣшеній, а наука на горячія просьбы о хлѣбѣ подаетъ камни, на вопль и стонъ растерзаннаго сердца, на его плачь, молящій объ участіи, предлагаетъ холодный разумъ и общія формулы; въ логической неприступности своей она равно не удовлетворяетъ ни практическихъ людей, ни мистиковъ. Она намѣренно говоритъ языкомъ неудобопонятнымъ, чтобъ за лѣсомъ схоластики скрыть сухость основныхъ мыслей — elle n'a pas d'entrailles» ¹⁾. *Другіе*, совсѣмъ напротивъ, нашли внѣшнее прими-

¹⁾ У нея нѣтъ чувствительности.

реніе и отвѣтъ всему какимъ-то незаконнымъ процессомъ, усваивая себѣ букву науки и не касаясь до живого духа ея. Они до того поверхностны, что имъ кажется все ужасно легкимъ, на всякій вопросъ они знаютъ разрѣшеніе; когда слушаешь ихъ, то кажется, что наукѣ больше ничего не осталось дѣлать. У нихъ свой алькоранъ, они вѣрятъ въ него и цитируютъ мѣста, какъ послѣднее доказательство. Эти мохаммедане въ наукѣ чрезвычайно вредятъ ея успѣхамъ. Генрихъ IV говаривалъ: «лишь бы провидѣніе меня защитило отъ друзей, а съ врагами я самъ справлюсь»; такіе друзья науки, смѣшиваемые съ самой наукой, оправдываютъ ненависть враговъ ея, — и наука остается въ маломъ числѣ избранныхъ.

Но хотя бы она была въ одномъ человѣкѣ, она—фактъ, великое событіе не въ возможности, а въ дѣйствительности; отрицать событіе нельзя. Такого рода факты никогда не совершаются не въ свое время; время для науки настало, она достигла до истиннаго понятія своего; духу человѣческому, искусившемуся на всѣхъ ступеняхъ лѣстницы самопознанія, начала раскрываться истина въ стройномъ наукообразномъ организмѣ и притомъ въ живомъ организмѣ. За будущность науки нечего бояться. Но жаль поколѣнія, которое, имѣя, если не совершенное освѣщеніе дня, то навѣрное утреннюю зарю, страдаетъ во тьмѣ или тѣшится пустяками, оттого что стоитъ спиною къ востоку. За что изъяты стремящіеся отъ блага обоихъ міровъ: прошедшаго умершаго, вызываемаго ими иногда, но являющагося въ саванѣ, и настоящаго, для для нихъ не родившагося?

Массами философія теперь принята быть не можетъ. Философія, *какъ наука*, предполагаетъ извѣстную степень развитія самомышленія, безъ котораго нельзя подняться въ ея сферу. Массамъ вовсе недоступны безтѣлесныя умозрѣнія; ими принимается имѣющее плоть. А для того, чтобъ перейти во всеобщее сознаніе, потерявъ свой искусственный языкъ, и сдѣлаться достояніемъ площади и семьи, живоначальнымъ источникомъ дѣйствованія и взрѣнія всѣхъ и cadaго,—она слишкомъ юна, она не могла еще имѣть такого развитія въ жизни: ей много дѣла дома, въ сферѣ абстрактной; кромѣ философовъ-мохаммеданъ, никто не думаетъ, что въ наукѣ все совершенно, несмотря ни на выработанность формы, ни на полноту развертывающагося въ ней содержанія, ни на діалектическую методу, ясную и прозрачную для самой себя. Но если массамъ недоступна наука, то до нихъ не дошли и страданія душевнаго состоянія пустоты и натянутого, бѣснующагося піэтизма. Массы не внѣ истины; онѣ знаютъ ее божественнымъ откровеніемъ. Въ несчастномъ и безотрадномъ положеніи находятся люди, по-

павшіе въ промежутокъ между *естественною* простотою массъ и *разумной* простотою науки.

На первый случай да будетъ позволено намъ не разрушать на нѣкоторое время спокойствія и квіетизма, въ которомъ почиваютъ формалисты, и заняться исключительно врагами современной науки; ихъ мы понимаемъ подъ общимъ именемъ дилетантовъ и романтиковъ. Формалисты не страдаютъ, а эти больны,—имъ жить тошно.

Враговъ, собственно, наука въ Европѣ не имѣетъ, развѣ за исключеніемъ какихъ-нибудь кастъ, доживающихъ въ безсмысліи свой вѣкъ, да и тѣ такъ нелѣпы, что съ ними никто не говоритъ. Дилетанты вообще—тоже друзья науки, *nos amis les ennemis*¹⁾, какъ говоритъ Беранже, но не пріятели современному состоянію ея. Всѣ они чувствуютъ потребность пофилософствовать, но пофилософствовать, между прочимъ, легко и пріятно, въ извѣстныхъ границахъ; сюда принадлежатъ нѣжныя мечтательныя души, оскорбленныя положительною нашего вѣка; онѣ, жаждавшія вездѣ осуществленія своихъ милыхъ, но несбыточныхъ, фантазій, не находятъ ихъ и въ наукѣ, отворачиваются отъ нея и, сосредоточенныя въ тѣсныхъ сферахъ личныхъ упованій и надеждъ, бесплодно выдыхаются въ какую-то туманную даль. И, съ другой стороны, сюда принадлежатъ и истые поклонники позитивизма, потерявшіе духъ за подробностями и упорно остающіеся при разсудочныхъ теоріяхъ и аналитическихъ трупоразъятіяхъ. Наконецъ, толпа этого направленія составляется изъ людей, вышедшихъ изъ дѣтскаго возраста и вообразившихъ, что наука легка (въ ихъ смыслѣ), что стоитъ захотѣть знать—и узнаешь, а между тѣмъ наука имъ не далась; за это они и разсердились на нее; они не вынесли съ собою ни укрѣпленныхъ дарованій, ни постояннаго труда, ни желанія чѣмъ бы то ни было пожертвовать для истины. Они попробовали плодъ древа познанія и грустно повѣдали о кислотѣ и гнилости его, похожею на тѣхъ добрыхъ людей, которые со слезами рассказываютъ о порокахъ друга,—и имъ вѣрятъ добрые люди, потому что они друзья.

Возлѣ дилетантовъ доживаютъ свой вѣкъ романтики, запоздалые представители прошедшаго, глубоко скорбящіе объ умершемъ мірѣ, который имъ казался вѣчнымъ; они не хотятъ съ новымъ имѣть дѣла иначе, какъ съ копьемъ въ рукѣ; вѣрные преданію среднихъ вѣковъ, они похожи на Донъ-Кихота и скорбятъ о глубокомъ паденіи людей, завернувшись въ одежды печали и сѣтованія. Они, впрочемъ, готовы признать науку, но для этого требуютъ,

¹⁾ Наши друзья—недрузи.

чтобы наука признала за абсолютное, что Дульцинея Тобозская — первая красавица. Пришло время, въ которое должно безъ увлеченія и предразсудковъ смотрѣть на людей; начинается совершеннолѣтіе, и потому не одно сладкое должно высказываться, но и горькое. Надобно для того начать рѣчь противъ дилетантовъ науки, что они клеветуютъ на нее, и для того, что ихъ жаль; наконецъ, всего болѣе необходимо говорить о нихъ у насъ.

Одно изъ существеннѣйшихъ достоинствъ русскаго характера — чрезвычайная легкость принимать и усваивать себѣ плодъ чужого труда. И не только легко, но и ловко: въ этомъ состоитъ одна изъ гуманнѣйшихъ сторонъ нашего характера. Но это достоинство вмѣстѣ съ тѣмъ — и значительный недостатокъ: мы рѣдко имѣемъ способность выдержаннаго, глубокаго труда. Намъ понравилось загребать жаръ чужими руками; намъ показалось, что это въ порядкѣ вещей, чтобъ Европа кровью и потомъ вырабатывала каждую истину и открытіе: ей всѣ мученія тяжелой беременности, трудныхъ родовъ, изнурительнаго кормленія грудью, а дитя — намъ. Мы проглядѣли, что ребенокъ будетъ у насъ приемышь, что органической связи между нами и имъ нѣтъ..... Все шло хорошо. Но когда мы приблизились къ современной наукѣ, ея упорство должно было удивить насъ. Эта наука вездѣ дома, но только она нигдѣ не даетъ жатвы, гдѣ не посѣяна; она должна не только въ каждомъ принимающемъ народѣ, но въ каждой личности прозябнуть и возрасти. Намъ хотѣлось бы взять результатъ, поймать его, какъ ловятъ мухъ, и, раскрывая руку, мы или обманываемъ себя, думая, что абсолютное тутъ, или съ досадой видимъ, что рука пуста. Дѣло въ, томъ, что эта наука существуетъ, какъ наука, и тогда она имѣетъ великій результатъ; а результатъ отдѣльно вовсе не существуетъ; такъ голова живого человѣка кипитъ мыслями, пока шеей прикрѣплена къ туловищу, а безъ него она — пустая форма. Все это должно было удивить и оскорбить нашихъ дилетантовъ гораздо болѣе, нежели иностранныхъ, ибо у насъ гораздо менѣе развито понятіе науки и путей ея. Наши дилетанты съ плачемъ засвидѣтельствовали, что они обманулись въ коварной наукѣ Запада, что ея результаты темны, сбивчивы, хотя и есть порядочныя мысли, принадлежащія «такому-то и такому-то». Такія рѣчи у насъ вредны, потому что нѣтъ нелѣпости, обветшалости, которая не высказывалась бы нашими дилетантами съ увѣренностью, приводящею въ изумленіе, а слушающіе готовы вѣрить, оттого, что у насъ не установились самыя общія понятія о наукѣ; есть предварительныя истины, которыя въ Германіи, на примѣръ, впередъ идутъ, а у насъ нѣтъ. О нихъ тамъ уже никто не говоритъ, а у насъ никто еще

не говорилъ о нихъ. На Западѣ война противъ современной науки представляетъ извѣстные элементы духа народнаго, развившіеся вѣками и окрѣпнувшіе въ упрямой самобытности; имъ вспять итти не позволяютъ воспоминанія: таковы, напримѣръ, піэтисты въ Германіи, порожденные односторонностью протестантизма. Какъ ни жалко ихъ положеніе—быть изъятами изъ жизни современной,—но нельзя отрицать въ нихъ особый характеръ упругости и послѣдовательности, съ которой они ведутъ отчаянный бой. Наши дилетанты, если и принимаютъ эти чужеземныя болѣзни, то, не имѣя предшествующихъ фактовъ, они дивятъ поверхностностью и неразуміемъ. Имъ не стыдно отступить, потому что они еще не сдѣлали ни одного шага впередъ. Они были всегда праздношатающимися въ сѣняхъ храма науки, у нихъ нѣтъ своего дома. И если бъ они могли побѣдить восточную лѣнь и въ самомъ дѣлѣ обратить вниманіе на науку, они помирились бы съ нею. Но тутъ-то и бѣда. Мы сердимся на науку въ совершенныхъ годахъ такъ, какъ сердились на грамматику, будучи восьми лѣтъ. Трудность, темнота — главное обвиненіе; къ нему присовокупляются, какъ къ существенному, другія возраженія: піэтическія, моральныя, патріотическія, сентиментальныя. Гёте давнымъ давно сказалъ: «когда толкуютъ о темнотѣ книги, слѣдуетъ спросить, въ книгѣ ли темнота, или въ головѣ». Вообще ссылаться вѣчно на трудность — это что-то неблагопристойное, лѣнливое и не заслуживающее возраженія ¹⁾). Наука не достается безъ труда, правда; въ наукѣ нѣтъ другого способа приобрѣтенія, какъ въ потѣ лица; ни порывы, ни фантазіи, ни стремленіе всѣмъ сердцемъ не замѣняютъ труда. Но трудиться не хотятъ, а утѣшаются мыслью, что современная наука есть разработка матеріаловъ, что надобно нечеловѣческія усилія для того, чтобъ понять ее, и что скоро упадетъ съ неба или выйдетъ изъ-подъ земли другая, *легкая* наука.

«Трудность, непонятность!» А почему они знаютъ это? Развѣ внѣ науки можно знать степень ея трудности? развѣ наука не имѣетъ формальнаго начала, которое легко именно потому, что оно начало, какая-нибудь неразвитая всеобщность? Съ другой стороны, они правы, ссылаясь на непониманіе,—больше правы, нежели думаютъ. Если мы вникнемъ, почему, при всемъ желаніи, стремленіи къ истинѣ, многимъ наука не дается, то увидимъ, что существенная, главная, всеобщая причина одна: всѣ они *не понимаютъ* науки и не понимаютъ, чего хотятъ отъ нея. Скажутъ: для кого же

¹⁾ У насъ, пожалуй, есть и еще нелѣпѣе обвиненіе науки: зачѣмъ она употребляетъ *незнакомыя слова*. Кому незнакомыя??...—А. И. Г.

наука, если люди, ее любящие, стремящиеся къ ней, не понимаютъ ея? Стало быть, она, какъ алхимія, существуетъ только для адептовъ, имѣющихъ ключъ къ ея іероглифическому языку? Нѣтъ; современная наука можетъ быть понятна всякому, кто имѣетъ живую душу, самоотверженіе и подходитъ къ ней *просто*. Въ томъ-то и дѣло, что всѣ эти господа подходятъ къ ней *замысловато*, съ «задними мыслями», испытывая ее, дѣлая ей требованія и ничѣмъ не жертвуя для нея; и она для нихъ остается—хотя бы они были мудры, какъ змѣи — бессмысленнымъ формализмомъ, логическимъ *casse-tête* ¹⁾, не заключающимъ въ себѣ никакой сущности.

Отреченіе отъ личныхъ убѣжденій значитъ признаніе истины: доколѣ моя личность соперничаетъ съ нею, она ее ограничиваетъ, она ее гнетъ, выгибаетъ, подчиняетъ себѣ, повинувась одному своеволю. Сохраняющимъ личныя убѣжденія дорога не *истина*, а то, что они *называютъ* истиной. Они любятъ не науку, а именно туманное, неопредѣленное стремленіе къ ней, въ которомъ раздолье имъ мечтать и льстить себѣ. Эти искатели премудрости, каждый по своей тропинкѣ, такъ высоко оцѣнили свой подвигъ, такъ полюбили свою умную личность, что не могутъ поступиться ею. Было время, когда многое прощалось за одно стремленіе, за одну любовь къ наукѣ; это время миновало; нынче мало одной платонической любви: мы — реалисты, намъ надобно, чтобъ любовь становилась дѣйствіемъ. А что заставляетъ такъ упорно держаться личныхъ убѣжденій? Эгоизмъ. Эгоизмъ ненавидитъ всеобщее, онъ отрываетъ человѣка отъ человѣчества, ставитъ его въ исключительное положеніе; для него все чуждо, кромѣ своей личности. Онъ вездѣ носитъ съ собою свою злокачественную атмосферу, сквозь которую не проникнетъ свѣтлый лучъ, не изуродовавшись. Съ эгоизмомъ объ руку идетъ гордая надменность; книгу науки развертываютъ съ дерзкимъ легкомысліемъ. Уваженіе къ истинѣ—начало премудрости.

Положеніе философіи въ отношеніи къ ея любовникамъ не лучше положенія Пенелопы безъ Одиссея: ее никто не охраняетъ—ни формулы, ни фигуры, какъ математику, ни частоколы, воздвигаемые спеціальными науками около своихъ огородовъ. Чрезвычайная всеобъемлемость философіи даетъ ей видъ доступности извнѣ. Чѣмъ всеобъемлемѣе мысль и чѣмъ болѣе она держится во всеобщности, тѣмъ легче она для поверхностнаго разумѣнія, потому что частности содержанія не развиты въ ней и ихъ не подозреваютъ. Смотри съ берега на зеркальную поверхность моря, можно

¹⁾ Головоломка.

дивиться робости пловцовъ; спокойствіе волнъ заставляетъ забывать ихъ глубину и жадность, — онѣ кажутся хрусталемъ или льдомъ. Но пловецъ знаетъ, можно ли положиться на эту холодность и покой. Въ философіи, какъ въ морѣ, нѣтъ ни льда, ни хрустала: все движется, течетъ, живетъ, подъ каждой точкой одинакая глубина; въ ней, какъ въ горнилѣ, расплавляется все твердое, окаменѣлое, попавшееся въ ея безначальный и безконечный круговоротъ, и, какъ въ морѣ, поверхность гладка, спокойна, свѣтла, безпредѣльна и отражаетъ небо. Благодаря этому оптическому обману, дилетанты подходятъ храбро, безъ страха истины, безъ уваженія къ преемственному труду человѣчества, работавшаго около трехъ тысячъ лѣтъ, чтобы дойти до настоящаго развитія. Не спрашиваютъ дороги, скользятъ съ пренебреженіемъ по началу, полагая, что знаютъ его, не спрашиваютъ, чтò такое наука, чтò она должна дать, а требуютъ, чтобы она дала имъ то, чтò имъ вздумается спросить. Темное предчувствіе говоритъ, что философія должна разрѣшить все, примирить, успокоить; въ силу этого отъ нея требуютъ доказательствъ на свои убѣжденія, на всякія гипотезы, утѣшенія въ неудачахъ и богъ-вѣсть, чего не требуютъ. Строгій, удаленный отъ павоса и личностей, характеръ науки поражаетъ ихъ; они удивлены, обмануты въ ожиданіяхъ: ихъ заставляютъ трудиться тамъ, гдѣ они искали отдыха, и трудиться въ самомъ дѣлѣ. Наука перестаетъ имъ нравиться; они берутъ отдѣльные результаты, не имѣющіе никакого смысла въ той формѣ, въ которой они берутъ, привязываютъ ихъ къ позорному столбу и бичуютъ въ нихъ науку. Замѣтте, каждый считаетъ себя состоятельнымъ судьей, потому что каждый увѣренъ въ своемъ умѣ и въ превосходствѣ его надъ наукою, хотя бы онъ прочелъ одно введеніе. «Нѣтъ въ мірѣ чловѣка», говоритъ одинъ великій мыслитель, «который бы думалъ, что можно, не учась башмачному мастерству, шить башмаки, хотя у каждаго есть нога — мѣра башмаку. Философія не дѣлитъ даже этого права». Личныя убѣжденія—окончательное, безапелляціонное судилище. А они откуда взяты? Отъ родителей, нянекъ, школы, отъ добрыхъ и недобрыхъ людей и отъ своего сильнаго ума. «У всякаго свой умъ,—что за дѣло, какъ думаютъ другіе». Чтобы сказать это, когда рѣчь идетъ не о пустыхъ случайностяхъ ежедневной жизни, а о наукѣ, надобно быть или гениемъ, или безумнымъ. Гениевъ мало, а сентенція эта повторяется часто. Впрочемъ, хоть я понимаю возможность генія, предупреждающаго умъ современниковъ (напр., Коперникъ) такимъ образомъ, что истина съ его стороны въ противность общепринятому мнѣнію, но я не знаю ни одного великаго чловѣка, который сказалъ бы, что у всѣхъ людей умъ

самъ по себѣ, а у него самъ по себѣ. Все дѣло философіи и гражданственности—раскрыть во всѣхъ головахъ одинъ умъ. На единеніи умовъ зиждется все зданіе человѣчества; только въ низшихъ, мелкихъ и чисто животныхъ желаніяхъ люди распадаются. При этомъ надобно замѣтить, что сентенціи такого рода признаются только, когда рѣчь идетъ о философіи и эстетикѣ. Объективное значеніе другихъ наукъ, даже башмачнаго ремесла, давно признано. У всякаго своя философія, свой вкусъ. Добрымъ людямъ въ голову не приходитъ, что это значитъ самымъ положительнымъ образомъ отрицать философію и эстетику. Ибо что же за существованіе ихъ, если онѣ зависятъ и мѣняются отъ всякаго встрѣчнаго и поперечнаго? Причина одна: предметъ науки и искусства ни око не видитъ, ни зубъ не ѣметъ. Духъ—Протей; онъ для человѣка то, что человѣкъ понимаетъ подъ нимъ и насколько понимаетъ; совѣмъ не понимаетъ—его нѣтъ, но нѣтъ для *человѣка*, а не для человѣчества, не для себя. Юмъ, съ наивною *sui generis*, своего вѣка, говоритъ, читая какую-то гипотезу Бюффона: «Удивительно: я почти убѣжденъ въ достовѣрности его словъ, а онъ говоритъ о предметахъ, которыхъ глазъ *человѣческой* не видитъ». Для Юма, слѣдственно, духъ существовалъ только въ своемъ воплощеніи; критериумъ истины для него—носъ, уши, глаза и ротъ. Мудрено ли послѣ этого, что онъ отрицалъ каузальность (причинность)?

Другія науки гораздо счастливѣе философіи: у нихъ есть предметъ, непроницаемый въ пространствѣ и сущій во времени. Въ естествовѣдѣніи, напр., нельзя такъ играть, какъ въ философіи. Природа—царство видимаго закона; она не даетъ себя насиловать; она представляетъ улики и возраженія, которыя отрицать невозможно: ихъ глазъ видитъ, и ухо слышитъ. Занимающіеся безусловно покоряются, личность подавлена и является только въ гипотезахъ, обыкновенно не идущихъ къ дѣлу. Въ этомъ отношеніи матеріалисты стоятъ выше и могутъ служить примѣромъ мечтателямъ-дилетантамъ: матеріалисты поняли духъ въ природѣ и только, какъ природу, но передъ объективностью ея, несмотря на то, что въ ней нѣтъ истиннаго примиренія, склонились; оттого между ними являлись такіе мощные люди, какъ Бюффонъ, Кювье, Лапласъ и др. Какую теорію ни бросить, какимъ личнымъ убѣжденіемъ ни пожертвуетъ химикъ, если опытъ покажетъ другое? Ему не придетъ въ голову, что цинкъ ошибочно дѣйствуетъ, что селитряная кислота—нелѣпость. А между тѣмъ опытъ—бѣднѣйшее средство познанія. Онъ покоряется физическому факту; фактамъ духа и разума никто не считаетъ себя обязаннымъ покоряться; не даютъ себѣ труда уразумѣть ихъ, не признаютъ фактомъ. Къ философіи при-

ступаютъ съ своей маленькой философіей; въ этой маленькой, домашней, ручной философіи удовлетворены всѣ мечты, всѣ прихоти эгоистическаго воображенія. Какъ же не разсердиться, когда въ философіи-наукѣ всѣ эти мечты блѣднѣютъ передъ разумнымъ реализмомъ ея! Личность исчезаетъ въ царствѣ идеи въ то время, какъ жажда насладиться, упиться себялюбіемъ заставляетъ искать вездѣ себя и себя, какъ единичнаго, какъ этого. Въ наукѣ дилетанты находятъ одно всеобщее, — разумъ, мысль, по превосходству всеобщее; наука перешагнула за индивидуальности, за случайныя и временныя личности; она далеко оставила ихъ за собою, такъ что они незамѣтны изъ нея. Въ наукѣ царство совершеннѣтїа и свободы; слабые люди, предчувствуя эту свободу, трепещутъ; они боятся ступить безъ пѣстуна, безъ внѣшняго велѣнїа; въ наукѣ нѣкому оцѣнить ихъ подвига, похвалить, наградить; имъ кажется это ужасной пустотою, голова кружится, и они удаляются. Распадаясь съ наукой, они начинаютъ ссылаться на темное чувство свое, которое, хоть и никогда не приходитъ въ ясность, но не можетъ ошибиться. Чувство индивидуально: я чувствую, другой нѣтъ, — оба правы; доказательствъ не нужно, да они и невозможны; если-бъ была искра любви къ истинѣ въ самомъ дѣлѣ, разумѣется, ее не рѣшили бы провести подъ кавдинскія фуркулы чувствъ, фантазїи и капризовъ. Не сердце, а разумъ — судья истины. А разуму кто судья? Онъ самъ. Это — одна изъ непреодолимѣйшихъ трудностей для дилетантовъ; оттого они, приступая къ наукѣ, и ищутъ внѣ науки аршина, на который мѣрять ее; сюда принадлежитъ извѣстное нелѣпое правило: прежде, нежели начать мыслить, изслѣдовать орудїа мышленїа какимъ-то внѣшнимъ анализомъ.

При первомъ шагѣ дилетанты предъявляютъ допросные пункты, труднѣйшіе вопросы науки хотятъ впередъ узнать, чтобъ имѣть залогъ, чтò такое духъ, абсолютное... Да такъ, чтобъ опредѣленіе было коротко и ясно, т. е. дайте содержаніе всей науки въ нѣсколькихъ сентенціяхъ, — это была бы легкая наука! Чтò сказали бы о томъ человѣкѣ, который, собираясь заняться математикой, потребовалъ бы впередъ яснаго изложенїа диферинцированїа и интегрированїа, и при томъ на его собственномъ языкѣ? Въ специальныхъ наукахъ рѣдко услышите такіе вопросы: страхъ показаться невѣждой держитъ въ уздѣ. Въ философіи дѣло другое: тутъ никто не женируется! Предметы все знакомые — умъ, разумъ, идея и проч. У всякаго есть палата ума, разума и *не одна*, а *многo* идей. Я еще здѣсь предположилъ темную наслышку о результатахъ философіи, хотя и нельзя угадать, чтò именно допрашивающіе разумѣютъ подъ абсолютнымъ, духомъ и проч.; но болѣе отважные дилетанты идутъ

дальше; они дѣлаютъ вопросы, на которые рѣшительно нѣчего сказать, потому что вопросъ заключаетъ въ себѣ нелѣпость. Для того, чтобъ сдѣлать дѣльный вопросъ, надобно непременно быть сколько-нибудь знакому съ предметомъ, надобно обладать своего рода предугадывающею проницательностью. Между тѣмъ, когда наука молчитъ изъ снисхожденія или старается вмѣсто отвѣта показать невозможность требованія, ее обвиняютъ въ несостоятельности и въ употребленіи уловокъ.

Приведу для примѣра одинъ вопросъ, разнымъ образомъ, но чрезвычайно часто предлагаемый дилетантами: «какъ безвидное внутреннее превратилось въ видимое внѣшнее, и что оно было прежде существованія внѣшняго?» Наука потому не обязана на это отвѣчать, что она и не говорила, что два момента, существующіе, какъ внутреннее и внѣшнее, можно разъять такъ, чтобъ одинъ моментъ имѣлъ дѣйствительность безъ другого. Въ абстракціи, разумѣется, мы можемъ отдѣлить причину отъ дѣйствія, силу отъ проявленія, субстанцію отъ наружнаго. Но имъ не того хочется: имъ хочется *освободить* сущность, внутреннее такъ, чтобъ можно было посмотрѣть на него; они хотятъ какого-то предметнаго существованія его, забывая, что предметное существованіе внутренняго есть именно внѣшнее; внутреннее, не имѣющее внѣшняго, просто—безразличное ничто.

Nichts ist drinnen, nichts ist draussen:

Denn was innen, das ist aussen. ¹⁾

(Goethe).

Словомъ, внѣшнее есть обнаруженное внутреннее, и внутреннее потому внутреннее, что имѣетъ свое внѣшнее. Внутреннее безъ внѣшняго — какая-то дурная возможность, потому что нѣтъ ему проявленія; внѣшнее безъ внутренняго — бессмысленная форма, не имѣющая содержанія. Такимъ объясненіемъ дилетанты недовольны: у нихъ кроется мысль, что во внутреннемъ спрятана тайна, которая разуму непостижима, а между тѣмъ вся сущность его въ томъ только и состоитъ, чтобъ *обнаружиться*, — и для чего, для кого была бы эта *тайная тайна*? Безконечное, безначальное отношеніе двухъ моментовъ, другъ друга опредѣляющихъ, другъ въ друга *утягивающихъ*, такъ сказать, составляютъ жизнь истины; въ этихъ вѣчныхъ переливахъ, въ этомъ вѣчномъ движеніи, въ которое увле-

¹⁾ Нѣтъ ничего внутри, нѣтъ ничего и внѣ, ибо то, что внутри, есть и внѣшнее. Гете.

чено все сущее, живетъ истина: это—ея вдыханіе и выдыханіе, ея систола и діастола. Но истина жива, какъ все органически живое, только какъ цѣлостность; при разъятіи на части, душа ея отлетаетъ, и остаются мертвыя абстракціи съ запахомъ трупa. Но живое движеніе, это всемірное діалектическое біеніе пульса, находитъ чрезвычайное сопротивленіе со стороны дилетантовъ. Они не могутъ допустить, чтобъ *порядочная* истина, не сдѣлавшись нелѣпостью, могла перейти въ противоположное. Разумѣется, что внѣ науки нельзя передать ясно и отчетливо необходимость вѣчнаго, неуловимаго перехода внутренняго во внѣшнее, такъ что наружное есть внутреннее, а внутреннее—наружное. Но причина, почему именно такіе выводы философіи возмущаютъ, очевидна. Разсудочныя теоріи пріучили людей до такой степени къ анатомическому способу, что только неподвижное, мертвое, т. е. не истинное, они считаютъ за истину, заставляють мысль оледениться, застыть въ какомъ-нибудь одностороннемъ опредѣленіи, полагая, что въ этомъ омертвѣломъ состояніи легче разобрать ее. Встарь учились фізіологіи въ анатомическомъ театрѣ: оттого наука о жизни такъ далеко отстоитъ отъ науки о трупѣ. Какъ только взять одинъ моментъ, невидимая сила влечетъ въ противоположный; это—первое жизненное сотрясеніе мысли: субстанція влечетъ къ проявленію, безконечное—къ конечному; они такъ необходимы другъ другу, какъ полюсы магнита. Но недовѣрчивые и осторожные пыталели хотятъ раздѣлить полюсы: безъ полюсовъ магнита нѣтъ; какъ только они вонзають скальпель, требуя *тою или другою*,—дѣлается разъятіе нераздѣльнаго, и остаются двѣ мертвыя абстракціи, кровь застываетъ, движеніе остановлено. Да пусть бы знали, что то или другое отдѣльно—абстракціи, такъ, какъ математикъ, отвлекая линію отъ площади и площадь отъ тѣла, знаетъ, что реально одно тѣло, а линія и площадь—абстракціи ¹⁾). Нѣтъ, эти люди, не понимающіе объективности разума, отрицающіе ее, именно тутъ требуютъ незаконной объективности, дѣйствительности своимъ отвлеченностямъ.

¹⁾ Вообще, математика, несмотря на то, что предметъ ея, по превосходству, мертвъ и формаленъ, отдѣлилась отъ сухого *то или другое*. Что такое дифференціалъ? — безконечно малая величина; стало быть, или онъ имѣетъ величину, и въ такомъ случаѣ это—величина конечная, или не имѣетъ никакой величины, въ такомъ случаѣ онъ—нуль. Но Лейбницъ и Ньютонъ постигли шире и приняли сосуществованіе бытія и небытія, начальное движеніе возникновенія, переливъ отъ ничего къ чему-нибудь. Результаты теоріи безконечно-малыхъ извѣстны. Далѣе, математика не испугалась ни отрицательныхъ величинъ, ни несоизмѣримости, ни безконечно-великаго, ни мнимыхъ корней. А разумѣется, все это падаетъ въ прахъ передъ узенькимъ разсудочнымъ «то или другое».—А. И. Г.

Здѣсь время напомнить третье условіе пониманія науки, о которомъ было сказано,—*живую душу*. Только живой душой понимаются живыя истины; у нея нѣтъ ни пустого внутри формализма, на который она растягиваетъ истину, какъ на прокрустовомъ ложѣ, ни твердыхъ застылыхъ мыслей, отъ которыхъ отступить не можетъ. Эти застылыя мысли составляютъ массу аксіомъ и теоремъ, которая впередъ идетъ, когда приступаютъ къ философіи; съ ихъ помощью составляются готовые понятія, опредѣленія, богъ-вѣсть на чемъ основанныя, безъ всякой связи между собою. Начать знаніе надобно съ того, чтобъ забыть всѣ эти сбивчивыя, невѣрные понятія; они вводятъ въ обманъ; извѣстнымъ полагается именно то, что неизвѣстно; надобно смерти и уничтоженію предоставить мертвыхъ, отказаться отъ всѣхъ неподвижныхъ привидѣній. Живая душа имѣетъ симпатію къ живому, какое-то ясновидѣніе облегчаетъ ей путь, она трепещетъ, вступая въ область, родную ей, и скоро знакомится съ нею. Конечно, наука не имѣетъ такихъ торжественныхъ пропилей, какъ религія. Путь достиженія къ наукѣ идетъ, по видимому, бесплодной степью; это отталкиваетъ нѣкоторыхъ. Потери видны, приобрѣтеній нѣтъ; поднимаемся въ какую-то разрѣженную среду, въ какой-то міръ безплотныхъ абстракцій, важная торжественность кажется суровою холодностью; съ каждымъ шагомъ уносишься болѣе и болѣе въ это воздушное море; становится *страшно просторно*, тяжело дышать и безотрадно, берега отдаляются, исчезаютъ,—съ ними исчезаютъ всѣ образы, навѣянные мечтами, съ которыми сжилось сердце; ужасъ объемлетъ душу: *Lasciate ogni speranza voi ch'entrate!*¹⁾ Гдѣ бросить якорь? Все разрѣжается, теряетъ твердость, улетучивается. Но вскорѣ раздается громкій голосъ, говорящій, подобно Юлію Цезарю: «чего боишься? ты *меня* везешь!» Этотъ Цезарь—безконечный духъ, живущій въ груди человѣка; въ ту минуту, какъ отчаяніе готово вступить въ права свои, онъ встrepенулся; духъ найдется въ этомъ мірѣ: это его родина, та, къ которой онъ стремился и звуками, и статуями, и пѣснопѣніями, по которой страдалъ, это *Jenseits*, къ которому онъ рвался изъ тѣсной груди; еще шагъ—и міръ начинаетъ возвращаться; но онъ не чужой уже: наука даетъ на него инвестиру. Поблекли мечты, основанныя на раздраженной фантазіи, чрезъ посредство которой духъ прорывался къ знанію; но зато дѣйствительность просвѣтлѣла, взоръ проникаетъ глубоко и видитъ, что нѣтъ тайны, которую хранили бы сфинксы и грифы, что внутренняя сущность готова раскрыться дерзающему. Но за мечты именно

¹⁾ «Оставьте всякую надежду, вы, сюда входящіе». Данте.

и держатся всего болѣе дилетанты. Они не могутъ найти силъ перенести съ самоотверженіемъ начала и дойти до той оборотной точки, съ которой боль скептицизма и лишеній замѣняется предчувствіемъ знанія успокоеннаго. Они знаютъ, что боготворимыя мечты, всѣ идеалы ихъ какъ-то не истинны, чувствуютъ неловкость, несвязность и остаются при этой неловкости, *могутъ* остаться. Но человѣкъ, поднявшійся до современности, съ живой душой, не можетъ удовлетвориться внѣ науки. Глубоко пристрадавъ пустоту субъективныхъ убѣжденій, постучавшись во всѣ двери, чтобъ утолить жгучую жажду возбужденнаго духа, и нигдѣ не находя истиннаго отвѣта, измученный скептицизмомъ, обманутый жизнью, онъ идетъ нагой, бѣдный, одинокій, и бросается въ науку.

«Неужели онъ страдательно склонится подъ ярмо чужого авторитета?» Наука не требуетъ ничего впередъ, не даетъ никакихъ началъ на вѣру, и какія начала у нея, которыя впередъ можно было бы передать? Ея начала, это—конецъ ея, это послѣднее слово, итогъ всего движенія, до нихъ она достигаетъ; самое развитіе ихъ есть неопровержимое доказательство. Если же подъ началомъ разумѣть первую страницу, то въ ней истины науки потому не можетъ быть, что она—первая страница, и все развитіе еще впереди. Наука начинается съ какого-нибудь общаго мѣста, а не съ изложенія своего *profession de foi*. Она не говоритъ: «допусти то и то, а я тебѣ дамъ истину, спрятанную у меня, ты можешь получить ее, рабски повинувась»; въ отношеніи къ лицу, она только направляетъ внутренній процессъ развитія, прививаетъ индивидуальности совершенное родомъ, приобщаетъ ее къ современности; она сама есть процессъ углубленія въ себя природы и развитіе полного сознанія космоса о себѣ; ею вселенная *приходитъ въ себя* послѣ бореній матеріальнаго бытія, жизни, погруженной въ непосредственность. Его фантастическое упоеніе *образнаю* вѣдѣнія становится, по выраженію Аристотеля, *трезвымъ знаніемъ*. Но для того, чтобъ достигнуть дѣйствительно до трезвости, надобенъ былъ трудъ 3.000 лѣтъ. Сколько прожилъ скорбнаго, страдалъ, унывалъ, лилъ слезъ и крови духъ человѣчества, пока отрѣшилъ мышленіе отъ всего временнаго и односторонняго и началъ понимать себя сознательной сущностью міра! Величественную и огромную эпопею исторіи надобно было прожить человѣчеству, чтобъ *великій поэтъ*, опередившій свою эпоху и предзнавшій нашу, могъ спросить:

Ist nicht der Kern der Natur
Menschen im Herzen? ¹⁾

¹⁾ Развѣ зерно природы—не въ человѣческомъ сердцѣ?

О какомъ чужомъ авторитетѣ говорятъ дилетанты? гдѣ возможность его въ наукѣ? Дѣло въ томъ, что они науку принимаютъ не за послѣдовательное развитіе разума и самопознанія, а за разные опыты, выдуманные разными особами въ разные времена безъ связи и отношенія между собою. Они не могутъ понять, что истина не зависитъ отъ личности трудящихся, что они—только органы развивающейся истины; они не могутъ никакъ постигнуть ея высокое объективное достоинство; имъ все кажется, что это субъективные помыслы и капризы. Наука имѣетъ свою автономію и свой генезисъ; свободная, она не зависитъ отъ авторитетовъ; освобождающая, она не подчиняетъ авторитетамъ. Но, въ самомъ дѣлѣ, она имѣетъ право требовать впередъ настолько довѣрія и уваженія, чтобъ къ ней не приступали съ заготовленными скептическими и мистическими возраженіями, потому что и они—добровольныя принятія навѣру. Гдѣ, по какому праву, на чемъ основываясь, заготовляютъ возраженія на науку внѣ ея? Откуда эта твердая масса, отталкивающая свѣтъ? Въ душѣ, чистой отъ предразсудковъ, наука можетъ опереться на свидѣтельство духа о своемъ достоинствѣ, о своей возможности развитъ въ себѣ истину; отъ этого зависитъ смѣлость знать, святая дерзость сорвать завѣсу съ Изиды и вперить горящій взоръ на обнаженную истину, хотя бы то стоило жизни, лучшихъ упованій.

Но какая эта истина, которую намъ обѣщаютъ за покрываломъ?... Въ самомъ дѣлѣ, *какая?* Тѣ, которые желали ее пламенно, скорбѣли и лили слезы по ней, тайкомъ заглянули и были поражены,—кто страхомъ, кто негодованіемъ. Бѣдная истина! Хорошо, что древніе ваяли покрывало изъ мрамора: его нельзя было поднять; глаза людей недостаточно окрѣпли, чтобъ вынести ея черты. Или *не той* истины хотѣли они? А сколько же истинъ? Люди добрые, разсудочные знаютъ *мною*, очень много истинъ, но *одна* истина имъ недоступна; какой-то оптической обманъ представляетъ имъ истину въ уродливомъ видѣ и притомъ каждому на свой ладъ. Если собрать обвиненія, непрерывно слышимыя, когда рѣчь идетъ о наукѣ, т. е. о истинѣ, раскрывающейся въ правильномъ организмѣ, то можно, употребляя извѣстное средство астрономіи для полученія истиннаго мѣста свѣтила, наблюдаемаго съ разныхъ точекъ, т. е. вычитывая противоположные углы (теорія параллаксовъ), вывести справедливое заключеніе. Одни говорятъ—атеизмъ, другіе—пантеизмъ; одни говорятъ—трудность, ужасная трудность; другіе—пустота, просто ничего нѣтъ. Матеріалисты улыбаются надъ мечтательнымъ идеализмомъ науки; идеалисты находятъ въ анализмѣ науки хитро скрытый матеріализмъ. Піэтисты убѣждены, что современная наука безрелигіознѣ Эразма, Вольтера и Гольбаха съ компаніей, и считаютъ

ее вреднѣе вольтеріанизма. Люди не религіозные упрекають науку въ ортодоксіи. И, главное—всѣ недовольны, требуютъ опять завѣсы. Кого поразилъ свѣтъ, кого простота, кому стыдно стало наготы истины, кому черты ея не понравились, потому что въ нихъ много земного. Всѣ обманулись, а обманулись оттого, что хотѣли не истины.

Но дѣло сдѣлано. Событіе вспять не пойдетъ; однажды начавъ разоблачаться и показавъ намъ торсъ поразительной прелести, истина не надѣнетъ снова покрывала изъ ложнаго стыда; она знаетъ силу, славу и красоту наготы своей.

1842, апрѣля 25.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Дилетанты-романтики.

Оставимъ мертвымъ погребать мертвыхъ.

Есть вопросы, до которыхъ никто болѣе не касается не потому, чтобъ они были рѣшены, а потому что надоѣли; не сговариваясь, соглашаются ихъ считать непонятными, прошедшими, лишенными интереса и молчать объ нихъ. Но время отъ времени полезно заглядывать въ эти архивы мнимо-рѣшенныхъ дѣлъ; послѣдовательно оглядываясь, мы смотримъ на прошедшее всякій разъ иначе; всякій разъ разглядываемъ въ немъ новую сторону, всякій разъ прибавляемъ къ уразумѣнію его весь опытъ вновь пройденнаго пути. Полнѣе сознавая прошедшее, мы уясняемъ современное; глубже опускаясь въ смыслъ былого, раскрываемъ смыслъ будущаго; глядя назадъ, шагаемъ впередъ; наконецъ, и для того полезно перетрясти ветошь, чтобъ узнать, сколько ея истлѣло и сколько осталось на костяхъ.

Одно изъ такихъ дѣлъ, которое, выражаясь судейскимъ слогомъ, зачислено рѣшеннымъ впредь до востребованія,—дѣло, недавно поступившее въ архивъ,—тяжба романтизма и классицизма, такъ волновавшая умы и сердца въ первую четверть нашего вѣка (даже и ближе); тяжба этихъ возставшихъ изъ гроба сошла съ ними вмѣстѣ второй разъ въ могилу, и нынче говорятъ всего менѣе о правахъ романтизма и его боѣ съ классиками, хотя и остались въ живыхъ многіе изъ закоснѣлыхъ поклонниковъ и непримиримыхъ враговъ его.

А давно ли этотъ бой, шумно начавшійся, блисталъ во всей красѣ? Много было талантовъ на аренѣ; общественный голосъ участвовалъ живо, дѣятельно; нынче избитыя имена «классикъ» «романтикъ» были многозначительны, — и вдругъ все замолкло; интересъ, окружавшій сражавшихся, исчезъ; зрители догадались, что и тѣ, и другіе сражаются за мертвыхъ; мертвецы вполнѣ заслужили тризны и мавзолеи, — они оставили намъ богатые наслѣдія, которыя стяжали въ кровавомъ потѣ, страданіяхъ, тяжкомъ трудѣ, — но борются за нихъ безцѣльно. Нѣтъ въ мірѣ неблагодарнѣе занятія, какъ сражаться за покойниковъ: завоевываютъ тронъ, забывая, что некого посадить на него, потому что царь умеръ. Когда бойцы увидѣли, что они лишились участія, — ихъ жаръ простылъ. Одни упорные и ограниченные люди остались на полѣ битвы въ полномъ вооруженіи, похожіе на теперешнихъ бонапартистовъ, отстаивающихъ права великой тѣни, но все же тѣни.

Борьба эта, будто, явилась съ того свѣта, чтобъ присутствовать при вступленіи въ отрочество новаго міра, передать ему владычество отъ имени двухъ предшествовавшихъ, отъ имени отца и дѣда, и увидѣть, что для мертвыхъ нѣтъ больше владѣній въ мірѣ жизни. Фактическое явленіе романтизма и классицизма, въ видѣ двухъ исключительныхъ школъ, было слѣдствіемъ страннаго состоянія умовъ лѣтъ за тридцать тому назадъ. Когда народы успокоились послѣ пятнадцати первыхъ лѣтъ нашего вѣка, и жизнь потекла обычнымъ русломъ, тогда лишь увидѣли, сколько изъ существовавшаго порядка вещей, не замѣненнаго новымъ, потеряно и сломано. Въ разгромѣ революціи и императорства некогда было прійти въ себя. Сердца и умы наполнились скукой и пустотой, раскаяніемъ и отчаяніемъ, обманутыми надеждами и разочарованіемъ, жаждой вѣры и скептицизмомъ. Пѣвецъ этой эпохи — Байронъ, мрачный, скептической, поэтъ отрицанья и глубокаго разрыва съ современностью, падшій ангелъ, какъ называлъ его Гете. Франція, главный театръ событій переворота, всего болѣе страдала. Религія была въ упадкѣ, политическія вѣрованія исчезли, всѣ направленія, самыя противоположныя, были оскорблены эклектизмомъ первыхъ годовъ реставраціи. Спасаясь отъ тягости настоящаго, отыскивая вездѣ выхода, Франція впервые иными глазами взглянула на прошедшее. Воспоминаніе челоуѣчества — своего рода небесное чистилище; бывое воскресаетъ въ немъ просвѣтленнымъ духомъ, отъ котораго отпало все темное, дурное. Когда Франція увидѣла великую тѣнь преображенныхъ среднихъ вѣковъ съ ихъ увлекательнымъ характеромъ единства, вѣрованія, рыцарской доблести и удали и увидѣла очищенную отъ дерзкаго своеволя и наглої несправедливости, отъ всесторон-

нихъ противорѣчій, кое-какъ формально примиренныхъ, тогдашней жизни,—она, пренебрегавшая дотолѣ всѣмъ феодальнымъ, предалась неоромантизму. Шатобрианъ, романы Вальтеръ Скотта, знакомство съ Германіей и съ Англіей способствовали къ распространенію готическаго воззрѣнія на искусство и жизнь. Франція увлеклась готизмомъ такъ, какъ увлеклась античнымъ міромъ, по чрезвычайной воспріимчивости и живости, не опускаясь во всю глубину. Однако, не все покорилось романтизму: умы положительные, умы, сосавшіе всѣ соки свои изъ великихъ произведеній Греціи и Рима, прямые наслѣдники литературы Людовика XIV, Вольтера и Энциклопедіи, участники революціи и императорскихъ войнъ, односторонніе и упрямые въ своихъ началахъ, съ презрѣніемъ смотрѣли на юное поколѣніе, отрицающее ихъ въ пользу понятій, ими казенныхъ, какъ полагали, на вѣки. Романтизмъ, бродившій въ умахъ юнаго поколѣнія Франціи, братски встрѣтился съ зарейнскимъ романтизмомъ, разразившимся тогда же до высшаго предѣла. Въ характерѣ германскомъ было всегда что-то мистическое, натянуто восторженное, склонное къ спекуляціи и не менѣе склонное къ каббалистикѣ, это—лучшая почва для романтизма, и онъ не замедлилъ явиться въ полнѣйшемъ развитіи въ Германіи. Реформація, освободивъ преждевременно и односторонне умы германскіе, двинула ихъ въ поэтико-схоластическомъ, въ разсудочно-мистическомъ направленіи. Отклоненіе важное отъ истиннаго пути. Лейбницъ въ свое время замѣтилъ, что Германіи трудно будетъ отдѣлаться отъ этого направленія, которое, прибавимъ мы, оставило слѣды въ твореніяхъ самого Лейбница. Эпоха неестественнаго классицизма и галломаніи, на время прикрывшая національные элементы, не могла произвести важнаго вліянія: эта литература не имѣла отголоска въ народѣ. Богъ знаетъ, для кого она говорила и чью мысль высказывала. Болѣе истинное, несравненно глубочайшее вліяніе произвела литературная эпоха, начавшаяся съ Лессинга: космополитическая и совершеннолѣтняя, она старалась развить національные элементы въ общечеловѣческіе; это была великая задача и Гердера, и Канта, и Шиллера, и Гете. Но задача эта разрѣшалась на полѣ искусства и науки, отдѣляя китайскою стѣною общественную и семейную жизнь отъ интеллектуальной. Внутри Германіи была другая Германія—міръ ученыхъ и художниковъ; они не имѣли никакого истиннаго отношенія между собою. Народъ не понималъ своихъ учителей. Онъ по большей части остался на томъ мѣстѣ, на которомъ сѣлъ отдыхать послѣ Тридцатилѣтней войны. Исторія Германіи отъ Вестфальскаго мира до Наполеона имѣетъ одну страницу, именно ту, на которой писаны дѣянія Фридриха II. Наконецъ, Наполеонъ, тяжело

ударяя, добился практическихъ сторонъ духа германскаго, забытаго ея образователями, и тогда только бродившія внутри и усыпленные страсти подняли голову, и раздались какіе-то страшные голоса, полные фанатизма и мрачной любви къ отечеству. Феодальное возрѣніе среднихъ вѣковъ, приложенное нѣсколько къ нашимъ правамъ и одѣтое въ рыцарски-театральные костюмы, овладѣло умами. Мистицизмъ снова вошелъ въ моду; дикій огонь преслѣдованія блеснулъ въ глазахъ мирныхъ германцевъ, и фактически-реформаціонный міръ возвратился въ идеѣ къ католическому міросозерцанію. Величайшій романтикъ, Шлегель, потому что онъ лютеранинъ, перекрестился въ католицизмъ,—тутъ видна логика.

Ватерлоо рѣшило на первый случай, кому владѣть полемъ: Наполеону-классику или романтикамъ—Веллингтону и Блюхеру. Въ лицѣ Наполеона, императора французовъ и корсиканца, представителя классической цивилизаціи и романской Европы, германцы снова побѣдили Римъ и снова провозгласили торжество готическихъ идей. Романтизмъ торжествовалъ; классицизмъ былъ гонимъ: съ классицизмомъ сопрягались воспоминанія, которыя хотѣли забыть, а романтизмъ выкопалъ забытое, которое хотѣли вспомнить. Романтизмъ говорилъ безпрестанно, классицизмъ молчалъ; романтизмъ сражался со всѣмъ на свѣтѣ, какъ Донъ-Кихотъ, классицизмъ сидѣлъ съ спокойною важною римскаго сенатора. Но онъ не былъ мертвъ, какъ тѣ римскіе сенаторы, которыхъ галлы приняли за мертвецовъ: въ его рядахъ были недюжинные люди,—всѣ эти Бен-тамы, Ливингстоны, Тенары, Де-Кандоли, Берцелиусы, Лапласы, Сэи не были похожи на побѣжденныхъ, и веселія пѣсни Беранже раздавались въ стану классиковъ. Осыпаемые проклятіями романтиковъ, они молча отвѣчали громко то пароходами, то желѣзными дорогами, то цѣлыми отраслями науки, вновь разработанными, какъ геогнозія, политическая экономія, сравнительная анатомія, то рядомъ машинъ, которыми они отрѣшали человѣка отъ тяжкихъ работъ. Романтики смотрѣли съ пренебреженіемъ на эти труды, унижали всѣми средствами всякое практическое занятіе, находили печать проклятія въ матеріальномъ направленіи вѣка и проглядѣли, смотря съ своей колокольни, всю поэзію индустріальной дѣятельности, такъ грандіозно развертывавшейся, напримѣръ, въ Сѣверной Америкѣ.

Пока классицизмъ и романтизмъ воевали, одинъ, обращая міръ въ античную форму, другой—въ рыцарство, возросло болѣе и болѣе *нѣчто* сильное, могучее; оно прошло между ними, и они не узнали властителя по царственному виду его; оно оперлось однимъ локтемъ на классиковъ, другимъ на романтиковъ, и стало

выше ихъ, — какъ «власть имущее»; признало тѣхъ и другихъ и отрелось отъ нихъ обоихъ; это была внутренняя мысль, живая Психея современнаго намъ міра. Ей, рожденной среди молній и громовыхъ ударовъ отчаяннаго боя католицизма и реформаци, ей, вступившей въ отрочество среди молній и громовыхъ ударовъ другой борьбы, не годились чужія платья: у ней были выработаны свои. Ни классицизмъ, ни романтизмъ долгое время не подозрѣвали существованія этой третьей власти. Сперва и тотъ и другой приняли его за своего сообщника (такъ, напримѣръ, романтизмъ мечталъ, не говоря уже о Вальтеръ Скоттѣ, что въ его рядахъ Гете, Шиллеръ, Байронъ). Наконецъ, и классицизмъ и романтизмъ признали, что между ними есть что-то другое, далекое отъ того, чтобъ помогать имъ; не мирясь между собой, они опрокинулись на новое направленіе. Тогда была рѣшена ихъ участь.

Мечтательный романтизмъ сталъ *ненавидѣть* новое направленіе за его *реализмъ!*

Щупающій пальцами классицизмъ сталъ *презирать* его за *идеализмъ!*

Классики, вѣрные преданіямъ древняго міра, съ гордой вѣротерпимостью и съ сардонической улыбкой посматривали на идеологовъ и, чрезвычайно занятые опытами, спеціальными предметами, рѣдко являлись на арену. По справедливости, ихъ не должно считать врагами нашего вѣка. Это большею частью люди практическихъ интересовъ жизни, утилитаризма. Новое направленіе такъ недавно стало выступать изъ школы, его занятія казались не прилагаемы, не развиваемы въ жизнь, — они отвергали его, какъ ненужное. Романтики, столь же вѣрные преданіямъ феодализма, съ дикой нетерпимостью не сходили съ арены; то былъ бой на смерть, отчаянный и злой; они готовы были воздвигнуть костры и завести инквизицію для окончанія спора; горькое сознаніе, что ихъ не слушаютъ, что ихъ игра потеряна, раздувало закоснѣлый духъ преслѣдованія, и доселѣ они не смирились. А при всемъ томъ, каждый день, каждый часъ яснѣе и яснѣе показываетъ, что человѣчество не хочетъ больше ни классиковъ, ни романтиковъ, — хочетъ людей, и людей современныхъ, а на другихъ смотритъ, какъ на гостей въ маскарадѣ, зная, что когда пойдутъ ужинать, маски снимутъ и подъ уродливыми чужими чертами откроются знакомыя, родственныя черты. Хотя и есть люди, которые не ужинаютъ для того, чтобъ не снимать масокъ, но ужъ нѣтъ больше дѣтей, которыя бы боялись замаскированныхъ. Возникшій бой былъ гибеленъ для обѣихъ сторонъ; несостоятельность классицизма, невозможность романтизма обличались; по мѣрѣ ближайшаго знакомства съ ними рас-

крылось ихъ неестественное, анахронистическое появленіе, и лучшіе умы той эпохи остались непричастны войнѣ оборотней, несмотря на весь шумъ, поднятый ими. А было время, когда классицизмъ и романтизмъ были живы, истинны и прекрасны, необходимы и глубоко-человѣчественны. Было... «Пользу или вредъ принесло папство?»—спросилъ наивный Ласъ-Казъ у Наполеона. «Я не знаю, что сказать,—отвѣчалъ отставной императоръ:—оно было полезно и необходимо въ свое время, оно было вредно въ другое». Такова судьба всего, являющагося во времени. Классицизмъ и романтизмъ принадлежатъ двумъ великимъ прошедшимъ; съ какимъ бы усиленіемъ ихъ ни воскрешали, они останутся тѣнями усопшихъ, которымъ нѣтъ мѣста въ современномъ мірѣ. Классицизмъ принадлежитъ міру древнему такъ, какъ романтизмъ—среднимъ вѣкамъ. Исключительнаго владѣнія въ настоящемъ они имѣть не могутъ, потому что настоящее нисколько не похоже ни на древній міръ, ни на средній. Для доказательства достаточно бросить самый бѣглый взглядъ на нихъ.

Греко-римскій міръ былъ, по превосходству, реалистическій; онъ любилъ и уважалъ природу, онъ жилъ съ нею заодно, онъ считалъ высшимъ благомъ существовать; космосъ былъ для него истина, за предѣлами которой онъ ничего не видалъ, и космосъ ему довлѣлъ именно потому, что требованія были ограничены. Отъ природы и чрезъ нее достигалъ древній міръ до духа и оттого не достигъ до единого духа. Природа есть именно существованіе идеи въ многообразіи; единство, понятное древними, была необходимость, фатумъ, тайная, міродержавная сила, неотразимая для земли и для Олимпа; такъ природа подчинена законамъ необходимымъ, которыхъ ключъ *въ ней, но не для нея*. Космогонія грековъ начинается хаосомъ и развивается въ олимпійскую федерацію боговъ, подъ диктатурою Зевса; не дойдя до единства, они, республиканцы, охотно остановились на этомъ республиканскомъ управленіи вселенной. Антропоморфизмъ поставилъ боговъ очень близко къ людямъ. Грекъ, одаренный высокимъ эстетическимъ чувствомъ, прекрасно постигнулъ *выразительность внѣшнюю*, тайну формы; божественное для него существовало облеченнымъ въ человѣческую красоту; въ ней обоготворялась ему природа, и далѣе этой красоты онъ не шелъ. Въ этой жизни заодно съ природой была увлекательная прелесть и легкость существованія. Люди были довольны жизнью. Ни въ какое время не были такъ художественно уравновѣшены элементы души человѣческой. Дальнѣйшее развитіе духа было необходимымъ шагомъ впередъ, но оно не могло иначе быть, какъ на счетъ плоти, тѣла, формы: оно было выше, но должно было пожертвовать ан-

тичной граціей. Жизнь людей въ цвѣтущую эпоху древняго міра была безпечно ясна, какъ жизнь природы. Неопредѣленная тоска, мучительныя углубленія въ себя, болѣзненный эгоизмъ для нихъ не существовали. Они страдали отъ реальныхъ причинъ, лили слезы отъ истинныхъ потерь. Личность индивидуума терялась въ гражданинѣ, а гражданинъ былъ органъ, атомъ другой, священной, обоготворяемой личности—личности города. Трепетали не за свое «я», а за «я» Аѳинъ, Спарты, Рима: таково было широкое, вольное воззрѣніе греко-римскаго міра, человѣчески прекрасное *въ своихъ границахъ*. Оно должно было уступить иному воззрѣнію, потому что оно было ограничено. Древній міръ поставилъ внѣшнее на одну доску съ внутреннимъ; такъ оно и есть въ природѣ, но не такъ въ истинѣ,—духъ господствуетъ надъ формой. Греки думали, что они *вываяли* все, что находится въ душѣ человѣческой; но въ ней осталась бездна требованій, усыпленныхъ, не развитыхъ еще, для которыхъ рѣзецъ несостоятеленъ; они поглотили всеобщимъ личностью, городомъ—гражданина, гражданиномъ—человѣка, но личность имѣла свои неотъемлемыя права и, по закону возмездія, кончилось тѣмъ, что индивидуальная, случайная личность императоровъ римскихъ поглотила городъ городовъ. Апостольскій Нероновъ, Клавдіевъ и деспотизмъ ихъ были ироническимъ отрицаніемъ одного изъ главнѣйшихъ началъ эллинскаго міра въ немъ самомъ. Тогда наступило время смерти для него и время рожденія иного міра. Но плодъ жизни эллино-римской не могъ и не долженъ былъ погибнуть для человѣчества. Онъ прозябалъ пятнадцать столѣтій для того, чтобъ германскій міръ имѣлъ время укрѣпить свою мысль и пріобрѣсти умѣніе воспользоваться имъ. Въ этотъ промежутокъ расцвѣлъ и поблекъ романтизмъ съ своей великой истиной и съ своей великой односторонностью.

Романтическое воззрѣніе не должно принимать ни за всеобщехристіанское, ни за чисто-христіанское: оно—почти исключительная принадлежность католицизма. Въ немъ, какъ во всемъ католическомъ, спаялись два начала: одно, почерпнутое изъ Евангелія, другое—народное, временное, болѣе всего германическое. Туманная, наклонная къ созерцанію и мистицизму фантазія германскихъ народовъ развернулась во всемъ своемъ безконечномъ характерѣ, принявъ въ себя и переработавъ христіанство; но съ тѣмъ вмѣстѣ она придала религіи національный цвѣтъ, и христіанство могло болѣе дать, нежели романтизмъ могъ взять; даже то, что было взято ею, взято односторонне, и развившись—развилось на счетъ остальныхъ сторонъ. Духъ, рвавшійся на небо изъ-подъ стрѣлокъ готическихъ соборовъ, былъ совершенно противоположенъ антич-

ному. Основа романтизма — спиритуализмъ, трансцендентность. Духъ и матерія для него не въ гармоническомъ развитіи, а въ борьбѣ, въ диссонансѣ. Природа — ложь, не истинное; все естественное отринуто. Духовная субстанція человѣка «краснѣла оттого, что тѣло бросаетъ тѣнь» ¹⁾). Жизнь, постигнувъ себя двойственностью, стала мучиться отъ внутренняго раздора и искала примиренія въ отреченіи одного изъ началъ. Постигнувъ свою безконечность, свое превосходство надъ природою, человѣкъ хотѣлъ пренебрегать ею, и индивидуальность, затерянная въ древнемъ мірѣ, получила безпредѣльныя права; раскрылись богатства души, о которыхъ тотъ міръ и не подозрѣвалъ. Цѣлью искусства сдѣлалась не красота, а одухотвореніе. Громкій смѣхъ пирующаго Олимпа прекратился; ждали со дня на день преставленія свѣта, вѣчность котораго была догматъ классическаго воззрѣнія. Все вмѣстѣ разливало что-то величественно-грустное на дѣйствія и мысли; но въ этой грусти была неодолимая прелесть темныхъ, неопредѣленныхъ, музыкальныхъ стремленій и упованій, потрясающихъ заповѣднѣйшія струны души человѣческой. Романтизмъ былъ прелестная роза, выросшая у подножія распятія, обвившаяся около него, но корни ея, какъ всякаго растенія, питались изъ земли. Этого романтизмъ знать не хотѣлъ; въ этомъ было для него свидѣтельство его низости, недостойнства, — онъ стремился отречься отъ корней своихъ. Романтизмъ безпрестанно плакалъ о тѣснотѣ груди человѣческой и никогда не могъ отрѣшиться отъ своихъ чувствъ, отъ своего сердца; онъ безпрестанно приносилъ себя въ жертву и требовалъ безконечнаго вознагражденія за свою жертву; романтизмъ обоготворялъ субъективность, предавая ее анаѹемѣ, и эта самая борьба мнимо примиренныхъ началъ придавала ему порывистый и мощно-увлекательный характеръ его.

Если мы забудемъ блестящій образъ среднихъ вѣковъ, какъ намъ втѣснила его романтическая школа, мы увидимъ въ нихъ противорѣчія самыя страшныя, примиренныя формально и свирѣпо раздирающія другъ друга на дѣлѣ. Вѣря въ божественное искупленіе, въ то же время принимали, что современный міръ и человѣкъ подъ непосредственнымъ гнѣвомъ божіимъ. Приписывая своей личности права безконечной свободы, отнимали всѣ человѣческія условія бытія у цѣлыхъ сословій; ихъ самоотверженіе было эгоизмомъ, ихъ молитва была корыстная просьба, ихъ воины были монахи, ихъ архіереи были военачальники; обоготворяемые ими женщины содержались, какъ узники; воздержанность отъ наслажденій невинныхъ

¹⁾ Данте, «Восходъ въ рай». — А. И. Г.

и преданность буйному разврату, слѣпая покорность и безпредѣльное своеволие. Только и рѣчи было, что о духѣ, о поспраніи плоти, о пренебреженіи всѣмъ земнымъ,—и ни въ какую эпоху страсти не бушевали необузданныѣ, и жизнь не была противоположныѣ убѣжденію и рѣчамъ, формализмомъ, уловками, себяобольщеніемъ примиряясь съ совѣстью (напр., покупая индульгенціи). То было время лжи явной, безстыдной. Свѣтская власть, признавая папу за пастыря, богомъ установленнаго, унижаясь передъ нимъ формально, вредила ему всѣми силами, безпрестанно повторяя о своемъ повиновеніи. Папа, рабъ рабовъ божіихъ, смиренный пастырь, отецъ духовный, стяжалъ богатства и матеріальныя силы. Въ такой жизни было что-то безумное и горячее. Долго человечество не могло оставаться въ этомъ неестественно-напряженномъ состояніи.

Истинная жизнь, не признанная, отринутая стала предъявлять свои права; сколько ни отворачивались отъ нея, устремляясь въ безконечную даль, голосъ жизни былъ громокъ и родствененъ человѣку; сердце и разумъ откликнулись на него. Вскорѣ къ нему присоединился другой сильный голосъ: классическій міръ возсталъ изъ мертвыхъ. Романскіе народы, въ которыхъ никогда и не погибала закваска римская, бросились съ восторгомъ на дѣдовское наслѣдіе. Движеніе, совершенно противоположное духу среднихъ вѣковъ, стало заявлять свое бытіе во всѣхъ областяхъ дѣятельности человеческой. Стремленіе отречься отъ прошедшаго, во что бы то ни стало, обнаружилось: захотѣли подышать на волѣ, пожить. Германія стала во главѣ реформы и, гордо поставивъ на знамени «право изслѣдованія», далеко была отъ того, чтобъ въ самомъ дѣлѣ признать это право. Германія устремила всѣ силы свои на борьбу съ католицизмомъ; сознательно-положительной цѣли въ этой борьбѣ не было. Она опередила классицизмъ романскихъ народовъ несвоевременно, и именно оттого впоследствии была обойдена. Отрекаясь отъ католицизма, Германія отвязывала послѣднюю нить, прикрѣпляющую ее къ землѣ. Католическій ритуалъ сводилъ небо на землю, а протестантская пустая церковь только указывала на небо. Стоитъ вспомнить склонный къ таинственному характеръ германцевъ, чтобъ понять сильное вліяніе реформации на нихъ. Мистицизмъ схоластическій, отрѣшающій человѣка отъ всякаго реализма, мистицизмъ, основанный на буквальномъ лжетолкованіи текстовъ въ десяти разныхъ смыслахъ, холодное безуміе у однихъ, разработанное съ страшной послѣдовательностью, фанатическій бредъ у другихъ, необузданный и тяжелый,—вотъ направленіе, въ которое впали германцы послѣ реформации.

Среди всего этого движенія новый міръ «нарождався»; его дыханіе стало замѣтно вездѣ. Храмомъ Петра въ Римѣ человѣчество торжественно отрелось отъ готической архитектуры. Браманте и Буонаротти лучше хотѣли нечистый стиль *de la renaissance*, нежели суровый оживы ¹⁾. Это очень понятно. Готизмъ, безъ сомнѣнія, въ эстетическомъ смыслѣ, отвлеченномъ отъ исторіи, несравненно выше стилия возстановленія ²⁾, рококо и другихъ, служившихъ переходомъ отъ готизма къ истинной реставраціи древняго зодчества. Но готизмъ, тѣсно связанный съ католицизмомъ среднихъ вѣковъ, съ католицизмомъ Григорія VII, рыцарства и феодальныхъ учрежденій, не могъ удовлетворить вновь развившимся потребностямъ жизни. Новый міръ требовалъ иной плоти; ему нужна была форма болѣе свѣтлая, не только *стремящаяся*, но и *наслаждающаяся*, не только подавляющая величіемъ, но и успокаивающая гармоніей. Обратились къ древнему міру; къ его искусству чувствовалась симпатія; хотѣли усвоить его зодчество, ясное, открытое, какъ чело юноши, гармоничное, «какъ остывшая музыка». Но много было прожито послѣ Рима и Греціи, и опытъ, глубоко запавшій въ душу, говорилъ въ то же время, что ни периптеръ грековъ, ни римская ротонда не выражаютъ всей идеи новаго вѣка. Тогда построили «Пантеонъ на Парѣнонѣ» ³⁾ и неопытные, боясь прямой линіи, исказили пилястрами, уступами и выступами античную простоту; переворотъ этотъ въ зодчествѣ былъ шагомъ назадъ искусства и шагомъ впередъ человѣчества. Своевременность его доказала вся Европа: всѣ богатые города построили свои храмы Петра. Готическія церкви оставили не достроенными для того, чтобъ воздвигать церкви въ стилѣ возстановленія. Одна Германія, по превосходству готическая, оставалась долѣе вѣрною своему зодчеству, но она мало воздвигала въ эту эпоху: глубокія раны и истощеніе не дозволяли ей много строить. Противъ такихъ всеобщихъ фактовъ возражать нечего; надо стараться ихъ понять; человѣчество грубо не ошибается цѣлыми эпохами. Храмъ новаго стилия свидѣтельствуетъ объ окончаніи среднихъ вѣковъ и ихъ возрѣніи. Готическая архитектура сдѣлалась невозможною послѣ храма Петра: она сдѣлалась прошедшею, анахронизмомъ.

Пластическія искусства освобождались, въ свою очередь. Готическая церковь дѣлала инья требованія на живопись, нежели храмъ Петра. Византизмъ выражаетъ одинъ изъ существенныхъ

¹⁾ Ogive — стрѣлка готическаго свода.

²⁾ Возстановленіе, возрожденіе — Renaissance.

³⁾ Выраженіе о музыкѣ принадлежитъ Шеллингу; «Пантеонъ на Парѣнонѣ» сказалъ о храмѣ Петра В. Гюго. — А. И. Г.

моментовъ готической живописи. Неестественность положенія и колорита, суровое величіе, отрѣшающее отъ земли и отъ земного, намѣренное пренебреженіе красотою и изяществомъ составляетъ аскетическое отрицаніе земной красоты; образъ—не картина: это—слабый очеркъ, намекъ. Но художественная натура итальянцевъ не могла долго удержаться въ предѣлахъ символическаго искусства и, развивая его далѣе и далѣе, ко времени Льва X, съ своей стороны, вышла изъ преобразовательнаго искусства въ область чисто-художественную. Великіе, вѣчные типы *dei divini maestri* ¹⁾ облекли во всю красоту земной плоти небесное, и идеаль ихъ—идеаль чело-вѣка преображеннаго, но чело-вѣка. Рафаэлевы мадонны представляютъ апоѳеозъ дѣвственно-женской формы, но его мадонны не супранатуральныя, отвлеченныя существа, это—преображенныя дѣвы. Живопись, поднявшись до высочайшаго идеала, стала снова твердой ногой на землю, а не оставила ея. Византійская кисть отреклась отъ идеала земной чело-вѣческой красоты древняго міра. Итальянская живопись, развивая византійскую, въ высшемъ моментѣ своего развитія отреклась отъ византизма и, повидимому, возвратилась къ тому же античному идеалу красоты; но шагъ былъ совершенъ огромный: въ очахъ новаго идеала свѣтилась иная глубина, иная мысль, нежели въ *открытыхъ глазахъ безъ зрѣнія* греческихъ статуй. Итальянская кисть, возвращая жизнь искусству, придала ему всю глубину духа, развитаго словомъ божіимъ.

Въ поэзіи совершался свой переворотъ. Рыцарство въ поэзіи теряетъ свою созерцательную важность и феодальную гордость. Аріосто, играя, улыбаясь, рассказываетъ о своемъ Орландѣ; Сервантесъ со злой ироніей объявляетъ міру безсиліе и несвоевременность его; Бокаччіо раскрываетъ жизнь католическаго монаха; Рабле идетъ еще дальше съ отважной дерзостью француза. Протестантскій міръ даетъ Шекспира. Шекспиръ, это—чело-вѣкъ двухъ міровъ. Онъ затворяетъ романтическую эпоху искусства и растворяетъ новую. Геніальное раскрытіе субъективности чело-вѣческой во всей глубинѣ, во всей полнотѣ, во всей страстности и безконечности, смѣлое преслѣдованіе жизни до заповѣднѣйшихъ тайниковъ ея и обличеніе найденнаго не составляетъ романтизма, а *переходитъ ею*. Главный характеръ романтизма выражается сердечнымъ стремленіемъ куда-то, непремѣнно грустнымъ, потому что «тамъ никогда не будетъ здѣсь». Онъ вѣчно стремится оставить грудь; ему нѣтъ примиренія въ ней. Для Шекспира грудь чело-вѣка—вселенная, которой космологію онъ широко набрасываетъ мощной:

¹⁾ Божественныхъ мастеровъ.

и гениальной кистью. Во Франціи и въ Италіи въ это время возросталъ и усиливался ложный классицизмъ. Палладій въ своемъ сочиненіи объ архитектурѣ съ презрѣніемъ говоритъ о готизмѣ; слабыя и безцвѣтныя подражанія древнимъ писателямъ цѣнились выше исполненныхъ поэзіи и глубины пѣсенъ и легендъ среднихъ вѣковъ. Античное увлекало своею человѣчностью, своимъ примиреніемъ въ жизни, въ красотѣ. Черезъ античное вырабатывалось новое. Въ наукѣ ¹⁾, въ политикѣ даже проявляется тотъ же духъ.

Между тѣмъ, борьба католицизма и протестантизма продолжалась. Католицизмъ обновился, поюнѣлъ въ этомъ бою, протестантизмъ мужалъ и окрѣпалъ; но новый міръ не принадлежалъ исключительно ни тому, ни другому. Въ началѣ этой перепутанной борьбы былъ одинъ ученый, отказывавшійся прямо пристать къ той или другой сторонѣ. Онъ говорилъ, что занимаясь *гуманіоромъ* ²⁾, не хочетъ мѣшаться въ войну папы съ Лютеромъ. Этотъ ученый гуманистъ былъ Эразмъ Роттердамскій, тотъ самый, который, улыбаясь, написалъ что-то такое *de libero et servo arbitrio* ³⁾, отъ чего Лютеръ, дрожа отъ гнѣва, сказалъ: «если кто-нибудь меня ранилъ въ самое сердце, такъ это—Эразмъ, а не защитники папы». Съ легкой руки Эразма, мысль новаго гуманическаго міра то являлась въ мірѣ классическомъ, то въ романтическомъ; реформація принесла ей бездну силъ, но она при первомъ случаѣ перешла къ классикамъ. Изъ этого ясно можно было понять—однако, не поняли—что для новой мысли опредѣленія: классики, романтики несвойственны, несущественны, что она ни то, ни другое или, лучше, и то, и другое, но не какъ механическая смѣсь, а какъ химическій продуктъ, уничтожившій въ себѣ свойства составныхъ частей, какъ результатъ уничтожаетъ причины, *одѣйствовворя* ихъ, какъ силлогизмъ уничтожаетъ въ себѣ послылки. Кто не видалъ дѣтей, чудно схожихъ на отца и на мать, вовсе не похожихъ другъ на друга? Такое дитя былъ новый вѣкъ: въ немъ были и есть элементы романтической мечтательности и классическаго пластицизма; но они въ немъ не отдѣльны, а неразъемлемо слиты въ его организмъ, въ его чертахъ.

Романтизмъ и классицизмъ должны были найти гробъ свой въ новомъ мірѣ, и не одинъ гробъ, — въ немъ они должны были

¹⁾ О переворотѣ въ наукѣ предполагаемъ поговорить въ особой статьѣ, а потому не говоримъ здѣсь. Впрочемъ, достаточно назвать Бэкона, Декарта и Спинозу.—А. И. Г.

²⁾ Humaniora—гуманитарныя науки.

³⁾ О свободномъ и рабскомъ сужденіи.

найти свое безсмертіе. Умираетъ только одностороннее, ложное, временное, но въ нихъ была и истина — вѣчная, всеобщечеловѣческая: она не можетъ умереть, она поступаетъ въ майоратъ старшимъ рода человѣческаго. Вѣчные элементы, классическіе и романтическіе, безъ всякихъ насильственныхъ средствъ живы; они принадлежатъ двумъ истиннымъ и необходимымъ моментамъ развитія духа человѣческаго во времени; они составляютъ двѣ фазы, два возрѣнія, разнолѣтнія и относительно-истинныя. Каждый изъ насъ, сознательно или безсознательно, — классикъ или романтикъ, по крайней мѣрѣ, былъ тѣмъ или другимъ. Юношество, время первой любви, невѣдѣнія жизни располагаютъ къ романтизму; романтизмъ благодетеленъ въ это время: онъ очищаетъ, облагораживаетъ душу, выжигаетъ изъ нея животность и грубыя желанія; душа моется, расправляетъ крылья въ этомъ морѣ свѣтлыхъ и непорочныхъ мечтаній, въ этихъ возношеніяхъ себя въ міръ горній, поправшій въ себѣ случайное, временное, ежедневность. Люди, одаренные свѣтлымъ умомъ болѣе, нежели чувствительнымъ сердцемъ, — классики по внутреннему строенію духа, такъ, какъ люди созерцательные, нѣжные, томные болѣе, нежели мыслящіе, — скорѣе романтики, нежели классики. Но отъ этого до существованія исключительныхъ школъ — безконечное разстояніе.

Шиллеръ и Гете представляютъ великій образъ, какъ должны быть пріемлемы романтическіе и классическіе элементы въ нашемъ вѣкѣ. Конечно, Шиллеръ болѣе Гете имѣлъ симпатіи къ романтическому, но главная его симпатія была къ современности, и послѣднія, самая зрѣлая его произведенія чисто *гуманическія* (если допустите это названіе), а не романтическія. И развѣ для Шиллера было что-нибудь чуждое въ классическомъ мірѣ, — для него, переводившаго Расина, Софокла, Виргилия? А для Гете развѣ было что-нибудь недоступное въ глубочайшихъ тайникахъ романтизма? Въ этихъ гигантахъ борющіяся и противоположныя направленія соединились огнемъ генія въ возрѣніе изумляющей полноты. Но люди партій остались при своемъ. Человѣчество вошло въ такую эпоху совершеннолѣтія, что просто смѣшно сдѣлалось притязаніе обратиться въ классицизмъ или романтизмъ. И, между тѣмъ, мы были свидѣтелями, какъ послѣ Наполеона явилась сильная школа неоромантизма. Явленіе это не было лишено причинъ достаточныхъ, чтобъ узаконить его. Направленіе германской науки и германскаго искусства становилось болѣе и болѣе всеобщимъ, космополитическимъ. Всеобщность эта покупалась цѣною жизненности. Вялая народность германцевъ не напоминала о себѣ до наполеоновской эпохи; тутъ Германія воспрянула, одушевленная національными чув-

ствами; всемірныя пѣсни Гете худо согласовались съ огнемъ, горѣвшимъ въ крови. Что сдѣлалъ патріотизмъ въ Германіи, то совершила апатія во Франціи, и ихъ руками растворились обѣ половинки дверей романтизму. Удушающее чувство равнодушія и сомнѣнія и пылкое чувство народной городости располагали особенно душу къ искусству, полному вѣры и національныхъ сочувствій. Но такъ какъ чувства, вызвавшія неоромантизмъ, были чисто временныя, то судьбу его можно было легко предвидѣть, — стоило взглянуть въ характеръ XIX вѣка, чтобъ понять невозможность продолжительнаго очарованія романтизмомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, самобытный характеръ XIX вѣка обозначился съ первыхъ лѣтъ его. Онъ начался полнымъ развитіемъ наполеоновской эпохи; его встрѣтили пѣснопѣнія Гете и Шиллера, могучая мысль Канта и Фихте. Полный памяти о событіяхъ десяти послѣднихъ лѣтъ, полный предчувствій и вопросовъ, онъ не могъ шутить, какъ его предшественникъ. Шиллеръ въ колыбельной пѣсни ему напоминалъ трагическую судьбу его.

Das Jahrhundert ist in Sturm geschieden,
Und das neue œffnet sich mit Mord ¹⁾).

Окаменѣлыя зданія вѣковъ рушились; усомнились въ прочности былого, въ дѣйствительности и незыблемости существующаго, глядя на поля Іены, Ваграма. Въ парижемскомъ «Монитерѣ» было однажды объявлено, что германскій союзъ пересталъ существовать. Гете узналъ объ этомъ изъ французской газеты. Сколько скептическихъ мыслей, сколько критики навѣвали развалины храминъ, считавшихся вѣчными! И неужели весь этотъ *remue-ménage* ²⁾ имѣлъ цѣлью возвратить къ романтизму? Нѣтъ! Люди мысли присутствовали при великой драмѣ, переходя изъ одной эры въ другую; не даромъ они важно разошлись съ глубокой и торжественной думой: плодъ этой думы развился на деревѣ всего прошедшаго мышления. Первое имя, загремѣвшее въ Европѣ, произносимое возлѣ имени Наполеона, было имя великаго мыслителя. Въ эпоху судорожнаго боя началъ, кровавой распри, дикаго расторженія, вдохновенный мыслитель провозгласилъ основою философіи примиреніе противоположностей; онъ не отталкивалъ враждующихъ: онъ въ борьбѣ ихъ постигнулъ процессъ жизни и развитія. Онъ въ борьбѣ видѣлъ высшее тождество, снимающее борьбу. Мысль эта, заклю-

¹⁾ Прошедшее столѣтіе погибло въ бурѣ, а новое начинается убійствомъ.

²⁾ Сумятица, передряга.

чавшая въ себѣ глубокой смыслъ нашей эпохи, едва пришла въ сознание и высказалась поэтомъ-мыслителемъ, какъ уже развилась въ стройной, строгой, наукообразной формѣ спекулятивнымъ, диалектическимъ мыслителемъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1812 года, въ то время, какъ у Наполеона въ Дрезденѣ толпились короли и вѣнценосцы, печаталась въ какой-то нюрнбергской типографіи «Логика» Гегеля; на нее не обратили вниманія, потому что всѣ читали тогда же напечатанное «объявленіе о второй польской войнѣ». Но она прозябала. Въ этихъ нѣсколькихъ печатныхъ листахъ, писанныхъ труднымъ языкомъ и назначенныхъ, кажется, исключительно для школы, лежалъ плодъ всего прошедшаго мышленія, сѣмя огромнаго, могучаго дуба. Условія для его развитія не могли не найтись: стоило понять и развернуть скобки, какъ говорятъ математики, и древо познанія и жизни развертывалось съ зелеными шумящими листьями, съ прохладною тѣнью, съ плодами сочными и питательными. То, что носилось въ изящныхъ образахъ Шиллеровскихъ драмъ, что прорывалось сквозь пѣснопѣнія Гете, было понято, обличалось. Истина, будто изъ какого-то чувства цѣломудренности и стыда, задернулась мантией схоластики и держалась въ одной отвлеченной сферѣ науки, но мантия эта, изношенная и протертая еще въ средніе вѣка, не можетъ нынче прикрывать: истина лучезарна—ей достаточно одной щели, чтобъ освѣтить цѣлое поле.

Лучшіе умы сочувствовали новой наукѣ; но большинство не понимало ея, и псевдоромантизмъ, развиваясь, въ то же самое время заманивалъ въ ряды свои юношей и дилетантовъ. Старикъ Гете скорбѣлъ, глядя на отклонившееся поколѣніе. Онъ видѣлъ, какъ въ немъ цѣнятъ не то, что достойно, какъ въ немъ понимаютъ не то, что онъ говоритъ. Гете былъ, по превосходству, реалистъ, какъ Наполеонъ, какъ вся наша эпоха; романтики не имѣютъ органа понимать реальное. Байронъ осыпалъ ругательствами мнимыхъ товарищей. Но большинство было въ пользу романтизма: въ украшеніяхъ, въ одеждахъ воскресъ вкусъ среднихъ вѣковъ, столь діаметрально противоположный положительному характеру нашей современности и ея требованіямъ. Рукава женскаго платья, прическа мужчинъ,—все подверглось романтическому вліянію. Такъ, какъ у классиковъ трагедія была не трагедія, если въ ней не было греческихъ или римскихъ героевъ, такъ, какъ классики безпрестанно воспѣвали дрянное фалернское вино, употребляя прекрасное бургонское,—такъ поэзія романтизма поставила необходимымъ условіемъ рыцарскую одежду, и нѣтъ у нихъ поэмы, гдѣ не льется кровь, гдѣ нѣтъ наивныхъ пажей и мечтательныхъ графинь, гдѣ нѣтъ череповъ и труповъ, восторженности и бреда.

Мѣсто фалернскаго вина заняла платоническая любовь; поэты-романтики, любя реально, человѣчески, поютъ одну платоническую страсть. Германія и Франція наперерывъ дарили человѣчество романтическими произведеніями: Гюго и Вернеръ,—поэтъ, прикинувшійся безумнымъ, и безумный, прикинувшійся поэтомъ,—стоятъ на вершинѣ романтическаго Брокена, какъ два сильные представителя. Между ними являлись истинно-увлекательные таланты, какъ Новалисъ, Тикъ, Уландъ и др., но ихъ побивала когорта послѣдователей. Эти портретисты такъ исказили черты романтической поэзіи, такъ напѣли о своемъ стремленіи и о своей любви, что и хорошихъ романтиковъ стало скучно и невозможно читать. Особенно примѣчательно, что одинъ изъ главныхъ распространителей романтизма вовсе не былъ романтикъ,—я говорю о Вальтерѣ Скоттѣ: жизненно-практической взоръ его родины есть его взоръ. Возсоздать жизнь эпохи—не значитъ принять односторонность ея.

Такъ или иначе романтизмъ торжествовалъ, воображая, что его станетъ на вѣка. Онъ гордо начиналъ переговаривать съ новой наукой, и она часто поддѣлывалась подъ его языкъ; романтизмъ, снисходя къ ней, начиналъ какую-то романтическую философію, но никогда не доходилъ до того, чтобъ съ ясностью изложить, въ чемъ дѣло. Философы и романтики подъ одними и тѣми же словами разумѣли разное и безпрестанно говорили! Комизмъ былъ совѣршеннѣйшій, когда послѣ долгихъ трудовъ догадались тѣ и другіе, что они не понимаютъ другъ друга. За этимъ невиннымъ занятіемъ, за сочиненіемъ пѣсенъ на трубадурный ладъ, за откапываніемъ преданій и хроникъ о рыцаряхъ для балладъ, за томнымъ стремленіемъ, за мучительной любовью къ неизвѣстной дѣвѣ... шло время, и прошло нѣсколько лѣтъ. Гете умеръ, Байронъ умеръ, Гегель умеръ, Шеллингъ *состарѣлся*. Казалось бы, тутъ-то бы и царствовать романтизму. Вѣрный тактъ массъ рѣшилъ иначе: массы въ послѣднее пятнадцатилѣтіе перестали сочувствовать романтикамъ, и они остались, какъ спартанцы съ Леонидомъ, обойденными, и обрекли себя, по ихъ примѣру, на геройскую, но бесполезную смерть. Что заняло общее вниманіе, что отвлекло отъ нихъ? это—другой вопросъ, на который мы не имѣемъ намѣренія теперь отвѣчать. Ограничимся фактомъ. Кто нынче говоритъ о романтикахъ, кто занимается ими, кто знаетъ ихъ? Они поняли ужасный холодъ безучастія и стоятъ теперь со словами чернаго проклятія вѣку на устахъ, печальные и блѣдные; видятъ, какъ рушатся замки, гдѣ обитало ихъ милое воззрѣніе, видятъ, какъ новое поколѣніе попираетъ мимоходомъ эти развалины, какъ не обращаетъ вниманія на нихъ, проливающихъ слезы; слышатъ съ содроганіемъ веселую пѣсню

жизни современной, которая стала не ихъ пѣснью, и съ скрежежомъ зубовъ смотрятъ на вѣкъ суетный, занимающійся матеріальными улучшеніями, общественными вопросами, наукой. И страшно подчасъ становится встрѣтить среди кипящей, благоухающей жизни этихъ мертвецовъ, укоряющихъ, озлобленныхъ и не вѣдающихъ, что они умерли! Дай имъ Богъ покой могилы: не хорошо мертвымъ мѣшаться съ живыми.

Werden sie nicht schaden
So werden sie schrecken ¹⁾).

1842, мая 9.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

Дилетанты и цехъ ученыхъ.

Такихъ... welche alle Töne einer Musik mit durchgehört haben, an deren Sinn aber das Eine, die *Harmonie dieser Töne* nicht gekommen ist... ²⁾ какъ сказалъ Гегель (Gesch. der Phil.).

Во всѣ времена долгой жизни человѣчества замѣтны два противоположныя движенія: развитіе одного обусловливаетъ возникновеніе другого, съ тѣмъ вмѣстѣ—борьбу и разрушеніе перваго. Въ какую обитель исторической жизни мы ни всмотримся,—увидимъ этотъ процессъ, и притомъ повторяющійся рядомъ метампсихозъ. Вслѣдствіе одного начала, лица, имѣющія какую-нибудь общую связь между собою, стремятся отойти въ сторону, стать въ исключительное положеніе, захватить монополію. Вслѣдствіе другого начала, массы стремятся поглотить выгородившихъ себя, взять себѣ плодъ ихъ труда, растворить ихъ въ себѣ, уничтожить монополію. Въ каждой странѣ, въ каждой эпохѣ, въ каждой области борьба монополіи и массъ выражается иначе, но цехи и касты непрерывно образуются, массы непрерывно ихъ подрываютъ и, что всего страннѣе, масса, судившая вчера цехъ, сегодня сама оказывается цехомъ, и завтра масса степенью общнѣе поглотитъ и побьетъ ее, въ свою очередь. Эта полярность—одно изъ явленій жизненнаго развитія

¹⁾ Если они не будутъ вредить, то будутъ пугать.

²⁾ ...которые прослушали всѣ звуки музыкальнаго произведенія, но не уловили чувствомъ одного—*гармоніи этихъ звуковъ* («Исторія философіи»).

человѣчества, явленіе въ родѣ пульса, съ той разницей, что съ каждымъ біеніемъ пульса человѣчество дѣлаеть шагъ впередъ. Отвлеченная мысль осуществляется въ цехѣ; группа людей, собравшихся около нея, во имя ея, — необходимый организмъ ея развитія; но, какъ скоро она достигла своей возмужалости въ цехѣ, цехъ дѣлается ей вреденъ, ей надобно вздохнуть воздухомъ и взглянуть на свѣтъ, какъ зародышу послѣ девятимѣсячнаго прозябанія въ матери; ей надобна среда болѣе широкая; между тѣмъ, и люди касты, столь полезные своей мысли при начальномъ развитіи ея, теряютъ свое значеніе, застываютъ, останавливаются, не идутъ впередъ, ревниво отталкиваютъ новое, страшатся упустить руно свое, хотятъ для себя, за собою удержать мысль. Это невозможно. Натура мысли лучезарна, всеобща; она жаждетъ обобщенія, она вырывается во всѣ щели, утекаетъ между пальцами. Истинное осуществленіе мысли не въ кастѣ, а въ человѣчествѣ; она не можетъ ограничиться тѣснымъ кругомъ цеха; мысль не знаетъ супружеской вѣрности: ея объятія—всѣмъ; она только для того не существуетъ, кто хочетъ эгоистически владѣть ею. Цехъ падаетъ по мѣрѣ того, какъ массы постигаютъ мысль и симпатизируютъ съ нею; жалѣтъ нечего, — онъ сдѣлалъ свое. Цѣль отторженія непремѣнно единеніе, общеніе. Люди выходятъ изъ дому, чтобъ возвратиться съ новыми приобрѣтеніями; навсегда домъ оставляютъ одни бродяги. Таковъ путь касты. Можно предположить, что *rouge la bonne bouche* ¹⁾ цехъ человѣчества обниметъ всѣ прочіе. Это еще не скоро. Пока человѣкъ готовъ принять всякое званіе, но къ званію человѣка не привыкъ.

Современная наука начинаетъ входить въ ту пору зрѣлости, въ которой обнаруженіе, отданіе себя всѣмъ становится потребностью. Ей скучно и тѣсно въ аудиторіяхъ и конференцъ-залахъ; она рвется на волю, она хочетъ имѣть дѣйствительный голосъ въ дѣйствительныхъ областяхъ жизни. Несмотря на такое направленіе, наука остается при одномъ желаніи и не можетъ войти живымъ элементомъ въ стремительный потокъ практическихъ сферъ, пока она въ рукахъ касты ученыхъ; одни люди жизни могутъ внѣдрить ее въ жизнь. Великое дѣло началось; оно идетъ тихо; наука добываетъ кое-что въ области отвлеченностей, столь же необходимой для науки, какъ и выходъ изъ нея. Для массъ наука должна родиться не ребенкомъ, а въ полномъ вооруженіи, какъ Паллада. Прежде, нежели она предложитъ плодъ свой, она должна совершить въ себѣ и сознать, что совершила все, къ чему была при-

¹⁾ На закуску.

звана въ своей сферѣ: она близка къ этому. Но люди смотрять доселѣ на науку съ недоувѣремъ, и недоувѣріе это прекрасно: вѣрное, но темное чувство убѣждаетъ ихъ, что въ ней должно быть разрѣшеніе величайшихъ вопросовъ, а между тѣмъ передъ ихъ глазами ученые, по большей части, занимаются мелочами, пустыми диспутами, вопросами, лишенными жизни, и отворачиваются отъ общечеловѣческихъ интересовъ; предчувствуютъ, что наука—общее достояніе всѣхъ, и между тѣмъ видятъ, что къ ней приступа нѣтъ, что она говоритъ страннымъ и трудно понятнымъ языкомъ. Люди отворачиваются отъ науки такъ, какъ ученые отъ людей. Вина, конечно, не въ наукѣ и не въ людяхъ, а между ними. Лучъ науки, чтобъ достигнуть обыкновенныхъ людей, долженъ пройти сквозь такіе густые туманы и болотистыя испаренія, что достигаетъ ихъ подкрашенный, не похожій самъ на себя, а по немъ-то и судятъ. Первый шагъ къ освобожденію науки есть сознаніе препятствій, обличеніе ложныхъ друзей, воображающихъ, что ее доселѣ можно пеленать схоластическимъ свивальникомъ и что она, живая, будетъ лежать, какъ египетская мумія. Туманная среда, окружающая науку, вся наполнена ея друзьями, но эти друзья—ея опаснѣйшіе враги. Они живутъ, какъ совы подъ кровомъ храма Паллады, и выдаютъ себя за хозяевъ въ то время, какъ они работники или праздношатающіеся. Они заслужили всѣ нареканія, всѣ упреки, дѣлаемые наукѣ. Поверхностный дилетантизмъ и ремесленническая специальность ученыхъ *ex officio*—два берега науки, удерживающіе этотъ Ниль отъ плодоноснаго разлива. О дилетантизмѣ мы недавно говорили, но считаемъ не вовсе излишнимъ упомянуть объ немъ здѣсь, какъ о совершеннѣйшей противоположности специализму. Противоположность объясняетъ иногда лучше сходства.

Дилетантизмъ—любовь къ наукѣ, сопряженная съ совершеннымъ отсутствіемъ пониманія ея; онъ расплывается въ своей любви по морю вѣдѣнія и не можетъ сосредоточиться; онъ доволенъ тѣмъ, что любитъ, и не достигаетъ ничего, не печется ни о чемъ, ни даже о взаимной любви; это—платоническая, романтическая страсть къ наукѣ, такая любовь къ ней, отъ которой дѣтей не бываетъ. Дилетанты съ восторгомъ говорятъ о слабости и высотѣ науки, пренебрегаютъ иными рѣчами, предоставляя ихъ толпѣ, но смертельно боятся вопросовъ и измѣннически продаютъ науку, какъ только ихъ начнутъ тѣснить логикой. Дилетанты, это—люди предисловія, заглавнаго листа, люди, ходящіе около горшка въ то время, какъ другіе ѣдятъ. Жарновикъ ¹⁾ училъ, помнится, англійскаго ко-

1) ?

роля играть на скрипкѣ. Король былъ дилетантъ, т. е. любилъ музыку и не умѣлъ играть. Однажды онъ спросилъ Жарновика, къ какому разряду скрипачей онъ его относить? «Ко второму», отвѣчалъ артистъ. «Кого же вы еще причисляете къ этому разряду?»— «Многихъ, государь; я вообще дѣлю родъ человѣческой относительно скрипичной игры на три разряда: первый, самый большой,—люди, не умѣющіе играть на скрипкѣ; второй, также довольно многочисленный, люди—не то, чтобъ умѣющіе играть, но любящіе безпрестанно играть на скрипкѣ; третій очень бѣденъ: къ нему причисляются нѣсколько человѣкъ, знающихъ музыку и иногда прекрасно играющихъ на скрипкѣ. Ваше величество, конечно, ужъ перешли изъ перваго разряда во второй». Не знаю, былъ ли доволенъ этимъ отвѣтомъ король, но лучше о дилетантизмѣ ничего нельзя сказать, и Жарновикъ превосходно замѣтилъ, что именно второй разрядъ *безпрерывно* играетъ; у дилетантовъ дѣлается болѣзнь, помѣшательство отъ избытка любовной страсти. Дилетантизмъ дѣло, не новое. Неронъ былъ дилетантъ музыки, Генрихъ VIII—дилетантъ теологіи. Дилетанты принимаютъ наружный видъ своей эпохи. Въ XVIII вѣкѣ они были веселы, шумѣли и назывались *esprits forts*¹⁾; въ XIX вѣкѣ дилетантъ имѣетъ грустную и неразгаданную думу; онъ любитъ науку, но *знаетъ* ея коварность; онъ немного мистикъ и читаетъ Сведенборга, но также немного скептикъ и заглядываетъ въ Байрона; онъ часто говоритъ съ Гамлетомъ: «нѣтъ, другъ Горацио, есть много вещей, которыхъ не понимаютъ ученые», а про себя думаетъ, что понимаетъ все на свѣтѣ. Наконецъ, дилетантъ—безвреднѣйшій и бесполезнѣйшій изъ смертныхъ; онъ кротко проводитъ жизнь свою въ бесѣдахъ съ мудрецами всѣхъ вѣковъ, пренебрегая матеріальными занятіями; о чемъ они бесѣдуютъ, кто ихъ знаетъ! Самимъ дилетантамъ это еще не ясно, но какъ-то хорошо въ своемъ полумракѣ.

Каста ученыхъ (*die Fachgelehrten*),—ученыхъ по званію, по диплому, по чувству собственнаго достоинства,—составляетъ совершенную противоположность дилетантовъ. Главнѣйшій недостатокъ этой касты состоитъ въ томъ, что она каста; второй недостатокъ—специализмъ, въ которомъ обыкновенно затеряны ученые. Чтобъ разомъ выразить отношеніе касты ученыхъ къ наукѣ, вспомнимъ, что она развилась болѣе, нежели гдѣ-нибудь, въ Китаѣ. Китай считается многими очень благоденствующимъ патріархальнымъ царствомъ; это можетъ быть; ученыхъ тамъ бездна; преимущества ученыхъ въ службѣ у нихъ споконъ вѣка, но науки слѣда нѣтъ... «Да

¹⁾ Свободомыслящіе.

у нихъ своя наука!» И противъ этого мы не будемъ спорить, но мы говоримъ о наукѣ, человѣчеству принадлежащей, а не Китаю, не Японіи и другимъ ученымъ государствамъ. У насъ мальчишекъ отдають въ науку къ кузнецамъ, столярамъ: думать надобно, что и у нихъ есть своя наука. Впрочемъ, и для истинной науки былъ возрастъ, въ который каста ученыхъ, какъ каста, была необходима, — въ періодъ неразвитости, когда наука была отринута, ея права не признаны, она сама подчинена авторитетамъ. Но это время прошло. Такъ, у касты ученыхъ, у людей знанія въ среднихъ вѣкахъ, даже до XVII столѣтія, окруженныхъ грубыми и дикими понятіями, хранилось и святое наслѣдіе древняго міра и воспоминаніе прошедшихъ дѣній, и мысль эпохи; они въ тиши работали, боясь гоненій, преслѣдованій, и слава послѣ озарила скрытый трудъ ихъ. Ученые хранили тогда науку, какъ тайну, и говорили объ ней языкомъ не доступнымъ толпѣ, намѣренно скрывая свою мысль, боясь грубаго непониманья. Тогда было доблестно принадлежать къ левитамъ науки; тогда званіе ученаго чаще вело на костерь, нежели въ академію. И они шли, вдохновенные истиной. Джордано Бруно былъ ученый, и Галилей былъ ученый. Тогда ученые, какъ сословіе, были своевременны; тогда въ аудиторіяхъ обсуживались величайшіе вопросы того вѣка; кругъ занятій ихъ былъ пространенъ, и ученые озарялись первые восходящими лучами разума, какъ нагорные дубы, гордые и мощные. Съ тѣхъ поръ все перемѣнилось: науки никто не гонитъ, общественное сознаніе досрочно до уваженія къ наукѣ, до желанія ея, и справедливо стало протестовать противъ монополіи ученыхъ; но ревнивая каста хочетъ удержать свѣтъ за собою, окружаетъ науку лѣсомъ схоластики, варварской терминологіи, тяжелымъ и отталкивающимъ языкомъ. Такъ огородники сажаютъ около грядъ своихъ колючее растеніе, чтобъ дерзкій, намѣревающийся перелѣзть, сперва десять разъ укололся и изорвалъ платье въ клочки. Все тщетно! Время аристократіи знанія миновало. Изобрѣтеніе книгопечатанія, безъ всѣхъ остальныхъ содѣйствовавшихъ причинъ, должно было нанести рѣшительный ударъ спрятанности вѣдѣнія, приобщая къ нему всѣхъ желающихъ. Наконецъ, послѣдняя возможность удержать науку въ цехѣ была основана на разрабатываніи чисто теоретическихъ сторонъ, не вездѣ недоступныхъ профанамъ. Но современная наука, сверхъ теоретическихъ отвлеченностей, имѣетъ инья притязанія: она, будто забывая свое достоинство, хочетъ съ своего трона сойти въ жизнь. Ученымъ ея не удержать; это не подвержено сомнѣнію.

Каста ученыхъ нашего времени образовалась послѣ реформациіи и всего болѣе въ мірѣ реформаціонномъ. Объ ученыхъ кор-

пораціяхъ въ среднихъ вѣкахъ и въ католическомъ мірѣ мы упомянули; ихъ не надо смѣшивать съ новой кастой ученыхъ, вырощенной въ Германіи въ послѣдніе вѣка. Правда, старая каста ученыхъ налагала на умы ярмо своего авторитета, но не надобно забывать, во-первыхъ, состояніе умовъ того времени, во-вторыхъ, что и ихъ шея была стерта отъ ярма, тяжело лежавшаго на ней. Во всемъ реформаціонномъ образованіи была какая-то недодѣлка; недоставало геройства итти до послѣдняго слѣдствія, недоставало геройства логики: часто ставили громогласно начало и робко отрекались отъ естественныхъ послѣдствій; часто разрушали зданіе и берегли мусоръ и битый кирпичъ; часто не умѣли ни благочестиво уважить существующее, ни смѣло отречься отъ него. Мысль реформаціи пришла въ дѣйствіе какъ-то преждевременно, и оттого она отстала и была обойдена. Каста ученыхъ, образовавшаяся въ мірѣ реформаціонномъ, никогда не имѣла силы ни составить точно замкнутую въ себѣ твердую и вѣдающую свои предѣлы корпорацію, ни распуститься въ массы. Она никогда не имѣла энергіи ни пристать къ положительному порядку дѣлъ, ни стать противъ него; оттого на нее со всѣхъ сторонъ стали смотрѣть косо, какъ на что-то постороннее; оттого она сама стала убѣгать живыхъ вопросовъ и сосредоточиваться на мертвыхъ. Нить, связующая касту съ обществомъ, должна была ослабнуть, а прямымъ слѣдствіемъ этого—взаимное непониманіе, взаимное равнодушіе. Какое-то поэтическое провидѣніе указало на слово *гуманіора*,—слово прекрасное, пророческое; но въ гуманіорахъ ученыхъ не было ничего человѣческаго. Слово это было отнесено исключительно къ филологіи, какъ будто тутъ участвовала иронія, какъ будто они понимали, что древній міръ человѣчественнѣе ихъ. Педантизмъ, распаденіе съ жизнью, ничтожныя занятія, типъ которыхъ меледа—какой-то призрачный трудъ, трудъ занимающій, а въ сущности пустой; далѣе, искусственныя построенія, неприлагаемыя теоріи, невѣдѣніе практики и надменное самодовольство—вотъ условія, подъ которыми развилось блѣднолистое дерево цеховой учености. Ученые принесли свою пользу наукѣ, которую не признать было бы неблагодарно, но совсѣмъ не потому, что они стремились составить касту: напротивъ, одни индивидуальныя труды были истинно-полезны. Послѣ католической науки, новая наука, рожденная среди отрицанья и борьбы, требовала иныхъ основаній, болѣе положительныхъ, фактическихъ, но не было у нея матеріаловъ, запасовъ, обслѣдованныхъ событій и наблюденій; войско фактовъ было недостаточно. Ученые разобрали по клочку поле науки и разсыпа-

лись по нему; имъ досталась тягостная доля de défricher le terrain ¹⁾ и въ этой-то работѣ, составляющей важнѣйшую услугу ихъ, они утратили широкій взглядъ и сдѣлались ремесленниками, оставаясь при мысли, что они пророки. На ихъ потѣ, на ихъ утомительномъ трудѣ цѣлыхъ поколѣній возросла истинная наука, и работники, какъ всегда бываетъ, всего менѣе воспользовались результатомъ своего труда.

Противоположность романскаго характера и германскаго не могла не отразиться во вновь образовавшемся сословіи ученыхъ. Французскіе ученые сдѣлались больше наблюдатели и матеріалисты, германскіе — больше схоласты и формалисты; одни больше занимаются естествовѣдѣніемъ, прикладными частями, и притомъ они славные математики; вторые занимаются филологіей, всѣми неприлагаемыми отраслями науки, и притомъ они тонкіе теологи. Одни въ наукѣ видятъ практическую пользу, другіе—поэтическую бесполезность. Французы больше спеціалисты, но меньше—каста; германцы наоборотъ. Ученые въ Германіи похожи на касту жрецовъ въ Египтѣ: они составляютъ особый народъ, въ рукахъ котораго лежитъ дѣло общественнаго воспитанія, общественнаго мышленія, лѣченія, ученія и пр. Добрымъ германцамъ оставалось пить, ѣсть и subire ²⁾ лѣчение, ученіе, мышленіе имущихъ право на то по диплому. Во Франціи ученые не стоятъ на первомъ планѣ и, слѣдственно, не имѣютъ такого вліянія, какъ ученые въ Германіи. Во Франціи они всѣ болѣе или менѣе устремлены на практическія улучшенія, это—огромный выходъ въ жизнь. Если ихъ по справедливости можно упрекнуть въ спеціальности больше, нежели германцевъ, то навѣрное нельзя упрекнуть въ бесполезности. Франція именно стоитъ во главѣ популяризаціи науки. Какъ ловко она умѣла вѣкъ тому назадъ свое воззрѣніе (каково бы оно ни было) облечь въ современно-народную, всѣмъ доступную, проникнутую жизнью форму! Французъ не можетъ удовлетвориться въ одной отвлеченной сферѣ: ему нужна и гостиная, и площадь, и пѣсни Беранже, и листъ газеты,—за него нечего бояться, онъ долго въ кастѣ не останется.

Совсѣмъ не таковы цеховые ученые германскіе. Главный, отличительный признакъ ихъ—быть валомъ отдѣлену отъ жизни: это—отшельники среднихъ вѣковъ, имѣющіе свой міръ, свои интересы, свои обычаи. Теологія, древніе писатели, еврейскій языкъ, объясненія темныхъ фразъ какой-нибудь рукописи, опыты безъ связи, наблюденія безъ общей цѣли—вотъ ихъ предметъ; когда же

¹⁾ Распахать почву.

²⁾ Переносить.

имъ случится имѣть дѣло съ дѣйствительностью, они хотятъ подчинить ее своимъ категоріямъ, и изъ этого выходятъ пресмѣшныя уродства. Академическій ученый міръ въ Германіи составляетъ особое государство, которому дѣла нѣтъ до Германіи. По правдѣ, послѣ Тридцатилѣтней войны немного можно было заимствовать школъ изъ жизни. Вина обоюдная. Прозябая въ вѣчномъ занятіи схоластическими предметами, ученые приняли слой, рѣзко отдѣляющій ихъ отъ прочихъ людей. Жизнь, медленно и скучно процвѣтавшая за стѣнами академіи, не манила къ себѣ; она въ своемъ филистерствѣ была столько же невыносимо скучна, какъ ученость въ своемъ. Несмотря на это распадѣніе съ жизнью, ученые, памятуя, какой могучій голосъ имѣли университеты и доктора въ средніе вѣка, когда къ нимъ относились съ вопросами глубочайшей важности, захотѣли вершить безапелляціоннымъ судомъ всѣ сціентифическіе и художественные споры; они, подрывшіе во имя всеобщаго права изслѣдованія касту католическихъ духовныхъ пастырей, показывали поползновеніе составить свой цехъ пастырей свѣтскихъ. Не удалось имъ, лишеннымъ, съ одной стороны, энергіи католическихъ пропагандистовъ, съ другой—невѣжества массъ. Новая каста людопасовъ не состоялась; пасти людей стало труднѣе: люди смотрятъ на ученыхъ дѣлъ мастеровъ, какъ на равныхъ, какъ на людей, да еще какъ на людей, не дошедшихъ до полной жизни, а проявляющихся одной обителью изъ многихъ.

Наука—открытый столъ для всѣхъ и каждаго, лишь бы былъ голодь, лишь бы потребность манны небесной развилась. Стремленіе къ истинѣ, къ знанію не исключаетъ никакимъ образомъ частнаго употребленія жизни; можно равно быть при этомъ химикомъ, медикомъ, артистомъ, купцомъ. Никакъ не можно думать, чтобъ спеціально-ученый имѣлъ бѣльшія права на истину; онъ имѣетъ только бѣльшія притязанія на нее. Отчего человекъ, проводящему жизнь въ монотонномъ и одностороннемъ занятіи какимъ-нибудь исключительнымъ предметомъ, имѣетъ болѣе ясный взглядъ, болѣе глубокою мысль, нежели другому, искусившемуся самыми событіями, встрѣтившемуся въ тысячѣ разныхъ столкновеній съ людьми? Напротивъ, цеховой ученый внѣ своего предмета за что ни примется,—примется лѣвой рукой. Онъ не нуженъ во всякомъ живомъ вопросѣ. Онъ всѣхъ менѣе подозрѣваетъ великую важность науки; онъ ея не знаетъ изъ-за своего частнаго предмета, онъ свой предметъ считаетъ наукой. Ученые, въ крайнемъ развитіи своемъ, заняли въ обществѣ мѣсто второго желудка животныхъ, жующихъ жвачку: въ него никогда не попадаетъ свѣжая пища,—одна пережеванная, такая, которую жуютъ изъ удовольствія жевать. Массы

дѣйствуютъ, проливаютъ кровь и потъ, а ученые являются послѣ разсуждать о происшествіи. Поэты, художники творятъ, массы восхищаются ихъ твореніями,—ученые пишутъ комментаріи, грамматическіе и всяческіе разборы. Все это имѣетъ свою пользу, но несправедливость—въ томъ, что они себя считаютъ по праву головою выше насъ, жрецами Паллады, ея любовниками, хуже—мужьями ея. Съ другой стороны, было бы еще страннѣе, если-бъ мы сказали, что ученые не могутъ знать истины, что они внѣ ея. Духъ, стремящій человѣка къ истинѣ, не исключаетъ никого. Не всѣ ученые принадлежатъ къ *цеховымъ* ученымъ; многіе *истинно-ученые* дѣлаются, подавляя въ себѣ школьность, *образованными* ¹⁾ людьми, выходятъ изъ цеха въ человѣчество. *Безнадежные* цеховые, это—рѣшительные и отчаянные спеціалисты и схоластики, тѣ, на которыхъ намекалъ Жанъ-Поль, говоря: «скоро поваренное искусство разовьется до того, что жарящій форели не будетъ умѣть жарить карпа». Вотъ эти-то повара карповъ и форелей составляютъ массу ученой касты, въ которой творятся всякаго рода лексиконы, таблицы, наблюденія и все то, что требуетъ долготерпѣнія и душу мертву. Ихъ въ людей развить трудно; они—крайность односторонняго направленія учености; мало того, что они умрутъ въ своей односторонности,—они бревнами лежатъ на дорогѣ всякаго великаго усовершенія не потому, чтобъ не хотѣли улучшенія, науки, а потому, что они только то усовершеніе признаютъ, которое вытекло съ соблюденіемъ ихъ ритуала и формы или которое они сами обработали. У нихъ метода одна—анатомическая: для того, чтобъ понять организмъ, они дѣлаютъ аутопсію. Кто убилъ ученіе Лейбница и далъ ему труповый видъ школьности, какъ не ученые прозекторы? Кто изъ живого, всеобъемлющаго ученія Гегеля стремился сдѣлать схоластическій, безжизненный, страшный скелетъ? Берлинскіе профессора.

Греція, умѣвшая развивать индивидуальности до какой-то художественной оконченности и высоко-человѣческой полноты, мало знала въ цвѣтушія времена свои ученыхъ въ нашемъ смыслѣ: ея мыслители, ея историки, ея поэты были прежде всего граждане, люди жизни, люди общественнаго совѣта, площади, военнаго стана; оттого это гармонически уравновѣшенное, прекрасное своимъ аккордомъ, многостороннее развитіе великихъ личностей ихъ науки и искусства—Сократа, Платона, Эшила, Ксенофонта и другихъ.

¹⁾ Разумѣется, слово *образованный* принято въ истинномъ смыслѣ его, а не въ томъ, въ которомъ его употребляетъ, на примѣръ, жена городничаго въ «Ревизорѣ».—А. И. Г.

А наши ученые? Сколько профессоровъ въ Германіи спокойно читали свой схоластическій бредъ во время наполеоновской драмы и спокойно справлялись на картѣ, гдѣ Ауэрштетъ, Ваграмъ съ тѣмъ любознательнымъ бездушіемъ, съ которымъ на другой картѣ отмѣчали они путь Одиссея, читая Гомера! Одинъ Фихте, вдохновенный и глубокій, громко сказалъ, что отечество въ опасности, и бросилъ на время книгу. А Гете... прочтите его переписку того времени! Конечно, Гете недосыгаемо выше школьной односторонности: мы доселѣ стоимъ передъ его грозной и величественной тѣнью съ глубокимъ удивленіемъ, съ тѣмъ удивленіемъ, съ которымъ останавливаемся передъ Лукзорскимъ обелискомъ—великимъ памятникомъ какой-то иной эпохи, великой, но прошлой ¹⁾, не нашей! Ученый ²⁾ до такой степени разобшился съ современностью, до такой степени завялъ, вымеръ съ трехъ сторонъ, что надобно почти нечеловѣчскія усилія, чтобъ ему войти живымъ звеномъ въ живую цѣпь. Образованный человѣкъ не считаетъ ничего человѣческаго чуждымъ себѣ: онъ сочувствуетъ всему окружающему; для ученаго—наоборотъ: ему все человѣческое чуждо, кромѣ избраннаго имъ предмета, какъ бы этотъ предметъ самъ въ себѣ ни былъ ограниченъ. Образованный человѣкъ мыслить по свободному побужденію, по благородству человѣческой природы, и мысль его открыта, свободна; ученый мыслить по обязанности, по возложенному на себя обѣту, и оттого въ его мысли есть что-то ремесленническое, и она всегда подавторитетна. Ученый имѣетъ часть и въ ней; онъ долженъ быть уменъ: образованный человѣкъ не имѣетъ права быть глупымъ ни въ чемъ. Образованный человѣкъ можетъ знать и не знать по-латыни, ученый долженъ знать по-латыни... Не смѣйтесь надъ этимъ замѣчаніемъ: я и здѣсь вижу слѣдъ окостенѣлаго духа касты. Есть великія поэмы, великія творенія, имѣющія всемірное значеніе,—вѣчныя пѣсни, завѣщаемая изъ вѣка въ вѣкъ; нѣтъ сколько-нибудь образованнаго человѣка, который бы не зналъ ихъ, не читалъ ихъ, не прожилъ ихъ; цеховой ученый навѣрное не читалъ ихъ, если онѣ не относятся прямо къ его предмету. На что химику «Гамлетъ»? На что физику «Донъ-Жуанъ»? Есть еще болѣе

¹⁾ Не помню, въ какой-то, недавно вышедшей въ Германіи, брошюрѣ было сказано: «Въ 1832 году, въ томъ замѣчательномъ году, когда умеръ послѣдній могиканъ нашей великой литературы».—Да!—А. И. Г.

²⁾ Считаю необходимымъ еще разъ сказать, что дѣло идетъ единственно и исключительно о *цеховыхъ ученыхъ* и что все сказанное только справедливо въ антитетическомъ смыслѣ; *истинный* ученый всегда будетъ просто человѣкъ, и человѣчество всегда съ уваженіемъ поклонится ему.—А. И. Г.

странное явленіе, особенно часто встрѣчающееся между германскими учеными: нѣкоторые изъ нихъ все читали и все читаютъ, но понимаютъ только по одной своей части, во всѣхъ же другихъ они изумляютъ сочетаніемъ огромныхъ свѣдѣній съ всесовершеннѣйшею тупостью, напоминающею иногда наивность ребяческаго возраста: «они прослушали всѣ звуки, но гармоніи не слышали», какъ сказано въ эпиграфѣ. Степень цеховой учености опредѣляется рѣшительно памятью и трудолюбіемъ: кто помнитъ наибольшій запасъ вовсе ненужныхъ свѣдѣній объ одномъ предметѣ, у кого въ груди не бьется сердце, не кипятъ страсти, требующія не книжнаго удовлетворенія, а подѣйствительнѣе; кто имѣлъ терпѣніе лѣтъ двадцать твердить частности и случайности, относящіяся къ одному предмету, — тотъ и ученѣе. Безъ сомнѣнія, господинъ, котораго привозили къ князю Потемкину и который зналъ на память мѣсяцесловъ, былъ ученый — и еще болѣе: самъ изобрѣлъ *свою* науку. Ученые трудятся, пишутъ только для ученыхъ; для общества, для массъ пишутъ образованные люди; большая часть писателей, произведшихъ огромное вліяніе, потрясавшихъ, двигавшихъ массы, не принадлежитъ къ ученымъ: Байронъ, Вальтеръ Скоттъ, Руссо. Если же изъ среды ученыхъ какой-нибудь гигантъ пробьется и вырвется въ жизнь, они отрекаются отъ него, какъ отъ блуднаго сына, какъ отъ ренегата. Копернику не могли простить геніальность, надъ Колумбомъ смѣялись, Гегеля обвиняли въ невѣжествѣ. Ученые пишутъ съ ужаснымъ трудомъ; одинъ трудъ только тягостнѣе и есть: это чтеніе ихъ *doctes écrits* ¹⁾. Впрочемъ, такого труда никто и не предпринимаетъ; ученые общества, академіи, библіотеки покупаютъ ихъ фіоланты; иногда нуждающіеся въ нихъ справляются, но никогда никто не читаетъ ихъ отъ доски до доски. Собраніе ученыхъ какой-нибудь академіи было бы похоже на нашу роговую музыку, гдѣ каждый музыкантъ всю жизнь дудитъ одну и ту же ноту, если-бъ у нихъ былъ капельмейстеръ и *ensemble* (а въ *ensemble* и состоитъ наука). Они похожи на роговыхъ музыкантовъ, спорящихъ между собою каждый о превосходствѣ своей ноты и дудящихъ, для доказательства, во всю силу легкихъ. Имъ въ голову не приходитъ, что музыка будетъ только тогда, когда всѣ звуки поглотятся, уничтожатся въ одной ихъ объемлющей гармоніи.

Различіе ученыхъ съ дилетантами весьма ярко. Дилетанты любятъ науку, но не занимаются ею; они разсѣваются по лазури, носящейся надъ наукой, которая точно такъ же ничего, какъ ла-

¹⁾ Гегель, говоря гдѣ-то о гигантскомъ трудѣ читать какую-то ученую нѣмецкую книгу, присовокупилъ, что ее, вѣрно, было легче писать.—А. И. Г.

зурь земной атмосферы. Для ученыхъ наука—барщина, на которой они призваны обработать указанную полосу; занимаясь кочками, мелочами, они рѣшительно не имѣютъ досуга бросить взглядъ на все поле. Дилетанты смотрятъ въ телескопъ: оттого видятъ только тѣ предметы, которые по меньшей мѣрѣ далеки, какъ луна отъ земли,—а земного и близкаго ничего не видятъ. Ученые смотрятъ въ микроскопъ, и потому не могутъ видѣть ничего большаго; для того, чтобъ быть ими замѣченнымъ, надобно быть незамѣтнымъ глазу человѣческому; для нихъ существуетъ не кристальный ручей, а капля, наполненная гомеопатическими гадами. Дилетанты любятъ наукой такъ, какъ мы любимъ Сатурномъ: на благо-родной дистанціи и ограничиваясь знаніемъ, что онъ свѣтитъ и что на немъ обручъ. Ученые такъ близко подошли къ храму науки, что не видятъ храма и ничего не видятъ, кромѣ кирпича, къ которому пришелся ихъ носъ. Дилетанты—туристы въ областяхъ науки и, какъ вообще туристы, знаютъ о странахъ, въ которыхъ они были, общія замѣчанія да всякій вздоръ, газетную клевету, свѣтскія сплетни, придворныя интриги. Ученые—фабричные работники и, какъ вообще работники, лишены умственной развязности, что не мѣшаетъ имъ быть отличными мастерами своего дѣла, внѣ котораго они никуда негодны. Каждый дилетантъ занимается всѣмъ scibile ¹⁾ да еще, сверхъ того, тѣмъ, чего знать нельзя, т. е. мистицизмомъ, магнетизмомъ, фізіономикой, гомеопатіей, гидропатіей и пр. Ученый, наоборотъ, посвящаетъ себя одной главѣ, отдѣльной вѣтви какой-нибудь специальной науки и, кромѣ ея, ничего не знаетъ и знать не хочетъ. Такія занятія имѣютъ иногда свою пользу, доставляя факты для истинной науки. Отъ дилетантовъ, само собою разумѣется, никому и ничему нѣтъ пользы. Многіе думаютъ, что самоотверженіе, съ которымъ ученые обрекаютъ себя на кабинетную жизнь, на скучную работу, однообразную и утомительную, для пользы своей науки, заслуживаетъ великой благодарности со стороны общества. Мнѣ кажется, награда всякому труду въ самомъ трудѣ, въ дѣятельности. Но не подымаясь въ эту сферу, расскажу одинъ старый анекдотъ.

Какой-то добрый французъ сдѣлалъ модель парижскаго квартала изъ воска съ удивительною отчетливостью. Окончивъ дол-голѣтній трудъ свой, онъ поднесъ его конвенту единой и нераздѣльной республики. Конвентъ, какъ извѣстно, былъ нрава крутого и оригинальнаго. Сначала онъ промолчалъ: ему и безъ восковыхъ кварталиковъ было довольно дѣла,—образовать нѣсколько армій, про-

¹⁾ Познаваемымъ.

кормить голодныхъ парижанъ, оборониться отъ коалицій... Наконецъ, онъ добрался до модели и рѣшилъ: «гражданина такого-то, котораго произведеніе нельзя не признать оконченно-выполненнымъ, посадить на шесть мѣсяцевъ въ тюрьму за то, что онъ занимался бесполезнымъ дѣломъ, когда отечество было въ опасности». Съ одной стороны, конвентъ правъ, но вся бѣда конвента состояла въ томъ, что онъ во всѣхъ дѣлахъ смотрѣлъ съ одной стороны, да и то не съ самой пріятной. Ему не пришло въ голову, что человѣкъ, который *могъ* съ охотой заниматься годы цѣлые лѣпленіемъ изъ воска, и притомъ такіе годы,—не *могъ* никуда быть иначе употребленъ. Мнѣ кажется, подобныхъ людей не слѣдуетъ ни наказывать, ни награждать. Специалисты науки находятся въ этомъ положеніи: имъ ни брани, ни похвалы; ихъ занятія, безъ сомнѣнія, не хуже, да и, конечно, не лучше всѣхъ будничныхъ занятій человѣческихъ. Странная несправедливость состоитъ въ томъ, что ученыхъ считаютъ повыше простыхъ гражданъ, освобождаютъ отъ всякихъ общественныхъ тягостей, потому что они ученые,— а они рады сидѣть въ халатѣ и предоставлять другимъ всѣ заботы и труды. За то, что человѣкъ имѣетъ мономанію къ камнямъ или къ медалямъ, къ раковинамъ или къ греческому языку, за это его ставятъ въ исключительное положеніе нѣтъ достаточной причины. Между тѣмъ, избалованные обществомъ ученые дошли, было, до троглодитовски-дикаго состоянія. И теперь всякій знаетъ, что нѣтъ ни одного дѣла, которое можно поручить ученому: это—вѣчный недоросль между людьми; онъ только не смѣшонъ въ своей лабораторіи, музеумѣ. Ученый теряетъ даже первый признакъ, отличающій человѣка отъ животнаго—общественность: онъ конфузится, боится людей; онъ отвыкъ отъ живого слова; онъ трепещетъ передъ опасностью; онъ не умѣетъ одѣться; въ немъ что-то жалкое и дикое. Ученый, это—готтентотъ съ другой стороны такъ, какъ Хлестаковъ былъ генераль съ другой стороны. Таково клеймо, которымъ отмѣчаетъ Немезида людей, думающихъ выйти изъ человѣчества и не имѣющихъ на то права. А они требуютъ, чтобъ мы признали ихъ превосходство надъ нами; требуютъ какого-то спасибо отъ человѣчества, воображаютъ себя въ авангардѣ его! Никогда! Ученые, это—чиновники, служащіе идеѣ, это—бюрократія науки, ея писцы, столоначальники, регистраторы. Чиновники не принадлежатъ къ аристократіи, и ученые не могутъ считать себя въ передовой фалангѣ человѣчества, которая первая освѣщается восходящей идеей и первая побивается грозой. Въ этой фалангѣ можетъ быть и ученый такъ, какъ можетъ быть и воинъ, и артистъ, и женщина, и купецъ. Но они избираются не по званіямъ, а по

тому, что на челѣ ихъ увидѣли слѣдъ божественной искры: они принадлежатъ не къ ученому сословію, а просто къ тому кругу образованныхъ людей, который развился до живого уразумѣнія понятія челоуѣчества и современности. Этотъ кругъ, болѣе или менѣе просторный, смотря по степени просвѣщенія страны, есть живая, полная силъ среда, пышный цвѣтъ, въ который втекаютъ разными жилами всѣ соки, трудно разработанные, и преобразуются въ пышный вѣнчикъ. Въ немъ настоящее, переходя въ будущее, развертывается во всей красѣ и благоуханіи для того, чтобъ насладиться настоящимъ. Но предупредимъ недоразумѣніе—эта аристократія далеко не замкнута: она, какъ Фивы, имѣетъ сто широкихъ вратъ, вѣчно открытыхъ, вѣчно зовущихъ.

Каждый можетъ войти въ ворота, но труднѣе въ нихъ пройти ученому, нежели всякому другому. Ученому мѣшаетъ его дипломъ: дипломъ—чрезвычайное препятствіе развитію; дипломъ свидѣтельствуешь, что дѣло кончено, *consummatum est* ¹⁾; носитель его совершилъ въ себѣ науку, знаетъ ее. Жанъ-Поль говоритъ въ «Леванѣ» ²⁾: «Когда ребенокъ сказалъ неправду, скажите ему, что онъ сдѣлалъ дурно, скажите, что онъ *сомаля*, но не называйте *муномъ*; онъ, наконецъ, повѣритъ, что онъ лгунъ». Это замѣчаніе очень идетъ сюда: получивъ дипломъ, челоуѣкъ въ самомъ дѣлѣ воображаетъ, что онъ знаетъ науку въ то время, когда дипломъ имѣетъ, собственно, одно гражданское значеніе; но носитель его чувствуетъ себя отдѣленнымъ отъ рода челоуѣческаго: онъ на людей безъ диплома смотритъ, какъ на профановъ. Дипломъ, точно іудейское обрѣзаніе, дѣлитъ людей на два челоуѣчества. Юноша, получившій дипломъ, или принимаетъ его за актъ освобожденія отъ школы, за подорожную въ жизнь,—и тогда дипломъ не сдѣлаетъ ни вреда, ни пользы; или онъ въ гордомъ сознаніи отдѣляется отъ людей и принимаетъ дипломъ за право гражданства въ республикѣ *litterarum*, и идетъ подвизаться на схоластическомъ форумѣ ея. Республика ученыхъ—худшая республика изъ всѣхъ когда-нибудь бывшихъ, не исключая Парагвайской во время управленія ею *ученымъ докторомъ* Франсіа ³⁾. Юношу вступившаго встрѣчаютъ нравы и обычаи, окостенѣлые и наросшіе поколѣніями; его вталкиваютъ въ споры, безконечные и совершенно бесполезные; бѣдный истощаетъ свои силы, втягивается въ искусственную жизнь касты и забываетъ мало-по-малу всѣ живые интересы, разстается съ людьми

¹⁾ Завершено.

²⁾ «Levana oder die Erziehungslehre».

³⁾ Хозе-Гаспаръ, диктаторъ парагвайской республики.

и съ современностью; съ тѣмъ вмѣстѣ начинаетъ чувствовать высоту жизни въ области схоластики, привыкаетъ говорить и писать напыщеннымъ и тяжелымъ языкомъ касты, считаетъ достойными вниманія только тѣ событія, которыя случились за 800 лѣтъ и были отвергаемы по-латини и признаваемы по-гречески. Но это еще не все: это — медовый мѣсяць; вскорѣ имъ овладѣваетъ односторонняя исключительность (въ родѣ *idée fixe* у поврежденныхъ). Онъ пре дается специальности, дѣлается ремесленникомъ; наука теряетъ для него свою торжественность; для слуги нѣтъ великаго человѣка, — и цеховой ученый готовъ!

Но можетъ ли существовать наука безъ специальныхъ занятій? Развѣ энциклопедическая поверхность, за все хватающаяся, не есть именно недостатокъ дилетантизма? Конечно, не можетъ, но вотъ въ чемъ дѣло.

Наука — живой организмъ, которымъ развивается истина. Истинная метода одна: это собственно процессъ ея органической пластики; форма, система предопредѣлены въ самой сущности ея понятія и развиваются по мѣрѣ стеченія условій и возможностей осуществленія ихъ. Полная система есть расчлененіе и развитіе души науки до того, чтобъ душа стала тѣломъ и тѣло стало душою. Единство ихъ одѣйствовворяется въ методѣ. Никакая сумма свѣдѣній не составитъ науки до тѣхъ поръ, пока сумма эта не обрстетъ живымъ мясомъ около одного живого центра, то есть не дойдетъ до пониманія себя тѣломъ его. Никакая блестящая всеобщность, съ своей стороны, не составитъ полного, наукообразнаго знанія, если, заключенная въ ледяную область отвлеченій, она не имѣетъ силы воплотиться, раскрыться изъ рода въ видъ, изъ всеобщаго въ *личное*, если необходимость индивидуализаціи, если переходъ въ міръ событий и дѣйствій не заключенъ во внутренней потребности ея, съ которой она не можетъ *совладѣть*. Все живое живо и истинно только, какъ цѣлое, какъ внутреннее и внѣшнее, какъ всеобщее и единичное — сосуществующія. Жизнь связуетъ эти моменты; жизнь — процессъ ихъ вѣчнаго перехода другъ въ другъ. Одностороннее пониманіе науки разрушаетъ неразрывное, то есть убиваетъ живое. Дилетантизмъ и формализмъ держатся въ отвлеченной всеобщности; оттого у нихъ нѣтъ дѣйствительныхъ знаній, а есть только тѣни. Они легко расплываются оттого, что кругомъ пустота; они для легкости ноши хотѣли отдѣлить жизнь отъ живущаго; ноша стала, въ самомъ дѣлѣ, легка, потому что такое отвлеченіе — *ничего*. А это ничего есть любимая среда дилетантовъ всѣхъ степеней; они въ немъ видятъ безпредѣльный океанъ и до вольны просторомъ для мечтаній и фантазій.

Но если очевидно нѣчто безумное въ мысли отдѣлать жизнь отъ живого организма и между тѣмъ сохранить ее, то ошибка спеціализма, конечно, не лучше. Онъ всеобщаго знать не хочетъ, онъ до него никогда не поднимается; онъ за самобытность принимаетъ всякую дробность и частность, удерживая ихъ самобытность; спеціализмъ можетъ дойти до каталога, до всякихъ субсумаций, но никогда не дойдетъ до ихъ внутренняго смысла, до ихъ понятія, до истины, наконецъ, потому что въ ней надобно погубить всѣ частности; путь этотъ похожъ на опредѣленіе внутреннихъ свойствъ человѣка по калошамъ и пуговицамъ. Все вниманіе спеціалиста обращено на частности; онъ съ каждымъ шагомъ болѣе и болѣе запутывается; частности дѣлаются дробнѣе, ничтожнѣе; дѣленіе не имѣетъ границъ; темный хаосъ случайностей стережетъ его возлѣ и увлекаетъ въ болотистую тину той *закраины* бытія, которую свѣтъ не объемлетъ: это *его* безконечное море въ противоположность дилетантскому. Всеобщее, мысль, идея—начало, изъ котораго текутъ всѣ частности, единственная нить Ариадны,—теряется у спеціалистовъ, упущена изъ вида за подробностями; они видятъ страшную опасность: факты, явленія, видоизмѣненія, случаи давятъ со всѣхъ сторонъ; они чувствуютъ природный человѣку ужасъ заблудиться въ многообразіи всякой всячины, ничѣмъ не сшитой; они такъ положительны, что не могутъ утѣшаться, какъ дилетанты, какимъ-нибудь общимъ мѣстомъ, и въ отчаяніи, теряя единую, великую цѣль науки, ставятъ границей стремленія *Orientirung* ¹⁾. *Лишь бы найтися*, лишь бы не быть засыпану съ головой пескомъ фактовъ, сыплющихся отовсюду. Желаніе найтися наводитъ на искусственныя системы и теоріи, на искусственныя классификаціи и всякія построенія, о которыхъ *впередъ знаютъ*, что они не истинны. Такія теоріи трудны для изученія, потому что онѣ противоестественны, и онѣ-то составляютъ непреоборимыя укрѣпленія, за стѣнами которыхъ сидятъ ученые себѣ на умѣ. Эти теоріи—наросты, бѣльма на наукѣ; ихъ должно въ свое время срѣзать, чтобъ раскрыть зрѣніе; но они составляютъ гордость и славу ученыхъ. Въ послѣднее время не было извѣстнаго медика, физика, химика, который не выдумалъ бы своей теоріи: Бруссе и Гей-Люссакъ, Тенаръ и Распайль и *tutti quanti*. Но чѣмъ добросовѣстнѣе ученый, тѣмъ меньше онъ самъ можетъ удовлетвориться подобными теоріями: лишь только онъ принялъ *какую-нибудь*, чтобъ скрѣпить связку фактовъ, онъ наталкивается на фактъ, очевидно не идущій въ мѣру; надобно для него сдѣлать отдѣлъ, новое правило, новую гипотезу,

¹⁾ Оріентированіе.

а эта новая гипотеза противорѣчитъ старой, — и чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Ученый долженъ *по своей части* знать всѣ теоріи и при этомъ не забывать, что всѣ онѣ — вздоръ (какъ оговариваются во всѣхъ французскихъ курсахъ физики и химіи). Посвящая время на полезныя изученія прошедшихъ ошибокъ, онъ не можетъ найти мгновений, чтобъ заняться *не по своей части*, еще менѣе, — чтобъ подняться въ сферу истинной науки, обнимающей всѣ частныя предметы, какъ свои вѣтви. Впрочемъ, ученые не вѣрятъ въ нее; они на мыслителей посматриваютъ, иронически улыбаясь, какъ Наполеонъ смотрѣлъ на идеологовъ. Они люди положительнаго опыта, наблюденія. А между тѣмъ, ни положительность, ни матеріализмъ не мѣшаютъ имъ быть, по превосходству, идеалистами. Искусственныя методы, системы, субъективныя теоріи развѣ — не крайность идеализма? Какъ бы человекъ ни считалъ себя занимающимся одними фактами, внутренняя необходимость ума увлекаетъ его въ сферу мысли, къ идеѣ, къ всеобщему; специалисты выигрываютъ упорнымъ непослушаніемъ только то, что, вмѣсто правильнаго пути поднятія, они блуждаютъ въ странной средѣ, которой дно — факты безъ связи, а верхъ — теоретическія мечтанія безъ связи. Поднимаясь по-своему во всеобщее, они не хотятъ упустить ни одной частности, а въ той сферѣ не принимается ничего точимаго молью: одно вѣчное, родовое, необходимое призвано въ науку и освѣщено ею. Міръ фактической служитъ, безъ сомнѣнія, основой науки; наука, опертая не на природѣ, не на фактахъ, есть именно туманная наука дилетантовъ. Но, съ другой стороны, факты *in cudo*¹⁾, взятыя во всей случайности бытія, несостоятельны противъ разума, свѣтлѣющаго въ наукѣ. Въ наукѣ природа возстановляется, освобожденная отъ власти случайности и внѣшнихъ вліяній, которая притѣсняетъ ее въ бытіи; въ наукѣ природа просвѣтляется въ чистотѣ своей логической необходимости; подавляя случайность, наука примиряетъ бытіе съ идеей, возстановляетъ естественное во всей чистотѣ, понимаетъ недостатокъ существованія (*des Daseins*) и поправляетъ его, какъ власть имущая. Природа, такъ сказать, жаждала своего освобожденія отъ узъ случайнаго бытія, и разумъ совершилъ это въ наукѣ. Люди отвлеченной метафизики должны опуститься изъ своего поднебесья именно въ *физику* (въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова), и въ нее же должны подняться роющіеся въ землѣ специалисты. Въ наукѣ, принимаемой такимъ образомъ, нѣтъ ни теоретическихъ мечтаній, ни фактическихъ случайностей: въ ней — себя и природу созерцающій разумъ.

1) Сырые.

Главное, что дѣлаеть науку *ученыхъ* трудною и запутанною, это — метафизическія бредни и тьма тьмушая специальностей, на изученіе которыхъ посвящается цѣлая жизнь, и схоластическій видъ которыхъ отталкиваетъ многихъ. Но въ истинной наукѣ необходимо улетучивается то и другое, и остается стройный организмъ, разумный и оттого *просто понятный*. Наука достигаетъ теперь передъ нашими глазами до понятія себя въ истинномъ значеніи. Если-бъ не было такъ, и намъ не пришло бы въ голову говорить объ этомъ. Всегда и вѣчно будетъ техническая часть отдѣльныхъ отраслей науки, которая очень справедливо останется въ рукахъ специалистовъ, но не въ ней дѣло. Наука, въ высшемъ смыслѣ своемъ, сдѣлается доступна людямъ, и тогда только она можетъ потребовать голоса во всѣхъ дѣлахъ жизни. Нѣтъ мысли, которую нельзя было бы высказать просто и ясно, особенно въ ея діалектическомъ развитіи. Буало правъ:

Tout ce que l'on conçoit bien s'annonce clairement
Et les mots, pour le dire, arrivent aisément ¹⁾.

Мы, улыбаясь, предвидимъ теперь смѣшное положеніе ученыхъ, когда они хорошенько поймутъ современную науку; ея истинные результаты до такой степени просты и ясны, что они будутъ скандализованы. «Какъ! неужели мы бились и мучились цѣлую жизнь, а ларчикъ такъ просто открывался?» Теперь еще они сколько-нибудь могутъ уважать науку, потому что надобно имѣть нѣкоторую силу, чтобъ понять, какъ она *проста*, и нѣкоторую сноровку, чтобъ узнавать ясную истину подъ плевою схоластическихъ выраженій, а они не догадываются объ ея простотѣ. Но если, въ самомъ дѣлѣ, истинная наука такъ проста, зачѣмъ же высшіе представители ея, напр., Гегель, говорили тоже труднымъ языкомъ? Гегель, несмотря на всю мощь и величіе своего генія, былъ тоже человѣкъ; онъ испыталъ панической страхъ просто выговориться въ эпоху, выражавшуюся ломаннымъ языкомъ такъ, какъ боялся итти до послѣдняго слѣдствія своихъ началъ; у него не достало геройства послѣдовательности, самоотверженія въ принятіи истины во всю ширину ея и чего бы она ни стоила. Величайшіе люди останавливались передъ очевиднымъ результатомъ своихъ началъ; иные испугавшись шли вспять и вмѣсто того, чтобъ искать ясности, затемняли себя. Гегель видѣлъ, что многимъ изъ общепринятаго надобно пожер-

¹⁾ Все, что хорошо продумано, выражается ясно, и слова для выраженія приходятъ легко.

твовать: ему жаль было разить; но, съ другой стороны, онъ не могъ не высказать того, что былъ призванъ высказать. Гегель часто, выведя начало, боится признаться во всѣхъ слѣдствіяхъ его и ищетъ *не простою*, естественнаго, само собою вытекающаго результата, но еще, чтобъ онъ былъ въ ладу съ существующимъ; развитіе дѣлается сложнѣе, ясность затемняется. Присовокупимъ къ этому дурную привычку говорить языкомъ школы, которую онъ поневолѣ долженъ былъ пріобрѣсти, говоря всю жизнь съ нѣмецкими учеными. Но мощный геній его и тутъ прорывается во всемъ колоссальномъ своемъ величіи. Возлѣ запутанныхъ періодовъ вдругъ одно слово, какъ молнія, освѣщаетъ безконечное пространство вокругъ, и душа ваша долго еще трепещетъ отъ громовыхъ раскатовъ этого слова и благоговѣетъ передъ высказавшимъ его. Нѣтъ укора отъ насъ великому мыслителю! Никто не можетъ стать настолько выше своего вѣка, чтобъ совершенно выйти изъ него, и, если современное поколѣніе начинаетъ проще говорить, и рука его смѣлѣе открываетъ послѣднія завѣсы Изиды, то это именно потому, что Гегелева точка зрѣнія у него впередъ шла, была побѣждена для него. Человѣкъ настоящаго времени стоитъ на горѣ и разомъ обнимаетъ обширный видъ, но проложившему дорогу на гору видъ этотъ раскрывался мало-по-малу. Когда Гегель взошелъ первый, ширина вида его подавила; онъ сталъ искать своей горы; ея не было видно на вершинѣ; онъ испугался: она слишкомъ тѣсно связалась со всѣми испытаніями его, со всѣми воспоминаніями, со всѣми судьбами, которыя онъ пережилъ; онъ хотѣлъ сохранить ее. Юное поколѣніе, легко взнесшее на мощныхъ раменахъ геніальнаго мыслителя, не имѣетъ уже къ горѣ ни той любви, ни того уваженія: для него она *прошедшее*.

Когда юное возмужаетъ, когда оно привыкнетъ къ высотѣ, оглядится, почувствуетъ себя тамъ дома, перестанетъ дивиться широкому, безконечному виду и своей волѣ, словомъ, сживется съ вершиной горы, тогда его истина, его наука выскажется просто, всякому доступно. *И это будетъ!*

1842, ноябрь.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Буддизмъ въ наукѣ.

Погубящій свою душу найдетъ ее.
Вѣра безъ дѣлъ мертва.

Наука, сказали мы прежде, провозгласила всеобщее примиреніе въ сферѣ мышленія, и жаждавшіе примиренія раздвоились: одни отвергли примиреніе науки, не обсудивъ его, другіе приняли поверхностно и буквально; были и есть, само собою разумѣется, истинно понявшіе науку, — они составляютъ македонскую фалангу ея, о которой мы не предположили себѣ говорить въ рядѣ этихъ статей. Потомъ мы сдѣлали опытъ взглянуть на *непримиримыхъ* и видѣли, что по большей части имъ не позволяетъ больное и испорченное зрѣніе туда смотрѣть, куда слѣдуетъ, такъ видѣть, какъ совершается, такъ понимать, какъ сказано; личный недостатокъ въ органахъ зрѣнія переносится ими на зримое. Болѣзненность глаза не всегда свидѣтельствуешь о слабости его; иногда съ нею вмѣстѣ соединяется чрезвычайная сила, но отклоненная отъ естественнаго отправления своего. Теперь обратимся къ *примиреннымъ*. Въ ихъ числѣ есть люди ненадежные, положившіе оружіе при первомъ выстрѣлѣ, принявшіе всѣ условія съ самоотверженіемъ, приводящимъ въ отчаяніе, съ подозрительною непрекословностью. Мы ихъ называли мохаммеданами въ наукѣ, но не оставимъ при нихъ этого названія, напоминающаго пестряя и яркія картины Халифата и Алгамбры; ихъ несравненно вѣрнѣе можно назвать буддистами въ наукѣ¹⁾. Постараемся высказать нашу мысль о нихъ какъ можно яснѣе, безъ притязаній, простыми средствами разговорной рѣчи.

Наука не только провозгласила, но и сдержала слово: она, дѣйствительно, достигла примиренія *въ своей сферѣ*. Она явилась тѣмъ вѣчнымъ посредствомъ, которое сознаниемъ, мыслью снимаетъ противоположное, примиряетъ ихъ обличеніемъ ихъ единства, примиряетъ ихъ въ себѣ и собою, сознаниемъ себя правдой борющихся началъ. Требованіе было бы безумно, если-бъ вмѣнили ей въ обя-

¹⁾ Буддисты принимаютъ существованіе за истинное зло, ибо все существующее—призракъ. Верховное бытіе для нихъ—пустота безконечнаго пространства. Переходя изъ степени въ степень, они достигаютъ высшаго конечнаго блаженства несуществованія, въ которомъ находятъ полную свободу (Клапротъ). Какое родственное сходство!—А. И. Г.

занность совершить что-нибудь внѣ своей сферы. Сфера науки— всеобщее, мысль, разумъ, *какъ самопознающій духъ*, и въ ней она исполнила главную часть своего призванія; за остальную можно поручиться. Она поняла, сознала, развила истину разума, *какъ лежащей дѣйствительности*; она освободила мысль міра изъ событія міра, освободила все сущее отъ случайности, распустила все твердое и неподвижное, прозрачнымъ сдѣлала темное, свѣтъ внесла во мракъ, раскрыла вѣчное во временномъ, безконечное въ конечномъ и признала ихъ необходимое существованіе; наконецъ, она разрушила китайскую стѣну, дѣлившую безусловное, истину отъ человѣка, и на развалинахъ ея водрузила знамя самозаконности разума. Остановливая человѣка на простомъ событіи чувственной достовѣрности, начавъ съ нимъ личныя умствованія, она развиваетъ въ немъ родовую идею, всеобщій разумъ, освобожденный отъ личности. Она требуетъ съ самаго начала жертвоприношенія личностью, закланія сердца,—это ея *conditio sine qua non*. И какъ бы это ужасно ни казалось, она права: у науки одна сфера всеобщаго, мысли. Разумъ не знаетъ личности *этой*; онъ знаетъ одну необходимость личностей вообще; разумъ, какъ высшая справедливость, нелицепріятенъ. Оглашенный наукой долженъ пожертвовать своей личностью, долженъ ее понять не истиннымъ, а случайнымъ и, свергая ее со всѣми частными убѣжденіями, взойти въ храмъ науки. Этотъ искусь для однихъ слишкомъ труденъ, для другихъ слишкомъ легокъ. Мы видѣли, какъ дилетантамъ наука недоступна оттого, что между ими и наукой стоитъ ихъ личность; они ее удерживаютъ трепетной рукой и не подходятъ близко къ стремительному потоку ея, боясь, что быстрое движеніе волнъ унесетъ и утопитъ; а если и подходятъ, то забота самосохраненія не позволяетъ ничего видѣть. Такимъ людямъ наука не можетъ раскрыться оттого, что они ей не раскрываются. Наука требуетъ всего человѣка, безъ заднихъ мыслей, съ готовностью все отдать и въ награду получить тяжелый крестъ *трезваго знанія*. Человѣкъ, который ничему не можетъ распахнуть груди своей, жалокъ; ему не одна наука затворяетъ свою храмину; онъ не можетъ быть ни глубоко-религіознымъ, ни истиннымъ художникомъ, ни доблестнымъ гражданиномъ; ему не встрѣтитъ ни глубокой симпатіи друга, ни пламеннаго взгляда взаимной любви. Любовь и дружба—взаимое эхо; онѣ даютъ столько, сколько берутъ. Въ противоположность этимъ скупцамъ и эгоистамъ нравственнаго міра есть моты и расточители, не ставящіе ни во что ни себя, ни свое достояніе; радостно бѣгутъ они къ самоуничтоженію во всеобщемъ и при первомъ словѣ бросаютъ и убѣжденія свои, и свою личность, какъ

черное бѣлье. Но невѣста, которой они искали, своенравна; она потому не хочетъ брать душу этихъ людей, что они легко отдаютъ ее и не требуютъ назадъ; напротивъ, довольны, что отдѣлались отъ нея. Она права: хороша личность, которую бросаютъ въ окошко! Но какъ же быть? Погуби свою личность, а тамъ — удерживай свою личность, — логомахія новой каббалистики!

Личность погибла въ наукѣ, но не имѣетъ ли личность, сверхъ призванія въ сферу всеобщаго, иного призванія, и если то призваніе лично, то оно не можетъ поглотиться наукой, именно потому, что она улетучиваетъ личное, обобщая его. Процессъ погубленія личности въ наукѣ есть процессъ становленія въ сознательную, свободно-разумную личность изъ непосредственно-естественной; она приостановлена для того, чтобъ вновь родиться. Вѣдь, и парабола погибла въ уравненіи параболы, и цифра погибла въ формулѣ. Алгебра — логика математики; алгоритмъ ея представляетъ всеобщіе законы, результатъ и самое движеніе въ родовомъ, вѣчномъ, безличномъ видѣ. Но парабола только *притаилась* въ уравненіи, не умерла въ немъ такъ, какъ и цифра въ формулѣ. Для полученія дѣйствительно сущаго результата, буква замѣняется цифрой, формула получаетъ живую особность, уносится въ міръ событий, изъ котораго вышла, движется и оканчивается практическимъ результатомъ, не уничтожая, съ своей стороны, формулу. Выкладка исполнила ее практическимъ одѣйствованіемъ и, по-прежнему спокойная, царитъ въ сферѣ всеобщаго. Примѣры изъ формальной науки всегда способствуютъ къ уразумѣнію, если только мы не будемъ забывать, что спекулятивная наука *не токмо* формальная, что ея формула исчерпываетъ и самое содержаніе.

Итакъ, личность, разрѣшающаяся въ наукѣ, не безвозвратно погибла: ей надобно пройти чрезъ эту гибель, чтобъ убѣдиться въ невозможности ея. Личности надобно отречься отъ себя для того, чтобъ сдѣлаться сосудомъ истины, забыть себя, чтобъ не стѣснять ее собою, принять истину со всѣми послѣдствіями и въ числѣ ихъ раскрыть непреложное право свое на возвращеніе самобытности. Умереть въ естественной непосредственности значитъ воскреснуть въ духѣ, а не погибнуть въ безконечномъ ниче, какъ погибаютъ буддисты. Эта побѣда надъ собою возможна и дѣйствительна, когда есть борьба; ростъ духа труденъ, какъ ростъ тѣла. То дѣлается нашимъ, что выстрадано, выработано; что даромъ свалилось, тому мы цѣны не знаемъ. Игроки бросаютъ деньги горстями. Стоило ли испытывать Авраама, если-бъ ему ничего не стоило убить Исаака?

Здоровая, сильная личность не отдается наукѣ безъ боя; она даромъ не уступитъ шагу; ей ненавистно требованіе пожертвовать

собою, но непреодолимая власть влечетъ ее къ истинѣ; съ каждымъ ударомъ человѣкъ чувствуетъ, что съ нимъ борется мощный, противъ котораго силъ не довлѣетъ: стеная, рыдая, отдаетъ онъ по клочку все свое—и сердце, и душу. Такъ Одиссей, погибая въ волнахъ и цѣпляясь за скалы, прежде нежели спасся, орумянилъ ихъ своею кровью и оставилъ на нихъ куски своего мяса. Побѣдитель безпощаденъ, требуетъ всего, и побѣжденный отдаетъ все; но побѣдитель въ самомъ дѣлѣ не возьметъ: на что ему человѣческое? Человѣку нужно было отдать, а не ему взять. Формалистамъ, вѣчно находящимся въ мірѣ отвлеченномъ, уступка личностью ничего не значитъ, и потому они черезъ такую уступку ничего не приобретаютъ; они забываютъ жизнь и дѣятельность: лиризмъ и страстность ихъ удовлетворяются отвлеченнымъ пониманіемъ, оттого имъ не стоитъ ни труда, ни страданій пожертвовать личнымъ благомъ своимъ. Имъ убить Исаака ничего не стоитъ. Формалисты науку *изучаютъ*, какъ нѣчто внѣшнее: до нѣкоторой степени они могутъ усваивать себѣ ея остовъ, ея выраженія, полагая, что они приняли въ себя ея животворящую душу. Науку надобно прожить, чтобъ не формально усвоить ее себѣ. Переломившій ногу полнѣе и тверже всякаго врача знаетъ, какая именно боль при переломѣ. Прострадать феноменологію духа, исходить горячею кровью сердца, горькими слезами очей, худѣть отъ скептицизма, жалѣть, любить многое, много любить и все отдать истинѣ,—такова лирическая поэма воспитанія въ науку. Наука дѣлается страшнымъ вампиромъ, духомъ, котораго нельзя прогнать никакимъ заклинаніемъ, потому что человѣкъ вызвалъ его изъ собственной груди и ему *некуда* скрыться. Тутъ надобно оставить пріятную мысль благоразумно заниматься въ извѣстный часъ дня бесѣдой съ философами для образованія ума и украшенія памяти. Вопросы страшные безотходны: куда ни отвернется несчастный, они передъ нимъ, писанные огненными буквами Даніила, и тянутъ куда-то въ глубь, и силъ нѣтъ противостоятъ чарующей силѣ пропасти, которая влечетъ къ себѣ человѣка загадочной опасностью своей. Змѣя мечетъ банкъ; игра, холодно начинающаяся съ логическихъ общихъ мѣстъ, быстро развертывается въ отчаянное состязаніе; всѣ заповѣдныя мечты, святыя, нѣжныя упованія, Олимпъ и Аидъ, надежда на будущее, довѣріе настоящему, благословеніе прошедшему, — все послѣдовательно является на картѣ, и она, медленно вскрывая, безъ улыбки, безъ ироніи и участія, повторяетъ холодными устами: «убита». Что еще поставить? Все проиграно; остается поставить себя; понтеръ ставить, и съ той минуты игра мѣняется. Горе тому, кто не доигрался до послѣдней тали, кто остановился на про-

игрышѣ: или онъ падаетъ подъ тяжестью мучительнаго сомнѣнія, снѣдаемый алканіемъ горячей вѣры, или приметъ проигрышъ за выигрышъ и самодовольно примирится съ своимъ увѣчемъ; первое — путь къ нравственному самоубійству, второе — къ бездушному атеизму. Личность, имѣвшая энергію себя поставить на карту, отдается наукѣ безусловно, но наука не можетъ уже поглотить такой личности, да и она сама по себѣ не можетъ уничтожиться во всеобщемъ — слишкомъ просторно. Погубящій душу *найдетъ ее*.

Кто такъ дострадался до науки, тотъ усвоилъ ее себѣ не токмо, какъ остовъ истины, но какъ живую истину, раскрывающуюся въ живомъ организмѣ своемъ; онъ дома въ ней, не дивится болѣе ни своей свободѣ, ни ея свѣту; но ему становится мало ея примиренія; ему мало блаженства спокойнаго созерцанія и видѣнія; ему хочется полноты упоенія и страданій жизни; ему хочется *дѣйствованія*, ибо одно дѣйствованіе можетъ вполне удовлетворить человѣка. Дѣйствованіе — сама личность. Когда Данте вступилъ въ свѣтлую область, въ которой нѣтъ ни плача, ни въздыханія, когда онъ увидѣлъ безплотныхъ жителей рая, ему стало стыдно тѣни, бросаемой его тѣломъ. Ему, земному, не товарищи были эти свѣтлые, эфирные, и онъ пошелъ опять въ нашу юдоль, опираясь на свой посохъ бездомнаго изгнанника; но теперь ужъ онъ не потеряетъ тропинки, не упадетъ середь дороги отъ усталости и изнеможенія. Онъ пережилъ свое становленіе, выстрадалъ его; онъ блуждалъ по жизни и прошелъ мученіями ада; онъ лишился чувствъ отъ вопля и стона и раскрывалъ мутный, испуганный взоръ, вымалывая каплю утѣшенія, вмѣсто котораго снова стоны, e nuovi tormenti, e nuovi tormentati ¹⁾. Но онъ *дошелъ* до Люцифера, и тогда поднялся черезъ свѣтлое чистилище въ сферу вѣчнаго блаженства безплотной жизни, узналъ, что есть міръ, въ которомъ человѣкъ счастливъ, отрѣшенный отъ земли, — и воротился въ жизнь и понесъ ее крестъ.

Буддисты науки, такъ или сякъ поднявшись въ сферу всеобщаго, изъ нея не выходятъ. Ихъ колачомъ не заманишь въ міръ дѣйствительности и жизни. Кто имъ велитъ промѣнять обширную храмину, въ которой дѣлать нечего, а почетно, на нашу жизнь съ ея бушующими страстями, гдѣ надобно работать, а иногда погибнуть. Одни тѣла, имѣющія удѣльный вѣсъ, тяжеле воды и тонуть; щепы и солома важно плаваютъ по поверхности. Формалисты нашли примиреніе въ наукѣ, но примиреніе ложное; они больше примирились, нежели наука могла примирить; они не по-

¹⁾ И новыя мученія, и новые мученики.

няли, *какъ* совершенно примиреніе въ наукѣ; вошедши съ слабымъ зрѣніемъ, съ бѣдными желаніями, они были поражены свѣтомъ и богатствомъ удовлетворенія. Имъ понравилась наука такъ же неосновательно, какъ дилетантамъ не понравилась. Они вообразили, что достаточно *знать* примиреніе, а одѣйствотворять его не нужно. Отступивъ отъ міра и разсматривая его съ отрицательной точки, имъ не захотѣлось снова взойти въ міръ; имъ показалось достаточно знать, что хина лѣчитъ отъ лихорадки для того, чтобъ вылѣчиться; имъ не пришло въ голову, что для человѣка наука—моментъ, по обѣимъ сторонамъ котораго жизнь: съ одной стороны, стремящаяся къ нему—естественно-непосредственная, съ другой,—вытекающая изъ него—сознательно-свободная; они не поняли, что наука—сердце, въ которое втекаетъ темная венозная кровь не для того, чтобъ остаться въ немъ, а чтобъ, сочетавшись съ огненнымъ началомъ воздуха, разлиться алой артеріальной кровью. Формалисты подумали, что пріѣхали въ пристань въ то время, какъ въ самомъ дѣлѣ имъ слѣдовало отчаливать; они сложили руки, узнавъ, въ чемъ дѣло, т. е. когда послѣдовательность заставляла ихъ раскрыть руки. Для нихъ знаніе заплатило за жизнь, и имъ ея больше не нужно: они узнали, что наука—цѣль самой себѣ, и вообразили, что наука—исключительная цѣль человѣка. Примиреніе науки—снова начатая борьба, достигающая примиренія въ практическихъ областяхъ; примиреніе науки—въ мышленіи, но «человѣкъ—не токмо мыслящее, но и дѣйствующее существо» ¹⁾). Примиреніе науки всеобщее и отрицательное,—оттого ей личность не нужна; положительное примиреніе можетъ только быть въ дѣяніи свободномъ, разумномъ, сознательномъ. Въ тѣхъ сферахъ, въ которыхъ личность сохранила необходимость проявленія ея въ дѣяніяхъ очевидца,—въ религии, напримѣръ,—не одно возношеніе лицъ, но и нисхождение къ лицамъ, сохраненіе ихъ; въ ней вѣра признана мертвою безъ дѣлъ, любовь поставлена выше всего. Отвлеченная мысль есть непрерывное произношеніе смертнаго приговора всему временному, казнь неправаго, ветхаго во имя вѣчнаго и непреходящаго,—оттого, наука ежеминутно отрицаетъ воображаемую незыблемость существующаго. Дѣяніе сознательной любви творчески-создательно. Любовь есть всеобщее прощеніе, снисходительное, прижимающее къ груди своей самое временное за слѣдъ вѣчнаго, отпечатлѣннаго на немъ. Но чистыя отвлеченія не

¹⁾ Это сказалъ Геге. Гегель въ «Пропедевтикѣ» (томъ XVIII, § 63) говоритъ: «слово не есть еще *дѣяніе*, которое *выше рѣчи*». И германцы, стало, понимали это.—А. И. Г.

имѣють возможности существовать; противоположное находить мѣсто, вкрадывается и развивается въ домѣ врага своего; отрицаніе науки чревато съ перваго появленія положительнымъ. Эта скрытая положительность освобождается любовью, струится во всѣ стороны, какъ теплотворъ, непрерывно стремясь найти условія осуществленія и выхода изъ области всеобщаго отрицанія въ область свободнаго дѣянія; когда наука достигаетъ высшей точки, она естественно переходитъ самое себя. Въ наукѣ мышленіе и бытіе примирены; но условія мира дѣланы мыслію,—полный миръ въ дѣяніи. «Дѣяніе есть живое единство теоріи и практики», сказалъ слишкомъ за двѣ тысячи лѣтъ величайшій мыслитель древняго міра ¹⁾). Въ дѣяніи разумъ и сердце поглотились одѣйствотвореніемъ, исполнили въ мірѣ событій находившееся въ возможности. Мірозданіе, исторія—не вѣчныя ли дѣянія? Дѣяніе отвлеченнаго разума—мышленіе, уничтожающее личность; человѣкъ безконеченъ въ немъ, но теряетъ себя; онъ вѣченъ въ мысли, *но онъ—не онъ*: дѣяніе отвлеченнаго сердца—частный поступокъ, не имѣющій возможности раскрыться во всеобщее; въ сердцѣ человѣкъ у себя,—но преходящъ. Въ разумномъ, нравственно-свободномъ и страстно-энергическомъ дѣяніи человѣкъ достигаетъ дѣйствительности своей личности и увѣковѣчиваетъ себя въ мірѣ событій. Въ такомъ дѣяніи человѣкъ вѣченъ во временности, безконеченъ въ конечности, представитель рода и самого себя ²⁾), живой и сознательный органъ своей эпохи.

Истина, высказанная нами, далека отъ того, чтобъ быть сознанною. Могущественнѣйшіе и величайшіе представители современнаго человѣчества поняли мысль и дѣянія разнo и односторонне. Степенная, глубоко чувствующая и созерцающая. Германія опредѣлила себѣ человѣка, какъ мышленіе, науку признала цѣлью и нравственную свободу поняла только, какъ внутреннее начало. Она никогда не имѣла вполнѣ развитаго смысла практической дѣятельности; обобщая каждый вопросъ, она выходила изъ жизни въ отвлеченія и окончивала одностороннимъ разрѣшеніемъ. Савонарола, слѣдуя инстинкту жизни романскихъ народовъ, сдѣлался главою

¹⁾ Аристотель.—А. И. Г.

²⁾ Надъ этими выраженіями посмѣются наши люстихи ⁰⁾; не будемъ такъ робки,—пусть люстихи посмѣются, на то они люстихи. Смѣхъ для нихъ вознагражденіе непониманью; изъ человѣколюбія надобно имъ предоставить такой дешевый *реваншъ*.—А. И. Г.

⁰⁾ Lüstig—весельчакъ, насмѣшникъ.

политической партіи ¹⁾). Германскіе реформаторы, уничтоживъ въ половинѣ Германіи католицизмъ, не выступили изъ области теологіи и схоластическихъ споровъ; фазы новой французской исторіи повторялись въ Германіи въ области науки и отчасти искусства. Германическій міръ имѣетъ самъ въ себѣ и противоположное направленіе, также отвлеченное и одностороннее. Англія одарена величайшимъ смысломъ жизни и дѣятельности, но всякое дѣяніе ея есть частное; общечеловѣческое у британца превращается въ національное: всеобъемлющій вопросъ сводится на мѣстный. Англія моремъ отдѣлена отъ человѣчества и, гордая своей замкнутостью, не раскрываетъ своей груди интересамъ материка. Британецъ никогда не отступится отъ своей личности; онъ знаетъ великую заслугу свою, то неприкосновенное величіе, тотъ нимбъ уваженія, которыми онъ окружилъ именно идею личности. Заснувшіе народы Италіи и вновь выступающіе испанцы не заявили никакихъ правъ на поприще, о которомъ мы говоримъ.

Остаются два народа, на которые невольнo обращается взглядъ. Съ одной стороны, Франція—самымъ счастливымъ образомъ поставленная относительно европейскаго міра, сбѣгающагося въ ней, опираясь на край романизма, и соприкасающагося со всѣми видами германизма, отъ Англіи, Бельгіи до странъ, прилегающихъ Рейну; романо-германская сама, она какъ будто призвана примирить отвлеченную практичность средиземныхъ народовъ съ отвлеченной умозрительностью за-рейнской, поэтическую нѣгу солнечной Италіи съ индустриальной хлопотливостью туманнаго острова. Доселѣ Франція и Германія не понимали другъ друга вполне; разное волновало ихъ, разное влекло ихъ, одни и тѣ же предметы выражались иными языками; весьма недавно они узнали другъ друга: ихъ познакомилъ Наполеонъ, и послѣ взаимныхъ посѣщеній, когда улеглись страсти вмѣстѣ съ пороховымъ дымомъ, они съ уваженіемъ склонились другъ передъ другомъ и признали другъ друга. Но истиннаго единенія нѣтъ. Наука Германіи упорно не переплываетъ Рейна; бѣглый умъ француза предупреждаетъ діалектическое развитіе, хватается изъ середины какую-нибудь мысль и торопится осуществить ее. Грядущему предлежитъ разрѣшить, насколько Франція можетъ быть органомъ примиренія науки и жизни; впрочемъ, не надобно ошибаться, принимая слишкомъ рѣзко противоположность Франціи и Германіи: она часто совершенно внѣшняя. Франція своимъ путемъ

¹⁾ «Романскіе народы имѣютъ характеристику рѣзче германцевъ; они опредѣленные дѣла свои исполняютъ съ чрезвычайной твердостью, обдуманностью и ловкостью». «Philosophie der Geschichte», p. 422, tome IX.—А. И. Г.

дошла до заключеній очень близкихъ къ заключеніямъ науки германской, но не умѣеть перенести ихъ на всеобщій языкъ науки такъ, какъ Германія не умѣеть языкомъ жизни повторить логику. И, сверхъ того, наука германская искони пользовалась Франціей. Не говоря о Декартѣ, вліяніе энциклопедистовъ было очень сильно; ей никогда не достигнуть бы своей зрѣлости безъ фактическаго обилія разработаннаго по всѣмъ отраслямъ во Франціи. Съ другой стороны, можетъ, тутъ раскроется великое призваніе бросить нашу сѣверную гривну въ хранилищницу человѣческаго разумнїя; можетъ, мы, мало жившіе въ быломъ, явимся представителями дѣйствительнаго единства науки и жизни, слова и дѣла. Въ исторіи поздно приходящимъ—не кости, а сочные плоды. Въ самомъ дѣлѣ, въ нашемъ характерѣ есть нѣчто, соединяющее лучшую сторону французовъ съ лучшей стороной германцевъ. Мы несравненно способнѣе къ наукообразному мышленію, нежели французы, и намъ рѣшительно невозможно мѣщански-филистерская жизнь нѣмцевъ; въ насъ есть что-то gentlemanlike ¹⁾, чего именно нѣтъ у нѣмцевъ, и на челѣ нашемъ проступаетъ слѣдъ величавой мысли, какъ-то не сосредоточивающейся на челѣ француза.¹

Но не будемъ забѣгать въ будущее и возвратимся. Философы Германіи какъ-то провидѣли, что дѣяніе, а не наука—цѣль чело-вѣка. Это была часто гениальная пророческая непослѣдовательность, насильно врывающаяся въ безстрастныя и суровыя логическія построенія. Самъ Гегель болѣе намекнулъ, нежели развилъ мысль о дѣяніи. Это дѣло не его эпохи,—дѣло эпохи, имъ порожденной. Гегель, раскрывая области духа, говоритъ объ искусствѣ, наукѣ и забываетъ практическую дѣятельность, вплетенную во всѣ событія исторіи. Но рядъ мыслителей Германіи, замыкающійся Гегелемъ, не должно ставить на одну доску съ настоящими формалистами. Они не имѣли иныхъ требованій, кромѣ потребности вѣдѣнія, но это было своевременно; они труженически разработали для чело-вѣчества путь науки; для нихъ примиреніе въ наукѣ было наградой; они имѣли право, по историческому мѣсту своему, удовлетвориться во всеобщемъ; они были призваны свидѣтельствовать міру о совершившемся самопознаніи и указать путь къ нему: въ этомъ состояло *ихъ дѣяніе*. Мы совсѣмъ не въ томъ положеніи; для насъ жизнь въ отвлеченно-всеобщихъ сферахъ—несвоевременность, личная охота. Всякая восходящая сфера имѣеть притязаніе на исключительное господство и безусловное значеніе: вѣра въ него—главнѣйшее условіе успѣха; но дальнѣйшее развитіе во времени необходимо переходитъ мнимо-

¹⁾ Джентельменоподобное.

безусловную сферу, и эта необходимость перехода гораздо съ большей справедливостью может казаться безусловной. Гегель чрезвычайно глубокомысленно сказалъ: «понять *то, что есть*—задача философіи, ибо *то, что есть*—разумъ. Какъ всякая личность—*произведеніе своего времени*, такъ философія есть въ *мысляхъ схваченная эпоха*; нелѣпо предположить, что какая-нибудь философія переходила свой современный міръ»¹⁾. Задача реформаціоннаго міра была понять, но понятіемъ не замыкается воля. Философы забыли о положительной дѣятельности. Бѣды въ этомъ не было. Практическія сферы вовсе не лишены языка; онѣ заявили свой голосъ, когда время пришло. Оно пришло быстро: человѣчество несется теперь, какъ по желѣзной дорогѣ. Годы—вѣка. Едва прошло десять лѣтъ послѣ смерти Гете и Гегеля, величайшихъ представителей искусства и науки, какъ самъ Шеллингъ, увлеченный новымъ направлениемъ, сталъ дѣлать совершенно иныя требованія, нежели съ которыми явился проповѣдывать науку въ началѣ XIX вѣка. Ренегатство Шеллинга во всякомъ случаѣ—событіе важное и многозначительное. Шеллингъ болѣе обладаетъ поэтическимъ созерцаніемъ, чѣмъ діалектикой, и именно, какъ Vates²⁾, онъ испугался океана всеобщаго, готовившагося поглотить весь потокъ умственной дѣятельности; онъ пошелъ вспять, не славивши съ послѣдствіями своихъ началъ, и вышелъ изъ современности, указывая на большое мѣсто. Во всей германской атмосферѣ носятся новые вопросы о жизни и наукѣ, это—очевидный фактъ въ журналистикѣ, въ изящныхъ произведеніяхъ, въ книгахъ. Забытая въ наукѣ личность потребовала своихъ правъ, потребовала жизни, трепещущей страстями и удовлетворяющейся однимъ творческимъ, свободнымъ дѣяніемъ. Послѣ отрицанія, совершеннаго въ сферѣ мышленія, она захотѣла отрицаній въ другихъ сферахъ: необходимость личности обличилась. Человѣкъ требуетъ ее, а наука, взявшая все, признаетъ это право; она не удерживаетъ, она благословляетъ въ жизнь личную, въ жизнь свободнаго дѣянія во имя абсолютной безличности.

Да, наука есть царство безличности, успокоенное отъ страстей, почившее въ величайшемъ самопознаніи, озаренное всепроникающимъ свѣтомъ разума, царство идеи,—не мертвое, не остывшее, какъ трупъ, но покойное въ самомъ движеніи своемъ, какъ океанъ. Въ наукѣ сонмъ олимпійцевъ, а не люди; *матери*, къ которымъ ходилъ Фаустъ. Въ наукѣ истина, облеченная не въ вещественное

¹⁾ «Philosophie des Rechts», Vorrede. Курсивомъ напечатанное подчеркнуто въ текстѣ.—А. И. Г.

²⁾ Толкователь.

тѣло, а въ логическій организмъ, живая архитектурикою діалектическаго развитія, а не эпопеей временнаго бытія; въ ней законъ—мысль исторгнутая, спасенная отъ бурь существованія, отъ возмущеній внѣшнихъ и случайныхъ; въ ней раздается симфонія сферъ небесныхъ, и каждый звукъ ея имѣетъ въ себѣ вѣчность, потому что въ немъ была необходимость, потому что случайный стонъ временнаго не достигаетъ такъ высоко. Мы согласны съ формалистами: наука *выше* жизни, но въ этой высотѣ свидѣтельство ея односторонности; конкретно истинное не можетъ быть ни выше, ни ниже жизни, оно должно быть въ самомъ средоточіи ея, какъ сердце въ срединѣ организма. Отъ того, что наука выше жизни, ея область отвлеченна, *ея полнота не полна*. Живая цѣлость состоитъ не изъ всеобщаго, снявшаго частное, но изъ всеобщаго и частнаго, взаимно другъ въ друга стремящихся и другъ отъ друга отторгающихся; ея нѣтъ ни въ какомъ моментѣ, ибо всѣ моменты—ея; какъ бы ни казались самобытны и исчерпывающи иныя опредѣленія, они таятъ отъ огня жизни и вливаются, теряя односторонность свою, въ широкой, всепоглощающей потокъ... Разумъ сущій прояснилъ для себя въ наукѣ, свелъ свои счета съ прошедшимъ и настоящимъ,—но осуществиться будущему надобно не въ одной всеобщей сферѣ. Въ ней будущности, собственно, нѣтъ, потому что она предузнана, какъ неминуемое логическое послѣдствіе, но такое осуществленіе бѣдно своей отвлеченностью; мысль должна принять плоть, сойти на торжище жизни, раскрыться со всею роскошью и красотой временнаго бытія, безъ котораго нѣтъ животрепещущаго, страстнаго, увлекательнаго дѣянія.

Warum bin ich vergänglich, o Zeus? so fragte die Schönheit.
Macht'ich doch, sagte der Gott, nur das Vergängliche schön ¹⁾.
Goethe.

Наука не только сознала свою самозаконность, но себя сознала закономъ міра; переводя его мысль, она отреклась отъ него, какъ отъ сущаго, улетучила его своимъ отрицаніемъ, противъ дыханія котораго ничто фактическое не состоятельно. Наука разрушаетъ въ области положительно-сущаго и созидаетъ въ области логики,—таково ея призваніе. Но человѣкъ призванъ не въ одну логику,—а еще въ міръ соціально-историческій, нравственно-свободный и положительно-дѣятельный; у него не одна способность отрѣшающагося пониманія, но и воля, которую можно назвать разумомъ

¹⁾ «Почему я преходяща, о Зевсъ? спросила Красота.—Потому что только преходящее я сдѣлалъ прекраснымъ—сказалъ богъ». Гете.

положительнымъ, разумомъ творящимъ; человѣкъ не можетъ отказаться отъ участія въ человѣческомъ дѣяніи, совершающемся около него; онъ долженъ дѣйствовать въ своемъ мѣстѣ, въ своемъ времени,—въ этомъ его всемірное призваніе, это *eiо conditio sine qua поп*. Личность, выходящая изъ науки, не принадлежитъ болѣе ни частной жизни исключительно, ни исключительно всеобщимъ сферамъ; въ ней сочетались частное и общее въ единичности гражданского лица. Примирившись въ наукѣ,—онъ жаждетъ примиренія въ жизни, но для этого надобно творчески одѣйствовотворить нравственную волю во всѣхъ практическихъ сферахъ.

Вина буддистовъ состоитъ въ томъ, что они не чувствуютъ потребности этого выхода въ жизнь—дѣйствительнаго осуществленія идеи. Они примиреніе науки принимаютъ *за всяческое* примиреніе, не за поводъ къ дѣйствованію, а за совершенное, замкнутое удовлетвореніе. А тамъ—хоть трава не расти за переплетомъ книги. Они все снесутъ за пустоту всеобщности. Буддисты индійскіе стремятся *цѣною бытія* купить свободу въ Буддѣ. Будда для нихъ—именно отвлеченная безконечность, ничего. Наука покорила человѣку міръ, больше—покорила исторію не для того, чтобъ онъ могъ отдыхать. Всеобщность, удерживаемая въ своей отвлеченности, всегда ведетъ къ сонному уничтоженію дѣятельности,—таковъ индійскій квіетизмъ. Гранитный міръ событій, подвергаясь огненной струѣ отрицанія, не имѣетъ силы противостоятъ и низвергается растопленнымъ каскадомъ въ океанъ науки. Но человѣкъ долженъ переплыть океанъ для того, чтобъ снова начать дѣйствованіе въ иномъ свѣтѣ, въ обѣтованной Атлантидѣ. Начать не инстинктомъ, не по внѣшнимъ наталкиваніямъ, не съ скорбнымъ метаньемъ во всѣ стороны, не съ темнымъ предчувствіемъ, а съ полной нравственной свободой. Человѣкъ не можетъ примириться, пока все окружающее не приведено въ согласіе съ нимъ. Формалисты довольствуются тѣмъ, что выплыли въ море, качаются на поверхности его, не плывутъ никуда и оканчиваютъ тѣмъ, что обхватываются льдомъ, не замѣчая того; наружно для нихъ тѣ же стремящіяся прозрачныя волны, но въ самомъ дѣлѣ это—мертвый ледъ, украсившій очертанія движенія; живая струя замерла сталактитомъ, все оокоченѣло. Формалисты сами приняли характеръ льда и нанесли ужасный вредъ наукѣ, говоря ея языкомъ и высказывая безжалостные приговоры свои, отъ которыхъ вѣетъ полярной стужей; весь блескъ ихъ рѣчи—блескъ льда, водяной, мертвый, по которому лучъ солнца скользитъ, но не грѣетъ, который скорѣе уничтожится, нежели приметъ теплоту. Слушавшіе содрогнулись, замѣтивъ отсутствіе любви у большей части берлинскихъ и иныхъ корифеевъ формализма, этихъ *талму-*

дистовъ новой науки. Взявъ однѣ буквы, одни слова, они ими заглушили всякое состраданіе, всякое теплое сочувствіе. Они намѣренно, съ усиліями поднялись на точку равнодушія ко всему чело-вѣческому, считая ее за истинную высоту: имъ не всегда надобно вѣрить, что они безъ сердца,—они часто прикидываются такими (новаго рода *captatio benevolentia* ¹⁾). Формальныя разрѣшенія принимаются ими всегда и вездѣ за дѣйствительныя. Имъ казалось, что личность—дурная привычка, отъ которой пора отстать; они проповѣдывали примиреніе со всей темной стороною современной жизни, называя все случайное, ежедневное, отжившее, словомъ, все, что ни встрѣтится на улицѣ, *дѣйствительнымъ* и, слѣдственно, имѣющимъ право на признаніе. Такъ поняли они великую мысль, «что все дѣйствительное разумно»; они всякій благородный порывъ клеймили названіемъ *Schönseeligkeit* ²⁾, не усвоивъ себѣ смысла, въ которомъ слово это употреблено ихъ учителемъ ³⁾. Если присовокупимъ къ этимъ результатамъ напыщенный и нелѣпый языкъ, надменность ограниченности, то отдадимъ справедливость вѣрному такту общества, смотрѣвшаго съ недоумѣніемъ на этихъ фигляровъ науки. Гегель, гдѣ только могъ, просилъ, умолялъ опасаться формализма ⁴⁾, доказывалъ, что самое истинное опредѣленіе, взятое въ его завинченности, буквальности, доведетъ до бѣдъ, бранился, наконецъ,—ничего не помогало. Они его-то фразы и свинтили, его-то и поняли буквально. Они не могутъ привыкнуть къ вѣчному движенію истины, не могутъ разъ навсегда признать, что всякое положеніе отрицается въ пользу высшаго, и что только въ преемственной послѣдовательности этихъ положеній, бореній и снятій проторгается живая истина, что это ея змѣиныя шкуры, изъ которыхъ она выходитъ свободнѣе и свободнѣе. Они (несмотря на то, что толкуютъ о чемъ-то подобномъ) не могутъ привыкнуть, что въ развитіи науки не на что опереться, что одно спасеніе въ быстромъ, стремительномъ движеніи. Они цѣпляются за каждый моментъ, какъ за истину; какое-нибудь одностороннее опредѣленіе принимаютъ за всѣ опредѣленія предмета: имъ надобны сентенціи, готовые правила; пробравшись до станціи, они, смѣшно-довѣрчивые, полагаютъ всякій разъ, что достигли абсолютной цѣли и распола-

¹⁾ Заручка благосклонностью.

²⁾ Прекраснодушіе.

³⁾ «Есть болѣе полный миръ съ дѣйствительностью, доставляемый познаніемъ ея, нежели отчаянное сознаніе, что временное дурно или неудовлетворительно, но что съ нимъ слѣдуетъ примириться, потому что оно лучше не можетъ быть». «Philosophie des Rechts».—А. И. Г.

⁴⁾ Напримѣръ, во всемъ предисловіи въ «Феноменологіи».—А. И. Г.

гаются отдыхать. Они строго держатся текста и оттого не могут усвоить себѣ его. Мало понимать то, что сказано, что написано: надобно понимать то, что свѣтится въ глазахъ, что вѣетъ между строкъ, надобно такъ усвоить себѣ книгу, чтобъ выйти изъ нея. Такъ понимаетъ *живущій* науку; пониманіе есть обличеніе однородности, которая предсуществуетъ. Наука живому передается жизненно, формалисту—формально. Посмотрите на Фауста и его фамулуса: Фаусту наука—жизненный вопросъ «быть или не быть»; онъ можетъ глубоко падать, унывать, впадать въ ошибки, искать всякихъ наслажденій, но его натура глубоко проникаетъ за кору внѣшности, его ложь имѣетъ болѣе истины въ себѣ, нежели плоская, непогрѣшительная правда Вагнера. Трудное Фаусту легко Вагнеру. Вагнеръ удивляется, какъ Фаустъ не понимаетъ простыхъ вещей. Надо имѣть много ума, чтобъ не понять иного. Вагнера наука не мучить, напротивъ,—утѣшаетъ, успокаиваетъ, отраду въ скорби подаетъ. Онъ покой свой купилъ на мѣдные гроши, оттого что онъ не беспокоился собственно никогда. Гдѣ онъ видѣлъ единство, примиреніе, разрѣшеніе и улыбался, тамъ Фаустъ видѣлъ расторженіе, ненависть, усложнившійся вопросъ—и страдалъ.

Каждый занимающійся *проходитъ* черезъ формализмъ, это—одинъ изъ моментовъ становленья, но имѣющій живую душу проходитъ, а формалистъ остается; для одного формализмъ ступень, для другого цѣль. Такъ, природа, достигая совершенія своего въ человѣкѣ, останавливается на каждой попыткѣ, увѣковѣчивая ее родомъ, вѣчно свидѣтельствующимъ о пройденномъ моментѣ, который для него высшая, единая форма бытія. Но ни природа, ни наука не могли удовлетвориться, не дойдя до послѣднихъ слѣдствій, заключенныхъ въ ихъ понятіи. Природа перешла себя въ человѣкѣ или наступила себѣ на грудь. Наука нынче представляетъ то же зрѣлище: она достигла высшаго призванія своего; она явилась солнцемъ всеосвѣщающимъ, разумомъ факта и, слѣдственно, оправданіемъ его. Но она не остановилась, не сѣла отдыхать на тронѣ своего величія; она перешла свою высшую точку и указываетъ путь изъ себя въ жизнь практическую, сознаваясь, что въ ней не весь духъ человѣческой исчерпанъ, хотя и весь понятъ. Она этимъ погруженіемъ въ жизнь не потеряетъ своего трона; однажды побѣжденное въ этихъ сферахъ побѣждено на вѣки; но и человѣкъ не потеряетъ въ ней остальныхъ обителей жизни. Правовѣрные буддисты больше самой науки за науку: они рѣшились умереть, защищая единоевластное владычество ея надъ жизнью. «Наука есть наука, и единый путь ея—абстракція», это—стихъ ихъ Корана. Они на все отвѣчаютъ громкими словами и, вмѣсто того, чтобъ напол-

нить въ самомъ дѣлѣ пропасти, дѣляція сферы отвлеченныя отъ дѣйствительныхъ, противорѣчія въ жизни и мышленіи, прикрываютъ ихъ легкими тканями искусственной діалектической *фіоритурры*. Растягивать все сущее на одръ формализма не трудно для тѣхъ, кто не внемлетъ никакому протесту со стороны сущаго. Профаны дивятся иногда, какъ самые странныя факты, чрезвычайныя явленія легко покоряются у формалистовъ общимъ законамъ, дивятся, а между тѣмъ чувствуютъ, что при этомъ сдѣланъ какой-то фокусъ—изумительный, но непріятный для того, кто ищетъ добросовѣстнаго и дѣльнаго отвѣта. Формалистовъ, съ грѣхомъ пополамъ, можно оправдать только тѣмъ, что они себя первыхъ обманываютъ своими фокусами. Вольтеръ рассказываетъ, какъ докторъ увѣрялъ зрячаго, что онъ слѣпъ, доказывая ему, что неразумный фактъ его зрѣнія нисколько не противорѣчитъ его выводу и что онъ, все-таки, принимаетъ его за слѣплого. Такъ новые буддисты разговаривали съ германцами до тѣхъ поръ, пока, несмотря на всю тихую и добрую натуру свою, нѣмцы догадались, въ чемъ дѣло. А дѣло въ томъ, что факты имъ и не покоряются вовсе. Они, какъ китайскій императоръ, считаютъ себя владѣтелями всего земного шара, что, однакожъ, не мѣшаетъ всему земному шару, за исключеніемъ Китая, вовсе не зависѣть отъ него.

Дилетанты, находящіеся внѣ науки, могутъ иногда образумиться и въ самомъ дѣлѣ заняться наукой, по крайней мѣрѣ, могутъ *оставаться въ подозрѣніи*, что съ ними случится такой переворотъ. Формалистовъ въ этомъ никакъ заподозрить нельзя: они удовлетворились, покойны, дальше итти не могутъ; они не знаютъ и не могутъ себѣ представить, что есть дальше. Неизлѣчимо-отчаянное положеніе ихъ состоитъ въ этомъ чрезвычайномъ довольствѣ; они со всѣмъ примирились; ихъ взглядъ выражаетъ спокойствіе, немного стеклянное, но не возмущаемое изнутри; имъ осталось почивать и наслаждаться, прочее все сдѣлано или сдѣлается само собой. Имъ удивительно, о чемъ люди хлопочутъ, когда все объяснено, сознано, и человѣчество достигло *абсолютной* формы бытія ¹⁾, что доказано ясно тѣмъ, что современная философія есть абсолютная философія, а наука всегда является тождественною эпохѣ, но какъ ея результатъ, т. е. по совершеніи въ бытіи. Для нихъ такое доказательство неопровержимо. Фактами ихъ не смутишь—они пренебрегаютъ ими. Спросите ихъ, отчего при этой абсолютной

¹⁾ Это не выдумка, а сказано въ Байергоферовой «Исторіи философіи» («Die Idee und Geschichte der Philosophie» von Bayerhoffer. Leipzig. 1838. Последняя глава).—А. И. Г.

формѣ бытія въ Манчестерѣ и Бирмингамѣ работники мрутъ съ голоду или прокармливаются настолько, насколько нужно, чтобъ они не потеряли силъ. Они скажутъ, что это случайность. Спросите ихъ, какъ они слово абсолютное привязываютъ къ развивающимся событіямъ, къ сферамъ, которыя своимъ движеніемъ впередъ доказываютъ свою неабсолютность. «Да такъ сказано въ такомъ-то и такомъ-то параграфѣ». Для нихъ и это доказательство, а въ какомъ смыслѣ принято слово въ этихъ параграфахъ,—объ этомъ нечего и хлопотать. Раскрыть глаза формалистовъ трудно; они рѣшительно, какъ буддисты, мертвое уничтоженіе въ безконечномъ считаютъ свободой и цѣлью, и чѣмъ выше поднимаются въ морозныя сферы отвлеченій, отрываясь отъ всего живого, тѣмъ покойнѣе себя чувствуютъ. Такъ эгоисты доставляютъ себѣ своего рода спокойное счастье, заглушая всѣ человѣческія чувства, удаляя отъ себя все непріятное, огорчительное. Но для эгоизма, какъ для формализма, надобно родиться. Всякій можетъ отвернуться отъ картины страданій, но не всякій перестаетъ стонать отъ этого. Гегель, подъ фирмою котораго идутъ всѣ нелѣпости формалистовъ нашего времени такъ, какъ подъ фирмой Фарина продается одеколонъ, дѣлаемый на всѣхъ точкахъ нашей планеты, вотъ какъ говоритъ о формализмѣ ¹⁾: «Нынче главный трудъ состоитъ не въ томъ, чтобъ очистить отъ чувственной непосредственности лицо и развить его въ мыслящую сущность, но болѣе въ противоположномъ, въ одѣйствованіи всеобщаго чрезъ снятіе отвердѣлыхъ, опредѣленныхъ мыслей. Но гораздо труднѣе сдѣлать текучими твердыя мысли, нежели чувственную вещественность. Формализмъ принимаетъ отвлеченную всеобщность за безусловное; онъ увѣряетъ, что быть не удовлетвореннымъ ею—доказываетъ неспособность подняться на безусловную точку зрѣнія и держаться на высотѣ ея. Онъ все приписываетъ всеобщей идеѣ въ ея недѣйствительной формѣ и принимаетъ за спекулятивность бросанье и низверженье всего въ пропасть этой страшной пустоты. Разсматриваніе чего-либо сущаго въ безусловномъ сводится на то, что въ немъ все одинаково, и безусловное дѣлается, такимъ образомъ, ночью, въ которой всѣ коровы черныя. Если нѣкогда людямъ показалось возмутительно принять безусловное за субстанцію, то долею основа этого отвращенія лежала въ инстинктуальномъ прозрѣніи, что самопознаніе потеряно, а не сохранено въ субстанціи; обратное воззрѣніе, останавливающее мышленіе, какъ мышленіе, всеобщее, какъ таковое, есть опять безразличная неподвижная субстанціальность. Даже, если мышленіе сое-

1) «Phenomenologie», Vorrede.—А. И. Г.

диняеть бытіе субстанціи съ собою и непосредственное воззрѣніе (das Anschauen) постигаеть, какъ мышленіе, то и тутъ все зависитъ отъ того, не впадаетъ ли это умозрѣніе въ лѣнивое однообразіе, и не представится ли дѣйствительность недѣйствительнымъ образомъ. Въ философіи права Гегель говоритъ: «между самопознаніемъ и дѣйствительностью всего чаще становится отвлеченность, не освободившаяся въ понятіе». Читая эти и подобныя мѣста, съ изумленіемъ спрашиваешь, какъ добрые люди всю жизнь читають Гегеля и не понимаютъ? Человѣкъ читаетъ книгу, но понимаетъ собственно то, что въ его головѣ. Это зналъ тотъ китайскій императоръ, который, учившись у миссіонера математикѣ, послѣ всякаго урока благодарилъ, что онъ *наполнилъ* ему забытыя истины, которыя онъ не могъ не знать, будучи раг *métier* всезнающимъ сыномъ неба. Въ самомъ дѣлѣ такъ. Читая Гегеля, только то понимаютъ, что онъ напоминаетъ, то, что неразвито предсуществовало чтенію. Дѣло книги—собственно, акушерское дѣло: способствовать, облегчить рожденіе, но что родится, за это акушеръ не отвѣчаетъ.

Не надобно, впрочемъ, думать, чтобъ Гегель самъ не впадалъ много разъ въ *нѣмецкую* болѣзнь, состоящую въ признаніи вѣдѣнія послѣдней цѣлью всемірной исторіи. Онъ это гдѣ-то прямо сказалъ ¹⁾. Мы говорили въ третьей статьѣ о томъ, что Гегель часто непослѣдователенъ своимъ началамъ. Никто не можетъ стать выше своего времени. Въ немъ наука имѣла величайшаго представителя; доведя ее до крайней точки, онъ нанесъ ея могуществу, какъ исключительному,—можетъ, нѣхотя—сильный ударъ, ибо каждый шагъ впередъ долженствовалъ быть шагомъ въ практическія сферы. Ему лично довлѣло знаніе, и потому онъ не сдѣлалъ этого шага. Наука была для германо-реформаціоннаго міра то, что искусство для эллинскаго. Но ни искусство, ни наука въ своей исключительности не могли служить полнымъ успокоеніемъ и отвѣтомъ на всѣ требованія. Искусство представило, наука поняла. Новый вѣкъ требуетъ совершить понятое въ дѣйствительномъ мірѣ событіи. Геніальная натура Гегеля непрерывно порывала пути, накладываемыя духомъ времени, воспитаніемъ, привычкой, образомъ жизни, званіемъ профессора. Посмотрите, какъ торжественно развертывается у него философія права: не фразу, не выраженіе намѣрены мы указать, а внутреннюю настоящую мысль, душу книги.

Области отвлеченнаго права разрѣшаются, снимаются міромъ нравственности, царствомъ нормъ, правомъ, просвѣтленнымъ для себя. Но Гегель этимъ не оканчиваетъ, а устремляется съ высоты

¹⁾ Помнится, въ «Исторіи философіи».—А. И. Г.

идеи права въ потокъ всемірної исторіи, въ океанъ исторіи. Наука права совершается, вѣнчается, выходитъ изъ себя. Процессъ развитія личности тотъ же самый. Мутныя индивидуальности, вырабатываясь изъ естественной непосредственности, туманомъ поднимаются въ сферу всеобщаго, и просвѣтленныя солнцемъ идеи разрѣшаются въ безконечной лазури всеобщаго; но онѣ не уничтожаются въ ней; принявъ въ себя всеобщее, онѣ низвергаются благодатнымъ дождемъ, чистыми кристалльными каплями на прежнюю землю. Все величіе возвращенной личности состоитъ въ томъ, что она сохранила оба міра, что она—родъ и недѣлимое вмѣстѣ, что она *стала* тѣмъ, чѣмъ родилась, или, лучше, къ чему родилась: сознательною связью обоихъ міровъ, что она постигла свою всеобщность и сохранила единичность. Развитая такимъ образомъ личность самое вѣдѣніе принимаетъ за непосредственность *высшаго порядка*, а не за совершение судебъ. Возвращеніе есть діалектическое движеніе столь же необходимое, какъ восхожденіе. Пребываніе во всеобщемъ—покой, то есть смерть; жизнь идеи есть «вакхическое опьянѣніе, въ которое все увлечено, непрерывное возникновеніе и уничтоженіе, никогда не останавливающееся и спокойное только въ этомъ движеніи». Еще разъ, всеобщее не есть полная истина, а одна фаза ея, въ которой частное распустилось, а процессъ перехода уже совершился. Всеобщее представляетъ довременный или послѣвременный покой, но идея не можетъ пребывать въ покоѣ: она сама собою выходитъ изъ области всеобщаго въ жизнь.

Полное trio, согласное и величественное, звучитъ только во всемірной исторіи, только въ ней живетъ идея полнотою жизни; внѣ ея—отвлеченности, стремящіяся къ полнотѣ, алкающія другъ друга. Непосредственность и мысль—два отрицанія, разрѣшающіяся въ дѣяніи исторіи. Единое для того расторгнулось въ противоположное, чтобъ соединиться въ исторіи. Природа и логика сняты и осуществлены ею. Въ природѣ все частно, индивидуально, врозь суще, едва обнято вещественною связью; въ природѣ идея существуетъ тѣлесно, безсознательно, подчиненная закону необходимости и влеченіямъ темнымъ, не снятымъ свободнымъ разумѣніемъ. Въ наукѣ совсѣмъ напротивъ: идея существуетъ въ логическомъ организмѣ, все частное заморено, все проникнуто свѣтомъ сознанія, *скрытая* мысль, волнующая и приводящая въ движеніе природу, освобождаясь отъ физическаго бытія развитіемъ его, становится *открытой* мыслью науки. Какъ бы полна ни была наука, ея полнота отвлеченна, ея положеніе относительно природы отрицательно; она это знала со временъ Декарта, ясно противопоставившаго мышленіе факту, духъ—природѣ. Природа и наука, два вогнутыя

зеркала, вѣчно отражающія другъ друга; фокусъ—точку пересѣченія и сосредоточенности между оконченными мірами природы и логики—составляетъ личность человѣка. Природа, собираясь на каждой точкѣ, углубляясь болѣе и болѣе, оканчиваетъ человѣческимъ я; въ немъ она достигла своей цѣли. Личность человѣка, противопоставляя себя природѣ, борясь съ естественною непосредственностью, развертываетъ въ себѣ родовое, вѣчное, всеобщее, разумъ. Совершеніе этого развитія—цѣль науки.

Вся прошедшая жизнь человѣчества, сознательно и безсознательно, имѣла идеаломъ стремленіе достигнуть разумнаго самопознанія и поднятія воли человѣческой къ волѣ божественной; во всѣ времена человѣчество стремилось къ нравственно-благому, свободному дѣянію. Такого дѣянія въ исторіи не было и не могло быть. Ему должна была предшествовать наука; безъ вѣдѣнія, безъ полнаго сознанія нѣтъ истинно свободного дѣянія; но полнаго сознанія въ прошедшей жизни человѣческой не было. Наука, приводя къ нему, оправдываетъ исторію и съ тѣмъ вмѣстѣ отрывается отъ нея; истинное дѣяніе не требуетъ для своего оправданія предыдущаго событія: исторія для него почва, непосредственность; все предшествующее необходимо въ генетическомъ смыслѣ, но самобытность и самоозаконеніе грядущее столько же будетъ имѣть въ себѣ, какъ въ исторіи. Грядущее отнесется къ былому, какъ совершеннолѣтній сынъ къ отцу; для того, чтобъ родиться, для того, чтобъ сдѣлаться человѣкомъ, ему нуженъ воспитатель, ему нуженъ отецъ; но ставши человѣкомъ, связь съ отцомъ мѣняется,—дѣлается выше, полнѣе любовью, свободнѣе. Лессингъ назвалъ развитіе человѣчества воспитаніемъ,—выраженіе невѣрное, если взять его безусловно, но въ извѣстныхъ предѣлахъ оно удачно. Въ самомъ дѣлѣ, человѣчество доселѣ имѣетъ ясные признаки несовершенности; оно мало-помалу воспитывается въ сознаніе. Единство этой педагогіи теряется для неглубокаго взгляда за пышностью и многообразіемъ, за роскошью творчества, за преизбыткомъ формъ и силъ, повидимому, не нужныхъ и противоборствующихъ. Но таковъ инстинктуальный путь развитія естественнаго, безсознательнаго къ сознанію, къ себяобладанію. Обратимся къ природѣ: не ясная для себя, мучимая и томимая этой неясностью, стремясь къ цѣли, ей неизвѣстной, но которая, съ тѣмъ вмѣстѣ, есть причина ея волненія,—она тысячами формами домогается до сознанія, одѣйствотворяетъ всѣ возможности, бросается во всѣ стороны, толкается во всѣ ворота, творя безчисленныя варіаціи на одну тему. Въ этомъ поэзія жизни, въ этомъ свидѣтельство внутренняго богатства. Каждая степень развитія въ природѣ есть вмѣстѣ и цѣль, относительная истина; она—

звено въ цѣпи, но—и кольцо для себя. Влекомая непонятной, великой тоской, природа возвышается отъ формы въ форму; но, переходя въ высшее, она упорно держится въ прежней формѣ и развиваетъ ее до послѣдней крайности, какъ будто все спасеніе въ этой формѣ. И въ самомъ дѣлѣ, достигнутая форма—великая побѣда, торжество и радость; она всякій разъ—высшее, *что есть*. Природа выступаетъ изъ нея во всѣ стороны ¹⁾). Оттого такъ тщетно искали вытянуть всѣ произведенія ея въ мертвую прямолинейность: у ней нѣтъ правильной табели о рангахъ. Произведенія природы не составляютъ одну лѣстницу; нѣтъ, они представляютъ лѣстницу и то, что идетъ по лѣстницѣ; каждая ступень—вмѣстѣ и средство, и цѣль, и причина. *Idemque rerum naturae opus et rerum ipsa natura* ²⁾), какъ сказалъ Плиній.

Исторія человѣчества—продолженіе исторіи природы; многообразіе, разнородность, встрѣчаемая въ исторіи, поразительны: область стала шире, вопросъ выше, средства богаче, задняя мысль яснѣе,—какъ же не усложниться путямъ? Развитие съ каждымъ шагомъ становится глубже и съ тѣмъ вмѣстѣ сложнѣе; всего проще камень, спокойно отдыхающій на начальныхъ ступеняхъ. Гдѣ начинается сознаніе, тамъ начинается нравственная свобода; каждая личность одѣйствовворяетъ *по-своему* призваніе, оставляя печать своей индивидуальности на событіяхъ. Народы—эти колоссальныя дѣйствующія лица всемірной драмы—исполняютъ дѣло всего человѣчества, какъ *свое дѣло*, придавая тѣмъ художническую оконченность и жизненную полноту дѣяніямъ. Народы представляли бы нѣчто жалкое, если-бъ они свою жизнь считали только одной ступенью неизвѣстному будущему: они были бы похожи на носильщиковъ, которымъ одна тяжесть ноши и трудъ пути, а руно—несомое другимъ. Природа не поступаетъ такъ съ своими безсознательными дѣтьми,—какъ мы замѣтили; тѣмъ болѣе въ мірѣ сознанія не можетъ быть степени, которая не имѣла бы собственнаго удовлетворенія. Но духъ человѣчества, нося въ глубинѣ своей непреложную цѣль, вѣчное домогательство полного развитія, не могъ успокоиться ни въ одной изъ былыхъ формъ; въ этомъ тайна его трансценденціи, его перехватывающей личности (*übergreifende Subjectivität*). Не забудемъ, однако, что каждая изъ былыхъ формъ имѣла содержа-

¹⁾ Великая мысль Бюффона: «La nature ne fait jamais un pas qui ne soit en tout sens» ⁰⁾).—А. И. Г.

²⁾ *Творчество* природы вещей и сама *природа* вещей—одно и то же.

⁰⁾ Природа никогда не дѣлаетъ шага, который не имѣлъ бы всесторонняго направленія.

ніемъ его, и не было духу иной формы, какъ той, за грани которой онъ перешель, только потому, что онъ доросъ до нея, былъ ею и переросъ ее. Исторія дѣянія духа,—такъ сказать, личность его, ибо «онъ есть то, что дѣлаеть»¹⁾, стремленіе безусловнаго примиренія, осуществленіе всего, что есть за душою, освобожденіе отъ естественныхъ и искусственныхъ путъ. Каждый шагъ въ исторіи, поглощая и осуществляя *весь* духъ своего времени, имѣетъ свою полноту,—однимъ словомъ, личность, кипящую жизнью.

Народы, ощущая призваніе выступить на всемірно-историческое поприще, услышавъ гласъ, возвѣщавшій, что часть ихъ насталь, проникались огнемъ вдохновенія, оживали двойною жизнью, являли силы, которыя никто не смѣлъ бы предполагать въ нихъ и которыя они сами не подозрѣвали; степи и лѣса обстраивались весями, науки и художества расцвѣтали, гигантскіе труды совершались для того, чтобъ приготовить караванъ-сарай грядущей идеѣ, а она, величественный потокъ, текла далѣе и далѣе, захватывая болѣе и болѣе пространства. Но эти караванъ-сарайи—не внѣшнія гостиницы идеи, а ея плоть, безъ которой она не могла бы осуществиться, чрево матери, принявшее прошедшее для будущаго, но и живое своею жизнью; каждая фаза историческаго развитія имѣла сама въ себѣ цѣль и, слѣдственно, награду и удовлетвореніе. Для греческаго міра его призваніе было безусловно; за предѣлами своего міра онъ ничего не видалъ и не могъ видѣть, ибо тогда *не было* еще будущаго. Будущее—возможность, а не дѣйствительность: его, собственно, нѣтъ. Идеаль для всякой эпохи—она сама, очищенная отъ случайности, преображенное созерцаніе настоящаго. Разумѣтся, чѣмъ всеобъемлемѣе и полнѣе настоящее, тѣмъ всемірнѣе и истиннѣе его идеаль. Такова наша эпоха. Народы, грядя на совершеніе судебъ человѣчества, не знали аккорда, связывавшаго ихъ звуки въ единую симфонію; Августинъ на развалинахъ древняго міра возвѣстилъ высокую мысль о вѣси Господней, къ построенію которой идетъ человѣчество, и указалъ вдали торжественную субботу успокоенія. Это было поэтико-религіозное начало философіи исторіи; оно очевидно лежало въ христіанствѣ, но долго не понимали его; не болѣе, какъ вѣкъ тому назадъ, человѣчество подумало и въ самомъ дѣлѣ стало спрашивать отчетъ въ своей жизни, провидя, что она не даромъ идетъ и что біографія его имѣетъ глубокой и единый всесвязывающій смыслъ. Этимъ совершеннолѣтнимъ вопросомъ оно указало, что воспитаніе оканчивается. Наука взялась отвѣчать на него; едва она высказала отвѣтъ, явилась у людей потребность

¹⁾ «Philosophie des Rechts».—А. И. Г.

выхода изъ науки,—второй признакъ совершеннolѣтія. Но для того, чтобъ своими руками растворить двери, наука должна совершить во всей полнотѣ свое призваніе; пока хоть одна твердая точка остается не покоренною самопознаніемъ,—внѣшнее будетъ противо-дѣйствовать. Число неподвижныхъ звѣздъ становится менѣе и менѣе, но онѣ еще есть. Воспитаніе предполагаетъ внѣ-сущую, готовую истину; съ того мгновенія, какъ человѣкъ пойметъ истину, она будетъ у него въ груди, и тогда дѣло воспитанія исчерпано, дѣло сознательнаго дѣянія начнется. Изъ вратъ храма науки человѣчество выйдетъ съ гордымъ и поднятымъ челомъ, вдохновенное сознаніемъ: *omnia sua secum portans*¹⁾—на творческое созданіе веси божіей. Примиреніе науки вѣдѣніемъ сняло противорѣчія. Примиреніе въ жизни сниметъ ихъ блаженствомъ²⁾. Примиреніе въ жизни есть плодъ другого древа эдемскаго: его надобно было заслужить Адаму въ кровавомъ потѣ, въ тяжкихъ трудахъ, и онъ заслужилъ его.

Но *какъ* будетъ это? *Какъ* именно принадлежитъ будущему. Мы можемъ предузнавать будущее, потому что мы—посылки, на которыхъ оснуется его силлогизмъ, но только общимъ, отвлеченнымъ образомъ. Когда настанетъ время, молнія событій раздеретъ тучи, сожжетъ препятствія, и будущее, какъ Паллада, родится въ полномъ вооруженіи. Но вѣра въ будущее—наше благороднѣйшее право, наше неотъемлемое благо; вѣруя въ него, мы полны любви къ настоящему.

И эта вѣра въ будущее спасетъ насъ въ тяжкія минуты отъ отчаянія; и эта любовь къ настоящему будетъ жива благими дѣяніями.

23 марта 1843.

◆◆ 1. Высказанное здѣсь очень важно, какъ зародышъ тѣхъ мыслей о роли Россіи, которыя потомъ, нѣсколько лѣтъ спустя, Герценъ развилъ во многихъ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ.

¹⁾ Все, что оно съ собой несетъ,—его собственное.

²⁾ При этомъ невольно вспомнилась великая мысль Спинозы: «*Beatitude non est virtutis praemium, sed ipsa virtus*»⁰⁾.—А. И. Г.

⁰⁾ Счастье не есть награда за подвигъ, но—самый *подвигъ*.

353. Письмо къ А. Л. Витбергу.

9-го апрѣля 1843 г.
Москва.

Почтеннѣйшій Александръ Лаврентьевичъ! Письмо ваше отъ 24-го марта мы получили, какъ всегда, съ искреннимъ удовольствіемъ. Мы рѣдко переписываемся, и я первый слагаю вину на себя, но что дѣлать—я отвыкъ писать или, лучше, отучилъ себя намѣренно. Тѣмъ полнѣе бываютъ минуты наслажденія, читая письма.

Благодарю за память дня моего рожденія и жму вашу руку. Да, и въ Вяткѣ мы проводили хорошіе дни; не внѣшняя обстановка, а внутреннія событія души опредѣляютъ свѣтъ и темноту въ жизни.

Послѣдняя вѣсть, которую я имѣлъ о васъ отъ очевидца, была отъ Зонненберга; онъ сообщилъ мнѣ подробности о вашей болѣзни. Дай Богъ, чтобы магнетизмъ помогъ. Что касается до насъ, мы проводимъ здѣсь время и хорошо, и нѣтъ. Почему хорошо—предоставляю вамъ рѣшить, а почему нѣтъ—самъ скажу. Здоровье жены худо поправляется. Надобно ѣхать непремѣнно въ Италію; хлопочу, и не знаю, какъ сдѣлать. Это вплетаетъ темную нить въ нашу жизнь; остальное хорошо. Саша растеть, умень, живъ, быстръ—въ меня. Занятія идутъ своимъ чередомъ. Лѣтомъ я непремѣнно уѣду, самъ не знаю еще куда, но уѣду. Приближаются праздники; желаю отъ всей души, чтобы вы ихъ провели покойно и безболѣзненно. Мое желаніе очень ограничено, но я знаю; остальное—въ васъ. Душевно любящій васъ *Александръ*.

Р. S. Апрѣля 9-го ¹⁾ 1835 г. я уѣхалъ изъ Москвы!

354. Письмо къ Н. П. Огареву.

18/30 апрѣля (1843 г.) ²⁾

Но и не онъ одинъ. Знаешь ли, что Б-нъ ³⁾ влюбленъ и очарованъ? Дай Богъ, но рискъ, но грозный, потрясающій душу примѣръ твой передъ глазами долженъ бы остановить нѣсколько. Сверхъ ожиданія, иногда высшая гармонія вѣнчаетъ своимъ бракомъ (какъ меня, какъ Грановскаго, который чудно счастливъ

¹⁾ 10-го.

²⁾ Начало не найдено.

³⁾ В. П. Боткинъ.

дома); но это — удѣлъ очень немногихъ. Для этого, сверхъ того и сего, нужно духовное развитіе, одинаковое и на одной степени, особая заключенность всѣхъ сторонъ бытія. А прогос. Я торжественно протестую противъ твоихъ самообвиненій и противъ титула «благородное существо»¹⁾. Какъ ты назовешь существо, которое по сухости души въ состояніи съ утонченнымъ эгоизмомъ давить и тѣснить семилѣтняго ребенка? Моего отпущенія тому существу нѣтъ. Я многое узналъ отъ различныхъ противоположныхъ лицъ. Для меня, который, унизившись самъ въ собственныхъ глазахъ, готовъ протянуть руку всякому колоднику, — для меня все еще есть вещи, которыя я считаю недостойными меня, которыя презирать я считаю себя въ правѣ. «Ты ошибаешься», — скажешь ты. «Ты ошибаешься», — скажу я, и (см. выше) разоидемся. А сойдемся на высокой симпатіи, на всеобщихъ интересахъ, въ наукѣ, искусствѣ, даже въ юморѣ и бокалѣ. Il faut subir²⁾ мнѣ апологию въ твоихъ устахъ, тебѣ — мою брань. Кому больнѣе, не знаю. Впрочемъ, такъ какъ ты дипломатически только связуешься, то тебѣ все равно должно быть. Ты спрашиваешь объ Ал. Ал.³⁾. Это — человѣкъ, говорящій $2 \times 2 = 40$ (это гегелевское замѣчаніе, что знающій реалистъ, здоровая натура, говоритъ, увидя $2 \times 2 = 4$, не будучи скандализованъ, что не 3, и не страдая о томъ, что не 5). Я давно пересталъ идеологию ставить выше фактологіи. Иванъ Павл.⁴⁾ много развился, — добрая, прекрасная натура. Ъду сейчасъ обѣдать къ Вас. Петр.⁵⁾, гдѣ увижу многихъ изъ общихъ знакомыхъ и друзей.

*Посль обѣда. 9 часовъ вечера.*¹

Это писалъ Крюковъ. Онъ сегодня въ ударѣ; я сказалъ: «я утромъ занимаюсь», а Крюковъ говоритъ: «Г-нъ похожъ на зарю, — утромъ занимается». Сублимъ⁶⁾.²

◆◆ 1. Дальше идетъ рядъ приписокъ разныхъ лицъ и затѣмъ рукой, похожей на почеркъ Крюкова, но отъ имени Герцена, написано дальнѣйшее.

2. Письмо это не было послано и осталось у друзей. Оно хорошо иллюстрируетъ дружность компаніи, и потому я нахожу не лишнимъ дать его, какъ образчикъ подобныхъ коллективныхъ писемъ.

1) Такъ Огаревъ назвалъ Марію Львовну.

2) Нужно перенести.

3) Тучковъ.

4) Галаховъ.

5) Боткинъ.

6) Sublime — въ высшей степени превосходно.

Передъ послѣдними словами, написанными рукой Крюкова, Грановскій приписалъ: «Послѣ обѣда у В. П. мы говорили о многомъ, и я, очень пьяный, говорилъ много. Герценъ далъ мнѣ прочесть письмо къ тебѣ, я и его прочелъ и потому пишу къ тебѣ. Герценъ очень хорошо пишетъ, хотя Кетчеръ очень глупо говорить. Огаревъ, я, чортъ знаетъ, какъ люблю тебя, и далъ бы два года жизни за часть съ тобою. За что жъ ты ругаешься, глупый человѣкъ? Вѣдь, я писалъ къ тебѣ. Хотѣлъ, было, загнуть русское слово, да, говорятъ, неприлично! Прощай, ей Богу пьянъ. Tuus professor in spe» ¹⁾).

Приписка Кетчера: «Да, какъ ни много въ тебѣ темныхъ пятенъ, а я не знаю, всегда и вездѣ какъ-то для насъ тебя недостаетъ. Послѣднее твое письмо, какъ ни мило написано, а, все-таки, оно произвело на меня какое-то грустное впечатлѣніе. Приѣзжай, — право, съ нами лучше!»

Приписка Крюкова: «Здравствуйте, Огаревъ! Хотѣли мы, было, что-то вамъ сказать, да Н. С. (наше слово—*М. Л.*) не Г. (глаголь—*М. Л.*). Ногами пишемъ М. (мыслете—*М. Л.*) и желаемъ знать, какъ вы Ж. (живете—*М. Л.*). Кетчеръ своимъ крикомъ Н. П. (нашъ покой—*М. Л.*) разрушилъ. О, какъ А. Б. (азъ бука—*М. Л.*) скученъ».

Послѣ мужа приписала Н. А.—на: «Ну, вотъ сейчасъ мы говорили съ Грановскимъ, что надо намъ всѣмъ говорить другъ другу ты. Г. рѣшилъ, что надо начать съ Кетчера, и привелъ его, и посадилъ его возлѣ насъ и дверь затворилъ; вотъ мы и пришли съ Лизой (жена Грановскаго, Елизавета Богдановна—*М. Л.*) въ большое затрудненіе, а К. говорить: «ну, что жъ *ты* церемонишься?» Право, онъ чудный; мы съ Лизой написали ему чернилами на обѣихъ рукахъ *ты*. Представь себѣ, другъ, живо, живо Боткина комнату и всѣхъ — шумъ, крикъ, всѣ съ бокалами, Лиза играетъ на фортепіано, Александръ поетъ, Боткинъ даритъ мнѣ какую-то книжку и надписываетъ мое имя, Грановскій все доказываетъ мнѣ, что Grübeleі никуда не годится и что и Александръ понялъ достоинство Шеллинга, но и т. д., а Сашка-ангелъ дома, чай, спитъ и одинъ, — жаль его. Хорошо тебѣ въ Италіи, не хуже бы было здѣсь. Natalie».

Приписка Грановской: «Мы, чтобы утвердить наше *ты*, всѣ обнялись и поцѣловались. Когда вы приѣдете, съ вами заключимъ такой же пактъ. Е. Грановская».

Приписка Е. Θ. Корша: «Герценъ, взглянувъ на пустую бутылку, рекъ: «это верхъ пьянства», а Коршъ замѣтилъ, что это низъ пьян-

¹⁾ Твой будущій профессоръ.

ства. А обойдя пьянство, ей-Богу, хорошо,—пріѣзжай. Поэтому Коршъ приписываетъ ниже всѣхъ».

Приписка Боткина: «Спасибо тебѣ за память обо мнѣ. Не-чего тебѣ говорить о томъ, какъ часто мы тебя вспоминаемъ, а, слѣдовательно, пьемъ за твое здоровье. Кажется, ты не скучно живешь въ Римѣ. Но къ чему вслѣдствіе нѣсколькихъ неудачныхъ стихотвореній пришло тебѣ въ голову сомнѣваться въ своемъ поэтическомъ дарованіи? Мнѣ жаль, что ты не прислалъ своихъ теперешнихъ стиховъ. Ты ихъ предполагаешь дурными потому, что они субъективны, а я думаю, что потому-то самому они и хороши. А въ объективномъ ты, кажется, не силенъ. А, впрочемъ, можетъ быть, я и вру. Да твоя субъективность-то очень хороша. Хотѣлось бы поговорить на эту тему, да не даютъ писать. Жму тебѣ руку отъ всего сердца, В. Боткинъ».

355. Письмо къ Н. П. Огареву.

22 апрѣля 1843.
3 мая
Москва.

Письмо твое отъ 28/16 марта изъ Рима ¹⁾ пришло; спасибо за него. Письмо это тѣмъ особенно замѣчательно, что ты въ немъ, какъ на блюдечкѣ. Истинно, человѣкъ никогда не можетъ выйти изъ себя, это — оптический обманъ; то, что составляетъ единичность, *la particularité individuelle* ²⁾, характеръ, особность, то съ сознаниемъ, съ мыслью особое дѣло, не совпадающее. Противорѣчіе это всего яснѣе въ тебѣ. Есть области, въ которыхъ люди понимаютъ другъ друга, чѣмъ больше, тѣмъ меньше остаются самими собою, а именно — личная особность друга, женщины и дорога, ее-то мы и любимъ и въ нихъ-то (т. е. въ индивидуальностяхъ) и расходимся. Тебѣ труднѣе рѣшиться шагнуть, сдѣлать скачокъ, нежели мучиться въ болотѣ, страдать ложнымъ положеніемъ у своего собственнаго очага; а мы удивляемся, какъ ты не предпочтешь кончить разомъ, оттого что, по нашему, легче именно то, что по твоему тяжеле. Въ этихъ случаяхъ дѣло друга сострадать и быть совершенно страдательнымъ лицомъ; иногда, какъ баронъ, сласитъ рѣчь кой-какимъ крѣпкимъ словомъ, разгнѣваться, закричать, а потомъ приняться

¹⁾ Напечатано въ XII кн. «Рус. Мысли», 1889 г., стр. 7.

²⁾ Индивидуальная особность.

за трубку и смириться—передъ слабостью. Ты, Огаревъ,—самый сильный характеръ изъ всѣхъ мною знаемыхъ людей, у тебя желѣзная воля—слабости. Удивительно, вотъ рядомъ съ твоимъ письмомъ грамотка отъ Виссаріона ¹⁾. Какая противоположность. У тебя тягостныя обстоятельства разрѣшаются въ какой-то милый юморъ, и видишь ясно между грустныхъ строкъ спокойную и свѣтлую подкладку, которой дѣла нѣтъ до скорби; у тебя подъ слезой ребячья улыбка и подъ улыбкой ребячья слеза, у тебя широкое пониманье всего общечеловѣческаго и тупое непониманье всего частно-огаревского. И у Вис. юморъ,—юморъ игрока, который видитъ, что дѣло идетъ плохо: отъ его юмору горло захватываетъ, въ слезѣ его злая иронія и въ ироніи горькія слезы; онъ бѣснуется озлобленный, желчный. Онъ страдаетъ больше тебя.

Что сказать о себѣ, объ насъ? Кажется, нынче да вчера, вчера какъ нынче,—а посмотришь, Богъ знаетъ, какія перемѣны въ душѣ. Послѣднее время (т. е. послѣ твоего отъѣзда) я ужасно много изжилъ; къ моему обычно свѣтлому воззрѣнію привился всеразрушающій скептицизмъ въ жизни; я убѣдился въ недостаткѣ характера, я не могу уважать въ себѣ многого,—это меня давитъ. Ничтожныя событія по наружности сдѣлали эпоху внутри. Къ тому же вѣчныя несчастія, прикованныя къ каждому шагу моему. Здоровье Наташи разрушается; три гробика схоронили вмѣстѣ съ прекрасными упованіями полжизни ея. Ей надобно разсѣяніе южной Италіи, море... Я, было, надѣялся ѣхать, но не ѣду. И остаться свидѣтелемъ, какъ это благородное, высокое существо изнемогаетъ подъ тяжестью двухъ крестовъ: физическаго безсилія и душевной обиды (такія потери—сильнѣйшія обиды)... Довольно. Если бъ я былъ эгоистъ, я сказалъ бы: пріѣзжай сюда, брось Италію, пріѣзжай, потому что мнѣ скучно,—но я этого не скажу,—нѣтъ, братъ, гуляй, гуляй. Я поѣду въ Покровское на лѣто, а тамъ, а тамъ опять въ Старую Конюшенную.

Статьи мои въ «От. Зап.» сдѣлали успѣхъ; я написалъ еще двѣ: одну, которую ты хотѣлъ—«о формализмѣ въ наукѣ», другую—«о специализмѣ». Онѣ принесли мнѣ много комплиментовъ, изъ которыхъ нѣкоторые пріятны. Я глубоко понимаю бесполезность такого рода статей. Пишешь—себя тѣщишь. А Висс. говоритъ, что я на стали гравировую свои статьи, и въ восхищеньи.—Вчера былъ на похоронахъ Гебеля ²⁾; Іоганисъ и Лангеръ ³⁾ на мо-

¹⁾ В. Г. Бѣлинскій.

²⁾ Музыкантъ въ Москвѣ, любимый друзьями Герцена.

³⁾ Товарищи Гебеля, близкіе кружку друзей.

гилѣ устроили музыку при страшной непогодѣ—это не было лишено торжественности. Онѣ умерѣ въ крайности; ему помогѣ, впрочемѣ, Рубини ¹⁾: пѣлъ у него въ концертѣ за недѣлю до смерти его.

Напиши къ Сат., что онѣ ужасно странно ведетѣ себя; ну какѣ же это съ 6 декабря ни вѣсти, ни строки?... Вы можете писать чаще; мы иногда не знаемѣ, куда адресовать, а Москва стоитѣ на томѣ же мѣстѣ, гдѣ у боярина Кучки былѣ хуторѣ; перешли къ нему копію стиховѣ Лермонтова.

Ты, вѣрно, получилѣ еще письмо отѣ меня и профессора in spe, какѣ онѣ самѣ себя называетѣ ²⁾. Мы какѣ-то написали, было, къ тебѣ дней пять тому назадѣ письмо ³⁾; покуда писали казалось остро, перечитывая увидѣли, что тупо, и изодрали.—Какимѣ нимбомѣ любви ты окруженѣ въ жизни! Это израильское облако, прохлаждающее жарѣ и освѣщающее тьму для тебя, заставляющее даже забывать ненавистный диссонансѣ, возлѣ стоящій, демоническое, черное явленіе женщины, которой ты такѣ щедро расточаешь прилагательныя «благородная» и т. д. Напрасно ты обращаешь къ одному Барону ⁴⁾, увѣряя его; сверхѣ Барона найдутся люди, которые съ полнымѣ негодованіемѣ выслушаютѣ жалкую рѣчь. Она оскорбительна для насѣ. «Ты ошибаешьсѣ» скажешь ты. «Ты ошибаешьсѣ» возражу я, и мы разоидемсѣ, какѣ выше сказано.—Жизнь, жизнь,—тяжела еѣ шапка, и къ ней привязаны бубенчики дурацкаго колпака или безумнаго. Я не помню туманнѣ времени для себя, а что сквозь туманѣ видно, то глупо. Давай руку какѣ бывало. Хороши были мы дѣтьми. Изѣ хорошихѣ дѣтей всегда дѣлаются жалкіе совершеннолѣтніе. Цвѣты, распускающіеся въ апрѣлѣ, вянутѣ въ іюлѣ. Прощай.—Пиши непременно, какѣ только получишь письмо. Ал. Ал. ⁵⁾ теперь въ Петерб., но онѣ на дняхѣ воротитсѣ; славный человекѣ, онѣ удивляется, отчего ты не извѣщаешь его о получении денегѣ: въ первый разѣ послано 10 т. да во второй, помнитсѣ, 7 т.

Ив. Павл. ⁶⁾ скоро ѣдетѣ въ деревню. Онѣ много развилсѣ, пропорціонально отдаленію отѣ вампирическаго вліянія ⁷⁾. *Pour la bonne bouche* вотѣ тебѣ стихи Лермонтова, нигдѣ не напечатанные.

¹⁾ Знаменитый итальянскій тенорѣ.

²⁾ Грановскій.

³⁾ См. № 354.

⁴⁾ Н. Х. Кетчерѣ.

⁵⁾ Тучковѣ.

⁶⁾ Галаховѣ.

⁷⁾ До этого Галаховѣ былѣ страстно влюбленѣ въ жену Огарева, но не пользовалсѣ еѣ взаимностью.

«Не плачь, не плачь, мое дитя,
 Не стоит онъ безумной муки.
 Вѣрь, онъ ласкалъ тебя шутя,
 Вѣрь, онъ любилъ тебя отъ скуки!
 И мало ль въ Грузіи у насъ
 Прекрасныхъ юношей найдется?
 Быстрѣй огонь ихъ черныхъ глазъ
 И черный усъ ихъ лучше вьется!

Изъ дальней, чуждой стороны
 Онъ къ намъ заброшенъ былъ судьбою;
 Онъ ищетъ славы и войны,—
 И что-жъ онъ могъ найти съ тобою?
 Тебя онъ золотомъ дарилъ,
 Клялся, что вѣчно не измѣнитъ;
 Онъ ласки дорого цѣнилъ,
 Но слезъ твоихъ онъ не оцѣнитъ!

Мнѣ безконечно нравятся 4 послѣд. стиха; есть еще нѣсколько вновь открытыхъ пьесъ; долею ихъ посылаю, остальную до слѣдующаго письма. Можетъ, Б-нъ ¹⁾ привезетъ тебѣ и самую книгу; впрочемъ, я не думаю, чтобъ вы до августа встрѣтились.

356. Письмо къ Н. П. Огареву.

23 апрѣля (1843)¹
 4 мая

Баронъ написалъ безсмыслицу, а сначала хорошо: «На Ог. много пятень, а, чортъ знаетъ, куда ни повернись, а его недостаецъ. Ну, вотъ все бы на свѣтѣ далъ, чтобъ онъ былъ тутъ». Прощай, другъ. Можетъ, я къ осени уѣду въ Крымъ, если того потребуетъ здоровье Наташи. Прощай! Много еще на душѣ, но не хочется больше писать.

Кстати, на оборотѣ портретъ. Бот. влюбленъ, и не на шутку. Страшно за него. Хоть бы грозный примѣръ твой ихъ научилъ. Языковъ въ томъ письмѣ написалъ: «Я женюсь, стало, нынѣшнимъ лѣтомъ будетъ много жито, т. е. не въ амбарѣ, а въ груди».

А. Г.

¹⁾ Боткинъ.

◆◆ 1. Это тоже было коллективное письмо, замѣнившее написанное 18 апрѣля и, по словамъ Корша, не посланное: «писали тебѣ много чрезвычайнаго, остраго и забавнаго и до того плѣнились писаніемъ своимъ, что не рѣшились разстаться съ нимъ». Портретъ В. П. Боткина нарисованъ Кетчеромъ.

357. Письмо къ Т. Н. Грановскому.

(Конецъ апрѣля 1843).

Я ѣду въ половинѣ второго къ Чаадаеву,—ты хотѣлъ. А Листъ вчера игралъ хорошо, т. е. послѣ Стефана Баторія и Аттилы такихъ венгерцевъ не бывало. Онъ такъ же искусенъ, какъ тотъ почтенный артистъ, который вчера одолжилъ меня, принявъ въ свое владѣніе мою золотую табакерку ¹⁾.

А. Герценъ.

Твою статью ²⁾.

358. Письмо къ А. И. Тургеневу.

10 мая 1843 г.

Милостивый Государь, Александръ Ивановичъ! Я вчера предложилъ Вамъ экземпляръ статей, напечатанныхъ въ «Отеч. Запискахъ» ³⁾, во-первыхъ, потому, что какъ-то у Чаадаева Вы спрашивали меня, нѣтъ ли у меня ихъ; вторая причина, по которой я просилъ позволенія прислать ихъ, основана была на такомъ разсужденіи: кто такъ много читаетъ по всѣмъ отраслямъ, кто слѣдитъ за нѣсколькими литературами, тому непременно случается читать и плохое; мнѣ показалось, что между плохимъ чтеніемъ Вы можете дать преимущество моимъ школьнымъ прелюдіямъ,—если не по ихъ достоинству, то по тому уваженію къ вамъ, въ знакъ котораго я спѣшу ихъ отправить и съ которымъ остаюсь, Милостивый Государь, Вашимъ покорнѣйшимъ слугой

А. Герценъ.

Статьи не сшиты и не переплетены, потому что нѣтъ четвертой, которая напечатается не скоро.

¹⁾ Укралі на концертѣ.

²⁾ Статью Грановскаго надо было отправить въ «Отеч. Записки».

³⁾ Первые три «Письма объ изученіи природы».

359. Письмо къ А. А. Краевскому.

17 мая 1843 г.
Москва.

Почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, вотъ я опять къ вамъ съ челобитьемъ: если вы не покупали Вальтера Скотта и С.-Симоновы записки, то Вы меня безмѣрно одолжите, не покупая, и вдвое одолжите, если деньги, стоящія этихъ книгъ, т. е. руб. 150, вручите Виссаріону Григорьевичу,—я вамъ вѣрой и правдой отслужу. Право, Вы меня этимъ обяжете. Если же купили, то я попросилъ бы книги прислать, а на счетъ денегъ Бѣл. все бы попросилъ (буде у васъ есть свободныя) отдать, а я пойду въ кабалу къ «От. Зап.», притомъ считаю обязаннымъ засвидѣтельствовать, что, по всѣмъ медицинскимъ вѣроятіямъ, я проживу долго, умственные же способности (хотя и незавидныя) я стану беречь, какъ чужую вещь, т. е. вдвое больше; даже буду меньше острить, чтобы собрать, сосредоточить, усилить, развить, развернуть, приспособить ихъ къ вырочкѣ. Если же нельзя, что же дѣлать; буду съ горя писать статьи печальныя, можетъ, — трагедію; вы будете читать, огорчитесь etc.

Вашъ покорный слуга

А. Герценъ.

360. Изъ письма къ Т. П. Пассекъ.

(Іюнь 1843).

Цѣлый рядъ картинъ мелькнулъ передо мной между 27-мъ и 38-мъ годами. Съ Покровскимъ, съ Васильевскимъ, съ ихъ лѣсами, горами, рѣкою связано мое дѣтство, мое отрочество, время, когда вѣрилось въ зарю счастья, когда увлекали древнія республиканскія идеи и идеалы Шиллера. Тутъ, лежа подъ деревомъ, читался Плу-тархъ; тамъ билось свѣжее отроческое сердце; въ 1837 году жизнь раскрывалась всѣмъ блаженствомъ своимъ; лежала впереди всею прелестью своей и проч., и вотъ измученный, разочарованный, у тѣхъ же полей ищу участія...

361. Письмо къ В. П. Боткину.

(Лѣто 1843).

Жду отвѣта.

Во 1-хъ, какъ бы намъ сегодня увидѣться? не прійти ли послѣ обѣда къ тебѣ или къ Грановск.?—я его давно не видѣлъ,— или передъ обѣдомъ? Только къ Бодянскому ¹⁾ я не пойду (а къ концу лекціи развѣ къ Матерну ²⁾).

Во 2-хъ, жена моя поручаетъ тебѣ купить у Беранже 2 или 3 фунта конфектъ по 5 руб. и привезти.

Въ 3-хъ, пришли Posaune ³⁾.

Въ 4-хъ, отдай Бѣлинскому ⁴⁾ слѣдующій лоскутокъ отъ Сашки—манускриптъ (въ родѣ китайскаго), ему посвященный.

362. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

(Юль 1843).

1-е. Изъ записки Петра Ал. ⁵⁾ о квартирахъ я нахожу нѣскольکو знакомыхъ и которыя не дурны; пожалуйста, хорошенько осмотри на Арбатѣ (возлѣ дома Льва Ал.) домъ Сергѣева; за него можно дать до 2.750 р.,—этотъ домъ я давно знаю. Да, еще домъ Менщикова въ Кривомъ переулкѣ, также на Арбатѣ,—лучше или хуже Воейкова? Домъ Телѣгина наводитъ на скорбныя мысли и вреденъ пищеваренію: я его найму только въ томъ случаѣ, ежели 2.000 приплатится.

2. Скажи Грановскимъ, что всего лучше было бы имъ пріѣхать прежде тебя; 6 августа собираются наши на недѣлю; мнѣ бы хотѣлось лучше врозь эти посѣщенія или пусть они пріѣдутъ si toutefois cela leur convient ⁶⁾ послѣ. Ты вѣрнѣе можешь узнать, когда наши ѣдутъ, и достоительно распорядиться. Я непремѣнно побываю въ Москвѣ въ августѣ, по квартирной ком.

¹⁾ Осипъ Максимовичъ, профессоръ.

²⁾ Филиппъ Матернъ, содержатель кабачка.

³⁾ Музыкальная труба.

⁴⁾ Пріѣзжавшему тогда въ Москву.

⁵⁾ Захарьинъ.

⁶⁾ Если, конечно, это имъ подходитъ.

3. Галаховъ пишетъ ко мнѣ, что онъ велѣлъ Монигетти ¹⁾ мнѣ отдать Proudhon'a брошюры; нельзя ли ихъ взять и прислать.

4. *Спись и разныя извѣстїя.*

Сашку не париль.

Онъ въ два дня выздоровѣлъ.

Погода чудесная.

Это слогъ твоихъ писемъ и Погодина путевыхъ мемуаровъ.

Die Herzen die waren lakonisch! ²⁾

Вообще, въ тебѣ очень много спартанскаго, именно потому, что нѣтъ ничего іонійскаго.

Боткину и Бѣлинскому поклоны.—А что жъ къ намъ? Да отчего же M-selle Ar. ³⁾ не отвѣчала Наташѣ на ея записочку?

А Шлоссеръ-то согласенъ со мной насчетъ Германїи.

¹⁾ Родственникъ архитектора И. А. Монигетти, бывшаго тогда за границей и присылавшаго прїателямъ съ оказїей заграничныя книги.

²⁾ Герцены, которые были лаконичны.

³⁾ Армансъ.

363. КАПРИЗЫ И РАЗДУМЬЕ.

I.

По поводу одной драмы.

Сердце жертвуетъ родъ лицу, разумъ—лицо роду. Человѣкъ безъ сердца не имѣетъ своего очага; семейная жизнь зиждется на сердцѣ: разумъ—*res publica* человѣка.

Изъ какой-то нѣмецкой книги ¹⁾.

Отличительная черта нашей эпохи есть *grübeln* ²⁾. Мы не хотимъ шага сдѣлать, не выразумѣвъ его; мы безпрестанно останавливаемся, какъ Гамлетъ, и думаемъ, думаемъ... Некогда дѣйствовать; мы переживаемъ непрерывно прошедшее и настоящее, все случившееся съ нами и съ другими, ищемъ оправданій, объясненій, доискиваемся мысли, истины. Все окружающее насъ подверглось пытующему взгляду критики. Это—болѣзнь промежуточныхъ эпохъ. Встарь было не такъ: всѣ отношенія, близкія и дальнія, семейныя и общественныя, были опредѣлены—справедливо ли, нѣтъ ли, но опредѣлены. Оттого много думать было нечего: стоило сообразоваться съ положительнымъ закономъ, и совѣсть удовлетворялась. Все существующее казалось тогда натурально, какъ кровообращеніе, пищевареніе, которыхъ причина и развитіе спрятаны за спиною сознанія, но дѣйствуютъ своимъ порядкомъ безъ того, чтобъ мы

¹⁾ Т. е. изъ «Сущности христіанства» Л. Фейербаха.—А. И. Г.

²⁾ Умствовать, «рефлектировать».

объ нихъ заботились, безъ того, чтобъ мы ихъ понимали. На всѣ случаи были разрѣшенія: оставалось жить по писанному. А асли и являлись когда сомнѣнiя, ихъ легко было разрѣшить; стоило спросить папу, напримѣръ, или обмакнуть руку въ кипятокъ, — и истина открывалась. На всѣхъ перепутьяхъ жизни стояли тогда разныя неподвижныя тѣни, грозныя привидѣнiя для указанiя дороги, и люди покорно шли по ихъ указанiю. Иногда спорили, почему указана та дорога, а не другая, но никому и въ голову не приходило, откуда взялись эти привидѣнiя, и по какому праву распоряжаются они. Ихъ принимали за фактъ, имѣющiй самъ въ себѣ узаконенiе и котораго признанное бытiе — непреложное ему доказательство. Ко всему привязывающiйся, сварливый вѣкъ нашъ, шатая и раскачивая все, что попадалось подъ руку, добрался, наконецъ, и до этихъ призраковъ, подточилъ ихъ основанiе, сжегъ огнемъ критики, и они улетучились, исчезли. Стало просторно, но просторъ даромъ не достается: люди увидѣли, что вся отвѣтственность, падавшая *внѣ ихъ*, падаетъ *на нихъ*; имъ самимъ пришлось смотрѣть за всѣмъ и занять мѣста привидѣнiй, упреки стали злѣе грызть совѣсть. Сдѣлалось тоскливо и страшно: пришлось проводить сквозь горнило сознанiя статью за статью прежняго кодекса, а пока это не сдѣлано, начали grübeln. Ясное, какъ дважды-два — четыре, нашимъ дѣдамъ, исполнилось мучительной трудности для насъ. Въ событiяхъ жизни, въ наукѣ, въ искусствѣ насъ преслѣдуютъ неразрѣшимые вопросы, и, вмѣсто того, чтобъ наслаждаться жизнiю, мы мучимся. Подчасъ, подобно Фаусту, мы готовы отказаться отъ духа, вызваннаго нами, чувствуя, что онъ не по груди и не по головѣ намъ. Но бѣда въ томъ, что духъ этотъ вызванъ не изъ ада, не съ планеты, а изъ собственной груди человѣка, и ему некуда исчезнуть. Куда бы человѣкъ ни отвернулся отъ этого духа, первое, что падетъ на глаза, это — онъ съ своими вопросами. Tu l'as voulu, Georges Dandin, tu l'as voulu! ¹⁾).

Безотходный духъ критики овладѣлъ и театромъ; мы его приносимъ съ собою въ партеръ. Сочинитель пишетъ пьесу для того, чтобъ пояснить свое сомнѣнiе, — и, вмѣсто того, чтобъ отдохнуть отъ дѣйствительной жизни, глядя на воспроизведенную искусствомъ, мы выходимъ изъ театра, задавленные мыслями, тяжелыми и неловкими. Это понятно. Театръ — высшая инстанцiя для рѣшенiя жизненныхъ вопросовъ. Кто-то сказалъ, что сцена — представительная камера поэзiи. Все тяготящее, занимающее извѣстную эпоху, само собою вносится на сцену и обсуживается страшной логикой

¹⁾ «Ты этого хотѣлъ, Жоржъ Дандэнъ, ты этого хотѣлъ!» (Мольеръ).

событій и дѣйствій, развертывающихся и свертывающихся передъ глазами зрителей. Это обсуживаніе приводитъ къ заключеніямъ, не отвлеченнымъ, но трепещущимъ жизнію, неотразимымъ и многостороннимъ. Тутъ не лекція, не поученіе, поднимающее слушателей въ сферу отвлеченныхъ всеобщностей, въ безстрастную алгебру, мало относящуюся къ каждому, потому именно, что она относится ко всѣмъ. На сценѣ жизнь схвачена во всей ея полнотѣ, схвачена въ дѣйствительномъ осуществленіи лицами, на самомъ дѣлѣ, *flagrant délit*¹⁾, съ ея общечеловѣческими началами и частно-личными случайностями, съ ея ежедневною пошlostью и съ ея грязной, всепожирающей страстью, скрытой подъ пыльною плевою мелочей, какъ огонь подъ золой Везувія. Жизнь схвачена и, между тѣмъ, не оставлена; напротивъ, стремительное движеніе продолжается, увлекаетъ зрителя съ собой, и онъ съ прерывающимся дыханіемъ, боясь и надѣясь, несетъ вмѣстѣ съ развертывающимся событіемъ до крайнихъ слѣдствій его,—и вдругъ остается одинъ. Лица исчезли, погибли; онъ переживаетъ ихъ жизнь, успѣлъ полюбить ихъ, взойти въ ихъ интересы. Ударъ, разразившійся надъ ними, рикошетомъ былъ ударъ въ него. Такая страстная близость зрителя и сцены дѣлаетъ сильную, органическую связь между ними; по сценѣ можно судить о партерѣ, по партеру—о сценѣ. Партеръ не чужой сценѣ: онъ въ родѣ хора греческой трагедіи; онъ не внѣ драмы, а обнимаетъ ее волнами жизни, атмосферой сочувствія, которая оживляетъ актера; и сцена, съ своей стороны, не чужая зрителю: она переноситъ его не дальше, какъ въ его собственное сердце. Сцена всегда современна зрителю, она всегда отражаетъ ту сторону жизни, которую хочетъ видѣть партеръ. Нынче она участвуетъ въ трупоразъятіи жизненныхъ событій, стремится привести въ сознаніе всѣ проявленія жизни человѣческой и разбираетъ ихъ, какъ мы, судорожной и трепетной рукой, потому что не видитъ, какъ мы, ни выхода, ни всего результата этихъ изслѣдованій. Она дѣлаетъ это, относясь къ намъ такъ, какъ нѣкогда Эсхилъ «Прометей» относился къ внутренней жизни народа аѳинскаго или «Свадьба Фигаро»—къ внутренней жизни Франціи передъ революціей. Мы умѣемъ восхищаться, понимать и «Прометея», и «Свадьбу Фигаро», но мы понимаемъ (лучше ли, хуже ли—другой вопросъ), мы понимаемъ *иначе*, нежели рукоплескавшіе аѳиняне, нежели рукоплескавшіе парижане 1785 года,—и того тѣсно жизненнаго сочлененія нѣтъ болѣе. Французъ XIX вѣка оцѣнитъ и пойметъ Бомарше, но «Фигаро» не есть уже *необходимость* для него съ тѣхъ поръ, какъ его лицо

1) На мѣстѣ преступленія.

воплотилось во множество лицъ палаты, а графъ Альмавива скончался въ бѣдности отъ преждевременной дряхлости, обыкновенной спутницы слишкомъ разгульной юности. Самый воздухъ, окружающій его, не тотъ; густая, знойная атмосфера, пропитанная нѣгой, сладострастіемъ и тяжелая отъ предчувствія бури, такъ очистилась и разъяснилась отъ громовыхъ ударовъ кроваваго террора, что чахоточные боятся чрезвычайной изрѣженности ея. Въ Германіи въ одно и то же время были принимаемы громомъ рукоплесканій Коцебу и Шиллеръ, потому что въ Германіи сентиментальность и шпизбюргерлихейтъ ¹⁾, по странному стеченію обстоятельствъ, были корою, за которою шевелился мощный и здоровый зародышъ. Шиллеръ и Коцебу—полные и достойные представители: одинъ всего святого, человѣчественнаго, возникавшаго въ эту эпоху, другой—всего грязнаго и отвратительнаго, загнивавшаго тогда же. У насъ даютъ все на свѣтѣ, оттого что нашъ партеръ—все на свѣтѣ. Мы не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи *всездны*. Какъ послѣдніе пришельцы и наслѣдники, мы перебираемъ унаслѣдованное изъ всѣхъ странъ и вѣковъ, смотримъ на это, какъ на чужое и постороннее, смотримъ не потому, чтобъ оно было нужно намъ или доставляло много удовольствія, а для того, чтобъ заявить наше право и не отставать отъ другихъ,—на томъ же основаніи, какъ нѣкогда мы ѣздили въ ассамблеи не для удовольствія, а по наряду и по нуждѣ. *A force de forger* ²⁾ многое принялось: однимъ—то, другимъ—другое; никто ни съ кѣмъ не сговаривался, всякій молодецъ на свой образецъ; оттого потребности нашего партера, съ одной стороны, очень сложны, а, съ другой стороны, имъ очень легко удовлетворить. У насъ въ одномъ ряду кресель встрѣчаются полюсы человѣчества—отъ *небритой* бороды патриархальной, бороды *an sich* ³⁾, до отрощенной бороды, сознательной, бороды *für sich* ⁴⁾, а между двумя бородами можно найти представителей главныхъ моментовъ развитія человѣчества да еще нѣкоторыхъ оригинальныхъ, недостававшихъ человѣчеству. Каждый говоритъ своимъ языкомъ, каждый имѣетъ свои потребности. Счастливіе вавилонянь, мы начинаемъ съ того, чѣмъ они кончили свое столпотвореніе, то есть не понимаемъ другъ друга; они таскали камни и, долго работая, дошли до того, что у насъ впередъ идетъ. Каждая пьеса имѣетъ свою публику; къ ней присоединяется по-

1) Spiessbürgerlichkeit—узкое мѣщанство.

2) При постоянномъ упражненіи.

3) Самъ по себѣ.

4) Для себя.

стоянно балласть, то есть люди, которые послѣ семи часовъ бы-
вають въ театрѣ единственно потому, что они не внѣ театра бы-
вають послѣ семи часовъ. Разомъ для всей публики у насъ пьесъ
не дается, за исключеніемъ развѣ «Горе отъ ума» и «Ревизора»: для
бель-этажа—безъ *словъ*, но съ танцами и богатой постановкой; для
райка—пьесы, въ которыхъ кто-нибудь кого-нибудь бьетъ; для стат-
скихъ чиновниковъ—пьесы съ пушечной пальбой, превращеніями,
нравственными сентенціями; для купцовъ—тоже съ превращеніями,
но и съ цыганскими плясками; *друіе* ¹⁾ все смотрятъ, но особенно же
любятъ водевили съ двусмысленными куплетами и танцы съ дву-
смысленными движеніями.

Все это безсвязно, такъ, какъ я рассказалъ, пришло мнѣ въ
голову при выходѣ изъ театра, когда я думалъ о пьесѣ, которую
видѣлъ; а содержаніе этой пьесы ²⁾ въ самыхъ короткихъ словахъ
вотъ какое.

Драма самая простая; если вы не видали подобной у себя въ
домѣ, то навѣрное могли видѣть у котораго-нибудь изъ сосѣдей.
Дѣвица 28 лѣтъ, по имени Генріетта, болѣзненная и печальная,
влюблена до безумія въ юношу 20 лѣтъ, а тотъ, беззаботный и ве-
сельный, живетъ себѣ, не думая о ней да, сверхъ того, кажется, и
ни о чемъ другомъ. Докторъ, другъ отца Генріетты, понявъ дѣло,
захотѣлъ съ патологическимъ благоразуміемъ помочь и, само собою
разумѣется, страшно повредилъ. Онъ торжественно и таинственно
рассказалъ юношѣ о любви къ нему Генріетты, требуя отъ него,
чтобъ онъ уѣхалъ, скрылся. Вѣсть о любви сильно отозвалась въ
сердцѣ юноши; сознаніе быть любимымъ, и притомъ въ 20 лѣтъ,
обняло огнемъ всю грудь его, и съ той минуты онъ самъ ее лю-
битъ. Она, никогда не смѣвшая питать надежды на взаимность,
счастлива до высочайшей степени; мечта ея сбылась, осуществилась
прекрасно и полно. Онъ проситъ ея руки и, несмотря на предосте-
реженія доктора,—или именно подстрекаемый имъ,—женится.

Проходитъ пять лѣтъ въ антрактѣ. Мы застаемъ нашу чету
въ замкѣ. Люди богатые, они ведутъ пустую и праздную жизнь;
дѣтей нѣтъ. Скоро открывается, что подъ этой праздностью кроются
развѣдающія страсти. Онъ не любитъ больше Генріетты и страстно
влюбленъ въ Полину. Молодой человекъ благороденъ и честенъ;
онъ понимаетъ святость своихъ обязанностей, и болѣе—онъ испол-
ненъ безпредѣльнаго уваженія къ любящей, кроткой, доброй Ген-
ріеттѣ. Но онъ ее не любитъ, онъ любитъ другую, это—фактъ его

¹⁾ Офицеры.—А. И. Г.

²⁾ Арну и Фурнье, «На восемь лѣтъ старше» (см. стр. 46—47).

сердца: любить потому, что любить, не любить потому, что не любить,—логика чувствъ и страстей коротка. Сгнетенная страсть растеть; онъ ей не даетъ шага; онъ уничтожается, разлагается въ этой борьбѣ, но борется. Жена догадалась, и они быстро влекутъ другъ друга къ гибели во имя любви. Генриетта въ отчаяніи: она ничего не имѣетъ внѣ мужа, ея жизнь только любовь къ нему; а онъ еще больше въ отчаяніи: онъ безчестенъ въ своихъ глазахъ, онъ клятвопреступникъ, онъ подлый обманщикъ—тутъ, притворяясь, что любитъ, тамъ, притворяясь, что не любитъ. Такое натянутое положеніе долго не можетъ продолжаться. Генриетта рѣшается выдать Полину за какого-то шута; та не хочетъ. Въ порывѣ ревности Генриетта упрекаетъ ее въ разрушеніи семейнаго счастья, въ любви къ ней мужа, въ ея любви къ нему. Молодая дѣвица, любившая въ тиши, не признаваясь себѣ, Эмиля, не подозрѣвая его любви, этими словами вовлечена въ страшную борьбу страстей. Чувство ея названо, тайна ея обличена. Въ первомъ порывѣ отчаянія она соглашается итти замужъ. Спрашиваютъ согласія Эмиля: Полина живетъ у нихъ въ домѣ и родственница. Онъ согласенъ. Долгъ побѣдилъ; но и Эмиль получилъ рану въ грудь, вся сила его истощена на эту побѣду. Онъ рѣшается—и это, можетъ, благоразумнѣйшая мысль во всю его жизнь—онъ рѣшается уѣхать... Даль, занятія разсѣютъ, отвлекутъ, исцѣлятъ; но жена, узнавъ это, намѣревается лишить себя жизни, отказываетъ ему имѣніе и исчезаетъ. Эмиль въ отчаяніи.

Проходитъ годъ. Полина въ монастырѣ; вдовецъ ѣдетъ за ней, женится и на обратномъ пути встрѣчается съ Генриеттой, которая вовсе не утопилась, а жила съ убійственной грустью въ душѣ и съ злою чахоткой въ груди у доктора; бѣдная женщина питала на днѣ оскорбленнаго истерзаннаго сердца надежду, что Эмиль любитъ ее изъ сожалѣнія, а между тѣмъ, она не знала, что смерть ея была доказана трупомъ всплывшей женщины въ день ея побѣга. Эмиль, отыскивая въ маленькомъ городкѣ врача, приходитъ къ доктору и застаетъ Генриетту; она бросается къ нему; но онъ окаменѣлый, полумертвый, потерянный, отвѣчаетъ на ея порывъ новостью о своемъ бракѣ. Слабой, едва живой, Генриеттѣ нельзя было вынести такого удара. Глухо закашляла она и бросилась изъ комнаты. Онъ ринулся, было, за нею,—дверь заперта... Страшная минута тишины, невыносимая минута бездѣйствія,—онъ сломился подъ ея гнетомъ, онъ съ бѣшенствомъ и безуміемъ бросился на полъ, вырывая себѣ волосы и стеная. Дверь отворилась; докторъ вошелъ спокойный и величественно-кротко возвѣстилъ, что она умерла, прощая его и совѣтуя беречь Полину. И двоеженецъ, по-

верженный въ прахъ, остается съ страшными угрызеніями совѣсти, которыя, вѣроятно, проводятъ его черезъ всю жизнь. Вотъ и пьеса!

Когда опустился занавѣсъ, мнѣ было невыразимо тяжело, точно я присутствовалъ при инквизиторской пыткѣ невинныхъ. Всѣ люди въ этой драмѣ—люди добрые, обыкновенные, даже честные и исполняющіе долгъ свой; а между тѣмъ одинъ изъ нихъ казненъ смертью, двое другихъ—участіемъ въ этой казни.

— Какъ вамъ нравится драма?—спросилъ меня сосѣдъ, протирая очки...

У меня есть примѣта не вступать въ разговоръ съ незнакомымъ въ публичномъ мѣстѣ, если онъ самъ его не начнетъ; мнѣ все кажется, что такой человѣкъ или большой говорунъ, или большой *слушатель*. А потому, вмѣсто отвѣта, я посмотрѣлъ на моего сосѣда, желая узнать, что онъ: говорунъ или слушатель; но онъ такъ добродушно, и такъ наивно, и такъ щура глаза, протиралъ очки, что я преступилъ правило дипломатической гигиены и отвѣчалъ:

— Драма, кажется, обыкновенная, а между тѣмъ, она глупо боко задѣваетъ.

— Я даже, было, прослезился... стыдно признаться. Этакая славная женщина, идеаль, — продолжалъ человѣкъ кресель подъ № 39.—И досталась же такому мерзавцу-мужу!

— Не лучше ли сказать—такому несчастному человѣку?

— Какой онъ несчастный! Безхарактерный эгоистъ, не умѣлъ ни отказаться во-время отъ нея, ни любить ее послѣ, ни побѣдить новой страсти. Неужели онъ правъ, по вашему?

— По моему,—отвѣчалъ я улыбаясь:—во-первыхъ, всѣ они правы, а во-вторыхъ, всѣ они виноваты, но, вѣроятно, не такъ, какъ вы полагаете.

— Очень хорошо, но... главный виновникъ?

— Да на что вамъ онъ? Главный виновникъ, какъ всегда, спрятался: онъ стоялъ за кулисами.

Въ это время къ № 39 подошелъ какой-то знакомый, и нашъ разговоръ кончился, но продолжался во мнѣ рядомъ грустныхъ Grübeleien.

...Ничѣмъ люди не оскорбляются такъ, какъ неотысканіемъ виновныхъ; какой бы случай ни представился, люди считаютъ себя обиженными, если нѣ кого обвинить и, слѣдственно, бранить, наказать. Обвинять гораздо легче, нежели понять. Понять событіе, преступленіе, несчастіе—чрезвычайно важно и совершенно противоположно рѣшительнымъ сентенціямъ строгихъ судей; понять значить, въ широкомъ смыслѣ слова, оправдать, возстановить: дѣло

глубоко человѣческое, но трудное и неказистое. Оправдать падшаго то же, что поставить его на одну доску со мною. То ли дѣло съ высоты своего нравственнаго величія упрекать и позорить его, указывая на себя, хотя въ положеніи и нѣтъ никакого сходства, и проповѣдникъ по большей части—извѣстная мышь въ голландскомъ сырѣ! Оставя эту суетность, спрашиваемъ, для чего намъ судить? Для суда и осужденія есть положительное законодательство, имѣющее на это болѣе права, силу, власть. Наше *партикулярное* дѣло—проникать мыслью въ событіе, освѣщать его не для того, чтобъ наказывать и награждать, не для того, чтобъ прощать,—тутъ столько же гордости и еще больше оскорбленія,—а для того, что, внося свѣтъ въ тайники, въ подземельные ходы жизни, изъ которыхъ вырываются иногда чудовищныя событія, мы изъ тайныхъ дѣлаемъ ихъ явными и открытыми. Зло—темнота; оно не имѣетъ никакой внутренней силы, чтобъ противостоять свѣту. Оно только сильно, пока не взошло солнце разума, и мы, не видя его, придаемъ ему фантастическіе, чудовищные образы. Къ этой страсти искать виновныхъ для того, чтобъ ихъ ругать и клеймить позоромъ, присовокупляется у добрыхъ людей наивное требованіе, чтобъ каждый человѣкъ былъ мелодрамнымъ, романически-безукоризненнымъ героемъ, исполнялъ бы съ полнымъ самоотверженіемъ свои обязанности или, лучше, не свои обязанности, а тѣ, которыя заставляютъ его исполнять. И кто же эти взыскательные? Люди, которые для общей пользы не пожертвуютъ рюмкой водки, люди, къ которымъ въ семейную жизнь, обороны Богъ, заглянуть, милые невѣжды въ страстяхъ и увлеченіяхъ, потому что любили только себя и употребляли всю жизнь для успокоенія и холенья себя. Кто бывалъ искушаемъ, падалъ и воскресалъ, найдя себѣ силу хранительную, кто одолѣлъ, хоть разъ, истинно распахнувшуюся страсть, тотъ не будетъ жестокъ въ приговорѣ: онъ помнитъ, чего ему стоила побѣда, какъ онъ, изнеможенный, сломанный, съ изорваннымъ и окровавленнымъ сердцемъ, вышелъ изъ борьбы; онъ знаетъ цѣну, которую покупаются побѣды надъ увлеченіями и страстями. Жестоки не падашіе, вѣчно трезвые, вѣчно побѣждающіе, то есть, такіе, къ которымъ страсти едва притрогиваются. Они не понимаютъ, что такое страсть. Они благоразумны, какъ ньюфаундлэндскія собаки, и хладнокровны, какъ рыбы. Они рѣдко падаютъ и никогда не поднимаются; въ добрѣ они такъ же воздержны, какъ въ злѣ. Остановимся лучше съ горестью передъ лицами нашей драмы, пожалѣемъ объ нихъ, протянемъ имъ руку, не осуждая, не браня: мы не члены уголовного суда; они довольно пострадали,—поговоримъ объ нихъ съ участіемъ, а не съ укоромъ, бу-

демъ на нихъ смотрѣть, какъ на больныхъ, а не такъ, какъ на преступниковъ.

Герой нашей драмы—человѣкъ увлекающійся и безъ всякаго направленія; его жизнью управляетъ внѣшняя власть; онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые ложатся спать, не зная, что завтра будутъ дѣлать: пойдутъ ли на охоту или будутъ читать, или играть въ карты. Онъ сначала любилъ свою жену откровенно,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія,—и, какъ всѣ люди, не имѣющіе, такъ сказать, *задней мысли*, дающей тонъ всей ихъ жизни, онъ не могъ быть остановленъ ничѣмъ въ свѣтѣ передъ бракомъ. Когда люди такого рода получаютъ какое-нибудь опредѣленное чувство, имъ становится хорошо; состояніе безцѣльнаго существованія тягостно. Мало-помалу онъ охладѣлъ къ женѣ; къ этому многое способствовало: всегдашняя зависимость его отъ впечатлѣній, разница лѣтъ, насмѣшки; потомъ бездѣтный бракъ всегда ближе къ тому, чтобъ распасться. Несмотря на охлажденіе мужа, жизнь ихъ могла бы итти довольно хорошо: форма безъ содержанія можетъ долго простоять въ покоѣ, но первый толчокъ,—и она падетъ. Въ молодой душѣ Эмиля была бездна силъ, не употребленныхъ; ихъ некуда было дѣтъ; у домашняго очага, въ пустой жизни, блага не употребленныя, праздныя силы всегда грозятъ бѣдой: онѣ бродятъ, требуютъ занятія, истока. Взоръ его, искавшій спасенія отъ скуки, встрѣтилъ живой, милый взоръ дѣвицы, только что вышедшей изъ дѣтской хризолиты.

«Тутъ онъ долженъ былъ остановить себя!..» Да неужели, вы думаете, онъ полюбилъ ее намѣренно? Эти привязанности дѣлаются безсознательно. Можетъ, мѣсяцы прошли прежде, нежели онъ догадался, отчего ему пріятно смотрѣть на ея улыбку, слушать ея пѣсню; а когда онъ узналъ, назвалъ свое чувство, страсть глубоко вкоренилась; и когда онъ хотѣлъ себя остановить, его бытіе расколосось на двое, гдѣ, съ одной стороны, долгъ и умъ, а, съ другой,—сердце, кипящее страстями; у него не достало силы найти выходъ. Онъ остался, какъ былъ,—человѣкъ, подчиненный сердцу, да сверхъ того, какъ слабый человѣкъ и въ страсти, не умѣлъ итти до крайнихъ послѣдствій, а остановился въ страшной и мучительной борьбѣ, не имѣя силы, ни сердца принести въ жертву долгу, ни долга принести въ жертву сердцу. Мы его видимъ во второмъ дѣйствіи съ потеряннымъ видомъ, жалкимъ до слезъ; онъ твердъ въ натянутой роли; но подземный хоръ дьяволовъ, какъ въ «Робертѣ»¹⁾, слышится глухо въ его груди, и эта страшная пѣсня

¹⁾ Опера Мейербера «Робертъ Дьяволъ».

раздается вопреки ему,—и чувствуется, что ему не подавить этого хора.

Генриетта сама ускоряетъ взрывъ. Она точно также покорна одному сердцу,—болѣе, можетъ, нежели Эмиль; по счастью, ея сердце не въ разладѣ съ долгомъ; ея любовь къ мужу—безумная страсть; уязвленная, она обвиняется гремучей змѣей около трехъ лицъ и должна или ихъ задушить, или погубить. Да не ненависть ли это?... Посмотрите, какъ все странно въ этой тѣсной сферѣ личныхъ отношеній. Кроткая, благородная, добрая женщина въ своекорыстномъ опьяненіи ревности жертвуетъ жизнью Полины, отдавая ее замужъ за какого-то урода. Дѣвица готова погубить себя,—юность всегда самоотверженна и безразсчетна,—готова предать себя позору брачнаго ложа безъ любви, какъ будто Эмиль отъ этого снова полюбитъ свою жену. Не знаю цѣли, съ какой авторы ¹⁾ прибавили третье дѣйствіе, но оно до такой степени не нужно, до такой степени несправедливо (въ смыслѣ наказанія Эмиля), что превосходно вѣнчаетъ всю драму. Только въ этомъ мірѣ могутъ развиваться такія катастрофы, гдѣ внутренняя случайность чувствъ учреждаетъ жизнь вмѣстѣ съ внѣшней случайностью обстоятельствъ.

Виновныхъ тутъ нѣтъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ хотять виноватыхъ (какъ сознательныхъ преступниковъ); есть одна вина, за которую ихъ нельзя отдать подъ судъ, но которая была причиною всѣхъ бѣдствій, причиною скрытой, неизвѣстной имъ.

Нѣтъ ничего легче послѣ сужденій обвиняющей толпы, какъ стоическимъ формализмомъ разрѣшать жизненные вопросы. Формализмъ, какъ всякая отвлеченность, беретъ одну сторону и правъ съ этой стороны, а другихъ онъ знать не хочетъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пытались, особенно въ Германіи, всѣ вопросы и всѣ сомнѣнія разрѣшать путемъ отвлеченнымъ, отрѣшая отъ вопроса усложняющія стороны его и дѣлая его, слѣдовательно, вовсе не тѣмъ вопросомъ, какимъ онъ есть; на широкихъ и крѣпкихъ основаніяхъ выросли тощія и бѣдные плоды, искусственно и насильственно вытянутые. Рѣшенія такого формализма безжизненны; онъ идетъ отъ умерщвленнаго даннаго къ мертвому послѣдствію; отъ его холоднаго дыханія все коченѣетъ, вытягивается въ угловатыя формы, въ которыхъ содержанію, мочи нѣтъ, тѣсно; въ немъ нѣтъ ни пощады, ни милосердія—одни категоріи и пренебреженія. Вездѣ, гдѣ гордый формализмъ касается жизни, онъ стремится рабски подчинить страсти сердца, всю естественную сторону, всѣ личныя требованія разуму, какъ бы чувствуя, что онъ не совладаетъ съ ними, пока они

¹⁾ Arnould et Fournier.—А. И. Г.

на волѣ. Толкуя безпрестанно о тождествѣ противоположностей, о примиреніи ихъ въ высшемъ единствѣ, объ ихъ соприносущности и взаимной необходимости, формалисты только *на словахъ* принимаютъ тождество и примиреніе, а на дѣлѣ хотятъ подавить всю естественную сторону, хотятъ отбросить ее, какъ калоши, служившія только, чтобъ пройти по грязи. Кто-то прекрасно замѣтилъ, что природа для идеалистовъ — *развратившаяся идея* (so eine liederliche Idee). Все временное, частное, само собою приносится въ жертву идеѣ и всеобщему; это — судьба его; но хотятъ у него отнять и минутное владѣніе, — единственное его благо; вмѣсто свободной жертвы, хотятъ вынудить насиліемъ рабское признаніе своей ничтожности; *не дадутъ себѣ труда устремить сердце къ разумной цѣли*, а требуютъ, чтобъ оно отреклось отъ себя, потому что оно ближе къ природѣ. Такихъ требованій не признаетъ гордое сердце человѣка; оно сильно своими страстями и знаетъ свою силу: оно знаетъ, если пламя страстныхъ увлеченій подниметъ голову, какъ безсильно, какъ несостоятельно обязательство жертвовать формальному долгу! Сердце знаетъ, что наслажденіе есть также право всего живущаго, ищетъ его и манитъ имъ; за что оно имъ пожертвуетъ? — формализму до этого дѣла нѣтъ. Держась на ледяной высотѣ своихъ всеобщностей, онъ пренебрегаетъ сердцемъ, онъ его не хочетъ знать. Такъ принялся, было, онъ защищать бракъ, но никогда не могъ дойти до христіанскаго ученія о бракѣ, именно по недостатку любви и сердца ¹⁾. Онъ допускаетъ, что *основаніе* браку — любовь: это его естественная непосредственность; но послѣ вѣнчанія любовь не нужна, — вы перешли за границу естественныхъ влеченій, въ сферу нравственности, гдѣ ужъ нѣтъ ни плача, ни воздыханія, никакой страстности, а есть скука и тупое исполненіе долга, котораго смыслъ утратился и котораго внутренняя психія отлетѣла. Сознаніе, что я жертвую всею сердечной стороной бытія для нравственной идеи брака, — вотъ награда. Словомъ, бракъ для брака. Самое высшее развитіе такого брака будетъ, когда мужъ и жена другъ друга терпѣть не могутъ и исполняютъ *ex officio* супружескія обязанности. Тутъ торжество брака для брака гораздо полнѣйшее, нежели въ случаѣ равнодушія. Люди равнодушные другъ къ другу могутъ по расчету жить вмѣстѣ; они не мѣшаютъ другъ другу ²⁾.

¹⁾ Наприм., диссертація Ретшера о Гетевомъ Wahlverwandschaft. — А. И. Г.

²⁾ Мѣсто это написано было мною противъ К. С. Аксакова, который въ спорѣ поддерживалъ этотъ чисто доктринерскій взглядъ на бракъ. Тогда, т. е. въ 1843 году, онъ былъ еще очень увлеченъ Гегелевымъ формализмомъ. Но каково же было мое удивленіе, когда пятнадцать лѣтъ спустя, я ту же строго

Религія устремляется въ другой міръ, въ которомъ также улѣтучиваются страсти земныя; этотъ другой міръ не чуждъ сердцу; напротивъ, въ немъ сердце находитъ покой и удовлетвореніе; сердце не отвергается имъ, а распускается въ него; во имя его религія могла требовать жертвованія естественными влеченіями; въ высшемъ мірѣ религіи личность признана, всеобщее нисходитъ къ лицу, лицо поднимается во всеобщее, не переставая быть лицомъ; религія имѣетъ собственно двѣ категоріи: всемірная личность божественная и единичная личность человѣческая. Формализмъ убиваетъ живыя личности въ пользу промежуточныхъ отвлеченныхъ всеобщностей. Религія не становится выше любви въ отношеніи брака; религія говоритъ: люби твою жену, потому что она Богомъ тебѣ данная подруга. Религія связываетъ лица связью неразрушимой; здѣсь бракъ есть таинство, совершающееся подъ благословеніемъ божіимъ. Формализмъ разсуждаетъ не такъ: «Ты, какъ свободно разумная воля, вступилъ въ бракъ съ сознаниемъ его обязанностей,—пади же жертвой этой обязанности, запутайся въ цѣпь, которую добровольно надѣлъ на себя; плати всѣми годами твоей жизни за прошедшій фактъ,—быть можетъ, основанный на минутномъ увлеченіи. Никакой взглядъ на міръ, ни развитіе, ни опытность ничего не помогутъ, потому что принесеніемъ тебя въ жертву идея брака укрѣпляется и поднимается. Тебѣ, какъ личности, выхода нѣтъ; да и гини себѣ, ты—случайность. Необходимъ человѣкъ, а не ты». Формализмъ топчетъ ногами всю сторону естественной непосредственности; религія и тутъ его побѣждаетъ, ибо она, признавая семейную жизнь, считаетъ ее естественною непосредственностью, въ свою очередь, передъ жизнью въ высшемъ мірѣ. Да, религія снимаетъ семейную жизнь, какъ и частную, во имя высшей, и громко призываетъ къ ней: «кто любитъ отца своего и мать свою болѣе Меня, тотъ недостоинъ Меня». Эта высшая жизнь не состоитъ изъ одного отрицанія естественныхъ влеченій и сухого исполненія долга: она имѣетъ свою положительную сферу во всеобщихъ интересахъ своихъ; поднимаясь въ нее, личныя страсти сами собою теряютъ важность и силу,—и это единственный путь обузданія страстей,—свободный и достойный человѣка. Сдѣлаемъ опытъ оглянуться на нашу драму съ этой точки зрѣнія.

Жизнь лицъ, печально прошедшихъ передъ нашими глазами, была жизнь односторонняго сердца, жизнь личныхъ преданностей, исключительной нѣжности. Небосклонъ ея тѣсенъ; намъ въ немъ

высказанную и діалектически развитую нелѣпость встрѣтилъ въ Прудоновой «De la justice».—А. И. Г.

неловко дышать, человекъ требуетъ больше; комнатный воздухъ для него нездоровъ. Мы чувствуемъ себя чужими между этими людьми и личностями, другъ въ другѣ живущими, сосредоточенными на себѣ и довлѣющими другъ другу во имя своихъ личностей. При такомъ направленіи духа начала кроткаго, тихаго семейнаго счастья лежали въ нихъ; они могли бы быть счастливы,— даже нѣкоторое время были, и ихъ счастье было бы дѣломъ *случая* такъ же, какъ и ихъ несчастіе. Міръ, въ которомъ они жили,— міръ случайности. Частная жизнь, не знающая ничего за порогомъ своего дома, какъ бы она ни устроилась, бѣдна; она похожа на обработанный садъ, благоухающій цвѣтами, вычищенный и прибранный. Садъ этотъ можетъ долго утѣшать хозяевъ, особенно если заборъ его перестанетъ колоть ихъ глаза; но случись ураганъ,— онъ вырветъ деревья съ корнями и затопитъ цвѣты, и садъ будетъ хуже всякаго дикаго мѣста. Такимъ хрупкимъ счастьемъ человекъ не можетъ быть счастливъ; ему надобенъ безконечный океанъ, который волнуется ураганами, но черезъ нѣсколько мгновений бываетъ гладокъ и свѣтелъ, какъ прежде. Судьба всего исключительно личнаго, не выступающаго изъ себя, незавидна; отрицать личныя несчастія нелѣпо; вся индивидуальная сторона человека погружена въ темный лабиринтъ случайностей, пересѣкающихся, вплетающихся другъ въ друга; дикія физическія силы, не просвѣтленныя влеченія, встрѣчи имѣютъ голосъ, и изъ нихъ можетъ составиться согласный хоръ, но могутъ двигать и раздирающіе душу диссонансы. Въ эту темную кузницу судебъ свѣтъ никогда не проникаетъ; слѣбые работники бьютъ зря молотомъ налѣво и направо, не отвѣчая за слѣдствія. Чѣмъ болѣе человекъ сосредотачивается на частномъ, тѣмъ болѣе голыхъ сторонъ онъ представляетъ ударамъ случайности. Пенять нѣ на кого: личность человека не замкнута; она имѣетъ широкія ворота для выхода. Вся вина людей, живущихъ въ однихъ сердечныхъ, семейныхъ и частныхъ интересахъ, въ томъ, что они не знаютъ этихъ воротъ, а остальное, въ чемъ ихъ винять,—обыкновенно дѣло случая.

Случайность имѣетъ въ себѣ нѣчто, невыносимо противное для свободнаго духа. Ему такъ оскорбительно признать неразумную власть ея, онъ такъ стремится подавить ее, что, не зная выхода, выдумываетъ лучше грозную судьбу и покоряется ей; хочетъ, чтобъ бѣдствія, его постигающія, были предопредѣлены, т. е. состояли бы въ связи съ всемірнымъ порядкомъ; онъ хочетъ принимать несчастія за преслѣдованія, за наказанія: тогда ему есть утѣха въ повиненіи или въ ропотѣ; одна случайность для него невыносима, тягостна, обидна; гордость его не можетъ вынести безраз-

личной власти случая. Эта ненависть и стремление выйти изъ-подъ ярма указываетъ довольно ясно на необходимость другой области, *иного міра*, въ которомъ врагъ поправъ, духъ свободенъ и дома. Еслибъ человѣкъ не имѣлъ никакого выхода, въ немъ не было бы и потребности выйти изъ міра случайности, какъ у животнаго, напримѣръ. Поднимаясь, развиваясь въ сферу разумную и вѣчную всеобщаго, мы стяжаемъ возможность и крѣпость переносить удары случайности: они бьютъ тогда въ одну долю бытія, они не такъ обидны. Надобно было большое совершеннѣе, большое развитіе своей индивидуальности въ родовое, чтобъ съ яснымъ челомъ сказать: «*есть міръ; въ немъ мы развиваемся; какая судьба насъ постигнетъ, все равно (да и судьбы вовсе нѣтъ)*»; дѣло въ томъ, чтобъ мы *пришли въ себя*, остальное безразлично». Хвала великой еврейкѣ, сказавшей это! ¹⁾

Не отвергнуться влеченій сердца, не отречься отъ своей индивидуальности и всего частнаго, не предать семейство всеобщему, но раскрыть свою душу всему человѣческому, страдать и наслаждаться страданіями и наслаженіями современности, работать столько же для рода, сколько для себя, словомъ, развить эгоистическое сердце во всѣхъ скорбящее, обобщить его разумомъ и, въ свою очередь, оживить имъ разумъ... Человѣкъ безъ сердца—какая-то безстрастная машина мышленія, не имѣющая ни семьи, ни друга, ни родины; сердце составляетъ прекрасную и неотъемлемую основу духовнаго развитія; изъ него пробѣгаетъ по жиламъ струя огня, всеогрѣвающего и живительнаго; имъ живое сотрясается въ наслаженіи, радо себѣ. Поднимаясь въ сферу всеобщаго, страстность не утрачивается, но преображается, теряя свою дикую, судорожную сторону; предметъ ея выше, святѣе; по мѣрѣ расширенія интересовъ, уменьшается сосредоточенность около своей личности, а съ нею и ядовитая жгучесть страстей. Въ самомъ колебаніи между двумя мірами—личности и всеобщаго—есть непреодолимая прелесть; человѣкъ чувствуетъ себя живою, сознательною связью этихъ міровъ, и теряясь, такъ сказать, въ свѣтломъ эфирѣ одного, онъ хранитъ себя и слезами, и восторгами, и всею страстностью другого. Человѣческая жизнь—трудная статистическая задача; безчисленныя противоположности, множество борющихся элементовъ ринуты въ одну точку и сняты ею. Природа, развиваясь, безпрестанно усложняется; проще всего камень, зато и жизнь его со-

¹⁾ Рахель ^{o)}—«Briefwechsel».—А. И. Г.

^{o)} Жена извѣстнаго нѣм. писателя К. Варнгагена фонъ-Энзе.

стоитъ въ одномъ мертвомъ, косномъ покоѣ. Человѣкъ не можетъ отказаться безнаказанно отъ участія во всѣхъ обителяхъ, въ которыя онъ призванъ своимъ временемъ. Человѣкъ развившійся равно не можетъ ни исключительно жить семейною жизнью, ни отказаться отъ нея въ пользу всеобщихъ интересовъ. Было время для каждаго народа, когда семейная жизнь удовлетворяла всѣмъ требованіямъ; для насъ, европейцевъ, это время миновало: мы живемъ шире, богаче. Въ патріархальный вѣкъ дѣтская простота, односложность отношеній, физическій трудъ и психическая неразвитость отстраняли всякую возможность скорбныхъ катастрофъ, поражающихъ нѣжныя, одухотворенныя существованія развитыхъ странъ. Удары случайности были тѣ же; грудь, на которую они падаютъ, измѣнилась.

Лица нашей драмы отравили другъ другу жизнь, потому что они слишкомъ близко подошли другъ къ другу, и, заняты единственно и исключительно своими личностями, они собственными руками разрыли пропасть, въ которую низверглись; страстность ихъ, не имѣя другого выхода, сожгла ихъ самихъ. Человѣкъ, строящій домъ свой на одномъ сердцѣ, строить его на огнедышащей горѣ. Люди, основывающіе все благо своей жизни на семейной жизни, ставятъ домъ на пескѣ. Быть можетъ, онъ простоитъ до ихъ смерти, но обезпеченія нѣтъ, и домъ этотъ, какъ дома на дачахъ, прекрасенъ только во время хорошей погоды. Какое семейное счастье не раздробится смертью одного изъ лицъ? Мнѣ отвѣтятъ: а утѣшеніе религіи? Но религія есть по преимуществу выходъ въ иной міръ. А тамъ, гдѣ религіозная и гуманическая сторона бытія слаба, гдѣ она подчинена чувствамъ, подчинена частному и личному, тамъ ждите бѣды и горестей... Въ этомъ положеніи наши герои. Они сводятъ насъ въ преисподнюю, въ міръ сердца, разорваннаго съ разумомъ, въ подземный міръ обезумѣвшихъ естественныхъ влеченій, готовыхъ пожрать все вокругъ себя. Это — страшная изнанка жизни человѣческой; тутъ опредѣляются личныя гибели, дробятся однимъ ударомъ песчинками собранныя достоянія; тутъ раздаются глухіе стоны отчаянія, яростные крики боли; тутъ индивидуальное доведено до послѣдней крайности, до нелѣпости и царитъ объ руку съ безумнымъ самоотверженіемъ и съ наглымъ эгоизмомъ. Тутъ люди сражаются съ призраками, порожденными ихъ болѣзненной фантазіей, рвутъ въ клочья свою грудь и грудь ближняго, бѣснуются, ненавидятъ, ревнуютъ, лишаютъ себя жизни, влюбляются, — все это, ни разу не давши себѣ отчета въ томъ, чего хотятъ...

Не засмѣяться ль имъ, пока

Не обагрилась ихъ рука?

Если человекъ, попавши во власть адскимъ силамъ, найдетъ твердость пріостановиться, подумать, — онъ безъ сомнѣнія, засмѣется и, еще вѣрнѣе, покраснѣетъ. Главное сумасшествіе состоитъ въ какой-то чудовищной важности, которую приписываютъ событіямъ, именно потому, что они не знаютъ, что въ самомъ дѣлѣ важно. Не факты отдѣльные — смертные грѣхи, а грѣхи противъ духа и въ духѣ. Возьмемъ, на примѣръ, драму Бомарше «*La mère coupable*»¹⁾. Человекъ, годы цѣлые съ злою ревностью отыскивавшій улики противъ своей жены, наконецъ, находитъ ихъ. Теперь-то онъ отмститъ, теперь-то онъ бросится со всею жестокостью невинности, со всею свирѣпостью судьи на преступную, которая двадцать лѣтъ, не осушая слезъ, оплакиваетъ свое паденіе. Онъ, точно, пользуется первымъ случаемъ, чтобъ положить на благородное чело ея печать позора; при этомъ онъ ждетъ увертокъ, ждетъ горькихъ словъ и встрѣчаетъ кроткое признаніе вины, и его жесткая душа смягчится, онъ *протрезвляется*, изъ мужа-мстителя дѣлается мужемъ-человѣкомъ. Сердце, полное желчи и злобы, раскрывается снова любви. А между тѣмъ доказательства найдены, и то, что въ подозрѣніи онъ не могъ вынести, онъ забываетъ при достовѣрности. Почти всѣ злодѣйства въ мірѣ происходятъ отъ нетрезваго пониманія. Бенгамъ²⁾ говоритъ, что всякій преступникъ — дурной счетчикъ. Если обобщить эту мысль и взять ее не въ тѣхъ матеріальныхъ границахъ, въ которыхъ она высказана имъ, то это будетъ одна изъ величайшихъ истинъ.

Но возвратимся къ нашей драмѣ. Закулисная вина несчастія этихъ людей — тѣснота и неестественная для человека жизнь праздности, преступное отчужденіе отъ интересовъ всеобщихъ, преступный холодъ ко всему человѣческому внѣ ихъ тѣснаго круга, исключительное занятіе собою, взаимное обоготвореніе. Другихъ винъ не ищите, — вотъ больное мѣсто! Если-бъ въ нихъ было развито *живое* религиозное чувство, если-бъ *человѣчность* ихъ не ограничилась первой ступеню, т. е. семейной жизнью, катастрофы этой, конечно, не было бы. Если-бъ Эмиль, сверхъ своихъ личныхъ привязанностей, имѣлъ симпатію къ современности, любовь къ родинѣ, къ искусству, къ наукѣ, остался ли бы онъ, сложа руки, въ ничтожной праздности, разжигая бездѣйствіемъ страсти, истощая силы души на противодѣйствіе несчастной любви? Можетъ быть, эта любовь и посѣтила бы его сердце, какъ мимолетная гостья, но она

¹⁾ «Виновная мать».

²⁾ Иеремія, англійскій юристъ и философъ, знаменитъ, какъ творецъ утилитаризма.

не стацила бы его въ преисподнюю, не нарушила бы мира съ женой, потому что онъ былъ бы сильнѣе всего той стороной бытія, которой онъ не развилъ. Еще разъ, ихъ жизнь была бѣдная жизнь въ сферѣ частной любви, выхода не имѣла и при неудачѣ лопнула. Словомъ, *любовь* оправдываетъ все. Но нынче, когда нѣтъ авторитета, подъ который духъ критики не дѣлалъ бы опыта подкопаться, можно и самую златовласую Афродиту потребовать къ трибуналу, если судья только не боится ея красоты. Я, съ своей стороны, готовъ быть лучше Антоніемъ, нежели Октавіаномъ, и навѣрное не велю покрыться Клеопатрѣ, лишь бы встрѣтиться съ нею; однакожъ, осмѣливаюсь звать на правезъ ее, изъ пѣны морской рожденную!

Существовать—величайшее благо; любовь раздвигаетъ предѣлы индивидуальнаго существованія и приводитъ въ сознаніе все блаженство бытія; любовью жизнь восхищается собою; любовь— апоѳеозъ жизни. Лукрецій всю природу называетъ торжественнымъ празднествомъ любви, брачнымъ пиромъ, для котораго цвѣты развертываютъ свои прекрасные вѣнчики, наполняютъ благоуханіемъ воздухъ, птицы покрываются красивыми перьями и проч. Любовь человѣческая—еще болѣе апоѳеозъ самой любви, такъ, какъ вообще человѣческое есть апоѳеозъ естественнаго. Природа оканчивается взоромъ юноши и дѣвы, любящихъ другъ друга. Этимъ взоромъ она страстно понимаетъ всю безконечную красоту свою, имъ она *оцѣнила себя*; далѣе она итти не можетъ,—далѣе другое царство; она совершила свое, подняла форму до соотвѣтствія духу, раздвоилась, и, взглянувъ высшими представителями своего дуализма, она поняла выразительность своей красоты; личности, въ нѣмомъ восторгѣ другъ отъ друга, въ торжественномъ упоеніи взаимнаго созерцанія отрѣшились отъ себя. Они сняли противоположность свою любовью и между тѣмъ не совпадаютъ для того, чтобъ наслаждаться другъ другомъ, для того, чтобъ жить другъ въ другѣ. И съ этимъ мгновеніемъ восторга и поклоненія бытію соединена великая тайна возникновенія, обновленія юнымъ отжившаго. Любовь—пышный, изящный цвѣтокъ, вѣнчающій и оканчивающій индивидуальную жизнь; но онъ, какъ всѣ цвѣты, долженъ быть раскрытъ одною стороною, лучшей стороною своей къ небу всеобщаго. Цвѣтокъ питается изъ земли и изъ солнца; отъ этого въ немъ земное такъ чудно хорошо. Любовь—одинъ моментъ, а не вся жизнь человѣка; любовь вѣнчаетъ личную жизнь въ ея индивидуальномъ значеніи; но за исключительною личностью есть великія области, также принадлежащія человѣку или, лучше, которымъ принадлежитъ человѣкъ и въ которыхъ его личность, не переста-

вая быть личностью, теряет свою исключительность. Монополию любви надобно подорвать вмѣстѣ съ прочими монополіями. Мы отдали ей принадлежащее, теперь скажемъ прямо: человѣкъ не для того только существуетъ, чтобъ *любитья*; неужели *вся* цѣль мужчины—обладаніе такою-то женщиной, *вся* цѣль женщины—обладаніе такимъ-то мужчиною? Никогда! Какъ неестественна такая жизнь, всего лучше доказываютъ герои почти всѣхъ романовъ. Что за жалкое, потерянное существованіе какого-нибудь Вертера, — чтобъ указать на знаменитость; сколько сумасшедшаго и эгоистическаго въ немъ, при всей блестящей сторонѣ, которую всегда придаетъ человѣку сильная страсть. Не должно ошибаться: это блескъ очей лихорадочнаго; онъ имѣетъ въ себѣ магнетическое, притягивающее, а между тѣмъ онъ выражаетъ не огонь жизни, а пламя, разрушающее ее. При всѣхъ поэтическихъ выходкахъ Вертера вы видите, что эта нѣжная, добрая душа не можетъ выступить изъ себя; что, кромѣ маленькаго міра его сердечныхъ отношеній, ничто не входитъ въ его лиризмъ! у него ничего нѣтъ ни внутри, ни внѣ, кромѣ любви къ Шарлоттѣ, несмотря на то, что онъ почитываетъ Гомера и Оссіана. Жаль его! Я горькими слезами плакалъ надъ его послѣдними письмами, надъ подробностями его кончины. Жаль его, — а, вѣдь, пустой малый былъ Вертеръ! Сравните его или Эдуарда и всѣхъ этихъ страдателей съ широко-развернутыми людьми, у которыхъ субъективному кесарю отдана богатая доля, но и доля общечеловѣческая не забыта; сравните ихъ съ Карломъ Мооромъ, съ Максомъ Пикколомини, съ Теллемъ, наконецъ, — съ этимъ добрымъ патріархальнымъ отцомъ семейства, съ этимъ энергическимъ освободителемъ своего отечества. И, чтобъ не обидѣть Гете, сравните съ архитекторомъ въ «Wahlverwandtschaft» — и вы ясно увидите, что я хочу сказать. Любовь вошла великимъ элементомъ въ ихъ жизнь, но не поглотила, не всосала въ себя другихъ элементовъ. Они любовью не отрѣзались отъ всеобщихъ интересовъ гражданственности, искусства, науки; напротивъ, они внесли все одушевленіе ея, весь пламень ея въ эти области и, наоборотъ, ширину и грандіозность этихъ міровъ внесли въ любовь. Оттого любовь ихъ, счастлива или нѣтъ, но не вырождается въ помѣшательство. Помнится, Тиссо, въ извѣстной книгѣ своей ¹⁾ о нѣкотораго рода самоудовлетвореніи сказалъ: «Природа жестоко мститъ оскорбляющимъ ея законы; эта месть лежитъ въ самомъ отступленіи отъ бытія, въ которое долженъ развиваться организмъ, и есть физическое послѣдствіе его». Великая

1) Пьеръ-Франсуа, франц. писатель, «Etudes sur Virgile».

истина! Человѣкъ долженъ развиваться въ міръ всеобщаго; оставаясь въ маленькомъ, частномъ мірѣ, онъ надѣваетъ китайскіе башмаки: чему дивиться, что ступать больно, что трудно держаться на ногахъ, что органы уродуются? чему дивиться, что жизнь, несообразная цѣли, ведетъ къ страданіямъ? Самыя эти страданія — громкій голосъ, напоминающій, что человѣкъ сбился съ дороги.

Но я предвижу возраженіе: этотъ міръ всеобщихъ интересовъ, эта жизнь общественная, художественная, сціентифическая, — все это для мужчины; а у бѣдной женщины ничего нѣтъ, кромѣ ея семейной жизни. Она должна жить исключительно сердцемъ; ея міръ ограниченъ спальней и кухней... Странное дѣло! Девятнадцать столѣтій христіанства не могли научить людей понимать въ женщинѣ человѣка. Кажется, гораздо мудренѣе понять, что земля вертится около солнца, однако, поспорили да и согласились; а что женщина человѣкъ, — въ голову не помѣщается! Однакожъ, участіе женщины въ высшемъ мірѣ было признано религіею. «Марѳа, Марѳа, ты печешься о многомъ, а *одно* необходимо. Марія избрала *благую часть*». На женщинѣ лежатъ великія семейныя обязанности относительно мужа, — тѣ же самыя, которыя мужъ имѣетъ къ ней, — а званіе матери поднимаетъ ее надъ мужемъ, и тутъ-то женщина во всемъ ея торжествѣ: женщина — больше мать, нежели мужчина — отецъ; дѣло начальнаго воспитанія есть дѣло общественное, дѣло величайшей важности, а оно принадлежитъ матери. Можетъ ли это воспитаніе быть полезно, если жизнь женщины ограничить спальней и кухней? Почему римляне такъ уважали Корнелію, мать Гракховъ?.. Во-вторыхъ, ея семейное призваніе никоимъ образомъ не мѣшаетъ ея общественному призванію. Міръ религіи, искусства, всеобщаго точно такъ же раскрытъ женщинѣ, какъ намъ, съ тою разницей, что она во все вноситъ свою грацію, непреодолимую прелесть кротости и любви. Вся исторія Италіи не совершилась ли подъ непрерывнымъ вліяніемъ женщинъ? Не доказали-ль онѣ мощь геніальности своей и на престолѣ, какъ Екатерина II, и на плахѣ, какъ Роланъ? Нужны ли доказательства людямъ, которые своими глазами видѣли Сталь, Рахель, Беттину ¹⁾ и теперь еще видятъ исполинскій талантъ геніальной женщины?.. Но въ сторону эти исключительныя явленія: обращаю вниманіе на фактъ, извѣстный всѣмъ, находящійся у каждаго передъ глазами. Откуда дѣвицы имѣютъ необыкновенный тактъ поведенія, умѣнье себя держать, вѣрный смыслъ въ дѣлахъ жизни? Воспитаніе ихъ ограничено гаремнымъ заключеніемъ, и между тѣмъ ихъ быстро понимающей

1) Елизавета Арнимъ, другъ Гете.

натурѣ достаточно нѣсколько шаговъ по полю жизни, чтобы выразумѣть ее, чтобъ приобрѣсти *esprit de conduite*, до котораго мужчина вырабатывается полжизни самымъ скорбнымъ путемъ паденій, разврата, разореній, обидъ, униженій и, Богъ знаетъ, чего. Этотъ фактъ, совершенно всеобщій, доказываетъ ли подчиненность женщины мужчинамъ въ отношеніи ума или напротивъ? Какое же мы имѣемъ право отчуждать ихъ отъ міра всеобщихъ интересовъ? Я скажу, какъ Розина, когда ей Бартоло доказывалъ, что мужъ можетъ распечатывать письма жены: «*Mais pourquoi lui donnerait-on la préférence d'une indignité qu'on ne fait à personne?*» ¹⁾). Въ дикія времена феодализма (которыя представляются такими поэтическими, чистыми у нашихъ романтиковъ) рыцари имѣли обыкновеніе въ своихъ помѣстьяхъ выбирать маленькихъ дѣвочекъ, общавшихъ красоту, и запирать въ особое отдѣленіе, гдѣ за ихъ *нравственностью* былъ строгій надзоръ; изъ этихъ разсадниковъ брали они себѣ, по мѣрѣ надобности, любовницъ. Такъ рассказываетъ очевидецъ Брантомъ ²⁾). Нынче такого грубаго и отвратительнаго униженія женщины нѣтъ. А не правда ли, что-то родственное этимъ хозяйственнымъ запасамъ осталось въ воспитаніи дѣвицъ исключительно въ невѣсты? Мысль, что она сама въ себѣ никакой цѣли не имѣетъ, кромѣ замужества, право, не нравственна и не пристойна.

Я почти все сказалъ, что хотѣлъ сказать по поводу одной драмы. Слѣдовало бы остановиться, но характеръ *Grübeleien* именно таковъ, что они до тѣхъ поръ тянутся, пока внѣшняя причина натолкнетъ на что-нибудь другое или напомнить, что пора кончить. Теперь, когда слѣдовало положить перо, мнѣ пришло въ голову еще кое-что о любви.

Любовь почти всегда поэтами поется сквозь слезы, покрытая какою-то траурною мантиею, замѣнившешю алое покрывало. Въмѣсто радостной улыбки—у нихъ скрежетъ зубовъ; вмѣсто юнаго румянца—блѣдныя щеки. Откуда взялся въ любви, въ этомъ торжественномъ, радостномъ чувствѣ, мучительно грустный, раздрающій душу характеръ? Это—наслѣдіе мечтательности среднихъ вѣковъ и германизма: для романтизма нѣтъ счастья выше несчастья, нѣтъ радости выше скорби и грусти; все чело́вѣческое получило тогда судорожно болѣзненное направленіе: такъ простыя южныя болѣзни получаютъ на сѣверѣ чрезвычайно сложное нервичное, желчевое свойство. То было время убіенія всего естественнаго и развитія

¹⁾ См. стр. 46.

²⁾ *Brantôme*, Пьеръ, авторъ мемуаровъ о Франціи XVI вѣка.

всего противоестественнаго, время вѣчнаго противорѣчія словъ и дѣла; оно, мрачное, сосредоточенное, вѣчно обращенное на себя, занимающееся собою, раздуло въ струи адскаго огня кроткій пламень любви. Міръ дѣйствительный былъ въ пренебреженіи: жили въ мечтахъ, отреклись отъ естественныхъ влеченій и воцарили вмѣсто ихъ новыя, порожденныя отъ беззаконной смѣси крови и духа: таково понятіе чести, доведенное до безумнаго себяобоготворенія; такова платоническая любовь — натянутое одухотвореніе истинной любви. Словомъ, романическое возрѣніе представляетъ, какъ телескопъ, весь міръ вверхъ ногами; внутреннее у него поставлено вдали, духовное исполнено чувственности, чувственность одухотворена. Съ такимъ настроеніемъ души, при вѣчномъ разрывѣ съ истинною жизнью, страсти получили тѣмъ ужаснѣйшее развитіе, что онѣ были неестественны. Нельзя отрицать сильную увлекательность романтизма; туманность его, бѣгущая ясности и разума, стремленіе, не знающее предѣла и цѣли, искусственная чистота, восторженная нѣжность, рѣчь, которая, какъ музыка, больше намекаетъ, нежели высказываетъ,—все вмѣстѣ захватываетъ душу, особенно юную, дѣвственную. Романтизму шла такъ же хорошо платоническая, несчастная любовь, какъ романтизмъ шелъ среднимъ вѣкамъ. Но время его миновало, поэты-романтики знать этого не хотятъ. А между тѣмъ, представьте вы себѣ вмѣсто изящнаго образа рыцаря Тогенбурга, закованнаго въ желѣзо, съ крестомъ на груди,—представьте г. Тогенбурга въ пальто и резиновыхъ сапогахъ, проводящаго жизнь гдѣ-нибудь въ Парижѣ, Лондонѣ, Брюсселѣ, на улицѣ, дожидаясь «какъ стукнетъ окно»,—и вамъ сдѣлается ужасно смѣшно...

Мечтательность, романтизмъ, платоническая любовь,—все это въ наше время очень хорошо при переходѣ изъ отрочества въ юношество. Душа моется, расправляетъ крылья въ этомъ фантастическомъ морѣ, въ этомъ упоительномъ полумракѣ. Но остаются на вѣкъ мечтательно вздыхающимъ, страдающимъ безнадежно *по ней*, стремящимся и возносящимся,—не видя, что подъ ногами дѣлается, что надъ головою гремитъ!... Какъ люди, вѣчно занятые суетою ежедневности, бессознательно влекомые общимъ движеніемъ, совершенно внѣшніе и ограниченные, вышли съ одной стороны изъ жизни истинно человѣческой, такъ мечтатели, исполненные неопредѣленной тоски, сердечныхъ страданій, боящіеся грубыхъ прикосновеній дѣйствительности, въ другую сторону вышли изъ жизни. Первые возвратились въ состояніе животныхъ или не дошли еще до человѣческаго; они довольны своею жизнью на скотномъ дворѣ. Вторые вышли изъ человѣческой жизни въ какую-то степь, по ко-

торой сколько ни пройдешь, столько же остается. Тѣ не могутъ прійти въ себя, эти выйти изъ себя не могутъ. Жизнь не для нихъ; это — два берега ея: она величественно течетъ между ними. На мечтателей часто клепятъ глубину души, неизвѣстную намъ, профанамъ: тамъ «покоится не одна прекрасная жемчужина», да они ее выковырять не могутъ, и словъ нѣтъ высказать, и звуковъ нѣтъ спѣть... Знаете ли, что мнѣ подчасъ приходитъ въ голову? Глубина эта похожа на то, что если-бъ выкопать колодезь до центра земли и все продолжать копать,—каждый шагъ глубже былъ бы шагомъ ближе къ поверхности. Центръ тяжести—граница глубины; еще разъ, жизнь—статистическая задача: ни торро, ни торро росо¹⁾. Торро росо—человѣкъ въ толпѣ съ низкими желаніями безгласенъ; торро—человѣкъ внѣ дѣйствительности, въ сферѣ празднои и бесполезной... Возвращаюсь къ любви. Мучительная любовь не есть истинная, а...

«Знаешь ли ты»,—сказалъ мнѣ одинъ ученый другъ, которому я читалъ эту тетрадь,—«знаешь ли ты условіе, чтобъ не дурную, да и не хорошую статью прочли?». Я наострилъ уши. «Надобно»,—продолжалъ онъ съ важностью ученаго и съ участіемъ друга, точно въ статистической задачѣ жизни человѣческой: «чтобъ было сказано ни торро, ни торро росо. Въ послѣднемъ ты предостерегся, я первый отдаю полную справедливость; подумай о второмъ, вспомни историческую воздержность Сципіона».

Подумавъ и вспомнивъ историческую воздержность Сципіона, я остановился; тѣмъ болѣе не осмѣлюсь заставить благосклоннаго читателя (если Богъ пошлетъ его) читать продолженія безсвязныхъ Grübeleien.

1842, октября 10.

364. Письмо къ женѣ.

(10 августа 1843).

Мнѣ такая тоска безъ васъ, что я рѣшилъ отправить гонца съ вѣстью о себѣ и себя утѣшить, поговоря съ тобой. Удивительная пустота безъ тебя,—я такъ привыкъ,—и безъ Сашки. Что вы?

Дѣла идутъ скучно. Почти всѣ квартиры лопнули. Одна надежда на кологривовскую.¹

¹⁾ Ни слишкомъ много, ни слишкомъ мало.

Можетъ, въ субботу¹⁾ не успѣю выѣхать, а въ воскресенье. Гр.²⁾ ѣдутъ. Тат. Ал.³⁾ кланяется. Мою статью въ «От. Зап.» напечатали⁴⁾, а въ Пассек. ал. *вся* запрещена⁵⁾. Шушкѣ книжку купилъ, у Армансъ былъ. Б^н⁶⁾ ѣдетъ въ субботу; сегодня (четвергъ) обѣдаемъ у него.

Мнѣ очень грустно. Здоровы ли вы? Что бы догадаться при-слать вѣсточку? Что потолокъ и Кетчеръ? Съ этихъ двухъ сторо-нѣ добра не жду.

Цѣлую и обнимаю васъ. Серебряковъ⁷⁾ берется доставить скоро.

Всѣ кланяются.

◆◆ 1. Къ осени И. А. Яковлевъ купилъ домъ, принадлежавшій Тучкову (родственнику А. А. Тучкова, отца 2-й жены Огарева); Коля Герценъ родился въ декабрѣ уже въ этомъ домѣ.

365. Приписка къ Ю. Ө. Курутѣ.

12 сентября 1843.

Москва.

Желаніе г. Долинскаго быть переведеннымъ прямо въ одну изъ московскихъ гимназій стар. учит. находитъ много препятствій: со стороны графа Ст.⁸⁾ и Голохв.⁹⁾, и препятствій основательныхъ. Съ истинно стѣсненнымъ сердцемъ я извѣстилъ объ этомъ Софію Өеодоровну. Впрочемъ, я полагаю возможнымъ переходъ въ московскій округъ; прослуживши года два, можетъ, представится воз-можность перейти.

Мы имѣли живыя вѣсти объ Васѣ отъ Ивана Эммануиловича;

1) 12 августа.

2) Грановскіе.

3) Астракова.

4) См. № 363.

5) Друзьями В. В. Пассека былъ изданъ альманахъ «Литературный ве-черъ», гдѣ, между прочимъ, участвовали Огаревъ и Сатинъ; статья Герцена была запрещена. Названіе ея неизвѣстно.

6) В. П. Боткинъ.

7) Гонецъ, везшій письмо.

8) Гр. С. Строгановъ.

9) Д. П. Голохвостовъ.

я нашель Ивана Эммануловича не токмо здоровымъ и веселымъ, но даже болѣе здоровымъ, нежели, какъ мы разстались.

Примите выраженіе истиннаго почтенія къ особѣ Вашей и ко всему почтенному семейству Вашему отъ

А. Герцена.

366. Письмо къ Т. Н. и Е. Б. Грановскимъ.

15 октября 1843.

Нашего привѣта не должно недоставать вамъ, друзья, въ нынѣшній день ¹⁾. Давайте ваши руки, мы васъ обнимаемъ, благословляемъ, да склоните голову: благословеніе дружбы—великое благословеніе! Мнѣ захотѣлось писать къ тебѣ, потому что на словахъ вмѣсто этого я скажу какой-нибудь вздоръ (это—мой органической недостатокъ; Кетчеръ долженъ бы умѣть его объяснить, ибо онъ одинъ изъ всѣхъ врачей изучаетъ медицину по Шекспиру).

Вчера насъ посѣтила одна владимірская знакомая ²⁾, и такъ ясно, живо вспомнилось, что было и какъ было 5 лѣтъ тому назадъ. О, много жито! (т. е. не жита въ амбарѣ, какъ говоритъ Языковъ) ¹⁾. Жизнь, жизнь! да помилуй, ради Бога, развѣ по ту сторону (jenseits, Замоскворѣчье) можетъ быть что-нибудь лучше этой жизни съ ея блаженствомъ и страданіемъ?

Итакъ, вы, Елиза Богдановна, два года тому назадъ ступили на порогъ чужого дома, и жизнь ваша переломилась,—вы остались въ немъ. Чужой домъ сталъ для васъ тотъ, въ которомъ вы родились. Господи, какое самоотверженіе въ душѣ женщины: она любить и отдается, а мужчина любитъ и беретъ. Натура женщины, право, благороднѣе (зри предисловіе къ «Jean Zyska» ³⁾ G. Sand.).

Христось глубоко постигнулъ тайну сердца, сказавъ: «творите это въ воспоминаніе Мое!» Периодическія торжественныя воспоминанія, это—субъективные праздники, великое дѣло. Одна прозаическая душа не понимаетъ этого. Жизнь течетъ,—не до воспоминаній,—но человѣкъ наставилъ верстовые столбы, дошелъ и глядитъ назадъ, и бывшее оживаетъ. Повторю себя,—я кому-то когда-то сказалъ: такіе праздники имѣютъ двѣ стороны и съ обѣихъ над-

¹⁾ Вторая годовщина свадьбы Грановскихъ.

²⁾ Ю. Ф. Курута.

³⁾ «Янъ Жижка».

пись хороша, хотя и противоположна: «Memento mori» ¹⁾ съ одной стороны и «Vivere memento» ²⁾—съ другой.

Vive la vie!
Vive l'amour, l'amitié ³⁾

и что же еще?

А l'ordre public ⁴⁾—какъ всегда, присовокупляетъ національная гвардія.

Еще разъ «Vive la vie» со всѣми невзгодами, со всѣмъ гнетомъ, лишь бы на душѣ было полно, лишь бы жизнь неслась бурно, горячо, и была бы грудь чистая, святая, на которую подчасъ можно склонить усталую голову, и былъ бы взоръ, въ которомъ ты увидишь слезу тогда, когда тебѣ захочется плакать, и улыбку счастья, отъ которой опять захочется заплакать.

Цѣлую васъ, прощайте. Цвѣты, какіе есть въ октябрѣ ⁵⁾.

А. Герценъ.

Поѣзжайте, пожалуйста, въ театръ; обоимъ мѣсто есть: литературная ложа 1 ряда съ правой стороны *Ф. А.*

367. „Москвитянинъ“ о Коперникѣ.

Въ № 9 «Москвитянина» напечатанъ *Голосъ за правду* ⁶⁾, голосъ благороднаго негодованія за помѣщеніе Коперника въ число Walhalla's Genossen ⁷⁾. Гнѣвъ груди, изъ которой вырвался *голосъ за правду*, съ самаго начала обличаетъ волненіе, не позволяющее голосу оставаться въ предѣлахъ логики, хронологіи и даже приличія. Но самое это одушевленіе возбудило всю нашу симпатію: одни сильныя чувства ничѣмъ не вяжутся. Такіе голоса слушаются не умомъ, а сердцемъ: умомъ ихъ не токмо не оцѣнишь, но и не поймешь.

Предупреждая злые толки, мы поднимаемъ нашъ слабый голосъ, чтобъ объяснить нѣкоторые рѣзкіе звуки мощнаго *голоса за правду*.

¹⁾ Помни о смерти.

²⁾ Помни о жизни.

³⁾ Да здравствуетъ жизнь, да здравствуютъ любовь, дружба!

⁴⁾ Къ порядку.

⁵⁾ При письмѣ былъ посланъ букетъ.

⁶⁾ «Николай Коперникъ (Голосъ за правду)», статья С. П. Побѣдоносцева.

⁷⁾ «Товарищи Валгаллы». См. стр. 103.

въ № 9 «Москвитянина». *Голосъ*, мало-по-малу одушевляясь, возбѣщаетъ въ лирическомъ паевосѣ, какъ въ Краковѣ Коперникъ духовно сочетался съ великими міровыми именами Галилея, Кеплера, Ньютона, *по слѣдамъ которыхъ шелъ и которыхъ оставилъ далеко за собою...* Холодные люди засмѣются, холодные люди скажутъ, что это изъ рукъ вонъ, и присовокупятъ, что Коперникъ умеръ въ 1543 году, Галилей—въ 1642, Кеплеръ—въ 1630, а Ньютонъ—въ 1727! А у насъ слезы навернулись на глазахъ отъ этихъ строкъ: какъ чисто сохранился «Голосъ за правду» (ультра-славянскій) отъ грѣховной науки Запада, отъ нечестивой исторіи его! ¹⁾ Неужели Коперникъ не могъ итти по слѣдамъ и духовно сочетаться съ геніями, которые жили послѣ него, даже обогнать ихъ, только оттого, что умеръ прежде ихъ? Это—матеріализмъ! Случайное время рожденія и жизни будто можетъ имѣть вліяніе на сочетаніе духовное? вѣдь, это не тѣлесное сочетаніе! Конечно, холоднымъ разумомъ этого не поймешь; но будто человѣкъ понимаетъ однимъ разумомъ? это западный софизмъ. Какъ же бы понимали люди, лишеныя разума? Наконецъ, не надобно забывать, что «Голосъ за правду» — голосъ, трепещущій отъ гнѣва. До хронологіи ли раздраженному человѣку? Онъ говоритъ, какъ пиюя на треножникѣ, самъ не зная, что. Итакъ, голоса винить нечего. Можно бы, конечно, замѣтить, что редакторы «Москвитянина» могли бы похладнокровнѣе слушать «Голосъ» и поправить ошибки; но, впрочемъ, въ условіяхъ, требуемыхъ закономъ, не сказано, чтобъ редакторы знали, когда тѣлесно жили великіе люди: какое же право имѣемъ мы отъ нихъ требовать этого? Эти вздоры обыкновенно знаютъ люди холоднаго разума, жалкіе: имъ надобно чѣмъ-нибудь наполнить пустоту души; это знаютъ нечестивыя дѣти нашего вѣка, — вѣка, который скоро заставитъ траву и каменя поднять голосъ и заставилъ уже недавно вдохновеннаго юношу *молніеноснымъ* словомъ брякнуть на лирѣ:

О, вѣкъ! Аравіи бесплодная равнина,
Египта сладкихъ мясъ лишь алчная чета! ²⁾

¹⁾ «Голосъ» такъ твердо увѣренъ, что въ Европѣ XVII вѣкъ былъ прежде XVI, что, не ограничиваясь вышесказаннымъ мѣстомъ, говорить: «къ счастью, *миновало то время*, когда Галилей томился въ темницѣ за тѣ же самыя истины, которыя всенародно объявлялъ Коперникъ».—А. И. Г.

²⁾ № 9 «Москвитянина». Прекрасное стихотвореніе г. Лихонина ^{о)}. Видно, что это еще первые опыты; языкъ какъ-то не поддается, но надежды большія.—А. И. Г.

^{о)} Михаилъ Николаевичъ, бездарный поэтъ-переводчикъ.

Знаніе, это—*сладкое мясо* египетское, исторія и хронологія, это—Тифономъ обглоданныя кости египетскаго мяса, и исторія европейской цивилизаціи, это—просто «лишь алчная чета».

Что за дѣло, кто прежде кого жилъ! Дѣло въ корнесловіи фамилии. Тутъ «Голось» дома. Мы и прежде никогда не сомнѣвались, что Коперникъ былъ полякъ, но доказательства на это были бѣдны: родился въ Польшѣ отъ поляковъ, имѣвшихъ чисто славянскую фамилію. «Голось» идетъ гораздо далѣе; онъ доказываетъ филологически не только польское происхожденіе Коперника, но и выводитъ самое объясненіе его планетнаго движенія изъ корнесловія его фамилии. Не смѣйтесь, а слушайте. Коперникъ, Копырникъ, это—трава, у этой травы корни—во-первыхъ, въ землѣ, во-вторыхъ, въ богемскихъ словахъ koprnet, trpnut, strpnut и въ польскихъ rocorniec, sierpnac, scierpnac. (Ну, гг. нѣмцы, родственны ли вамъ эти звуки? Нѣтъ!). Мало-по-малу наша трава превращается въ добродѣтель, и изъ *жербжицы* дѣлается *Покорникъ*. Итакъ, Коперникъ, rprogie sic dictum ¹⁾, Покорникъ. Слово, которое могло бы быть и русскимъ,—замѣчаетъ «Голось»,—если-бъ было принято. Это совершенно справедливо! Но «Голось» не ограничивается этимъ, а тотчасъ же усваиваетъ его русскому языку для того, чтобъ доказать милымъ каламбуромъ, что Коперникъ потому и былъ гениальный астрономъ, что онъ былъ Покорникъ. «Въ Коперникѣ,—говорить «Голось»,—мы не столько удивляемся безпредѣльной мысли, сколько религіозной *покоръ*, которая дала ему средства и силы постигнуть тайну міровращенія». Странно, конечно, покажется многимъ, какъ Галилей, жившій послѣ Коперника, сидѣлъ (по «Голосу», прежде рожденія Коперника) въ тюрьмѣ именно за ту же *покору*, и какъ ученіе Коперника было объявлено не религіознымъ, но вы опять забываете, что все это можно узнать изъ костей сладкаго египетскаго мяса. Странно и то, отчего же никто изъ доминиканцевъ, базилианцевъ,—напр. хотъ Заремба, который принималъ Коперника въ духовное званіе,—не дошелъ покорой до движенія земной планеты: всѣ они были люди препокорные и *прекопырные*. Странно только съ перваго взгляда; со второго вы усмотрите, что Коперникъ былъ покорникъ въ квадратѣ: разъ по жизни да разъ по фамилии; какъ же ему было не добраться до объясненія солнечной системы? Это ясно, какъ дважды два—четыре. Приобрѣтеніе русскому языку слова *покоры* очень важно, и на немъ останавливаться нечего; мы знаемъ многихъ, рѣшившихся итти далѣе и подписываться «*копырнѣйшими* слугами».

¹⁾ Собственно говоря.

Филолого-мистическое изысканіе есть только пьедесталь, съ котораго «Голось» начинаетъ свой выговоръ Германіи вообще, Баваріи и Швабіи въ частности. Можно себѣ представить, какъ «Голось» послѣ всѣхъ *gtgrnut*, *krpet*, въ справедливомъ гнѣвѣ трактуетъ неумѣстную дерзость германцевъ поставить памятникъ славянину! Онъ называетъ современное состояніе Германіи (а, можетъ, и всего Запада) «временемъ игрищъ безумныхъ». Подѣломъ! Что, у германцевъ мало, что ли, великихъ людей? Три вѣка тому назадъ завелся какъ-то у сосѣдей, и то чудомъ, *покорой*, гений, опередившій самого Ньютона, умершаго сто съ чѣмъ-то лѣтъ тому назадъ, и того давай! Это ни на что не похоже! Вѣдь, мы не ставимъ памятниковъ Гете или Шиллеру. Коперникъ писалъ не для нѣмцевъ, писалъ для соотечественниковъ: это ясно изъ того, что онъ писалъ по-латыни и посвящалъ папѣ римскому великія творенія свои. Развѣ не довольно Европѣ, что она унаслѣдовала, поняла, развила великую мысль, болѣе отгаданную гениемъ, нежели изложенную наукообразно? развѣ не довольно ей, что она же поставила генія въ возможность сдѣлать свое открытіе предшествовавшимъ развитіемъ астрономіи, подавъ ему «Алмагестъ» Птолемея и всѣ послѣдующіе труды до XVI вѣка? Мало ей,—памятники воздвигать... Нѣтъ, *копырнѣйшіе слуш*, много будетъ! Мы можемъ читать и не читать Коперника; можемъ думать, что онъ дальше повелъ науку Ньютона, *основанную* на Коперникѣ; мы можемъ ему ставить памятники и не ставить,—намъ онъ свой человѣкъ; съ своимъ человѣкомъ что за церемонія? А нѣмцы—не приставай! Мы всегда съ негодованіемъ смотрѣли, какъ какіе-нибудь французы ставятъ памятники корсиканцамъ, женевамъ, швабамъ... А *groros*, Баварія виновата,—пусть несетъ кару; а бѣдные швабы — ни тѣломъ, ни душой; даже намъ стало немного жаль ихъ. Какой-то изъ редакторовъ «*Conversation's Lexicon*» написалъ, что Коперникъ происхожденія швабскаго: конечно, ошибка непростительная, хотя и менѣе грубая, нежели сдѣлалъ «Голось», считая Коперника послѣдователемъ Ньютона. Не знать, гдѣ и отъ кого родился Коперникъ, не мѣшаетъ знать его *великое дѣяніе*, а думать, что Коперникъ открылъ движеніе земли, имѣя передъ собою *теорію тяготѣнія* Ньютона, показываетъ совершенное незнаніе предмета. По несчастію, «Голось за правду» зналъ о жалкой ошибкѣ «*Conv. Lex.*» въ самое то время, когда гнѣвъ его достигъ высшей степени. «Какъ,—говорилъ онъ,—поляка Коперника производить отъ т... швабовъ». «Голось», задыхаясь отъ гнѣва, заикнулся на т... Жаль, что редакторы не доглядѣли этого т... Мы увѣрены, что крѣпкое словцо, начинающееся съ т... вовсе не обидно; но поле толкованія широко: мало ли прилагатель-

ныхъ съ т? Таврической, темный, тупой, толстый, трогательный и проч. Швабъ Шиллеръ не былъ ни толстъ, ни тупъ. Фихте и Гегеля, можетъ, и считаютъ редакторы «Москвитянина» тупыми и толстыми, но зато навѣрное согласятся, что они не таврическіе...

Послѣ этой выходки «Голосъ» слабѣетъ; переломъ совершился, онъ становится нѣженъ, добродушенъ, близокъ къ милому лепету дѣтей. Онъ рассказываетъ намъ, что великій астрономъ Коперникъ зналъ механику. Каковъ былъ Коперникъ! Да не зналъ ли онъ и геометрію? «Тихо Браге написалъ стихи въ честь его инструменту; названному paralacticum, искусство его въ живописи доказываетъ портретъ его, снятый имъ самимъ». Каковъ сюрпризъ послѣ точки съ запятой! Наконецъ, «Голосъ», утихая, говоритъ, какъ бы выводомъ и послѣднимъ словомъ своимъ, слѣдующія краснорѣчивыя строки: «Заключимъ воспоминаніе о знаменитомъ Коперникѣ свидѣтельствомъ Мостлина, по мнѣнію котораго, день кончины его былъ 19 января, а не 15 или 24 мая, не 19 февраля и 1 іюня».

Послѣ этого трогательнаго мѣста «Голосъ» умолкаетъ. Послѣднія строки убѣдительны: конечно, если Коперникъ умеръ 19 января, то во всѣ прочіе дни и мѣсяцы того года онъ не умиралъ¹⁾.

368. Путевыя записки г. Вѣдрина²⁾.

Одинъ неизвѣстный литераторъ, — впрочемъ, очень почтенный человекъ, — г. Вѣдринъ, объѣхавшій съ большой пользой многія страны, намѣренъ издать въ весьма непродолжительномъ времени свои *Путевыя записки*, какъ для покрытія издержекъ, неминуемыхъ при путешествіяхъ, такъ отчасти для пользы и удовольствія читателей. Спѣшимъ познакомить публику съ этими записками небольшимъ отрывкомъ, въ которомъ живо описываетъ г. Вѣдринъ выѣздъ изъ Москвы. Къ путешествію присовокупится особо напечатанная на веленовой бумагѣ расходная книжка, въ которой можно будетъ ясно видѣть и всю воздержанность почтеннаго Вѣдрина и

¹⁾ Хотя въ № 10 «Москвитянина» и сдѣлана оговорка, что «въ статьѣ о Коперникѣ, Регенсбургъ переставленъ съ Дуная на Рейнъ, а Коперникъ посланъ по слѣдамъ Галилея, Кеплера и Ньютона, между тѣмъ, какъ онъ имъ предшествовалъ, благодаря излишнему усердію г. корректора»; но такая остроумная поправка показалась такъ забавною моему корректору, что я никакъ не могъ отказать ему въ просьбѣ напечатать эту статью.

Ред. «Отеч. Зап.».

²⁾ Вѣдринъ — М. П. Погодинъ, редакторъ «Москвитянина».

все пренебреженіе его къ благамъ міра сего. Но вотъ отрывокъ, отдаемъ его на судъ читателей.

«28. Клопы не дали спать всю ночь. Скверное насѣкомое! Говорятъ, на Дербеновкѣ грузинъ продаетъ кавказскій порошокъ, уничтожающій клоповъ, да страшно дорого, рубль серебромъ фунтъ,— а тамъ выдохнется, перестанетъ дѣйствовать. Но все къ лучшему. Вскочилъ въ 5, умылся и—въ Рогожскую искать товарища. Долго толкался. Что за лихой народъ извошкики! Борода, кушакъ... Размечтался и вспомнилъ Кеппена ¹⁾ брошюру о курганахъ. Товарищъ попался, купецъ изъ Нижняго, съ брюшкомъ, говоритъ на ѓ. Потолковали—сладили, черезъ часъ ѣдемъ. Домой за чемоданомъ—даль страшная, хотѣлъ взять извощика, —очень стали дороги, 25 сер., меньше ни одинъ взять не хотѣлъ... Идучи, проголодался, перехватилъ. Нельзя не отдать справедливости цивилизаціи, когда дѣло идетъ объ удобствахъ,—кабы не вредъ нравамъ! Только не завязывай туго кошелька: цивилизація требуетъ за все деньги, но за этотъ презрѣнный металлъ окружаетъ человѣка такими предупредительными удобствами, что менѣе жаль денегъ. Я бѣгу домой... версть пять—проголодался, въ животѣ ворчитъ: а цивилизація тутъ; ²⁾ такъ аппетитно бросила въ открытыя лавки печенку; вынулъ грошъ; отляпали кусокъ въ двѣ ладони, соль даромъ—разумѣется, у нихъ свой расчетъ. Замѣтилъ, что жевавши дорога кажется короче. Гастрическій обманъ! Встрѣтился мальчишка обтерханый, продаетъ голенища: стянулъ гдѣ-нибудь; посмотрѣлъ, нѣмецкая работа, поторговалъ было—дорого просить—мимо!

«Выѣхали въ 11 часовъ.

«На заставѣ солдатъ съ медалью и съ усами. Люблю медаль и усы у воина: молодецъ! нынче на заставахъ даютъ контрмарку съ №. Получилъ, отдалъ, шлагбаумъ вверхъ—тррр... ѣдемъ. Товарищъ—человѣкъ тихой, занимаетъ три-четверти повозки, платитъ половину. Онъ дома поѣлъ пирога съ лукомъ. Странно: запахъ сивухи—ничего, лука—даже хорошъ, а эти два запаха вмѣстѣ—препротивные. Пусть объясняютъ химики—не наше дѣло.

«Мѣста болѣе плоски, нежели гористы; справа виднѣется рѣка—волны смалтово-серебристо-латинистыя. Чудный видъ! что передъ нимъ хваленая Италія! Деревни и села и притомъ—все русскія деревни и села... Мужички работаютъ такъ усердно. Люблю земледѣльческіе классы: не они намъ, мы имъ должны завидовать; въ простотѣ душевной они работаютъ, не зная бурь и тревогъ на-

¹⁾ Петръ Ивановичъ.

²⁾ Умышленно поставленъ знакъ препинанія, осмѣянный въ № 367.

пиханныхъ въ нашу душу,—ни роскоши, вытягивающей мнимые избытки.

«Село—церковь, довольно большая, византійской архитектуры.

«Станція. Ъхали на вольныхъ. Постоялый дворъ съ рѣзными украшеніями. У воротъ хозяинъ съ рыжей бородой, на лицѣ написано корыстолюбіе; не пойду: слупить, чортъ знаетъ, что! Остался въ повозкѣ. Пока лошадей—наблюдать нравы. На улицѣ мужикъ тузить какую-то бабу, вѣроятно жену; это развеселило меня, хототалъ; нищіе помѣшали досмотрѣть. Отвратительная привычка у нищихъ,—просить у проѣзжаго: проѣзжему мелкія деньги нужны, не крупныхъ-же дать. Надоѣли,—притворился соннымъ,—помѣшали и тутъ: ямщикъ разбудилъ, требуя на водку,—еще скверный обычай! что у нихъ за служенія мамонѣ. Далъ 3 коп. сер. (что составляетъ на асс. десять съ половиной). Жалѣлъ. Пошелъ дождь—промочилъ до костей. Скучно.

«Поскакали. До второй станціи ничего особеннаго. Купецъ вылѣзалъ изъ повозки, такъ, не на долго; это было къ сумеркамъ. Я дрожалъ, сидя одинъ съ ямщикомъ; я родился не воиномъ—признаюсь. Приѣхали; вышелъ на постоялый дворъ, закатилъ сивухи съ перцомъ, славно! а всего стоитъ 17 коп. съ половиной асс. Сапоги долой, все долой—растянулся.

«29. Чѣмъ свѣтъ, разбудилъ товарищъ и предложилъ выпить чаю (онъ возитъ свой чай, маюконъ, не цвѣточный, но хорошій; это умно, гораздо дешевле: платишь только за самоваръ). Я не отказался: я люблю пить чай съ кѣмъ-нибудь. Да и ему почти все равно, я же пью сквозь кусочекъ».

Очень сожалѣемъ, что на первый разъ г. Вѣдринъ не могъ дать намъ болѣе отрывковъ изъ своихъ «Путевыхъ записокъ», но въ скоромъ времени надѣмся получить отъ него еще нѣсколько отрывковъ, и тотчасъ же подѣлимся ими съ нашими читателями.

369. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

9 ноября 1843.

Москва.

То, что я предсказывалъ, то и случилось: ты началъ развиваться въ Петербургѣ. Чортъ возьми, письмо въ два съ половиною листочка! Когда это было, кто этому повѣритъ? И, сверхъ того, ты какъ-то изящно вырѣзываешься изъ твоего письма. Спасибо за него. Оно меня взволновало: въ немъ есть строки, которыя я не

могъ читать вслухъ, потому что я заплакалъ бы. Вѣримъ и понимаемъ и съ любовью посылаемъ тебѣ привѣтъ и благословенье.— Тяжело, да, тяжело тебѣ, но я истинно и не шутя повторяю: П—гъ ¹⁾ послѣдняя фаза твоего воспитанія.—Хорошо, что ты встрѣтился такъ скоро и такъ близко съ фланеромъ Языковымъ, котораго обнимаю и жму руку. Онъ тебѣ лучший сісегоне; жаль, что онъ теперь женатъ, а то могъ бы и не то показать. Скажи ему, чтобъ онъ тебя познакомилъ съ Зиновьевымъ ²⁾; я очень жалѣлъ, что не далъ тебѣ письма къ нему: съ нимъ ты проведешь прекрасныя минуты. Я бы вложилъ записочку, да не знаю, хочешь ли?

Мы здоровы. Проводивши тебя, я заѣхалъ къ Тим. Ник. ³⁾; посидѣли тамъ немного и отправились домой; только что я взошелъ, зазвенѣлъ колокольчикъ, и зошелъ Галаховъ. Это такъ глупо, такъ досадно, что и словъ нѣтъ; онъ два дня искалъ всѣхъ насъ и никого не нашелъ; у Гр. былъ, да не засталъ, твоей и моей квартиры не зналъ и, наконецъ, пріѣхалъ въ нашъ большой домъ. Разумѣется, онъ очень жалѣлъ, досадовалъ, требуетъ прирѣзаться къ чубуку ⁴⁾. Чудный, прекрасный человекъ; какъ-то на немъ иногда хорошо остановить глаза и душу: такъ все благородно и чисто въ немъ. Знаешь ли ты, что въ сердцахъ вашихъ есть большое сходство? Въ васъ обоихъ высокое понятіе долга, чести, прямизна, но формы совершенно разны (а это отразилось и на нюансахъ содержанія). Галаховъ граціозно-schwermüthig ⁵⁾, а ты буяно-schwermüthig; ты не думай, чтобъ ты могъ надуть,—безконечная нѣжность твоя просвѣчиваетъ сквозь принятую маску резонерства, рѣзкихъ словъ etc. Наконецъ, еще у тебя преобладаетъ нѣжность, замѣненная въ Г. деликатностью, которой въ тебѣ и есть и нѣтъ,—какъ вздумается. Я въ 1823 году писалъ для учителя статью: сравненіе Марѳы Посадницы съ Зеновіей Пальмирской ⁶⁾ (о которой я ни тогда, ни теперь ничего не зналъ), и черезъ 20 лѣтъ Богъ привелъ опять писать «Caractères et parallèles des contemporains célèbres» ⁷⁾.

¹⁾ Петербургъ.

²⁾ Петръ Васильевичъ.

³⁾ Грановскій.

⁴⁾ По случаю отъѣзда Кетчера въ Спб. друзья поднесли ему прекрасный чубукъ, вырѣзавъ на немъ свои фамиліи. Чубукъ не былъ, однако, совершенно готовъ, и Кетчеръ оставилъ его въ Москвѣ. Галаховъ хотѣлъ присоединить и свое имя.

⁵⁾ Мраченъ.

⁶⁾ Жена Оденета, потомъ царица пальмирская (267—70 гг.), т. е. значительной части римскаго Востока.

⁷⁾ «Характеристики и параллели знаменитыхъ современниковъ».— Это.

Вотъ я сейчасъ Аксакову дѣлалъ замѣчаніе, зачѣмъ онъ тебѣ совѣтовалъ ѣхать въ П—гъ, къ которому нѣсколько пристрастенъ, а теперь жалѣеть. Онъ не токмо татаринъ, но и турокъ ¹⁾).

10 ноября.

Вслѣдъ за симъ писаніемъ ты получишь другое, посланное вчера у Грановскаго. Прибавить многого теперь не могу, потому что хочу непременно сегодня послать письмо. Огаревъ написалъ тетрадь изъ Ганау и Швальбаха; я, хоть и бодрый начетчикъ, однако, сразу не могъ одолѣть ²⁾.—Есть стихи для Краевскаго. Между прочимъ, онъ себя характеризуетъ превосходно:

Но винды, венды, анты тожъ,—
Славяне всѣ, вашъ родъ начальнй,
Увы! на нихъ я не похожъ!
Я просто скиѣъ, потомокъ дальній
Златой Орды—скуластыхъ рожъ
Я образъ сохранилъ печальный,
Лѣнивый нравъ и дикій вкусъ,
Взявъ отъ славянъ лишь рыжій усъ.

Передай Краевск., чтобъ онъ съ 1 января посылалъ экземпляръ «Отеч. Зап.» *въ Пизу, на адресъ 1-жъ Кене* ³⁾. Цѣна съ пересылкой пусть сообщится мнѣ, да *непремѣнно*, а то Андрей Ал. какъ-то неаккуратенъ въ исполненіи просьбъ.—За симъ прощай. Что IV статья? ⁴⁾ Кланяйся Виссаріону. Пиши непременно опять.—Хочешь ли письма къ Зиновьеву? ⁵⁾.

Свидѣтельствую автографичность. Ех надв. совѣт.

А. Герценъ.

шутка надъ только что изложенной характеристикой обоихъ друзей. Дальше шла приписка К. С. Аксакова, бывшаго въ это время у Герцена.

¹⁾ Дальше были приписки Н. А—ны и Галахова.

²⁾ Очень длинное письмо Огарева напечатано въ VIII кн. «Рус. Мысли» 1890 г., 1—18.

³⁾ Замужняя сестра И. П. Галахова.

⁴⁾ «Дилетантизмъ въ наукѣ».

⁵⁾ Дальше слѣдуетъ приписка Саши Герцена печатными буквами.

370. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

Ноября 18, 1843.

Москва.

Здравія желаю, *sig* Кетчеръ. Не получая отъ тебя второго письма, я рѣшился послать Петра Александр. ¹⁾ провѣдать о тебѣ, и вотъ онъ вручаетъ тебѣ, къ удивленію, сіи строки.—Въ самомъ дѣлѣ, я тебя прошу нѣсколько обратить на него вниманіе: онъ ѣдетъ въ академію, пусть онъ иногда заходитъ къ тебѣ, давай ему книгъ etc.

Мы живемъ по старому. Г. ²⁾ собирается съ силами и духомъ, чтобъ грянуть публичныя лекціи. 50 слушат. будетъ навѣрное (сверхъ даровыхъ), ergo, 2500 р.; я собираюсъ писать въ «Моск. Вѣд.» разборъ и отчетъ объ лекціяхъ. Beau monde собирается къ нему, и Петръ Яковл. ³⁾ говоритъ, что это—событіе. А *propos*, онъ, т. е. Ч., сшилъ себѣ сѣрое пальто и говоритъ: *je me retire du monde et c'est pour cela que je me suis fait des habits ad hoc* ⁴⁾. Мнѣ смертельно нравится это; далѣе, собирается ѣхать въ деревню за 80 верстъ и говорить, что оттого не ѣдетъ, что на постояломъ дворѣ нельзя найти обѣда, порядочно приготовленнаго. Я познакомился съ Самар. ⁵⁾; онъ очень умный человѣкъ. Скажи Бѣлинскому, что здѣсь цѣлый день работали Пог. ⁶⁾, Шев. ⁷⁾, Дм. ⁸⁾ etc., чтобъ выдумать остроуту на «От. Зап.»,—вѣроятно, въ 12 книжкѣ поразятъ. Дм. не можетъ о Бѣлинск. говорить безъ пѣны у рта.

Евгеній ⁹⁾ въ большой нуждѣ; сердце ломится смотрѣть на это, а помочь—не наши средства надобно имѣть. Съ его нравомъ я просто не знаю, какъ онъ выпутается. Истинно, бѣдность—худшій бичъ изъ всѣхъ, самый тяжкій.

Писать больше не хочу. О чубукѣ твоемъ все толкуемъ и ничего не дѣлаемъ. Я его оставилъ бы такъ, какъ онъ есть, даже

1) Захарьинъ.

2) Грановскій.

3) Чаадаевъ.

4) «Я удаляюсъ изъ міра и вотъ потому сшилъ себѣ *платье для этого*».

5) Юрій Федоровичъ Самаринъ.

6) Погодинъ.

7) Шевыревъ.

8) Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ.

9) Е. Ѡ. Коршъ.

съ ошибками; до такихъ вещей рука не должна касаться послѣ. Галахова и Елагина можно вырѣзать на особомъ кольцѣ. Впрочемъ, какъ хочешь.

Гофманъ ¹⁾ за твой завтракъ денегъ не беретъ; я не хочу съ него брать послѣ этого за чубукъ. Всѣ тебѣ кланяются.

Сапоги Сашкѣ принесли и горестъ и радость,—шутъ ты: развѣ у него китайская нога? Вотъ просьба: сходи къ Эггерсу ²⁾ въ лавку; сколько я помню, я ему долженъ рублей 15 или около; заплати, пожалуйста, и напиши мнѣ.

Посылаю стихи Огарева для Краевск.; по моему, печатать только означенныя моимъ *imprimatur* ³⁾. Прощай.

19 ноябр.

Сегодня имен. ⁴⁾ Елиз. Богдановны.

Еще разъ скажи Краевскому, чтобъ онъ не забылъ выслать экз. «От. Зап.» на 44 годъ въ Италию, по адресу: *Italie, à Pise, Madame Kenney*.

Письмо его получилъ. Статья о дуэли признана всѣми за *неполнѣстительную*, хотя всѣмъ нравится, и потому ее прислать нельзя ⁵⁾. А для «Литератур. Газеты» или для «От. Зап.», *ad libitum* ⁶⁾, я пришлю передѣланную вовсе повѣсть, которую ты знаешь. Она вся будетъ состоять изъ юмористическихъ очерковъ, кой-какъ скрѣпленныхъ между собою. Сначала я пришлю одну 1-ю часть (въ декабрѣ). Журнальныя шутки, въ родѣ «Вѣдрина» и «Коперника», можно набрать. «Вѣдринъ» здѣсь имѣлъ ужасный успѣхъ.

371. Публичныя чтенія г. Грановскаго.

(Письмо въ Петербургъ).

I.

Новаго въ нашемъ литературно-ученомъ мѣрѣ немного. Предвижу вашу улыбку при этомъ словѣ. «Въ Москвѣ лѣнятся, въ Москвѣ отдыхаютъ передъ трудомъ». Такъ и нѣтъ. Правда, въ

¹⁾ Рестораторъ, устраивавшій прощальный завтракъ Кетчеру.

²⁾ Книжный магазинъ въ СПБ.

³⁾ «Печатать».

⁴⁾ День рожденія.

⁵⁾ «Нѣсколько замѣчаній объ историческомъ развитіи чести» (см. 1847 г.).

⁶⁾ По желанію.

Москвѣ говорятъ больше, нежели пишутъ, думаютъ больше, нежели работаютъ, въ Москвѣ иногда лучше любятъ ничего не дѣлать, нежели *дѣлать ничего*. Правда и то, что иной разъ сквозь видимую апатію прорывается вдругъ какое-нибудь явленіе, прекрасное и глубоко-знаменательное, трудъ разумный и отчетливый, не механическій продуктъ фабрично-искусственной дѣятельности, а дѣяніе поэтическое и свободное. Къ такимъ явленіямъ отношу я публичный курсъ исторіи среднихъ вѣковъ г. Грановскаго. Въ самомъ событіи этого курса есть что-то чрезвычайно поэтическое: въ то время, когда трудный вопросъ объ истинномъ отношеніи западной цивилизаціи къ нашему историческому развитію занимаетъ всѣхъ мыслящихъ и разрѣшается противоположно, является одинъ изъ молодыхъ преподавателей нашего университета на кафедрѣ, чтобы передать живымъ словомъ исторію того оконченнаго отдѣла судебъ міра германо-католическаго, котораго самобытно-развивающаяся Россія не имѣла. Г. Грановскій, года три тому назадъ оставившій скамьи лучшихъ германскихъ университетовъ, посвятившій жизнь свою глубокому изученію европейской исторіи, выходитъ передъ московскимъ обществомъ не какъ адвокатъ среднихъ вѣковъ, а какъ заявитель великаго ряда событийъ въ ихъ органической связи съ судьбами всего человѣчества; его чтенія не могутъ быть разрѣшеніемъ вопроса, но должны внести въ него новыя данныя; онъ въ правѣ требовать, чтобъ, желая осуждать и отталкивать цѣлую фазу жизни человѣчества, выслушали, по крайней мѣрѣ, симпатическій рассказъ о ней. Благородную симпатію къ своему предмету мы видѣли, глубоко-тронутые, въ первыхъ прекрасныхъ словахъ, которыми открылъ г. Грановскій курсъ свой. Эта симпатія—великое дѣло; въ наше время глубокое уваженіе къ народности не изъято характера реакціи противъ иноземнаго; многіе смотрятъ на европейское, какъ на чужое, почти, какъ на враждебное, многіе боятся въ общечеловѣческомъ утратить русское. Генезисъ такого возрѣнія понятенъ, но и неправда его очевидна. Человѣкъ, любящій другого, не перестаетъ быть самимъ собою, а расширяется всѣмъ бытіемъ другого; человѣкъ, уважающій и признающій права ближняго, не лишается своихъ правъ, а незыблемо укрѣпляетъ ихъ. Мы должны уважить и оцѣнить скорбное и трудное развитіе Европы, которая такъ много даетъ намъ теперь; мы должны постигнуть то великое единство развитія рода человѣческаго, которое раскрываетъ въ мнимомъ врагѣ брата, въ расторженіи миръ: одно сознаніе этого единства уже даетъ намъ святое право на плодъ, выработанный потомъ и кровью Западомъ; это сознаніе, съ нашей стороны, есть вмѣстѣ мысль и любовь,—оттого оно такъ легко; логика и симпатія всего

менѣе тѣснятъ человѣка: человѣкъ созданъ, чтобъ думать и любить. Первые слова Грановскаго, проникнутыя любовью, проникнутыя мыслию, заставили меня ожидать многого отъ его чтеній! И какую блестящей аудиторіей наградила Москва человѣка, общавшаго ей передать величавую эпопею феодализма, суровую и гордую поэму католицизма и рыцарства, церкви и замка,—этихъ каменныхъ представителей замкнутой въ себѣ и оконченной эпохи. Да, московское общество самымъ лестнымъ образомъ оцѣнило приглашеніе доцента: благороднѣйшіе представители этого общества (мы говоримъ о дамахъ образованнѣйшаго круга) сѣли на скамьяхъ студентовъ и слушали,—и слушали въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли это. И послѣ этого говорите, что всеобщіе интересы не имѣютъ глубокихъ корней въ публикѣ: она съ необыкновеннымъ тактомъ оцѣнила всю современность живой, всенародной рѣчи объ исторіи. Въ наше время исторія поглотила вниманіе всего человѣчества, и тѣмъ сильнѣе развивается жадное пытаніе прошедшаго, чѣмъ яснѣ видятъ, что бывшее пророчесствуетъ, что, устремляя взглядъ назадъ, мы, какъ Янусъ, смотримъ впередъ. Духъ, понимая свое достоинство, хочетъ оправдать свою біографію, освѣтить ее восходящимъ солнцемъ мысли, освободить отъ могильнаго тлѣна безсмертную душу прошедшаго, какъ то наслѣдіе его, которое не точится молью. Исторія, если не страшный судъ человѣчества, то страшное оправданіе, всѣхъ-скорбящее прощеніе его. Исторія—чистилище, въ которомъ мало-по-малу временное и случайное воскресаетъ вѣчнымъ и необходимымъ, тѣло смертное преобразуется въ тѣло безсмертное. Память человѣчества есть память поэта и мыслителя, въ которой прошедшее живетъ, какъ художественное произведеніе. Но что же новаго скажетъ г. Грановскій? Развѣ мало писано объ исторіи среднихъ вѣковъ, начиная съ французовъ XVIII столѣтія, не понимавшихъ прошедшаго, и до Лео ¹⁾, который не понимаетъ настоящаго? Человѣчество, въ разныя эпохи, въ разныхъ странахъ, оглядываясь назадъ, видитъ прошедшее, но самымъ образомъ восприниманія и отраженія его раскрываетъ само себя. Чтобъ привести первый примѣръ, попавшій въ голову, вспомните, какимъ рядомъ метампсихозъ гомеровскіе и софокловскіе герои перешли сквозь душу Сенеки, Расина, Альфіери ²⁾, Гете. Самъ Грановскій сказалъ, что ни въ чемъ такъ ярко не выражается характеръ народа, какъ въ пониманіи исторіи. Я совершенно согласенъ съ нимъ и потому именно придаю такое значеніе его чтеніямъ. Для насъ вѣка

¹⁾ Генрихъ, нѣмец. историкъ.

²⁾ Викторъ, знаменитый итальянскій поэтъ-трагикъ.

готическіе не имѣютъ того смысла, какъ для западнаго европейца: архитектура оживы не напоминаетъ намъ ни отчаго дома, ни храма божьяго; рыцарскія поэмы и западныя легенды не похожи на наши колыбельныя пѣсни; для насъ средніе вѣка имѣютъ иной интересъ, чисто-человѣчскій, безкорыстный, отрѣшенный отъ всякой непосредственности. Мы породнились съ Европой, когда феодализмъ, послѣдовательный и неумолимый въ консеквентности, своими ногами сталъ себѣ на грудь, своимъ языкомъ громогласно отрекся отъ своихъ родителей, и, забывъ свое сердце, положилъ краеугольнымъ камнемъ новаго зданія свою голову, посѣдѣлую отъ мысли. Мы сначала узнали новую Европу; а потомъ справились о ея происхожденіи. Оттого нашъ взглядъ на прошедшее Европы не можетъ быть взглядомъ старшихъ европейцевъ. Западно-европейскій историкъ—судья и тяжущійся вмѣстѣ, въ немъ не умерли семейныя ненависти и распри, онъ человѣкъ какой-нибудь стороны,— иначе онъ апатическій эгоистъ; онъ слишкомъ вросъ въ послѣднюю страницу исторіи европейской, чтобъ не имѣть непосредственнаго сочувствія съ первою страницей и со всѣми остальными. Нѣтъ положенія объективнѣе относительно западной исторіи, какъ положеніе русскаго. Насколько Грановскій въ своихъ чтеніяхъ удовлетворитъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя я предъявляю, увидимъ впоследствии; но первая лекція—ключъ къ курсу; онъ благородно и прямо указалъ основанія, на которыхъ будетъ читать: они широки, современны и проникнуты любовью.

Первая лекція была посвящена изложенію развитія науки исторіи; г. Грановскій остановился, кажется, на Фихте. Два частныя замѣчанія я сдѣлалъ бы ему: онъ слишкомъ скудно опредѣлилъ вліяніе Канта на исторію и все еще, по старой привычкѣ, слишкомъ много приписываетъ Гердеру. Гердеръ былъ прекрасное явленіе въ германской беллетристикѣ; симпатическій человѣкъ, открытый всѣмъ интересамъ искусства и науки, всему сочувствовавшій и ничего не знавшій основательно; окруженный толпою нѣмецкихъ педантовъ и цеховыхъ ученыхъ того времени, онъ могъ сосредоточить на себѣ любовь современниковъ и даже заставить ихъ повѣрить въ свое глубокомысліе, но онъ мыслилъ фантазіей, онъ былъ поэтъ и дилетантъ въ наукѣ и оттого не былъ двигателемъ. Что же касается до Канта, то дѣло совсѣмъ не въ томъ, что онъ писалъ объ исторіи, но какой онъ далъ мощный толчокъ всему разумнѣю человѣческому; кантіанизмъ отразился во всѣхъ сферахъ мысли и во всѣхъ сдѣлалъ переворотъ. Исторія не могла быть изъята, и дѣйствительно, Шиллеръ пошелъ отъ кантіанизма и развилъ его до своихъ «Писемъ объ эстетическомъ воспитаніи человѣчества».

А эта диссертация въ письмахъ—колоссальный шагъ въ развитіи идеи исторіи.

Но на сей разъ довольно. Если что-нибудь не воспрепятствуетъ, я доставлю вамъ общій обзоръ лекцій и нѣсколько частныхъ замѣчаній. Надѣюсь, что г. Грановскій не подастъ на меня въ судъ челобитную, какъ Шеллингъ на Паулуса ¹⁾. Мы, русскіе, какъ-то не привыкли свою мысль, свое слово считать товаромъ, личной собственностью. Г. Грановскій читаетъ довольно тихо, органъ его бѣденъ, но какъ богато искупается этотъ физическій недостатокъ прекраснымъ языкомъ, огнемъ, связующимъ его рѣчь, полнотою мысли и полнотою любви, которые очевидны не только въ словахъ, но и въ самой благородной наружности доцента. Въ слабомъ голосѣ его есть нѣчто, проникающее въ душу, вызывающее вниманіе. Въ его рѣчи много поэзіи и ни малѣйшей изысканности, ничего для эффе́кта; на его задумчивомъ лицѣ видна внутренняя добросовѣстная работа. Вотъ все, что я могу вамъ сообщить.

Рама, назначенная г. Гр., обширна: онъ хочетъ прочесть исторію среднихъ вѣковъ до конца, то есть, до того времени, какъ католицизмъ развился въ Лютера, феодальная раздробленность—въ самодержавную централизацію, и Европа стала до того тѣсна вновь развивающемуся міру, что великій генуэзецъ отправился искать Новый Свѣтъ. Прощайте!—жду извѣстія о вашихъ университетскихъ и литературныхъ событіяхъ.

372. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

2 декабря (1843). Вечеръ.
Москва.

Письмо твое Павелъ Васильевичъ ²⁾ привезъ сегодня утромъ, а завтра будетъ и отвѣтъ,—вотъ каковы мы. Посланіе это будетъ имѣть двѣ половины: одна изъ нихъ свѣтлая, а другая темная. Свѣтлая относится къ Грановскому, темная—ко мнѣ. Итакъ, сначала о Гр. и его лекціяхъ. Успѣхъ необычайный и съ обѣихъ сторонъ. Я всегда былъ убѣжденъ, что онъ прекрасно будетъ читать, но, признаюсь, онъ превзошелъ мои ожиданія; при всей бѣдности его органа, при томъ, что онъ въ разговорѣ говоритъ, останавли-

¹⁾ Генрихъ-Эбергардъ, протестантскій богословъ.

²⁾ Анненковъ.

ваясь, на каедрѣ увлекательный талантъ. Что за благородство языка, что за живое изученіе своего предмета! Ну, братъ, и Москва отличилась: просто давка: за $\frac{1}{4}$ часа мѣста нельзя достать, множество дамъ du haut parage ¹⁾, и все какъ-то такъ кругло идетъ. Сверхъ билетовъ, розданныхъ даромъ, безъ малаго сто взяты (ergo, около 5000 р.). Послѣ 1 лекціи я написалъ небольшую статейку, самъ прочелъ ее гр. С. ²⁾ и напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (27 ноября). Я вамъ пришлю ихъ; скажи Краевскому, что я прошу его напечатать изъ «Вѣд.» въ 1 № «От. Зап.», между новостями. Гр. объ этой статьѣ не зналъ, и передъ 2 лекціей Евгений отослалъ ему—и сюрпризъ удался. II лекція была поразительно хороша, и на третьей онъ былъ встрѣченъ единодушнымъ рукоплесканіемъ. Надобно было видѣть и его, и Лизавету Богдановну. Истинно, успѣхъ превзошелъ всякое чаяніе, и Шевыревъ и Погодинъ font bonne mine ³⁾. Ну, братъ Виссаріонъ, отсталый-то профессоръ отсталъ для того, чтобъ дать пошире скачокъ. Какая округлость въ каждой лекціи, какой широкой взглядъ и какая туманность, это—художественный, полный энергіи и любви рассказъ. Одна бѣда: органъ плохъ, на заднихъ лавкахъ худо слышно. Кстати, къ успѣхамъ: «Вѣдрина» статейка здѣсь сдѣлала самое пріятное впечатлѣніе; г-да собирались у Дмитріева выдумывать острооты,—вы ихъ увидите въ 12 «Москвитянинѣ»; они работали цѣлый вечеръ,—должно быть, если не аттическая соль, то четверговая.

Теперь обращаюсь къ себѣ. Дикая сила случайности всегда находитъ случай меня уязвить въ самое больное мѣсто, и какъ ты ни толкуй о моей нетерпѣливости и о прочемъ, я посадилъ бы тебя на мое мѣсто и посмотрѣлъ бы, какъ тебя поведетъ и покоробитъ. Я еще имѣю выходъ въ самой досадѣ и нетерпѣливости. Все шло хорошо относительно здоровья Н. Въ самыхъ послѣднихъ числахъ д—бря или въ первыхъ января можно было ждать хорошаго конца. Петруша ⁴⁾ сказалъ вздоръ: она и душевно и тѣлесно была покойна. Ну, надобно же было всему принять дурной оборотъ: у Саши открылся коклюшъ. Альфонскій увѣряетъ, что онъ пройдетъ безъ всякихъ послѣдствій,—но онъ же говоритъ, что пройдетъ не скоро, а можетъ, затянется и мѣсяца на три (считая отъ 15 ноября). Ты знаешь крутые приступы этой болѣзни, крикъ

¹⁾ Высшаго слоя.

²⁾ Гр. С. Г. Строгановъ.

³⁾ «Faire bonne mine à mauvais jeu»—французская поговорка: при плохой игрѣ дѣлать довольное лицо.

⁴⁾ П. А. Захарьинъ.

etc. Я почти увѣренъ, что болѣзнь въ самомъ дѣлѣ не важна, особенно, взявъ въ расчетъ его здоровую грудь, — Альф. говоритъ, что часто коклюшь способствуетъ развитію легкихъ. Все такъ. А неспянные ночи, а тревога и безпокойство, — наконецъ, зрѣлище истинно ужасное сильныхъ пароксизмовъ въ послѣдній мѣсяцъ разбиваетъ все песчинками собранное, и надежды тускнутъ. Тяжело и глупо... Впрочемъ, ругая меня, ты всегда прибавлялъ, что я въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло серьезно, исправляюсь. И истинно, я не могу себя ни въ чемъ упрекнуть, но не требуйте свше силъ. Такая зависимость отъ случайности ужасна, повергаетъ человѣка въ какой-то тупой скептицизмъ, щемитъ и душитъ. Аминь. — Что я скажу на твое предложеніе Н.? то ли, что я его прочелъ, — глубоко, глубоко тронутый, — то ли, что я въ это время далъ бы дорого, чтобъ пожать твою руку, — все это не нужно. Если тебѣ не сдѣлаетъ важной разстройки (т. е. не финансовой, а служебной), приѣзжай; но когда? Вотъ вопросъ, ибо время ты ограничиваешь 2 недѣлями. Мое мнѣніе такое. Если Саша не будетъ поправляться, и болѣзнь его разовьется сильнѣе, приѣзжай между 25 дек. и 1 янв. (къ тому же это праздники), — даже, если можно, къ 25. Если ему будетъ лучше, приѣзжай къ 5 янв. Я тебѣ буду сообщать въ недѣлю 2 раза, и по сообщеніямъ суди самъ, насколько твое присутствіе нужно, а насколько тягостно безъ тебя, — это ужъ позволь разсудить мнѣ. Сегодня Альф. велѣлъ прокатить Сашу; онъ говоритъ, что воздухъ при коклюшѣ необходимъ; признаюсь, я это сдѣлалъ съ сильнымъ страхомъ. Онъ даетъ ему капли изъ касторина съ антимоіальными и *pux vomica* ¹⁾; въ случаѣ нужды прибл. 2 капли *assae foetid.* ²⁾, — мазь съ рвотнымъ камнемъ для спины. Кашель начался сильный съ 8 ноября; съ 24 (когда вы такъ усердно пировали) открылся рѣшительно коклюшь, теперь все еще болѣе усиливается.

По тяжелой почтѣ получишь ты мою статью ³⁾ и раздай, кому надписано. Да, еще бы въ «Инвалидѣ» напечатать; прошу не перетолковать, — рѣчь не о моей статьѣ, а объ лекціяхъ Гр. Отъ Исакова ⁴⁾ я получилъ объявленіе на Вальтеръ Скотта. Къ 1 книжкѣ. ничего, вѣроятно, не успѣю прислать. Но надѣюсь, кое-что со временемъ напишется. «Вѣдрина» не думаю, чтобъ можно было удачно написать 2 раза, — эти вещи хороши нежданно и одинъ разъ, по-

1) Челибуха.

2) Асафетида.

3) № 371.

4) Яковъ Алексѣевичъ, петербургскій издатель и книгопродавецъ.

томъ онѣ дѣлаются пошлы. Я, было, написалъ «Два литератур. брака» { Гречь и Булгар. , но много просто личностей, а потому сжегъ ¹⁾. Дайте выйти новому «Москвит.»; было бы болото—чертей найти можно. Прощай, иду спать. Уговорилъ Н. спать въ спальной, а Саша съ маменькой (которая тебѣ кланяется) и со мной въ гостиной. Завтра припишу.

Коршъ читалъ твое письмо у меня, а потомъ отправились къ Гранкѣ (какъ его называетъ Саша). Въ субботу повезу на лекцію Павла Васильевича ²⁾. Онѣ мнѣ очень понравился наружностью: что-то открытое и что-то закрытое, именно—открыта душа, а закрыта верхняя губа, scilicet ³⁾ усами.

3 декабря.

Бѣлинскаго дружески поздравляю съ началомъ фамилизма ⁴⁾. Писать весело я теперь не могу, а скучно не хочу, почему—до слѣдующаго раза. Съ Самаринымъ я познакомился, c'est un parfait honnête homme ⁵⁾ (Языковъ сказалъ бы *о нѣтъ* ⁶⁾), да сверхъ того très distingué ⁷⁾. Вы тамъ у себя сидите и углубляетесь все далѣе и далѣе въ односторонность; славянофила изъ меня такъ же мудрено сдѣлать, какъ славянофоба; какъ можно такого рода людей мѣшать съ грязнымъ Погодинымъ, тупорожденной Шевыркой, съ кровожаднымъ паукомъ—Дм. etc., etc. Вѣдь, ужъ ты женился, Б. ⁸⁾, пора смотрѣть на вещи съ дѣйствительной точки; а я такъ съ Гегелемъ начинаю ссориться за то, что онѣ все натягиваетъ идеализмъ, и хочу прислать вамъ *афоризмы къ филос. исторіи*. Меня бѣситъ, когда онѣ говоритъ: «духъ снисходитъ до много-различія бытія», духъ покидаетъ «чуждую среду міра природы»,—это такъ же глупо, какъ сказать: дѣти въ коклюшѣ любятъ сильно кашлять.

Панаеву и Языкову земно кланяюсь. Я думаю, что Мих. Ал., соединенный съ тобою поро^к_гомъ, теперь молчитъ объ Эльдорадо. Жена моя много посылаетъ привѣтствій Бѣлинскому и всѣмъ и кланяется m-me Бѣлинской.

¹⁾ См. № 373.

²⁾ Анненковъ.

³⁾ То-есть.

⁴⁾ Женился незадолго до этого.

⁵⁾ Это вполнѣ порядочный человѣкъ.

⁶⁾ По звукамъ—слово honnête.

⁷⁾ Изысканный, съ прекрасными манерами.

⁸⁾ Обращеніе къ Бѣлинскому.

Прощай, Кетчеръ. Я буду писать на той недѣлѣ; когда я истинно почувствую, что безъ тебя очень плохо, я напишу, но ты не торопись и не ѣзди никакъ, пока я не напишу: можетъ, все это приметъ нѣсколько лучшей оборотъ. Обѣщаль ли Кр. ¹⁾ выслать «От. Зап.» въ Пизу m-me Kenney?

Гр. ²⁾ и Г. ³⁾ и Михаилъ Семеновичъ ⁴⁾, вѣрно, приписали бы или написали бы, да никого нѣтъ, а я тороплюсь дать тебѣ вѣсть.

А. Герц.

О полученіи этого письма извѣсти, хоть строчкой.

373. Умъ—хорошо, а два—лучше ⁵⁾.

Въ особенности лучше для изданія журнала. Наиболе читаемые и уважаемые журналы издавались у насъ всегда парюю литераторовъ: «Сѣверная Пчела», «Маякъ», «Москвитянинъ». Г. Сенковский зналъ это и за неимѣніемъ alter ego онъ самъ раздвоился, какъ Гофмановъ Медардусъ, и издавалъ «Библиотеку для Чтенія» съ барономъ Брамбеусомъ,—время славы и величія этого журнала было временемъ товарищества съ Брамбеусомъ. «Маякъ» явнымъ образомъ сталъ тускнеть съ тѣхъ поръ, какъ издается однимъ г. Бурачкомъ ⁶⁾, даже признаки бѣшенства, прорывавшіеся въ его литературныхъ обзорахъ, мнѣ кажется, происходятъ отъ одиночества. Но на верху литературной славы теперь, какъ и прежде, два журнальные брака: Н. И. Гречъ и Ѡ. В. Булгаринъ въ Петербургѣ, С. П. Шевыревъ и М. П. Погодинъ въ Москвѣ. Московская чета, впрочемъ, еще не такъ извѣстна, какъ наши добрые и любимые Филемонъ и Бавкида петербургской журналистики, и потому подробное разсмотрѣніе той и другой пары не лишено занимательности. Плутархъ любитъ сравнивать одинъ на одинъ великихъ людей; мы, во всемъ опередившіе древній міръ, можемъ сравнивать ихъ попарно. Конечно, наши пары, при всемъ авторскомъ пристрастіи къ предмету,—не совсѣмъ плутарховскіе герои. Одинъ изъ

¹⁾ Краевскій.

²⁾ Грановскій.

³⁾ И. П. Галаховъ.

⁴⁾ Щепкинъ.

⁵⁾ Не была напечатана.—А. И. Г.

⁶⁾ Степанъ Анисимовичъ; всю русскую литературу отъ Карамзина до Лермонтова включительно называлъ «растлѣніемъ».

четырехъ уважаемыхъ нами литераторовъ можетъ имѣть на это притязаніе и даже неотъемлемое право, это — Ѳаддей Венедиктовичъ. Въ его жизни есть что-то античное: онъ, какъ Сократъ, знакомъ не токмо съ нравственною философіею, но и съ мечомъ,— не токмо съ однимъ, но и съ двумя ¹⁾, но и это выходитъ изъ круга нашей параллели.

Начнемъ съ главнаго. Четыре героя, составляющіе двѣ пары,— люди вселенской извѣстности: г. Булгарина переводитъ г. Меццофанти ²⁾, Гете упоминаетъ о г. Шевыревѣ, г. Шеллингъ спрашиваетъ о философскихъ статьяхъ г. Погодина, г. Гречъ усердно кланяется г. Гизо. Но въ ихъ отношеніяхъ къ Европѣ найдутся оттѣнки, которые необходимо уловить. Гречъ и Погодинъ обтекаютъ часто разныя страны, Булгаринъ и Шевыревъ обтекли ихъ и успокоились. Гречъ, по прекрасному выраженію «Москвитянина», разсматриваетъ Европу въ полицейскомъ отношеніи, обращая всего болѣе вниманія на чистоту и порядокъ ³⁾. Погодинъ ее же разсматриваетъ съ экономической точки зрѣнія, въ отношеніи дешевины и дороговизны предметовъ, нужныхъ путешественнику ⁴⁾. Булгаринъ любитъ вспоминать (точно маршалъ Сультъ), какъ онъ былъ въ Испаніи, а Шевыревъ никогда не забываетъ, какъ онъ былъ въ Италіи. Европу всѣ четверо не любятъ, но каждый по своему; въ этихъ точкахъ пересѣченія легко измѣрить всю необъятную противоположность ихъ; самыя средства, которыми они хотятъ отворотить добрыхъ людей отъ Запада, разны: такъ г. Гречъ останавливаетъ васъ, обращая вниманіе на слабое полицейское устройство, на нечистоту улицъ; г. Погодинъ стремится застрашать дороговизной и издержками; г. Шевыревъ съ ужасомъ указываетъ на развратъ мышленія, на порокъ логики, овладѣвшей Европою; г. Булгаринъ своимъ собственнымъ примѣромъ, патриотизмомъ «Сѣверной Пчелы», заставляетъ любить и предпочитать Петербургъ всему міру.

При этомъ каждый изъ нихъ милуетъ на Западѣ какую-нибудь страну. Степанъ Петровичъ любитъ Италію, поющую октавы ⁵⁾, Ѳаддей Венедиктовичъ и Николай Ивановичъ—*нравственную*, семейную Германію, Михаилъ Петровичъ—*западныхъ* славянъ, потому что онъ ихъ считаетъ *восточными*.

¹⁾ Намекъ на участіе поляка Булгарина въ войнахъ Россіи противъ Наполеона и Польши.

²⁾ Джузеппе, кардиналъ, съ необыкновенною памятью.

³⁾ Скрытый въ выраженіяхъ Шевырева намекъ на литературную службу III Отдѣленію въ заграничной литературѣ.¹

⁴⁾ См. № 368.

⁵⁾ Шевыревъ написалъ статью «О возможности ввести итальянскую октаву въ русское стихосложеніе» («Телескопъ» 1831, ч. III).

Такъ же, какъ Европу, они не любятъ и современную науку и не токмо не любятъ, но и не знаютъ ее,—да и зачѣмъ же знать то, чего не любишь. Гречъ и Погодинъ не бранятъ науку, потому что они считаютъ себя выше ея; они на нее смотрятъ, какъ мы смотримъ на азбуку—нѣсколько съ улыбкой, и въ этой улыбкѣ видно гордое сознаніе: «мы, де, знаемъ, что тамъ написано, насъ не проведешь»; они развили въ себѣ высшіе взгляды, передъ которыми интересы науки—ребячество. Гречъ иногда даже защищаетъ науку: отдавать справедливость врагамъ—свидѣтельство сердца, полного благородствомъ, откровенностью и прямодушіемъ,—качества, всегда отличавшія греческую исторію и «Исторію» Н. И. Греча ¹⁾. Степанъ Петровичъ не таковъ: онъ хорошаго слова о западной наукѣ не скажетъ; у него есть своя «словенская» наука, не писанная, не существующая, а словенская. Въ ея-то пользу онъ готовъ выдать за общество фальшивыхъ монетчиковъ и зажигателей всѣхъ послѣдователей презрѣнной писанной науки. Гнѣвъ Шевырева какой-то католическій, онъ обучался ему въ Италіи. Ѳаддей Венедиктовичъ, это—петербургскій Скворода, невскій Коцебу; его наука—практическая мораль; о теоріи, методѣ, системѣ не надобно и спрашивать, онъ рѣдко говоритъ о наукѣ,—она слишкомъ безлична, чтобы сердить его, а когда ругнетъ ее, то наскоро, имѣя въ виду нравственную цѣль.

Гречъ и Шевыревъ—филологи и грамматики; Шевыревъ—первый профессоръ *элоквенціи* послѣ Тредьяковскаго; онъ читалъ въ Москвѣ публичныя лекціи о русской словесности, преимущественно того времени, когда ничего не писали, и его лекціи были какою-то дѣтскою пѣснью, пѣтою чистымъ соргапо, напоминающимъ папскіе дисканты въ Римѣ. Гречъ публично читалъ въ Петербургѣ поэзію грамматики и тронулъ всѣхъ, доказывая, какъ счастливъ долженъ быть тотъ языкъ, который такъ хорошо, какъ мы, спрягаетъ глаголы.

Погодинъ и Булгаринъ—историки, но съ разныхъ концовъ: одинъ идетъ отъ происхожденія Руси до X вѣка, другой—отъ нашего благодатнаго времени до 1810 г. и даже до аустерлицкой битвы. Погодинъ, впрочемъ, не токмо не участвовалъ въ рюриковскую эпоху, но издавалъ,—больше *общинно*,—историческіе труды, а Ѳ. В. участвовалъ самъ въ важнѣйшихъ событіяхъ нашего вѣка: онъ сперва *сдѣлалъ* современную исторію и потомъ началъ писать объ ней.

¹⁾ Намекъ на «Древнюю исторію», якобы написанную Гречемъ, на самомъ же дѣлѣ переведенную имъ съ К. Беккера.

Главная цѣль знаменитыхъ литераторовъ, о которыхъ идетъ рѣчь,—ознакомить міръ съ Россіей,—если имъ и не удастся, то намѣреніе похвально. Съ этою цѣлью Гречъ издалъ формулярные списки всѣхъ русскихъ авторовъ; Булгаринъ составилъ книгу о Россіи, которую врядъ ли читалъ самъ Гречъ; Погодинъ приобрѣлъ извѣстность своими не изданными трудами; Шевыревъ возстановляетъ Русь, которой не было и, слава Богу, не будетъ.

Союзъ г. Погодина съ г. Шевыревымъ—*matrimonium secretum*¹⁾; союзъ г. Булгарина съ г. Гречемъ—открытый конкубинатъ. Нѣтъ ни одного человѣка въ Москвѣ, который бы умѣлъ врознь понять Минина и Пожарскаго такъ, какъ нѣтъ ни одного человѣка въ Петербургѣ, который бы умѣлъ понять врознь Булгарина и Греча,—хотя бы одинъ жилъ для удовольствія и нравственныхъ *наблюденій* въ Парижѣ, а другой для нравственныхъ *наблюденій* и для удовольствія въ Дерптѣ²⁾. Г. Шевыревъ какъ-то, было, охладѣлъ къ брачному ложу, т. е. къ «Москвитяину»,—сейчасъ начали выходить уроды, двойни, но новая программа утѣшила всѣхъ. Степанъ Петровичъ оттого не занимался, что увлекся своимъ краснорѣчіемъ и сталъ записывать свои слова (собою восхищаться запрещаетъ Тиссо); теперь онъ опять готовъ исполнять свои брачно-литературныя обязанности.

Гречъ и Булгаринъ издають съ примѣрнымъ мужествомъ и самоотверженіемъ «Сѣверную Пчелу» для того только, чтобы въ ней высказывать тѣ сильныя убѣжденія, которыя легли краеугольнымъ камнемъ ихъ нравственно-сатирическаго существованія. Степанъ и Михаилъ Петровичи, съ еще болѣе примѣрнымъ упорствомъ и безкорыстіемъ, издають «Москвитяинъ», не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что читатели подписываются на другіе журналы; въ этомъ «Москвитяинѣ» такъ же, какъ и во всемъ прочемъ, похожъ на «Маякъ», какъ на родного брата. Что дѣлать,—любовь къ истинѣ и ненависть къ «Отечественнымъ Запискамъ»—страсть сихъ четырехъ сердець и одного «Маяка». Страсть къ истинѣ доводитъ ихъ до неблагоразумія.

Я всякій разъ со слезами читаю, какъ иногда Ө. В.,—другъ Платона, другъ Аристотеля, другъ Греча, а еще болѣе другъ правды,—всенародно журитъ Николая Ивановича. Онъ забываетъ тутъ узы, связующія его съ Гречемъ, дѣлается страшень, дѣлается отрывистъ: «и ты, братецъ»,—говоритъ,—«стыдно, братецъ», говоритъ, «что ты мальчикъ, что ли? не слыхалъ что ли?» говоритъ... и пойдетъ,

¹⁾ Тайный бракъ.

²⁾ Намекъ на сотрудничество съ III Отдѣленіемъ.

и пойдетъ. Николай Ивановичъ, дѣйствительно, иногда заслуживаетъ порицанія: то за радикальный образъ мыслей, то за либерализмъ. Зачѣмъ, говоритъ, Бонапарте сдѣлался Наполеономъ? зачѣмъ во Франціи пишутъ объ алжирской войнѣ? зачѣмъ не завести тамъ цензуры? зачѣмъ во Франціи нѣтъ тѣлесныхъ наказаній? такъ, кажется, и сдѣлалъ бы революцію во всей Европѣ. А главное—Наполеонъ. Ө. В. за Наполеона всегда горой; онъ считаетъ Наполеона своимъ товарищемъ по службѣ и никогда не выдаетъ. Черта прекрасная! Искренность Ө. В.—ча развѣ можетъ быть побѣждена только правдивостью Мих. П—ча. — Погодинъ до того откровененъ, что напечаталъ такую исповѣдь о себѣ самомъ (подъ вымышленнымъ именемъ «Путевыхъ записокъ»), что исповѣди Руссо и Кардана ¹⁾ ничего не значать въ сравненіи съ его исповѣдью; все рассказалъ: и какъ платье покупалъ на бульварѣ, и какъ... и все это безъ всякой нужды, по одному благородному побужденію сердца. Гречъ скрытенъ, напротивъ; онъ въ сердцѣ *доноситъ* до поры до времени и зло и добро и не станетъ попусту болтать ²⁾.

Вообще у гг. Булгарина и Погодина осталось бездна дѣтскаго, наивнаго; люблю я радушное привѣтствіе Ө. В.—ча пирожнику, открывающему лавочку, портному, начинающему шить платье, — точно онъ въ первый разъ кушаетъ пирожокъ и въ первый разъ затягиваетъ подтяжку ³⁾. Люблю ребячій взглядъ Михаила Петровича на Европу, взглядъ милаго ребенка, — хорошъ онъ у 50-лѣтняго старика; имъ всегда отличались авторъ «Марфы-Посадницы» и авторъ «Дмитрія Самозванца». ³

1843.

◆◆ 1. «У Греча—говоритъ Шевыревъ—есть свой взглядъ на Италію. Трудно опредѣлить и назвать его, а мы бы назвали этотъ взглядъ полицейскимъ — и нельзя иначе. Г. Гречъ, можно сказать, путешествовалъ въ Италіи по части порядка, чистоты и опрятности» («Москвитянинъ» 1843, ч. V).

2. Позже это остроумное опредѣленіе древней русской литературы было повторено Чернышевскимъ, котораго сочли и авторомъ его.

¹⁾ Итальянецъ, авторъ автобіографіи «De vita propria».

²⁾ Намекъ на доносы III Отдѣленію.

³⁾ Фельетоны Булгарина заказывались торговцами и промышленниками для ихъ рекламированія.

3. Эта весьма остроумная и ядовитая статья не можетъ быть вполнѣ оцѣнена тѣми, кто недостаточно знакомъ съ литературной и «общественной» дѣятельностью Булгарина и Греча, Шевырева и Погодина.

Интересующихся отсылаю: для первой пары къ своей книгѣ «Николаевскіе жандармы» etc., для второй—къ «Жизни и трудамъ М. П. Погодина» Н. П. Барсукова.

374. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

8 декабря 1843.

Москва.

Вѣроятно, ты уже ждешь, саго Кетчеръ, второй бюллетень о здоровіяхъ нашихъ по моему письму отъ 3, кажется. Все въ томъ же положеніи, какъ было: коклюшъ у Саши не уменьшается, да и не увеличивается; мы больше привыкли къ его болѣзни, оттого спокойнѣе.

Грановскій продолжаетъ отличать. Въ «Москвитянинѣ» хотѣли, было, его ругнуть, да Шевыр. стало стыдно дамъ. А ужъ я, признаюсь, въ умѣ составлялъ отвѣтъ, который бы понравился Виссаріону.

12 книжка «От. Зап.» получена; спасибо за корректуру, а, всетаки, безсмыслицъ много ¹⁾; явно, вина переписчика; и онѣ теперь остались мнѣ въ обвиненіе, тебѣ не въ оправданіе, напр., на 71 стр. слово *фраза* вмѣсто *фаза*, или на 66—*цѣлью бытія* вмѣсто *цѣнною* бытія—и такихъ дюжины полторы: за нихъ-то ты и ругалъ мой слогъ.—Особо отпечатанныхъ экземпляровъ я не получилъ еще. Скажи Краевскому, что Вальтеръ Скотта получилъ и прошу его прислать *Сочиненія Гоюля въсь части и «Мертвыя души»*; и симъ за 1843 годъ мы квитъ (хотя это и выйдетъ не болѣе 50 руб. асс. съ листа); книги эти буду ждать къ новому году, а равно и особо отпечатанные экземпляры.¹

Мих. Сем. ²⁾ проситъ всенепремѣнно вѣрнаго извѣстія о «Генрихѣ» ³⁾ и поскорѣе.

Всѣ кланяются тебѣ, всѣ любятъ тебя ужасно,—это теперь замѣтнѣе: всякій разъ поминають, поминають. Я твои именины помянулъ вчера, и выпили по стакану. Чубукъ у Галахова. Иду

¹⁾ Въ IV статьѣ «Дилетантизмъ въ наукѣ».

²⁾ Щепкинъ.

³⁾ Переводившійся Кетчеромъ шекспировскій «Генрихъ IV».

сегодня смотрѣть «Жизель» ¹⁾—вотъ тебѣ доказательство, что дома спокойнѣе, и пишу это, боясь увеличивать хлопоты и боясь разстроить твои проекты актомъ благородной готовности облегчать всякую тягость друзьямъ. Погоди; будетъ нужно—напишу, потому что не найду силъ сладить.

9 декабря.

Сегодня, кажется, Сашѣ лучше. Рѣшительно прощай.

◆◆ 1. Хотя Герценъ часто писалъ о гонорарѣ за статьи въ «Отечеств. Запискахъ», но тѣмъ не менѣе Краевскій получилъ нѣсколько его сочиненій бесплатно (Бѣлинскій «Письма», III, 285).

375. Приписки къ Н. Х. Кетчеру.¹

Lion ²⁾), а я шпиць, съ нимъ сидящій.
Посѣдѣлъ и состарѣлся.
Бургонскаго.

◆◆ 1. Приписки сдѣланы въ письмѣ Т. Н. Грановскаго къ Кетчеру 14 декабря 1843 г. Грановскій описываетъ свои лекціи, рассказываетъ о тѣснотѣ. «Въ аудиторіи нѣтъ мѣста, дамы приѣзжаютъ за полчаса до начала, чтобы сѣсть поближе; я самъ *boeuf à la mode*» ³⁾. Къ этому мѣсту сдѣлана первая приписка. «Я началъ ругаться съ первой лекціи, послѣ которой Шевръ (Шевыревъ—*М. Л.*)»—здѣсь вторая приписка. «Герценъ по прежнему ругаетъ меня за то, что я при всякомъ удобномъ случаѣ говорю: «нельзя ли этакъ, такъ сказать и проч., а самъ тянетъ знаменито, когда бутылка (третья приписка) принесена. Одинъ Галаховъ отстаеъ немного. К—ъ начинаетъ поддаваться. Только у нихъ съ Герценомъ скверная привычка—пьютъ въ лакейской; надѣнутъ шубы да и потребуютъ прощальнаго» («Грановскій», II, 460—462).

¹⁾ Балетъ.

²⁾ Левъ.

³⁾ Тушеная говядина.

376. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

20 декабря (1843).

Здравствуйте, М. Г. Рапортъ отъ madame затрудняетъ рапортъ отъ monsieur ¹⁾. Вторая статья о лекціяхъ Грановскаго не будетъ въ «Моск. Вѣд.»: графъ Стр. не желалъ этого и былъ, кажется, правъ; онъ принимаетъ самое живое участіе въ чтеніяхъ. Я ее пришлю Краевскому. Да почему же онъ не присылаетъ особо отпечатанныхъ экземпляровъ IV статьи? Если забыли, можно теперь тиснуть, это — копѣчное дѣло ²⁾. Пожалуйста, скажи. — Не говоря о всемъ прочемъ, Гр. имѣетъ въ сборѣ денегъ 5,000 съ половиной! Чтенія идутъ превосходно.

О Сатинѣ ³⁾ главное затрудненіе не шинель, которую, какъ будутъ посвободнѣе деньги, я сошью, а въ стиркѣ бѣлья; вспомни, что отъ Чермака до насъ десять верстъ; впрочемъ, Егоръ Ив. такъ добръ, что вызывается своей кухаркѣ велѣть это взять на себя. А потомъ нужно ⁴⁾, до какой суммы положено на него тратить.

Коклюшъ Сашинъ лучше, хотя и есть. Болѣзни Наташи нѣтъ, то есть ея положеніе должно окончиться къ 1 января. На-дняхъ опять пускали кровь. Все довольно благополучно.

Прощай. Какъ ты пишешь объ Агтапсе, — намѣренно загадочно; ломалъ себѣ голову.

У Анненкова умерла мать. Прекрасный и премилый человѣкъ. Всѣ кланяются.

Пиши опять.

20 дек.

Сегодня новый годъ въ Нѣмечинѣ.

¹⁾ Передъ этимъ нѣсколько строкъ отъ Н. А — ны.

²⁾ Не зная типографскаго дѣла, Герценъ ошибался. Чтобы тиснуть уже разобранную статью, ее надо вторично набрать, сверстать и прокорректировать.

³⁾ Племянникъ Н. М. Сатина.

⁴⁾ Слово не разобрано Пыпинымъ.

377. Письмо къ Н. X. Кетчеру.

31 декабря 1843.
Москва.

Вчера днемъ, въ первомъ часу, Наташа разрѣшилась отъ бремени. Вся обстановка была очень сомнительна и морально, и физически, но результатъ до сихъ поръ такъ хорошъ, что я боюсь вѣрить. Младенецъ былъ тотчасъ осмотрѣнъ Альфонскимъ; онъ нашелъ его совершенно исправнымъ. Вечеромъ онъ опять приѣхалъ и остался также доволенъ. Ночь прошла тихо. Наташа весела и здорова, насколько можно. Передъ разрѣшеніемъ, было, мы взгрустнулись, и Грановскій хотѣлъ, было, за тобою отправлять эстафету. Разумѣется, теперь еще нельзя сказать ничего, но начало хорошо. Груды еще не давали, кормилицы тоже. Лизав. Богд. у насъ ночевала; Гран., получивши мою записку о счастливомъ окончаніи, не могъ ее прочесть и передалъ Крюкову: такъ былъ взволнованъ. Сколько любви намъ, сколько любви! да и вамъ, друзья, сколько любви въ насъ! ¹⁾).

Р. S. Лекціи все тотъ же производятъ фуроръ. Рейхель слѣлалъ Грановск. портретъ, поразительно похожій.

Тат. Ал. ²⁾ кланяется.

Маменька кланяется.

Малютка назовется Николай.

¹⁾ Дальше шли приписки Е. Б. Грановской и Н. А.—ны

²⁾ Астракова.

1844

378. ДНЕВНИКЪ.

(Окончаніе).

Тысяча восемьсотъ сорокъ четвертый годъ.

Январь.

2.—Трое сутокъ прошло,—и все идетъ хорошо. Я начинаю убѣждаться, хотя и съ робостью, со страхомъ, что на этотъ разъ не предвидится такой катастрофы, какъ въ прошлый.

7.—Вчера Грановскій окрестилъ новорожденнаго; все было весело и торжественно, напомнило рожденіе Саши. Огаревъ считаетъ себя крестнымъ отцомъ Саши; Сатинъ и Кетчеръ крестили несчастныхъ малютокъ умершихъ, и Грановскій вновь начинаетъ съ перелома. Сегодня девятый день, и все исправно. ¹

Былъ на-дняхъ у гр. Строганова; интриганы изъ профессоровъ сбиваютъ его видимо; онъ любитъ и желаетъ просвѣщенія, онъ любитъ Европу и все благородное, но боится рѣзко и рѣшительно объявить себя противъ дикихъ славянофиловъ, а они, пользуясь его шаткостью, пугаютъ, лгутъ и получаютъ мѣсто въ его убѣжденіяхъ. «Я, говорилъ онъ, всѣми мѣрами буду противодѣйствовать гегелизму и нѣмецкой философіи. Она противорѣчитъ нашему богословію. На что намъ раздвоенность, два разные догмата, догматъ науки? Я даже не приму того направленія, которое афишируетъ примиреніе науки съ религіей: религія въ основѣ». На это я сказалъ ему, что очень хорошо не принимать людей, толкующихъ о соглашеніи и примиреніи, потому что они—лжецы и трусы. Примиренія нѣтъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимаютъ, и наука

не имѣеть нужды ни въ мирѣ, ни въ войнѣ. Въ заключеніе графъ сказалъ, что если онъ не успѣеть другимъ образомъ, то готовъ или оставить свое управленіе, или закрыть нѣсколько кафедръ: «вы, вѣроятно, съ другими назовете тогда меня варваромъ, вандаломъ». Я опустилъ глаза и промолчалъ. Разговоръ сталъ слабѣть и скоро кончился. Не жаль ли, что эта доблестно-рыцарская натура падаетъ подъ нерѣшительностью?

И какъ будто есть двѣ науки, въ самомъ дѣлѣ? Останавливать современную науку значить убивать вообще развитіе науки и сводить преподаваніе на сухія историческія, филологическія естествознательныя, математическія свѣдѣнія, не связанныя ни единою мыслью.

8.—Какъ шатко, страшно шатко все въ жизни, кромѣ мысли, которая собственно уже и есть снятіе жизни индивидуальной, единственно полной. Какъ спокойны мы были, а сегодня опять страшный день, и едва теперь я нѣсколько сталъ спокойнѣе, а днемъ намучился и настрадался, особенно вечеромъ. Н. сильно занемогла; вчера немного неосторожно понадѣялась она на свои силы и, можетъ, дорого еще заплатитъ за это; я боялся, что разовьется воспаленіе; но, кажется, еще нѣтъ и не будетъ,—сильныя спазмы, боли нестерпимыя... Воспаленіе поставитъ на край гроба. Отъ этой мысли дѣлается какая-то лихорадка. Теперь 2 часа, она спитъ; что-то будетъ завтра? А мы послѣдніе дни были спустя рукава. Случай этотъ разразился такъ неожиданно, колѣна мои подгибались. Хорошо, что Елизавета Богд. у насъ,—она облегчила меня; безъ близкаго человѣка страшно въ такія минуты, убійственно. Къ тому же я такъ неловокъ, когда ухаживаю за больными. Да мимо идетъ чаша сія!

11.—И прошла. А душа, какъ корабль: что ни побѣжденная буря, то ближе къ разрушенію; матросы становятся лучше, а дерево хуже.

Странная вещь: въ «Börsenhalle» новость объ опредѣленіи бывшаго дерптскаго профессора Мадаи ¹⁾ къ Нассаускому герцогу, по рекомендаціи в. к. Елены Павловны. Мадаи, это—тотъ благородный профессоръ, который, послѣ дикой и отвратительной исторіи съ Ульманомъ ²⁾ и Бунге ³⁾, напечаталъ, спустя нѣкоторое время,

¹⁾ Карль-Отто, профессоръ уголовного права въ дерптскомъ университетѣ.

²⁾ Карль-Христіанъ, профессоръ богословія въ дерптскомъ университетѣ.

³⁾ Фридрихъ-Георгъ, профессоръ исторіи права въ дерптскомъ университетѣ.

статью въ «Allgemeine Zeitung» обо всемъ дѣлѣ, изложилъ всю закулисную исторію драмы, грубое и несправедливое окончаніе ея отрѣшеніемъ Ульмана и Бунге за принятіе однимъ Ständchen ¹⁾ и за то, что другой сказалъ, что нѣтъ закона, препятствующаго студентамъ такимъ образомъ изъявлять свою симпатію. Статью эту Мадаи подписалъ. Ясное дѣло, что послѣ этого онъ долженъ былъ оставить Дерптъ; не знаю, какъ сошло ему съ рукъ такъ легко: у насъ не очень смотрятъ на права иностранцевъ. Мадаи всю гадкую часть интригующаго приписываетъ Уварову ²⁾. Or donc, въ «Börsenhalle» написано, что Мадаи опредѣленъ герцогомъ по рек. великой княг., засвидѣтельствовавшей, что Мадаи прекрасный человѣкъ и оставилъ службу по личнымъ отношеніямъ съ мин. просвѣщенія. ² Кто въ состояніи что-нибудь понять въ этой галиматѣй нашего управленія? Въ другихъ государствахъ какъ бы скверно правительство ни было, какіе бы раздоры внутри совѣта ни были, наружно министры держатся за-одно, идутъ подъ однимъ знаменемъ, съ одной мыслью, которая есть съ тѣмъ вмѣстѣ мысль правительства. Примѣры такіе, какъ недавно съ Олозагой ³⁾ или нѣкогда съ Фоксомъ ⁴⁾, когда дѣло шло объ Индійской компаніи, и гдѣ король подкапывалъ министра черезъ пэровъ,—рѣдки и ненормальны. У насъ, напротивъ, министерство не связуется никакою мыслью, въ немъ нѣтъ даже формальнаго единства, даже благопристойности. Меншиковъ ⁵⁾ отпускаетъ злыя колкости надъ Канкринимъ ⁶⁾, Клейнмихелемъ, etc. публично; Киселевъ ⁷⁾ идетъ своей дорогой, Перовскій ⁸⁾—своей. Наконецъ, члены - - - - - не считаютъ нужнымъ стоять заодно съ своей прислугой. Разумѣется, голосъ вел. княг. въ этомъ дѣлѣ—благородное дѣло, честь ей. Уваровъ пользовался прежде ея расположеніемъ. Можетъ, слетитъ? лучше ли это, хуже ли, какъ сказать? Онъ человѣкъ дрянной, мелкій и ячный, а пользы надѣлалъ бездну. Строгановъ благороденъ, рыцарь и тоже очень полезенъ округу, а сдѣлаютъ министромъ, не знаю, что бу-

¹⁾ Серенада.

²⁾ Гр. Сергѣй Семеновичъ, министръ народнаго просвѣщенія.

³⁾ Донъ Салюстіано, испанскій государств. дѣятель XIX столѣтія, то бѣжавшій изъ отечества, то назначавшійся министромъ, то бывшій главою министерства нѣсколько дней и опять бѣжавшій.

⁴⁾ Чарльзъ-Джемсъ, знаменитый англійскій политическій дѣятель конца XVIII вѣка.

⁵⁾ Кн. Александръ Сергѣевичъ, морской министръ.

⁶⁾ Гр. Егоръ Францовичъ, министръ финансовъ.

⁷⁾ Гр. Павелъ Дмитріевичъ, министръ государственныхъ имуществъ.

⁸⁾ Левъ Алексѣевичъ, министръ внутреннихъ дѣлъ.

детъ, и трудно сказать, впередъ это или назадъ. Вотъ истинно вавилонское столпотвореніе!

14.—Крикъ и гамъ объ лекціяхъ Гр. Онъ имѣлъ разговоръ съ гр. Строгановымъ: и онъ боится, а сначала такимъ жаркимъ защитникомъ былъ. Мейендорфъ ¹⁾—милый типъ важной глупости,—боится ѣздить. Страхъ замѣтно развивается.

18.—Наступилъ годъ мрачнымъ днямъ, страшнымъ страданіямъ, которыми я думалъ искупить все и, можетъ, въ самомъ дѣлѣ искупилъ какую-нибудь долю. Вѣчно довѣрчивый, я думалъ, что все темное забыто; но достаточно было воскреснуть въ памяти по поводу числа миновавшимъ образамъ и мыслямъ, чтобъ снова повергнуть ее во всю безумную грусть. Какая доля слабымъ нервамъ и какая памяти оскорбленія! И что ей дѣлать, если нѣтъ силъ и средствъ забыть, примириться истинно, простить безслѣдно? Всякій разъ подобное нежданно и разомъ выталкиваетъ меня изъ той сферы жизни, которая мнѣ свойственна, и я себѣ кажусь какъ-то жалко-гадокъ... Лишь бы не возвратились прошлогоднія сцены. Жизнь послѣдняго малютки, думалъ я, все уворачуетъ.

Самаринъ ²⁾ возвратился; онъ съ ужасомъ начинаетъ разглядывать невозможность удержаться на ихъ тонѣ ортодоксно-философскомъ. Благородное устройство его головы не позволяетъ ему остановиться на формальномъ, внѣшнемъ сосуществованіи или, лучше, на юкстапозиціи ³⁾. Его поразилъ въ Казани лама, увѣренный, спокойный въ своей ортодоксіи. Но онъ грустенъ, процессъ совершается круто, и я знаю по себѣ, какъ тяжело разставаться съ нѣкоторыми мечтами, хотя я въ нихъ и не такъ вжилъ, какъ онъ. Недавно «Allgemeine Zeitung» à propos de bottes ⁴⁾ цитировала удивительное мѣсто изъ Гете объ Америкѣ (хотя оно и не вовсе къ ней идетъ):

Dich stört nicht im Innern,
Zu lebendiger Zeit,
Unnützes Erinnern
Und vergeblicher Streit ⁵⁾.

¹⁾ Александръ Казиміровичъ, предсѣдатель мануфактурнаго совѣта въ Москвѣ.

²⁾ Юрій Ѳедоровичъ.

³⁾ Juxtaposition—непосредственное соприкосновеніе.

⁴⁾ Ни къ селу, ни къ городу.

⁵⁾ Тебѣ, въ живое время не тревожатъ душу ни безполезныя воспоминанья, ни напрасныя споры.

Пора начать и человечеству забывать ненужное изъ былого, то есть помнить о немъ, какъ о быломъ, а не какъ о сущемъ.

Филаретъ поручилъ Голубинскому ¹⁾ опровергнуть Гегеля; Голубинскій отвѣчалъ, что ему не совладать съ берлинскимъ великаномъ и что онъ не можетъ его безусловно отвергнуть. Филаретъ требовалъ, чтобъ онъ, по крайней мѣрѣ, противъ тѣхъ сторонъ возсталъ, съ которыми не согласенъ. Но Голуб. опять отвѣчалъ тѣмъ: онъ такъ послѣдователенъ, что можно или все отвергать или все принимать. Итакъ, кротъ прокапываетъ и въ духовную академию. Строгановъ совсѣмъ растерялся: ему хочется и свободы преподаванія и чтобъ оно не выходило изъ границъ, имъ выдуманныхъ; онъ боится рѣзко принять ту или другую сторону и качается въ неприятномъ, ужасномъ положеніи. Имъ всѣмъ хотѣлось бы дать всѣ права наукѣ на условіи, чтобъ она не пользовалась ни однимъ; въ родѣ томъ, какъ Екатерина II сзывала депутатовъ или какъ испанскіе гранды снимали шляпу передъ коземъ, но онъ долженъ былъ всякій разъ остановить.

24.—Безпрерывные споры и разговоры съ славянами много способствовали съ прошлаго года къ уясненію вопроса, и добросовѣстность съ обѣихъ сторонъ сдѣлала большія уступки, образовавшія мнѣніе болѣе основательное, нежели чистая мечтательность славянъ и гордое презрѣніе ультра-оксидентныхъ ²⁾.

Gottes ist der Orient,
Gottes ist der Occident ³⁾.

Главная ошибка ихъ, что вѣря (и не безъ основанія) въ огромное будущее славянъ, какъ того племени, которое имѣетъ призваніе своею непосредственностью соотвѣтствовать высшему, логическо-историческому вопросу, выработанному Европой, они хотятъ и въ самомъ младенчествѣ его видѣть что-то высшее европейскаго развитія, какъ будто возможность будущаго значитъ превосходство и надъ дѣйствительностью, развитою и осуществившею свое призваніе. Впрочемъ, я собираюсь объ этомъ писать цѣлую статью. Движеніе умственное, безпокойное, ищущее разрѣшеній, говорящее въ Москвѣ, усиливается очевидно. Страшно думать, что когда эту дѣятельность хорошенько разглядятъ, развѣютъ опять по лицу Россіи всѣхъ порядочныхъ людей.

¹⁾ Федоръ Александровичъ, протоіерей, профессоръ философіи въ московской духовной академіи.

²⁾ Крайнихъ западниковъ.

³⁾ Богу принадлежитъ Востокъ, Богу принадлежитъ Западъ.

25.—Терроръ. Какая-то страшная туча собирается надъ головами людей, вышедшихъ изъ толпы. Страшно подумать: люди совершенно невинные, не имѣющіе ни практической прямой цѣли, не принадлежащіе ни къ какой ассоціаціи, могутъ быть уничтожены, раздавлены, казнены за какой-то образъ мыслей, котораго они не знаютъ, который имѣть или не имѣть—не состоитъ въ волѣ чело-вѣка и который остановить они не могутъ...

Противники мысли объ экспатріаціи совѣтуютъ ѣхать по добру да по здорову... Строгановъ, испуганный, преслѣдуетъ порядочныхъ профессоровъ требованіями иначе читать; они хотятъ бѣжать изъ Москвы, искать слушателей въ другихъ университетахъ. Что-то будетъ? Ударъ не минуетъ моей головы: меня знаютъ они давно. Впрочемъ, я на все готовъ. А, кажется, въ самомъ дѣлѣ лучше бы ѣхать, только не тогда, когда другіе ждутъ цѣпей—*félonie!* ¹⁾

Февраль.

1. Письмо отъ Кетчера.—Булгаринъ писалъ къ князю Волконскому ²⁾, что со времени его попечительства въ литературѣ показывается вредная тенденція, что «От. Зап.» подрываютъ правосл., самодерж. и народность, что должно назначить комиссію для разбора этого журнала, что онъ туда явится присяжнымъ доносителемъ, и грозитъ Волконскому, буде онъ не сдѣлаетъ никакихъ распоряженій, довести все это до свѣдѣнія Гос. черезъ прусскаго короля. Волконскій ничего не могъ сдѣлать противъ подлаго шпіона: цензуру стѣснили, тѣмъ пока и окончилось. ³⁾ Итакъ, всего аристократическаго положенія Волконскому недостаточно было, чтобъ подавить доносъ; это бросаетъ важный свѣтъ. Еще шагъ—и «От. Зап.» рухнули бы со всѣми участниками. Чѣмъ болѣе мерзости, тѣмъ ближе къ концу, но въ данномъ случаѣ близкаго конца нигдѣ не видать. За ихъ покой, за ихъ жизнь въ будущемъ вѣкѣ, за ихъ праздность въ настоящемъ нѣтъ полной симпатіи къ славянамъ.

1 января въ Парижѣ, гдѣ теперь Гречъ, были во всѣ дома, куда онъ ѣздитъ, разосланы визитныя карточки: «N. de Gretch, touchard de La Majesté russe» ³⁾. Говорятъ, въ «La Presse» статья русскаго; онъ пишетъ о положеніи нашемъ относительно шпіон-

¹⁾ Измѣна!

²⁾ Григорій Петровичъ, попечитель петербургскаго учеб. округа.

³⁾ «Н. Гречъ, шпикъ Его російскаго Величества».

ства, что не токмо въ Россіи, но въ Парижѣ русскій въ 1,000 разъ болѣе откровененъ съ французомъ, нежели съ соотечественникомъ, потому что изъ 800 рус. множество шпионовъ, сообщающихъ всякое слово, и малѣйшая неосторожность, то есть не рабская скрытность, можетъ навлечь страшныя и едва вообразимыя для чужихъ краевъ гоненія. Итакъ, мы являемся позорнѣе и позорнѣе передъ Европой; покровъ за покровомъ падаетъ, и вмѣсто сильнаго народа является колѣнопреклоненная толпа и - - - - -.

А славяноф. за надежды, за возможность смотреть съ пренебреженіемъ на европейцевъ, съ гордостью. Дѣтское заблужденіе. Въ этомъ, какъ и во многомъ, останутся рѣзкія преграды между нами.

3.—Чего и чего не случается въ жизни; за минуту нельзя предвидѣть, какая новая нелѣпость случайности хватитъ въ голову. Вчера мы преспокойно сидѣли, смѣялись. Вдругъ Саша зацѣпился за ножку трюмо и объ противоположную разсѣкъ глубоко себѣ лобъ, кровь полилась рѣкою. Что дѣлать? какія мѣры? какъ велико поврежденіе? цѣла ли кость? Къ тому же слабость Наташи, ея страшный испугъ. Положили компрессъ изъ холодной воды съ укусомъ; явная недостаточность этихъ средствъ, страхъ употребить другія. Я послалъ за Альфонскимъ и за Варвинскимъ ¹⁾. Онъ ушибся во второмъ часу, Альф. пріѣхалъ въ 8, склеилъ рану, и, кажется, все сойдетъ съ рукъ. Но что же это за страшное бытіе наше,—безпрестанно и съ физической, и съ нравственной стороны ждешь ударовъ или не ждешь, но поражаешься ими.

6.—Читаю письма Форстера ²⁾, знаменитаго майнцакаго депутата при конвентѣ 93 года. Удивительная натура: всесторонняя гуманность, пламенное желаніе практической дѣятельности, энергія его рѣзко отличаютъ отъ германцевъ того времени. Какъ въ его юношескихъ письмахъ все понятно и близко душѣ. Первый высокій человѣкъ, съ которымъ онъ встрѣтился, былъ Якоби ³⁾; до того молодой Форстеръ, чрезвычайно рано развитый, ѣздилъ кругъ свѣта, потомъ жилъ въ Лондонѣ между людьми, которые не могли сильно дѣйствовать на него. Истинно глубокой симпатіи не могло быть между Якоби и Форстеромъ,—но какъ юношески ринулся онъ къ нему, какъ любилъ его горячо, подчинялся ему, принималъ религіозныя фантазіи,—онъ, по преимуществу, реалистъ. Когда вспомню я, какъ, переламаывая тяжелую скуку, я заставлялъ себя читать пе-

¹⁾ Осипъ Васильевичъ, профессоръ москов. университета.

²⁾ Георгъ, нѣмецкій путешественникъ и политическій дѣятель.

³⁾ Фридрихъ-Генрихъ, нѣмецкій философъ.

реписку Гете съ Шиллеромъ, гдѣ иногда проблескиваютъ мысли геніальныя, затерянные въ филистерскія и гелертерскія подробности, съ поглощающимъ интересомъ этихъ писемъ, — становится странно. Жизнь полная выше геніальной односторонности.

Форстеръ никакъ не могъ сдружиться съ жалкой жизнью нѣмецкихъ ученыхъ, онъ истинную симпатію нашель въ одномъ Лихтенбергѣ ¹⁾. Они были прямые продолжатели Лессинга. Тяжело было имъ жить въ совершенно не сочувствующемъ обществѣ, но какая широкая, ученая дѣятельность, академическая, и съ какимъ уваженіемъ эта дѣятельность признана самимъ правительствомъ. Наше страшное состояніе имъ не было извѣстно; въ Европѣ всегда уважались лица, — у насъ именно лицо (какъ въ Азіи) и считается за ничтожность.

А гророс. Кіевскій генералъ-губернаторъ Бибииковъ ²⁾ донесъ на Рѣдкина ³⁾ «Юридич. Записки», что въ нихъ была помѣщена статья о Литовскомъ статутѣ апологическая въ то время, какъ онъ замѣняется русскимъ законодательствомъ. Статья эта напечатана года два. Министръ, Бенкендорфъ тотчасъ начали переписку, запросы, вопросы и, если-бъ не хотѣлъ того Строгановъ, дѣло кончилось бы хуже замѣчанія. Въ то же время и черезъ того же Бибиикова Маркевичъ ⁴⁾, сочинитель исторіи Малороссіи, и съ нимъ 40 человекъ малороссовъ подали доносъ на Сенковского, что онъ оскорбительно отзывался о Малороссіи въ «Библ. для Чтенія», что онъ называлъ ихъ бѣглыми холопами польскими, и для того, чтобъ доказать, что они не холопы, а свободные люди, они подаютъ доносъ баринову управляющему нѣмцу, прося защитити народность. Истинно, черезъ десять лѣтъ закروютъ III Отдѣл. собств. канцеляріи, потому что оно, а равно и шпіоны, будутъ не нужны: доносъ будетъ обыкновенное дѣло, знакъ преданности отечеству и государю, *acte de dévouement* ⁵⁾. Не правъ ли к. Козловскій ⁶⁾, говорившій Кюстину, что въ Россіи есть *des dilettanti de bassesse* ⁷⁾. Въ прежнее время они скрывались; теперь, ободренные правительствомъ, они, поднявши голову и вытянувши уши, ходятъ между нами и, добрые, щадятъ насъ еще, ибо въ ихъ рукахъ судьба насъ и нашихъ семействъ.

¹⁾ Георгъ-Кристофъ, нѣмецкій сатирикъ и физикъ; вмѣстѣ издавали журналъ.

²⁾ Дмитрій Гавриловичъ.

³⁾ Петръ Григорьевичъ.

⁴⁾ Николай Андреевичъ.

⁵⁾ Актъ преданности.

⁶⁾ Кн. Петръ Борисовичъ.

⁷⁾ Любители подлой низости.

9.—Продолжаю читать Форстера. Удивительно полная, реальная, ясно и глубоко видящая натура. Его переписка начинается собственно съ 1778 года; вскорѣ онъ знакомится съ Якоби и подчиняется его вліянію, но долго онъ не могъ живую душу свою пленять въ романтическую философію,—и съ 1783 года наступаетъ рѣшительная реакція и полное развитіе силъ и самосознанія, и тутъ Форстеръ появляется лицомъ великимъ, достигающимъ колоссальности въ 1791, 92, 93 годахъ. Эпоха его переворота, отъ религіозныхъ мечтаній къ трезвому сознанію, безконечно занимательна. Чѣмъ болѣе онъ отходитъ отъ мечтаній, тѣмъ ярче начинаетъ онъ понимать соціальное положеніе человѣка, тѣмъ глубже разумѣетъ жизнь и природу; ему нѣсколько тяжелъ сначала разлагающій скептицизмъ, но истина ему дороже всего, и онъ тотчасъ мирится съ потерей, тотчасъ видитъ пользу и благо истины, хоть она и не такъ пестра, какъ ложь. Конечно, по слову Пушкина,

Стократъ блаженъ, кто преданъ вѣрѣ,
Кто, хладный умъ угомонивъ,
Покоится въ сердечной нѣгѣ,
Какъ пьяный путникъ на ночлегѣ.

Но истинно благородная душа не можетъ довольствоваться благомъ, основаннымъ на опьяненіи, купленномъ цѣною свободы. Для суетной гордости, для поверхностнаго примиренія, разумѣется, религія выше науки, разума. Это Форстеръ прекрасно оцѣнилъ; она удовлетворяетъ страшно самолюбіе, сближая человѣка съ Богомъ такъ, что онъ садится торжественно въ центръ управленія міромъ и видитъ все сокровенное въ природѣ и видитъ все подъ ногами своими. Отдѣляясь отъ религіозныхъ бредней, съ другой стороны, всесторонне-гуманная натура Форстера не скрываетъ ни великаго развивательнаго свойства этихъ мечтаній, ни глубоко человѣческаго смысла вообще. Глядя въ Вѣнѣ на толпу мошельщиковъ, колѣнопреклоненныхъ на улицѣ передъ капуцинской церковью, въ которой продаютъ индульгенціи, Форстеръ видитъ не одно слѣпое и глупое, напротивъ: «*der Mensch ist ein weichherziges Thier, Ver-söhnung und Frieden sucht er so gern und ist so froh, wenn er sie erlangt zu haben glaubt!*»¹⁾. Отступая отъ искусственной экзальтаціи, обыкновенно сопутствующей аскетизмъ религіозный, Форстеръ начинаетъ тотчасъ давать мѣсто чувству и самой чувственности;

¹⁾ «Человѣкъ — животное мягкосердечное, примиренія и покоя онъ ищетъ охотно и такъ радъ, если ему кажется, что онъ ихъ достигъ».

слово «наслаждение» уже не равнозначительно для него со словом «порокъ», «паденіе» и пр. Напротивъ, логическая натура его указываетъ ему на другое, на признаніе страсти, на такой гармонической бытъ, въ которомъ и страсть будетъ имѣть мѣсто, но уже не разрушительное. Онъ пишетъ къ Зоммерингу ¹⁾: «ich bin sinnlicher wie du, und bin es mehr als jemals, seitdem ich der Schwärmerei auf immer Adieu gesagt habe, dass es Thorheit sei, um des ungewissen Zukünftigen willen das sichere Gegenwärtige zu verscherzen... ich werde nicht wieder glauben, dass wir der Süßigkeit angenehmer Empfindungen empfänglich gemacht worden sind, blos um den Schmerz zu fühlen, sie uns selbst versagt zu haben... Empfinden war immer meine erste Wollust, Wissen nur die Zweite, und wie viel Überwindung es mir gekostet hat in den Zeiten der traurigen Schwärmerei und Bigotterie mein Gefühl zu kreuzigen, ist mir selbst in der Erinnerung entsetzlich» ²⁾).

Поразительнѣе всего у Форстера необыкновенный тактъ пониманія жизни и дѣйствительности; онъ принадлежитъ къ тѣмъ рѣдкимъ практическимъ натурамъ, которыя равно далеки отъ идеализма, какъ отъ животности. Нѣжнѣйшія движенія души понятны ему, но всѣ они отражаются въ ясномъ, свѣтломъ взглядѣ. Этотъ ясный взглядъ и симпатія ко всему человѣческому, энергическому раскрыли ему тайну французской революціи среди ужасовъ 93 года, которыхъ онъ былъ очевидецъ.

12.—Лекціи Мицкевича au Collège de France, 1840—1842. Мицкевичъ—славянофилъ, въ родѣ Хомякова и С-піе, со всею той разницей, которую ему даетъ то, что онъ полякъ, а не москаль, что онъ живетъ въ Европѣ, а не въ Москвѣ, что онъ толкуетъ не объ одной Руси, но о чехахъ, иллирійцахъ и пр., и пр. Нѣтъ никакого сомнѣнія: въ славянизмѣ есть истинная и прекрасная сторона; эта прекрасная сторона вѣрованія въ будущее всего прекраснѣе у поляка,—у поляковъ, бѣжавшихъ отъ ужасовъ и казней и носящихъ съ собою свою родину. Но съ этимъ прекраснымъ характеромъ надежды у славянъ всегда является какое-то самодоволь-

¹⁾ Самуэль-Томасъ, профессоръ анатоміи.

²⁾ «Я чувственнѣе тебя, и сталъ еще имъ больше съ тѣхъ поръ, какъ навсегда распрошался съ мечтательностью, сказавъ, что глупо пренебрегать настоящимъ ради неизвѣстнаго будущаго... Я не повѣрю снова, что мы сотворены восприимчивыми къ сладости пріятныхъ ощущеній только для того, чтобы ощущать боль при отреченіи отъ нихъ... Чувствовать было для меня всегда первымъ наслажденіемъ, познавать—только вторымъ, и сколько силъ стоило мнѣ, чтобы во времена грустной мечтательности и лицемерія распинать свое чувство—объ этомъ мнѣ даже страшно вспомнить».

ство, jactance ¹⁾), которое тѣмъ страннѣе, чѣмъ очевиднѣе ужасъ современнаго положенія. Славяне вездѣ рабы, вездѣ холопы,—смирные, пассивные холопы. Демократическій элементъ, на который они опираются, утраченъ: крѣпостное состояніе—достаточное доказательство. И когда цвѣло это общинное устройство? Въ періодъ величайшей неразвитости. Бедуины—демократы, и патріархализмъ имѣетъ въ себѣ своего рода семейно-общинное начало. Конечно, славяне имѣли болѣе внѣшнихъ препятствій къ развитію, нежели романо-германскіе народы; одни физическія препятствія очень важны (которыми никакъ не должно пренебрегать, какъ это дѣлаютъ идеалисты): климатъ большею частію сырой и холодный, перемѣнчивый и суровый, плоскость, недостатокъ водяныхъ сообщеній и ужасныя разстоянія. Тутъ, впрочемъ, и могла развиваться *деревня*, но всякая централизація должна была встрѣтить большія препятствія; города не могли получить важнаго значенія, а деревни были въ послѣдствіи подавлены. Демократическій элементъ не могъ выработаться; лучшее доказательство—псевдоаристократія, крѣпостное состояніе и страшно нелѣпый фактъ, что лишеніе правъ большей части населенія шло, увеличиваясь отъ Бориса Годунова до нашего времени.

17.—Мицкевичъ говоритъ, что разгадка судебъ міра славянскаго лежитъ сокрытая въ будущемъ. Это говорятъ всѣ славяноф., но они не имѣютъ геройства послѣдовательности, они все же хотятъ отыскать отгадки въ прошедшемъ. Прошедшее христіанство принадлежитъ Европѣ романо-германской, католицизму, феодализму, и ихъ разложенію. Во всемъ этомъ славяне не участвовали. Разумѣется, и Византія, и Русь имѣли жизнь,—и жизнь, болѣе близкую къ Европѣ, нежели Китай etc.; но для нихъ ихъ исторія не была полнымъ осуществленіемъ всей скрытой въ нихъ мысли. Византія замирала въ чиновничьей, мертвой централизаціи, мудрствовала о догматахъ и развивала ихъ въ теологическія тонкости. Русь по какому-то глубокому провидѣнію взяла, сложившись, гербомъ византійскаго орла, двуглаваго, врозь смотрящаго. Истинно полнаго слитія государства съ народомъ никогда не было; народъ спокойно, покорно, но безучастно прозябалъ въ своихъ деревняхъ, будто ожидая чего-то. Великій смыслъ былой исторіи государства, это—тихое гигантское развитіе его, несмотря на всѣ препятствія. Еще менѣе вѣрно воззрѣніе, что Польша представила своимъ былымъ самую развитую фазу славянскаго міра. Конечно, самую развитую, но не славянскую: это было совершенно ложное направленіе для славянскаго народа и тѣмъ хуже, что оно глубоко проникло въ

1) Самохвальство.

вышіе классы. Мицкевичъ сравниваетъ поэмы и лѣтописи чеховъ, руссовъ, поляковъ и пр.; безучастіе и простота Нестора ему не понравилась, а между тѣмъ Галлусъ — сколокъ съ западныхъ лѣтописцевъ; духъ, вѣющій въ немъ, не чисто славянскій, какъ, напр., въ «Словѣ о полку Игоревѣ» или какъ въ сербскихъ отрывкахъ, имъ приведенныхъ. Сербы были всего менѣе подъ вліяніемъ Запада. Образецъ высшаго развитія славянской общины — черногорцы. Русское правительство сдѣлало въ 1834 опытъ развратить ихъ, надавало земли владыкѣ, посовѣтовало завести сенатъ, — все это не удалось: у нихъ полнѣйшая демократія, патріархально-дикая, но энергическая и сильная. Европа болѣе и болѣе обращаетъ вниманіе свое на этотъ нѣмой міръ, который называетъ себя словенами. Много, много удивительнаго въ этомъ мірѣ: напр., - - - при самомъ безтолковомъ, свирѣпомъ деспотизмѣ, при управленіи ненациональномъ, бездушномъ, инквизиціонномъ, съ каждымъ десятилѣтіемъ виденъ шагъ впередъ. Оппозиціозность растетъ, всѣ боятся, и всѣ говорятъ, — мы менѣе всѣхъ, потому что мы сознаемъ себя оппозиціей, — а другіе безсознательно; по счастью, они не умѣютъ слѣдить ни за литературой, ни за чѣмъ, — нѣтъ умно учрежденнаго шпіонства, — оно болѣе подло и оскорбительно устроено, нежели сообразно цѣли. Если бы теперь сколько-нибудь звѣрски терзали всякую свободную мысль, доходящую до нихъ, мы вдругъ шагнули бы ужасно. Но я полагаю, что для настоящаго поколѣнія только и будутъ однѣ слезы и плахи; теперь всего боящееся правит. вмѣстѣ съ увеличеніемъ трусости увеличитъ страшныя мѣры: при-мѣрь передъ глазами — Польша.

Запрещено въ московскихъ газетахъ печатать отрывки изъ отчета полицмейстера о Петербургѣ, — *c'est significatif*. ¹⁾; они боятся гласности, говорящихъ фактовъ объ безобразіи этого города, гдѣ все искусственно, гдѣ на 4 мужчины падаетъ одна женщина, гдѣ число солдатъ страшно, гдѣ сотни умираютъ отъ венерической болѣзни и пр. Итакъ, они стыдятся его закулисной жизни. Вавилонъ — можетъ, необходимый нѣкогда, полезный даже теперь, но у котораго нѣтъ никакой будущности.

21. — По поводу книги Штура ²⁾, «*Untergang der Naturstaaten*», пришло опять въ голову о славянахъ и германцахъ или, лучше, — европейцахъ. Азія не умѣла выйти въ сознательно дѣятельную жизнь изъ непосредственной, оттого ея государства или дробились внѣшнюю силою, или замирали въ формализмъ, въ стоячести внѣ-

¹⁾ Это знаменательно.

²⁾ Петръ, нѣмецкій историкъ.

исторической жизни. Греція и Римъ уже имѣли потребность отрѣшиться отъ естественныхъ опредѣленій, но не могли вынести въ своей односторонности такого отрѣшенія. Противоборствующій плебей былъ олицетвореніемъ отрицанія патриціанскаго, гречески-аристократическаго государства, тяготѣвшаго во имя преданія. Римъ и Греція пали сами отъ себя, и въ этой борьбѣ естественнаго, непосредственнаго порядка съ демократіей, религіи съ философіей, развились и ихъ смертныя болѣзни и ихъ высокое человѣческое значеніе для всемірной исторіи. Германецъ съ перваго появленія является съ характеромъ, несравненно болѣе освобожденнымъ отъ всего непосредственнаго, отъ почвы, отъ поколѣнія, даже отъ семьи: личность—вотъ идея, которую онъ вноситъ въ міръ, и, исчерпавъ все необъятное содержаніе своей мысли, онъ, будто, оканчивая свое призваніе, какъ завѣщаніе будущему, оставляетъ *Déclaration des droits de l'homme*¹⁾. Но имѣли ли мы право сказать, что грядущая эпоха, которая на знамени своемъ поставитъ не личность, а общину, не свободу, а братство, не абстрактное равенство, а органическое распредѣленіе труда,—не принадлежитъ Европѣ? Въ этомъ весь вопросъ. Славяне ли, оплодотворясь Европой, одѣйствотворятъ идеаль ея и приобщатъ къ своей жизни дряхлую Европу, или она насъ приобщитъ къ поюнѣвшей жизни своей? Славянофилы разрѣшаютъ этого рода вопросы скоро, какъ будто дѣло, давно рѣшенное. Есть указанія, но далеко нѣтъ полнаго рѣшенія. Въ германцахъ съ перваго шага ясна идея, которую они внесутъ въ міръ. Я недавно читалъ Тацита о герм. нр.: они, говоритъ онъ, любятъ жить по-одиночкѣ, разсѣиваться на большомъ пространствѣ, но любятъ хлѣбопашество и пр. Законъ ихъ предоставляетъ мести вступаться за обиды, связь ихъ между собой свободна, дружба къ герцогу, вѣрность, преданность свободная, высокое понятіе о чести, особаго рода уваженіе къ женщинѣ, къ цѣломудрію,—все вмѣстѣ говоритъ и предсказываетъ монадную жизнь феодализма и развитіе личности. Католицизмъ является великою мощью освобожденія отъ національныхъ непосредственностей и единою связью разноплеменныхъ. Путь развитія слав. м. совсѣмъ не такъ ясенъ. Они говорятъ, что всякая односторонность ярче бросается въ глаза и легче удоболовима, но гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, въ исторіи славянъ всесторонность? Она лежитъ только въ инстинктѣ и нигдѣ не проявлялась до нашего періода, который ими именно и отвергается. Они говорятъ, что судорожное движеніе болѣзни замѣтнѣе органически нормальнаго развитія, но это фразы, не имѣющія смысла,

¹⁾ Декларация правъ чловѣка.

ибо органическое развитие всемирной истории, совершившееся внѣ славянскаго міра, очевидно такъ же, какъ каменная жизнь славянъ, ограничившаяся до Петра гигантской кристаллизацией. Славянскій міръ, котораго мощный и полнѣйшій представитель—Русь, изъ чисто непосредственной жизни въ кievскій періодъ переходитъ въ сознательно государственный періодъ съ перенесеніемъ столицы въ Москву; но силъ его хватило только на ростъ. Выросши, Русь начинала входить, несмотря на юность, въ маразмъ, и ее ждали или разложение, или искупленіе извнѣ. Это искупленіе принесъ съ собою съ Запада Петръ I и сунулъ его жесткой рукой бунтовщика, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ царемъ. Народъ, собственно, мало участвовалъ во всей исторіи; онъ пробуждался иногда, являлся съ энергіей, какъ въ 1612, такъ и 1812; никогда не показывалъ ни малѣйшаго построющаго, зиждущаго начала и удалялся пахать землю. Эта даль и безучастіе народа есть, можетъ, великое пророчество, но его прежде надобно признать, какъ фактъ,—этого славянофилы не хотятъ. Съ другой стороны не надобно никакъ забывать, что какое бы двойство между народомъ и правительствомъ ни было, однако, правительство принадлежитъ къ народу, а до Петра оно вмѣстѣ съ церковью было совершенно русское; между тѣмъ, чуждое всякаго развитія и прогресса, оно дошло до того, что первый гениальный царь, попавшійся на престолъ, отбросилъ ржавые рычаги патріархально-помѣщичьяго управленія огромной страной и, желая привить ей европеизмъ, началъ съ учрежденія страшнаго, высшаго деспотизма и инквизиціонно-канцелярскаго управленія. Эта расторженность спасла Россію; ей мы обязаны тѣмъ развитіемъ, которое теперь по частнымъ случаямъ даетъ намъ право дѣлать высокія заключенія о будущемъ призваніи. Въ сторону всѣ предрасудки, съ которыми по преданію смотрятъ самые философы; напр., ставятъ въ первое достоинство воинственность народа, богатство городовъ и пр., въ то же время, какъ проповѣдуютъ уничтоженіе войны и неестественность большихъ городовъ; количество земли занимаемой ставится до сихъ поръ въ достоинство, расширеніе границъ принимаютъ за успѣшное развитіе etc. Я не этихъ условій ищу у былой жизни славянъ (хотя надобно сознаться, что завоеванія, богатство и проч. свидѣтельствуютъ въ пользу энергіи и богатства не пришедшей въ ясность мысли), а ищу того сочлененія, того намека на будущее, какъ у древняго германца временъ Тацита; намеки эти едва видны въ бытѣ, въ направленіи хлѣбопашескомъ, въ деревняхъ и равнодушной негачи всего прочаго. Исторія же скучна, бѣдна; она не вовлекала всѣхъ силъ народа въ свою ткань, она оставляла его почвой и не болѣе.

24.—Мицкевичъ приводитъ, между прочими черногорскими пѣснями и легендами ихъ и сербовъ, одну прекрасную и исполненную граціи. Три брата строили крѣпость, но она все не строилась; наконецъ, какое-то видѣніе сказало имъ, что надобно закласть въ стѣну первую особу, которая на другой день принесетъ имъ завтракъ. Они согласились и дали другъ другу слово молчать. Но старшіе братья предупредили своихъ женъ. Меньшой смолчалъ. На другой день жена его кормила грудью ребенка, и мать ея предложила ей итти за нее нести завтракъ, но она остановила старуху, дала ей нянчить младенца и пошла. Мужъ обнялъ ее съ горькими слезами и отдалъ каменщикамъ; начали закладывать бѣдную женщину; она сначала думала, что съ нею шутятъ, потомъ испуганная начала молить, просить,—всѣ отъ нея бѣгали; тогда она стала молить каменщиковъ оставить два окошечка: одно для груди, чтобы покормить своего милаго ребенка, другое для глазъ, чтобы взглянуть на него. Такъ жила она годъ, потомъ окаменѣла, и остались окошечки, и изъ обоихъ льются два вѣчныхъ ручья: одинъ изъ ея груди, другой ручей слезъ—изъ глазъ. Чрезвычайно поэтической образъ. Поэма о свадьбѣ Зерноевича съ дочерью венеціанскаго дожа, вѣроятно, славяноф. не понравится: она вся сплетена изъ обмановъ, лжей, коварныхъ убійствъ и, наконецъ, ренегатства. Максимъ дѣлается Скандербегомъ ¹⁾). Замѣчательно удивленіе славянъ, когда венеціанка заговорила о своихъ правахъ; они не привыкли, чтобы жены ихъ говорили противъ воли мужей. Сравнить съ этой поэмой, напр., лангобардскіе рассказы Павла-діакона, въ которыхъ видна вся сентиментальность, чистота нравовъ и уваженіе къ женщинѣ германцевъ. И притомъ надобно вспомнить, что Павелъ жилъ въ VIII вѣкѣ, а славянская поэма писана не ранѣе XV.

Мартъ.

5.—Чаадаевъ превосходно замѣтилъ однажды, что одинъ изъ величайшихъ характеровъ христіанскаго воззрѣнія есть поднятіе надежды въ добродѣтель и постановленіе ея съ вѣрою и любовью. Я съ нимъ совершенно согласенъ. Эту сторону упованія въ горести, твердой надежды въ повидимому безвыходномъ положеніи должны по преимуществу осуществить мы. Вѣра въ будущее своего народа есть одно изъ условій одѣйствованія будущаго. Былое сердцу на-

¹⁾ Албанскій герой, отнявшій отечество отъ турокъ.

шему говорить, что оно не напрасно; оно это доказываетъ тѣмъ глубоко-трагическимъ характеромъ, которымъ дышитъ каждая страница нашей исторіи. Польша имѣла свои свѣтлые годы при Ягеллонахъ, свою блестящую жизнь при Сигизмундѣ-Августѣ, свои упоенія славой при Стефанѣ Баторіи, при Янѣ Собѣсскомъ. Она жила, жила аристократіей, какъ и вся Европа тогдашняя. Русь въ это время переходила отъ скорби къ скорби, и первые самобытные, государственные шаги ея дѣлаетъ царь Іоаннъ В. Грозный,—самое трагическое лицо въ исторіи человѣчества: великій умъ, сердце гieny и иронія, почерпнутая изъ глубокаго презрѣнія людей и своего народа, развитая византійско-схоластической софистикой. И отъ него Русь унаслѣдовалась Петру. И съ положеніемъ перваго камня на Балтійскомъ берегу начался новый актъ трагедіи; его характеръ—открытое расторженіе народа на двѣ части: одну—нѣмую, другую—постороннюю народу, безхарактерную. Безхарактерность вышихъ классовъ у насъ до того велика, что они, какъ дворяне, принимаютъ весь характеръ царствующаго лица. Патологія и характеристика Екатерины, Павла и Александра—единственный ключъ къ пониманію русской исторіи новаго времени.

6.—Гречева защита государя противъ Кюстина—фактъ поразительный; она обвиняетъ правительство гораздо хуже К. тономъ апологіи и тѣмъ, что она хвалитъ. Явная ложь, наглыя, презрительныя ссылки на дѣла, всѣмъ извѣстныя и представленныя совѣмъ иначе; рабскій, холопскій взглядъ и дерзкая фамиллярность, для того выставленная, чтобъ показать нашу удивительную патріархальность относительно государя. Онъ его трактуетъ *comme un des ses amis* ¹⁾. Есть страницы, поражающія цинизмомъ раба, потерявшаго всякое уваженіе къ человѣческому достоинству. Онъ полагаетъ, напримѣръ, что человѣкъ, не находящій правительство сообразнымъ съ своими понятіями о правѣ и недовольный имъ, *долженъ* ежеминутно трепетать, ибо онъ знаетъ, что достоинъ Сибири. Нигдѣ не защищаетъ онъ Россіи, онъ говоритъ только о лицѣ государя, оправдываетъ его и, говоря о секретныхъ дѣлахъ, всякій разъ увѣряетъ, что онъ знаетъ ихъ изъ достовѣрнаго источника. Такъ какъ Гречъ—органъ правительства, то по его брошюрѣ разомъ измѣряется все разстояніе между народомъ и Петербургомъ. Если-бъ была симпатія,—этимъ ли путемъ, этими ли устами защищалось бы правительство? Гречъ предалъ на позоръ дѣло, за которое поднялъ подлую рѣчь. Лабенскій ²⁾ показалъ болѣе такта,—онъ не смѣлъ

¹⁾ Какъ одного изъ своихъ друзей.

²⁾ F. X. Labensky—«Un mot sur l'ouvrage de M. de Custine, intitulé: La Russie en 1839». Par un Russe. Paris, 1843, 8°.

съ презрѣніемъ говорить о Трубецкой ¹⁾ и проч.; что цензура учреждена не для правительства, а для народа; что благороднѣйшая часть народонаселенія фурнируетъ полицейскихъ чиновниковъ; что въ Петерб. можно такъ же свободно говорить, какъ въ Лондонѣ и Парижѣ. Наконецъ, отрицая факты всѣмъ извѣстные, Гречь усугубляетъ вдвое силу діатрибы. Напр., онъ говоритъ, что это ложь, что государь значительную часть времени проводитъ на разводахъ, парадахъ и поѣздкахъ, а не въ кабинетѣ; что насильственное и тяжелое производство работъ въ Зим. дворцѣ и пр. Такое оправданіе — кара: кара за неуваженіе къ національному перу, кара за боязнь замѣшать мысль въ оправданіе, кара за свою разобщенность. Вглядываясь въ общій духъ воззрѣнія грече-правительственного, хочется произнести анаѹему на всѣ эти громкія уллучшенія, о которыхъ толкуютъ съ Петра Великаго и которыя вносятся на концѣ штыка или привязаны къ кнуту. Не надобно благодѣяній, когда они даются съ презрѣніемъ и съ цѣлью задуть ими облагодѣтельствованныхъ. ⁴

7.—Умеръ Юшневскій ²⁾, одинъ изъ главныхъ членовъ южнаго общества, нѣкогда генераль-интендантъ II арміи, отправленный въ 26 году въ каторжную работу. Онъ умеръ на поселеніи. Другъ его, съ которымъ онъ вмѣстѣ жилъ, Вадковскій ³⁾ умеръ за три дня; Юшневскій несъ гробъ его, и въ церкви, когда священникъ сталъ читать Евангеліе, колѣна его погнулись, голова опустилась, — подошли къ нему и нашли одинъ трупъ. Тутъ все колоссально и страшно: и 19 прошедшихъ лѣтъ, и безвыходность, и смерть этихъ лицъ, — послѣднее торжество, которое они могутъ дать власти. Быстро идутъ они въ могилу, и ни одинъ радостный лучъ не посвѣтитъ имъ при переходѣ на тотъ свѣтъ... *Væ victis!* ⁴⁾

Грановскій заключилъ послѣднюю лекцію превосходными словами; рассказавъ, какъ французскій король губилъ Тамплиеровъ, онъ прибавилъ: «Необходимость гибели ихъ, ихъ виновность даже ясны, но средства употребленныя гнусны; такъ и въ новѣйшей исторіи мы часто видимъ необходимость побѣды, но не можемъ отказать ни въ симпатіи къ побѣжденнымъ, ни въ презрѣніи къ побѣдителю». И неужели эта аудиторія, принимающая его слова, особенно такія слова, съ ужаснѣйшими рукоплесканіями, забудетъ ихъ? Забыть она ихъ, впрочемъ, имѣетъ право, но неужели они

¹⁾ Жена декабриста, кн. Сергѣя Петровича; Кюстинъ рассказалъ, какъ Николай I отвергъ ея просьбу воспитывать дѣтей внѣ Сибири.

²⁾ Алексѣй Петровичъ; † 10 января 1844 г.

³⁾ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

⁴⁾ Горе побѣжденнымъ!

пройдутъ безслѣдно, не возбудивъ ни одной мысли, ни одного вопроса, ни одного сомнѣнія? Кто на это отвѣтитъ? Страшно сказать «нѣтъ» и «да» страшно сказать.

10.—Перечиталь рѣчь объ Уложеніи, Морошкина ¹⁾. Изъ всего, что я читаль, писаннаго славяноф., это, безъ сомнѣнія,— и лучшее и талантливѣйшее сочиненіе. Онъ глубоко понялъ русскую юридическую жизнь. Уложеніе представляло возможность органическаго развитія, а не петровскаго столпотворенія, помутившаго новыми началами старыя, старыми — новыя. Время приведетъ все въ порядокъ, но въ петровскій періодъ внесена бездна зла: аристократія, инквизиціонный процессъ, военный деспотизмъ, раздѣленіе сословій, произвольныя нововведенія, составлявшія иллогизмъ. Они имѣли поползновеніе внести аристократическій элементъ въ духовенство, они убили остатки славянскаго судопроизводства и сельское маклерство. Но что было дѣлать для вывода Россіи изъ коснаго положенія кошихинскихъ временъ? Намъ хорошо теперь заднимъ умомъ разсуждать. Удивительная задача въ исторіи — развитіе Россіи.

14.—Петровскій періодъ важенъ именно, какъ разрывъ, какъ критика и отрицаніе. Русь не выступала изъ узъ семейно-патріархальныхъ. Ц. Алексѣй Михайловичъ былъ помѣщикъ. Петръ разрушилъ въ правительствѣ единство съ народомъ; онъ отвлеченныя понятія поставилъ вмѣсто косныхъ, непосредственныхъ понятій. Онъ вызвалъ полярность, противопоставилъ одинъ элементъ другимъ; родные братья, вовлеченные въ борьбу, не узнавали другъ друга, и тутъ ихъ вина болѣе, нежели переворота; они безсознательно были братья, и потому инстинктъ не устоялъ противъ революціи. Правительство заняло относительно народа совсѣмъ другое мѣсто: оно не его мысль выражало, а мысль европеизма и отвлеченной централизаціи; оно сочло себя за одно желаніе образованія образованнымъ и смотрѣло на народъ, какъ на стадо. Реформа мало касалась народа, реформированною толпою сдѣлалось дворянство,—его обрили, дали право не быть сѣченнымъ и проч. Теперь реформа приближается къ деревнѣ. Все вмѣстѣ дало тѣ начатки движенія и жизни, которые мы видимъ своими глазами.

Перелистываль Балланша «Paling. soc.» ²⁾; умъ, слоя морошкинскаго, пластическій, чувственно логическій и неспособный къ діалектикѣ, но множество *предчувствій* истинныхъ, симпатій и придыханій къ будущему. Его появленіе, вскорѣ послѣ начала реста-

¹⁾ Федоръ Лукичъ; «Рѣчь объ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича и о послѣдующемъ его развитіи», на актѣ университета въ 1839 г.

²⁾ Пьеръ-Симонъ, «Essai de palingénésie sociale» — «Опытъ общественной эволюціи» (возрожденія).

вращіи, должно было сдѣлать большое вліяніе: онъ гораздо далѣе смотрѣлъ, нежели Шатобрианъ или Мэстръ ¹⁾). Его языкъ теменъ, фантазія мѣшаетъ и помогаетъ ему, онъ объясняется мѣтами и, кажется, самъ чувствуетъ недостатокъ ясности; этотъ недостатокъ онъ думаетъ вознаградить повтореніями и многословностью. Но имя его не должно забывать ни въ развитіи философіи исторіи, ни въ исторіи социализма.

17. — Дочиталъ Мицкевича лекціи. Много прекраснаго, много пророческаго, но онъ далекъ отъ отгадки; напротивъ, грустно видѣть, на чемъ онъ основываетъ надежду Польши и славянскаго міра. Въ его надеждѣ, если ее принять за надежду всѣхъ поляковъ, полный приговоръ Польшѣ. Нѣтъ, не католицизмъ спасетъ славянской міръ и воззоветъ его къ жизни, и (истина заставляетъ признаться) не поляки поймутъ будущность. М. самъ цитировалъ стихи своего соотечественника, который говоритъ: «Геній въ тысячи голосахъ его окружающихъ умѣетъ понять истинный, вслушаться въ него и потомъ смѣло броситься въ колесницу и летѣть на совершеніе». Мицкевичъ не узналъ этого голоса. Онъ далекъ отъ ненависти къ Россіи, напротивъ, онъ хвалитъ ее, но не понимаетъ, до того не понимаетъ, что иной разъ лучшія ея стороны его приводятъ въ отчаяніе; такъ, въ Петрѣ онъ понялъ одну отрицательную сторону, равно и въ Пушкинѣ, а онъ былъ друженъ съ нимъ; и какъ же его душѣ поэта было не понять Пушкина! Литературное движеніе послѣ Пушкина вовсе не существуетъ для него. Во всемъ вѣетъ трагическій духъ графа въ *Comédie infernale* ²⁾; но Польша будетъ спасена помимо мессіанизма и папизма.

19. — Превосходные рассказы Мих. Сем. ³⁾ о своихъ былыхъ годахъ и, между прочимъ, о мелкомъ чиновничествѣ, «о протоколистѣ Котельниковѣ», имя котораго не должно изгладиться изъ исторіи бюрократіи. Во всѣхъ этихъ рассказахъ пробивается какая-то *sui generis* струя демократіи и ироніи. Люди эти, ненавидимые народомъ и презираемые властью, съ злою улыбкой смотрятъ внизъ и вверхъ и побѣждаютъ умомъ, безнравственной казуистикой, которая съ тѣмъ вмѣстѣ свидѣтельствуетъ о чрезвычайномъ развитіи юридической способности. Мелкіе чиновники — не худшее сословіе въ Россіи; пора перестать исключительную стрѣльбу по маленькимъ взяточникамъ, довольно ругали титулярныхъ совѣт. и канцелярскихъ, пора иронію возвести въ чинъ; правда, развратъ ихъ и ци-

¹⁾ Графъ Ксавье де Мэстръ, франц. писатель.

²⁾ «Адская комедія».

³⁾ Щепкинъ.

низмъ глубоки, но сквозь гнусныя испаренія мнѣ виднѣется важный элементъ—религіозно-гражданское чувство консервативное; преданности у нихъ нѣтъ. Котельниковъ говорилъ, что «онъ ѣздилъ на 11 исправникахъ, — вѣдь, всякіе бывають, къ иному подойти страшно: точно бѣшенный жеребецъ, и фыркаеть, и бьетъ,—а смотришь, въ ѣздѣ куда хорошъ». И посмотришь на этого сальнаго протоколиста, который кланяется въ ноги исправнику, стоитъ дрожа передъ губернаторомъ,—вѣдь, это одна комедія: онъ равно смѣется въ душѣ надъ исправникомъ, какъ надъ губернаторомъ, онъ обманываетъ ихъ подлостью, и они не имѣють средствъ миновать; онъ понимаетъ свое превосходство надъ ними, свою необходимость; вѣдь, для практическаго и истиннаго исполненія ни одинъ законъ, ни одно распоряженіе не минуетъ мелкаго чиновника, и онъ-то и обрѣжетъ крылья министерской фантазіи.

У насъ понятіе о винѣ и правотѣ подсудимаго для судьи лишнее: онъ знаетъ, что подсуд. подошелъ подъ такую-то статью, и судья всегда жалѣеть о *неосторожности* и готовъ указать возможность миновать статью.

24.—Gfrörer ¹⁾, «Geschichte der geistlichen Kirche», 1 th. Поразительное сходство современнаго состоянія человѣчества съ предшествовавшими Христу годами придаетъ удвоенную важность исторіи развитія церкви и времени, предварившаго евангельское ученіе. Съ одной стороны, древній міръ былъ весь собранъ въ одинъ узелъ, въ одинъ царящій органъ; съ другой—въ самомъ этомъ средоточіи обличилась ярко необходимость возрожденія. Между тѣмъ, вдали отъ центра разрабатывались, бродили не устроенныя и приходили въ органической порядокъ смутныя идеи новаго порядка дѣлъ, міра возникающаго. Окаменѣлое ученіе саддукеевъ, нѣсколько принявшее въ себя чуждыхъ началъ ученія фарисеевъ, дряхлѣеть. Терапевты и ессениане выступаютъ изъ іудаическаго міра въ иной, въ которомъ неоплатонизмъ, александрійская мистика даютъ совершенно новое направленіе. Главнѣйшія истины христіанской теодицеи и нравственность проявляются отрывочно въ новыхъ ученіяхъ. Ессениане учреждаются точно такъ, какъ послѣ апостолы, по свидѣтельству св. Луки. Іосифъ говоритъ, что «у нихъ каждый вступавшій въ орденъ приносилъ свое имущество, которымъ распоряжалось общество; бѣдныхъ не было такъ, какъ и богатыхъ, собственность была слитная, братству принадлежащая». Чистота нравовъ, доведенная до монашескаго аскетизма и плотеумерщвленія,

¹⁾ Августъ-Фридрихъ Гфререръ, нѣмецкій историкъ рѣзко католическаго направленія.

свидѣтельствуется ясно, что они такъ же, какъ Хр., принимаютъ плоть за зло и умерщвлять ее считаютъ святѣйшимъ дѣломъ. Они отрекаются отъ кровавыхъ жертвъ. Наконецъ, у нихъ, какъ у мистическихъ неоплатониковъ, слагается ученіе о единичной тройственности Бога; отъ основной нравственности берутъ смиреніе, вѣру и любовь,—все вѣдетъ Евангеліемъ, и во всемъ чего-то недостаетъ,—того властнаго слова, той конкреціи, той молніи, которая единымъ ученіемъ, полнымъ и соотвѣтственнымъ, выразить, осуществить бродящія и не сочлененныя части, предсуществующія ему.

Неопредѣленное чувство этой неполноты выражается упованіемъ Мессіи. Въ наше время социализмъ и коммунизмъ находятся совершенно въ томъ же положеніи; они — предтечи новаго міра общественнаго, въ нихъ разсѣянно существуютъ *membra disjecta* ¹⁾ будущей великой формулы, но ни въ одномъ опытѣ нѣтъ полного лозунга. Безъ всякаго сомнѣнія, у сенъ-симонистовъ и у фурьеристовъ высказаны величайшія пророчества будущаго, но *чего-то* не достаетъ. У Фурье убійственная прозаичность, жалкія мелочи и подробности, поставленныя на колоссальномъ основаніи; счастье, что ученики его задвинули его сочиненія своими. У сенъ-симонистовъ ученики погубили учителя. Народы будутъ холодны, пока проповѣдь пойдетъ этимъ путемъ; но ученія эти велики тѣмъ, что они возбуждаютъ, наконецъ, истинно-народное слово, какъ Евангеліе. Доселѣ съ народомъ можно говорить только черезъ свящ. писаніе и, надобно замѣтить, социальная сторона хр. всего менѣе развита; Евангеліе должно взойти въ жизнь, оно должно дать ту индивидуальность, которая готова на братство. Коммунизмъ, конечно, ближе къ массамъ, но доселѣ онъ является болѣе, какъ негачія, какъ та громовая туча, которая чревата молніями, разобьющими существующій нелѣпый общественный бытъ, и, если люди не покаются, видя предъ собою судъ божій. «Искупленіе, примиреніе, *παλιγγενεσία* и *ἀποκατάστασις πάντων*» ²⁾—слова, произносимыя тогда и теперь. Обновленіе неминуемо. Принесется ли оно вдохновенной личностью одного, или вдохновеніемъ цѣлыхъ ассоціаций пропагандистовъ, — собственно, все равно; разумѣется и то, что пути эти вовсе не противоположны. Христіанство не заключается въ Христѣ, а въ Христѣ и апостолахъ, въ апостолахъ и ихъ ученикахъ: въ живой средѣ ихъ оно развивалось и становилось тѣмъ, чѣмъ человечеству надо было.

¹⁾ Разъединенные члены.

²⁾ Возрожденіе и приведеніе всего въ первоначальное состояніе.

27. — Жизнь человѣка — непрерывная, злая борьба; лишь только, съ одной стороны, побѣждены препятствія, улаженъ миръ, — съ другой, возстаютъ изъ-подъ земли, падаютъ съ неба враги, нарушающіе спокойное пользованіе жизнью, гармонію и развитіе. Настоящимъ надобно чрезвычайно дорожить, а мы съ нимъ поступаемъ неглижé и жертвуемъ его мечтамъ о будущемъ, которое никогда не устроится по нашимъ мыслямъ, а какъ придется, давая сверхъ ожиданія и попирая ногами справедливѣйшія надежды. Только, было, наша внутренняя жизнь пошла поспокойнѣе, страшная болѣзнь малютки повергла опять въ судорожное состояніе людей, ожидающихъ сентенцію капризнаго царя... Снова слезы, разрушеніе едва возстановленныхъ силъ ея и темная ночь. Безпрерывный стонъ младенца имѣетъ въ себѣ что-то уничтожающее для всякаго уха (человѣческаго). А для матери? И это безпрестанное присутствіе съ невозможностью помощи, съ ненужностью пособій. Кто главный виновникъ этихъ страданій, неразрывныхъ съ семейнымъ бытомъ? Устройство ли семейства? или при всякомъ сожитіи людей не отстранятся эти удары? Отвернуться отъ нихъ можно. Избытокъ эгоизма и сосредоточенности на себѣ или совершенная преданность всеобщимъ интересамъ облегчаетъ крестъ частной жизни. Но для всѣхъ ли? Фурье разрубилъ вопросъ, но не развязалъ узла кровныхъ сношеній; Фурье не понялъ женщины, не понялъ любви: ему безпрестанно мерещились развратные браки, негодныя женщины, скверные отцы и ложная наружность, которой все это прикрыто лицемѣрной вѣнностью, и кто не согласится, что легальное, юридическое опредѣленіе брака, родства etc., сходное съ католическимъ и феодалнымъ воззрѣніемъ, несостоятельно? Но внутреннее вѣнчаніе любовью, истинныя отношенія мужчины къ женщинѣ, обоихъ — къ дѣтямъ не улаживаются такъ легко словомъ: общественное воспитаніе. Напротивъ, при совершенной свободѣ отношеній вся отвѣтственность падетъ на самого человѣка. Брака не будетъ, любовь останется; наслѣдства не будетъ, дѣти будутъ. Отстранить мать отъ воспитанія дѣтей можно только тогда, когда она хочетъ этого. Но та мать, которая этого хочетъ, и въ теперешнемъ устройствѣ не много страдаетъ отъ дѣтей, — рѣчь не о ней, рѣчь о матери любящей. Силой отнять дѣтей — варварство и противорѣчіе съ системой, дающей всякой страсти развитіе. И жизнь снова утянута въ жизнь дѣтей, истощена ими, и она, исходя любовью, исходитъ силами. Но такое несчастное положеніе не лучше ли довольства? Но среди этихъ бореній не являются ли минуты, о свѣтѣ которыхъ другіе и понятія имѣть не могутъ?

28. — Конечно, любящая мать будетъ страдать отъ случайностей, которымъ подвержено существованіе дѣтей. Но въ общинной жизни, развитой на широкихъ основаніяхъ, женщина будетъ болѣе причастна общимъ интересамъ; ее нравственно укрѣпитъ воспитаніе, она не будетъ такъ односторонне прикрѣплена къ семейству, и тогда удары будутъ выносимѣе. Въ прошломъ бытѣ также было утѣшеніе въ отрываніи себя отъ частнаго возношеніемъ къ Богу, въ молитвѣ.

Личность Иисуса, лишенная своей сверхъестественной стороны, выступаетъ у Гфрѣрера недосыгаемо прекрасна: великое помазаніе всемірнаго призванія, самоотверженіе, безконечная любовь, наконецъ, самопожертвованіе для запечатлѣнія истины, для торжества идеи. Г. очень хорошо разсматриваетъ отношеніе Иисуса къ Іоанну, къ положительной религіи и къ положительному праву. Враждебныя начала христіанству должны были привиться съ перваго шага апостольской пропаганды; конечно, Христосъ не хотѣлъ церкви съ окаменѣлыми институтами, цѣликомъ взятыми отъ левитъ, но какъ безъ наружной церкви могла возрасти внутренняя идея? Первая христіанская община была ессейско-іудаическая; она не оторвалась отъ преданія и отъ нравовъ израильскихъ, она дѣлила съ фарисеями вѣру второго—для нея, перваго для нихъ—пришествія. Она мало сообщалась съ язычниками. Апостолъ Павелъ словомъ и разореніе Іерусалима событіемъ—оторвали христіанъ отъ іудаизма. Іерусалимъ не могъ уже быть средоточіемъ новой религіи, и ученіе Христа приняло свой вселенскій характеръ; запутанное въ іудейскія формы, оно не могло бы быстро перейти въ другіе народы.

30.—Никто ранѣе 25 лѣтъ не можетъ ѣхать за границу, пошлины 700 рублей въ годъ, паспорта выдаются только въ Петерб., жена безъ мужа не можетъ ѣхать. Я желаю прочесть этотъ указъ печатный, чтобы имѣть матеріальное доказательство такого беззаконія и безобразія, совершающагося около половины XIX вѣка. Всѣ эти оскорбительныя, исполненныя презрѣнія всѣхъ правъ, мѣры возрастаютъ — времена Бирона и безумныхъ мѣръ - - - - - воочію совершаются и, вѣроятно, долго продолжатся. Какія плечи надобно имѣть, чтобы не сломаться.⁵

Апрѣль мѣсяць.

3. — Пасторъ Reuter въ Гессенъ-Дармштадтѣ былъ взятъ подъ стражу за политическія мнѣнія и при допросѣ пытаемъ ужасными средствами: ему набивали кольцо цѣпи на кость руки, сѣкли его

etc. Приведенный въ отчаяніе и бѣшенство, старикъ хотѣлъ перерѣзать себѣ горло стекломъ и, какъ разумѣется, не могъ; однако, его нашли мертвымъ. Доктора нашли, что смерть причинена не разрѣзомъ стекла, а другими острыми орудіями (которыхъ въ тюрьмѣ не было). Вотъ плодъ инквизиціоннаго процесса и прекрасный матеріалъ къ исторіи современныхъ германскихъ правительствъ. Судья - пьяница и дѣлатель фальшивыхъ документовъ осыпанъ крестами etc.

Разные анекдоты о Петрѣ I. Странное сочетаніе геніальности съ натурой тигра. Страшенъ процессъ, которымъ страна могла дойти до необходимости появленія такого врача, до возможности его и до того, что она могла вынести такое царствованіе. Возмущенные стрѣльцы говорили, что П. не сынъ ц. Ал. Мих., а Ягужинскаго ¹⁾). Однажды, середь оргіи П. сталъ приставать къ Яг., отецъ ли онъ его. Тотъ удивленный отпирался; П. велѣлъ его поднять на дыбу и допрашивать. Тогда взбѣшенный Ягуж. отвѣтилъ: « - - - - - знаетъ, чей ты сынъ, — у твоей матери были - - - - - вѣ ихъ числѣ». Въ Псковѣ онъ такія неистовства надѣлалъ въ церкви, что его народъ чуть не убилъ. Онъ страшно переказнилъ священника и бросившихся на него: ихъ распяли и онъ самъ перестрѣлялъ ихъ потомъ. Марать ²⁾, Робеспьеръ и Фуке-Тенвиль ³⁾ вмѣстѣ. Понять, оправдать, отдать не токмо справедливость, но склониться передъ грозными явленіями конвента и Петра — долгъ; болѣе — въ самыхъ гнусностяхъ ихъ не должно терять явнаго признака величія. Но не всѣхъ актеровъ 93 года можно любить, также и Петра.

5. — Итакъ, указъ о путешествіяхъ — не пухъ; въ немъ есть какое-то величіе безобразія и цинизма: это — языкъ - - - - - съ неграми; тѣни уваженія къ подлымъ рабамъ, которымъ писанъ фирманъ, нѣтъ; власть не унизилась, чтобъ сыскать какой-нибудь резонъ, хотя ложный, но благовидный; она попираетъ священнѣйшія права потому, что презираетъ; она - - - - - нашей низостью. Усовершенствоваться въ художествахъ и ремеслахъ позволено, но не въ наукахъ! Страшное время — силы истощаются на бесплодную борьбу, жизнь утекаетъ, и ни капли отрадной, ни близкой надежды — ничего.

10. — Въ Тамбовской губ. было возмущеніе крестьянъ одной волости. Характеръ дѣла (по рассказамъ) довольно замѣчательнъ. Крестьяне жаловались, что съ нихъ берутъ лишніе поборы. Мин.

¹⁾ Гр. Павелъ Ивановичъ.

²⁾ Извѣстный дѣятель первой французской революціи.

³⁾ Прокуроръ французской республики во время террора.

гос. им. велѣлъ имъ дать расчетъ, что они должны платить, но съ нихъ, несмотря на то, стали требовать гораздо болѣе. Тогда они въ тиши надѣлали кистней, пикъ и отказались отъ платежа. Явилась земская полиція и начальство в. гос. им. Они ихъ прогнали. Привели роту солдатъ; солдаты не хотѣли стрѣлять,—чуть ли не первый случай послѣ Петра. Разумѣется, наконецъ, ихъ усмирили и, вѣроятно, часть перебитая, а десятого послѣ кнута отправятъ въ каторжную раб. Всѣ мужики этой волости молокане; передъ ними шла дѣвушка, пѣвшая псалмы. И такъ изъ раскольничьихъ скитовъ вырываются такіе звуки среди общей нѣмоты крестьянъ.

14. — Замѣчательная статья въ 3 послѣд. №№ «Московскихъ Вѣдомостей» объ освобожденіи негровъ. Приложение прямое и въ официальной газетѣ.⁶

Читалъ Гегелеву философію природы (Encyclopedie, II Th.). Вездѣ гигантъ: многое едва набросано, очеркнуто, но ширина и объемъ колоссаленъ. Какой огромный шагъ въ освобожденіи отъ абстрактныхъ силъ, во введеніи въ свои рамы категоріи, величины которой подавляли все земное, и какой перевѣсъ качеству, конкрети. Онъ освобождаетъ въ полномъ развитіи человѣка отъ его матеріальнаго опредѣленія, отъ его теллурической жизни, адекватностью его формы понятія (чѣмъ бѣднѣе его развитіе, тѣмъ болѣе онъ зависитъ отъ природы). Духъ вѣченъ, матерія—всегдашняя форма его инобытія. Лишь только форма способна, лишь только она можетъ выразить духъ,—она и выражаетъ его: здѣсь, тамъ, вездѣ, гдѣ условія органическаго возстановленія собрались, одѣйствовались. Какъ началась индивидуализація земной планеты, солнечной системы, что было прежде etc., etc., — на все это очень трудно отвѣчать,— главное, всякій разъ попадешь въ ту ли, въ въ другую ли сторону *in die schlechte Unendlichkeit* ¹⁾. Инобытіе, чѣмъ полнѣе одна внѣшность, чѣмъ далѣе отъ адекватности съ понятіемъ, тѣмъ упрямяе оно въ своей матеріальности, тѣмъ естественнѣе оно удерживается отъ разрѣшенія въ мысль и, схваченное въ односторонности, представляетъ именно *die schlechte Unendlichkeit* вещества. Разсудкомъ не выйдешь изъ этихъ логическихъ круговъ такъ, какъ разсудкомъ никогда не поймешь жизнь органическую, ибо жизнь сама въ себѣ, *an sich*, спекулятивна. Разсудочная истина формально, до оконченности ясна, но плоска, и истиннаго примиренія въ ней нѣтъ; спекулятивная, повидимому, смутна, но она глубока.

¹⁾ Въ дурную безконечность.

19.— Конечно, Гегель въ отношеніи естествовѣдѣнія далъ болѣе огромную раму, нежели выполнилъ, но *coup de grâces* ¹⁾ естественнымъ наукамъ въ ихъ настоящемъ положеніи окончательно нанесенъ. Признаютъ ли ученые это, или нѣтъ,—все равно, тупое *Vornehmthuerei des Ignoriren* ²⁾ ничего не значить. Гегель ясно развилъ требованіе естественной науки и ясно показалъ всю жалкую путаницу физики и химіи, не отрицая, разумѣется, частныхъ заслугъ. Имъ сдѣланъ первый опытъ понять жизнь природы въ ея діалектическомъ развитіи отъ вещества, самоопредѣляющагося въ планетномъ отношеніи, до индивидуализаціи въ извѣстномъ тѣлѣ, до субъективности, не вводя никакой агенціи, кромѣ логическаго движенія понятія. Шеллингъ предупредилъ его, но Шеллингъ не удовлетворилъ наукообразности. Самъ Гегель не можетъ (въ чемъ его упрекаетъ Тренделенбургъ ³⁾) держаться безпрестанно въ изрѣженной средѣ абстракціи, и дѣйствительность жизненно, со всѣмъ огнемъ, врывается представленіями, фантазіями, поэтическими образами (за что Гегель заслуживаетъ большую похвалу), но онъ вѣренъ и неумолимо строгъ въ общемъ развитіи. Шеллингъ провидѣлъ требованія, но слишкомъ легкой дорогой удовлетворилъ имъ.

24.— 22 окончился курсъ Грановскаго. Этотъ курсъ — событіе,—событіе, имѣющее большое значеніе. Сверхъ внутренняго своего достоинства, онъ имѣетъ внѣшнюю важность тѣмъ, что теперь начнутся публичные курсы; публика узнала новое, сильное, волнующее наслажденіе всенародной, энергической рѣчи. Доценты увидѣли, какою аудиторією можетъ Москва окружить ихъ. Симпатія къ Грановскому далеко превосходитъ все, что можно себѣ представить: публика была удивлена, поражена благородствомъ, откровенностью и любовью; Гр. прямо касался самыхъ волнующихъ душу вопросовъ и нигдѣ не явился трибуномъ, демагогомъ, а вездѣ свѣтлымъ и частымъ представителемъ всего гуманнаго. На послѣдней лекціи аудиторія была биткомъ набита. Когда онъ въ заключеніе началъ говорить о славянскомъ мірѣ, какой-то трепетъ пробѣжалъ по аудиторіи, слезы были на глазахъ, и лица у всѣхъ облагородились. Наконецъ, онъ всталъ и началъ благодарить слушателей, — просто, свѣтлыми, прекрасными словами,—слезы были у него на глазахъ, щеки горѣли, онъ дрожалъ. «Благодарю тѣхъ»,

¹⁾ Послѣдній рѣшительный ударъ.

²⁾ Важничанье незнаніемъ.

³⁾ Фридрихъ-Адольфъ, нѣмец. философъ.

такъ кончилъ онъ, «которые съ симпатіей слушали меня и раздѣляли добросовѣстность тона ученыхъ убѣжденій; благодарю и тѣхъ, которые, не раздѣляя ихъ, съ открытымъ челомъ, прямо и благородно, высказывали мнѣ свою противоположность. Еще разъ благодарю васъ!» Онъ молчалъ и кланялся. Безумный, буйный восторгъ увлекъ аудиторію: крики, рукоплесканія, шумъ, слезы, какой-то торжественный безпорядокъ, нѣсколько шапокъ было брошено на воздухъ. Дамы бросились къ доценту, жали его руку. Я вышелъ изъ аудиторіи въ лихорадкѣ. Слава доценту и слава аудиторіи! Литераторы, товарищи, друзья приготовили обѣдъ; вліяніе послѣднихъ словъ было такъ сильно и такъ живо, что всѣ противоположныя воззрѣнія примирились въ дружескомъ торжествѣ, и самыя противоположныя натуры искали другъ друга, чтобъ заявить свое различіе и уваженіе. Весело, шумно и, наконецъ, пьяно окончился этотъ день. Его отмѣтятъ многіе, онъ многимъ вспомнется, какъ прекрасный праздникъ любви и симпатіи.⁷

27.—Споръ университета и церкви развивается и далеко отъ конца. Современное состояніе истинно удручаетъ неуловимостью своей, видомъ всесовершеннѣйшаго безпорядка. Въ былое время вопросъ современной жизни разрѣшался односторонне, ко всему его жали. Непримируемость элементовъ рѣзко кидается теперь въ глаза и не позволяетъ трезво мыслящему удовлетвориться частнымъ рѣшеніемъ. Давно забытые элементы жизни, вызванные со дна могилы невыносимой тоскою ожиданія, въ буйномъ броженіи смѣшались съ новымъ и младенчествуящимъ: осадокъ и пѣна равно увлеклись броженіемъ. Это послѣднее явленіе: передъ новымъ пришествіемъ истины и мертвые подали свой голосъ и заявили свои права, чтобы не быть забытыми при воскресеніи. Но какъ тяжело съ этими мертвецами и тяжело потому, что, не будучи слѣпыми, мы не можемъ отрицать въ нихъ остатокъ жизненности, а въ противоположномъ—зачатокъ смерти. Именно, это-то и страшно и давить. Человѣкъ 93 года зналъ знамя, къ которому стать и которое вполнѣ соотвѣтствовало ему. А тутъ, напр., вамъ равно не хочется ни съ доктринерами защищать полицейскими мѣрами университетъ, ни съ иезуитами, усилившимися тѣмъ, что полиція ихъ толкаетъ. Такъ и наши ультра-славянофилы: чувствуешь все дѣлящее отъ нихъ и чувствуешь симпатію, и понимаешь, какъ они пришли къ своему воззрѣнію, и какъ противоположное воззрѣніе при неосторожности переходитъ въ петербургскій взглядъ,—въ то время, какъ западно-либеральныя головы считаютъ націонализмъ подпорою правительства. Что тутъ дѣлать? Ждать ли, пока вырастетъ уже родившійся мессія, о которомъ проповѣдуютъ Товян-

скій ¹⁾ и Вронскій ²⁾, или броситься à corps perdu ³⁾ въ односторонность, или широко гуманнымъ взглядомъ обнять всѣ эти односторонности и понять ихъ приготовленными буквами святого глагола, который раздастся?.. Или сложить руки и лечь спать?..

Май мѣсяць.

4.—Нѣтъ ничего забавнѣе и досаднѣе, какъ *juste milieu* ⁴⁾ во всякомъ дѣлѣ; это—безразличная точка въ магнитѣ, это—статическая задача, употребляющая всѣ силы на поддержаніе равновѣсія и не имѣющая послѣ силъ въ остаткѣ для какого-нибудь дѣйствования, это—австрійская политика. Храбрость послѣдовательности—великое дѣло. Вчера я душевно смѣялся на стараніе Рѣдкина вывести личнаго Бога и христіанство путемъ чистаго мышленія. Логика доводитъ до идеи, до безличнаго духа, который личенъ въ чловѣкѣ и черезъ чловѣка себяпознающъ; далѣе не выведешь ничего, кромѣ непростительной тавтологіи, которой угощали берлинскіе философы Германію. Разъ—духъ, какъ всеобщій духъ чловѣчества, которому оно необходимо,—другой духъ, личный, экстрамундальный ⁵⁾; но духъ безъ міра, *ap sich*, есть логическая абстракція; стало, и тотъ духъ имѣетъ свою объективность, свое *aussersich sein* ⁶⁾—и опять *schlechte Unendlichkeit*. Въ логикѣ слова: *Gott, Geist, übergreifende Subjectivität* ⁷⁾ вовсе не значать *eine bestimmte Persönlichkeit, eine Individualität* ⁸⁾; индивидуальность подчинена категоріи времени, она употребляетъ эти слова, какъ *persona moralis* ⁹⁾, какъ духъ такого-то народа, такой-то эпохи. А этимъ господамъ страшно: они имѣютъ голосъ въ груди, препятствующій итти до этихъ результатовъ. Хорошо; ну, такъ принять, что путь, который привелъ къ нелѣпости, ложень, и надобно отбросить науку, опять трусость и непослѣдовательность. Да, мы примиримъ, уладимъ и науку, и религію. Религія приметъ ли такое примиреніе? Она отречется во имя церкви такъ, какъ наука отречется во имя логики.

1) Андрей, извѣстный польскій мистикъ.

2) Гѣне-Вронскій, польскій мистикъ.

3) Очертя голову.

4) Точная середина.

5) *Extramundalis*—внѣмірный.

6) Внѣшнее существованіе.

7) Богъ, духъ, выступающая субъективность.

8) Опредѣленная личность, индивидуальность.

9) Нравственная личность.

Бакунинъ горько выразился, говоря, что люди *du juste milieu* ¹⁾ похожи на польскихъ жидовъ, которыхъ и Россія и Польша вѣшали.

12.—Наши праздники 8 и 9 были хороши неожиданнымъ приѣздомъ для нихъ стараго друга, участника на первомъ планѣ тогдашнихъ дней ²⁾. Обстановка въ прошломъ году была страшнѣе; теперь фактически чернаго мало, но таковъ рубецъ, оставляемый отъ зажившихъ ранъ, такова его жизнь въ памяти, что того полного довѣрія, простосердечнаго нѣтъ. Однажды обоженный молніей боится каждой грозы; онъ свои силы на противодѣйствіе истощилъ: напрасно думаютъ, что силы развиваются въ мукахъ.

Хомяковъ писалъ къ Ив. Вас. ³⁾, предлагая «Москвитянина» и страшая его, что ихъ противники хотятъ купить «Галатею» ⁴⁾; все это продолжалось въ то время, какъ Х. торжественно мирился и примирялъ. Ив. Вас. отклонилъ предложеніе и спрашиваетъ, кто эти противники? не Грановскій ли съ друзьями? что въ такомъ случаѣ онъ къ нимъ чувствуетъ болѣе симпатіи, нежели ко всѣмъ славянофиламъ. Черта—истинно московско-русская въ Х., это—лукавство, прикрытое бономіей. Истиннаго сближенія между ихъ воззрѣніемъ и моимъ не могло быть, но могло быть довѣріе и уваженіе, которое и есть между другими,—напр., между нами и Кирѣевскими. ⁵⁾ Съ полной гуманностью, подвергаясь упрекамъ со стороны всѣхъ друзей, протягивалъ я имъ руку, желалъ ихъ узнать, оцѣнилъ хорошее въ ихъ воззрѣніи. Но они фанатики и не терпящіе люди. Они создали міръ химеръ и оправдываютъ его двумя-тремя порядочными мыслями, на которыхъ они выстроили не то зданіе, которое слѣдовало. Всѣхъ ближе изъ нихъ къ общечеловѣческому взгляду Самаринъ, но и у него еще много твердо и исключительно славянскаго. Аксаковъ ⁶⁾ вовѣки вѣковъ останется благороднымъ, но и не поднимется дальше Москвофиліи.

17.—Огромное письмо, въ родѣ диссертациі, отъ Бѣлинскаго. Возраженіе на мое, писанное къ Ив. Павл. ⁶⁾; энергія и невозможность дѣла сломили его. Возможность внутренняя и невозможность внѣшняя превращаютъ силы въ ядъ, отравляющій жизнь; онѣ загниваютъ въ организмѣ, бродятъ и разлагаютъ,—отсюда взглядъ гнѣва и желчи, односторонность въ самомъ мышленіи. Бѣл. пишетъ: «я жидъ по натурѣ и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не

¹⁾ «Золотой середины».

²⁾ Н. Х. Кетчеръ.

³⁾ Кирѣевскій.

⁴⁾ Журналъ С. Е. Раича, прекратившійся въ 1840 г. ⁸

⁵⁾ Константинъ Сергѣевичъ.

⁶⁾ Галаховъ.

могу»; онъ страдаетъ и за свои страданья хочетъ ненавидѣть и ругать филистимлянъ, которые вовсе не виноваты въ его страданьяхъ. Филистимляне для него—славянофилы; я самъ не согласенъ съ ними, но Бѣл. не хочетъ понять истину въ *fatras* ¹⁾ ихъ нелѣпостей. Онъ не понимаетъ славянскій міръ; онъ смотритъ на него съ отчаяніемъ и неправъ; онъ не умѣетъ *чаять жизни будущаю вѣка*, а это чаяніе есть начало возникновенія будущаго. Отчаяніе—умерщвленіе плода во чревѣ матери. Буду писать къ нему такое же длинное письмо. Странное положеніе мое,—какое-то невольное *juste milieu* въ славянскомъ вопросѣ: передъ ними я чловѣкъ Запада, передъ ихъ врагами—чел. Востока. Изъ этого слѣдуетъ, что для нашего времени эти одностороннія опредѣленія не годятся. ¹⁰

19.—Какой-то пилигримъ рассказывалъ о Соловецкомъ монастырѣ: монахи истязаютъ тамъ арестантовъ ужаснѣйшимъ образомъ; они ихъ сѣкутъ, вынуждая требовать денегъ, заставляя въ трескучіе морозы полуодѣтыхъ работать и пр. Этими сѣченіями предводительствуетъ настоятель; сѣкутъ въ трапезѣ, на техническомъ языкѣ это называется «лозами смирать гордыню!» Ну, въ этомъ, я полагаю, славяноф. не обвинить петровскую реформу. Это такъ и вѣетъ Русью ц. Ивана Васильевича и прежними нравами ея.

27.—У насъ до того всѣ элементы перепутаны, что никакъ нельзя указать, съ которой стороны враждебный станъ; быть можетъ, оно и хорошее начало, указующее, что всѣ стороны, отдѣльно взятыя въ европейскомъ бытѣ, отдѣльно взятыя не могутъ служить опредѣленіемъ,—развѣ только отчасти. Конечно, подобное совершается теперь въ Европѣ; этому лучшее свидѣтельство—упадокъ либерализма, конституціонной оппозиціи, вигизма; тамъ, на примѣръ, теперь возникаютъ вопросы въ парламентѣ (Эшлея ²⁾ предложеніе и др.), въ которыхъ голоса дѣлятся по другимъ началамъ, и доля виговъ съ долею тори противъ такой же помѣси. Зато тамъ правительство всегда понятно, съ какой стороны. У насъ и этого нѣтъ. Новыя постановленія объ экзаменахъ и полученіи степеней ученыхъ идутъ изъ совершенно иного источника, нежели законъ о паспортахъ. Никакой системы, никакой единой мысли, это—чего нѣтъ другого,—придаетъ интересъ сюрприза.

¹⁾ Безпорядочная груда.

²⁾ Графъ Шафтсбери, Антони-Эшли (Ашлей) Куперъ, выдающійся англійскій филантропъ и, между прочимъ, горячій приверженецъ билля о десятичасовомъ рабочемъ днѣ, поставившій себѣ цѣлью провести его въ законодательство.

30.—Вчера проводили Кетчера. Время идетъ да идетъ. Мы разлучаемся, снова сталкиваемся и все въ томъ же элементѣ бездѣйствія, пустоты и духоты. Иногда мнѣ кажется, что старость возлѣ носа, что она насъ застигнетъ, и намъ останутся одни воспоминанія стремленій, надеждъ, и лѣнь еще болѣе западетъ въ душу... Право, отъ этого болѣе, нежели близко, и что-то такъ тягостно, страшно начинается дѣлаться. Писалъ къ Бѣлинскому, утѣшайте его, а въ сущности я вовсе не такъ далекъ отъ многихъ воззрѣній его...

Іюнь мѣсяцъ.

2.—Дочиталъ вторую часть Гегелевой «Энциклопедіи». Конечно, это не такое оконченное и полное зданіе, какъ его «Эстетика», но великій мыслитель не измѣнилъ себѣ въ философіи природы; геніальныя мысли, заставляющія трепетать, поразительныя простотою, поэзіей и глубиной, разсѣяны вездѣ. Зоологическій отдѣлъ и органика вообще превосходны (не вступая въ мелочи и дробныя разсматриванія каждаго параграфа); я не знаю никого, кто бы такъ вполнѣ понялъ жизнь и такъ умѣлъ сказать понятное, развѣ—Гете. Въ деревнѣ перечитаю еще и составляю записки.

4.—Вчера Самаринъ защищалъ свою диссертацию. Непонятно сочетаніе высокихъ діалектическихъ способностей этого человѣка съ жалкими православными теоріями и съ утрированнымъ славянизмомъ; въ немъ противорѣчіе это бросается особенно въ глаза, потому что у него рѣшительно логика преобладаетъ надъ всѣмъ. Онъ, правда, и самъ видитъ шаткость своей фантастической основы, но не отступаетъ отъ нея. Можетъ, юность, всегда готовая предаваться отвлеченнымъ теоріямъ,—виною этого направленія, недостатокъ фактическихъ свѣдѣній и неумѣнье покоряться историческому элементу. Вообще диссертация и защита ея произвела какое-то грустное чувство. Во всемъ этомъ есть что-то ретроградное, негуманное, узкое, какъ и во всей партіи національной. Какъ съ ними ни ладъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ,—остаётся страшный оврагъ, дѣлящій и непреходимый. Въ нихъ бездна дѣтской суетливости: такъ, вчера Хомяковъ восторгался фразами о православіи, на которыя никто не смѣлъ возражать. Католикъ могъ точно такъ же изъ своихъ началъ хвалить католицизмъ. Это былъ бы разговоръ двухъ поврежденныхъ. 11

Продолжалъ читать давно оставленнаго Gfrörer'a. Явленіе гностическихъ школъ чрезвычайно важно; здѣсь всѣ фазы древняго

міросозерцанія сдѣлали опытъ соединиться съ философіей новой религіи. Они проглядѣли главное—практическій характеръ и простоту христіанства, но требованія ихъ были справедливы: они хотѣли догматъ превратить по-своему въ мысль, въ мысль ученую, *аристократическую*, но этимъ самымъ они и были еретиками, потому что христіанство имѣло именно значеніе, какъ религія, какъ откровеніе. Гностицизмъ нѣкоторымъ образомъ привился къ греческой церкви, оттого она непрерывно занималась теодицеей, а западная церковь—жизнью; западная церковь осталась вѣрною апостолу Петру, а Петръ былъ весь въ преданіи іудаизма, іерархіи, храма Іерусалимскаго. Во II вѣкѣ является уже протестантъ, личность сильная, энергическая и гениальная, Маркіонъ ¹⁾. Послѣдователь апостола Павла, отрѣшившійся отъ всего прошедшаго іудаизма, человѣкъ не буквы, а духа, онъ имѣлъ огромное вліяніе, и его школа жила до VI столѣтія. Онъ понялъ то, что и до сихъ поръ христіане не поняли: что Христомъ снимается Іегова такъ, какъ Юпитеръ и пр., что понятіе Бога, сопрягаемое съ Іеговою, противорѣчитъ Христу. Итакъ, во второмъ столѣтіи существуетъ зародышъ протестантизма, являвшійся непрерывно въ разныхъ формахъ, мнимо подавленный, гнетомый и, наконецъ, восторжествовавшій въ Лютерѣ. Тертуллианъ—западный католикъ; въ немъ пуническая кровь кареагенца очистилась римскимъ законовѣдѣніемъ, но осталась африканская; пламенный и практическій, онъ нисколько не похожъ на трансцендентальныхъ отцовъ восточныхъ. Восточная церковь всегда глубже и шире занималась догматами и не переходила въ жизнь. Католицизмъ, болѣе односторонній, восполнялся жизнью, на которую имѣлъ сильнѣйшее вліяніе, и недостатокъ его отвлеченнаго принципа стирается полнотою историческаго развитія. Это—два сына евангельской притчи, изъ которыхъ одинъ зовущему отцу сказалъ: «не пойду» и пошелъ, а другой: «пойду» и не пошелъ въ виноградникъ. Надобно замѣтить, что въ первые три вѣка ученіе евангельское и самыя основныя положенія были далеки отъ всякой твердой и ограниченной догматики,—напротивъ, всѣ вопросы обсуживаются, рѣшаются разно: умъ борется съ догматомъ, ищетъ примиренія. Оригенъ, напр., совершенно свободенъ въ своихъ философски-религіозныхъ писаніяхъ. Маркіонъ принимаетъ Евангеліе за людьми записанныя преданія и не связывается буквой.

10.—Въ третьемъ вѣкѣ уже ярко обозначается характеръ римской церкви. Въмѣсто распушенности, спекулятивности Востока является энергическая односторонность; изъ духовной академіи вы-

¹⁾ Христіанскій еретикъ II вѣка.

ходитъ въ юридически развивающуюся церковь. Видные, сильные корни и eine mächtige Thatkraft ¹⁾). Римскій первосвященникъ безъ всякаго права, кромѣ высокой іерархической мысли и римской почвы, напитанной своимъ царственнымъ призваніемъ, втѣсняетъ свою власть братьямъ; они ее сносятъ, возражая, но покоряясь тому законному насилію, которое присуще внутренней силѣ, власти. Кипріанъ карфагенскій, душою іудейскій аскетъ, все западное духовенство тянетъ къ жидовству. Слѣпая вѣра въ догматы, казуистика въ соподчиненныхъ вопросахъ, фанатизмъ, дѣятельность неутомимая, страстная восторженность,—вотъ характеръ западныхъ отцовъ; всѣ сочиненія ихъ исполнены практическаго христіанства, а не теологическихъ тонкостей; это люди буквы въ догматѣ, но люди живые въ жизни. Одинъ грекъ, Діонисій, завелся между латинскимъ духовенствомъ, и тотъ написалъ теорію логоса, послужившую основаніемъ никейскаго изложенія.

Въ спорѣ донатистовъ, въ началѣ III вѣка, впервые христіане отдають временной власти на рѣшеніе свой спорный вопросъ. Константинъ сначала удивленъ, но, вѣрный царской натурѣ, тотчасъ берется за рѣшеніе. Періодъ гоненій полонъ предметовъ для драмъ и сценъ; тѣмъ важнѣе это, что и у насъ рассказы о мученикахъ возможны, хотя они и столько же *возмутительны*, какъ отрывки изъ исторіи французской революціи. Великое одушевленіе, заставлявшее ихъ такъ смѣло становиться противъ власти, несмотря на то, что они знали текстъ апостола Павла, служащей опорой всѣмъ незаконнымъ властямъ. Восточные отцы перенесли въ свою религію неоплатонизмъ и софистику эллинскую такъ, какъ западныя государственныя понятія о единствѣ и мощномъ устроеніи.

12.—La destinée terrestre de l'homme est la gestion de son globe... tous les procédés sociaux sortis de l'arsenal philosophique, lois et systèmes, reposent sur des bases essentiellement fausses, puisqu'ils sont contradictoires entre eux, variables et flottants... L'organisation de la Commune est la pierre angulaire de l'édifice social, quelque vaste et quelque parfait qu'il soit. V. Considérant, «Destinée sociale» ²⁾).

¹⁾ Могучая энергія.

²⁾ «Земное назначеніе человѣка есть управление земнымъ шаромъ... Всѣ общественныя средства, вышедшія изъ арсенала философіи, законы и системы, существенно невѣрны, ибо они противорѣчивы, измѣнчивы и колеблющіяся. Организациія Общины (Коммуны) есть краеугольный камень общественнаго зданія, какъ бы оно ни было обширно и совершенно». Консидеранъ. «Соціальная Будущность».

Викторъ Консидеранъ, франц. экономистъ и одинъ изъ первыхъ приверженцевъ фурьеризма.

15.—Вчера письма отъ нашихъ изъ Берлина: ѣдутъ обратно къ концу августа; опять соберется старая семья друзей; давно не видались. Хотѣлось бы поскорѣе передать все пережитое и ихъ послушать.¹²

17.—La morale n'est qu'une science mensongère et pédante, qui affiche depuis 3000 ans la prétention de conduire les hommes à la vertu et aux bonnes moeurs avec ses dogmes absurdes de modération et de répression de passions, qu'il faut—au lieu de vouloir les *comprimer*—trouver les moyens *d'utiliser* et de satisfaire.

Nous attaquons la morale, précisément parce qu'elle est impuissante à conduire les hommes au bien etc. V. Consid. ¹).

Его сочиненіе несравненно энергичнѣе, полнѣе, шире по концепціи и по исполненію всего вышедшаго изъ школы Фурье. Разборъ современности превосходенъ: становится страшно и стыдно. Раны общественныя указаны и источники ихъ обличены съ безпощадностью.

Государь былъ въ Лондонѣ, видѣлъ свободный народъ и свободное God save the queen ²), шумное и не изъ-подъ палки. Пишутъ, что общество попечительное о полякахъ хотѣло дать балъ 10 іюня, пока Г. въ Лондонѣ; онъ послалъ имъ какую-то вспомогательную сумму, но леди Соммерсетъ возвратила ее съ благодарностью. Островскій ³) былъ арестованъ во время пребыванія Г.—вотъ и Habeas corpus. Зачѣмъ онъ ѣздилъ? Внутреннее ли безпокойство влечетъ къ перемѣнѣ мѣста или политическіе виды? Въ новомъ журналѣ, который началъ выходить со дня объявленія свободы книгопечатанія въ Саксоніи для книгъ свыше 20 листовъ («Wigand's Vierteljahresschrift» ⁴)), замѣчательная статья о войнѣ; тамъ для Германіи европейская война представлена якоремъ спасенія, и именно война съ Россіей. Можетъ, и для насъ война принесла бы что-нибудь. Объ эмансипаціи не говорятъ. На дняхъ въ «Москов. Вѣдом.» былъ указъ сенатскій по дѣлу о засѣченномъ крестьянинѣ: 42 пучка розогъ сломали объ него—онъ умеръ. Курская уголовная палата не признала помѣщика виновнымъ и, между

¹) Мораль—наука лживая и педантическая: вотъ уже 3000 лѣтъ она выражаетъ претензію вести людей къ добродѣтели и добрымъ нравамъ своими нелѣпыми догмами воздержанія и подавленія страстей, надо же стремиться не подавлять ихъ, а находить средства ихъ использовать и ихъ удовлетворять.

Мы нападаемъ на мораль именно потому, что она неспособна вести людей къ добру.

²) Гимнъ «Боже храни королеву!»

³) Гр. Антонъ-Янъ, польскій писатель и политическій дѣятель.

⁴) Трехмѣсячный журналъ, названъ по имени издателя, О. Виганда.

прочимъ, заключаетъ, что «люди однихъ лѣтъ съ умершимъ крестьяниномъ выносятъ несравненно сильнѣйшія наказанія». Каковъ цинизмъ. Но хорошъ и сенатъ: онъ очень основательно разобралъ всю гнусность дѣйствій уголовной палаты и велѣлъ ей сдѣлать выговоръ въ то время, какъ и законъ, и здравый смыслъ заставляютъ удалить отъ должностей чиновниковъ, явнымъ образомъ пристрастныхъ. Въ *pendant* къ этой ужасной исторіи, еще въ здѣшнемъ сенатѣ было дѣло о помѣщикѣ, сославшемъ своего двороваго челоуѣка на поселеніе для того, чтобы воспользоваться значительнымъ капиталомъ, принадлежащимъ дворовому чел.; тотъ подалъ на него просьбу, и дѣло дошло до сената; оберъ-секретарь полагалъ, что помѣщикъ долженъ выдать сосланному деньги. Сенатъ и министръ юстиціи рѣшили напротивъ; но этого мало: оберъ-секретарю за его мнѣніе, съ закономъ не согласное, велѣно сдѣлать выговоръ. Случаи такого грабежа рѣдки въ прошедшемъ,—не этимъ способомъ помѣщикъ эксплуатировалъ крестьянъ. Прежде существовала не выраженная въ законѣ связь между владѣльцемъ и крестьяниномъ. Теперь изъ этой непосредственности одна часть выходитъ къ сознанію формальнаго права своего и къ желанію воспользоваться имъ; это превосходно, потому что другая половина не отстанетъ и пойметъ разомъ всю несообразную нелѣпость своего безправія. Доказательствомъ можетъ служить уже и то, что дворовый подалъ просьбу. Они до сихъ поръ не могутъ совершенно повѣрить въ свое безправіе и никакъ не понимаютъ, чтобы ихъ собственность была собственностью барина; они даже иногда думаютъ, что правительство, въ случаѣ неправаго съ ними поступка, защититъ ихъ. Побольше такихъ рѣшеній,—и сенаторы, сходя въ могилу, могутъ сказать: и мы принесли свою лепту.

Въ Силезіи бунтуютъ работники, ломаютъ машины, бросаютъ издѣлія etc., etc. Семья вырабатываетъ тамъ въ недѣлю 16 Gute Gr. ¹⁾, изъ которыхъ въ послѣднее время уменьшили еще 2! И послѣ этого фурьеристы неправы, что обличили меркантилизмъ и современную индустриальность, какъ сифилитическій шанкеръ, заражающій кровь и кость общества! Купецъ сказалъ просившимъ работникамъ прибавки: «если хлѣбъ дорогъ, ѣшьте сѣно!» Местъ бунтовавшихъ очевидна: они жгли векселя, выбрасывали бумаги, деньги, портили товаръ и не крали.

26.—Опять въ *Покровскомѣ*. Дождь, дурно, сѣро,—а кругомъ поля, лѣсъ и тишина. Я ужасно люблю тишину; я счастливѣе въ

¹⁾ 16 грошей (нѣмецкій грошъ—серебряный, имѣлъ разную величину, но наименьшая—3 копѣйки номинальныхъ).

деревнѣ; вѣроятно, цѣлый годъ или годы надоѣло бы жить въ деревнѣ, но полгода я готовъ. Я устаю отъ шума, отъ людей, отъ слуховъ, отъ невозможности сосредоточиться, устаю отъ неестественности городской жизни; мнѣ становится невыносимымъ домъ противъ моихъ оконъ, улица, *habitués* ¹⁾ этой улицы, которыхъ поневолѣ, наконецъ, замѣтишь. Дочитываю V. *Considérant* I томъ; хорошо, чрезвычайно хорошо, но не полное рѣшеніе задачи. Въ широкомъ, свѣтломъ фаланстерѣ ихъ тѣсноовато; это—устройство одной стороны жизни, другимъ неловко.

29.—Въ Вигандовомъ журналѣ статья Юрдана ²⁾ объ отношеніи всеобщей науки къ философіи весьма замѣчательна. Критика, снывшая религію, стоя на философской почвѣ, должна итти далѣе и обратиться противъ самой философіи. Философское воззрѣніе есть послѣднее теологическое воззрѣніе, подчиняющее во всемъ природу духу, полагающее мышленіе за *prius* ³⁾, не уничтожающее въ сущности противоположность мышленія и бытія своимъ тождествомъ. Духъ, мысль—результаты матеріи и исторіи. Полагая началомъ чистое мышленіе, фил. впадаетъ въ абстракціи, восполняемая невозможностью держаться въ нихъ; конкретное представление непрерывно присуще; намъ мучительно и тоскливо въ сферѣ абстракцій,—и срываемся непрерывно въ другую. Фил. хочетъ быть отдѣльной наукой мышленія *und darum zugleich Wissenschaft der Welt, weil die Gesetze des Denkens dieselben seien mit den Weltgesetzen; dies muss zunächst umgekehrt werden: das Denken ist nichts Anderes als die Welt selbst, wie sie von sich weiss, das Denken ist die Welt, die als Mensch sich selbst klar wird* ⁴⁾. А потому нельзя наукою мышленія начинать и изъ нея выводить природу. Фил. не отдѣльная наука: на мѣсто ея должно быть соединеніе всѣхъ нынѣ разрозненныхъ наукъ.

Іюль.

1.—Der Muth der Wahrheit, Glauben an die Macht des Geistes ist die erste Bedingung des philosophischen Studiums; der Mensch soll sich selbst ehren und sich des Höchsten würdig achten. Das verschlos-

¹⁾ Завсегдатаи.

²⁾ Вильгельмъ, нѣмецкій писатель.

³⁾ Первоначальное.

⁴⁾ «И потому въ то же время—наукой о мірѣ, ибо законы мышленія тождественны съ законами міра. Это нужно, собственно говоря, выразить обратно: мышленіе—не что иное, какъ самый міръ, какъ онъ самъ себя знаетъ, мышленіе есть міръ, который въ человѣкѣ выясняется самому себѣ».

sene Wesen des Universums hat keine Kraft in sich, welche dem Muthе des Erkennens Widerstand leisten könnte, es muss sich vor ihm aufthun und seinen Reichthum und seine Tiefen ihm vor Augen legen und zum Genusse bringen.—Hegel's «Anrede an seine Zuhörer». 1818. Berlin ¹⁾). Къ этому надобно только присовокупить, что такую же вѣру, твердую и непоколебимую, должно имѣть и къ природѣ, къ этой вселенной, которая не имѣетъ силы скрыть свою сущность передъ духомъ, потому что она стремится раскрыться ему, потому еще, что, открываясь ему, она открывается себѣ.

4.—Писаль статью для новаго журнала (который будетъ ли, Богъ и Уваровъ знаютъ) объ натурфилософіи ²⁾). По этому поводу прочиталь или, лучше, пробѣжалъ Шиллера исторію нат. ф. отъ Бэкона до Лейбница; скучная книга, хотя и есть интересныя подробности. Какая необъятная разница съ Фейербаховой исторіей. Потомъ попалась извѣстная брошюра Фихте о назначеніи чело-вѣка; я ее очень давно читаль, лѣтъ 12 или больше тому назадъ. Не помню, въ которую эпоху онъ писалъ, но странно удовлетвориться этимъ profession de foi, какъ послѣднимъ словомъ. Отвлеченное умозрѣніе не спасаетъ его отъ скептицизма, знаніе не удовлетворяетъ, онъ хочетъ дѣянія и вѣры (непосредственнаго и созерцательнаго начала). Но вѣра его приводитъ не къ реальному, а идеалистическому міру; правда, этотъ духовный міръ у него и здѣсь и jenseits ³⁾), т. е. сфера духа Гегеля и отчасти религіозная будущая жизнь, но въ основѣ ему лежитъ какое-то странное желаніе быть неземною; данъ ли это времени, или требованіе стоической, строго нравственной натуры? Онъ волю ставитъ выше дѣянія.

8.—Преніе о правѣ вскрытія писемъ въ Лондонѣ. Тамъ жаловались Маццини и какой-то полякъ, что у нихъ министерство читаетъ письма. Возмущенъ гордый духъ законности у передовыхъ англичанъ, дебаты кончились ничѣмъ, но высказанное велико и прекрасно. Между прочимъ, оппозиція замѣтила, что подлѣйшее въ этомъ—запечатываніе письма; что если нужно, то правительство должно дѣлать открыто вскрытіе и отмѣчать на письмѣ, а иначе это—подлое шпіонство и фальшивый поступокъ. А у насъ—Боже мой—лучше и не оборачиваться!

¹⁾ «Мужество передъ истиной, вѣра въ силу духа есть первое условіе изученія философіи; чело-вѣкъ долженъ уважать самъ себя и считать себя достойнымъ самаго высшаго. Скрытая сущность вселенной не имѣетъ въ себѣ такой силы, которая могла бы противостать силѣ познанія; она должна раскрыться, показать свое богатство, свои глубины и привести къ до-вольству». —Гегель, «Рѣчь къ своимъ слушателямъ».

²⁾ См. № 417.

³⁾ По ту сторону.

9.—«L'Alcade de Zalameya» Кальдерона ¹⁾. Характеръ Pedro Crespo превосходенъ, Don Lope и Etimelle также; миѡ прекраснѡй и чрезвычайно драматическѡй, особенно въ третьемъ днѣ. Великѡ испанскѡй плебей, если въ немъ есть такое понятіе о законности; вотъ онъ—элементъ, вовсе не развитый у насъ не токмо у мужика, но и у всѣхъ. У насъ оскорбленный или снесетъ, какъ рабъ, или отмститъ, какъ взбунтовавшійся холопъ. Я смотрю здѣсь непрерывно на низшій классъ, во всегдашнемъ соприкосновеніи съ нами; чего недостаетъ ему, чтобъ выйти изъ жалкой апатіи? Умъ блестящъ въ глазахъ,—вообще на десять мужиковъ навѣрное 8 не глупы и 5 положительно умны, сметливы и знающіе люди; ихъ много клеветуютъ съ нравственной стороны; они лукавы и готовы мошенничать, но это тогда, когда становятся въ противоположность намъ. Иначе не можетъ быть: мы явно и законно грабимъ ихъ,—сила не одинаковая. Но когда они убѣдятся въ челоуѣкѣ (и я имѣю гордость себя включать въ это очень и очень ограниченное изъятіе), тогда они поступаютъ просто, даже наивно. Они не трусы,—каждый пойдетъ на волка, готовъ на дракѣ положить жизнь, согласенъ на всякую ненужную удалъ: плыть въ омутѣ, ходить по льду, когда онъ ломается, etc. А видно,—какъ Чаадаевъ говоритъ въ своей статьѣ—чего-то недостаетъ въ головѣ: мы не умѣемъ сдѣлать силлогизмъ европейскѡй. Эта община, понимающая всю беззаконность нелѣпаго требованія, не признающая въ душѣ неограниченной власти помѣщика, трепещетъ и валяется въ ногахъ его при первомъ словѣ!!

Memento mori! ²⁾ Разные memento стоятъ навсегда, какъ погребальныя памятники въ воспоминаніяхъ. Иной разъ идешь гулять и невзначай забредешь на кладбище,—и сдѣлается тяжело. Правда ли это, что въ духѣ челоуѣческомъ, какъ въ морѣ, ничего не пропало, что кануло въ него, а хранится на днѣ и при первой бурѣ готово все выбросить, какъ упрекъ? Или только то хранится, что ядовито или жестко, а прекрасное, какъ эфирное масло, улетаетъ, оставляя неопредѣленное благоуханіе? Много горькое вспомнилось; нѣтъ примиренія, видно, до гроба, а за гробомъ ни войны, ни мира, одна логика. Пусть тѣшатся другіе.

10.—Читаю Маржерета ³⁾ и только что кончилъ Бэра ⁴⁾. Бэръ

¹⁾ Донъ Педро Кальдеронъ де-ла-Барка; «Саломейскѡй Алькадъ».

²⁾ Помни часъ смертнѡй!

³⁾ Французскѡй авантюристъ, служившій у Годунова и Лжедмитрія; книга его издана въ переводѣ Устрялова: «Состояніе русской державы и великаго княжества Московскаго».

⁴⁾ Подъ именемъ Мартина Бэра было извѣстно сочиненіе, написанное

очень тупъ, Маржереть менѣе,—какъ французъ и *aventurier* ¹⁾), при томъ много у него схвачено живо. И послѣ всего этого не видѣть необходимости петровскаго переворота? Нѣчто сильное бродитъ неустроенно и дико середь давящей, гнетущей и узкой государственной формы; какъ было ни разбить этотъ пошлый сосудъ народной жизни; какъ бы ни отречься, лишь бы отречься отъ этого міра мѣстничества, нелѣпаго патріархализма и совершеннаго невѣдѣнія достоинства человѣческаго?! Годуновъ, гениальный человѣкъ, падеть жертвою династической нелѣпости, а больше—перемѣнчивости народнаго характера, бросающагося нелѣпо на все. 1 Дмитрій—энергическій воинъ, образованный, благородный юноша,—падеть за то, что ѣлъ телятину. Плутъ, совершенно въ русскомъ характерѣ, староста-мошенникъ, Шуйскій падеть за то, что избранъ одной Москвой и что терять сраженія (тутъ есть хоть смыслъ),—и въ то же время поль-Россіи стоитъ за грязнаго тушинскаго вора, представителя, пожалуй, не демократической, а кабацкой партіи. Потомъ дума думала, думала да и выбрала мальчика царемъ, и покорилась вся страна старику-монаху, патріарху при Тушинскомъ ворѣ и сдѣлавшемуся въ самомъ дѣлѣ патріархомъ всероссійскимъ.

Между прочимъ, Марж. говорить о вѣротерпимости русскихъ; это почти была бы аномалія, если-бъ въ самомъ дѣлѣ религія такъ сильно была вкоренена въ народѣ. Правда, они строго уважали формы, а этотъ формализмъ всего склоннѣе къ нетерпимости, но у насъ и эта сторона жизни не имѣла глубокихъ корней.

15.—*Wer gegen das Endliche zu ekel ist, der kommt zu gar keiner Wirklichkeit, sondern er verbleibt in Abstrakten und verglimmt in sich selbst*—«*Encycl.*», I. Th. § 92 ²⁾).

16.—По поводу статьи перечитывалъ первую часть Гегелевой «Энциклопедіи»; всякій разъ подобное перечитываніе открываетъ цѣлую безконечность новаго, поправляетъ, дополняетъ, уясняетъ и самымъ убѣдительнымъ образомъ показываетъ невѣдѣніе или неполноту знанія. Что сдѣлала наука съ обнародованія Гегелемъ его философіи? а она была обработана въ 1818 году, т. е. 25 лѣтъ тому назадъ. Только научились его понимать и кое въ чемъ поправили языкъ его, привыкнувшій слишкомъ къ школьной глоссо-

его тестемъ, Конрадомъ Буссовымъ; переведено Устряловымъ: «Сказаніе современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ».

¹⁾ Авантюристъ.

²⁾ Кто слишкомъ гнушается конечнаго, тотъ не придетъ ни къ какой дѣйствительности, но долженъ пребывать въ отвлеченностяхъ и истлѣвать въ себѣ».—«Энцикл.».

логіи и, несмотря на всю мощь своего генія, къ представлєніямъ,— болѣе ни шагу.

17.—Въ «Allg. Zeit.» статья о новыхъ открытіяхъ по части палеонтологіи. Важное расширеніе къ пониманію развитія органической жизни. Агассизъ ¹⁾ доказалъ разборомъ ископаемыхъ рыбъ, что каждый геологическій періодъ имѣеть цѣлое населеніе свое, не сходное (кромѣ, разумѣется, общихъ характеристикъ) ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ. Еще болѣе, онъ открылъ, что чѣмъ древнѣе періодъ, гдѣ найдены рыбы, тѣмъ болѣе неразвитому, фѣтальному состоянію соотвѣтствуютъ рыбы. Это напоминаетъ теорію Жофруа С.-Илера о томъ, что высшіе млекопитающіе переходятъ въ утробѣ матери главныя фазы животнаго царства отъ инфузоріи до млекопитающаго.

Открытія д'Орбиньи ²⁾, разсматривавшаго наиболѣе ископ. безпозвоночныя, ведутъ къ тому же заключенію; но Эренбергъ ³⁾ съ своими инфуз. еще ничего не открылъ указывающаго на соотношеніе ихъ формъ съ періодами. Извѣстно, что Эренб. доказалъ, что цѣлые слои известняка и разныхъ горнокаменистыхъ слоевъ принадлежатъ чешуѣ инфузоріи!

20.—Кончилъ первое письмо объ естествовѣдѣніи. Кажется, хорошо, а впрочемъ, сначала все написанное кажется хорошо. Надобно перечитать черезъ мѣсяць или два. Вотъ бѣда журналистовъ и ихъ сотрудниковъ: они все печатаютъ съ брызгу и, вѣроятно, дорого иной бы разъ дали за право вырубить топоромъ закрѣпленное типографскимъ станкомъ.

Началъ вторую часть Гфрѣрера; интересъ поглощающій. Древній міръ, умирая, утратилъ почти все человѣческое достоинство; то, что было посѣяно всѣми цезарями, развилось при Діоклетіанѣ. Діоклетіанъ дѣлается царемъ въ смыслѣ восточномъ, въ *нашемъ* смыслѣ: онъ отрѣзывается отъ всѣхъ, онъ является мистическимъ лицомъ, божествомъ. Въ Римѣ воздухъ былъ не хорошъ для такихъ затѣй; Діоклетіанъ, жившій въ Никоидіи, разъ пріѣхалъ въ Римъ, но и то ускакалъ въ Равенну. Римъ, это — европейская почва! Новой, поглощающей всякую свободу власти надобно было новый городъ, свой Петербургъ, — Константинъ нашель его. Діокл. монархія вполнѣ развилась при Константинѣ, — гнусная, рабская, чиновничья, подлая; народъ былъ до того обремененъ налогами, что толпами бѣжалъ съ своихъ земель; пытка, которой не смѣлъ Неронъ et С-піе под-

¹⁾ Луи, извѣстный швейцарскій геологъ.

²⁾ Альсидъ, франц. геологъ и палеонтологъ.

³⁾ Христіанъ-Готфридъ, нѣмец. ученый, разработалъ ученіе объ инфузоріяхъ.

вергать римскихъ гражданъ, распространилась на всѣхъ въ дѣлахъ оскорбленія величества. Восточные христіане и ихъ духовенство утратили тогда благородство первыхъ вѣковъ; оно стало въ подломъ отношеніи къ власти и освободиться не могло въ послѣдствіи. Оно, какъ всѣ *вышшія природы*, до того пренебрегало дѣйствительностью и до того жило въ сферѣ теологическихъ тонкостей, что не замѣчало своего положенія относительно власти. Конст. принялъ благословеніе новой церкви и имъ окончательно укрѣпилъ отвратительное самодержавіе свое. Евсевій рассказываетъ, что онъ смѣлъ называть себя «епископомъ внѣ церкви», и самъ называетъ его всеобщимъ епископомъ. Его тронъ въ церкви стоялъ возлѣ епископскаго, онъ имѣлъ право входить въ алтарь. Амвросій *Медиоланскій*, возмущенный этимъ, первый велѣлъ тронъ Θεодосія поставить внѣ хора. Конст. распоряжался съ церковью, какъ хотѣлъ. Она молчала,—греческая святая церковь,—и встрѣчала въ 448 году имп. Θεодосія II словами: «да здравствуетъ императоръ и первосвященникъ». Никогда западное духовенство не падало до этой степени; римская почва осталась чиста; хорошо, что столица была перенесена. Зато византійскіе епископы богатѣли,—за это они могли и Константина называть - - - - - . Гнусному порядку азіатскаго деспотизма въ Римской принадлежитъ честь укрѣпленія мужиковъ (*coloni*) въ рабство. Бѣдные мужики кабалили себя богатымъ собственникамъ земли, потому что не могли платить подати. Какъ же не византійская кровь перешла въ - - - государственное устройство? По плодамъ корень да и по корню плоды.

Чему удивилась (или теперь удивляется; въ то время она и не думала ни о чемъ, кромѣ рабскаго повиновенія) церковь учрежденію синода и оберъ-прокурора?—это лежитъ глубоко въ самомъ принципѣ восточной церкви. Императоры при соборахъ назначали одного или многихъ чиновниковъ *для наблюденія за порядкомъ*. Это такъ было со временъ Константина. И эти-то рѣшенія соборовъ, подъ явнымъ вліяніемъ временной власти принимаются у насъ за - - - - - правила. Я не удивляюсь Юліану-Отступнику. Церковь представилась ему съ такой гнусной и подлой стороны, что онъ долженъ былъ отвернуться отъ нея. Евсевій совѣтывалъ его умертвить, понимая, что такой человѣкъ не ихъ. Споръ съ аріанизмомъ весьма важенъ, и Гфререръ его вовсе не понималъ. Если Христосъ не единодушенъ, не тождественъ Богу, не Богъ, то христіанство падаетъ въ одну изъ тѣхъ религій, гдѣ подчиняется Богу его избранникъ, и монотеизмъ ограниченный, въ родѣ іудейскаго или магометанскаго, остается. Все дѣло христіанства именно въ томъ и состоитъ, что Христосъ-человѣкъ—Христосъ-

Богъ, Богочеловѣкъ. Но въ самой борьбѣ сколько интригъ, гадостей; какъ церковь стала - - - -, искательна. Люди помнили еще мученическія гоненія; были епископы, сидѣвшіе въ тюрьмахъ при Діоклетіанѣ. И черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ какъ они жалки, разумѣется, исключая римское духовенство, папу и съ нимъ Аѳанасія. Констанцій приказомъ объявилъ исправленный символъ и велѣлъ отрѣшить Аѳанасія, — толпа рабовъ слушалась. Какъ величественны тутъ западные епископы. Пусть въ нихъ преобладала гордость, но въ нихъ мы видимъ людей.

Весьма можетъ быть, что въ теоретическомъ смыслѣ восточные были несравненно выше западныхъ, но ихъ уклончивый, лукавый характеръ, ихъ готовность унижаться передъ властью — покрываетъ ихъ пылью. Лучшій изъ нихъ Григорій Назіанзскій. Но и въ немъ нечего искать величія, колоссальности Аѳанасія; онъ одинъ носилъ въ себѣ идею православія, и онъ осуществилъ ее, онъ исполнилъ Никейскій соборъ. Замѣчательно, что Юліанъ-Отступникъ былъ полезнѣе своихъ предшественниковъ для ортодоксіи. Соборы вообще - - - - да и изложеніе ихъ Гѣреромъ тупо: онъ не понимаетъ ничего въ догматическихъ спорахъ. Іоаннъ Златоустъ сдѣлалъ несчастный опытъ: греческую церковь поставить нѣсколько независимѣе отъ власти, — онъ умеръ въ ссылкѣ. Никонъ забылъ его біографію. Конечно, греческая цер. иногда становилась посамобытнѣе, напр., въ Египтѣ при двухъ мерзавцахъ: Теофилѣ и Кириллѣ (проклявшемъ Нестора въ Ефесѣ); но и тогда она прислонялась къ Римскому папѣ, и этотъ Кириллъ — одинъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ православія. Во второмъ Ефесскомъ соборѣ, собр. противъ Флавіана Константиноп., Діоскоридъ Александрійскій ввелъ толпу вооруженныхъ монаховъ, въ шумѣ и дракѣ переколотили всѣхъ несогласныхъ ему архіереевъ, Флавіана онъ самъ топталъ ногами и избилъ его такъ, что онъ черезъ три дня умеръ. И все, что было положено этимъ соборомъ, утверждено императоромъ и принято церковью. Одинъ голосъ протестовалъ энергически, сильно и открыто, — голосъ римскаго папы Льва I; онъ назвалъ этотъ соборъ *latrocinium* ¹⁾, и имя его осталось въ народѣ. Но уступчивая восточная церковь не думала отстаивать своего собора: когда подулъ иной вѣтеръ изъ дворца, она въ Халкедонѣ прокляла недавно принятое и благословила - - - - - . И вотъ источникъ ея ортодоксіи. Споръ о двойной натурѣ Спасителя самъ по себѣ чрезвычайно важенъ; но не онъ вовсе занималъ благочестивыхъ и вооруженныхъ - - - - - архіереевъ, а мелкія личности, ненависть и

¹⁾ Разбойничество.

властолюбіе безъ границъ или ограниченное только страхомъ передъ временною властью. Замѣчательно, что Θεодоръ Мопсуестійскій, доказывая, что Хр. былъ истинно человѣкъ, говоритъ: «Что за польза была бы намъ отъ страданій Хр., если онъ не имѣлъ человѣческую душу; это была бы комедія, а не истинная борьба и жертва,—зрѣлище, въ которомъ побѣдоносный исходъ былъ приготовленъ» и пр. Въ этомъ замѣчаніи виденъ глубокой смыслъ истины Θεодора; теологи доселѣ не понимаютъ, что не токмо Христовы страданія, но вся исторія съ ихъ точки зрѣнія выходитъ приготовленной комедіей, а если принять это, то надобно будетъ по совѣсти сказать—прескверной, ибо какъ же объяснить миллионы миллионовъ страдавшихъ всю жизнь, умершихъ въ цѣпяхъ, казненныхъ... etc., etc. Пусть бы подумали теологи о словахъ Θεодора. Замѣчательно, что въ африканской церкви, и всего болѣе у дона-тистовъ, понятіе объ отношеніи государства къ церкви и независимость послѣдней было наиболѣе развито. Католицизмъ, отправляясь отъ великой мысли единства и поглощая государство, самъ сталъ церковью и государствомъ, - - - - - церковь скромно легла у подножія трона. Независимыми остались нѣкоторые расколы—эти вѣчные протесты противъ іерархіи и оцѣпенѣнія. Когда къ Донату пришли увѣщеватели отъ императора, онъ гордо отвѣчалъ: *Quid est imperatori cum ecclesia?* ¹⁾). Можетъ, въ сирійской церкви и иныхъ отдѣльныхъ и дальнихъ епархіяхъ было болѣе независимости, нежели въ средоточіяхъ греческой церкви.

Споръ пелагіанъ точно такъ же былъ витальный ²⁾ вопросъ христіанства, какъ аріанизмъ. У нихъ христіанство превращалось въ иѳику ³⁾: безъ грѣхопаденія, безъ августиновскаго понятія о благодати нѣтъ церкви, нѣтъ католицизма. Въ Августинѣ и всемъ его ученіи виденъ уже сложившійся католикъ, принимая это слово въ его обширномъ смыслѣ; въ тѣсномъ смыслѣ, напротивъ, Августина катол. отвергали, напр., іезуиты. Споръ пелагіанъ съ катол. потому не могъ кончиться, что истина рѣшительно между обоими.

Сегодня *десять* лѣтъ послѣ того, какъ я былъ взятъ и началась сначала тюрьма, потомъ ссылка, потомъ гоненіе, продолжающееся поднесъ!

23.—Ужасное лѣто: холодъ, дожди, дожди и дожди. И прошлое лѣто было скверно. Печальная полоса земного шара, какъ мало и скудно даетъ она человѣку. Пишутъ, что въ Германіи замѣтили астрономы пятно на дискѣ солнечномъ и что отъ этого пятна за-

¹⁾ Какое дѣло императору до церкви?

²⁾ Vital — жизненный.

³⁾ Рейхлиновское произношеніе слова «этика».

висятъ разныя метеорологическія перемѣны. Такъ или нѣтъ, все равно. Возможность очевидная. Кто поручится за то, что какая-нибудь перемѣна въ солнцѣ вызоветъ катаклизмъ во всю поверхность земного шара,—и тогда мы съ звѣрыми и растеніями погибнемъ, и на наше мѣсто явится новое населеніе, прилаженное къ новой землѣ. Страшная вещь, а отвѣчать нельзя. Одно настоящее наше, а его-то цѣнить не умѣемъ.

27.—Сегодня здѣшніе крестьяне, испуганные страшнымъ лѣтомъ, видя хлѣбъ и луга погибающими отъ дождей, служили молебень. Печально и съ какою-то торжественностью шли они въ церковь. Мнѣ стало ихъ вдвое жаль: и тамъ имъ не будетъ расправы, не будетъ справедливости. Дѣти, они вѣрятъ, что сила молитвы, сила воли и довѣріе на помощь божію поправитъ погубленное свирѣпой случайностью—и обманутся!

29.—Въ Прагѣ и около работники продолжаютъ войну съ машинами; въ Тюбингенѣ одинъ *честный и трудолюбивый* мастеровой, нѣсколько лѣтъ трудами своими кормившій 5 человекъ дѣтей, и все едва вырабатывая хлѣбъ насущный, наконецъ, приведенный въ совершенное отчаяніе безвыходностью положенія и желая спасти отъ бѣдности дѣтей, зарѣзалъ ихъ! Пора же, наконецъ, опомниться людямъ, пора явиться религіи, которая на хоругви своей поставитъ уничтоженіе незаконныхъ привилегій меньшинства.

Августъ.

5.—Вчера ужасная гроза застала насъ въ лѣсу. Страшные удары грома, вслѣдъ за молніями, казалось, раздробятъ насъ, дождь и градъ лился и сыпался. Какъ беспомощенъ и жалокъ человекъ въ этихъ случаяхъ. Одинъ Саша радовался на то, что его мочить. Мы уныло и глупо смотрѣли, чѣмъ кончится. Какъ помириться съ этой зависимостью?

6.—Вторая гроза еще ужаснѣйшая, потому что была почти ночью. И въ эту грозу бѣдный Коршъ ¹⁾ съ женой и малюткой былъ на дорогѣ къ намъ. Мы дома жались всѣ въ одной комнатѣ. Я ему былъ ужасно радъ.¹³ Сегодня утромъ Natalie едва оправилась отъ грозы послѣ неспянной ночи; вдругъ опять сильное потрясеніе. Саша всталъ совсѣмъ здоровый и вдругъ упалъ безъ чувствъ; вскорѣ онъ пришелъ въ себя; не понимаю, что такое. Я не былъ тутъ въ комнатѣ, все это случилось при ней и на ея рукахъ. Что

¹⁾ Евгений Ѳедоровичъ; жена—Софія Карловна.

это за страшный омутъ случайностей, въ который вовлечена жизнь человѣка? Я иногда сознаю себя безсильнымъ бороться съ тупой, но мощной, силой, во власти которой личность и все индивидуальное. Я, здоровый и крѣпкій, что-то измученъ, каково же ей, слабой?

8.—Сашѣ нездоровится съ тѣхъ поръ, какъ его застала гроза. Дороги страшны: 50 верстъ отъ Москвы—и нѣтъ средствъ въ большомъ экипажѣ проѣхать. Я лишень воспитаніемъ, а можетъ, вслѣдствіе физическаго устройства, этой особой оборотливости въ практической жизни, ловкости умно и догадливо устраивать всѣ подробности *du ménage* ¹⁾, меня потому все такое сильно беспокоить. На то, чтобы середь непрерывныхъ ударовъ случайности имѣть всегда твердость и мудрость корабельнаго капитана въ бурю, надобно несравненно болѣе силы характера, нежели на подвиги, которымъ обыкновенно удивляются, сдѣланные въ минуты увлеченія, вдохновенія.

Человѣкъ живетъ минутами, свѣтлыми полосами, между которыми темные, сѣрые переходы, что-то мутное, если не совсѣмъ черное. Эти рѣдкія мгновенія исполняютъ то, что жизнь обѣщаетъ, чего требуетъ она, это—ея истина, высшая дѣйствительность идеи, осуществляющейся всегда во всякой эпохѣ человѣческой исторіи. Для лицъ только. Оно много, если-бъ мы умѣли пользоваться. А то эти минуты летятъ не уваженные, а за ними—туманъ, изморозь, сырость, мелочи длятся, длятся.

К. ²⁾ рассказывалъ, что по дѣлу о книжкѣ «Кавказскія продѣлки» гр. Строгановъ получилъ бумагу отъ гр. Орлова съ повелѣніемъ прислать Крылова съ жандармомъ въ Петербургъ. Стр., не показывая Крылову предписанія, отвѣчалъ гр. Орлову, что у него жена больна и что онъ не можетъ исполнить этого предписанія, буде же государь прикажетъ, готовъ выйти въ отставку. Позволили Крылову пріѣхать безъ жандармовъ. Что за нерусская черта! Честь и слава графу. ¹⁴ А ргрос къ графамъ и жандармамъ: дочитываю теперь «*Consuelo*» ³⁾.—Что за гениальное возстановленіе жизни высшаго общества въ половинѣ XVIII вѣка; какъ она постигнула дворъ Маріи-Терезы, Фридриха. Что сказать объ эпизодѣ маркграфини съ ея дочерью? А вербовщики короля-философа, правленіе людей, какъ торгующіе неграми, безъ апелляціи и надежды. Подобнаго во Франціи не дѣлалось, ни въ Англіи, это только возможно съ нѣмцами и въ Германіи. Хорошъ анекдотъ, цитированный барономъ

¹⁾ Обыденнаго хозяйства.

²⁾ Е. Коршъ.

³⁾ Извѣстный романъ Жоржъ Санда.

Тренкомъ ¹⁾, что, когда герцогъ Брауншвейгскій удивлялся страшнымъ эволюціямъ Фридрихова войска, тотъ ему сказалъ: «Подивитесь тому, что среди его мы съ вами безопасны». Да, этому можно дивиться. Я далекъ, чтобы историческихъ дѣятелей судить съ сентиментальной точки зрѣнія, но нельзя же и симпатіи имѣть къ прозаически-холодному, ироническому безчеловѣчю.

9.—Читалъ Фейербаха о Лейбницѣ. Одна Германія, непрерывно спящая, имѣетъ такія громадныя пробужденія, какъ Лейбницъ, Лессингъ, Гете. Что за гигантская дѣятельность, что за многосторонность; всѣмъ занимается, со всѣми въ сношеніяхъ, обо всемъ хлопочетъ, всюду вноситъ свѣтъ своего генія, безпрестанно раскрытъ, готовъ писать, объяснять, обдумывать. Монадологія необходимо должна была быть изложена имъ. Спиноза, все пожертвовавшій философіи, видѣлъ только субстанцію, около которой кружится міръ акциденцій; его субстанція должна быть единою. У Лейбница субстанція-монада—начало дѣятельности, движенія, себя опредѣляющая въ различіе съ другими, живая именно въ расчлененіи и въ противоположности. Это переходъ въ логикѣ отъ единицы къ многообразію, это репульсія ²⁾ отъ себя. Изъ картезіанскаго протяженія наука углубляется въ субстанцію Спинозы; но эта субстанція опредѣляется *силою* Лейбница, силою живой, субстанціальной, но не единой, а душою атома,—монады, которыхъ безчисленное множество. Монада есть идеальный атомъ предмета, сила матеріи, ея единство; «истиннаго единства невозможно найти въ матеріи, какъ въ страдательномъ, ибо все въ ней куча частей, идущихъ въ безконечность»; а такъ какъ множество получаетъ реальность только отъ истинныхъ единствъ, то я «прибѣгъ къ атомамъ», понимая подъ ними силу, etc. Онъ очень близокъ къ понятію,—монада есть уже въ нѣкоторомъ смыслѣ понятіе. Смутность представленія матеріальности и матеріи, какъ необходимая связь монадъ, какъ ихъ среда, наконецъ, живая связь всей вселенной, отражающейся, находящейся въ соотношеніи съ каждой монадой и наоборотъ,—все это ставитъ Лейбницъ. воззрѣніе на природу несравненно выше Д—та ³⁾, Б. ⁴⁾ и Спин. У него въ каждой росинкѣ блеститъ то солнце, которое одно на небѣ Спинозы.

14.—Письмо отъ Бѣлинскаго, съ желчью и досадою писанное. Странный человѣкъ: онъ ищетъ любви, онъ полонъ нѣжности и, между тѣмъ, такъ раздражителенъ, такъ *невъротерпимъ*, что при

¹⁾ Фридрихъ, прусскій авантюристъ.

²⁾ Répulsion—отталкиваніе.

³⁾ Декартъ.

⁴⁾ Бэконъ.

малѣйшемъ разномысліи готовъ обругать человѣка. Я знаю его и люблю, но иной могъ бы отвѣчать въ квадратѣ колко; Бѣлинскій не остался бы назади,—и прекрасныя отношенія лопнули бы. Не такъ ли онъ разошелся съ Аксаковыми. Разумѣется, онъ къ мнѣніямъ Ак. симпатіи, наконецъ, не могъ имѣть; Ак. свое москвобѣсіе довели до *absurdissimum* ¹⁾, но нельзя же было и порвать такъ холодно связи многихъ лѣтъ. Дружба должна быть снисходительна и пристрастна, она должна любить лицо, а не идею; идея—общій элементъ сближенія, она можетъ дать товарища, единовѣрца, но дружба требуетъ признанія лица, а не всеобщей мысли его. Психологически занимательный вопросъ: отчего пріятель, любящій другого, любитъ непремѣнно укорить его, радуется, старается доказать, выказать его маленькій недостатокъ и готовъ, можетъ быть, въ то же время скрыть его пороки, пожертвовать собою, защищая его? *Sonderbar!* ²⁾

22.—Дѣятельность должна имѣть ограниченіе, чтобъ не разсѣяться,—вотъ призваніе матеріи у Лейбница; матерія ограничиваетъ чистую монаду, она раздѣляетъ монады между собой, она—страдательный предѣлъ дѣятельности и съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣленность ея. Монада непрерывно стремится освободиться отъ матеріи, т. е. отъ частности къ всеобщему. Дѣятельность, жизнь, душа и тѣло ея—необходимые полюсы, это—міровой идеализмъ и міровая эмпирія; всеобщность, родъ—единичность и частность. Теодицея неудачна, задача невозможна, какъ ни разрѣшай ее. Въ религіозномъ возрѣніи доля произвола всегда возможна и велика, «наука невозможна тамъ, гдѣ все возможно». Различіе разума и безумія стерто, гдѣ же опора науки? Возрѣніе людей во время Лейбница было еще сильно пропитано антропоморфизмомъ, субъективной телеологіей; Л. не могъ отдѣлаться отъ вліянія среды: онъ для этого былъ слишкомъ живой и увлеченный современностью человѣкъ. Онъ продолжалъ трудъ Спинозы, но онъ не имѣлъ силы отрѣшиться, какъ Спиноза, и съ высоты напомнить христіанскому міру «забытую имъ категорію отношенія предмета къ самому себѣ» (а не къ человѣку); наконецъ, я полагаю, Л. не хотѣлъ слишкомъ гертировать ³⁾ понятія своего вѣка: у него не доставало той *неподкупной честности*, которая была у Спинозы. Высшая честность языка не токмо бѣжитъ лжи, но тѣхъ неопредѣленныхъ, полузакрытыхъ выраженій, которыя какъ будто скрываютъ вовсе не то, что ими выражается. Напротивъ, она стремится впередъ высказать, какъ понимаетъ и преду-

1) Крайній предѣлъ нелѣпости.

2) Диковинно!

3) Heurter — толкнуть, шокировать.

преждаетъ не истинное толкованіе. Впрочемъ, въ тѣ времена умѣли религіи отводить скромный уголокъ,—она жила тамъ сама въ себѣ, а наука занимала все остальное въ душѣ, и онѣ не ссорились. Декартъ ходилъ пѣшкомъ къ Лоретской божьей матери просить ее на колѣняхъ помочь его скептицизму и никогда не подвергать религію разуму, то есть не хотѣлъ думать объ ней. Даже матеріалисты, какъ Локкъ, были на свой манеръ религіозные, и все это въ неспѣтости и противорѣчьи, какъ у нашихъ Гегеле-православныхъ славяноф.; Лейбницъ, напротивъ, искалъ живого примиренія, и ничего не выходило, кромѣ запутанности, затемнившей его прекрасное ученіе ученикамъ.

28. — Нѣсколько дней, прекрасно проведенныхъ въ симпатическомъ кругу друзей и хорошихъ знакомыхъ, пріѣхавшихъ сюда. Къ тому же и письмо изъ Берлина. Семейныя дѣла Огар. никакъ не распутываются. Что за фатумъ надъ нимъ.¹⁵ Нѣтъ, юность не прошла еще, и подчасъ кажется, что есть элементы юности, которые умѣютъ храниться не токмо при входѣ въ мужество, но и съ сѣдиною. Дружба всегда была для меня великимъ поэтическимъ вознагражденіемъ; не мечтательный, не сосредоточенный въ себѣ, я искалъ наслажденія на людяхъ, дѣлилъ мысль и печаль съ людьми. Дружба меня привела къ любви. Я не отъ любви перешелъ къ дружбѣ, а отъ дружбы къ любви. И эта потребность симпатіи, обмѣна, уваженія и признанія сохранились во всей силѣ. Юношески билось сердце, когда я видѣлъ подбѣзжающіе экипажи, какъ искренно хотѣлось мнѣ обнять добрыхъ друзей, какъ полно оцѣнилъ я ихъ жертву... О, страшно вздумать, охолодѣть и перестать чувствовать въ груди своей эти минуты безотчетной радости! Никакіе опыты не даютъ права душѣ оттолкнуть все хорошее.¹⁶

Кто изъ-за ошибки, изъ-за одного обмана плюнетъ на все, тотъ гордъ и безмѣрно самолюбивъ; нельзя теперь, какъ нѣкогда, дѣтски довѣряться, дѣтски играть,—это уродливое «*Bettina will schlafen*», сказанное сорокалѣтней *m-me von Arnim*¹⁾). Но есть кое-что, не бросаемое ни въ какомъ случаѣ въ море,—лучше утунуть самому.

А изъ Москвы пишутъ и говорятъ о мерзкихъ интригахъ и проискахъ. Богатство, деньги—самый лучшій оселокъ для человѣка. Патріотизмъ, смѣлая гордость, открытая рѣчь, храбрость на полѣ битвы, услужливая готовность одолжить,—все это легко встрѣтить; но человѣка, который бы твердо сочеталъ свою честь съ практикой

¹⁾ «Беттина хочетъ спать»—извѣстная фраза друга Гете, Елизаветы (Беттины) Арнимъ.

такъ, чтобы не качнуться на сторону 1000 душъ или полумилліона денегъ,—трудно. Собственность—гнусная вещь; сверхъ всего несправедливаго, она безнравственна и, какъ тяжелая гиря, гнетъ человѣка внизъ; она развращаетъ человѣка, и онъ становится на одной доскѣ съ дикимъ звѣремъ, когда корысть сбрасываетъ его съ пьедестала историческаго Standpunkt ¹⁾. Оттого ни одна страсть не искажаетъ до того человѣка, какъ скупость, несмотря на все то, что Байронъ сказалъ въ ея защиту. Расточительность, мотовство не разумны, но не подлы, не гнусны. Они потому дурны, что человѣкъ ставитъ высшимъ наслажденіемъ самую трату и нѣгу роскоши; но его неуваженіе къ деньгамъ—скорѣе добродѣтель, нежели порокъ. Они недостойны уваженія такъ, какъ и вообще всѣ вещи; человѣкъ ихъ потребляетъ, употребляетъ и на это имѣетъ полное право, но любить ихъ страстно, то есть поддаваться корыстолюбію,—верхъ униженія. Христіанство не даромъ такъ враждебно смотритъ на собственность и на имущество, *точимое молью*. Въ роскошномъ уничтоженіи временное достигаетъ цѣли,—оно гибнетъ, доставивши наслажденіе высшему существу. Въ скопленіи, совсѣмъ напротивъ, человѣкъ начинаетъ принадлежать вещи. Слово «недвижимое имѣніе» выражаетъ капканъ, въ которомъ пойманъ подвижной духъ. Звѣрь и тотъ уже освобожденъ отъ неподвижности—человѣкъ возвращается къ ней черезъ гражданскій порядокъ. Гегель въ молодости своей занимался француз. революціей, когда она догорала, и, разбирая политическое состояніе человѣка, указываетъ превосходно на жалкое положеніе, въ которое втолкнулись люди: «Es war eine Beschränkung auf eine ordnungsvolle Herrschaft über sein Eigenthum, ein Beschauen und Genuss seiner völlig unterthänigen kleinen Welt; und dann auch diese Beschränkung versöhnende, Selbstvernichtung und Erhebung im Gedanken an den Himmel» ²⁾. Да, недвижимое имущество здѣсь и награда *тамъ*, это—двѣ цѣпи, на которыхъ и поднесъ водятъ людей. Но теперь *работники* принялись потряхивать одну изъ нихъ, а другая давно заржавѣла отъ лицемѣрныхъ слезъ пастырей о погибшихъ овцахъ. Наши внуки увидятъ.

Зато какъ спокойно и съ какимъ благороднымъ сознаніемъ смотритъ человѣкъ на эти злобныя, искажающія все хорошее въ

¹⁾ Точка зрѣнія.

²⁾ Это было ограниченіе вполне упорядоченною властью надъ своей собственностью, созерцаніе своего маленькаго, вполне подчиненнаго мірка и наслажденіе имъ, а послѣ—также это примиряющее ограниченіе, самоуничтоженіе, вознесеніе въ мысляхъ къ небу.

мелкой душѣ страсти, и равно торжествуетъ, — онъ ли побѣдитъ, или онѣ побѣдятъ. Нищеты я боюсь, — такъ устроенъ міръ; особенно боюсь я въ Россіи, гдѣ однѣ деньги и даютъ право. Но далѣе того, что называется une position honnête ¹⁾, хлопотать не стану ни для себя, ни для дѣтей. ¹⁷

30. — «Hegel's Leben» ²⁾ Розенкранца. Р—ць — ограниченный человѣкъ и плохой мыслитель; слѣд., его разсказъ плохъ, и взглядъ очень ограниченный, но книга важна выписками и приложеніями. Жизнь Гегеля была жизнь и развитіе его системы; она текла совершенно по-германски: по школамъ, гимназіямъ и университетамъ. Самое поэтическое отношеніе у него было съ Гельдерлиномъ ³⁾, близости съ Шеллингомъ я не вижу. Систему свою въ первый разъ Г. набросалъ въ 1800 году; ему было 30 лѣтъ (родился 1770). Прекрасный подарокъ на зубокъ XIX вѣку; тогда уже онъ съ Шеллингомъ распался. Главный планъ и основное тогдашней системы не перемѣнилось, но только развилось. Мѣстами въ приводимыхъ отрывкахъ языкъ напоминаетъ мистическое вліяніе; пластичность выраженій и образы мѣткіе встрѣчаются вездѣ, — возражая Рѣдкину, требующему, чтобъ предметы наукообразнаго содержанія излагались языкомъ чистаго мышленія и пр. Въ тогдашнемъ опытѣ философіи природы находится замѣчательное мѣсто о строеніи земного шара; расчлененіе онаго (надобно замѣтить, что Гегель отдѣлилъ земную планету, какъ всеобщій индивидумъ ея элементарныхъ процессовъ и какъ распаденіе (auseinanderfallen) внѣшняго смѣшенія камней и земель) принималъ онъ за результатъ безусловно прошедшаго, котораго они нѣмымъ представителемъ и остались; они теперь равнодушно стоятъ рядомъ, потерявши отношеніе свое, пораженные будто параличемъ. Мысль чрезвычайно важная; отсюда нельзя ли ждать когда-нибудь отгадки, для чего и какъ явилось вещество планеты простыми тѣлами; что побудило сочетаться въ извѣстныя горнокаменные породы, не былъ ли это опытъ жить всею планетой такъ, какъ растенія — опытъ жить всею поверхностью?.. Въ отдѣлѣ «Geist» ⁴⁾, Гег. тогда опредѣлилъ семейство индифферентностью рабства и свободы. «Въ естественномъ состояніи человѣкъ говоритъ женщинѣ: ты плоть отъ плоти моей; въ нравственномъ онъ говоритъ ближнему: ты духъ отъ духа моего», водворяя такимъ образомъ равенство отношеній. Философія права

1) Добропорядочное независимое положеніе.

2) «Жизнь Гегеля».

3) Иоганнъ-Христіанъ, нѣмецкій поэтъ.

4) «Духъ».

того времени отвлечена и полна схоластицизма, она не удовлетворяет широкимъ основаніямъ и стремится оправдать существующее. Философія религіи почти вполнѣ понимаема имъ была такъ, какъ. вполсѣдствіи. Абстрактность и формализмъ приводятъ его къ результатамъ страшнымъ; напр., онъ находитъ необходимость дворянства, какъ противоборство въ формѣ повиновенія, необходимость всѣхъ сословій, трусости купцовъ и пр. Воинамъ не убитымъ онъ вмѣсто утѣшеній предлагаетъ спекуляціи, чтобъ вознаградить несчастье остаться въ жизни и пр. Въ философіи религіи онъ ясно высказываетъ, что протестантизмъ — временная форма и что возможна новая религія, въ которой духъ на собственной своей почвѣ, въ величіи собственнаго образа явится религіей и философіей вмѣстѣ. Вполсѣдствіи онъ этотъ результатъ такъ просто не высказывалъ. 2 ноября 1800 г. писалъ онъ къ Шеллингу о своей системѣ, гдѣ, между прочимъ, говоритъ: «Ich frage nicht jetzt, welche Rückkehr zum Eingreifen in das Leben der Menschen zu finden ist?»¹⁾.

Въ 1805 году Гегель, читая курсъ исторіи фил., опредѣлилъ себя относительно Шеллинга, и Шел. относительно науки такъ, какъ послѣ они и остались. Замѣчательно, что вся Германія отстала отъ Гегеля и уже въ наше время смекнула, въ чемъ дѣло, да и то Шел. своимъ мистическимъ дурачествомъ самъ привелъ къ критикѣ.

Въ Іенѣ у Г. было очень мало слушателей, — его рѣшительно не понимали студенты. Тамъ въ 1806 окончилъ онъ свою «Феноменологію» (Розенкранцъ очень хорошо ее назвалъ «Пургаторіемъ»), и когда французы взошли въ Іену, онъ положилъ въ карманъ рукопись и пошелъ искать пристанища у Габлера²⁾. Тутъ онъ видѣлъ Наполеона — diese Weltseele³⁾, какъ онъ говоритъ. «Странное чувство, — продолжаетъ онъ, — видѣть такое лицо: вотъ эта точка, сидящая на лошади, тутъ... царить міромъ». И прибавить слѣдуетъ: въ толпѣ едва замѣтная фигура, бѣдный профессоръ, несетъ въ карманѣ исписанные листы, которые не меньше будутъ царить, какъ. приказы Наполеона. Жизнь!

Гегель женился въ 1811 году и писалъ въ честь своей невѣсты: очень незвучные, но зато очень основательные стихи. Въ жизни. былъ великій филистеръ.

¹⁾ «Я теперь не спрашиваю, какъ найти возвратъ къ пониманію чело- вѣческой жизни».

²⁾ Георгъ, нѣмец. философъ.

³⁾ Эта міровая душа.

Сентябрь мѣсяць.

3.— Не знаю, счастье или нѣтъ великимъ людямъ, что передавать ихъ жизнь всего чаще случается людямъ ограниченнымъ. Лась-Казъ, Эккерманъ, Розенкранцъ приносятъ въ свое дѣло усердіе и честность, но ни понятія, ни таланта. Другой иначе бы воспользовался жизнью Гегеля: онъ представилъ бы этого человѣка демоническимъ явленіемъ, мыслью, поглотившею всю дѣятельность, но мыслью, носившею религію, науку, искусство, право будущаго. У Гегеля внѣшней жизни не было; одно существованіе: онъ жилъ въ логикѣ, въ наукѣ и довлѣлъ себѣ. У него не было друзей. Женившись 40 лѣтъ, онъ передъ свадьбой писалъ къ невѣстѣ диссертацию объ обязанностяхъ брака; онъ отталкивалъ своимъ пріемомъ, его улыбка была добродушіе съ ироніей, онъ не умѣлъ говорить. И все это вмѣстѣ характеризуетъ его въ десять разъ болѣе, нежели натяжки Р—ца представить его дѣятельнымъ ректоромъ, прекраснымъ пріятелемъ, мужемъ. Гегель былъ величайшій представитель переворота, долженствовавшего отъ α до ω провести новое сознаніе человѣчества *во науку*; въ жизни онъ былъ ничтоженъ. Къ этому, само собой разумѣется, много способствовало время, въ которое онъ жилъ, и страна. Берлинъ, сверхъ того, имѣлъ на него вліяніе; въ практическомъ мірѣ Гегель былъ мѣщанинъ. Онъ не постыдился просить защиты прусскаго министерства противъ злой критики, помѣщенной въ прусскомъ журналѣ; по поводу неделикатной и почти подлой выходки противъ Фриза ¹⁾ онъ совѣтовалъ ограничить свободу печатанія журнала. Наконецъ, его преподаваніе философіи права, сколько принесло важной пользы и разсѣяло пустую и всеобщую теоретическую демагогію, столько же сдѣлало вреда, защищая съ энергіей существующее зло и ругаясь, какъ надъ величайшей пошлостью, надъ *прекрасной душой* юношескихъ порывовъ.

4.— Пора ѣхать въ Москву, а смерть не хочется. Здѣсь жизнь какъ-то чище и благороднѣе. Дѣйствительнаго дѣянія, на которое мы бы были призваны, нѣтъ; выдохаться въ вѣчномъ плачѣ, въ сосредоточенной скорби не есть дѣло. Что-же мнѣ дѣлать въ Москвѣ? Быть тутъ—зачѣмъ? Два-три близкихъ человѣка и толпа глупая, гадкая. Когда я смотрю на бѣдныхъ крестьянъ, у меня сердце обливается кровью; я стыжусь своихъ правъ, стыжусь, что и я долею способствую заѣдать ихъ жизнь, и этотъ стыдъ подни-

1) Яковъ-Фридрихъ, нѣмец. философъ.

маеть душу и не безплоденъ; тутъ на бѣдной, жалкой скалѣ я могу что-нибудь сдѣлать. А та толпа вселяеть презрѣніе: она не голодна, она сыта и рада, что сыта. О, если-бъ гдѣ-нибудь въ тепломъ краю годъ-два пожить, пожить дѣятельно мыслью и сердцемъ, но безъ толпы. Мнѣ даже люди выше обыкновенныхъ въ Москвѣ начинаютъ быть противны; этотъ суетный 40-лѣтній парень Хомяковъ, просмѣявшійся цѣлую жизнь и ловившій нелѣпый призракъ русско-византійской церкви, дѣлающейя всемірной, повторяющей одно и то же, погубившій въ себѣ гигантскую способность, и Аксаковъ ¹⁾, безумный о Москвѣ, ожидающій не нынче-завтра воскресенія старинной Руси, перенесенія столицы и чортъ знаетъ что... Даже И. В. Кирѣевскій страненъ при всемъ благородствѣ. Бѣлинскій правъ: нѣтъ мира и свѣта съ людьми до того разными. А прогос. Въ «Allgemeine Zeitung» выписка изъ статьи Бѣл. о «Парижскихъ тайнахъ», и именно они напали на то, что меня остановило; у насъ нельзя такимъ образомъ хвалить сытость (тѣмъ болѣе, что и она очень апокрифна) и ругать революцію 30 года... Опять impasse ²⁾, опять бросить онъ на себя подозрѣніе въ сервильности. ¹⁸

Москва. 15.—Давно пріѣхалъ, но что-то не хотѣлось брать въ руки журналъ. Первая новость, которую я услышалъ,—происшествіе на Лепешкинской фабрикѣ. Какіе-то гг. Дубровины отдали въ кабалу 700 человекъ крестьянъ, оторвавши ихъ отъ семействъ и заставляя оставшихся въ деревнѣ стариковъ и дѣтей обрабатывать барщину. *Пригонять* крестьянъ на работу—дѣло обыкновенное: на дорогу и въ разныя мѣста, преимущественно казенныя; нелѣпость и даже незаконность поступка очевидны. Крестьянинъ, по закону, работаетъ только три дня на г—на, а тутъ онъ для себя не можетъ ничего сдѣлать. Но, благо, они терпятъ,—правительство молчитъ. Дубровинскіе к—не оказались не такъ нравственными, оставили работу и пошли толпою жаловаться къ генераль-губернатору; онъ собрался ѣхать въ деревню, откуда онъ управлялъ въ теплую погоду губерніей, и поѣхалъ, поручивъ разобрать какому-то адъютанту. Тотъ, желая отличиться усмирениемъ революціи и найдя сопротивление, далъ залпъ по голодной толпѣ, перебилъ нѣсколько человекъ, и все взошло въ порядокъ. Теперь присланъ чиновникъ изъ м. в. д. дѣлать слѣдствіе. Благородное російское дворянство, нечего сказать! Въ Новгородѣ выборные чиновники до того напакостили, что государь велѣлъ нов. дворянству объявить и просилъ

1) Константинъ Сергѣевичъ.

2) Тупикъ.

дать знать, что онъ «съ горестью видитъ, что дворянство не умѣть пользоваться правами, ему дарованными, и, буде впредь оно не исправится, онъ отмѣнить права». Что за люди, а, впрочемъ, они потому и не умѣютъ пользоваться, что права дарованы и дарованы тогда, когда объ нихъ и въ голову не приходило. Въ pendant. А судъ парламента освободилъ О'Коннеля ¹⁾. Великая страна,—благоговѣтъ надобно передъ этой высокой, святой правомѣрностью. Это событіе всемірное, важность его неисчислима. «О'Коннель противъ королевы». Англичане-враги, пэры, аристократы, все подчинили закону,—и великое, пластическое, плутарховское лицо агитатора снова явилось середь Дублина, съ тою же рѣчью, съ тѣмъ же видомъ. Истинно доблестная личность: его не удивила, не ошеломила свобода; онъ вышелъ изъ тюрьмы готовымъ на трудъ, вооруженнымъ; его первое слово было въ пользу репиля ²⁾; онъ требуетъ, чтобъ судили пристрастныхъ судей, и смѣется надъ юриспруденціей attorney general ³⁾. Бѣдные, жалкіе славянофилы! Ну, что же Англія-то не проваливается? или въ Европѣ, въ запусѣвающемъ Западѣ остались двѣ-три жилы, полная здоровой кровью? И не эта ли кровь недавно въ монархической Пруссіи раздалась при закладкѣ кѣнигсбергскаго университета почти надъ ухомъ самого короля, клавшаго первый камень. Святая почва Европы, благословенье ей, благословенье!

Кончилъ Розенкранцеву книгу. Нѣтъ ничего смѣшнѣе, что до сихъ поръ нѣмцы,—а за ними и всякая всячина,—считаютъ Гегеля сухимъ логикомъ, костянымъ діалектикомъ въ родѣ Вольфа ⁴⁾, въ то время, какъ каждое изъ его сочиненій проникнуто мощной поэзіей, въ то время, какъ онъ, увлекаемый (часто противъ воли) своимъ гениемъ, облакаетъ спекулятивнѣйшія мысли въ образы поразительности, мѣткости удивительной. И что за сила раскрытія всякой оболочки мыслью, что за молніеносный взглядъ, который всюду проникаетъ и все видитъ, куда ни обернулъ бы взоръ! Взглянулъ ли на хитрость, онъ говоритъ: «хвала хитрости, она—женственность воли, иронія безумной силы. Она—не плутовство, она совмѣстима съ чрезвычайной открытостью. Величіе поступковъ (das Betragen) состоитъ въ томъ, чтобъ своей открытостью заставить другихъ показаться такими, какими они есть; такая открытость перехитритъ безъ интриги». Стыдъ, что такое стыдъ? «Das Trenn-

¹⁾ Даніэль, знаменитый ирландскій патріотъ, освобожденный палатою лордовъ отъ ареста и суда за желаніе поставить главной задачей католической лиги уничтоженіе уніи, соединявшей Ирландію съ Англіей.

²⁾ Rereal—отмѣна закона объ единствѣ Ирландіи и Англіи.

³⁾ Генеральный прокуроръ.

⁴⁾ Христіанъ, нѣмец. философъ.

bare, so lange es vor der vollständigen Vereinigung noch ein Eigenes ist, macht den liebenden Verlegenheit. Es ist eine Art von Widerstreit zwischen der völligen Hingebung, der einzig möglichen Vernichtung, der Vernichtung des Entgegengesetzten in der Vereinigung und der noch vorhandenen Selbstständigkeit. Jene fühlt sich durch diese gehindert. Die Liebe ist unwillig über das noch Getrennte, über ein Eigenthum. Dieses Zürnen der Liebe über Individualität ist die Schaam. Sie ist nicht Zucken des Sterblichen, nicht eine Aüßerung der Freiheit, sich zu erhalten, zu bestehen. Bei einem Angriff ohne Liebe wird ein liebevolles Gemüth durch diese Feindseligkeit selbst beleidigt. Seine Schaam wird zum Zorn, der jetzt nur das Eigenthum, das Recht vertheidigt. Wäre die Schaam nicht eine Wirkung der Liebe, die nur darüber, dass etwas Feindseliges ist, die Gestalt des Unwillens hat, sondern ihrer Natur nach selbst etwas Feindliches, das ein angreifbares Eigenthum behaupten wollte, so müsste man von den Tyrannen sagen, sie haben am meisten Schaam, so wie von Mädchen, die ohne Geld ihre Reize nicht preisgeben, oder von den Eiteln, die durch sie fesseln wollen. Beide lieben nicht. Ihre Vertheidigung des Sterblichen ist das Gegenheil des Unwillens über dasselbe. Sie legen ihm in sich einen Werth bei, sie sind schaamlos. Ein reines Gemüth schämt sich der Liebe nicht, es schämt sich aber, dass diese noch nicht vollkommen ist, sie wirft es sich vor, dass noch eine Macht, ein Feindliches ist, welches der Vollendung hinderlich ¹⁾, и проч. Такихъ мѣсть чрезвычайно много. Я читаю теперъ его исторію философіи. Что за изложеніе!

¹⁾ Пока раздѣльное до полного соединенія представляетъ собою еще свое особое, оно смущаетъ любящихъ. Это своего рода противоборство между полной самоотдачей, единственно возможнымъ уничтоженіемъ, уничтоженіемъ противоположнаго въ соединеніи и еще имѣющейся на лицо самостоятельностью. Послѣднее тормозитъ первое. Любовь досадуетъ на остатокъ раздѣльности, на собственность. Это не содроганіе смертнаго начала, не проявленіе свободы, стремящейся отстоять, сохранить себя. При агрессивности безъ любви любвеобильная душа оскорбляется самой этой враждебностью. Ея стыдъ становится гнѣвомъ, который теперъ защищаетъ только собственность, право. Если бы стыдъ не былъ слѣдствіемъ любви, которая принимаетъ видъ враждебности только потому, что нѣчто противостоятъ ей, если бы онъ по самой природѣ своей былъ чѣмъ-то враждебнымъ, желающимъ отстаивать оспариваемую собственность, то про тирановъ нужно было бы сказать, что они наиболѣе стыдливы, и то же самое про дѣвушекъ, не отдающихъ своихъ ласкъ безъ денегъ, и про пустыхъ (женщинъ), которыя хотятъ привязать къ себѣ своими прелестями. Ни тѣ, ни другія не любятъ. Они отстаиваютъ смертное въ противоположность тѣмъ, которые негодуютъ на него. Они продаютъ ему въ себѣ извѣстную цѣнность, они безстыдны. Чистая душа не стыдится любви, но она стыдится ея несовершенства, она упрекаетъ себя, что есть еще враждебная сила, мѣшающая завершенію.

Софисты, Сократъ, Аристотель,—да это такія, высоко художественныя, оконченныя возстановленія, передъ которыми долго останавливаешься, пораженный свѣтомъ. И все это сухой логикъ!

17.— Оттого, что мы глубоко, непримиримо распались съ существующимъ, оттого ни у кого нѣтъ собственно практическаго дѣла, которое было бы принимаемо за дѣло истинное, увлекающее въ себя всѣ силы души. Отсюда небрежность, *nonchalance* ¹⁾, долею эгоизмъ, лѣнь и бездѣйствіе. Вотъ среда, благопріятная для развитія! Чѣмъ больше, чѣмъ внимательнѣе всматриваешься въ лучшихъ, благороднѣйшихъ людей, тѣмъ яснѣ видишь, что это неестественное распаденіе съ жизнью ведетъ къ идіосинкразіямъ, ко всякимъ субъективнымъ блазнямъ. *Beatus ille, qui procul negotiis* ²⁾, можетъ съ головою погрузиться въ частную жизнь или въ теорію. Не всякій можетъ. И эти-то не могущіе вянуть въ монотонной, длинной агоніи, плачевной и—главное—убійственно скучной. Въ юности все еще кажется, что будущее принесетъ удовлетвореніе всему, лишь бы добраться поскорѣе до него, но *nel mezzo del cammin di nostra vita* ³⁾ нельзя себя тѣшить,—будущее намъ лично ничего не предвѣщаетъ, развѣ—гоненія усугубленныя и опять скуку бездѣйствія. Будутъ ли наши дѣти счастливѣе? Всякій разъ, какъ я вижу Чаадаева, напр., я содрогаюсь. Какая благородная, чистая личность, и что же? въ этой жизни тяжелая атмосфера сѣверная гибаетъ въ ничтожную жизнь маленькихъ преній, пустой траты себя словами о ненужномъ, ложной замѣной истиннаго дѣла и слова. Хорошо, кому это по натурѣ, какъ Хомякову: онъ родился для византійско-петербургскаго порядка дѣлъ.

Жизнь безъ сильныхъ искушеній, несчастій такъ же неполна, какъ безпрестанно подавляемая несчастіемъ. Вѣчное горе дѣлаетъ скрытнымъ, недовѣрчивымъ, наконецъ, повергаетъ въ совершенное безучастіе къ себѣ и къ окружающему, и въ этомъ оно похоже на счастье, никогда не возмущавшееся; благородная натура не теряетъ симпатій своихъ ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, но онѣ остаются въ какой-то не проявляемой *Innerlichkeit* ⁴⁾. Вообще жизнь для полного развитія требуетъ событій; въ иномъ хранится бездна возможностей, о которыхъ онъ и не подозрѣвалъ и которыя никогда не дойдутъ до одѣйствованія, не будучи вызваны внѣшними условіями; наоборотъ, теоретически можно увѣриться въ такихъ

¹⁾ Нерадивость, халатность.

²⁾ Блаженъ, кто въ сторонѣ отъ дѣлъ.

³⁾ «Въ срединѣ нашей жизненной дороги» — первая строка «Божеств. комедіи» Данте.

⁴⁾ Скрытность.

силахъ своихъ, которыхъ вовсе нѣтъ. Бѣда нашего вѣка въ расторженіи теоретической жизни и практической, исключая, впрочемъ, Англию. У грековъ было не такъ; оттого жизнь ихъ (въ своихъ предѣлахъ, разумѣется) была виртуознѣе и лучше. Между прочимъ, мы себя раздражаемъ непрерывно мечтами,—этимъ суррогатомъ дѣйствительныхъ страстей. Одинъ никого не любитъ, а влюбленъ, теоретически хочетъ жениться во что бы ни стало; другой выдумываетъ другую мнимую муку и носится съ нею; все это одинакимъ образомъ свидѣтельствуетъ о совершенномъ недостаткѣ истинныхъ, всепоглощающихъ занятій; дѣятельность теоретическая недостаточна.

23.—Объясненіе съ Д. П. ¹⁾),—*omni casu* его поступокъ благороденъ: ничѣмъ не понуждаемый, онъ самъ пришелъ ко мнѣ, чтобъ подробно и, какъ кажется, открыто изложить причину своего образа дѣйствій относительно наслѣдства. Гордость, аристократическія понятія на первомъ планѣ. Старикъ это — достойное наказаніе за цѣлую жизнь эгоизма и непоследовательности убѣжденія, когда только замѣшивалась корысть, за его неуваженіе къ человѣку, за его скрытную двуличность. Мы разстались не безъ уваженія другъ къ другу. Я совершенно прямо говорилъ о моихъ отношеніяхъ; мнѣ нечего прятать: все, что я дѣлаю, я могу дѣлать всенародно, особенно въ этомъ, т. е. въ финансовомъ, отношеніи. А между тѣмъ, онъ одному Д. П. вѣрилъ, насколько могъ. И въ этомъ—продолженіе казни. *Au reste qui vivra verra* ²⁾). Рано или поздно придется прямо и окончательно высказаться ³⁾).

Все время штудировалъ Аристотеля въ Гегелевой исторіи философіи. Господи, вотъ талантъ-то! Я его считаю замыкателемъ греческой философіи. Неоплатонизмъ не имѣетъ того огромнаго сціентифическаго значенія, кажется мнѣ, которое ему придаетъ теперь и Гегель.

А впрочемъ, кто гигантъ—Аристотель или Греція? Гераклитъ за 500 лѣтъ до Р. Хр. положилъ въ основу *πάντα ῥεῖ* ⁴⁾). А софисты, это—бретеры діалектики.

30.—*Arganase* ⁵⁾) возвратилась. Что за странная, уродливая исторія! Я не обвиняю, не хочу обвинять; но не могу не видать безумія во всемъ и въ нихъ обоихъ. Конечно, Б. болѣе виноватъ, нежели 18-тилѣтняя неразвитая, пылкая парижанка; ему 35 лѣтъ

¹⁾ Голохвостовъ.

²⁾ Впрочемъ, кто поживетъ—увидитъ.

³⁾ См. гл. XXXI «Былого и думъ».

⁴⁾ «Все течетъ».

⁵⁾ Жена В. П. Боткина.

да и нравъ не такъ порывистъ. Для чего же онъ женился? Для чего она шла за него, видя его рефлексію и пр.? Черезъ 7 дней въ ссорѣ, черезъ мѣсяцъ въ разлукѣ, и навсегда. Она оскорблена, страдаетъ.

Неразвитость ея — не резонъ: онъ долженъ былъ развить ее. Эгоизма бездна виднѣется въ этомъ пренебреженіи къ ближнему, что-то Горасовское. И зачѣмъ она пріѣхала? Ей-ей, все безуміе и одно безуміе.

Бакунину префектъ въ Парижѣ велѣлъ выѣхать, — знай нашихъ; одинъ испанскій *exaltado* говорилъ, что Бакунинъ далеко ушелъ. Въ Цюрихѣ—въ тюрьмѣ, а изъ Парижа выслали ¹⁾.

Октябрь.

3. — Постоянно занимаюсь чтеніемъ Гегелевой исторіи философіи и статьей. Началъ ходить къ Глѣбову ²⁾ на лекціи: читаетъ прекрасно сравнительную анатомію и анатомію человѣческаго тѣла.

8.—Продолжаю заниматься и оттого рѣдко добираюсь до журнала. Надобно обратить побольше вниманія на естественныя науки: ими многое уясняется въ вѣчныхъ вопросахъ. Я отсталъ, —десять лѣтъ почти вовсе не занимался ими.

15.—На-дняхъ получилъ прекрасное письмо отъ Огарева; несмотря на всѣ странности, на всѣ слабыя стороны его характера, я рѣшительно не знаю человѣка, который бы такъ поэтически, такъ глубоко и вѣрно отзывался на все человѣческое. Я совершенно примирился съ нимъ, а то были минуты, въ которыя я негодовалъ, и очень. Женщина эта мучитъ его, преслѣдуетъ и не выпускаетъ изъ рукъ добычи. Онъ ее не любитъ и между тѣмъ не можетъ отвязаться отъ нея, — психическая задача. ¹⁹ Долго ни онъ, ни Сатинъ не пріѣдутъ, и прекрасно для нихъ: пусть надышатся европейскимъ воздухомъ. А у насъ подтвержденіе ѣздитъ по чинамъ, какъ Петръ и Павелъ учреждали ³⁾. Говорятъ еще, что право носить бобровые воротники предоставится только оберъ-офицерамъ. Чиновничество и византійскій китаизмъ. Женѣ ⁴⁾ Юшневскаго не позво-

¹⁾ Этотъ слухъ, какъ и сообщенный раньше о Цюрихѣ, оказался невѣренъ: Бакунинъ все то время продолжалъ жить въ Парижѣ.

²⁾ Иванъ Тимофеевичъ, профессоръ зоологіи и анатоміи въ москов. университетѣ.

³⁾ Особая табель о количествѣ лошадей, выѣздной прислуги, ея одеждѣ и пр.

⁴⁾ Марія Казиміровна.

ляютъ возвратиться черезъ 19 лѣтъ. Я чрезвычайно радъ, что попалъ опять на естественныя науки: надобно чѣмъ-нибудь заглушить все, что остается отъ энергіи; кругомъ туманъ и конца ему не видать. Итакъ, кажется, мы начинаемъ дѣлаться прошедшимъ! Вотъ и упованія... Здѣсь особенно скучны эти славянофилы; опять сдѣлались мнѣ противны; они, сверхъ тупости, хитры, коварны, исключая, разумѣется, двухъ-трехъ. Ихъ представитель—«Маякъ», напечатавшій нагло свое позорное и невѣжественное profession de foi...

Разрѣшенія на журналъ нѣтъ; это, кажется, послѣдняя мечта, и та не сбудется. Стыдная жизнь; иногда бываетъ такъ тяжело, такъ тяжело, что апатія овладѣваетъ всѣмъ существомъ и хотѣлъ бы только ѣсть и пить.²⁰

21.—Переговоры о наслѣдствѣ etc. Удивительную мощь даетъ человѣку неуваженіе денегъ или, по крайней мѣрѣ, когда въ немъ есть извѣстныя убѣжденія, которыя онъ ставитъ выше денегъ. Разумѣется, въ томъ случаѣ, когда это неуваженіе происходитъ не отъ ноздревской безчестности, а, напротивъ, соединено съ полнымъ сознаниемъ важности денежныхъ средствъ. Я отказался отъ Покровскаго, чтобъ не быть причиной ссоръ и дальнѣйшей запутанности. Отказъ съ моей стороны выкажетъ всѣхъ. Дм. Пав. странно судить, исполненъ предразсудковъ, но прямо обвинить его еще не могу,—напротивъ, много дѣльнаго и *шляхетно* благороднаго. Но что дѣлаетъ старикъ, Боже мой! Боже мой! Какъ страшно правъ Гоголь, говоря: забирайте теплыя и святыя чувства съ собою изъ юности, безъ нихъ старость страшитъ хуже могилы,—на могилѣ хоть есть надпись, а въ безчувственныхъ чертахъ старости ничего не прочтешь. Эгоизмъ все вытравливаетъ съ лѣтами, если только неэгоистическія, человѣческія стороны такъ слабы, что могутъ вытравиться. Нѣтъ, такой старости не желаю, лучше умереть въ разгарѣ жизни, нежели живому пережить себя¹⁾.

29.—Анатомія со всякимъ днемъ открываетъ мнѣ бездну новыхъ фактовъ, а съ ними—мыслей, взглядовъ etc. на природу. Много знаютъ натуралисты, а во всемъ есть *нѣчто*, чего они не знаютъ, и это нѣчто важнѣе всего, что они знаютъ. Объ этомъ именно я много писалъ въ своей статьѣ²⁾. А прогос, я увѣренъ, что зоогностическая классификація Кювье и новѣйшихъ зоол. не удержится. Почему инфузоріи помѣщены ниже полиповъ? Потому что малы?.. Вообще безпозвоночные худо размѣщены у Кювье: моллюски вслѣдъ за позвоночными, но есть моллюски, чрезвычайно бѣдно организо-

¹⁾ См. гл. XXXI «Былого и думъ».

²⁾ См. № 417.

ванные—всѣ безголовые; articulata ¹⁾) не ниже высшихъ моллюсковъ. Дѣло въ томъ, что прямолинейно нельзя расположить никакого царства природы: она разбрасывается и по множеству направленій достигаетъ высшихъ типовъ. Де-Кандоль давно предлагалъ классификацію представлять въ томъ видѣ, какъ географическія карты. Читалъ Либиха органическую химію; много хорошаго, но много и гипотетическаго.

Ноябрь мѣсяцъ.

2.—Вчера въ плохомъ французскомъ спектаклѣ я былъ взволнованъ плохою пьесой и всего болѣе—плохою публикою. Пьеса очень не важная, изъ нынѣшнихъ сентиментальныхъ и моральныхъ французскихъ пьесъ, гдѣ музыка играетъ въ мѣстахъ лирическихъ, а человѣкъ бредитъ на яву въ мѣстахъ патетическихъ. Но не въ этомъ дѣло. На сценѣ былъ представленъ старикъ—музыкантъ, не ѣвшій, бѣдный, котораго хозяинъ дома выгоняетъ на улицу, у котораго отнимаютъ послѣднюю утѣху,—старое фортепіано; старикъ проситъ, умоляетъ оставить ему инструментъ; строго исполняющій законъ и защищаемый имъ *progrégataire* не слушаетъ. Сцена страшная, вопіющая противъ современной общественности,—сцена, производящая тупую боль, щемленіе и до отвратительной степени вѣрная, ежедневная, ну,—возмутительная, наконецъ. Я посмотрѣлъ на кресла, я поднялъ глаза на ложи. По сытому выраженію лица видно было, что они голоднаго не разумѣютъ. Что съ ними надобно сдѣлать, чтобъ они начали понимать, чтобъ у нихъ сердце, сверхъ приливовъ и отливовъ крови, еще имѣло бы какое-нибудь содержаніе?

Гагаринъ—католикъ сдѣлался іезуитомъ; онъ хочетъ натурализироваться во Франціи и потомъ, сдѣлавшись священникомъ, возвратиться въ Россію. Всякое убѣжденіе, заставляющее человѣка пренебрегать всѣмъ временнымъ,—особенно русскаго,—почтенно не само въ себѣ, а въ человѣкѣ. *Au reste* ²⁾) все это невозможно: его на границѣ схватятъ или не пустятъ въ Россію, или онъ безъ вѣсти исчезнетъ. И за что идетъ онъ, понукается на мученичество? Изъ-за идеи мертвой, погибшей. Русскій, развивающійся до всеобщихъ интересовъ, готовъ схватиться за всякій вздоръ, чтобъ заглушить только страшную пустоту.

¹⁾ Суставчатая.

²⁾ Впрочемъ.

9. — Читаль гетевскія сочиненія по части естествовѣдѣнія; что за исполинъ,—намъ слѣдить невозможно за всѣмъ тѣмъ, что имъ сдѣлано и какъ. Поэтъ не потерялся въ натуралистѣ, его наука точно также—поэзія жизни, реализма, съ такимъ же пантеистическимъ характеромъ и съ тою же глубиною. Теоретическимъ мыслителемъ, діалектикомъ онъ не былъ. Между прочимъ, онъ въ предисловіи къ «*Metam. der Pf.*» ¹⁾ говоритъ о незамѣтномъ переломѣ, какъ человѣкъ сначала съ юными силами непрерывно расширяетъ область своего вѣдѣнія и мало-по-малу переходитъ къ храненію нажитаго, и уже нѣтъ того стремленія къ новому. И мы скоро перейдемъ въ эту фазу, да только—что хранить? Мы пали подъ бременемъ вѣка и страны, у насъ будущности нѣтъ, изъ прошлаго вынесли любовь къ людямъ и скептицизмъ. Ученыя убѣжденія слабы, бѣдны, набирать ихъ поздно. Жизнь, если не пересячется нелѣпой случайностью, представитъ монотонную и однообразную іереміаду негодованій на окружающее, повтореній; та же невозможность писать то, что хочешь, и неспособность писать то, что можно. «Это наказаніе людей, выходящихъ изъ современности своей страны». Такія сентенціи хороши въ философіи, а на дѣлѣ скверны; а кто насъ вывелъ изъ современности?.. Развѣ можно было найтись въ подобныхъ страшныхъ обстоятельствахъ, не потерявъ человѣческаго достоинства?

Грановскій написалъ диссертацию о Винетѣ и Волинѣ, гдѣ онъ доказываетъ, что Винета славянскихъ преданій никогда не существовала и пр. ²⁾. Такова дикая нетерпимость славяноф., что они ³⁾ хотятъ возвратитъ диссертацию, что, вѣроятно, примѣра не имѣетъ, и готовы преслѣдовать Грановскаго, какъ лицо. Преслѣдовать за Винету,—это дѣлаетъ маленькое указаніе: если-бъ эти люди получили власть въ руки, что бы они сдѣлали со всѣми не покоряющимися ихъ варварскимъ мнѣніямъ; они показали бы, что такое цензура великаго народа и что такое кроткая сила слова православной церкви. Теперь они ликують и не нарадуются вѣсти, что «От. Зап.» запрещены, и черезъ кого, какъ не черезъ Погодина и Шевырева ⁴⁾. И Грановск. журналъ отчего не позволяютъ? я увѣренъ, что по ихъ гадкимъ доносамъ и проискамъ.

9. — Толки и переговоры съ Ив. Вас. ⁵⁾ насчетъ участванія

¹⁾ «Превращенія растеній».

²⁾ «Волинъ, Іумсбургъ и Винета».

³⁾ Профессора: И. И. Давыдовъ, С. П. Шевыревъ и О. М. Бодянский.

⁴⁾ Невѣрный слухъ.

⁵⁾ Кирѣвскій.

нашего въ «Москв.»¹⁾ Я сначала сказалъ, что такъ какъ опредѣленная и весьма большая разница въ нашихъ убѣжденіяхъ очевидна, но тѣмъ не менѣе нельзя отрицать личныхъ симпатій, искренняго уваженія къ его лицу, то, я полагаю, лучше было бы подождать книжку, другую журнала и потомъ посмотрѣть, возможно ли намъ участвовать. Безпристрастіе есть своего рода неопредѣленность и апатія; личное уваженіе есть тоже личность, вредная дѣлу. Сверхъ того, Ив. Вас. не дошелъ до послѣдней точки москвизма, но вся его партія щеголяетъ дикими и исключительными антигуманными мыслями. Хомяковъ согласился со мною и присовокупилъ, что онъ не далъ бы статьи Гранов. Я замѣтилъ ему, что, проводя ту же консеквентность, Гр. не взялъ бы и не помѣстилъ бы ее. Многосторонность симпатій *vous éparpillent*²⁾; надобно рѣзко и опредѣленно обозначить, въ чемъ наша мысль, и прямо высказать дѣломъ и словомъ невозможность общенія съ противоположнымъ мнѣніемъ.

Жалкія и парадоксальныя мнѣнія отчаянныхъ славянофиловъ не такъ бы бѣсили, если-бъ они были только нелѣпы, а то они нечеловѣчественны и противны. На похоронахъ Погодиной³⁾ въ лютеранской церкви они держали себя неблагопристойно; я просилъ Хомякова вспомнить, какъ онъ рекомендовалъ поступить съ иностранцемъ, который бы не снялъ шляпы въ проходѣ сквозь Спасскія ворота.

Потомъ толки о Гагаринѣ. Хомяковъ находитъ наглýmъ и дерзкимъ до невѣроятности намѣреніе его возвратиться сюда проповѣдывать католическимъ пасторомъ, натурализовавшись французомъ.—«Ну, да если онъ убѣжденъ чисто и благородно, что католицизмъ есть единая дверь ко спасенію?»—«Да какъ же онъ отказался отъ отечества?»—«Не отъ отечества, а для своего спасенія отъ каторги принялъ онъ видъ француза. Этого онъ понять не могъ. «Если-бъ,—говоритъ онъ,—англичанинъ сдѣлалъ подобный поступокъ»? Ну, что же, былъ бы кругомъ виноватъ, потому что въ Англіи его защищалъ его законъ и пр.

20.—Болѣе и болѣе расхожусь съ славянами; кажется, ихъ удивилъ прямой языкъ, мой тонъ у Свербеева⁴⁾. Потому думаю, что меня всѣ спрашиваютъ, какъ было, что было, главное,—какъ я рѣшился сказать поэту-лауреату береговъ Неглинной, «что и не помѣстятъ его статьи въ нашъ журналъ». И Аксаковъ становится

1) «Москвитянинъ».

2) Разбрасываютъ насъ.

3) Елизавета Васильевна, жена М. П. Погодина.

4) Дмитрій Николаевичъ.

скученъ отъ фанатизма московщины; мой разговоръ за недѣлю тому назадъ озлобилъ и удивилъ многихъ. Когда люди начинаютъ сердиться, они дозволяютъ всплыть многому, что лежитъ на днѣ души и въ чемъ неохотно себѣ сознаются. Изъ манеры славяноф. видно, что если бы матеріальная власть была ихъ, то намъ бы пришлось жариться гдѣ-нибудь на Лобномъ мѣстѣ.

29. — Нѣтъ человѣка, который былъ бы менѣе меня подверженъ всякаго рода Grübeleien, но подчасъ душа вдругъ стѣсняется какимъ-то ужасомъ, трепещетъ передъ грозными возможностями, и за этими минутами слѣдуетъ печальная полоса, отъ которой долго не отдѣлываешься: черныя грѣзы съ какою-то подробностью втѣсняются одна хуже другой. Шаткость всего святѣйшаго и лучшаго въ жизни можетъ свести съ ума. А то, чего утратить нельзя, не сытить вполнѣ.

Встрѣтилъ въ числѣ слушателей Глѣбова одного замѣчательно умнаго молодого человѣка ¹⁾ и съ горестью наглазно измѣрилъ, сколько свободного и благороднаго задавили въ насъ опытъ и гоненія. Этотъ молодой человѣкъ открыто, прямо говоритъ свои убѣжденія, не кастрируя каждую мысль, не оглядываясь воровски. Я перенесся въ тѣ времена, когда я, студентъ, отдавался также увлеченію свободной, смѣлой рѣчи. И теперь бываютъ такія минуты, но потомъ спохватишься, — вотъ что скверно. Хитритъ, искажать мысль, заставить догадаться... конечно, «это иронія der brutalen Macht» ²⁾, но громкая, открытая рѣчь одна можетъ вполнѣ удовлетворить человѣка. Упрекаютъ мои статьи ³⁾ въ темнотѣ; несправедливо, онѣ намѣренно затемнены. — Грустно!

Декабрь мѣсяць.

3. — Наконецъ, я дочиталъ брошюру Прудона «О собственности». Прекрасное произведеніе, не токмо не ниже, но выше того, что говорили и писали о ней. Разумѣется, для думавшихъ объ этихъ предметахъ, для страдавшихъ надъ подобными соціальными вопросами, главный тезисъ его не новъ, но развитіе превосходно, мѣтко, сильно, остро и проникнуто огнемъ. Онъ совершенно отрицаетъ собственность и признаетъ владѣніе индивидуальное, и это не личный взглядъ, а выводъ логическій и строгій, которымъ онъ

¹⁾ Иванъ Васильевичъ Павловъ.

²⁾ Грубой силы.

³⁾ См. № 417.

развиваетъ невозможность, преступность, нелѣпость права собственности и необходимость владѣнія. Очень кстати къ этой брошюрѣ заключеніе отчета министра Киселева ¹⁾, помѣщенное въ газетахъ. Это министерство тоже не признаетъ собственности, ни даже владѣнія; въ то время, какъ стонъ со всѣхъ сторонъ Россіи поднимается до Москвы и до Петербурга, этотъ человѣкъ имѣетъ мѣдный лобъ говорить, что ропотъ крестьянъ происходитъ отъ ихъ непривычки къ правильному управленію и порядку; что ихъ благосостояніе растеть; что учрежденія не требуютъ коренныхъ измѣненій; что стоитъ имъ развиваться въ томъ же духѣ, и заключаетъ, наконецъ, тѣмъ, что встрѣчаемая имъ неудовольствія—необходимыя слѣдствія переворота, въ родѣ испытанія людямъ, идущимъ на исполненіе святой воли Г. Съ какимъ негодованіемъ лѣтъ черезъ 50 будутъ читать такую колоссальную ложь и такое безстыдство... И никто не смѣетъ уличить, отвѣтить, по крайней мѣрѣ, раскрыть глаза.

4.— Писалъ къ Самарину. Не могъ, да и не хотѣлъ удержаться, чтобъ не написать ему вполнѣ мое мнѣніе о славянахъ, объ этой пустотѣ, болтовнѣ, узкомъ взглядѣ, стоячести и пр. Ему изъ Петерб. по воспоминанію, издали долго не отдѣлаться отъ нихъ; я не полагаю, чтобъ мое письмо на него подѣйствовало, но пусть же онъ услышитъ и другую сторону. Онъ одинъ изъ нихъ можетъ, кажется, еще спастись.²¹ Исторія съ диссертацией Грановскаго послужила на пользу: всѣ сняли перчатки и показали настоящий цвѣтъ кожи. Грановскій отказался отъ всякаго участія въ «Москвитянинѣ».

10.— Славянофильство имѣетъ подобное себѣ явленіе въ новой исторіи западной литературы. Появленіе національно-романтической тенденціи въ Германіи послѣ наполеоновскихъ войнъ,—тенденціи, которая находила слишкомъ всеобщю и космополитическою науку и мысль, шедшую отъ Лейбница, Лессинга до Гердера, Гете, Шиллера. Какъ ни естественно было появленіе неоромантизма, но оно было не болѣе, какъ литературное, научное явленіе, безъ симпатіи массъ, безъ истинной дѣйствительности; не трудно было угадать, что черезъ десять лѣтъ объ нихъ забудутъ. Точно такое же положеніе занимаютъ славянофилы. Они никакихъ корней не имѣютъ въ народѣ, они западной наукой дошли до своихъ національныхъ теорій; это—болѣзнь литературная и больше никакого значенія не имѣющая. Они вспоминаютъ то, что народъ забываетъ, и даже о настоящемъ имѣютъ вовсе несходное мнѣніе съ народ-

¹⁾ Графъ Павелъ Дмитріевичъ, министръ государственныхъ имуществъ.

нымъ. Недавно я слышалъ, какъ они говорятъ о нравственной и кротко-семейной жизни сельскаго духовенства, о вліяніи этихъ добрыхъ отцовъ семейства на крестьянъ; отъ донс, кто когда-нибудь живалъ въ деревняхъ или говорилъ съ крестьянами, хоть на большой дорогѣ, тотъ знаетъ истину такой идилліи.

«Зачѣмъ иностранцы насъ не понимаютъ? зачѣмъ смотрятъ враждебно? зачѣмъ мало занимаютъ нами? etc.» Да зачѣмъ мы сами не болѣе 15 лѣтъ стали заниматься собою, какъ самобытными, да зачѣмъ, начавши собою заниматься, вывели однѣ нелѣпости; заниматься кѣмъ-нибудь тогда только можно, когда онъ стоитъ этого. Европа очень занимается нашей силой, потому что она въ ней видитъ мощнаго раба подѣ вліяніемъ розги и бича, который готовъ на время разрушить великіе плоды вѣковъ; Европа tacite-ment ¹⁾ стоитъ подѣ однимъ знаменемъ отъ Кенигсберга до Дублина; разногласія ихъ—частные вопросы, но есть лабарумъ ²⁾, около котораго всѣ народы готовы были бы соединиться (исключая, можетъ быть, часть Австріи). Съ другой стороны, они видятъ знамя, прямо противоположное, написавшее яркими буквами «самодержавіе». Они должны ненавидѣть станъ враговъ и тотъ народъ, который готовъ итти на гибель народамъ.

11.—Когда при возрожденіи наукъ явилась древняя гуманная цивилизація, весь средневѣковый міръ испыталъ то, что русское государство испытало при принятіи западной цивилизаціи. Иная, вполнѣ развитая мысль внѣдрялась въ Европу католическую и сочеталась съ нею; къ намъ такъ явилась мысль европейская.

14.—Вчера въ 10 минутъ двѣнадцатаго родилась малютка ³⁾. Страданія были велики, но вѣры больше, нежели тѣ раза. Рожденіе малютки—потрясающій религіозно-физическій актъ; люди со слабыми нервами не могутъ присутствовать при страданіяхъ женщины. Очень вѣроятно: я вовсе не подверженъ нервнымъ припадкамъ, но и то чувствую, что еще немного,—и волненіе сдѣлается не по груди, то есть сильнѣе сознанія. Особенно минута рожденія, перваго крика: какъ будто что-нибудь обрывается въ груди; можетъ, это магнетическое соотношеніе съ родильницей. Итакъ, дочь! Мнѣ хотѣлось дочь: если наша семья не уменьшится, останется такъ, какъ есть, пожалуй, и не увеличится,—она какъ-то теперь цѣла, замкнута. Надобно была дѣвочка, чтобъ въ ней повторилась мать, чтобъ былъ элементъ des Weiblichen ⁴⁾, мягкости,

¹⁾ Безмолвно.

²⁾ Знамя, хоругвь.

³⁾ Наталія Александровна, нынѣ здравствующая.

⁴⁾ Женственнаго.

кротости. Если-бъ я могъ быть счастливъ въ одномъ домашнемъ счастиі, если-бъ я имѣлъ эгоизмъ людей, называемыхъ добрыми отцами семействъ, я былъ бы вполне счастливъ. И теперь, когда черныя мысли о безвыходности, о бездѣйственности, объ утратѣ всѣхъ упованій найдутъ на душу, одно утѣшеніе—семья и двое-трое друзей. Оно врачуетъ, это правда, но врачеваніе есть само по себѣ актъ скорбный и пр.

Сегодня 19 лѣтъ знаменитому 14 декабря ¹⁾).

16.—Давно,—а, можетъ, и никогда—я не испытывалъ такого кроткаго чувства спокойнаго обладанія счастьемъ очага своего, какъ нынѣ. Правда, торжественна была минута рожденія Саши, но наша неопытность повергала насъ въ непрерывный страхъ. Этотъ страхъ только развился отъ несчастныхъ случаевъ, и когда родился Николенька, я ничего не надѣялся,—я былъ увѣренъ, что онъ не останется живъ... Совѣмъ напротивъ теперь: я твердо вѣрилъ, и вѣра сбылась. Вся обстановка теперь какъ-то тихо, прекрасно покойна. Такими днями, полосами въ жизни человѣкъ долженъ дорожить; проклятое невниманіе наше къ настоящему дѣлаетъ то, что мы только умѣемъ вспоминать утраченное. Конечно, мудро оттолкнуть страшную мысль возможностей, случайностей; зачѣмъ смотрѣть впередъ, предвидѣть, чего нѣтъ, что можетъ не быть, это—своего рода *Grübeleien*, отъ которыхъ я не такъ свободенъ, какъ отъ романтическихъ. Идеализмъ выводитъ изъ этой шаткости благъ необходимость пренебреженія ими; конечно, сфера идей не зависитъ отъ случайности, и исключительное погруженіе въ частности губельно, но нельзя же опять выйти изъ своей кожи для того, чтобъ существовать только, какъ мысль. Не токмо блага жизни шатки, но сама жизнь шатка: малѣйшее неравновѣсіе въ этомъ сложномъ химизмѣ, въ этой отчаянной борьбѣ организма съ своими составными частями,—и жизнь потухла; однако, изъ этого не слѣдуетъ, что лучше не родиться или, родившись, зарѣзаться, чтобъ не подвергнуться случайностямъ. Все прекрасное нѣжно: это—цвѣты, которые мрутъ отъ каждаго холоднаго вѣтра въ то время, какъ суровый стебель крѣпнетъ, но зато онъ и не благоухаетъ и не имѣетъ яркихъ лепестковъ. Жизнь въ высшемъ проявленіи слаба, потому что вся сила матеріальная была потрачена, чтобы достигнуть этой высоты; мускулы можно рѣзать, члены отнимать, а до мозга нельзя грубо прикоснуться. Таковы блага любви,—ими надобно упиваться, отдаваться имъ, жить въ нихъ, ловить, цѣнить каждое мгновеніе.

¹⁾ Бунтъ 14 декабря 1825 г. въ С.Пб., на Сенатской площади.

Nur wenn er glühet, labet der Quell ¹⁾. Августинъ говоритъ, что человѣкъ не можетъ быть цѣлью человѣка,—страшные удары смерти ежедневно доказываютъ это; тотъ, кто все положилъ на одну голову, для кого нѣтъ Бога, кромѣ этого лица, подвергается грозной случайности, безумію, самоубійству. Но что это *все?* какъ оно принято, въ какихъ предѣлахъ? Мать, стенающая у гроба единственнаго сына и молящаяся о душѣ его, этимъ актомъ показываетъ, что не все для нея было въ сынѣ. Но кое-что, и кое-что многое, должно лежать на людяхъ, должно имѣть цѣлью ихъ, иначе холодъ и заустѣніе посѣтятъ душу; эгоизмъ или монашество — одинъ выходъ. Что за стертое и дерзко-скупое лицо, которое оттого заморить въ своей душѣ потребность любви, что предметъ его любви можетъ умереть, измѣнить и пр. Конечно, могутъ быть выродки, т. е. люди, не чувствовавшіе вовсе этой потребности,— другое дѣло: глухимъ никто не рекомендуетъ слушать Салви ²⁾. Ловить настоящее, одѣйствовотворить въ себѣ всѣ возможности на блаженство—подъ нимъ я разумѣю и общую дѣятельность, и блаженство знанія такъ же, какъ блаженство дружбы, любви, семейныхъ чувствъ,—а тамъ, что будетъ, то будетъ: на мнѣ отвѣтственность не лежитъ; тотъ отвѣтитъ, кто скрылъ талантъ въ землю, чтобъ его не украли. Талантъ,—мы беремъ его со стороны его развитія, какъ великую возможность дѣятельности для другихъ,—но зарыть талантъ не токмо можно для другихъ, но то же преступленіе человѣкъ можетъ сдѣлать относительно себя. Развѣ не глупый поступокъ сдѣлаетъ тотъ, который, страстно любя музыку, не пойдетъ ее слушать, имѣя на то возможность. Мнѣ всегда казались противны и смѣшны люди, изъ какой-то экономіи ощущеній отказывающіеся отъ лучшихъ даровъ жизни; на это имѣютъ право одни безумные религіозники; для нихъ самоотверженіе, ненужное и подавляющее самыя естественныя потребности,—потѣха. Такое прекрасное лицо, какъ Григорій Назіанзскій, писалъ къ Вас. Великому: «Помнишь ли, какъ мы тогда роскошествовали лишеніями». Стало, всѣ страсти, развратъ, обжорство имѣютъ полное право?.. Нѣтъ, не стало. У низкаго человѣка низкія желанія, но человѣкъ долженъ быть высокъ; поднимаясь, онъ подниметъ свою страсть, а поднимаясь, она проходитъ великое чистилище. Страсти низкія большею частью сильны потому, что хорошія сгнетены, или, лучше, онѣ сами по себѣ хороши, но низки отъ сгнетенія. Отчего многіе изъ

¹⁾ Только тогда освѣжаетъ источникъ (напитокъ), когда онъ пылаетъ.

²⁾ Если только рѣчь не идетъ о безвѣстномъ теперь лицѣ, то Salve—католическая молитва Богородицѣ, положенная на музыку.

людей развитыхъ охотно выпьютъ стаканъ благороднаго вина, и, можетъ, одинъ на тысячу пьетъ мертвую чашу, а въ несчастныхъ классахъ, на которыхъ груди стоитъ безобразное зданіе нашей общественности, наоборотъ? Отчего во всѣхъ слояхъ общественныхъ есть женщины, увлекашіяся, падашія, какъ говорятъ, а публичные дома снабжаются только низшими классами? Неужели эти бѣдныя жертвы гнусной несправедливости такъ легко попали бы въ свое ремесло, если-бъ онѣ имѣли воспитаніе? Чѣмъ больше разовьется человѣкъ, тѣмъ чище сдѣлается грудь и тѣмъ труднѣе будетъ его увѣрить, что бѣлое—черно, что все естественное—пре-ступно, что все доставляющее истинное наслажденіе должно быть избѣгаемо. Есть несчастная распущенность, которая, какъ и вообще слабость характера, унижаетъ человѣка; такой человѣкъ слѣдуетъ уже не разуму, не сознанію, а однимъ естественнымъ влеченіямъ, и тогда онъ становится ниже человѣческаго достоинства. Опять та же статика. Всѣ стороны, составляющія живой духъ человѣка, должны слитно, гармонически участвовать въ его дѣяніи ¹⁾, иначе выйдетъ односторонность. Физически это очень понятно, потому что въ физическомъ мірѣ царятъ драконовы законы, жесткіе и кровавые; пусть въ крови неостанетъ одной изъ существенныхъ составныхъ частей—смерть за эту неполноту; то негодно, что неполно. Но на эту тему можно написать цѣлую тетрадь. Возвращаюсь. Это чувство *d'une béatitude tranquille* ²⁾ давно мною не чувствовалось такъ; святые, прекрасные мѣсяцы моей владимірской жизни были ярче, потому что мы были юнѣ, но есть и поэзія возмужалости такъ, какъ есть юное въ совершеннolѣтіи; теперь отчетливѣе, реальнѣе то, что было тогда лучезарнѣе и мечтательнѣе. За день до рожденія Наташи я какъ-то превосходно настроился, съ какимъ-то *Sehnsucht* ³⁾ хотѣлъ видѣть Грановскаго и Корша, т. е. всѣхъ, по комъ у меня здѣсь можетъ быть *Sehnsucht*; на душѣ было легко, юное вспомнулось. Итакъ, да благословится же на жизнь этотъ младенецъ, пусть она будетъ, какъ ея братья, а главное—какъ ея мать. Въ Николенькѣ есть что-то женское: что за

¹⁾ Вспомнилъ мысль, рѣзко высказанную Павловымъ (студ.) Онъ называетъ всемірный процессъ химизмомъ: двуначальный химизмъ неорудной природы и многоначальный—орудной, такъ что послѣдній результатъ—мышленіе и человѣкъ. Человѣкъ—высшее равновѣсіе и взаимодѣйствіе составныхъ радикаловъ, малѣйшее неравновѣсіе—онъ животное, рядъ неравновѣсій—рядъ животныхъ: прочность покупается степенью пониженія, напр., амфибіи; устраненіе слабости даетъ крѣпость, приближающую къ минералу, и пр.—А. И. Г.

²⁾ Спокойнаго блаженства.

³⁾ Нетерпѣливое стремленіе.

безконечная кротость въ его дѣтскихъ чертахъ, что за мило-доброе и вѣчно смѣющееся лицо.

17.—Языковъ ¹⁾ написалъ какіе-то ругательные стихи на Чадаева, Грановскаго и Герцена! Онъ донос, Грановск. онъ никогда не видалъ, меня—разъ. Я не читалъ это произведеніе славянофильскихъ наушней Хомякова и оскорбленнаго самолюбія поэта, нѣкогда нравившагося, теперь выжившаго изъ ума, отсталого. Мы не курили ему виміамъ, не считали за счастье раздѣлять его томящую бесѣду. Наконецъ, «Отечеств. Записки» недавно въ прекрасной и ловкой статьѣ оцѣнили его по заслугамъ. Признаюсь, мнѣ хотѣлось бы прочесть для того, чтобъ убѣдиться еще въ одной чертѣ этой котеріи; я почти увѣренъ, что тутъ есть невольный доносець. А Аксаковъ ²⁾ написалъ премилые стихи, отказываясь отъ Дмитр. Коптева ³⁾ и Вигеля ⁴⁾. Это свой кругъ стариковъ, изжившихъ все бѣдное умственное достояніе, не признанныхъ, отсталыхъ, съ ненавистью встрѣчающихъ каждую мысль, піэтисты, доносчики, злыя самолюбія, оскорбленныя притязательности: тутъ Глинка ⁵⁾, Лихонинъ, Сушковъ ⁶⁾ и юный лѣтами, но старый подлостью Коптевъ. Эта замкнутая котерія бездарности, догнивающіе остатки чего-то загниващаго прежде зрѣлости. О, милая Москва, да еще вельтмановская ⁷⁾ котерія съ Нееловымъ ⁸⁾, Рабусомъ ⁹⁾, Сангленомъ ¹⁰⁾.²²

Мнѣ прежде казался Ив. Вас. ¹¹⁾ несравненно оконченнѣе Петра В. ¹¹⁾,—это не такъ. Петръ Василь. головою выше всѣхъ славяноф.: онъ принялъ одинъ во всю ширину нелѣпую мысль, но именно за его консеквентностью исчезаетъ нелѣпость, и остается трагическая грандіозность. Онъ—жертва, на которую палъ громъ за его народъ, за ту національность, которая бичуется теперь. Но Ив. Вас. хочеть какъ-то и съ Западомъ поладить; вообще онъ и фанатикъ, и эклектикъ. Фанатикъ, чтобъ быть полнымъ, именно долженъ не быть эклектикомъ; иначе то, что придаетъ ему силу, рѣзкость, какъ паяльная трубка, усиливающая огонь, сгибая его на

¹⁾ Николай Михайловичъ.

²⁾ Константинъ С.

³⁾ Дмитрій Ивановичъ, литераторъ, чиновникъ.

⁴⁾ Филиппъ Филипповичъ, литераторъ, чиновникъ.

⁵⁾ Федоръ Николаевичъ, цензоръ и литераторъ.

⁶⁾ Николай Васильевичъ, литераторъ.

⁷⁾ Александръ Ѳомичъ Вельтманъ.

⁸⁾ Николай Дмитріевичъ, писатель.

⁹⁾ Карлъ Ивановичъ, художникъ.

¹⁰⁾ Яковъ Ивановичъ, писатель и видный полицейскій чиновникъ.

¹¹⁾ Братья Кирѣевскіе.

одну сторону, сглаживается, эмуцируется, и выходитъ нѣчто неопредѣленное. Бездушному Хомякову все идетъ: и эта многосторонность публичныхъ женщинъ, и это лукавство, предательски соглашающееся, и этотъ смѣхъ, которымъ онъ встрѣчаетъ негодованіе. Но Кирѣевскій долженъ бы быть оконченнѣе.

18.—Наши личныя отношенія много вредятъ характерности и прямотъ мнѣній. Мы, уважая прекрасныя качества лицъ, жертвуемъ для нихъ рѣзкостью мысли. Много надобно имѣть силы, чтобъ плакать и, все-таки, умѣть подписать приговоръ Камилла Демулена! ¹⁾).

27.—«Г. не соизволилъ разрѣшить г. Грановскому издавать журналъ». Вотъ вамъ и дѣятельность! Какъ глупо такимъ образомъ гнать всякую мысль и какъ непослѣдовательно; можетъ ли профессоръ быть терпимъ на каѳедрѣ, если онъ подозрителенъ, какъ журналистъ? И на что у нихъ отвратительнѣйшая цензура, если и она не гарантія, что ничего прямого, яснаго не проскочитъ; а для косвеннаго, скрытаго, всегда есть пути.²³ Состояніе совершеннаго безправія; горячешное состояніе какой-нибудь Испаніи, напр., по крайней мѣрѣ, заставляетъ прощать безправіе въ вихрѣ борьбы партій, въ взаимной опасности; а здѣсь отобрали кучку безсильныхъ и бьютъ ихъ, сколько душъ угодно, опираясь на огромную кучу оторопѣлыхъ или слабоумныхъ. Во имя чего? Иной разъ, кажется, бѣжалъ бы, спасая себя и дѣтей. Говорятъ, что готовится указъ о томъ, чтобъ дѣти дворянъ съ 10 лѣтъ ходили въ публичныя школы. Таково безобразное положеніе наше, что нѣтъ гнусности, которая не представляла бы пользы, и наоборотъ—правительство беретъ эту мѣру, вѣроятно, только для того, чтобъ съ 10 лѣтъ въ корнѣ души задавить все благородное, чтобъ возрастить себѣ поколѣніе подлыхъ илотовъ; все слишкомъ энергическое прежде 14 лѣтъ успѣетъ попасть въ Сибирь за дерзость, за оторванную пуговицу. Такое публичное воспитаніе будетъ равнозначительно сплюсненію черепныхъ костей при рожденіи младенцевъ, употребляемому нѣкоторыми дикарями въ Африкѣ. Но оно будетъ полезно вовсе въ другомъ смыслѣ: оно вытащитъ изъ норъ провинціальныхъ барченковъ; оно спасетъ ихъ отъ отцовъ и матерей, оно отучитъ ихъ съ 12 лѣтъ развращать горничныхъ и бить слугъ; оно въ нихъ можетъ заронить мысль. Плетью гонять насъ къ просвѣщенію, плетью наказываютъ слишкомъ образованныхъ,—вотъ безобразнѣйшая сторона демократическаго уравненія, производимаго равнымъ лишеніемъ правъ. Къ этой нивеллировкѣ принадлежитъ и то,

¹⁾ Извѣстный дѣятель первой франц. революціи.

что м. в. д., искореняя сифилитическую болѣзнь, велѣлъ свидѣтельствувать всѣхъ дѣвушекъ, опредѣляющихся въ услугу, берущихъ адресные билеты и пр. Это уже нивелировка позора: между публичной дѣвкой и скромно ведущей себя мѣщанкой въ чемъ же разница? Тѣ же руки безстыдно и, вѣроятно, съ приправою остротъ, грубо, нагло будутъ свидѣтельствувать тѣхъ и другихъ. Каждый сифилитическій, явившись въ больницу, обязанъ сказать, отъ кого онъ занемогъ, и тотчасъ полиція обязана освидѣтельствовать указанную особу; итакъ, послѣдній мерзавецъ можетъ доставить позоръ свидѣтельства всякой дѣвушкѣ, на которую онъ золь. Да послѣ откроется истина, положимъ; но развѣ у насъ общественное мнѣніе такъ образовано, что оно сумѣетъ понять, чтò тутъ гнусно собственно и кто гнусенъ? Нѣтъ, оно ошельмуетъ бѣдную жертву.

Толкуютъ о новомъ указѣ объ эмансипаціи. Толки основаны на пропущенной статьѣ въ «Journal de Francfort». Хоть бы это! И чего они боятся, если хотятъ? кого? ужъ не помѣщиковъ ли? Дворцовую аристократію? ее деньгами, звѣздами можно утѣшить.

30.—Языковъ написалъ еще два стихотворенія: одно противъ насъ же, другое противъ Чаадаева, болѣе оскорбительное и подлое, нежели первое.²⁴ Гадкая котерія, стоящая за правительствомъ и церковью и смѣлая на языкъ, потому что имъ громко отвѣчать нельзя. Они, кромѣ Аксакова и Кирѣевскихъ, не имѣютъ тѣни гуманности и благородства. И что за сумбуръ въ головѣ у этихъ людей. Недавно я вытѣснилъ на чистую воду Хомякова изъ-за лѣса фразъ, остротъ, анекдотовъ, которыми онъ уснащаетъ свою рѣчь, и онъ вывертывался старыми понятіями идеализма, битыми мистическими представленіями.

◆◆ 1. Крестной матерью Николая была М. К. Эрнъ (Рейхель). Въ формулярномъ спискѣ Герцена рожденіе сына указано 1 января 1844 г., но это невѣрно.

2. Въ изложеніи Герцена вся разсказанная имъ исторія передана не совсѣмъ точно и потому недостаточно понятна.

Недовольный обрусительными мѣропріятіями Уварова, Ульманъ въ 1842 г. отказался отъ выборной должности ректора, и студенты (1 ноября того же года) выразили ему сочувствіе поднесеніемъ серебрянаго бокала и исполненіемъ серенады, при чемъ была пропѣта Ständchen «Was ist der Deutschen Vaterland»¹⁾. Ульманъ отвѣтилъ

¹⁾ «Что такое отечество нѣмцевъ?»

рѣчью, въ которой были усмотрѣны нелояльныя выраженія о «вѣрности отечеству» и о «нѣмецкомъ сердцѣ». На основаніи разслѣдованія, произведеннаго, по требованію Уварова, попечителемъ Крафтстремомъ, 16 ноября 1842 г. состоялась высочайшая резолюція, въ силу которой попечитель получилъ замѣчаніе за допущеніе студенческой демонстраціи, только что вновь выбранный ректоръ Фолькманъ уволенъ отъ должности за разрѣшеніе студентамъ поднести бокаль, Ульманъ уволенъ отъ должности профессора и удаленъ изъ Дерпта за принятіе безъ высочайшаго разрѣшенія подарка отъ подчиненныхъ лицъ, а Бунге, бывший въ то время деканомъ юридическаго факультета, получилъ строгое замѣчаніе и переведенъ въ казанскій университетъ за невѣрное толкованіе закона, запрещающаго принимать подарки отъ подчиненныхъ. Студенты не пострадали, такъ какъ дѣйствовали съ разрѣшенія и вѣдома начальства. Бокаль былъ переданъ въ рижскій приказъ общественнаго призрѣнія... Послѣ объявленія этой резолюціи Бунге вышелъ въ отставку, а нѣсколько профессоровъ-иностранцевъ покинули дерптскій университетъ, въ томъ числѣ и Фолькманъ съ Мадаи. Послѣдній уволенъ по прошенію 14 декабря 1842 года и въ слѣдующемъ году былъ уже приватъ-доцентомъ въ Берлинѣ. Поэтому упоминаемая Герценомъ статья Мадаи въ «Allg. Z.» (1843 г., №№ 172—173), по всей вѣроятности, не была причиной его ухода изъ Дерпта. Въ концѣ 1843 г. Мадаи сдѣлался частнымъ секретаремъ у герцогини Нассауской, въ 1843—1848 гг. былъ профессоромъ въ кильскомъ унив., а въ 1848 г. принималъ дѣятельное участіе въ политическомъ движеніи (*Г. В. Левицкій*, «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Юрьевского университета»; *Е. В. Пытуховъ*, «Юрьевскій университетъ за сто лѣтъ его существованія». Т. I. Юрьевъ. 1902).

3. Въ деталяхъ разсказъ невѣренъ; см. стр. 286—287 моей книги «Николаевскіе жандармы etc.».

4. Правительство Николая I организовало литературную борьбу съ очень неприятой для себя книгой Кюстина. По его приказу или съ благосклоннаго согласія, были выпущены слѣдующія изданія: Якова Толстого, заграничнаго агента III Отдѣленія, подъ псевдонимомъ Яковлева—«La Russie en 1839, revée par Mr de Custine, ou Lettres sur cet ouvrage, écrites de Francfort»; за своей полной подписью—«Lettre d'un Russe à un journaliste français sur les diatribes de la presse anti-russe»; старшаго совѣтника министерства иностранныхъ дѣлъ, Ф. К. Лабенскаго—«Un mot sur l'ouvrage de M. de Custine, intitulé «La Russie en 1839» (вышла двумя изданіями по-французски въ Парижѣ, по одному по-нѣмецки въ Берлинѣ и по-англій-

ски въ Лондонѣ); о сочиненіи Греча и о томъ, какъ оно просматривалось и одобрялось въ III Отдѣленіи, см. мою книгу «Николаевскіе жандармы» etc., 143—152.

5. 15 марта 1844 года былъ подписанъ новый законъ о заграничныхъ паспортахъ, которымъ категорически запрещался отъѣздъ всѣмъ, не имѣвшимъ 25 лѣтъ, съ исключеніемъ лишь для больныхъ, для получающихъ наслѣдство внѣ отечественныхъ предѣловъ, для желающихъ усовершенствоваться въ «художествахъ, высшихъ ремеслахъ и по торговымъ дѣламъ», но отнюдь не въ наукахъ, и, наконецъ, для ѣдущихъ при родителяхъ, воспитателяхъ и мужьяхъ. Для всѣхъ другихъ требовалось разрѣшеніе начальства. Паспортъ оплачивался 200 руб. сер. въ годъ.

6. Статья въ №№ 42—45 носила заглавіе «Освобожденіе негровъ во французскихъ колоніяхъ». III Отдѣленіе очень быстро обратило на нее вниманіе, и Уваровъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе о неповтореніи подобныхъ намековъ впредь (см. мой «Николаевскіе жандармы etc.», стр. 153—155).

7. Наиболѣе для насъ интересное описаніе обѣда далъ И. И. Панаевъ.

«Распорядителями этого обѣда со стороны западниковъ былъ Герценъ, со стороны славянофиловъ К. С. Аксаковъ или Хомяковъ,—я хорошенько не помню (на самомъ дѣлѣ—Ю. Э. Самаринъ и С. Т. Аксаковъ—*М. Л.*). Столъ былъ накрытъ покоемъ. На почетномъ мѣстѣ, въ серединѣ стола сидѣлъ Грановскій, возлѣ него Шевыревъ. Мнѣ досталось мѣсто противъ нихъ. За обѣдъ сѣли въ три часа. Въ половинѣ обѣда начались тосты. Первый тостъ былъ за Грановскаго, сопровождавшійся громкими единодушными криками западниковъ и славянофиловъ. Грановскій благодарилъ и предложилъ тостъ за Шевырева. Третій тостъ былъ за университетъ. Послѣ этого поднялся Константинъ Аксаковъ. Съ энергически сжатымъ кулакомъ и сверкающими глазами, громкимъ торжественнымъ голосомъ, ударивъ кулакомъ по столу, онъ произнесъ: «Милостивые государи, я предлагаю вамъ тостъ за Москву!» Тостъ этотъ былъ принятъ всѣми съ энтузіазмомъ... и въ эту самую минуту раздался звонъ колоколовъ, призывающихъ къ вечерни. Шевыревъ, воспользовавшись этимъ, произнесъ своимъ пѣвучимъ и тоненькимъ голосомъ: «Слышите ли, господа, московскіе колокола отвѣчаютъ на этотъ тостъ!»... Эта эффектная выходка, съ одной стороны, возбудила улыбку, съ другой—восторгъ. К. Аксаковъ подошелъ къ Шевыреву, и они бросились въ объятія другъ друга... Затѣмъ К. Аксаковъ произнесъ съ необыкновеннымъ паоосомъ извѣстные стихи свои къ Москвѣ, начинающіеся такъ:

«Столица древняя, родная,
Тебя-ль не вѣдаетъ страна?
Тебя назвать — и Русь святая
Съ тобою вмѣстѣ названа».

«Послѣ этихъ стиховъ Шевыревъ, въ свою очередь, подошелъ къ Аксакову и началъ прижимать его къ груди своей... Когда шумъ и славянофильскіе восторги смолкли, кто-то изъ западниковъ сказалъ: «Милостивые государи, я предлагаю тостъ за всю Русь, не исключая и Петербурга»... Шевыревъ вдругъ измѣнился въ лицѣ при этихъ словахъ. «Позвольте, я прошу слова!» воскликнулъ онъ, вскакивая съ своего стула. Всѣ смолкли и обратились къ нему. Онъ началъ:

«Милостивые государи, позвольте замѣтить, что тостъ, предложенный намъ сейчасъ, бесполезенъ, ибо уже въ тостѣ за Москву, который былъ принятъ всѣми безъ исключенія съ такимъ единодушнымъ энтузіазмомъ, заключался тостъ всей Россіи. Москва — ея сердце, мм. гг., ея представительница. Москва, какъ справедливо замѣтилъ К. С. Аксаковъ въ превосходной статьѣ своей, помѣщенной въ № «Москов. Вѣд.» (номеръ я забылъ), поминала ежедневно на перекличкѣ всѣ русскіе города»... И пошелъ, и пошелъ...

«Когда краснорѣчивый ораторъ Москвы кончилъ, я обратился къ нему: «Позвольте вамъ сказать, что Москва не поминала на своей перекличкѣ Петербурга по очень естественной причинѣ, что Петербургъ не существовалъ тогда. За что же вы хотите исключить Петербургъ изъ общаго тоста?» — «Я съ большимъ удовольствіемъ выпью за ваше здоровье, Панаевъ», — отвѣчалъ мнѣ Шевыревъ, протягивая свой бокалъ и чокаясь съ моимъ бокаломъ.

— «За Петербургъ! за Петербургъ!» кричали юные западники, и даже Кетчеръ крикнулъ громче всѣхъ: «за Петербургъ!!!» — только въ контру Шевыреву, потому что Кетчеръ не терпѣлъ Петербурга, такъ же, какъ и Шевыревъ, хотя и смѣялся надъ славянофилизмомъ...

«Западники обнаружили сильное желаніе развернуться, но Грановскій смягчилъ ихъ своимъ кроткимъ и умоляющимъ взглядомъ, да и сами они поняли, что Грановскому было бы крайне неприятно, если бы они пиршество, данное въ честь его, превратили въ два враждебные лагеря.

«Обѣдъ кончился. Ужъ многіе встали съ своихъ мѣстъ. Гости, впрочемъ, продолжались. Славянофилы обнимались съ западниками. Зала гудѣла отъ говора; отъ времени до времени раздавался хохотъ Кетчера и его крики. Шумъ еще увеличивался, когда всѣ встали изъ-за стола и смѣшались... Примиреніе на этомъ обѣдѣ славянофиловъ съ западниками со стороны большинства было, мо-

жетъ, искренно, но непродолжительно» («Литератур. воспоминанія», 215—217).

Герценъ говоритъ объ этомъ обѣдѣ въ гл. XXX «Былого и думъ».

8. Тогда гораздо труднѣе было получить разрѣшеніе на издавіе новаго журнала, чѣмъ на покупку уже разрѣшеннаго. Раичъ просилъ по 1500 р. въ годъ. Для покупки и первоначальныхъ расходовъ составляли небольшой капиталъ на акціяхъ, каждая стоила 250 руб. «Главнымъ редакторомъ,—писалъ Грановскій Фролову,—будетъ, разумѣется, Коршъ, у котораго къ этому дѣлу большая способность» («Грановскій», II, 416—417).

9. Въ іюнѣ 1844 Грановскій пробылъ нѣсколько дней въ имѣніи И. В. Кирѣевскаго и писалъ женѣ: «У него такая широкая благодородная природа, что ее не могли сузить никакія мнѣнія. Но друзья его! Меня радовали слова И. В. о Герценѣ: онъ оцѣнилъ его совсѣмъ и отзывался о немъ съ такимъ уваженіемъ и любовью, что я хотѣлъ, было, сказать: «да, вѣдь, онъ пьяница!» («Грановскій», II, 259).

10. Это очень важное письмо Бѣлинскаго до сихъ поръ не найдено. Немного болѣе полная цитата приведена Пыпинымъ въ его книгѣ: «Бѣлинскій, его жизнь и переписка» (во 2 изд. стр. 481), но и она не даетъ даже незначительной части этого огромнаго письма. Впервые на него указалъ Свѣжскій (Д. Д. Минаевъ) въ статьѣ «Бѣлинскій» («Дамскій Вѣстникъ», 1860, II), но, видимо, не по подлиннику, а съ чужихъ словъ.

11. Магистерская диссертация Самарина, «Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ», состояла изъ трехъ частей: они, какъ богословы, какъ іерархи и какъ проповѣдники. На диспутъ и въ печать была допущена только третья часть. Полностью диссертация появилась въ послѣднее время, въ «Собраніи» его сочиненій.

12. Письмо Огарева, Галахова и Сатина напечатано въ IX кн. «Рус. Мысли» 1890, стр. 5—13. Огаревъ говоритъ: «Ты счастливъ, Александръ, можешь не жаловаться на судьбу. Твой милый міръ устроень, и счастье домашняго круга допускаетъ спокойное развитіе многосторонней дѣятельности. И я счастливъ, Александръ! счастливъ, потому что ты счастливъ. Какое дѣло до меня,—довольно и одного счастливаго». «Нетерпѣливо жду минуты, когда буду съ вами. Ты еще будешь въ деревнѣ, Александръ, когда я возвращусь. Я приѣду къ тебѣ. Пора быть вмѣстѣ. Я безъ васъ не полонъ: недостаетъ большей половины существованія. Приѣду—будетъ осень. Вечеръ пройдетъ у камина. Приготовь клячи двѣ, чтобы намъ днемъ ѣздить верхомъ по лѣсу. Хороши будутъ

эти минуты! Хочу вмѣстѣ жить, чтобы вмѣстѣ мыслить и страдать».

13. По словамъ Анненкова, Коршъ былъ вліятельнымъ членомъ кружка. «По убѣжденіямъ своимъ онъ принадлежалъ вполнѣ партіи крайнихъ западниковъ, отыскивая вмѣстѣ съ ними основы для мысли и для жизни въ философіи, исторіи, слѣдя за теоріями социализма и нисколько не ужасаясь никакихъ результатовъ, какіе бы могли оказаться на концѣ этихъ разысканій; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не принималъ на вѣру никакихъ заманчивыхъ посуловъ доктрины, откуда бы она ни исходила, если только мало-мальски приближалась къ утопіи или обнаруживала поползновеніе на произвольный выводъ. Онъ постоянно воевалъ съ идеалами существованія, которыхъ тогда возникало множество. Вообще это былъ критикъ убѣждений и вѣрованій своего круга, съ которымъ раздѣлялъ многія изъ его надеждъ и всѣ основныя положенія. Онъ стоялъ постоянно съ ногой, занесенной, такъ сказать, изъ своего лагеря въ противоположный, охлаждая слишкомъ радужныя чаянія или черезчуръ сангвиническіе порывы своихъ друзей. Обширная начитанность и истиннѣ замѣчательная доля мѣткого и ядовитаго остроумія, эффектъ котораго увеличивался еще отъ противоположности съ недостаткомъ въ произношеніи; дѣлали изъ Е. Корша выдающееся лицо круга» («Литератур. воспом.», 274—75).

14. Подъ псевдонимомъ «Хамаръ-Дабановъ» тогда писала Е. А. Лачинова, позже выступившая подъ псевдонимомъ «П. Лѣтневъ»; книга «Продѣлки на Кавказѣ» вышла въ свѣтъ въ началѣ мая 1844 г. и очень мѣтко и съ фактами въ рукахъ описывала злоупотребленія кавказской администраціи. III Отдѣленіе очень скоро обратило вниманіе на книгу, и, по высоч. повелѣнію, цензоръ, профессоръ Н. И. Крыловъ, былъ отставленъ отъ цензуры и арестованъ при университетѣ на 8 сутокъ; книга была всюду конфискуема, а на автора, вскорѣ же открытаго, приказано было обратить особенное вниманіе.

15. Еще за годъ до этого Огаревъ сообщалъ, что разстался съ Маріей Львовной («Рус. Мысль» 1890, IV, I), а въ августѣ 1844 г. повѣдалъ другу, что Марія Львовна подарить его скоро ребенкомъ. Тогда, повидимому, онъ еще не зналъ, что этотъ ребенокъ не отъ него, а отъ С. Воробьева (ср. «Вѣстникъ Европы» 1883, г., стр. 534). «Этимъ происшествіемъ я займусь спокойно и съ участіемъ. Съ участіемъ благословлю моего ребенка, и его существованіе никогда не останется для меня чуждымъ. Но себя я не отдамъ никакому чужому произволу, — въ этомъ вы можете быть увѣрены» («Рус. Мысль» 1890, X, 9).

16. О томъ, какъ Герценъ проводилъ лѣто 1844 года, мы узнаемъ также изъ воспоминаній М. К. Эрнъ (Рейхель). «Одно лѣто и я была съ ними въ Покровскомъ. Грановскій въ тотъ годъ уѣзжалъ въ Малороссію повидаться съ сестрами, а его жена въ это время оставалась у Герценовъ въ подмосковной. Я помню, что это было очень хорошее время, много гуляли, а вечеромъ Герценъ читалъ намъ вслухъ и одно время сердился на меня и Елизавету Богдановну, что мы при чтеніи считали петли. На это была особая причина: въ августѣ должны были быть именины Натальи Александровны; намъ хотѣлось сдѣлать ей маленькій сюрпризъ, но въ Покровскомъ рѣшительно ничего нельзя было достать; мы выписали шелку и принялись вязать ей пару шелковыхъ чулокъ, каждая по одному, и нужно было иногда совѣщаться, чтобы не вышло разницы. Къ именинамъ пріѣзжали изъ Москвы друзья, и было очень весело. Они оставались два-три дня, такъ какъ разстояніе отъ Москвы было довольно далекое, — часовъ восемь ѣзды. Ходили гулять, иногда въ темную ночь съ фонарями, въ лѣсъ. Трудно было имѣть тамъ разнообразіе въ угощеніи; одинъ разъ Герценъ извинялся, что будутъ подавать перетеленка и недоговядину, и много смѣялись такому небывалому кушанью» (стр. 35).

17. Очевидно, здѣсь надо подразумѣвать чье-то вмѣшательство въ распоряженія И. А. Яковлева своимъ имуществомъ на случай смерти, о чемъ Герценъ рассказываетъ кое-что въ гл. XXI «Былого и думъ». Въ іюнѣ Н. А.—на писала Кетчеру: «На дняхъ мы пронюхали, что будемъ довольно богаты, и Покровское чуть-чуть ли не наше».

18. Въ IV кн. «Отечеств. Записокъ» 1844 г. Бѣлинскій помѣстилъ критическую статью и библиографическую замѣтку объ извѣстномъ и тогда очень нашумѣвшемъ романѣ Э. Сю «Парижскія тайны». Чтобы видѣть, что могло раздосадовать Герцена, необходимо привести нѣсколько цитатъ и сдѣлать небольшое резюме всей статьи. Бѣлинскій даетъ краткую оцѣнку французскихъ событій 1830 года, указываетъ на проигрышъ трудящихся классовъ и на выигрышъ буржуазіи, на искаженіе событій и нравовъ авторомъ, какъ сторонникомъ буржуазіи, и на совершенную литературную ничтожность всего романа. Вотъ нѣсколько цитатъ: «Королевскимъ повелѣніемъ въ 1830 году была измѣнена французская хартія; рабочій классъ въ Парижѣ былъ искусно приведенъ въ волненіе партією средняго сословія (bourgeoisie). Между народомъ и королевскими войсками завязалась борьба. Въ *слѣпомъ* и *безумномъ* самоотверженіи народъ не щадилъ себя, сражаясь за нарушеніе правъ, которыя нисколько не дѣлали его счастливѣе и, *слѣ-*

довательно, такъ же мало касались его, какъ и вопросъ о здоровьѣ китайскаго богдыхана. Сражались отдѣльными массами, изъ-за баррикадъ, безъ общаго плана, безъ знамени, безъ предводителей, *едва зная, противъ кою, и совѣсть не зная, за кою и за что*; народъ тщетно посылалъ къ представителямъ націи, недавно засѣдавшимъ въ абонированной камерѣ; этимъ представителямъ было не до того: они чуть не прятались по погребамъ, блѣдные, трепещущіе. Когда дѣло было кончено ревностью *слѣпого народа*, представители выползли изъ своихъ норъ и по трупамъ ловко дошли до власти, оттерли отъ нея всѣхъ честныхъ людей и, загребая жаръ чужими руками, преблагополучно стали грѣться около него, разсуждая о нравственности. А народъ, который *въ безумной ревности*, лилъ свою кровь за слово, за пустой звукъ, котораго значенія самъ не понималъ, что же выигралъ себѣ этотъ народъ? Увы! тотчасъ же послѣ іюльскихъ происшествій этотъ бѣдный народъ съ ужасомъ увидѣлъ, что его положеніе не только не улучшилось, но значительно ухудшилось противъ прежняго. А между тѣмъ вся эта *историческая комедія* была разыграна во имя народа и для блага народа! Аристократія пала окончательно; мѣщанство твердою ногою стало на ея мѣсто, наслѣдовавъ ея преимущества, но не наслѣдовавъ ея образованности, изящныхъ формъ ея жизни, ея кровнаго презрѣнія, высокомѣрнаго великодушія и тщеславной щедрости къ народу»... «Хорошо равенство! И будто легче умирать зимою, въ холодномъ подвалѣ или на холодномъ чердакѣ, съ женою, съ дѣтьми, дрожащими отъ стужи, не ѣвши уже три дня, будто легче такъ умирать съ хартією, за которую пролито столько крови, нежели безъ хартіи, но и безъ жертвъ, которыхъ она требуетъ?..» «У насъ въ Россіи, гдѣ выраженіе «умереть съ голода» употребляется, какъ гипербола, *потому что въ Россіи не только трудолюбивому бѣдняку, но и отявленному лѣнтяю-нищему нѣтъ рѣшительно никакой возможности умереть съ голода*,—у насъ въ Россіи не всѣ повѣряютъ безъ труда, что въ Англіи и во Франціи голодная смерть для бѣдныхъ—самая возможная и нисколько не необыкновенное дѣло».

Какъ бы предвидя, что статья должна будетъ вызвать неудовольствіе разныхъ слоевъ русскаго читателя, Бѣлинскій замѣчаетъ въ библиографической замѣткѣ: «На насъ будутъ нападать и прямо, и косвенно, и бранью, и намеками. Въ добрый часъ! мы почитаемъ свое мнѣніе о «Парижскихъ тайнахъ» безусловно справедливымъ, иначе не высказали бы его такъ рѣшительно и рѣзко».

19. Письмо Огарева и Сатина напечатано на стр. 1—8 кн. VI «Рус. Мысли» 1891 г. «Что касается моего иного обстоятельства (разрывъ съ Маріей Львовной—*М. Л.*), то, ей Богу, говорить не

хочется, а совѣтъ не дипломатизмъ. Я знаю, что я правъ, хотя бы тысяча голосовъ поднялась противъ меня. Я правъ по убѣжденію и по чувству». «Вчера жена родила мертваго ребенка. У него не было ни глазъ, ни мозга. Лицо такое жалкое и печальное, что я не могу забыть его».

20. Въ это время Грановскій писалъ Фролову: «Мы всѣ перешагнули за 30 лѣтъ, у всѣхъ у насъ были надежды, желаніе труда, силы. Что же изъ всего вышло? Назади мало, впереди темно и неопредѣленно. Боткинъ и Огаревъ запутались въ тяжкихъ семейныхъ отношеніяхъ и ничего не дѣлаютъ. Кетчеръ работаетъ изъ куска хлѣба. Невѣровъ утѣшаетъ себя формальнымъ исполненіемъ обязанностей, къ которымъ у него не лежитъ сердце. Счастливы всѣхъ другихъ пока Герценъ и я. Но долго ли продлится это счастье? У меня нѣтъ вѣры въ жизнь, у меня напугана душа частыми утратами, и я боюсь новыхъ. Сегодня все хорошо, завтра все можетъ измѣниться. Я сталъ робокъ и мнителенъ, только не за себя. Если бы, по крайней мѣрѣ, для насъ открылась возможность общей, успѣшной дѣятельности года на два, на три. Это немного, но можно бы оставить по себѣ слѣдъ, вліяніе, благородный примѣръ безкорыстнаго труда, который у насъ на Руси такъ рѣдокъ» (т. II, 418—419).

21. Какъ «спасся» Самаринъ, видно изъ его письма къ К. С. Аксакову въ началѣ 1845 года: «Что сказать тебѣ о твоей размолвкѣ съ Герценомъ и Грановскимъ? Подробностей я не знаю, но рано или поздно это должно было случиться. Такъ, неприступная черта межъ нами есть, и наше согласіе никогда не было искренно, то есть не было прочнымъ, жизненнымъ согласіемъ. Вспомни, какими искусственными средствами оно поддерживалось. Много, очень много насъ разлучаетъ и въ особенности то, что для насъ многое осталось святынею, въ чемъ они видятъ безжизненныхъ идоловъ. Но вотъ что мнѣ кажется: не замѣшалось ли много страсти, много личности съ той и другой стороны? Разрывъ былъ необходимъ, но, можетъ быть, въ иномъ видѣ. Говорилъ ли тебѣ Герценъ о моей перепискѣ съ нимъ? Если не говорилъ, то и ты не упоминай» («Сочиненія» XII, 159).

22. Н. М. Языковъ почти въ одно время написалъ три стихотворенія, которыя и пустилъ по рукамъ; напечатаны они были уже послѣ его смерти. Одно было посвящено Чаадаеву, другое—Грановскому, третье—Герцену. Послѣдній подразумѣвается еще и въ концѣ стихотворенія, посвященнаго К. С. Аксакову, котораго поэтъ восхвалялъ, какъ сторонника Руси и своей партіи:

Дай руку мнѣ. Но ту же руку
 Ты дружелюбно подаешь
 Тому, кто гордую науку
 И торжествующую ложь
 Глубокомысленно ставитъ
 Превыше истины святой,
 Тому, кто нашу Русь злословитъ
 И ненавидитъ всей душой,
 И кто нѣмечинѣ лукавой
 Передался. И вслѣдъ за ней,
 За госпожею величавой,
 Идетъ блистательный лакей...
 А православную царицу,
 А мать русскихъ городовъ
 Смѣнить на пышную блудницу,
 На вавилонскую готовь!..

Каждый понималъ, что это былъ доносъ на Герцена.

23. Въ концѣ концовъ, среди друзей было рѣшено открыть новый журналъ—«Московское Обозрѣніе», безъ какого бы то ни было прошлаго. Прошеніе было подано Грановскимъ, который и объявлялъ себя издателемъ и редакторомъ; на самомъ же дѣлѣ роль послѣдняго предназначалась Е. Ѳ. Коршу. Въ іюлѣ 1844 г. гр. С. Г. Строгановъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ объ удовлетвореніи прошенія Грановскаго. Николай I положилъ на докладѣ Уварова замѣчательную резолюцію: «И безъ новаго довольно» (Н. Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», VII, 442).

24. Новое стихотвореніе Н. М. Языкова по адресу западниковъ вообще называлось «Къ не-нашимъ». Оно хорошо иллюстрируетъ столкновеніе двухъ общественно-политическихъ ученій сороковыхъ годовъ, и потому привожу его полностью.

О, вы, которые хотите
 Преобразить, испортить насъ
 И обнѣмчить Русь, внемлите
 Простосердечный мой возгласъ!

Кто-бъ ни былъ ты,—одноплеменникъ
 И братъ мой,—жалкій ли старикъ
 Ея торжественный измѣнникъ,
 Ея надменный клеветникъ,

Иль ты, сладкорѣчивый книжникъ,
 Оракулъ юношей-невѣждъ,
 Ты, легкомысленный сподвижникъ
 Безпутныхъ мыслей и надеждъ,

Иль ты, невинный и любезный
 Поклонникъ темныхъ книгъ и словъ,
 Восприниматель слезный
 Чужихъ суждений и грѣховъ:

Вы, людъ заносчивый и дерзкій,
 Вы, опрометчивый оплотъ
 Ученья школы богомерзкой,
 Вы всѣ—не русскій вы народъ!

Не любо вамъ святое дѣло
 И слава нашей старины,
 Въ васъ не живетъ, въ васъ помертвѣло
 Родное чувство. Вы полны

Не той высокой и прекрасной
 Любовью къ родинѣ; не тотъ
 Огонь чистѣйшій, пламень ясный
 Васъ поднимаетъ. Въ васъ живетъ

Любовь не къ истинѣ и къ благу.
 Народный гласъ—онъ божій гласъ,
 Не онъ рождаетъ въ васъ отвагу.
 Онъ страненъ, дикъ, онъ чуждъ для васъ.

Вамъ наши лучшія преданья
 Смѣшно, бессмысленно звучатъ;
 Могучихъ прадѣдовъ дѣянья
 Вамъ ничего не говорятъ.

Ихъ презираетъ гордость ваша;
 Святыня древняго Кремля,
 Богатство, сила, крѣпость наша,—
 Ничто вамъ. Русская земля

Отъ васъ не приметъ просвѣщенья.
 Вы странны ей. Вы влюблены
 Въ свои предательскія мнѣнья
 И святотатственные сны.

Хулой и лестію своею
 Не вамъ ее преобразить,
 И не умѣте вы съ нею
 Ни жить, ни пѣть, ни говорить.

Умолкнетъ ваша злость пустая,
 Замретъ проклятый вашъ языкъ!
 Крѣпка, надежна Русь святая
 И русскій Богъ еще великъ!..

Стихотвореніемъ этимъ восторгался Гоголь и его друзья, восторгались всѣ тѣ, кто принадлежалъ къ славянофиламъ реакціоннаго толка. Слѣдуя номенклатурѣ Языкова, Герценъ назвалъ двѣ главы «Былого и думъ»: «Наши» и «Не-наши». По свидѣтельству

современника, Герценъ гдѣ-то сказалъ: «бездоказательное обвиненіе людей въ измѣнѣ отечеству есть оскорбленіе чести, и извѣстно, какъ разрѣшаются обиды этого рода», но этого вызова никто не принялъ («Вѣстн. Европы» 1871, IX, 41).

379. Приписки къ Н. Х. Кетчеру.

2 января 1844.

Москва.¹

(см. о нихъ Цицерона «De officiis»¹) и Сильвіо Пеллико «Dis. doveri»²), т. е. о довѣренностяхъ).

(т. е. небольшого $\frac{1}{2}$ аршиннаго: онъ ужасно малъ).

Она началась съ того, что я принялся писать къ тебѣ. Да, камень огромный свалился съ груди, я начинаю вѣрить. Но у меня болитъ голова, и я не хочу писать не-вздорь. Итакъ, представь себѣ, подъ камнемъ открылся источникъ остротъ, которыми я потчую Елизавету Богдановну съ Тат. Ал. Съ мальчикомъ я какъ-то еще не очень знакомъ, и онъ со мною; впрочемъ, у него начинаютъ развѣтываться таланты очень рано: чихаетъ и протягиваетъ руки, когда его не пеленаютъ, т. е. именно, когда пеленаютъ. Завтра напишу дѣльное что-нибудь.²

3 января 1844.

Все благополучно и тихо. Четверо сутокъ прошли. Сообщилъ отъ меня Бѣлинскому объ рожденіи малютки и о прочемъ.

Да что же Кр.³) не присылаетъ статью IV? Коли такъ, до полученія я отказываюсь давать статьи, за которыя онъ даже вѣжливостью не хочетъ платить. Ей-Богу, не пишется...

◆◆ 1. Сначала идетъ письмо Т. А. Астраковой, потомъ Е. Б. Грановской, въ которомъ двѣ вставки Герцена: первая послѣ ея словъ: «право, ребенокъ такъ хорошъ, отлично исправляетъ всѣ свои человѣческія обязанности»; вторая—послѣ словъ: «ребенокъ здоровъ, и развѣ что болѣлъ животикъ, какъ у всѣхъ дѣтей его возраста». Послѣ письма Грановской, кончавшагося обѣщаніемъ сообщить потомъ объ исходѣ наступившей ночи, Герценъ продолжалъ.

2. Дальше опять пишетъ Грановская, потомъ Герценъ.

¹) «Объ обязанностяхъ», извѣстное сочиненіе.

²) «Discorso dei doveri degli uomini» («Рѣчь объ обязанностяхъ чловѣка»).

³) Краевскій.

380. Письмо къ А. Л. Витбергу.

7-го января 1844 г.
Москва.

Письмо ваше, въ ноябрѣ, я черезъ Григорія Ивановича ¹⁾ получилъ съ искренней радостью. Благодарю васъ за память, хоть, впрочемъ, я увѣренъ, что люди, такъ душевно встрѣтившіеся на несчастной полосѣ жизни для обоихъ, не могутъ охладѣть.

Сообщу вамъ важную новость для меня. Вы помните несчастныя разрѣшенія моей жены, разстраивавшія ее и физически, и морально, а потому можете себѣ представить всю радость нашу, когда 30-го декабря родился сынъ, совершенно здоровый, котораго вчера и крестили Николаемъ. Болѣе о себѣ ничего не могу сказать. Лѣто я жилъ въ деревнѣ и опять собираюсь съ мая мѣсяца.

О вашихъ дѣлахъ справляюсь иногда у Григорія Ивановича. Въ досужую минуту напишите строчку. Душевно любящій васъ

Александръ.

381. Письмо къ Н. Х. Кетчеру ²⁾.

11-го января (1844).

Главное все успѣла написать Лизавета Богд. Мнѣ остается повторять. Твое молчаніе не очень ясно, однако, я не беспокоюсь еще. Н. здоровье поправляется, а 8 и 9 число прошли чрезвычайно тревожно. Я былъ, какъ всегда, противъ всѣхъ бравадъ: меня ни Н., да и никто не хотѣлъ слушать ³⁾, долею благодаря тому, что ты всѣхъ увѣрилъ въ моей трусости относительно больныхъ. За эту браваду Н. чуть не заплатила жизнью: спазмы превращались въ постоянную боль, и Альфонскій говорилъ: «еще нѣтъ воспаленія, но обстоятельство весьма важное» etc., etc. Зато теперь Н. лежитъ, и ей не позволено привстать, и пролежитъ такъ еще дня три. И, какъ нарочно, точь въ точь такая же исторія съ Сашинымъ коклюшемъ. Онъ у него совсѣмъ проходилъ. Его всякій день, когда морозъ былъ менѣе 5°, возили катать въ каретѣ, и все шло пре-

¹⁾ Ключаревъ.

²⁾ Сначала письмо Грановской отъ 10 января, потомъ Герцена.

³⁾ Н. А.—на встала раньше 9-го дня.

восходно. Альф. велѣлъ попробовать пройтись пѣшкомъ, и коклюшь у него опять сдѣлался по прежнему, и теперь онъ долженъ жить въ большомъ домѣ ¹⁾, потому что Арк. Ал. боится за новорожденнаго.

Доходятъ ли къ тебѣ наши письма? я писалъ 31 декабря и 3 января, да Грановскій писалъ еще.

15-го начнутся публичныя лекціи Т. Н. А прогос, отчего нѣтъ объ его лекціяхъ ни въ «От. Зап.», ни въ «Лит. Газ.»?

Прощай. Пора на почту.

Твой А. Герценъ.

382. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

1844. Янв. 17 ²⁾.

А что-жъ Вы, Господинъ, чубукъ получили или нѣтъ? Онъ посланъ съ Блохиной ³⁾.

Всѣ дни, проведенные послѣ послѣдняго письма, прошли спокойно и хорошо. Н. оправилась немного. Лекціи Грановскаго начались съ тѣмъ же огромнымъ успѣхомъ. Меня заставляютъ къ тебѣ писать всегда врасплохъ, оттого мои письма къ тебѣ похожи на твои ко мнѣ. Сегодня я только-что проснулся, возвратившись очень поздно отъ Авдот. Петровны ⁴⁾ (которая тебѣ кланяется; *potez bien*, что нынѣ Алексѣй Андреевичъ ⁵⁾ съ усами, каковыя придаютъ ему видъ Блюхера ⁶⁾). Наташа говоритъ: нельзя письма оставить до завтра.

Я тебя просилъ отдать Эггерсу что-то рублей 15 или около 20; если не забылъ, отдай же. Что Кр. говоритъ объ экзempl. статьи? Бенефисъ Мих. Сем. шелъ не блестяще; онъ былъ составленъ Богъ знаетъ изъ чего—«Иванчой» Шаховскаго ⁷⁾ и сцены малороссійскія. Первое—воображайте сами.

Прощай. Кланяйся Бѣлинскому и Михаилу Алекс. ⁸⁾ съ Ивановъ Ивановичемъ ⁹⁾. Будемъ опять писать скоро, пиши и ты.

1) У И. А. Яковлева и Луизы Ивановны.

2) Начинается письмомъ Н. А—ны.

3) ?

4) Елагина.

5) Елагинъ.

6) Прусскій полководецъ, побѣдитель Наполеона I при Ватерлоо.

7) Кн. Александръ Александровичъ, драматургъ.

8) Языковъ.

9) Панаевъ.

383. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

30 января (1844). Вечерь.
Москва.

Сейчасъ отправился отъ меня Мих. Семеновичъ, доставившій твое письмо отъ 24. Спасибо за него. Ты бранишься за наше молчаніе и, конечно, правъ, но, право, есть тысячи причинъ, по которымъ не пишется или мало пишется. То ли дѣло, какъ, бывало, велишь сѣреную лошадь величиною съ крысу заложить въ санки и отправишься на позаупу. Да, безъ тебя рѣшительно есть пробѣлъ, а ты, какъ тѣнь Банко: и тутъ, и нѣтъ на всѣхъ пріятельскихъ бесѣдахъ. Но сперва pars historica et narrativa ¹⁾ письма. 1-е. У всѣхъ здѣсь простуды, и я и Грановскій осипли, отъ чего онъ не читалъ лекціи, а я не слушалъ; впрочемъ, мы болѣе нездоровы, нежели больны. Наташа поправляется; коклюшъ у Шушки идетъ явно подъ гору, а Николай Алекс. явно въ гору растеть и цвѣтеть. Кумъ ²⁾ подарокъ сдѣланъ приличный, и она увѣрена, что ты прислалъ. 2. Ты отгадалъ, что объ opus operans ³⁾ пресхоластическіе споры часовъ по 8 съ совопросникомъ міра сего; у васъ въ Питерѣ фокусниковъ называютъ prestidigitateur; я думаю, что насъ скоро можно будетъ назвать prestidisentateur'ами ⁴⁾. 3. А вотъ страшная новость по твоей части. Двѣ недѣли тому назадъ пріѣхала сюда къ Авдот. Петр. ея племянница Воейкова ⁵⁾—веселая, живая, острая барышня. Недѣлю тому назадъ, въ воскресенье, она жаловалась на головную боль, а сегодня ее хоронили. Все истинно почтенное семейство Елагиныхъ было terrifiée ⁶⁾; во вторникъ у ней оказались признаки scarlatины, въ среду Иноземцева ⁷⁾ подмастерье увѣрялъ, что это ничего, а утромъ въ пятницу она умерла. Вообще, болѣзней много катарральныхъ и воспалительныхъ. Симъ и оканчивается наррація. Въ табакѣ я виноватъ, но только

¹⁾ Часть историческая и повѣствовательная.

²⁾ М. К. Эрнъ.

³⁾ Дѣло творящее.

⁴⁾ Игра словъ: буквально prestidigitateur означаетъ «быстро орудующій пальцами»; по тому же словообразованію prestidisentateur будетъ означать: «быстро орудующій говореніемъ» — быстро (и много) рѣчивый.

⁵⁾ Екатерина Александровна, † 28 января на 30-мъ году.

⁶⁾ Поражено ужасомъ.

⁷⁾ Федоръ Ивановичъ, извѣстный докторъ медицины.

мнѣ до сихъ поръ кажется, что на Гороховой у Богосова можно получить чудесный вакштафъ. Впрочемъ, 5 фунт. пошлю непременно или вмѣстѣ съ симъ письмомъ, или черезъ день. Сравни и увидишь, что это—дѣло пустое.

Всѣ новости, о которыхъ ты сообщаешь, дошли до насъ прежде твоего письма. Нат. писала къ Агтапсе. Жаль ихъ; что хочешь говори, а я не могу осуждать прежде, нежели выслушаю причины. Всѣ наши общіе знакомые, добрые и недобрые, здоровы и невредимы, кромѣ Крюкова, который часто хвораеть; Петръ Григорьевичъ ¹⁾ потолстѣлъ. Сюда пріѣзжалъ какой-то Рюо читать публичныя лекціи объ Евгеніи Сю; онъ ихъ съ успѣхомъ читаль въ Петерб., но здѣсь ему не удалось. Теперь я ѣду на минуту въ томболу ²⁾, а потому, прощай. Нѣмецкая опера надоѣла. Бенефисъ Мих. Сем. былъ неудаченъ.

1 февраля.

Великій ты ругатель; вотъ и табакъ, и короткія письма, и мало утѣшаютъ..., а самъ: просилъ побывать у Эггерса—нѣтъ отвѣта; спрашивалъ, почему въ «От. Зап.» не было о Грановск.—нѣтъ отвѣта; 3 раза писалъ потребовать отъ Краевского особо отпечат. статей и въ противномъ случаѣ сказать, что я прерываю всякія сношенія съ журналомъ,—можно бы объ этомъ хоть слово; я писалъ и еще кой-какія просьбы. La critique est aisée mais l'art est difficile ³⁾. А дѣдушка и бѣсъ морей? Ты въ слѣд. письмѣ хоть напиши, что рѣшился не отвѣчать на эти пункты,—я и буду знать. Да и Грановскій кстати узнаеть, что ты не хочешь сообщить и справиться, подъ какимъ вѣдомствомъ заведеніе глухонѣмыхъ.

Разсказывалъ Манс. ⁴⁾ о твоёмъ житьѣ. Нельзя быть довольнымъ всѣмъ; напр., говорить, ты нѣсколько дней работаешь страшно и потомъ ничего не дѣлаешь, много тратишь etc. Нашъ совѣтъ на все это такой: достань какъ-нибудь, хоть черезъ годъ, мѣсто въ Москвѣ,—да и къ намъ. Элементъ фантазерства въ Москвѣ есть, и я, въ силу твоего писанія, доказалъ это Конст. Сергѣевичу ⁵⁾, но все же климатъ лучше и повеселѣе ⁶⁾.

¹⁾ Рѣдкинъ.

²⁾ Лотерея, въ которой номера выигрышей вынимаются изъ барабана.

³⁾ Французская поговорка: критика легка, искусство трудно.

⁴⁾ Мансуровъ, пріятель Сатина.

⁵⁾ Аксаковъ.

⁶⁾ Дальше Н. А.—на описывала, какъ Саша Герценъ расшибъ себѣ лобъ.

3 февраля.

Кажется, случай съ Сашей, о которомъ пишетъ Н., миноваль благополучно. Альфонскій приѣхаль черезъ 6 часовъ послѣ раны, склеилъ ее такимъ образомъ ¹⁾. Рана не въ самой серединѣ лба, а ближе къ правому глазу, величиною около полувершка, до самой кости. Страшная вещь. Я боленъ, принимаю лѣкарство и оттого не купилъ табаку. У Краевского, я слышалъ, работаетъ Ратынскій ²⁾; это—второй экземпляръ Малиновскаго ³⁾, и это вѣрно,—скажи Бѣлинскому.

384. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

7 февраля (1844).

Писать некогда, да и смерть не хочется, а Алексѣя Алексѣевича ⁴⁾ я просилъ на словахъ разсказать обо всемъ, интересномъ и до насъ касающемся, тебѣ и Виссаріону. Между прочимъ, чтобъ онъ не забылъ, вотъ пункты:

1) О Строгановѣ и берлинцахъ ⁵⁾.

2) О Ратынскомъ.

3) О глупости писать псевдонимы въ письмахъ (это прямо тебѣ).

4) О визитныхъ карточкахъ Греча.

5) О старостѣ церковномъ и о его дѣтяхъ.

Къ сему присовокупляется, что письмо отъ Огарева я не послалъ, потому что, кромѣ стиховъ на первой страницѣ, остальное неважно, а посылать не хотѣлось. Отецъ Грановскаго живъ, а самъ онъ боленъ. Табаку 5 фунтовъ повергаю къ стопамъ вашимъ.

Набери къ отъѣзду Ал. Ал. побольше новостей: напр., чѣмъ же кончился доносъ Булгарина ⁶⁾, и нѣтъ ли какихъ новостей въ этомъ родѣ.

Засимъ прощай.

Весь твой А. Г.

¹⁾ Нарисована перевязка накрестъ нѣсколько разъ.

²⁾ Николай Антоновичъ, писатель, потомъ цензоръ и членъ совѣта глав. управленія по дѣламъ печати.

³⁾ Алексѣй Ѳедоровичъ, писатель, потомъ начальникъ московскаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ и сенаторъ.

⁴⁾ Тучковъ.

⁵⁾ Н. П. Огаревъ и Н. М. Сатинъ.

⁶⁾ См. «Дневникъ», 1 февраля 1844 г.

Если успѣю, напишу Бѣлин. цидулку.

Изъ новыхъ знакомыхъ часто бываетъ очень Самаринъ, въ которомъ вы, мудрецы, грубѣйшимъ образомъ ошиблись съ вашей односторонностью.

385. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

Марта 1-е 1844.

Москва.

Письмо твое краткое и строгое получилъ и тотчасъ передалъ Коршу для печати объявленія; онъ замѣтилъ, что ты началъ заниматься хожденіемъ по чужимъ дѣламъ; я не думаю этого, потому что Краевскій пишетъ, что ты съ Панаевымъ занимаешься хожденіемъ гулять.

Ты напрасно сердиться, что мало пишу; я рѣшительно отвыкъ писать письма; прежде лилось рѣкою, а теперь просачиваются мысли каплями. Причинъ на это много: есть внутри лежащія, а вдесятеро болѣе внѣшнихъ, отучившихъ писать. И на сей разъ не надѣюсь сообщить многого. Здѣсь находится авторъ «Параши»¹⁾; я отъ души посмѣялся надъ проницательнымъ опредѣленіемъ людей въ Виссаріонѣ,— пусть онъ разбираетъ книги, а до живыхъ существъ не дотрогивается.¹ Хлестаковъ, образованный и умный, внѣшняя натура, желаніе выказываться и *fatuité sans bornes*²⁾, и такіе-то люди кажутся Б. чуть не геніями. А впрочемъ, Богъ съ нимъ.

Лекціи Грановскаго продолжаются съ чудовищнымъ успѣхомъ, и онъ растетъ, читая. Что за живой, широкій взглядъ, что за языкъ,— просто удивленье. Для тебя отсутствіе—огромная потеря. Аудиторія набита биткомъ, и тишина до того велика, что слабый голосъ его слышенъ съ края въ край. Событіе этихъ чрезвычайно важно; я былъ правъ, привѣтствуя ихъ въ самомъ началѣ. Шевыревъ et С-піе, удивленные успѣхомъ, какъ-то смолкли, закусивъ губы. Погодинъ ѣдетъ въ Гейдельбергъ. Дай-то Богъ, чтобъ «Москвитянинъ» перешелъ въ добрыя и честныя руки. Шевыревъ не сладить, у него *impotentia v---e*; тогда можно было бы въ самомъ дѣлѣ не посылать къ идеалу неделикатности, Андр. Ал.³⁾, статьи. *Я до сихъ поръ* не получилъ особо отпечатанныхъ статей, это—это

¹⁾ И. С. Тургеневъ.

²⁾ Безграничное фатовство.

³⁾ Краевскій.

свинство; при свиданьи можешь ему сказать, что я намѣренъ не затруднять его болѣе своими статьями иначе, какъ получая *немедленно* 200 руб. съ листа.

Кстати, къ деньгамъ. Когда ты поѣхалъ отсюда, ты былъ долженъ мнѣ 400 руб., а мелочи самъ Аллахъ не сочтетъ. Ты заплатилъ Эггерсу, а я Гофману не платилъ, потому что онъ не взялъ денегъ. Сатину ¹⁾ я далъ деньгами 20 руб. да 20 руб. вышло на казинетъ и пр. Ему хочется сюртукъ: это будетъ стоить рублей 70 или 80,—я напишу.

Дѣла Евгенія ²⁾ идутъ плохо; у нихъ въ домѣ большая крайность, къ тому же онъ все скрываетъ. Онъ какъ-то иногда унываетъ, и я не предвижу радикальной помощи. Есть у меня въ головѣ одно средство, да и на то недостаетъ многого. А смерть жаль: удивительная натура, хотя и эгрированная обстоятельствами.

Насчетъ письма отъ Ник. Пл. ³⁾ я совершенно примирился съ совѣстью; если я тебя лишилъ удовольствія прочитать диссертацию о живописи, то доставилъ вѣдшее удовольствіе три раза меня за это побить словами, что, какъ извѣстно,—господствующая слабость Вашего Высокоблагородія.

Грановскаго здоровье поправилось, но онъ слабъ, худъ, утомленъ,—ему надобно послѣ всего этого хорошій лѣтній отдыхъ безъ книгъ. Крюковъ всю зиму былъ боленъ. Коклюшъ у Саши прошелъ, но остался кашель; все это продолжается съ половины ноября. Здоровье Наташи довольно хорошо; малютка толстѣетъ, благодаря сливкамъ, на которыхъ его прикармливаютъ кормилица.

Прощай.

Твой А. Герценъ.

Языкова расцѣлуй и поздравь; дай Богъ, чтобъ маленькій язычокъ ⁴⁾ былъ похожъ на отца сердцемъ и совершенно противоположенъ дѣятельностью, хотя папаша и пошелъ по смѣтямъ.

Мих. Сем. печаленъ: у него очень больна сестра. Ив. Пав. ⁵⁾ кланяется.

◆◆ 1. Бѣлинскій пришелъ въ восторгъ отъ «Параши», что и высказалъ въ пространной рецензій въ «Отеч. Запискахъ». 23 февраля 1843 г. онъ писалъ Н. А. Бакунину: «Недавно познакомился

¹⁾ Племянникъ Н. М. Сатина.

²⁾ Е. О. Коршъ.

³⁾ Огаревъ.

⁴⁾ Родившійся тогда сынъ М. А. Языкова.

⁵⁾ Галаховъ.

я съ Тургеневымъ. Онъ былъ такъ добръ, что *самъ* изъявилъ желаніе на это знакомство. Кажется, Тургеневъ хорошій человѣкъ» (Бѣлинскій «Письма», II, 343). 3 апрѣля—В. П. Боткину: «Я нѣсколько сблизился съ Тургеневымъ. Это человѣкъ, необыкновенно умный да и вообще хорошій человѣкъ. Бесѣда и споры съ нимъ отводили мнѣ душу... У Тургенева много юмору... Вообще Русь онъ понимаетъ. Во всѣхъ его сужденіяхъ виденъ характеръ и дѣйствительность. Онъ врагъ всего неопредѣленнаго» (стр. 360—361).

386. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

15 марта 1844.

Москва.

Здравствуйте, предобрый злой Кетчеръ! Письма ваши получили и комиссіи справиль; 300 руб. отдалъ, для врученія твоему брату ¹⁾, твоей сестрѣ, потому что въ академіи никто не знаетъ, гдѣ его квартира. Деньги за Сатина ²⁾ въ пансіонъ заплачены, Евгеній ³⁾ не очень здоровъ, простудился. Изъ его денегъ у меня осталось руб. 50.

Ну, за что же ты все ругаешься и увѣчишь меня словами и сравненіями? а я живу себѣ, право, прекомильфотно и пишу отвѣты аккуратно. Вѣроятно, на другой день послѣ того, какъ ты отправилъ письмо ко мнѣ, получилъ ты мое; замѣть симпатію между нами, а если хочешь, между авторомъ «Параши» и Иваномъ Ал ⁴⁾: я тебѣ тѣми же словами и самое то же написалъ. *Au reste c'est un homme de beaucoup d'esprit* ⁵⁾; я думаю, онъ въ Петербургѣ облѣнится: дѣятельность петерб. жизни всего ближе граничить къ лѣни; надобно отучиться считать лѣнивымъ того, кто бездѣятеленъ наружно, кто лежитъ на диванѣ; высшій типъ лѣни, это—преферансъ и меледа. *NB.* Поясненіе *in usu delphinum* ⁶⁾, да и не токмо дельфинамъ (Виссаріону), но и китамъ (т. е. тебѣ).

¹⁾ Яковъ Яковлевичъ.

²⁾ Племянникъ.

³⁾ Коршъ.

⁴⁾ Хлестаковъ.

⁵⁾ Впрочемъ, это—человѣкъ очень умный.

⁶⁾ Слѣдуетъ: «*Ad usum Delphinii*»—иронически говорится о сочиненіяхъ, въ которыхъ преднамѣренно выпущены нѣкоторыя мѣста.

Новаго ничего. Вечера *тебные* Мих. Сем. шли плоховато, выборъ пьесъ очень дурень; онъ читаль превосходно «Заколдованное мѣсто» и «Тяжбу» Гоголя, остальное—шлехтъ ¹⁾. А Грановскій,—чортъ его знаетъ, что его прорвало,—со всякой лекціей лучше и лучше. Онъ какъ-то вдохновляется на каедрѣ. Рѣчь идетъ плавно, грустный элементъ, присущій ему всегда и во всемъ, не мѣшаетъ торжественному *maestoso*; просто каждая лекція—художественное произведеніе. Аудиторія такъ бываетъ полна, что нѣтъ мѣста всѣмъ сидѣть. Алексѣй Алексѣевичъ ²⁾ былъ удивленъ и профессоромъ и аудиторіей; онъ кончитъ послѣ Святой. Хоть бы тебѣ услышать двѣ лекціи. Все, что Виссаріонъ пишетъ по этой части, рѣшительно $2 \times 2 = 1/2$; вообще, послѣднее письмо его (дай ему это прочесть) не выдерживаетъ никакой критики; это писалъ больной человѣкъ съ точки зрѣнія субъективной. Я очень хорошо понимаю процессъ, которымъ можно дойти до этого порядка мыслей, но понимаю и то, что въ немъ остаться нельзя. Клюшниковъ ³⁾ нѣкогда разсматриваль міръ съ точки зрѣнія человѣка, у котораго болитъ чашка въ правой ногѣ; это въ родѣ теперешняго взгляда Вис. Я, впрочемъ, при первомъ досугѣ напишу ему на сей счетъ отвѣдь, а это онъ можетъ принять за прелиминаріи и *дальніе апроши*, какъ говорилъ Вобанъ.—Алексѣй Алекс. съ большими похвалами отзывался объ женѣ Виссаріона; это меня искренно порадовало. Отъ Агтансе получено еще письмо; опять нѣтъ никакого ключа. Николай Платоновичъ ⁴⁾ и Ник. Мих. ⁵⁾—въ Лондонѣ, и до осени не будутъ. Вотъ и все.

16 марта.

Къ необыкновеннымъ явленіямъ прошу причислить то, что четвертый день страшные морозы, отъ которыхъ я, по обыкновенію, страдаю головными болями.

Пожалуйста, передай самъ или черезъ Панаева (которому поклонъ; да что же онъ не печатаетъ дѣльной повѣсти?) Краевскому, что я требую высылку статей, хотя бы ему вновь ее печатать; такое невниманіе отучить хоть кого посылать статьи; если-жъ онъ не исправится, то замѣть ему, что *считать Бенжамена Константа живымъ, право, такъ же смѣшно, какъ Коперника—послѣдоват.*

¹⁾ Schlecht—плохо.

²⁾ Тучковъ.

³⁾ Иванъ Петровичъ, поэтъ.

⁴⁾ Огаревъ.

⁵⁾ Сатинъ.

Ньютона ¹⁾. Я увѣренъ, что статьи валяются у его Иванова ²⁾, и ему некогда похлопотать; не забудь передать это при моемъ почтеніи. Если-жъ онъ хочеть, то вмѣсто статей можетъ расчесть по 150 съ листа и вычесть за книги и пр.

Прощай.

387. Приписка къ Н. Х. Кетчеру.

23 марта 1844.

Москва.¹

Ну, однако, со всячинкой.

Эти строки тебѣ вручить сослуживецъ твой, Августъ Ивановичъ Тиме,—добрѣйшій нѣмецъ и Medicinæ D-г; тебѣ, вѣрно, будетъ пріятно видѣть человѣка, такъ недавно видѣвшаго всѣхъ насъ. Особеннаго сообщить нечего, кромѣ того, что Крюковъ очень боленъ. Все идетъ попрежнему; успѣхъ Гр. безпримѣренъ; я мало дѣлаю; правда, читаю, но пера въ руки не беру. Твои выходки насчетъ письма о Петерб. и справедливы, и нѣтъ; все берется тамъ только въ антиномическомъ смыслѣ, а оно и не имѣетъ цѣлью быть руководствомъ къ изученію, и съ твоими замѣчаніями нельзя со всѣми согласиться, хотя въ нихъ и нѣтъ такихъ вопіющихъ неправдъ, какъ въ письмѣ Виссар. Я собирался писать отвѣтъ ему, но не зналъ, когда поѣдетъ Тиме, а онъ ѣдетъ сегодня и теперь здѣсь.—Прощай.—Часто, очень часто поминають тебя Мих. Сем., Богдановъ и пр. Грановскій припишетъ.²

т. е. Грановскій XXII столѣтія упомянетъ на своихъ лекціяхъ.³ ибо онъ, всетаки, не поѣхалъ для тебя.

⁴ т. е. о какомъ-то плутѣ Котельниковѣ, служившемъ въ Курскѣ.

◆◆ 1. Начинается письмомъ Н. А—ны; къ ея фразѣ о малюткѣ Колѣ: «премиленькій мальчикъ»—Герценъ приписываетъ и потомъ продолжаетъ письмо уже отъ себя.

2. Далѣе приписка Грановскаго; онъ зоветъ Кетчера въ Москву и обѣщаетъ устроить «такой банкетъ, о которомъ будетъ говорить отдаленное потомство». Герценъ здѣсь приписываетъ.

¹⁾ Насмѣшка надъ оплошностью «Отч. Записокъ», сказавшихъ о Б. Констанѣ, умершемъ въ 1830 г., какъ о живомъ.

²⁾ Андрей Ивановичъ, книгопродавецъ, комиссіонеръ «От. Записокъ», издатель «Литератур. Газеты».

3. Къ фразѣ: «Въ Петербургъ я хотѣлъ ѣхать только для тебя, тебѣ, слѣдовательно, *должно* пріѣхать для насъ», Герценъ приписываетъ.

4. Къ слѣдующей фразѣ: «На дняхъ провели вечеръ у Мих. Сем. и крѣпко вспомнили о тебѣ», Герценъ приписываетъ.

388. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

10 апрѣля 1844.
Москва.

Здравствуйте, онорабль ¹⁾ ученый другъ! Мы опять помолчали,— ну, не бѣда, поговоримъ теперь. Сегодня девять лѣтъ, какъ я дожидался тебя, выѣзжая изъ Москвы въ первый разъ отроду— и вотъ все старое, полузабытое и задернутое явилось и захотѣлось писать къ тебѣ, т. е. оно, собственно, вовсе не писать захотѣлось, а говорить. Писать, это—суррогатъ, въ родѣ моренковскаго кофею; ну, самъ ты—человѣкъ умный и Шекспира больше не переводишь, стало, все сообразишь, вообразишь, дополнишь и раскричишь.

У Михаила Сем. скончалась сестра 5 апрѣля ²⁾). Я ее вовсе не зналъ, но знаю его привязанность къ семейству; кажется, это его крѣпко огорчило. Это—единственная очень дурная новость, которую я имѣю, потому я ее протолкалъ впередъ. Потомъ—тебѣ коммисія, которую *непретѣнно тотчасъ исполни и мнѣ напиши*. Кто въ Петербургѣ лучше всѣхъ гравировать портреты на стали, мѣди или au burin ³⁾, или акватинта? кажется, Райтъ ⁴⁾ (P.S. Всѣхъ лучше, говорятъ, Менцовъ ⁵⁾). Цѣной не испугаешь. Хотятъ гравировать портретъ Тим. Ник. ⁶⁾; оригиналъ пришлю я. Или не лучше ли послать въ Лондонъ? но черезъ кого? возьмешься ли ты? или здѣсь похлопотать? Разумѣется, сходство съ оригиналомъ должно быть совершенное и работа оконченная. Ты увидишь самъ по цѣнамъ, до чего итти можно; о числѣ экземпляровъ можно поговорить потомъ; сверхъ того, доска должна остаться у заказчика.

Теперь обращаюсь ко внутреннимъ аппаратамъ. У насъ продолжается съ Гр. слѣдующій споръ о Сашкиномъ воспитаніи:

¹⁾ Honorable — почтенный.

²⁾ Анна Семеновна Щепкина; † 6 апрѣля.

³⁾ Рѣзцомъ.

⁴⁾ Томасъ.

⁵⁾ Ѳедоръ Николаевичъ.

⁶⁾ Грановскій.

онъ совѣтуетъ взять теперь нѣмца-menin ¹⁾; я рѣшительно не хочу и готовъ взять за дорогую цѣну нѣмку, французенку, англичанку, только не мужского пола. Причинъ тысяча. Если нѣмецъ en question человѣкъ образованный, ему надобно платить, по меньшей мѣрѣ, 2,000, да и то не пойдетъ къ 4¹/₂-лѣтнему ребенку, котораго учить не надобно; если-жъ это un diadka comme il y en a partout ²⁾, чортъ ли въ немъ,—онъ то же, что слуга, только что ругаться будетъ по-нѣмецки, а не по-русски. Женщина будетъ великой помощью для Наташи, потому что она можетъ присмотрѣть и за маленькимъ. Нѣмецъ, dixit Гр., необходимъ для его физическаго развитія; diadka будетъ водить гулять etc. Во-первыхъ, несмотря на всѣ обвиненія (которымъ корень и источникъ—ты), въ физич. воспитаніи ничего не упущено. Съ начала ноября у него былъ коклюшъ до февраля, а съ февраля до сихъ поръ онъ кашляетъ,—тутъ, кромѣ повѣтрія, никто не виноватъ. Когда онъ здоровъ, тогда онъ бываетъ безпрестанно на воздухѣ, напр., цѣлый годъ въ Новѣгородѣ, потомъ въ Покровскомъ. Гулять водить или, лучше, надсматривать, какъ онъ гуляетъ, можетъ женщина въ 1000 разъ лучше. Вотъ дѣло разное, если-бъ былъ мальчикъ его лѣтъ, съ которымъ бы онъ могъ играть,—это для физики было бы чудесно. «Да если этотъ нѣмецъ будетъ удивительно хорошъ?» Съ чего же это? Я полагаю совсѣмъ иначе; онъ долженъ быть человѣкъ грубыхъ понятій, нѣмецкаго мѣщанства,—и этого человѣка сдѣлать членомъ семейства? Да, членомъ семейства или лакеемъ,—третьяго нѣтъ для меня и по нашему образу жизни. Женщина вообще мягче, лучше оклимачивается въ домѣ, женщина вообще благороднѣе мужчины необразованнаго. Извольте дать по сему дѣлу вашъ голосъ безъ иры и штудіи ³⁾, какъ говаривалъ ученый другъ Тацитъ. Veto ⁴⁾ я не даю никому, votum ⁵⁾ принимаю отъ друзей съ величайшимъ вниманіемъ.

Да, еще о портретѣ: поговоривши съ художникомъ, хорошо было бы, если-бъ ты прислалъ образчикъ его работы—какой-нибудь портретъ. Райта работа мнѣ извѣстна по портрету Жуковскаго; но онъ не отличенъ, да и форматъ у насъ будетъ въ поль-листа, а Жук. въ 8 долю.

Засимъ, прощай, не задерживай отвѣта; всѣ тебѣ кланяются, всѣ тебя любятъ и много кланяются, потому что много любятъ.

¹⁾ Menin—юноши, которыхъ въ Испаніи и во Франціи брали въ товарищи для дѣтей семей монарховъ.

²⁾ Дядька, какіе есть вездѣ.

³⁾ Sine ira et studio—безъ гнѣва и пристрастія.

⁴⁾ Запретъ.

⁵⁾ Вотумъ, голосованіе.

Что же Краевскій? когда перестанетъ со мной шутить и перешлетъ статьи? Сдѣлай одолженіе: скажи ему, что мнѣ дѣла нѣтъ, хоть бы онъ вновь напечаталъ. Что за гигантъ неделикатности!

Vissarionu Kuss und Gruss ¹⁾).

389. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

27 апрѣля 1844.

Москва.

Здравствуйте, достопочтенный Негг Кетчеръ, вотъ вамъ и Иванъ Павловичъ ²⁾), котораго ты не видалъ съ Кунцова. Ваша разлука вставлена между двумя праздниками: онъ теперь ѣдетъ весь подъ вліяніемъ d'une orgie monstre ³⁾), данной въ честь Грановскаго, въ день окончанія его курса. Такого торжественнаго дня на моей памяти нѣтъ. Ты ужасно много потерялъ, что не былъ здѣсь. Такъ какъ я сейчасъ писалъ о томъ же къ Бѣлинскому, то почти выписываю оттуда. Аудиторія была биткомъ набита, Грановскій заключилъ превосходно; онъ постигъ искусство какъ-то нѣжно, тихо коснуться такихъ заповѣдныхъ сторонъ сердца, что оно само радуясь трепещетъ и обливается кровью. Публика, можетъ, сначала стала собираться шутя, курьеза ради, но вскорѣ она была увлечена ей вовсе невѣдомымъ наслажденіемъ, энергической всенародной рѣчью; смѣлая чистота и романтическая нѣжность, открыто благородный образъ мыслей, вѣра въ прогрессъ и любовь къ каждой увядающей формѣ возбуждала un frémissement de sympathie ⁴⁾). Окончивъ, онъ всталъ. «Благодарю», говорилъ онъ, «тѣхъ, которые сочувствовали съ моими убѣжденіями и оцѣнили добросовѣстность; благодарю и тѣхъ, которые, не раздѣляя ихъ, съ открытымъ челомъ, благородно высказывали мнѣ нѣсколько разъ свое несогласіе». При этихъ словахъ онъ какъ-то весь трепеталъ, и слезы были на глазахъ, когда онъ еще разъ сказалъ: «еще разъ благодарю васъ». Что было потомъ—нельзя себѣ представить; крики «браво! прекрасно!», трескъ, шумъ, слезы на всѣхъ глазахъ, дамы жали его руки etc., etc. Приготовленъ былъ обѣдъ торжественный à la List ⁵⁾), въ домѣ у

¹⁾ Поцѣлуй и привѣтъ.

²⁾ Галаховъ.

³⁾ Чудовищная оргія.

⁴⁾ Трепетъ симпатіи.

⁵⁾ Какъ Ф. Листу (въ 1843 г.).

Аксакова ¹⁾. Жаль, что и тутъ ты не былъ. Все напилось, даже Петръ Як. ²⁾ увѣряетъ, что на другой день болѣла голова; я слезно цѣловался съ Шевыревымъ. Детали предоставляю Галахову. Потеря, не шутя, ибо за пиромъ продолжалась та же энергія и одушевленіе. Распоряжались обѣдомъ Самаринъ, я и Сергѣй Тим. Аксаковъ. Вина выпито количество гигантское и *NB.* не было сотерну, лафиту меньше 9 рублей бутылка, *prachtvoll und donnerwetterlich* ³⁾).

Получивши твое послѣднее письмо, я тотчасъ отправился къ твоему брату, не нашель его квартиры, потомъ—на вашу квартиру, и потомъ онъ былъ у меня. Дѣло поправлять нечего, онъ остается казначеемъ, но не совѣтникомъ. Узнать, почему остановлено представленіе о наградѣ, я могу, но далѣе—что же тутъ дѣлать, гдѣ замѣшалась личность? — Точно ли ты въ маѣ будешь здѣсь? очень, очень было бы хорошо. Потомъ всѣ вонь: Гранов. ѣдетъ въ Малороссію, я—въ деревню, Коршъ останется одинъ. Покупка «Галатеи», кажется, совершенно идетъ на ладъ; графъ Строгановъ обѣщаль выхлопотать все, что надо. Коршъ—редакторъ; хотѣлось бы другое имя—«Ежемѣсячное Обзорѣніе». Въ послѣднее время я недоволенъ «От. Зап.»: прочти мое письмо къ Виссаріону. Что вы хотите, дѣлайте,—ругайтесь или хвалите,—я въ одномъ неизмѣненъ, это въ той добросовѣстной и свѣтлой гуманности, которая всегда бѣжитъ отъ исключительныхъ (*haineux*) теорій и взглядовъ. Только смѣясь или шутя можно думать, что я раздѣляю мнѣнія Хомякова et C-*nie*; но я, вовсе не шутя, говорю и прежде говорилъ, что я со многими очень сочувствую и сердцемъ и умомъ, въ очень многихъ сторонахъ, и во имя этихъ сторонъ, а равно и во имя благород. убѣжденія, я не отворачиваюсь. Такъ, полгода тому назадъ ты и Бѣлинскій смѣялись надъ тѣмъ, что я сблизился съ Самаринымъ. А который изъ васъ зналъ его? Самаринъ—юноша высокихъ дарованій и въ полномъ развитіи, ему только 25 лѣтъ,—а вы ужъ осудили его. Я сначала инстинктомъ оцѣнилъ его. Теперь спроси-ка Галахова, какъ этотъ человѣкъ гигантски подвинулся впередъ отъ всѣхъ прежнихъ товарищей; это—одна изъ самыхъ логическихъ натуръ въ Москвѣ, это—человѣкъ, который далеко выше Хомякова и даже Аксакова ⁴⁾. Кто былъ правъ? Далѣе, отчего Бѣлинскаго статьи возбуждаютъ досаду и зло у разномыслящихъ съ нимъ, а мои статьи, какъ и я самъ, принимаются съ какимъ-то теплымъ, хотя и не согласнымъ, чувствомъ?

1) Сергѣй Тимофеевичъ.

2) Чаадаевъ.

3) Великолѣпно и громоподобно.

4) Константинъ Сергѣевичъ.

Гуманность—мое знамя. Теперь я занимаюсь «Naturphilos» Гегеля; хочу писать въ деревнѣ.

Supplément extraord. 1)

Анекдотъ. Саша увѣрялъ Галахова, что профессоръ только и есть Грановскій. Галаховъ говоритъ: «а Кетчеръ?». Саша, скандализованный, возразилъ: «какой же онъ профессоръ! Грановскій читаетъ, а ему хлопаютъ, а онъ кланяется». Галаховъ сказалъ: «и Кетчеръ читаетъ», но Саша торжественно отвѣтилъ: «нѣтъ, Кетчеръ бранится, а не читаетъ». Галаховъ обязуется подтвердить, да кстати пусть онъ тебѣ расскажетъ премилый анекдотъ о Коршѣ и газетахъ.—Читалъ ли ты статью о неграхъ? 2)

Засимъ обнимаю тебя. Мих. Сем. хотѣлъ принести записочку, да нѣтъ его что-то.

Рѣдкинъ учится по-еврейски и находится въ припадкѣ приа-пизма, сватается направо и налево.

Крюковъ очень боленъ и такъ перемѣнился, что врядь можно ли и ждать улучшенія. Жаль и бесконечно жаль.

Аксаковъ тебѣ кланяется.

390. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

Юня 6. 1844.

Г. Кетчеръ, по отпускѣ васъ въ Сѣверную Пальмиру, все обстоитъ благополучно: дождь льется, какъ изъ ведра; Конст. Сергѣевичъ 3) не теряется и говоритъ, что это пріятная и мягкая сырость, облегчающая жары. (NB. дня три терм. ниже 9°). Въ деревню еще ѣхать невозможно,—дай Богъ убраться къ 20. Вотъ тебѣ и лѣто! Грановскій собирается къ 15; пишу же я къ тебѣ, по просьбѣ Астракова, и истинно прошу заняться этимъ и мнѣ написать отвѣтъ.

1-е. Серг. Ив. слышалъ, что Краевскій черезъ фонъ-дербъ-Паленъ очень близкій человѣкъ у Муравьевыхъ и именно у того, который начал. межевой части 4)—а потому онъ проситъ черезъ него похлопотать о двухъ дѣлахъ.

1) Экстренное добавленіе.

2) См. стр. 371.

3) Аксаковъ.

4) Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, «Вѣшатель».

а. Его братъ ¹⁾, землемѣръ, представилъ проектъ таблицъ для вычисленія площадей многоугольниковъ; проектъ здѣсь одобренъ и посланъ въ Петерб., въ межевой д-тъ; утвержденеіе проекта для него весьма важно.—β. Самъ Сергѣй Ив. желалъ бы вступить учителемъ высшей матем. въ Константиновскій институтъ, а, если-бъ былъ увѣренъ въ поддержкѣ тамъ, то подалъ бы просьбу.—Я говорилъ ему, что на Краевского я не надѣюсь, и вообще, кажется, мудрено такимъ образомъ обработать все это, но онъ проситъ твоего содѣйствія и отвѣта. Признаюсь, я не увѣренъ и въ твоей аккуратности, однако, отвѣта жду.

Прощай. Писать ужъ поздно. Самарина диссер. защита была хороша, но скучна.

А. Герценъ.

391. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

19 іюня 1844.

Москва.

Здравствуйте, достопочтеннѣйшій! Письмо ваше имѣлъ честь получить и почти съ нимъ вмѣстѣ грамоту изъ Берлина, на которую уже отвѣчалъ ²⁾. Главная новость, которую я тебѣ имѣю сообщить (только до поры не говори многимъ), это то, что Грановскій подалъ просьбу объ изданіи новаго журнала. Графъ ³⁾, Дм. Львовичъ ⁴⁾ и я заставили отказаться отъ покупки дрянного журнала и предпринять что-нибудь новое; «Ежемѣсячное Обзорѣніе», — преимущественно историческое и критическое направленіе. Итакъ, передай Панаеву, что повѣсть нужна будетъ, какъ только выйдетъ позволеніе, да и самъ ты приготовь переводъ какой-нибудь. Не желаетъ ли Бѣлинскій что-нибудь прислать? Гонораръ, по общему соглашенію, тотчасъ вышлется; пусть этимъ замѣчаніемъ не обижаются: безденежно работать аристократія — особенно, когда ихъ немного.

Всѣ ѣдутъ: Грановскій завтра, Рѣдкинъ сегодня, я въ субботу, Елизавета Богдановна съ нами. Доселѣ не было *ни одного лѣтняго*

¹⁾ Николай Ивановичъ Астраковъ.

²⁾ Письмо Огарева и Сатина, напечатано въ IX кн. «Рус. Мысли» 1890, стр. 5—13.

³⁾ С. Г. Строгановъ.

⁴⁾ Крюковъ.

дня съ твоего отъѣзда, да и при тебѣ не было. Однако, смерть хочется въ деревню. Штиль кругомъ и воздухъ, и лѣсъ; только недостаетъ воды и горы, а то Эльдорадо да и только.

Скажи Бѣлинскому, и да разразится онъ гнѣвомъ яримъ: въ «Москвитянинѣ» будетъ нѣсколько строкъ моихъ о Грановскомъ. Да кстати скажи ему, зачѣмъ онъ въ «От. Зап.», какъ только дѣло дойдетъ до національныхъ бредней, поминаетъ о лаптяхъ и о сермягѣ? Неужели онъ не знаетъ, что ни то, ни другое не носитя par goût или par esprit de parti ¹⁾, а изъ бѣдности, такъ, какъ sabots ²⁾ и блуза? А посему, я думаю, не вовсе прилично аристократически хвастать сапогами и смѣяться надъ людьми, носящими лапти. Qu'en dites Vs, mon voisin? ³⁾ Гуманность, гуманность—великое дѣло! ¹⁾

Боткина братъ, Николай, приѣхалъ въ Москву; я, впрочемъ, еще не видѣлъ его.

Крюкову лучше. А бѣдный Егоръ Ив. плохъ: у него оказывается ракъ; Варвинскій ⁴⁾ передаетъ его Альфонскому при отъѣздѣ.

Засимъ прощайте.

Ник. Пл. ⁵⁾ что-то пишетъ о Шекспирѣ, но я не могъ сыскать приписку о ливрезонахъ etc.

Грановскаго проводилъ сейчасъ. Поѣхалъ онъ въ тарантасъ Огарева.

◆◆ 1. Герценъ писалъ, вѣроятно, по поводу рецензіи Бѣлинскаго о «Старинной сказкѣ объ Иванушкѣ-Дурачкѣ» Н. Полевого.

392. Письмо къ Е. Ѡ. Коршу.

С. Покровское. Юля 27 (1844).

Въ «Алгемэнѣ» ⁶⁾ (какъ выразился чиновникъ, приходившій за запрещеннымъ №) было прописано, что какой-то Гротгусъ открылъ большое пятно на дискѣ солнца, отъ котораго будто происходитъ гнусная погода. Я вѣрю, что не только пятно, а дыра на

¹⁾ По собственному вкусу или по партійному духу.

²⁾ Деревянные башмаки.

³⁾ Что скажете вы объ этомъ, сосѣдушка?

⁴⁾ Иосифъ Васильевичъ, докторъ медицины.

⁵⁾ Огаревъ.

⁶⁾ «Allgemeine Zeitung».

солнцѣ: дождь леть, какъ изъ ведра, какъ будто для того, чтобъ оправдать клевету Мих. Сем. ¹⁾ на счетъ болотистаго грунта— was gar kein Grund hat und geht zu Grunde ²⁾. А что, если и въ самомъ дѣлѣ пятно на солнцѣ?—земля охладѣетъ, сдѣлается сыро, вѣчный туманъ наляжетъ, растенія поблѣднѣютъ, люди позеленѣютъ, въ газетахъ будутъ читать: «тогда-то въ Неаполѣ свѣтилъ край солнца 20' 19'', и притомъ теплый воздухъ доходилъ до +1° по Реомюру». Ну, что мы тогда сдѣлаемъ съ прогрессомъ? Notre bien cher chevalier ³⁾, что тутъ логическаго nonsens нѣтъ. Случайность есть одинъ изъ моментовъ дѣйствительности, отъ котораго *именно* дѣйствительность непрерывно видоизмѣняется, бѣжитъ, какъ отъ кошмара, и приближается къ свободно-необходимой сферѣ понятія, но только въ мышленіи. А такъ какъ планеты и солнце—еще не примиренное существованіе... и такъ далѣе: скучно,—порядочный человѣкъ не станетъ заниматься глупой возможностью и потому довольно о пятнѣ.¹ Имѣя досугъ отъ пятна, я почти до конца перечиталъ 1 часть «Энциклопедіи» Гегеля. Чортъ знаетъ, что за мощный геній! Перечитывая, всякій разъ убѣждаешься, что прежде узко и бѣдно понималъ. Все новое филос. движеніе внутри его. Человѣчество въ 20 лѣтъ только успѣло раскусить его и понять, какъ надобно; прежде оно его понимало, какъ Рѣдкинъ, то есть, какъ не надобно.

1-ое письмо ⁴⁾ для журнала готово; оно, кажется, не дурно, но слѣдовало бы побольше развить; времени на это много въ Москвѣ будетъ, здѣсь нѣтъ книгъ. Можетъ, и 2-е напишу скоро, да что-то страшно цензуры, которая, какъ костоѣда, выѣстъ кости и оставитъ мякоть.

Когда будешь на Никольской ⁵⁾ (или пошли съ запиской), возьми, пожалуйста, у Глазунова ⁶⁾ туюкъ со статьями и изъ нихъ возьми одну себѣ, а другіе отошли къ намъ въ домъ или, все равно, оставь у себя, вмѣстѣ съ той статьёй, которая отпечат. въ «Москвитянинѣ» ⁷⁾; сей послѣдней пришли два экземпляра сюда (мнѣ и Елиз. Богд.).

Воля ваша, а жить одному хорошо иное время, и намъ, кромѣ

¹⁾ Щепкинъ.

²⁾ Игра словъ: «что не имѣетъ подъ собой никакой почвы и гибнетъ (идетъ въ почву)».

³⁾ Нашъ дражайшій рыцарь.

⁴⁾ См. № 417.

⁵⁾ Улица въ Москвѣ.

⁶⁾ Книжный магазинъ.

⁷⁾ См. № 393.

дождя, было бы не дурно. Жаль, что нѣтъ тебя, еще двухъ-трехъ человѣкъ; но тягостно быть принужденному изъ-за васъ видѣть двѣсти-триста тысячъ людей, которыхъ не нужно, которые оскорбительны. А для чего-жъ ты не устроилъ прїѣздки сюда? Въ дурную погоду скверно, а въ хорошую мы провели бы два дня превосходно. Впрочемъ, я не отчаиваюсь. Зову, прошу и заклинаю!

Я себѣ отострилъ бороду, сначала безъ усовъ, наконецъ, пересталъ и усы брить, отчего получилъ видъ человѣка, содержащагося въ домѣ умалишенныхъ. Всѣ здоровы. Лизав. Богдановна курить и въ зонтикѣ ¹⁾ очень похожа на покойника Баркляя-де-Толли. Мы, братъ, отъ отчаянія бросились на овощь—рѣдьку, брюкву, кочерыги и тому подобныя удобоваримыя вещи. Барклай постояннѣе и придерживается крѣпкихъ напитковъ и лихорадки. Утромъ въ 9 часовъ приносятъ ендову молока кипящаго—это *prolegomena* ²⁾, потомъ чай и кофей, какъ слѣдуетъ, и въ 2 часа не обѣдъ (*unmittag, die Negation des Mittags* ³⁾), въ родѣ, какъ подавали у Собакевича: все, что попало—бревно въ салѣ вареное, трава съ масломъ, телѣга картофелю, возъ грешневой каши, стадо барановъ, гряда луку; потомъ черезъ часъ: малина—простокваша—раки—чай—малина—простокваша—раки. Къ вечеру мы сыты и читаемъ Вальтеръ Скотта (т. е. я читаю, а аудиторія спитъ). Наташа велѣла присовокупить, что она съ Елиз. Б. очень много занимается: читаютъ Консидерана и консидерируютъ ⁴⁾ фаланстеръ. Ну, да это, впрочемъ, не оправдываетъ ни на грошъ. Вотъ, вѣдь, и забылъ въ этой смѣтѣ, что Ел. Б. ежедневно за чаемъ употребляетъ улей сотовъ (трудъ шестимѣсячный 50,000 пчелъ), запивая его пѣнничкомъ, и, чтобъ защититься, говорить, что это очень полезно для поправленія почерка,—я не вѣрю.

Прощай. Я полагаю, что погода скорѣе выживетъ насъ, нежели мы думали; врядъ останемся ли до 26 августа, хотя хотѣлось бы. Дороги до того дурны, что нѣтъ никакой возможности ѣхать въ большомъ экипажѣ. (Замѣтъ, что это—шоссе, стоимшее невѣроятныхъ суммъ).

Твоя картинка, изображающая Оедю и Сашу ⁵⁾ въ умильномъ положеніи, напомнила мнѣ тотъ прекрасный родъ живописи, который былъ найденъ въ мексиканскихъ развалинахъ. За Вашу

¹⁾ Глазной.

²⁾ Пространное предисловіе.

³⁾ Отрицаніе обѣда.

⁴⁾ Каламбуръ—созвучіе фамиліи автора съ франц. глаголомъ «внимательно разсматривать, обсуждать».

⁵⁾ Оедоръ Евгеньевичъ Коршъ и Александръ Александровичъ Герценъ.

изошренную учтивость позвольте и мнѣ со всею семьею итти къ вамъ въ кабалу и крѣпость.

Рабишка вашъ подлый

А. Герценъ.

Что Крюковъ? Кланяюсь усердно Софіи Карловнѣ ¹⁾). Поднеси, сверхъ себя, одинъ экземпляръ моей статьи о Гр. Маріи Ѳедоровнѣ ²⁾). А propos, я читалъ письмо Мар. Ѳед. къ Лиз. Богд. и Наташѣ. C'est du Corchisme tout pur ³⁾); я скажу объ васъ, перефразируя фразу Морошкина: въ васъ римская душа съ византійской неприступной этнистостію. Я думаю, вы не разсердитесь на меня за эту шутку,—это будетъ съ вашей стороны не хорошо, потому что навѣрное немного людей, которые такъ глубоко васъ уважаютъ и, что еще важнѣе, такъ просто любятъ, какъ я. ²

Наташа кланяется много и много; какъ будетъ время, сама будетъ писать съ Лиз. Богд. Но времени нѣтъ, а черезъ два дня опять ѣдутъ.

◆◆ 1. Каждому ясно, что Герценъ не могъ серьезно думать о какой-либо перемѣнѣ въ солнечной системѣ и говорилъ объ этомъ въ шутку. Жена Грановскаго приняла подобныя фразы, говорившіяся устно, въ серьезъ и подѣлилась ими съ своимъ мужемъ. Грановскій отвѣчалъ ей 4 августа: «Великій астрономъ, увѣряющій тебя, что пятна на солнцѣ произвели холодное лѣто и знаменуютъ переворотъ въ солнечной системѣ, безсовѣстно пользуется правомъ математиковъ пороть дичь и не знать исторіи. Это явленіе повторялось тысячу разъ, и каждый разъ математики и чернь объясняли его по-своему и выводили страшныя заключенія. А между тѣмъ солнце такъ же грѣетъ и свѣтитъ, какъ и прежде. Изъ холоднаго лѣта 1844 года, пятнышка на солнцѣ и статьи въ «Аугсбургской Газетѣ» нельзя еще заключать о переворотѣ въ солнечной системѣ. Но пусть будетъ такъ, какъ они говорятъ. Пусть погаснетъ *это* солнце и охладѣетъ *эта* земля,—духъ будетъ продолжать начатую имъ здѣсь работу гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Какая китайская нелѣпость въ предположеніи, что вся жизнь духа связана съ органическою жизнью нашей планеты исключительно; какая хула на разумъ, какое отрицаніе всякой разумной цѣли въ бытіи космоса, заключается въ этой вѣрѣ въ силу слѣпого, глупаго случая, который, чортъ знаетъ для чего, вздумалъ запачкать солнце. Такія дикія

¹⁾ Жена Е. Ѳ. Корша.

²⁾ Сестра Корша.

³⁾ Это чистѣйшій «коршизмъ».

нелѣпости могутъ прійти въ голову только математику. Покажи это письмо Герцену. Онъ, вѣрно, будетъ со мною согласенъ, тѣмъ болѣе, что онъ теперь уже, слава Богу, не знаетъ математики» (т. II, 270). Курьезно, что А. В. Станкевичъ, приводя это мѣсто изъ письма Грановскаго и совершенно не зная истиннаго отношенія Герцена къ открытію Гротгуса, а заключая о немъ лишь изъ письма Елиз. Богдановны, привелъ этотъ фактъ въ числѣ немногихъ «убѣдительныхъ» иллюстрацій споровъ и разногласій между обоими друзьями (т. I, 203—204).

2. Е. Θ. Коршъ пользовался общей любовью среди членовъ своего кружка, особенно же близокъ былъ съ Грановскимъ. По справедливому замѣчанію И. И. Панаева, «уступавшій многимъ относительно литературной дѣятельности, онъ былъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ собесѣдниковъ кружка. Его отсутствіе чувствовалось даже при Герценѣ. Коршъ, съ своимъ мѣткимъ умомъ, быстро подмѣчалъ смѣшныя стороны всѣхъ друзей, даже не исключая Грановскаго и Герцена, и очень ѣдко острилъ надъ всѣми, еще *пришпиливая*, по чьему-то удачному выраженію, свои остроты заиканьемъ, которое придавало большую оригинальность его разговору, его замѣчаніямъ и шуточкамъ» («Литератур. воспоминанія», 212—213).

Въ VII кн. «Голоса Минувшаго» 1913 г. сынъ этого Корша, — упомянутый здѣсь Ѳедя, а нынѣ почтенный академикъ, Ѳедоръ Евгеньевичъ Коршъ, напечаталъ свои «воспоминанія», гдѣ сообщилъ нѣсколько шутокъ Герцена и отца надъ друзьями, которыя, очевидно, запомнилъ изъ позднѣйшихъ рассказовъ отца, такъ какъ послѣдній разъ видѣлъ Герцена, будучи трехъ лѣтъ.

Такъ, однажды Герценъ взялъ листъ бумаги, написалъ два стиха Пушкина съ не указанной Коршемъ «замѣной лишь одного слова»:

«Въ тѣ дни, когда намъ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія»,

И продолжалъ отъ себя:

«Когда въ Москвѣ паслись коровы,
И медъ любила попадья».

Герценъ очень подтрунивалъ надъ П. Г. Рѣдкинымъ. «Рѣдь(?)-кинъ, чистѣйшій малороссъ изъ Роменъ, не отличался особенной красотой, и между прочимъ у него на носу была рыжая бородавка; кажется, именно Герценъ прозвалъ ее «неопалимою купиною». По этому поводу, не знаю навѣрное, — Герценъ или мой отецъ, написалъ такое четверостишіе или, можетъ быть, начало поэмы:

«Неопалимой купины
 Давно ужъ люди не видали,
 Но вотъ прелестныя Ромны
 Ее намъ снова даровали».

На И. В. Селиванова, потомъ литератора, Герценъ написалъ:

«Илья Васильичъ Селивановъ,
 А Фавстовна его жена,
 Мальчишка Митька изъ болвановъ
 И гувернантка со слона»,

или «сослана», такъ какъ эта гувернантка была огромнаго роста и около того же времени подверглась изгнанію изъ семьи Селивановыхъ. «Не избѣгъ насмѣшекъ и Сатинъ, франтъ и любезникъ: Герценъ увѣрялъ, что онъ носитъ «блендазюровыя (bleu d'azur ¹⁾)» панталоны, а страсть Сатина къ перчаткамъ отмѣтилъ ребусомъ, нарисовавъ свертокъ ткани, горшокъ и мужчину, купающаго въ ваннѣ дѣтей, что должно было читаться такъ: satin—pot—купаеть—rège—чадки». Когда Э. Е. былъ трехъ лѣтъ, Герценъ училъ его пѣть пѣсенку:

«По улицѣ, по Петровской
 За шампанскимъ шель Грановскій».

Герценъ посмѣивался, что Грановскій пользуется каждой минутой, чтобы что-нибудь почитать. «Однажды они сидятъ въ театрѣ рядомъ въ креслахъ. Антрактъ. Герценъ вытаскиваетъ свою визитную карточку, подаетъ ее Грановскому и говоритъ: «Вотъ, Грановскій, почитай».

Въ бумагахъ Е. Э. Корша должны были быть очень важныя и интересныя документы, особенно, принимая во вниманіе, что М. Э. Коршъ получала не мало всякаго рукописнаго матеріала для безопаснаго храненія,—между тѣмъ вотъ чтò мнѣ сообщилъ Э. Е. Коршъ 2 мая 1912 года: «Послѣ моего покойнаго отца осталось такъ мало писемъ, что я удивился. Удивило меня, между прочимъ, то, что въ числѣ этихъ писемъ не оказалось ни одного отъ людей 40-выхъ годовъ, хотя отецъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ со многими изъ нихъ, особенно съ Герценомъ и Грановскимъ. Отсутствіе ихъ писемъ у отца покойный К. Т. Солдатенковъ, также весьма близкій ему, объяснилъ мнѣ тѣмъ, что онъ, подобно многимъ людямъ того времени, жегъ бывшія у него бумаги, каковой

¹⁾ Небесно-голубыя.

участи, по свидѣтельству того же К. Т. Солдатенкова, онъ под-
вергъ и собственныя свои записки (мемуары)». А въ письмѣ 13 мая
Ө. Е. добавилъ: «У моей покойной тетки, несомнѣнно, были письма
Герцена, Грановскаго, Крылова (Н. И.) и др., но, если они уцѣлѣли,
ихъ получила по ея смерти моя сестра, а не я».

393. О публичныхъ чтеніяхъ г-на Грановскаго.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Публичныя чтенія Грановскаго кончились: въ ухахъ моихъ
еще раздается дрожащій отъ внутренняго волненія, глубоко потря-
сенный отъ сильнаго чувства, голосъ, которымъ онъ благодарилъ
слушателей, и дружный, громкій, продолжительный отвѣтъ, кото-
рымъ аудиторія прогремѣла ему свою благодарность. «Благодарю
еще разъ, благодарю тѣхъ, которые, сочувствуя мнѣ, раздѣлили
доброевѣстность моихъ ученыхъ убѣжденій, благодарю и тѣхъ,
которые, не раздѣляя ихъ, съ открытымъ челомъ, прямо и благо-
родно высказывали мнѣ свою противоположность!» Этими прекрас-
ными словами заключилъ Грановскій свой курсъ. Вы помните, что,
послѣ перваго чтенія, я рѣшился назвать событіемъ замѣчатель-
нымъ этотъ курсъ,—теперь я имѣю нѣкоторое право сказать, что
не ошибся. Участіе къ чтеніямъ г-на Грановскаго непрерывно воз-
росло; его кафедра была постоянно окружена тройнымъ вѣнкомъ
дамъ, и, замѣтите, доцентъ читалъ свой предметъ со всею важ-
ностью науки, не разсыпая ненужныхъ цвѣтовъ, не жертвуя глу-
биною для *пріятной легкости*. Мнѣ кажется, ничѣмъ не могъ онъ
болѣе выразить своего уваженія и благодарности слушательницамъ,
посѣщавшимъ его чтенія, — и онѣ были ему признательны. Слава
Богу, проходитъ время того оскорбительнаго вниманія къ женщинѣ,
когда для нея рядомъ съ дѣльнымъ изложеніемъ науки излагали
предметъ намѣренно-искаженнымъ образомъ, считая одинъ мужской
умъ способнымъ къ глубокомыслію.

Московское общество узнало, сидя на университетскихъ ска-
мьяхъ, новое увлекательное и сильно-занимающее наслажденіе;
преподавателямъ открылась очевидная возможность новаго дѣйстви-
ванія, и указанъ путь, по которому достигается сочувствіе. Я увѣ-
ренъ, что съ легкой руки Грановскаго начнутся въ нашемъ уни-
верситетѣ публичныя чтенія о предметахъ, равно исполненныхъ
общаго интереса, — новое сближеніе города съ университетомъ.

У насъ не можетъ быть науки, разъединенной съ жизнью: это противно нашему характеру; потому всякое сближеніе университета съ обществомъ имѣетъ значеніе и важно для обоихъ. Преподаваніе, для пріобрѣтенія сочувствія, должно очиститься отъ школьнаго формализма; оно должно изъ холодной замкнутости сухихъ односторонностей выйти въ жизнь дѣйствительности, взволноваться ея вопросами, устремиться къ ея стремленіямъ. Общество должно забыть суету ежедневности и подняться въ среду общихъ интересовъ для того, чтобъ слушать преподаваніе. Оно готово это сдѣлать. Тактъ общества вѣренъ: все живое и сочувствующее ему находитъ въ немъ неминуемое признаніе, — курсъ Грановскаго лучшее доказательство. У насъ публичныя чтенія въ такомъ родѣ — новость. Весьма можетъ быть, что часть публики сначала явилась полушутя, ради новости; но послѣ первыхъ трехъ-четырехъ чтеній аудиторія была совершенно симпатично настроена; вниманіе дѣятельное, напряженное виднѣлось на всѣхъ лицахъ; это сочувствіе сильно отразилось на преподаваніи. Между слушателями и преподавателемъ (если въ самомъ дѣлѣ одни слушаютъ, а другой преподаетъ) образуется необходимо магнетическая связь, съ обѣихъ сторонъ дѣятельная; сначала они будто чужіе другъ другу, но мало-по-малу между ними устанавливается уровень, и когда онъ приходитъ въ сознаніе обоихъ, тогда взаимодействіе растетъ быстро, слова увлекаютъ слушателей, и аудиторія, срастающаяся въ одно нравственное лицо, увлекаетъ говорящаго. Скажу прямо и знаю, что Грановскій не обидится этимъ: онъ видимо развивался; читая, онъ росъ, крѣпнулъ на каедрѣ. Слушатели не отстали отъ него; аудиторія и доцентъ разстались друзьями; глубоко-тронутые, глубоко-уважающіе другъ друга, они разстались со слезами на глазахъ.

Главный характеръ чтеній Грановскаго: чрезвычайно развитая челоувѣчность, сочувствіе, раскрытое ко всему живому, сильному, поэтичному, — сочувствіе, готовое на все отозваться; любовь широкая и многообъемлющая, любовь къ возникающему, которое онъ радостно привѣтствуетъ, и любовь къ умирающему, которое онъ хоронитъ со слезами. Нигдѣ ничему не вырвалось слова ненависти въ его чтеніяхъ: онъ проходилъ мимо гробовъ, вскрывалъ ихъ, но не оскорбилъ усопшихъ. Дерзкая мысль поправлять царственное теченіе жизни челоувѣчества далека была отъ его наукообразнаго взгляда; онъ вездѣ покорялся объективному значенію событій и стремился только раскрыть смыслъ ихъ. Мнѣ кажется, что именно этотъ характеръ преподаванія возбудилъ такое сильное участіе общества къ чтеніямъ Грановскаго. Умѣть во всѣ вѣка, у всѣхъ народовъ, во всѣхъ проявленіяхъ найти съ любовью родное, чело-

вѣческое, не отказаться отъ братій, въ какомъ бы они рубищѣ ни были, въ какомъ бы неразумномъ возрастѣ мы ихъ ни застали, видѣть сквозь туманныя испаренія временнаго просвѣчиваніе вѣчнаго начала, т. е. вѣчной цѣли,—великое дѣло для историка. Много разъ, когда я слушалъ Грановскаго, живо представлялся мнѣ Гораціо, съ стѣсненнымъ сердцемъ повѣствующій повѣсть о Гамлетѣ возлѣ помоста, на которомъ покоится тѣло его. Въ Гораціо и мысли нѣтъ воскресить принца,—смерть Гамлета для него событіе, онъ самъ сквозь слезы указываетъ на юнаго Фортинбраса, которому завѣщана кровавая порфира, но онъ не можетъ отказать въ грусти падшему. Такъ и въ сочувствіи Грановскаго къ среднимъ вѣкамъ не было ничего вспять текущаго, обращающаго назадъ. Любовь и сочувствіе къ побѣжденному—верхъ побѣды. Неподвижныя тѣни, забытыя отшедшимъ міромъ на почвѣ новаго, всего менѣе могутъ устоять противъ теплаго дыханія любви; онѣ распускаются въ свѣтлую влагу, отдавая себя на утоленіе жажды новыхъ поколѣній. Но эта любовь не легко достигается.

Русскій историкъ стоитъ на почвѣ, которая ему чрезвычайно облегчаетъ объективное, симпатическое воззрѣніе на западную исторію. Не закупленная мысль наша можетъ, освѣщая средневѣковыя событія, сохранить высокій характеръ кротости и милосердія, явиться примиряющей и вселюбящей: мы были чужды феодальной жизни Европы, мы ни наслѣдій не стяжали отъ этого времени, ни родовыхъ болѣзней. Мы цѣловальники, взятые изъ другого края, у которыхъ не можетъ быть личностей ни противъ кого, ни за кого. Не такъ для германца: онъ въ борьбѣ съ своимъ воспоминаніемъ, онъ чувствуетъ родственную любовь и родственную ненависть къ нему, онъ или падетъ подъ бременемъ богатаго наслѣдія, или долженъ отречься отъ отца съ матерью. Былое Европы для него еще живо: онъ, выходя на арену, не можетъ сохранить спокойствія судьбы; вмѣсто благотворной теплоты, въ душѣ его является пристрастіе или пожирающій пламень критики, безпощадный и неотступный. Ошибаться не надобно: этотъ гнѣвъ, эта критика—тоже любовь, но любовь, доведенная до крайности, ревнивая, карающая, оскорбленная. Страстная односторонность въ исторіи Запада протительна западному человѣку и была бы странна въ русскомъ. Откуда взять увлеченному въ омутъ событій, въ самомъ круговоротѣ ихъ, ровное и мудрое безпристрастіе зрителя? не будетъ ли это ниже или выше достоинства человѣческаго, не надобно ли для этого сдѣлаться Талейраномъ или Гете?—*Sine ira et studio!* ¹⁾ Не-

¹⁾ Безъ гнѣва и пристрастія.

ужели вы вѣрите, что Тацитъ писалъ *sine ira*? Повторяю сказанное въ первомъ письмѣ: нѣтъ положенія объективнѣе относительно прошедшаго Европы, какъ положеніе русскаго. Конечно, чтобъ воспользоваться имъ, недостаточно быть русскимъ, а надобно достигнуть общечеловѣческаго развитія; надобно именно не быть исключительно русскимъ, т. е. понимать себя не противоположнымъ западной Европѣ, а братственнымъ. Понятіе братства не поглощаетъ самобытности братій, но и самобытность ихъ, какъ лицъ, не противопоставляетъ ихъ другъ другу врагами, что уничтожило бы братство. Отталкивающее противоположеніе себя чему-нибудь не можетъ достигнуть объяснительной точки; вражда въ основѣ своей субъективна; быть въ противоположности,—значитъ отказаться отъ пониманія противоположнаго, потому что пониманіе есть именно снятіе противоположности. Доколѣ мысль ревниво отталкиваетъ противоположное, она ограничена имъ, какъ чуждымъ, и это чуждое дѣлается камнемъ преткновенія, брошеннымъ на всѣхъ путяхъ ея. Въ Уложеніи сказано: «А буде который судья истцу будетъ недругъ, а отвѣтчику другъ, и тѣхъ истца и отвѣтчика тому судѣ не судить». Намъ чрезвычайно легко достигнуть этой юридической состоятельности: стоитъ хотѣть и умѣть воспользоваться нашимъ положеніемъ. Прошедшее Европы не тревожитъ насъ ни какъ утрата, ни какъ угрызеніе совѣсти: оно имѣетъ для насъ иной великій интересъ.

Dich stört nicht im Innern
 Zu lebendiger Zeit
 Unnützes Erinnern
 Und vergებlicher Streit ¹⁾.

Грановскій (несмотря на упреки, дѣланные ему въ началѣ курса) прекрасно понималъ, каковъ долженъ быть русскій языкъ о западномъ дѣлѣ. Онъ ни разу не внесъ въ катакомбы чужихъ праотцевъ ни одного слова, ни одного намека изъ сегодняшнихъ споровъ ихъ наслѣдниковъ; не для того была взята имъ въ руки запыленная хартія среднихъ вѣковъ, чтобы въ ней сыскать опору себѣ, своему образу мыслей: ему не нужна средневѣковая инвестира, онъ стоитъ на иной почвѣ. Отъ этого его преподаваніе получило тотъ характеръ искренности и добросовѣстности, ту многостороннюю полноту и пластичность, которая такъ рѣдко встрѣчается въ исторіи; событія, не сдвигаемая никакой личной теоріей, являлись въ его разсказѣ совершенно ожившими. Мнѣ случалось

¹⁾ См. стр. 302.

много разъ слышать нелѣпыя вопросы: почему онъ не высказывается яснѣе? что онъ хочетъ доказать? какая цѣль его? онъ и любить феодализмъ, и радъ его паденію, и пр. Всѣ эти вопросы, впрочемъ, послѣдовательнѣе, нежели думаютъ: все живое чрезвычайно трудно условимо, именно потому, что въ немъ скипѣлось безчисленное множество элементовъ и сторонъ въ одинъ движущійся процессъ; живое приводится въ сознаніе только спекуляціей или созерцаніемъ, а благоразумная разсудочность видитъ въ немъ одинъ беспорядокъ,—жизнь ускользаетъ отъ ея грубыхъ рукъ. Многосторонность живого наводитъ страхъ и уныніе на одностороннихъ людей: они требуютъ *du positif!*¹⁾ Такъ, полипы, лишеныя собственнаго движенія, липнутъ всю жизнь на одной сторонѣ камня и гложутъ мохъ, его покрывающій. Этимъ *безпозвоночнмъ* умамъ легче было бы въ десять разъ понять исторію, подтасованную съ какой бы то ни было точки зрѣнія, но Грановскій—слишкомъ историкъ въ душѣ, чтобы впасть въ ненужную односторонность и не воспользоваться прекраснымъ положеніемъ.

Исторія очень легко дѣлается орудіемъ партіи. Событія были нѣмы и темны; люди настоящаго освѣщаютъ ихъ, какъ хотятъ; прошедшее, чтобы получить гласность, переходитъ черезъ гортань настоящаго поколѣнія, а оно часто хочетъ быть не просто органомъ чужой рѣчи, а суфлеромъ; оно заставляетъ прошедшее лже-свидѣтельствовать въ пользу своихъ интересовъ. Такое вызваніе прошедшаго изъ могилы унизительно, но есть возможность извинить эти чернокнижныя попытки при извѣстныхъ обстоятельствахъ: феодализмъ, папская власть, аристократія, среднее состояніе и проч. не просто предметы изученія и науки для Запада, а знамена партій, вопросы на жизнь и смерть. Умершій порядокъ дѣлъ имѣетъ въ Европѣ своихъ повѣренныхъ, продолжающихъ тяжбу; но къ этой тяжбѣ мы менѣе, гораздо менѣе, прикосновенны, нежели даже Сѣверо-Американскіе Штаты. Это не наши споры и не наша вражда: мы вступаемъ въ общеніе съ Европой не во имя ея частныхъ и прошедшихъ интересовъ, а во имя великой, общечеловѣческой среды, къ которой стремится она и мы; наше сочувствіе есть, собственно, предчувствіе грядущаго, которое равно распуститъ въ себѣ все исключительное,—романо-германское ли, или славянское оно.

Грановскій миновалъ другой подводный камень, опаснѣйшій, нежели пристрастіе въ воззрѣніи на феодальныя событія: знакомый съ писаніями великихъ германскихъ мыслителей, онъ остался независимъ. Онъ прекрасно опредѣлилъ современное состояніе фило-

¹⁾ Положительнаго.

софіи исторіи во 2-мъ чтеніи, но не подчинилъ живого развитія никакой оцѣпляющей формулѣ; Грановскій смотритъ на современное состояніе жизни, какъ на великій историческій моментъ, котораго не знать, котораго миновать безнаказанно нельзя, такъ, какъ нельзя и остаться въ немъ навѣки, не оконченъвши. Чтобъ очевидно указать глубокой историческій смыслъ нашего доцента, достаточно сказать, что, принимая исторію за правильно развивающійся организмъ, онъ нигдѣ не подчинилъ событій формальному закону необходимости и искусственнымъ гранямъ. Необходимость являлась въ его разсказѣ какою-то сокровенной мыслью эпохи; она ощущалась издали, какъ нѣкій *Deus implicitus*,¹⁾ представляющій полную волю и полный разгулъ жизни. Величайшіе мыслители Германіи не миновали соблазна насильственного построенія исторіи, основаннаго на недостаточныхъ документахъ и одностороннихъ теоріяхъ,—это понятно: сторона спекулятивнаго мышленія была ближе ихъ душѣ, нежели живое историческое воззрѣніе. Ихъ теоретическая и тягостная необходимость явилась доведенной до нелѣпости въ сочиненіяхъ нѣкогда очень извѣстнаго Кузена. Въ Кузенѣ я вижу Немезиду, мстящую нѣмцамъ за ихъ любовь къ отвлеченности, къ сухому формализму. Нѣмцы должны были сами расхохотаться, читая, куда они завели добраго и безхитростнаго галла, ввѣрившагося имъ. Онъ такимъ внѣшнимъ образомъ понялъ необходимость, что чуть не выводилъ изъ общей формулы развитія челоувѣчества кривую шею Александра Македонскаго. Это была реакція вольтеровскому воззрѣнію, которое, наоборотъ, приводило судьбы міра въ зависимость отъ очертанія носа у Клеопатры.

Грановскій общаетъ напечатать свои чтенія; тогда, посылая вамъ книгу, я попытаюсь разобрать самый курсъ, поговорить о немъ подробно. Теперь позвольте кончить,—надѣюсь, что вы противъ этого ничего не имѣете.

394. Приписка къ Н. Х. Кетчеру.

Іюля 6, 1844.

Покровское.

Карль Ивановичъ Зонненбергъ проситъ меня попросить тебя, чтобъ ты попросилъ о разрѣшеніи его просьбы, просящей... а о чемъ просящей, онъ самъ объяснить. Внявъ его прошенію, я и передаю его просьбу.

1) Скрытый Богъ.

Мы въ Покровскомъ. Лѣто ужасное, невыразимое, непросы-
хаемое, несогрѣваемое etc. Однако, ничего, такъ себѣ, т. е. здѣсь
хорошо. Всѣ здоровы. Богдановъ дрожитъ отъ холода, а Мих. Сем.
въ одной блузѣ—говорить, что тепло, а самъ положенъ отъ природы
на вату ¹⁾).

Дѣло о журналѣ пошло; что-то изъ министеріи... Въ 6 №
«Москвит.» обругалъ Лихонинъ Бѣлинскаго и меня. Да ругнетъ же
его Виссаріонъ хорошенько.¹

Я пишу статейку для новаго журнала. Погодинъ, услышавъ,
предлагаетъ 5.000 Коршу, чтобъ онъ издавалъ «Москвит.» съ кон-
дціями негодными.

Ив. Вас. ²⁾ беретъ, кажется, «Москвит.». Прощай. Мих. Сем.
кланяется; онъ вчера цѣлыя сутки ходилъ и не нашелъ ни одного
гриба, что его огорчило.

А. Г.

◆◆ 1. Въ статьѣ М. Лихонина «Замѣтки на статью, помѣ-
щенную въ смѣси Отеч. Записокъ 1844 г. № 4, отд. III, стр. 131»
о Герценѣ говорилось въ концѣ: «Въ заключеніе же этого, слиш-
комъ длиннаго, отзыва рецензенту или, скорѣе, самому журналу,
скажемъ, наконецъ, что *отчетливое знаніе языка и умѣніе вла-
дѣть имъ*, какъ кажется, не составляетъ отличительной черты изда-
телей «О. З.», а особенно, если припомнимъ статьи «О дилетан-
тизмѣ въ наукѣ», «О классицизмѣ и романтизмѣ» («Дилетанты-
романтики»—М. Л.) и другія того же автора, который, вѣроятно,
жертвуя какимъ-то мнимо-высокимъ идеямъ (и довольно нелогиче-
ски изложеннымъ и не совсѣмъ-то новымъ!) на перекоръ ясности,
словосочиненію—благозвучности русскаго языка, выражался запутан-
ными, неправильными фразами и какофоническими латино-гер-
манскими іероглифами!...»

395. Письмо къ Т. Н. Грановскому.

9 іюля (1844).

С. Покровское.

Мнѣ Наташа сказала, что послѣднее твое письмо очень грустно;
захотѣлось мнѣ очень прочесть его, и я просилъ Л. Б. ³⁾ открово-
венно сказать, пріятно ли ей дать мнѣ. Дружескія письма—до-

¹⁾ М. С. Щепкинъ былъ очень толстъ.

²⁾ Кирѣевскій.

³⁾ Елизавета Богдановна Грановская.

стояніе всѣхъ, дѣлящихъ симпатію и близкихъ по жизни. Письма любви—достояніе личности; они будто теряютъ свѣжесть, попадая въ третьи руки. Л. Б. дала мнѣ письмо.¹

Правда ли это, что въ духѣ человѣческомъ ничего не пропадаетъ, чтó кануло въ него, а хранится какъ на морскомъ днѣ? Нѣтъ и да! Только то хранится, чтó ядовито и жестко, а прекрасное, вдохновенное и полное широкаго покоя, какъ эфирное масло, улетаетъ, оставляя неопредѣленное благоуханіе. Для того только хранится многое, чтобъ при первой бурѣ все выбросить, какъ упрекъ, какъ *memento* страданій, потерь. Да, Бѣлинскій правъ: маленькая возможность счастья и безконечная—страданій. Почему ты думаешь, что я не понимаю этой стороны жизни? Это заставляетъ меня подозрѣвать, что ты односторонне понялъ мой характеръ. Я знаю, что натура моя болѣе дѣятельная, нежели созерцательная, что во мнѣ нѣтъ того глубокаго и всегдашняго *раздумья* поэтическихъ натуръ, но пониманьемъ и симпатіей я не обиженъ; нѣтъ истиннаго чувства, которое я не оцѣнилъ бы свято. А развѣ твоя любовь къ сестрамъ—не истинна, и развѣ смерть ихъ—не истина? Ты, саго, въ этомъ случаѣ судилъ меня, какъ судятъ почти всѣ наши знакомые, исключая, можетъ, одного,—а еще выйдетъ на повѣрку *und der hat mich missverstanden* ¹⁾). Ты смѣялся не такъ-то давно надъ моимъ фаустовскимъ письмомъ; а вотъ я тебѣ самому напишу то же. Чѣмъ я виноватъ, что многія стороны *des Gemüthes* ²⁾ не сохранили для меня того ореола, который цѣлъ для тебя? я даже не считаю себя въ проигрышѣ. Истина все истина, и, если правда, что Шиллеръ заставилъ сказать Кассандру: «*Und der Irrthum ist das Leben*» ³⁾, то, конечно, всякій порядочный человѣкъ съ прерѣніемъ отказался бы отъ такого дара. Гамлетъ говоритъ: «для одного это небо—хрустальный сводъ, жилище боговъ, для другого—туманные пары». Есть еще третье: умѣй принять туманные пары и не потерять изящности ихъ безъ маскированія.—Ты и я, мы—разныя натуры, и, какъ нарочно, и наружная обстановка совершенно разная. Я семейныхъ отношеній не зналъ: они явились дѣтскому уму, окруженный какимъ-то пятномъ; я долженъ былъ побѣдить его, стереть—и дѣлалъ это, но потратилъ ту сторону непосредственной любви, которая въ тебѣ широко развернулась сестрами.—Тебѣ жизнь нанесла два страшныхъ удара—смерть С—ча ⁴⁾ и сестерь. Грановскій, признайся, что среди горячихъ слезъ на могилѣ,

1) И онъ (т. е. Огаревъ) не понялъ меня.

2) Чувства, души.

3) И заблужденіе—это жизнь.

4) Н. В. Станкевичъ.

среди тяжкаго чувства пустоты, порожняго мѣста, есть и свое елейное чувство примиренія, есть молитва, въ которой хранится память тѣней чистыхъ, святыхъ. Я не имѣлъ въ жизни такихъ потерь; три маленькіе гробика, которые я несъ своими руками, не могли съ собой унести такъ много: они лишали надежды, а не дѣйствительности; смерть младенца грубо оскорбительна.—Но и я перенесъ свои утраты на иномъ полѣ. Я вѣрилъ, всюо душой вѣрилъ въ себя и въ Ог.,—его семейная исторія вдругъ лишила меня этой вѣры. Я люблю его, ужасно люблю, но вся моя вѣра въ индивидуальности сильно потряслась. Пойми и ты, въ свою очередь, всѣ консеквенціи; я съ ироніею взглянулъ на жизнь, но этимъ не кончилось: мнѣ надобно было смириться самому, и я имѣлъ случай видѣть себя ничтожнымъ, безхарактернымъ, слабымъ. Да, я смотрѣлъ на себя *безъ уваженія* много разъ; а теперь это чувство всплываетъ, такъ, à propos des bottes ¹⁾. Сколько разъ я ни говорилъ вамъ этого, вы ни разу не нашли настоящаго отвѣта, а это моя сторона der Gemüthlichkeit. Можетъ быть, еслибъ у меня было больше fatuité и меньше логики, я никогда не дошелъ бы до этого сознанія; но, однажды сдѣлавъ его, я радовался; какъ критика точно такъ же жжетъ все, что къ ней поднесешь, а между тѣмъ послѣдній результатъ—*знаніе трезвое*—истинно тяжелый крестъ, и его никто не поможетъ нести, кромѣ *шаткости природы* или ея способности зависѣть отъ внѣшняго. На меня грусть самая тяжелая, самая развѣдающая находить минутами, потомъ—солнечный свѣтъ, теплый день, дружеское слово, слово любви, одно появленіе Сашки,—и грусть проходитъ, но той вѣры въ себя, но того вдохновеннаго настроенія, съ которымъ нѣкогда входилъ въ жизнь,—ихъ нѣтъ. Я почти никогда не плачу и не знаю, что такое облегчительныя слезы; когда мнѣ случалось плакать, мнѣ казалось, что все существо мое изтаеваетъ. А когда къ этимъ домашнимъ дѣламъ души прибавить среду, «умштенды» ²⁾, какъ говаривалъ одинъ старикъ,—Кириелейзонъ ³⁾!

Ты чище, юнѣе, благороднѣе меня, но я тебѣ не завидую. Знаешь, чѣмъ утверждаютъ плотину? грязью,—она вяжетъ, и вода, какъ хочешь плещи; да, это не manière de dire, не фраза, а въ самомъ дѣлѣ такъ. Я увѣренъ, что я настолько приобрѣлъ эгоизма, что я крѣпче тебя, а я не родился эгоистомъ. Жизнь, mon signore, жизнь!

¹⁾ Ни съ того, ни съ сего.

²⁾ Umstände—обстоятельства.

³⁾ «Господи помилуй» по-гречески.

Но я завидую тебѣ въ другомъ, завидую много: ты именно тотъ чловѣкъ, который можетъ безконечно счастливо сдѣлать женщину. Храните ваше счастье, Боже васъ оборони, чтобъ пылинка сѣла на него. Знаете ли, что такое пылинка? Иной разъ—это яйцо червяка, а червякъ, это—гомеопатическій *boa constrictor* ¹⁾). Того спокойнаго, кроткаго благословенія я не могу около себя распространить; я это чувствую вопреки всему, что вы можете сказать; душа Нат., передъ которой охотно склоняюсь, въ образѣ которой осталось все, что осталось святого для меня, слишкомъ нѣжна, слишкомъ полна раздумьемъ, наконецъ, слишкомъ ясно видитъ она и понимаетъ меня и жизнь, чтобъ отдаваться безотчетно. Грановскій, это тяжело, и знать, что такъ и быть должно, очень тяжело.—Прощай. Не отвѣчай на это письмо: ни слова не нужно. Да и не рви его. Дай руку. Много сказалъ бы еще—разъ думалъ я, раздумалъ я.

15 юля. А дѣло-то въ томъ, что притязаніе на счастье нѣсколько нелѣпо. При свиданьи.

◆◆ 1. Письмо Грановскаго къ своей женѣ, о которомъ говоритъ Герценъ, напечатано на стр. 260 т. II его переписки. Говоря тамъ о своей глубокой скорби по умершимъ сестрамъ, Грановскій писалъ: «Я никогда не утѣшаюсь въ моихъ душевныхъ утратахъ. Я беру съ собой всякое горе на цѣлую жизнь. Станкевичъ, сестры—они для меня ежедневно умираютъ снова. Но въ этомъ нѣтъ того, что Герценъ называетъ моимъ романтизмомъ... Я никогда не говорилъ съ Герценомъ о сестрахъ. Онъ какъ-то плохо понималъ отношенія этого рода. Но онъ не зналъ такихъ сестеръ, такихъ созданий... Обнимаю Герценовыхъ всѣхъ; я напишу къ нимъ, когда буду спокойнѣе».

396. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

29 юля (1844).

С. Покровское.

Вѣроятно, ты получилъ записочку, которую я писалъ къ тебѣ съ Зонненбергомъ; съ тѣхъ поръ и до сего дня все у насъ тихо и здорово, даже съ важными прогрессами: не токмо Сашка, но и Наташа купаются. Николенька растетъ, цвѣтетъ, сосетъ и молодець.

¹⁾ Удавъ.

Но что это за ужасное лѣто?! Дожди льютъ, холодъ, бури, вѣтеръ; для такого лѣта лучше было бы жить на дачѣ (т. е. только въ отношеніи къ дорогѣ, которая ужасна, грязна такъ, что навѣрное надобно цѣлый день, чтобъ притащиться въ Москву въ каретѣ). Пишутъ въ нѣм. журналахъ о какомъ-то пятнѣ на солнцѣ; признаюсь, ежели такой климатъ консолидируется, въ ту жъ пору—хоть въ Крымъ или Малоросію переселиться. Я полагаю, что и у васъ не то, чтобы Италія?

Вѣроятно, если еще не пріѣхали, то на дняхъ явятся Николай Платоновичъ и Михайловичъ ¹⁾. Поздравляю ихъ съ пріѣздомъ и жду сюда; впрочемъ, къ 1 сент. я въ Москвѣ. Скажи имъ, что если они поѣдутъ сюда (что уже обѣщано), то чтобъ взяли съ собой Евгенія Ѳедор. ²⁾, къ которому непременно съѣздили бы.—Ну, важная новость: просьба о журналѣ пошла и въ Питерѣ, вѣроятно, скоро рѣшится.

30-е. Скажи Краевскому, что я ему пришло письмо «Ведрина о Москвитянинѣ» къ половинѣ августа.

И прощай ³⁾.

А глазъ у Елиз. Богд. плохъ, какъ-то тусклъ и слабъ.

30.

А Сатинъ-то лежитъ въ Берлинѣ,—пишетъ Мюльгаузенъ ⁴⁾.

Мы всѣ здоровы. Я занимаюсь много. Ъдятъ всѣ страшно. Лиз. Богд., право, въ день употребляетъ 20 фун. съ золотникомъ меду, а Наташа—гряду лука.

Лиз. Богд. въ зонтикѣ и съ длинной фигуркой мнѣ очень напоминаетъ Баркляя де Толли, котораго я никогда не видалъ.

Пиши же о себѣ что-нибудь; пока мы еще здѣсь—успѣешь; адресуй просто на мое имя въ Москву,—перешлютъ.

397. Изъ письма къ Т. П. Пассекъ.

(Лѣто 1844).

Дождь льетъ день и ночь, вѣтеръ рветъ ставни, шагу нельзя сдѣлать изъ комнаты, и, странное дѣло,—я ожилъ, поправился, веселѣе вздохнулъ... Выйдешь подъ вечеръ на балконъ, ничто не мѣшаетъ взгляду; вдохнешь въ себя влажно-живой, насыщенный ды-

¹⁾ Огаревъ и Сатинъ.

²⁾ Коршъ.

³⁾ Дальше были приписка Н. А.—ны и Е. Б. Грановской.

⁴⁾ Ѳедоръ Богдановичъ, профессоръ, братъ Грановской.

ханиемъ лѣса и луговъ, воздухъ, прислушаешься къ дубравному шуму—и на душѣ легче, благороднѣе, свѣтлѣе: какая-то благочестивая тишина кругомъ успокаиваетъ, примиряетъ... Кажется, годы не выѣхалъ бы отсюда...

398. Письмо къ Н. Х. Кетчеру ¹⁾.

10 октября 1844.

Да, конечно, въ одной части надъ нами сбылась молитва Ефрема Сирианина: въ духѣ многоглаголанія насъ обвинить нельзя, а между тѣмъ, разныя новости и старости. Объ насъ тебѣ лучшую вѣсть могъ сообщить Михаилъ Сем. Агпансе была у Бѣлинскихъ и, слѣд., ты знаешь объ ней,—все ничѣмъ эта безумная исторія не объясняется; зачѣмъ она шла за него, видя, что онъ холодень? что за фатумъ его влекъ къ браку, котораго неловкость видѣлъ прежде? Эта исторія тебѣ пытка: тебѣ надобно сейчасъ приняться кого-нибудь ругать, ужаснуться сраму и запустѣнію, что легко, да несправедливо. Мы всѣ положили ждать объясненій Клыкова ²⁾.

Марія Львовна скоро подаритъ Огареву наслѣдника, привезеннаго изъ Италіи, и *le bon mari* ³⁾ преміей за такое усердіе признаетъ его и, вѣроятно, отдастъ имѣніе; для чего это? Я писалъ къ нему и просилъ денегъ взаймы для журнала,—отвѣта нѣтъ. Я еще напишу. Мнѣ страшно думать, что онъ откажетъ. Всякая вѣсть объ немъ меня глубоко огорчаетъ и разстраиваетъ. Да когда же предѣлъ этимъ гнусностямъ ихъ семейной жизни?

О журналѣ разрѣшенія еще нѣтъ.—Можетъ, и не поспѣетъ къ 45 году. Много говоримъ мы всѣ о работахъ для журнала, дѣлаемъ мало.

Грановскій становится филистеромъ и далъ себя въ обманъ тестю ⁴⁾, который ему подвернулъ домъ за 1800 въ годъ, который едва ли стоитъ 800. Рѣдкинъ пламенно влюбленъ, что гибельно подействовало на его умственные способности. Крюкову лучше, а мѣсто, ему обѣщанное, кажется, отбилъ милый Крыловъ ⁵⁾. Коршъ милъ до безконечности, острить, заикается и печатаетъ въ «Вѣдомостяхъ» объ О'Коннелѣ.

¹⁾ На одномъ листѣ съ письмомъ Н. А.—ны отъ 4 октября.

²⁾ Пріятель Бѣлинскаго, Языкова и др. (о немъ свѣдѣній очень мало).

³⁾ Простакъ-мужъ.

⁴⁾ Богданъ Карловичъ Мюльгаузенъ.

⁵⁾ Никита Ивановичъ; мѣсто инспектора классовъ на мужской половинѣ института оберъ-офицерскихъ дѣтей московскаго воспитательнаго дома.

Бакунину велѣли выѣхать изъ Парижа, — каковъ молодець! ¹⁾

Аксаковъ ²⁾ въ бородѣ, рубашка сверхъ панталонъ, и въ мур-молкѣ и терликѣ ходить по улицамъ. Хомяковъ восхищается этимъ и *ходитъ во фракъ*. Иванъ Вас. Кирѣевскій пріѣхалъ, «Москвитянина» у Погодина не взялъ ³⁾, разошлись; съ нами тоже не хочеть, да и нельзя. Я веду открытую войну съ славянофильствомъ, несмотря на всѣ ваши предположенія. О тебѣ слухи, что ты тратишь много денегъ, что, *soit dit en parenthèses* ⁴⁾, я считаю добродѣтелью, и не носишь виць-мундира.

? Отдалъ ли письмо Зиновьеву и деньги и сколько денегъ? Если нѣтъ, прошу. Письмо это пойдетъ черезъ 4 дня съ Анненковымъ.

Важнѣйшая новость та, что Наташа все время была здорова.

Я занимаюсь естественными науками, слушаю анатомію у Глѣбова и читаю Каруса ⁵⁾ et С-піе. Ты, можетъ, засмѣешься и сдѣлаешь глупо. Право, такъ бываетъ тяжело-грустно, такъ болѣзненно-пусто въ этой жизни, гдѣ люди приглядѣлись да и притомъ маньяки каждый въ своемъ; безъ дѣятельности внѣшней и жить не могу, спорить съ совопросниками и славянобѣсами не могу, — все это потеряло для меня всякій смыслъ, интересъ новости, потому все это пошло, глупо. Что дѣлаеть Самаринъ? онъ писалъ, что былъ у тебя; неужели онъ славянофильствуетъ? Лучше просто ходить къ філямъ ⁶⁾. Кстати, я читалъ постановленіе о дѣвичьихъ общинахъ, — мило; ужъ не ты ли сочинялъ? ⁷⁾ Возвращаюсь, — я думаю, мало-по-малу можно дойти до разлагающаго маразма и до того безразличія ко всему, что и хорошо сдѣлается. Кабы я могъ только сдѣлаться чистымъ, отъявленнымъ специалистомъ въ чемъ бы то ни было...

Моя статья для 1 № готова; въ ней только разсматривается отношеніе греческой философіи къ естествовѣдѣнію и преимущественно — Аристотель ⁸⁾. Да и двѣ или три слѣдующія заготовлены; вѣроятно, ихъ хватить №-въ на пять, а потомъ напишу еще о Розенкранцевой біографіи Гегеля. Занимаюсь теперь, вообще, довольно.

¹⁾ См. стр. 356.

²⁾ Константинъ Сергѣевичъ.

³⁾ НВ. Взялъ, сошлись. — А. И. Г.

⁴⁾ Будь сказано «въ скобкахъ».

⁵⁾ Карль-Густавъ, нѣмец. зоологъ и врачъ.

⁶⁾ La fille — проститутка.

⁷⁾ Какъ разъ въ это время медицинскій департаментъ закончилъ работы по урегулированію проституціи, и правила о ней были опубликованы.

⁸⁾ № 417.

Буде найдешь возможнымъ и хорошимъ, познакомь съ Анненковымъ Самарина, да и самъ познакомься съ обоими хорошенько; Анненковъ мнѣ очень нравится. А Самарину скажи, что я не теряю никакъ надежды, что онъ отброситъ, какъ дѣтскую курточку, монахующій славянизмъ ¹⁾. Чѣмъ долѣе я живу въ Москвѣ, тѣмъ далѣе себя чувствую отъ этого бесплоднаго направленія. Разумѣется, Петръ Васильевичъ ²⁾ хорошъ въ своей обструзной странности—но... но...

Да и прощай.

399. Истинная и послѣдняя эмансипація рода человѣческаго отъ злѣйшихъ враговъ его.

Книгопечатаніе, открытіе Новаго Свѣта, желѣзныя дороги и пароходы сдѣлали все, что только можно было, для безпокойства рода человѣческаго. Пора что-нибудь сдѣлать для спокойствія людей, пора людей приблизить къ величавому отдохновенію на лаврахъ.

Но можно ли при современномъ состояніи цивилизаціи—все равно, на чемъ бы то ни было—отдыхать, на лаврахъ или на миртахъ! Цѣлый міръ небольшихъ враговъ вездѣ ждетъ человѣка и дѣлаетъ ему большія непріятности, отравляетъ его существованіе, наводитъ на меланхоличныя мысли, мѣшаетъ философствовать и смотрѣть сновидѣнія до конца; эти ожесточенные враги обрекли себя съ постоянствомъ, достойнымъ лучшей цѣли, на непрерывное, многостороннее огорченіе человѣка. Доселѣ историки мало цѣнили важное вліяніе тайныхъ враговъ на событія; многое казалось необъяснимымъ въ біографіяхъ великихъ людей отъ опущенія такого важнаго элемента. Цицеронъ, послѣ своего знаменитаго «они жили», сталъ жаловаться непрерывно на блохъ, которыя мѣшали ему спать, и бранился съ своей женой и дочерью, къ которымъ писалъ такія скучныя письма изъ Брундизіума. Вотъ причина, отчего онъ такъ вяло разсуждаетъ о натурѣ боговъ и такъ сквозь сонъ разбиралъ академиковъ. Но оставимъ исторію и обратимся къ частной жизни. Сколько скрежета зубовъ, сколько взглядовъ отчаянія, сколько стона вызывали свирѣпыя враги! Этотъ скрежетъ, этотъ вопль никто не слыхалъ, потому что они раздавались во тьмѣ ночной и исчезали въ ней... Кто изъ насъ не былъ самъ униженъ, раздраженъ среди гордыхъ помысловъ неожиданными преслѣдованіями тайныхъ враговъ? Гдѣ средства спасенія?

¹⁾ La fille означаетъ также и монахиня.

²⁾ Кирѣвскій.

«Коня мнѣ, коня,—полцарства за коня!» Но на какомъ конѣ я могу ускакать отъ нихъ?.. Осмѣлюсь ли я дерзкимъ перомъ дотронуться до свѣжихъ ранъ вашего сердца и напомнить еще не забытыя вами жгучія страданія; напимѣрь, представить, какъ вы, котораго я такъ уважаю, какъ вы пишете стихи «къ ней»; восторгъ въ вашихъ очахъ, стихъ льется плавно, огонь и запахъ розы... Но вотъ вамъ на носъ сѣла муха и прогуливается по немъ; вы ее согнали,—она на лбу; вы ее согнали,—она въ ухѣ; вы ее согнали,—она опять на носу и сучить ногами... И вотъ вы бросаете перо, и у васъ завязывается упорный и отчаянный бой; можетъ, вы и побѣдите, но, увы! гдѣ вашъ восторгъ, гдѣ вѣчное слово любви, о которомъ вы писали? Все вяло, не клеится, вы въ апатіи, оттого что всѣ силы души употребили на борьбу съ мухой. Или—вы смертельно устали съ дороги, вы десять верстъ мечтали подъ дождемъ о ночлегѣ, добрались... Слава Богу, тепло и, кажется, довольно чисто. Вы бросаетесь на постель, сонъ уже смыкаетъ глаза... А тутъ маленькая компанія черныхъ акробатовъ дѣлаетъ уже въ тиши *salti mortali* и торопится обидѣть васъ и, что хуже обиды, лишитъ покоя и, что хуже безпокойства и обиды, уничтожитъ ваше человѣческое достоинство... Извините, эти акробаты принимаютъ васъ за съѣстной припасъ: для нихъ вы огромное блюдо, въ превосходствѣ котораго они не сомнѣваются, но все же блюдо. Счастье ваше, если въ это время ваша память такъ занята, что вы забыли микроскопическое изображеніе блохи, выставленное для поученія дѣтей въ книжной лавкѣ,—этотъ страшный хоботъ, выходящій изъ-подъ чернаго забрала, лоснящагося, какъ сапогъ... Можетъ, вы и поймаете одну, двѣ *et ils crèveront comme des critiques* ¹⁾, но что значать двѣ, три, когда ихъ сотни?.. И вотъ вмѣсто возстановительнаго сна, вы вертитесь со стороны на сторону,—и на той сторонѣ встрѣчается смиренный и не скачущій товарищъ акробатовъ, съ задумчивымъ видомъ квакера и съ небольшою семьей, которую онъ любитъ отъ души и которую привелъ изъ-подъ подушки попочевать вами... Если вы прибавите духъ, въ которомъ воспитаны эти квакеры, то картина готова. Данте въ *del inferno* ²⁾ пропустилъ это ужасное наказаніе. Но вотъ вы въ досадѣ, въ бѣшенствѣ зажигаете свѣчу... Только этого и недоставало: тараканы вообразили, что вы имъ даете иллюминацію, и пошли изъ щелей на столъ, а черезъ столъ—къ вамъ на подушку. Тутъ попадаютъ и русскіе тараканы,—капитальные, основательные, идущіе мирно и тихо,—и жал-

¹⁾ И онѣ лопнуть (сдохнуть), какъ критики.

²⁾ Въ аду.

кіе пруссаки, рыженькіе, побѣгутъ, сломя голову... Конечно, они не такъ вредны, какъ *boa constrictor*, но тѣ только практически вредны; а тараканы хуже: они нравственно вредны—обижаютъ взглядъ, наводятъ уныніе. Наконецъ, разсвѣтъ подтверждаетъ вамъ горестную истину, что ночь прошла, что черезъ часъ придетъ васъ будить слуга, на заспанные глаза котораго вы бросите взглядъ шакала.

Но, можетъ, вы еще уснете; я, ей Богу, буду очень радъ: при разсвѣтѣ тараканы пойдутъ по щелямъ,—они, какъ ночные извозчики въ Петербургѣ: только видны, когда ничего не видать; будьте увѣрены, они уйдутъ въ самое то время, какъ батальонъ мухъ, отдохавшій всю ночь, отправится по всѣмъ направленіямъ, а между ними есть—съ какимъ-то шиломъ между глазъ... Я не оканчиваю страшной картины. А послѣ ваши друзья удивляются на досугѣ, отчего вы воротились грустны, исчезли свѣтлыя надежды, привѣтливость—такъ, какъ въ ваше отсутствіе исчезли волосы на вашей шубѣ отъ моли... Но, утѣштесь, великое совершено: на высотахъ Кавказа, возлѣ самой Персіи, растетъ одинъ цвѣтокъ, происхожденіе котораго никому неизвѣстно, кромѣ меня, а я вамъ расскажу его. Однажды въ Персіи было очень много блохъ. Камбизъ не могъ спать да и только; много переказнилъ онъ людей, опредѣленныхъ въ совѣтъ о предохраненіи сына солнца отъ дочерей блохъ,—ничто не помогало. Онъ разсердился и пошелъ разорять Египетъ. Счастіе ему улыбалось, побѣда была его, и онъ однажды, довольно наѣвшись крокодиловыхъ яицъ въ смятку, курилъ пахитосъ въ Мемфисскомъ храмѣ; вдругъ его укусила блоха... «Какъ!» вскричалъ уязвленный Камбизъ, «здѣсь та же непокорность! Нѣтъ, этого не потерплю, клянусь Ормуздомъ и Зендавестой!». И тутъ же отдалъ приказъ сломать до основанія храмъ, потомъ весь Мемфисъ; но, справедливо полагая, что этого будетъ недостаточно, онъ велѣлъ предать огню и мечу весь Египетъ по ту и по другую сторону Нила, даже, если найдется третья сторона у рѣки,—разорить и ту. Но передъ нимъ предсталъ маститый жрецъ; его всѣ уважали; онъ до того былъ уменъ, что сорокъ лѣтъ молчалъ и ѣлъ одни хвостики фараоновой мыши. Старецъ бросился къ ногамъ Камбиза и сказалъ: «Сынъ солнца, гармонія міра, представитель Ормузда, братъ быка Аписа и нареченный женихъ фараоновой мыши, близкій родственникъ Ибиса» и пр., и пр. Его рѣчь была очень длинна. Коротко сказать, онъ ему открылъ тайну—растеніе, уничтожающее блохъ и всѣхъ ихъ пріятелей, и тутъ же поднесъ ему фунтъ порошка. Камбизъ сомнѣвался и велѣлъ при себѣ сдѣлать опытъ надъ тремя любимцами своими: собакой и двумя сатрапами. Сатрапы набрали поскорѣе у собаки блохъ, чтобъ оправдать довѣріе

Ормуздова сродственника—и, о, восторгъ!—опытъ удался! Камбизъ тутъ же велѣлъ старика сковать и отослать по этапамъ въ Персію, чтобы онъ тамъ посѣялъ Pyrethrum ¹⁾. Тогда въ персидскихъ вѣдомостяхъ были помѣщены прекрасные стихи, воспѣвавшіе Ормуздову попечительность Камбиза. Вся Персія плакала отъ умиленія и, освободившись отъ блохъ, никогда не хотѣла никакого другого освобожденія. Ей показалось этого довольно. Такъ успокоительно дѣйствіе порошка!

Недавно второй Камбизъ, изъ Ревеля, г. Зонненбергъ, нашель потерянное сокровище. Лѣтъ десять онъ усиливался взойти на утесы Кавказа, нѣсколько разъ срывался, падалъ на 2.800 футовъ, тонулъ, замерзалъ, таялъ отъ жары, но любовь къ ближнему и высокая мысль эмансипаціи все превозмогли: онъ набралъ Pyrethrum. Когда онъ сорвалъ первый цвѣтокъ, тѣнь молчаливаго старца явилась въ воздухъ и благословила его на походъ противъ мухъ, комаровъ, блохъ и проч.

Спѣшите къ кондитеру Перу: тамъ есть еще нѣсколько картузовъ этой травы; посыпьте ее вездѣ и скажите: «теперь я свободенъ, теперь поблѣднѣютъ враги мои!».

Нѣкоторыя предосторожности надобно брать при употребленіи порошка. Одинъ нашъ знакомый насыпалъ его по столамъ и потомъ заперъ комнату; на другой день, — представьте его удивленіе: онъ не могъ найти только-что вышедшій изъ типографіи номеръ журнала, оставленный имъ по небрежности въ той комнатѣ...

400. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

1844, 16 ноября.
Москва.

Здравствуй, Кетчеръ! Твое письмецо съ Мих. Сем. получили. Лучшая вѣсть—насчетъ твоихъ видовъ перейти въ Москву. М. С. сказывалъ, что ты во время его присутствія ничего не дѣлалъ; смотри, не давай себя побѣждать дѣятельному бездѣйствію; у тебя на это развились въ послѣднее время сильныя поползновенія. Мы всѣ до сего дня цвѣтемъ и процвѣтаемъ, и каждый по своему характеру: Гран. съ флюсомъ и зубною болью, Коршъ съ испорченнымъ желудкомъ и съ большимъ богатствомъ желчи, Рѣдкинъ съ

¹⁾ Pyrethron — балдрианъ.

idée fixe жениться; у меня въ домѣ alles zu Diensten ¹⁾; Наташа все время была настолько здорова, насколько можно было желать въ этомъ положеніи. Рожа и нарывы не возобновлялись, бывали частыя головныя боли, и все ими ограничивалось. У Саши глисты, и въ твоёмъ вкусѣ: какіе-то упрямыя, не поддающіеся ни цитварному с., ни краснорѣчію. Бѣдный Крюковъ безнадеженъ, да Полуденскій ²⁾ еще очень боленъ. Вотъ обо всѣхъ хорошихъ знакомыхъ.

Такъ какъ ты лишенъ органа миролюбія и добраго согласія,—напротивъ, одаренъ цѣлыми органами (величиною равными съ стоящими въ лютеранской церкви) бранолюбія, то напрасно оттаस्कаль меня въ своемъ письмѣ два раза. 1-е, за «Ярбухъ» ³⁾, котораго у меня, по милой небрежности Тимоѳея Ник., въ домѣ не было ни на минуту и который я, сидя у него за ужиномъ, перелистывалъ. Я его не читалъ и не могъ читать. Впрочемъ, писанное въ твоёмъ письмѣ, я не знаю, почему тебя такъ поразило,—это до того не новый намъ взглядъ, что далеко до твоего отъѣзда были объ этомъ тысячи разговоровъ, споровъ etc. Съ твоимъ замѣчаніемъ ты долженъ былъ обратиться прямо къ Тимоѳею Н., а меня не за что тузить.

2-е. Напиши опредѣленно, что мнѣ нужно дѣлать для Сатина въ пансіонѣ; всѣ его комиссіи исполняются; правда, иной разъ ему приходилось ждать, да вспомни, что онъ живетъ не у меня въ сосѣдствѣ (какъ жилъ у тебя), и что иной разъ просто совѣстно послать такую даль человѣка. Сколько я его ни звалъ, онъ былъ у меня одинъ разъ. Да и, по правдѣ, я не знаю ни пользы, ни удовольствія бывать ему у насъ, хотя и радъ, чтобъ онъ ѣздилъ, но только не поневолѣ. У него жили здѣсь его родные, Хвощинскіе, у которыхъ онъ бывалъ часто. Онъ меня просилъ купить на 80 руб. книгъ въ то время, когда у меня не было денегъ; я ему купилъ сначала самонужнѣйшія, а потомъ онъ прикупилъ самъ остальные, и я отдалъ деньги (а что дурно, это то, что онъ не всѣ книги купилъ). Портной испортилъ ему панталоны, но этотъ портной—не я да и за это я ему велю даромъ сшить слѣдующіе. Въ доказательство прилагаю записку о расходахъ на него. Я не знаю, насколько слѣдуетъ исполнять его требованія; есть ли что-нибудь fixe, положенное на его траты?—Грановскій какъ то освѣдомлялся и просилъ объ немъ.

А ргорокъ къ деньгамъ. Ник. Пл. ⁴⁾ даетъ въ долю на изданіе журнала 5.000 руб., которые я и ожидаю отъ Алексѣя Алексѣе-

¹⁾ Все въ порядкѣ.

²⁾ Мужъ сестры Н. И. Сазонова.

³⁾ «Jahrbuch», нѣм. журналъ.

⁴⁾ Огаревъ.

вича ¹⁾). Я получилъ изъ Берлина на дняхъ прекрасное письмо ²⁾). Говорятъ, что отвѣтъ на просьбу о журналѣ ужь полученъ. Какъ узнаю, въ чемъ дѣло, припишу и не прежде отправлю письмо на почту.

16 ноября.

На журналъ разрѣшенія еще нѣтъ.

Славянофильство доходитъ до какого-то комическаго безумія. Грановскій написалъ диссертацию, въ которой доказываетъ, что Воллинъ не существовалъ; потеря этой фортеціи свела съ ума Шелле, Бодянского и компанію: плачь и стенаніе, Сарагоса взята; они начали дѣлать Гр. всевозможныя непріятности, требовали, чтобы возвратить отъ факультета диссертацию, etc. «Москвитянинъ» перешелъ къ Ивану Васильевичу; онъ, конечно, лучший изъ всѣхъ этихъ господъ, но, вспомни твое прошлое письмо,—что на такихъ ложныхъ основаніяхъ можно поставить? Алексѣй Степ. ³⁾, Ноздревъ партіи «Москвитянина», какъ-то старѣетъ, болтаетъ, болтаетъ, безъ простосердечія Ал. Ив. Тургенева,—византійскій діалектикъ и бердичевскій цыганъ. Всѣ они скучны и несносны. Я, можетъ, пришло Краевскому «Сказаніе о взятіи Винеты».

Доволенъ ли объявленіемъ о pyrethrum ⁴⁾?

Я сейчасъ изъ «Somnambula» ⁵⁾ и доволенъ; вѣроятно, твои уши образовались теперь такъ, что Salvi и слушать не станешь, ну, а нашему брату оно—тово. К. Сер. ⁶⁾ говоритъ, что если Віардо ⁷⁾ пріѣдетъ сюда, онъ и тогда не станетъ хлопать потому только, что у васъ очень хлопали.

Занимаюсь статьей, которую началъ въ Покровскомъ,—объ отношеніи естествовѣдѣнія къ современной философіи; идетъ недурно. Хожу постоянно къ Глѣбову на лекціи сравнит. анатоміи и почитываю разныя разности, между прочимъ, физиологію Іог. Мюллера ⁸⁾).

Прощай, Caro!

Да что же письмо Зиновьеву?

Виссаріону искренній поклонъ; жаль, что онъ хвораетъ. Кла-

¹⁾ Тучковъ.

²⁾ Письмо Огарева и Сатина, напечатано въ VI кн. «Рус. Мысли» 1891 г., стр. 8—14.

³⁾ Хомяковъ.

⁴⁾ См. № 399.

⁵⁾ «Сомнамбула», опера Беллини.

⁶⁾ Аксаковъ.

⁷⁾ Извѣстная пѣвица, другъ И. С. Тургенева.

⁸⁾ Знаменитый нѣмецкій біологъ.

няйся Анненкову.—Я не получалъ 11 № «Отеч. Зап.»,—вѣроятно, по аккуратности Иванова, котораго цѣломудріе и благодушіе такъ восхваляется въ «Отеч. Зап.».

Михаилу Александровичу ¹⁾ и наслѣднику его—каламбуръ.

401. Письмо къ Т. Н. Грановскому.

(25 ноября 1844 г.)

Гдѣ бы намъ увидѣться, почтенный сэръ? Приѣзжай обѣдать или вечеркомъ да и Коршу бы дать знать.—Я не удивляюсь, что третьяго дня я попринарѣзался: это лежало въ натурѣ вина, въ натурѣ моей и въ натурѣ праздника ²⁾, а что я вамъ вралъ трагикомическій вздоръ,—это пошло и глупо, и неумѣстно; я въ самомъ дѣлѣ дѣлаюсь похожъ на Шевырку ³⁾. И съ какой стати? да и перебирая въ памяти, мнѣ сдается, что я несъ ужасную ахинею,—такой стихъ нашель. Жаль, что не было еще ссоры и примиренія въ панданъ сцены съ Кетчеромъ. Да хороши и вы,—приняли все это за дѣло.

Вчера я, между прочимъ, очень долго и очень душевно говорилъ съ Петромъ Васильевичемъ ⁴⁾; чудный человекъ, ей-Богу: такого врага больше хочется обнять отъ всей души, нежели съ нимъ быть въ оппозиціи. Очень жаль, что мой разговоръ съ Шевыр. на счетъ Давыдова ⁵⁾ имъ переданъ искаженно: будто я ему сказалъ: «въ вашей партіи много мерзавцевъ и подлецовъ». Я не Бодянской и такимъ языкомъ не говорю; отвѣтъ мой былъ колокъ, потому что его обращеніе ко мнѣ было дерзко, но форма не свинья, не Бодянская. Я ему сказалъ: «Вы знаете сами, въ каждой партіи найдутся и мерзкіе люди—что-жъ изъ этого?» и потомъ о «Маякѣ». Я пишу тебѣ объ этомъ для того, что, буде рѣчь дойдетъ, ты сказалъ бы это... Безъ увеличеній нельзя; Галаховъ сказывалъ, что его спрашивали, правда ли, что ты сказалъ Бодян.: «на такія возраженія я буду вамъ отвѣчать въ передней».

Если приѣдешь, то, разумѣется, съ невидимой Елизаветой Богдановой.

¹⁾ Языковъ.

²⁾ Именины Герцена.

³⁾ С. П. Шевыревъ.

⁴⁾ Кирѣевскій.

⁵⁾ Иванъ Ивановичъ, профессоръ.

Мнѣ ужасно досадно, что я вралъ такой вздоръ въ четвергъ. *Omni casu* вы, мои защитники милые, не можете въ этомъ оправдать меня.

Прощай.

Податель сего отправится отъ тебя къ Коршу.

402. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

Декабря 15-го, 1844.
Москва.

Гдѣ ты? Слухи носятя, — въ Витебскѣ; твои знакомые и друзья не знаютъ, а съ врагами не видался. Ну, несмотря, вотъ тебѣ новость. Декабря 13, въ часъ дня, родилась у меня дочь, а по имени Наталья. Вечеромъ у насъ были Корши и Елиз. Богдан.; на другой день я собирался у нихъ обѣдать — и вмѣсто обѣда явилась барышня. Дитя съ виду здорово; Наташа весьма легко перенесла довольно медленные роды. Она сама собирается кормить первые дни; я полагаю, что это даже хорошо. До понедѣльника я не отошлю этого письма, чтобъ тебѣ сообщить болѣе полную новость. До 9 дней на сей разъ она не встанетъ, — за это отвѣчаю. Двое первыхъ сутокъ прошли очень хорошо; я рѣшительно никого не пускалъ къ ней и покой сдѣлалъ свое. Итакъ, *Te Deum laudamus!* ¹⁾

Сейчасъ отъ меня поѣхалъ Мих. Сем., который цѣлуетъ тебя въ лобъ.

18-го, вечеръ.

Все прекрасно и покойно, и я самъ давнымъ давно не помню такого полного, спокойнаго и кроткаго чувства. Такія полосы въ жизни надобно умѣть оцѣнить, то есть умѣть имъ отдаться; люди изъ какой-то суетности недостаточно цѣнятъ настоящее или цѣнятъ его только тогда, когда оно миновало. Для нашей семьи только и недоставало дѣвочки, — элемента *der schönen Weiblichkeit* ²⁾, мягкаго, нѣжнаго элемента. Хотя въ этомъ отношеніи и Николенька — дѣвочка: ты не можешь себѣ представить, что за кроткое и милое существо, вѣчно улыбающееся.

Ну вотъ все, что я хотѣлъ тебѣ сказать *de rebus domesticis* ³⁾. Перейдемъ къ знакомымъ. Все по старому, всѣ тебя любятъ и по-

¹⁾ Тебя, Бога, хвалимъ.

²⁾ Прекрасной женственности.

³⁾ О домашнихъ дѣлахъ.

мнѣть, всѣ кланяются и обнимаютъ. Мы, т. е. Грановскій, Коршъ и я, перевели для Мих. Сем. превосходную драму: «Средство платить старые долги», но, кажется, дозволеніе къ сроку не придетъ. Онъ въ восхищеніи отъ своей роли. Честь выбора принадлежитъ Гран.¹ На журналъ дозволенія еще нѣтъ. «Москвитянинъ» издаетъ Ив. Вас. ¹); Шевырка читаетъ преглупыя лекціи. Славяноф. что-то совершенно опротивѣли; разумѣтся, есть почетныя исключенія и разумѣтся, что это скверно; какъ всякая личность, какъ всякое чисто личное пристрастіе, оно стѣсняетъ. Анекдотовъ могъ бы тебѣ сообщить мильонъ, но это при свиданьи или въ другое время. На первый случай довольно.

19.

Сегодня седьмой день—и все хорошо. Коршъ велѣлъ Ѳедѣ ²) шить виць-мундирный фракъ; онъ имѣетъ виды на мою дочь. А между тѣмъ къ новому году родится и у нихъ что-нибудь.

Наташѣ я писать къ тебѣ не позволилъ; разумѣтся, она тебѣ посылаетъ и то, и се, все единое хорошее ³).

Изъ Берлина недавно имѣлъ вѣсти.

◆◆ 1. Авторъ драмы «Новый способъ платить старые долги» («New Way to Pay Old Debts»), Филиппъ Мэссинджеръ—одинъ изъ значительнѣйшихъ англійскихъ драматурговъ, преемниковъ Шекспира. Эта пьеса напечатана въ 1633 г. и въ Англии еще дается иногда на сценѣ, благодаря обрисовкѣ центральной фигуры, Оверрича. Переводъ сдѣланъ былъ съ французскаго текста. Драма по-русски напечатана никогда не была и недолго продержалась въ репертуарѣ московскаго Малаго театра. Находящійся въ Центральной библиотекѣ дирекціи императорскихъ театровъ рукописный экземпляръ не содержитъ въ себѣ указаній не только на принадлежность той или иной части перевода одному изъ указанныхъ Герценомъ переводчиковъ, но и вообще даже именъ ихъ. Однако, изъ нѣкоторыхъ помѣтокъ въ рукописи можно видѣть, что Герценъ принималъ дѣятельное участіе не только въ переводѣ, но и въ постановкѣ пьесы. Такъ, кромѣ нѣсколькихъ исправленій въ текстѣ, переписанныхъ кѣмъ-то довольно безграмотно, Герценъ сдѣлалъ на той страницѣ, гдѣ идетъ перечень дѣйствующихъ лицъ, указаніе для режиссера и

¹) Кирѣевскій.

²) Сынъ его, Ѳедоръ Евгеніевичъ.

³) Н. А.—на приписала четыре строки.

сценаріуса: «Въ 4 д. лорду Ловелю—письмо, писанное, которое отдаетъ онъ Альворту, а тотъ въ 5 д. Маргаритѣ; въ 5 д. на столѣ бумаги и пергаментъ *въ шкатулку, нотаріусу*—бумагу и письмо пустое». Написано это наскоро, сбоку.

Краткое содержаніе 5-тиактной драмы таково. Богатая вдова, леди Альвортъ, любитъ лорда Ловель; они оба молоды, но сходятся не очень скоро. Богатый ростовщикъ, Оверричъ, мечтаетъ завершить свою жизнь выдачею своей дочери Маргариты за лорда и для этого не жалѣетъ ничего. Маргарита любитъ и пользуется горячей взаимностью со стороны паж лорда, Тома Альворта, пасынка леди. Племянникъ Оверрича, Вельборнъ, разорившійся и опустившійся помѣщикъ, задался цѣлью отмстить дядѣ-ростовщику; ему помогаетъ писарь послѣдняго, который тайно ненавидитъ своего принцепала за всѣ тѣ униженія и обиды, которыя, наравнѣ со многими другими, постоянно испытываетъ отъ разбогатѣвшаго мошенника. Ловель, желая устроить бракъ своего паж на любимой имъ дѣвушкѣ, дѣлаетъ видъ, что готовъ на ней жениться, и устраиваетъ ихъ свадьбу, пользуясь обманомъ; онъ убѣждаетъ Оверрича, что, по обычаямъ высшаго общества, долженъ самое вѣнчаніе на простой дѣвушкѣ обставить полной тайной и, пользуясь его довѣріемъ, ставить подъ вѣнецъ вмѣсто себя своего паж. Одновременно писарь ростовщика открываетъ свою давнюю продѣлку, въ силу которой заемное письмо Вельборна, данное ростовщику, оказывается чистымъ пергаментомъ. Оверричъ, узнавъ, какъ онъ всѣми обманутъ, сходитъ съ ума. Лордъ женится на леди; Вельборнъ, поддержанный ими, встаетъ на ноги и начинаетъ новую жизнь.

Первый разъ пьеса была представлена 7 февраля 1845 г. Щепкинъ игралъ роль Оверрича, Ленскій—лорда Ловеля, И. В. Самаринъ—Вельборна, Живокини—мирового судьи и Львова-Синецкая—леди Альвортъ.

Изъ письма Бѣлинскаго къ Герцену отъ 6 сентября 1846 г. видно, что друзья вообще помогали Щепкину въ созданіи бенефисныхъ пьесъ: «Настоящая цѣль этого письма—напомнить всѣмъ вамъ о «Букиньонѣ» или «Букильонѣ»—пьесѣ, которую Сатинъ видѣлъ въ Парижѣ и о которой онъ говорилъ Михаилу Семеновичу, какъ о такой пьесѣ, въ которой для него есть хорошая роль. А онъ давно уже подумываетъ о своемъ бенефисѣ и хотѣлъ бы узнать въ-время, до какой степени можетъ онъ надѣяться на ваше содѣйствіе въ этомъ случаѣ» (Бѣлинскій «Письма», III, 159).

403. Письмо къ А. А. Краевскому.

24 декабря 1844.

Москва.

Во-первыхъ, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, прошу васъ замѣтить, что я избралъ самый скромный день въ году, чтобъ на-помнить вамъ о себѣ, т. е. сочельникъ,—день, въ который нѣмцы дѣлають елку, а мы, кромѣ елки, ничего не ѣдимъ. Итакъ, мой эпиграфъ да будетъ: ¹⁾

Пишу же именно я въ сей день, приготовившись постомъ и молитвой, о дѣлѣ, довольно важномъ, и *omni causa* ²⁾ прошу васъ поспѣшить съ отвѣтомъ.

Желаете ли Вы на будущій годъ постояннаго участія въ «От. Зап.» Грановскаго, Корша, Рѣдкина и моей ничтожности такъ, что, мы почти бы могли завладѣть отдѣломъ наукъ? Тогда «От. Зап.» могутъ вполне сдѣлаться органомъ не токмо петербургскаго литературно-ученаго направленія, но и московскаго. У насъ много читается, за многимъ слѣдится; наконецъ, надобно для того посылать статьи наши постоянно къ вамъ, чтобъ сколько-нибудь держать въ предѣлахъ славянобѣсіе, чтобъ поднимать иногда голосъ противъ клеветы на науку, на Европу etc., etc. Мы предполагали журналъ; онъ не состоялся,—какъ говорятъ, по причинамъ, независящимъ отъ издателя,—и мы охотно дѣлимся съ вами тѣмъ, что заготовили. Полагаю, что навѣрное доставимъ вамъ отъ 25 до 30 листовъ въ годъ оригинальныхъ статей и, если желаете, листовъ 25 переводовъ. При этомъ, Андрей Александровичъ, не слѣдуетъ церемониться и насчетъ матеріальныхъ условій: все впередъ положительно и на чистоту; съ оригинальныхъ статей вы платите намъ съ вашего листа (въ родѣ банановыхъ или допотопныхъ папоротниковъ) ³⁾ 50 руб. сер., за переводъ 50 асс. до 75, смотря по содержанію. Это *conditio sine qua non* ⁴⁾. Если у васъ матеріаловъ такъ много и сотрудниковъ такъ избыточно, что вамъ покажется удобнѣйшимъ уменьшить цѣну, то мы дешевле не можемъ оцѣнить нашего труда, тѣмъ болѣе, что, готовясь къ журналу, накупили книгъ, журна-

¹⁾ Изображены елка и двѣ зажженныя свѣчи по сторонамъ ея.

²⁾ Всезаботливо.

³⁾ Въ листѣ (16 страницъ) «Отеч. Записокъ» помѣщалось очень много буквъ, что было не выгодно сотрудникамъ.

⁴⁾ Непремѣнное условіе.

ловъ и забрали у Депре въ счетъ около ящика шампанскаго, у Кистера—гаванскихъ сигаръ etc., etc., etc.: все это надобно покрыть. Однако, вы все же скажите откровенно: мы тотчасъ, въ случаѣ отказа, издадимъ альманахъ, который, само собою разумѣется, не пойдетъ, но мы охотнѣе подвергнемся этой неудачѣ. 30 листовъ. 4500 ¹⁾—дѣло небольшое.

Если Вы не согласны, то дальше моего письма не читайте, ибо это—

• *Прибавленіе, въ случаѣ согласія.*

1-я статья отъ меня будетъ, пожалуй, въ мартовской книжкѣ «Наука и природа» ²⁾; этой статьи 2-я часть—къ апрѣлю, третья—къ маю ³⁾. Потомъ «Гегелева біографія Розенкранца, разборъ etc.» и 3-я—Письма изъ провинці—о каждомъ № «Москвитянина».

Грановскій пишетъ о національности германскихъ народовъ и о романтизмѣ XIX вѣка. Тоже—въ родѣ подарка славянобѣсамъ.

Коршъ собирается писать объ Испаніи и Ирландіи, Рѣдкинъ—какую-то юридическую статью. Сверхъ того, я могу достать вамъ прекрасныя статьи, анонимныя, по ученой части.

Amendement ⁴⁾ 1-ый. Мнѣ, по старому знакомству, вы прикажете потискать экземпляровъ 50 моей статьи объ естествовѣд.; такъ какъ это сопряжено же съ издержками, то прошу просто вычестъ.

II-ой. Ça va sans dire ⁵⁾, что вы пришлете намъ «От. Зап.». Я съ 8 янв. неотступно буду требовать у Базунова.

Адресъ мой тотъ же: въ Старой Конюшенной, приходъ св. Владисія, въ домѣ Яковлева.

Пожалуйста, поскорѣе отвѣчайте, иначе статьи опоздають.

У насъ болѣе новостей нѣтъ. Опера идетъ хорошо. 1-ый со-рпано, Ст. Пет. Шевыревъ, два раза въ недѣлю поетъ въ университетѣ solo ⁶⁾, безъ соли, впрочемъ.

Душевно преданный, въ ожиданіи быть статейно преданнымъ,

А. Герценъ.

¹⁾ 1285 р. сер. = 4500 р. асс.

²⁾ Отдѣлъ «Отеч. Записокъ».

³⁾ Рѣчь идетъ о «Письмахъ объ изученіи природы».

⁴⁾ Поправка.

⁵⁾ Само собой разумѣется.

⁶⁾ Соло—почти безъ слушателей.

1845

404. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

31 декабря 1844¹⁾.

Антръ²⁾ 44 и 45.

Съ новымъ годомъ, г. Кетчеръ.

За неумѣніемъ грамотѣ Щепкина *М. С.* руку приложилъ, надв. совѣтникъ³⁾, «который не спалъ для новаго года. А мерзкій профессоръ⁴⁾ у Милгузина⁵⁾. Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ поздравляетъ Николая Листофоровича⁶⁾).

Ну, смотри, пожалуй, Аксаковъ какъ написалъ—и не прочтешь,—и ошибся, и намараль, а лучшій изъ всѣхъ литераторовъ и коллабораторовъ⁷⁾ московской словесности⁸⁾).

1 января 1845.

Москва.

Мы разсуждали премудро о томъ, какъ будемъ встрѣчать (если будемъ) новый 1865 годъ. Маленькая Наташа будетъ замужемъ за Федей Коршемъ; у нихъ обѣдъ; Евгений, скучно-капризный старикъ, тѣснить за обѣдомъ сноху. Мнѣ досадно, и я пью орогто⁹⁾; Грановскій—ректоръ университета, дѣйств. ст. совѣт. и совершенно въ состояніи Мильгаузена; ты сѣдъ, страшенъ, ключьями засохъ, въ морщинахъ, кричишь на Корша; два пензенскіе неволь-

1) Начинается письмомъ Саши Герцена.

2) Entre—между.

3) Дальше приписки Е. Корша, Рейхель, М. Θ. Коршъ, Е. И. Герцена и Саши Герцена.

4) Т. Н. Грановскій.

5) Б. К. Мюльгаузенъ.

6) Дальше приписки Н. А—ны и пріѣхавшаго Грановскаго.

7) Collobarateurs—сотрудники.

8) Дальше приписки К. С. Аксакова и Н. А—ны.

9) Портвейнъ.

ника ведутъ Ник. Пл. ¹⁾ въ подагрѣ, и онъ садится къ оргоно возлѣ меня, гуняваго старичишки и болтуна. Я буду къ тѣмъ порамъ съ Ник. придумывать, чѣмъ бы заняться дѣльно—анатоміей или музыкой. Ты примешься переводить взадъ и впередъ всѣ газеты и романы, вышедшіе съ Карла Великаго, etc., etc.

Теперь позволь, мой милый крикунъ, и пожурить, и поприглубить тебя.

1-е. Какъ могъ ты, если въ тебѣ есть хоть зародышъ ума, думать, что я рѣшилъ бы на что-нибудь относительно Нат. здоровья по собственному усмотрѣнію? Я писалъ, что мнѣ кажется хорошо, что она первые дни кормила, предоставляя тебѣ догадаться, что это было сдѣлано по совѣту д-ра. Охъ, ты мудрецъ! И точно, это было очень хорошо. И что ты такъ за это взѣлся? во-первыхъ, она хотѣла этого; во-вторыхъ, очевидно, что лихорадочные дни должны быть тяжелые, когда къ р. лихорадкѣ присоединяется молочная лихорадка. Ужъ ты ругайся, какъ хочешь, а по несчастію, и медицинская истина—просто логическая истина, и вашему брату насъ не надуть, что обладаете секретомъ.

2-е. Ты, Господине, пишешь, чтобъ непременно посоветоваться объ этомъ, да и забылъ, что твое письмо пришло на третью недѣлю.

Вообще, Наташа такъ быстро поправилась, какъ нельзя желать болѣе. На сію минуту у насъ тишина и какое-то благословеніе надъ всѣми. Что можетъ быть? Что будетъ? Объ этомъ реальный человѣкъ не долженъ думать, если не хочетъ отравить каждый кусокъ, каждый глотокъ. Настоящее хорошо, а оно-то и есть *настоящее* и святѣйшее достояніе наше. Я избалованъ счастіемъ, это я знаю. Я избалованъ любовью, всѣми вами, я избалованъ дѣтьми. Право, дорого далъ бы я, чтобъ ты посмотрѣлъ на Николеньку,—на это круглое, румяное, веселое лицо, на этотъ персикъ (когда онъ на рукахъ у арбуза—вашей кумы ²⁾). Да, жизнь хороша, т. е. для того, кто отдается ей; Руссо, говоря, что все выходитъ хорошимъ изъ рукъ природы и все искажается человѣкомъ, совралъ, совралъ потому, что онъ не тотъ смыслъ придалъ и непосредственности, и отрицанію; потому осудилъ онъ чело-вѣческое, что стоялъ на краю изжитаго и избитаго міра. Нѣтъ, именно человѣкомъ-то и усугубляется прекрасное природы. Но... но нельзя же, чтобъ индивидуальное благо врачевало все; такой чело-вѣкъ не былъ бы способенъ и на счастье своего очага.

¹⁾ Огаревъ.

²⁾ Т. А. Астракова.

Изъ Берлина письмо,—все по добру и по здорову ¹⁾). Журнала не будетъ; я писалъ къ Краевскому,—хорошо, кабы онъ скорѣе отвѣчалъ. Кланяйся Виссаріону и Языкову.

Тотюсъ Вертеръ ²⁾).

Ал. Ал. Тучковъ кланяется тебѣ.

405. Письмо къ Н. П. Огареву.

1/13 января 1845 г.
Москва.

Сегодня для Новаго года ваша грамотка. ¹ Она застала меня въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда человѣкъ чувствуетъ, что у него въ душѣ ясный день,—одни облака прошли, другія не пришли, небо ясно, прозрачно etc. Пожалуйста, не ошибитесь: вѣдь, это ясный-то день внутри меня, а на дворѣ-то въ самомъ дѣлѣ никакія облака не сошли, а сидятъ себѣ и мѣшаютъ порядкомъ разсвѣтать и сердятъ меня туманомъ, холодомъ. Ну да, впрочемъ, и Берлинъ-то — не больно Италія. Итакъ, ваше письмо застало меня на сей разъ въ хорошей погодѣ. На-дняхъ у меня родилась дочь. Все окончилось хорошо; давно, а, можетъ, и никогда я не испытывалъ такого кроткаго, спокойнаго чувства обладанія настоящимъ, настоящимъ хорошимъ, исполненнымъ жизни. Мы ужасно виноваты передъ настоящимъ,—все воспоминанія да надежды, *sui generis* абстракціи, а жизнь течетъ между пальцами, не замѣтная, не оцѣненная. Нѣтъ, стой, хорошій мигъ! дай мнѣ изъ тебя выпить по каплѣ! Минута истиннаго восторга безпамятна и безнадежна, потому что она полна собой. Въ самомъ дѣлѣ, настоящее никогда не бываетъ одно; вся былая жизнь наша отражается въ немъ, хранится, да только оно и должно подавлять. Я говорю объ этомъ не столько для васъ, сколько для себя; я не могу держаться на этой высотѣ реально-практической; если я не подверженъ романтически-заунывнымъ грюбелямъ, то я подверженъ трусости передъ будущимъ,—мое наслажденіе часто тускнетъ отъ холодной мысли: а, можетъ, завтра я утрачу его? Мало ли чтò можетъ быть? Такъ думать—надобно сѣсть, сложа руки и подогнувъ ноги,—а, все-таки, приходитъ на умъ. Человѣкъ всего менѣе можетъ сдружиться съ чрезвычайною шаткостью, непрочною всего лучшаго, что у него есть. Дѣло-то,

¹⁾ Письмо Огарева, напечатано въ VI кн. «Рус. Мысли» 1891 г. стр. 14—22.

²⁾ Totus—весь, совершенно.

кажется, простое: чѣмъ прочнѣе вещь, тѣмъ она каменнѣе, тѣмъ далѣе отъ насъ. Именно въ этомъ мерцаніи des Schwebenden ¹⁾, въ этомъ нѣжномъ, шаткомъ—послѣднее слово, послѣднее благоуханіе жизни, потому что прочное неподвижно, апатично, а нѣжное—процессъ, движеніе, энергія, das Werden ²⁾. Высшее проявленіе жизни слабо, потому что вся сила матеріальная потрачена, чтобы достигнуть этой высоты; цвѣтокъ умереть отъ холоднаго вѣтра, а стебель укрѣпится. Мускула рукой не перервешь, а мозгъ? Знаешь ли ты, что, слушая анатомію, я не могъ ни разу равнодушно взглянуть на мозгъ, на эту трепещущую, мягкую массу; какое-то благоговѣніе въ душѣ,—и дерзкимъ пальцемъ, которымъ дотрогиваешься до трупа, боишься прикоснуться къ мозгу: кажется, онъ живъ еще и ему будетъ больно. Но возвращаюсь къ мнительности. Разумѣется, кто не хочетъ трепетать передъ будущимъ,—а подчасъ страдать въ настоящемъ,—кто отстранилъ отъ себя полжизни, устроивъ покой въ другой половинѣ, тотъ или эгоистъ, или абстрактный человѣкъ, т. е. человѣкъ, который можетъ жить въ одной всеобщей сферѣ. Но такая жизнь не естественна. Доля сердца, души должна лежать на людяхъ, близкихъ намъ. Августинъ говоритъ, что человѣкъ не долженъ быть цѣлью человѣка. Оно такъ: онъ не долженъ быть *исключительною* цѣлью, но чортъ ли въ томъ стертомъ лицѣ, которое любитъ только безличное? Это—нравственные кастраты и скупцы. Надобно одѣйствовотворить всѣ возможности, жить во всѣ стороны, это—энциклопедія жизни, а чтѣ будетъ изъ этого и какъ будетъ, за это я не могу вполне отвѣчать, потому что бездна внѣшнихъ условій и столкновений. Горе закапывающему талантъ, а разившій въ себѣ все, насколько умѣлъ, правъ! Ну, вотъ вамъ маленькая длинная диссертація изъ практической философіи. Теперь обращаюсь къ твоей спекулятивной философіи. Все, что ты пишешь въ послѣднемъ письмѣ, по-моему, чрезвычайно дѣльно и дѣльнѣе писаннаго въ прошломъ; только ты варварски выражаешься: для человѣка, который живетъ не въ Берлинѣ, такой языкъ страшно труденъ (а еще на мои статьи нападалъ). Au reste объ этомъ завтра. Утро вечера мудренѣе. А на сонъ грядущій скажу тебѣ, что журнала Гран. не будетъ, и потому у Ал. Ал., вмѣсто 10 т., возьму 5 т. Онъ здѣсь. Чудесный человѣкъ. О Немврод. ³⁾ будетъ по писанному. Ал. Ал. ихъ пожурилъ крѣпко; кажется, имъ это не понравилось. Дѣло въ томъ, что и онъ не

¹⁾ Парящаго.

²⁾ Становленіе.

³⁾ Немвродовы. 2

взялъ въ толкъ, что они не стоятъ на той точкѣ образованія, съ которой понимаютъ то, что онъ говорилъ.

2 января. Перечиталъ твое письмо. Все, что ты пишешь о негациі, такъ понятно и близко мнѣ, такъ много и много разъ въ разговорахъ тѣми или иными словами выражалось, что я не новое, а близко родное встрѣтилъ въ томъ, что ты пишешь. Однакожь, la justice avant tout ¹⁾, это—не столько дипломъ въ пользу нашего философа. смысла и параллельнаго развитія, сколько доказательство, что мы живемъ въ одной и той же интеллектуальной атмосферѣ и подвергаемся ея вліянію. Я вовсе не имѣю самобытности мышленія, ни даже инициативы, но я имѣю быстрое соображеніе и консеквентность. Stimulus у меня всегда внѣшній. Я ненавижу абстракціи и не могу въ нихъ долго дышать (оттого при всѣхъ усиліяхъ я всегда былъ дурной математикъ, никогда не могъ отъ души заняться ни астрономіей, ни механикой, ни даже физикой), оттого у меня еще недостатокъ, который, можетъ, и выкупается живымъ пониманіемъ, но теоретически недостатокъ спекулятивной способности чистаго мышленія. Меня безпрестанно влечетъ жизнь: фізіологія и исторія—единственное конкретное достояніе науки. Но только, для полной живости ихъ, фізіологія должна начаться въ химіи, а исторія—въ фізіологіи. Ты оговариваясь пишешь: «логика все же абстрактна»; да, само собою разумѣется, этою-то высотой наджизненной она и ниже жизни. Прочти въ моей IV статьѣ объ этомъ ²⁾. Я прямо сказалъ это. И ты совершенно правъ, что естествовѣдѣніе оттого и кобенится, что логика хочетъ задавить своимъ всеобщимъ элементомъ частно-вольную природу. Напрасно сознательная мысль хочетъ стать передъ природой, какъ prius ³⁾. Это логическая перестановка, логика результата. «Логика хвастается тѣмъ, что она à priori выводитъ природу и исторію. Но природа и исторія тѣмъ велики, что онѣ не нуждаются въ этомъ: еще болѣе—онѣ сами выводятъ логику à posteriori»,—сказалъ я въ новой статьѣ.

Ты пишешь: «послѣ построенія логики я не вижу необходимости идеѣ раскрыться природой». Безъ сомнѣнія, это такъ же смѣшно, какъ чловѣкъ, который бы написалъ эмбриологію и, окончивши, пошелъ бы опять въ сѣменную жидкость—и давай родиться. Причина этому, все-таки, гордость идеализма и не выношенный дуализмъ, который у Гегеля побѣжденъ *теоретически*, но

1) Справедливость прежде всего.

2) См. № 417.

3) Первоначальное.

остался на дѣлѣ. Физиологія должна привести къ необходимости раскрыться идеѣ разумнымъ организмомъ, а не наоборотъ. Что касается до твоихъ замѣчаній о II части «Энциклопедіи»,—объ этомъ писать не буду: для этого надо самому перечитать книгу да и наэлектризоваться опять абстрактными токами. Одно я провижу и чувствую,—покамѣстъ не могу ясно изложить и понять: вещество—такая же абстракція внизъ, какъ логика—абстракція вверхъ; ни того, ни другой нѣтъ собственно въ конкретной дѣйствительности, а есть процессъ, а есть взаимодѣйствіе, борьба бытія и небытія, есть Werden—вещество-субстратъ, дѣятельная форма (Аристотел. опред.). Оно мерцаетъ въ однократныхъ явленіяхъ, безпрестанно влечется ринуться во всемірную морфологію (а еслибъ оно не ринулось, его бы не было); оно *есть* на сію минуту, какъ частность, какъ индивидуальность, какъ столкновение и результатъ, но его уже и нѣтъ, потому что въ этомъ круговоротѣ ничто остановиться не можетъ. Лейбницъ говоритъ: «вещественный міръ безпрестанно мѣняется, какъ вода подъ вашей ладьей; сохраняя свой видъ, онъ похожъ на Тезеевъ корабль, который аѳиняне безпрестанно чинили». Превосходное сравненіе. А ты, мой разберлинецъ, сталъ защищать представленія; да, вѣдь, только у васъ тамъ на мишлетцинѣ ¹⁾ да на вердеровщинѣ ²⁾ боятся сенсуализма образовъ и мыслей. Что такое чистая мысль въ самомъ дѣлѣ? Это—привидѣніе, это—тѣ духи безплотные, которые видѣлъ Дантъ и которые, хотя не имѣли плоти, но громко рассказывали ему флорентинскіе анекдоты. Ты коснулся великаго значенія химіи. Здѣсь есть у меня одинъ знакомый, который только въ ней и ищетъ ключа къ физиологіи и къ логикѣ. Я мало знаю химію, что зналъ нѣкогда, позабылъ,—но прочтенное мною въ Либихѣ точно удостовѣряетъ, что химія скорѣе что-нибудь объяснить, нежели первыя главы Гегелевой «Энцикл.», т. е. II части. А, впрочемъ, я съ тобою совершенно не согласенъ на разграниченіе твоей органической природы отъ неорганической. Это тоже старый силлогизмъ, основанный на страсти ставить грани. Природа не любитъ индійскихъ кастъ. Химія и физиологія имѣютъ предметомъ одинъ процессъ: физиологія есть химія многоначальныхъ соединеній, тогда какъ, наоборотъ, химія—физиологія двуначальныхъ соединеній. Соединенія двуначальныя стремятся тотчасъ къ результату, но соединенія многоначальныя какъ будто ³⁾ для

¹⁾ Карль-Людвигъ Мишле, философъ-гегельянецъ.

²⁾ К. Вердеръ, нѣмецкій философъ, знакомый съ Огаревымъ.

³⁾ «Какъ будто». Это *manière de dire* ⁴⁾. Дѣло въ томъ, что какъ только

⁰⁾ Манера говорить.

того принимаютъ третьяго дѣателя (сложнаго или простаго, все равно), чтобъ удержать процессъ, чтобъ сложною борьбой затянуть дѣло вдаль, и въ этомъ балансѣ, колебаніи возникаютъ эти многоначальныя ткани, которыя непрерывно сжигаются и возста-новляются, и полны дѣятельности. Матеріальный результатъ про-цесса побѣды двуначальности—гніеніе или побѣда абстрактной многоначальности: волосы, ногти, кости, полуживыя части (это мысль не моя, не хочу plagiat; вникни въ нее, она превосходна). Вѣнецъ многоначалія—мозгъ и нервная система. Либихъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: нельзя себѣ представить ни одного сильнаго чув-ства, ни одной сильной дѣятельности безъ измѣненія въ квалита-тивномъ составѣ мозга. Это далеко не то, что говорили французы XVIII вѣка: «мысль—секреція ¹⁾ мозга». Нѣтъ, это только показы-ваетъ намъ человѣка von einem Guss ²⁾. Прочти у Гегеля отно-шеніе химизма къ органикѣ и самую органику,—тамъ онъ прево-сходенъ. Больше о философіи не хочу говорить. Аминь. ³

Можетъ, я въ самомъ дѣлѣ ошибся съ aus einem Gusse, но я, впрочемъ, не въ тѣхъ границахъ употребилъ это слово, въ ко-торыхъ принялъ Грановскій. Дѣло въ томъ, что онъ нашелъ за-нятіе вполне поглощающее, единое, разнообразнѣйшее душѣ и глу-боко, отчетливо, прекрасно идетъ по этой дорогѣ. Что касается до обвиненія въ романтизмѣ—primo, это не обвиненіе, а secundo, повтори самъ, что ты пишешь о Фроловѣ. Что за дѣло какъ и почему такіе-то элементы взошли въ жизнь: рѣчь идетъ о томъ, каковъ человѣкъ есть, и побѣждено ли имъ внѣшнее.

◆◆ 1. Письмо Огарева и Сатина отъ 31 декабря н. ст. 1844 г. напечатано на стр. 19—21 въ VII кн. «Русской Мысли» 1891 г. Какъ и два предшествующихъ («Рус. Мысль» 1891, VI) оно въ зна-чительной степени посвящено изложенію интересовавшихъ тогда Огарева философскихъ вопросовъ. Приводитъ изъ нихъ выдержки

связываются сложные радикалы, такъ необходимо задерживается конечный результатъ,—телеологія не вслѣдствіе теоріи, natura ipsa sibi invenit vias, non ex ratione ^{o)},—говоритъ Гиппократъ. Займись эмбриологіей: безъ нея ни анатомія, ни органическая химія не приведутъ къ дѣлу. Совѣтую тебѣ при-обрѣсти Sömmering: «Von Bau des Menschlichen Körpers». Это не Земме-ринга ^{oo)} сочиненіе, а въ одну кадру вставленныя превосходныя монографіи. Да нѣтъ ли у васъ чего-нибудь дѣльнаго по натурфилософіи?—А. И. Г.

¹⁾ Выдѣленіе.

²⁾ Въ цѣломъ.

^{o)} Природа сама себѣ находитъ пути, независимо отъ разума.

^{oo)} Одинъ изъ знаменитыхъ нѣмец. анатомовъ и физиологовъ.

очень затруднительно; печатать полностью—значить дать комментарий для немногихъ, которыхъ лучше прямо отослать къ источнику.

2. Въ бумагахъ Огарева, хранящихся въ Румянц. музеѣ, не разъ упоминается о Василии Ивановичѣ Немводовѣ и сынѣ его Иванѣ; первый былъ капельмейстеромъ, а второй скрипачемъ въ оркестрѣ П. Б. Огарева. Огаревъ все время просилъ Герцена помочь ему устроить своихъ братьевъ (см. «Рус. Мысль» 1891, VI), 9, 20—21); это были братья Ивана—Григорій и Петръ. Одинъ изъ нихъ потомъ служилъ приказчикомъ въ конторѣ Юнкера, а другой управлялъ чьимъ-то имѣніемъ (Письмо Огаревой къ Некрасовой въ Румянц. муз.).

3. Дальше шла приписка Грановскаго, большая часть которой для насъ очень важна. «Странно и досадно! По смерти Станкевича ты и Герценъ стали для меня самыми близкими людьми; передъ вами обоими мнѣ легче, чѣмъ передъ другими, раскрывать душу. Узнать меня, кажется, нетрудно, особенно друзьямъ. Зачѣмъ же Герценъ такъ много вретъ обо мнѣ? Я вылить aus einem Guss, я—романтикъ и т. д. Все это вздоръ, но вздоръ, который мнѣ больно слышать отъ Герцена. Ему бы можно знать меня покороче. Я—aus einem Guss! Я—весь изорванный и измученный внутренно. Это—не фраза. Тебѣ это извѣстно, можетъ быть. Меня измучили, конечно, не міровые вопросы, а большею частью личные утраты, жизненные опыты, которыми я, безъ всякаго сомнѣнія, богаче всѣхъ васъ. Я искусственно успокоился отъ всего въ исторіи и въ дружбѣ. Когда я пріѣхалъ изъ Берлина, я не нуждался въ jenseits и готовъ былъ принять всѣ результаты философіи на вѣру (самый процессъ для меня всегда былъ очень труденъ, даже тогда, когда я занимался логикою при пособіи Вердера и Станкевича); я смотрѣлъ на эти результаты безъ страха. Умеръ Станкевичъ, умерли сестры, и jenseits стало какимъ-то постулатомъ у меня. Многое измѣнилось во мнѣ отъ причинъ, чисто личныхъ. Теперь я отвыкъ совсѣмъ отъ умозрѣнія, я вдался въ исторію и думаю, что у меня есть призваніе къ этому дѣлу. Только одно это занятіе, этотъ интересъ, съ которымъ, впрочемъ, такъ много связано, даетъ единство моему внутреннему бытію. Да, я понимаю, что отъ этого я могу показаться постороннимъ очень ровнымъ, успокоеннымъ въ себѣ чловѣкомъ. Но Герценъ могъ бы заглянуть поглубже. Занятіе исторіей, въ свою очередь, развило во мнѣ многое, и въ особенности какой-то скептицизмъ. Трудно уберечься отъ него среди этого вѣчнаго движенія формъ и идей. Одно смѣняетъ другое, волна гонитъ волну. У всякаго вѣка была своя истина. Иногда становится грустно

и страшно. Я мало читалъ Спинозу, но изъ всѣхъ философовъ его одного еще могу читать. Результатъ всего этого: если бы не было на свѣтѣ исторіи, моей жены, всѣхъ васъ и вина, я, право, не далъ бы копѣйки за жизнь. Я люблю жизнь только за это» (М. Гершензонъ, «Исторія молодой Россіи», 230).

406. ДНЕВНИКЪ.

(Окончаніе).

Тысяча восемьсотъ сорокъ пятый годъ.

Январь мѣсяцъ.

3.—Кажется, въ частномъ отношеніи жизнь моя, наконецъ, потекла поспокойнѣе. Прошлый годъ былъ тихъ. А какая пестрая и богатая эффектными положеніями жизнь, какъ много для воспоминанія,—едва теперь я начинаю объективно смотрѣть на это бывшее. 10 лѣтъ тому назадъ я новый 1835 годъ встрѣтилъ въ тюрьмѣ. Только десять лѣтъ! и что съ тѣхъ поръ событій. Уже десять лѣтъ, а, кажется, вчера только или очень недавно!

Въ самый новый годъ длинное письмо Огарева; онъ развивается и притомъ одинаково со мной, съ нами. Впрочемъ, сверхъ близости души, одна атмосфера современной мысли обнимаетъ насъ.

8.—Казнь Чеха ¹⁾ какъ-то тупа; король плакалъ, а велѣлъ казнить. Министры умоляли казнить его; тайкомъ утромъ въ Шпандау отрубили ему голову и объявили афишами. Чехъ выдержалъ характеръ до послѣдней минуты и, слѣд., остался побѣдителемъ. Не понимаю, какъ такія простыя вещи, какъ ненужность казней, вредъ ихъ, не бросаются въ глаза правительствамъ. Еще въ Испаніи, гдѣ все метется въ какомъ-то опьяненіи, понятно, что Нарваесъ ²⁾ казнить своихъ враговъ, такъ какъ его самого, очень можетъ быть, казнятъ завтра. Но тутъ спокойно, *gemüthlich und*

¹⁾ Бургомистръ гор. Сторкова, покушался на жизнь прусскаго короля, Фридриха-Вильгельма IV.

²⁾ Донъ-Рамонъ, испанскій государств. дѣятель.

romantisch, отрубить голову—при современныхъ понятіяхъ глупо, безрасчетно даже, потому что человѣкъ твердый реабилитируется казнью и обращаетъ къ себѣ симпатіи. Еще глупѣе, ежели прусскіе министры-доктринеры, Эйхгорнъ ¹⁾ историкъ, напр., думаютъ остановить будущихъ охотниковъ до стрѣльбы этимъ средствомъ. Неужели вся исторія на всякой страницѣ не говоритъ имъ, что не токмо ни одного фанатика никогда не останавливала казнь, но даже людей увлеченныхъ случайной страстью. Тутъ проглядываетъ совсѣмъ иное—месть, просто месть, жажда крови дерзкаго, который даже не раскаялся, не далъ случая показать милосердія на себѣ, потому что не просилъ его.

Два наказанія только могутъ остановить человѣка, это—угрызение совѣсти и общественное мнѣніе. Безъ уваженія къ себѣ, отъ самого себя и отъ ближнихъ человѣкъ жить не можетъ; никакія казни не могутъ сравниться съ постояннымъ сознаніемъ своей гнусности и справедливости презрѣнія отъ другихъ. Человѣкъ готовъ на всякую эпитемію, онъ будетъ на лобномъ мѣстѣ просить прощенье, пойдетъ въ иное мѣсто (т. е. самъ сошлетъ себя), только чтобъ примириться съ собою, ибо въ раздорѣ этомъ онъ задохнется.

Разумѣется, и власть, и общественное мнѣніе въ неразвитомъ народѣ сливается въ религіозной нравственности въ велѣніяхъ свыше; критеріумъ, внѣшній законъ замѣняетъ недостатокъ сознанія о добрѣ и злѣ, о человѣчественномъ и нечеловѣчественномъ. Отчего русскій крестьянинъ одинъ на дорогѣ не ѣстъ скоромнаго, въ то время, какъ за нарушеніе поста онъ наказанъ не будетъ, а березу на большой дорогѣ срубить, хотя самъ знаетъ, что за это его накажутъ розгами, плетью? Есть переходныя полосы государственной жизни, гдѣ религіозная и всякая идея нравственности теряется, какъ, напр., въ современной Россіи, но и тутъ, если совѣсть нѣкоторыхъ молчитъ, общественное мнѣніе слабое, не развитое—все же отталкиваетъ безусловное гнусное. Отчего нигдѣ никогда въ обществѣ не бываетъ полицейскихъ чиновниковъ? Если переодѣтые шпіоны, пользуясь анонимностью, и являются, то явныхъ нѣтъ. Наказаніе—современная нелѣпость; въ развитомъ государствѣ и въ будущемъ будутъ удивляться, какъ правительство вступало въ соревнованіе съ каждымъ злодѣемъ и дѣлало такую же мерзость надъ нимъ, которую онъ сдѣлалъ, съ тѣмъ различіемъ, что онъ былъ болѣе или менѣе вынужденъ обстоятельствами, а правительство—такъ, безъ всякой нужды. Казни, это—абсолютныя преступленія, поэзія преступленія. Но гдѣ же истинное, не погрѣ-

¹⁾ Иоганнъ, прусскій государств. дѣятель.

шающее мѣрило того, что хорошо, и того, что дурно для человѣка? Въ самомъ понятіи человѣка, развивающагося въ исторіи, въ историческомъ моментѣ, въ средѣ, въ которой онъ выросъ. Хорошо все то, что развиваетъ слитно-родовое и индивидуальное значеніе человѣка; дурно, если индивидуальное, феноменальное совершенно поглощаетъ общечеловѣческое; дурно, если тѣло совершенно задавить духъ, но наказывать (*scilicet* ¹⁾ въ развитомъ государствѣ) и за это нельзя; такіе люди будутъ презираемы, а дѣло положительныхъ законодательствъ, чтобъ эти отрицательные люди не могли положительно вредить, какъ безумные, какъ дураки, какъ животныя. Критеріумъ добра и зла всегда есть въ человѣкѣ, какъ бы онъ ни выражался подъ вліяніемъ исторической эпохи; человѣкъ, который отрицаетъ его, дурачится, лжетъ. Стоитъ слушать формальныя фразы говорящаго, и ясно увидишь, какъ онъ понимаетъ вмѣстѣ съ своимъ народомъ или кастой добро и зло. Слово «честь» развѣ не было на устахъ Цезаря Борджіа? ненарушимость обѣта развѣ и имъ не принималась въ основу договора? и пр., но онъ нарушилъ ихъ. Въ этомъ-то и доказательство, что онъ индивидуальную волю свою, удовлетвореніе страсти ставилъ выше всеобщаго понятія о нравственности своего времени. Ну, какъ же не наказать его? Во-первыхъ, онъ не былъ наказанъ—*il était trop haut placé* ²⁾, чтобъ быть наказаннымъ,—а если-бъ онъ былъ менѣе высоко поставленъ, то онъ не могъ бы сдѣлать всего того, что онъ сдѣлалъ, и тогда судъ былъ бы иной надъ нимъ. Зачѣмъ же гражданское общество было еще на той жалкой степени развитія, что не могло провести своихъ же понятій о чести, о христіанскихъ обязанностяхъ и пр., а во всѣхъ проявленіяхъ жизни было непослѣдовательно, путалось въ противорѣчіяхъ? зачѣмъ оно имѣло такихъ преступниковъ, которыхъ не достигалъ законъ, и такой законъ, который разилъ чаще всего не по преступникамъ? Въ наше время, на западѣ Европы можно себѣ представить плантатора, злодѣя работниковъ, мужа-варвара, развратника, убійцу, вора, но не Цезаря Борджіа. Ну, что сдѣлалъ бы такой Цезарь? Купилъ бы журналъ, ругалъ бы противниковъ въ фельетонѣ, подкупалъ бы голоса и, можетъ, вышелъ бы фродулезно ³⁾ на дуэль. Вотъ насколько современная Франція и Англія стоятъ выше тогдашней Италіи. Если представить себѣ будущую общественную форму, когда вопросъ о голодѣ и обжорствѣ, о наготѣ и пышности приведется въ порядокъ, когда

¹⁾ Конечно.

²⁾ Онъ былъ слишкомъ высоко поставленъ.

³⁾ *Fraudulesement*—обманнымъ образомъ

невозможно будетъ остаться безъ воспитанія никому, — ни сыну богача, ни сыну нищаго, когда самое значеніе слова «богачъ» будетъ безсмысленно по ненужности, — сколько измѣнится въ нравственномъ быту того класса, который теперь фурнируетъ maximum преступниковъ — плебса. Тогда образцовые кнуты будутъ не нужны, я думаю.

Кстати о наказаніяхъ; вотъ случай, рассказанный Тучковымъ. Въ Пенз. губ. какой-то помѣщикъ, великій злодѣй, страшно тяжель пришелся крестьянамъ; молодой крестьянинъ сказалъ односельцамъ, что онъ намѣренъ избавить ихъ отъ «отца общины»; тѣ перепугались суда, послѣдствій и пр. Молодой человѣкъ сказалъ, что все возьметъ на себя, что лишь бы они молились Богу, что никому не достанется. Такимъ образомъ, онъ отправился на плотину, черезъ которую помѣщикъ долженъ былъ итти, и à la G. Tell ¹⁾ сталъ его ждать; когда тотъ пошелъ, онъ побѣждалъ ему навстрѣчу, схватилъ его въ перехватъ и — вмѣстѣ въ омутъ. Оба утонули. Это античный героизмъ. Полагаю, что такого человѣка смертная казнь *in spe* ²⁾ не очень остановила бы. При всей неразвитости русскаго, его останавливаетъ: «на міру будетъ стыдно»; онъ уважаетъ мнѣніе своей общины; боится онъ помѣщика, это — другое, это — рабство; онъ ему повинуется, оскорбляясь, а тамъ онъ признаеть.

10.—Славянофилы, наконецъ, болѣе и болѣе являются узенькими людьми раскола. Стихи Языкова съ доносомъ на всѣхъ насъ привели къ объясненіямъ, которыя, съ своей стороны, чуть не привели къ дуэли Гран. и Петра Кирѣевского. Я въ душѣ ненавижу не принципъ дуэлей, а нелѣпость смертной казни за оскорбленіе этого принципа; однако, дѣлать было бы нечего. Послѣ всего этого, наконецъ, личное отдаленіе сдѣлалось необходимымъ. Аксаковъ ³⁾ торжественно разстался съ Гран. и мною; видно было, что ему жаль: онъ благороденъ, чистъ, но одностороненъ, ограниченъ въ своемъ расколѣ. Мы дружески сказали другъ другу, что служимъ инымъ богамъ и что потому должны разойтись — одинъ направо, другой налево; въ уваженіи ему, какъ характеру, я не могу отказать. Онъ и, можетъ, оба Кирѣев. уносятъ личное уваженіе, а остальные — чортъ съ ними. Самаринъ, не думаю, чтобъ ихъ былъ.

Странная Русь: изъ нея высшими плодами являются или люди, опередившіе свое время до того, что, задавленные существующимъ,

¹⁾ Подобно Вильгельму Теллю.

²⁾ «Въ возможности».

³⁾ Константинъ Сергѣевичъ.

они бесплодно умирають по ссылкамъ, или люди, опертые на прошедшее, никакой симпатіи не имѣющіе въ настоящемъ и такъ же бесплодно влащящіе жизнь.

13.—Ив. Вас. Павловъ рассказывалъ, какъ были приняты студентами мои статьи въ «От. Зап.» ¹⁾. Признаюсь, мнѣ было очень весело слышать: большей награды за трудъ не можетъ быть. Юноши тотчасъ оцѣнили, въ чемъ дѣло, и гурьбою ходили въ кондитерскія читать. Грановскій пользуется между студентами чрезвычайнымъ авторитетомъ,—для нихъ мѣра, къ которой прикидываютъ другихъ профессоровъ.

17.—Исторія химіи Дюма ²⁾—чрезвычайно замѣчательная книга. Химія—настоящая опора эмпириі, важность ея теперь только начинаютъ чувствовать. Безъ химіи нѣтъ физиологіи, нѣтъ, слѣд., и естественныхъ наукъ. Естественныя науки доселѣ имѣли чрезвычайно шаткую основу, потому что онѣ занимались одной морфологіей, а не тѣмъ, *что* измѣняется въ ней. Самъ гигантскій геній Гете не постигнулъ этой важности химизма, и его «Метаморфозы растений»—одна морфологія. Новая химія идетъ не далѣе конца XVIII столѣтія, т. е. не далѣе Лавуазье. Онъ сказалъ: матерія вѣчная, утратиться ничего не можетъ, все видоизмѣняется, ничего не пропадаетъ,—и пошелъ съ вѣсами въ рукахъ слѣдить за химическими процессами. Эта мысль, руководившая имъ, конечно, не менѣе важна, какъ открытіе кислорода; онъ посадилъ химію на ту базу, съ которой стоило ей органически развиваться, по крайней мѣрѣ, расти фактами и наблюденіями, ожидая возможности перейти отъ грубой эмпириі къ эмпириі спекулятивной.

27.—Отправляю письмо къ графу Орлову о разрѣшеніи вѣзда въ Петербургъ. Это проба, какъ они смотрятъ на меня; если пустятъ, можно будетъ проситься въ чужіе края ³⁾.

Февраль.

8.—Два первыхъ письма объ естествовѣдѣніи ⁴⁾ отправилъ Краевскому. Занимался третьимъ; кажется, изложение греческихъ философовъ удачно, особенно софистовъ и Сократа. Послалъ диатрибу на «Москв.»; дѣлать нечего—пусть ихъ сердятся ⁵⁾.

¹⁾ Напечатанныя въ 1843 и 1844 гг.

²⁾ Жанъ-Батистъ, франц. химикъ, «Leçons sur la philosophie chimique».

³⁾ См. № 409.

⁴⁾ См. № 417.

⁵⁾ См. № 415.

Говорятъ, что въ Пруссіи скоро издастся конституція; вотъ тамъ своя эмансипація, а объ нашей и говорить перестали—фактъ важный. Адресы, которые готовятся послать изъ рейнскихъ провинцій, дышатъ силой и рѣшительнымъ радикализмомъ: они требуютъ народнаго представительства, свободы книгопечатанія и эмансипаціи жидовъ. Къ языку этихъ адресовъ почтенный прусскій король не привыкъ.

12.—Барэръ¹⁾ говоритъ, что Мирабо сказалъ однажды Барнаву²⁾: «*Barnave, tu as les yeux froids et fixes, il n'y a pas de divinité en toi...*»³⁾. Въ этомъ выраженіи, какъ и во многихъ того времени, ярко отозвалось то время энергіи въ словахъ и дѣлахъ, которое имѣло свой языкъ, свой романтизмъ, свою поэзію. Въ наше время никто не скажетъ подобнаго замѣчанія и такъ сильно.

14.—Сегодня Глѣбовъ вскрывалъ живую собаку. Въ первыя минуты зрѣлище страшное, отвратительное, но потомъ интересъ поглощаетъ все другое: вотъ она, пульсація артеріи, вотъ нервы, производящія судороги при прикосновеніи, и, наконецъ, сердце еще горячее, еще бьющееся. Я положилъ на него руку,—есть что-то торжественное въ этомъ святотатственномъ прикосновеніи къ тайнику жизни. Она жила полчаса; послѣднее время, кажется, уже была въ онѣмѣнни, но легкая пульсація и перистальтическія движенія кишекъ продолжались. При вскрытіи груди, когда воздухъ коснулся легкихъ, собака стала кашлять. Великая мистерія жизни: это таинство не падетъ, оно болѣе и болѣе вселяетъ благочестиваго уваженія къ себѣ.

А ргорос къ сравнительной анатоміи и къ зоологіи, славянофилы жестоко осwirѣпли,—«От. Зап.» имъ пришлись солоно.

20.—Странное, нелѣпное предчувствіе мучитъ меня. Темный фатумъ царитъ надъ нами и дѣлаетъ чортъ знаетъ что, изъ безразличнаго поступка развиваетъ чудовищный результатъ; челѣвкъ спокойно спитъ, а онъ путаетъ, путаетъ нити, и онъ прежде нежели что-нибудь почувствуетъ, сознаетъ, вовлеченъ въ безвыходное положеніе.

Гдѣ свобода?—Не знаю отчего, а что-то тяжело на душѣ.

23.—Третьяго дня Грановскій защищалъ свою диссертацию о Іомсбургѣ и Винетѣ. Это было публичнымъ и торжественнымъ поражениемъ славяноф. и публичной оваціей Грановскаго. Нападки

¹⁾ Барэръ-де-Вьезакъ, членъ франц. конвента.

²⁾ Антуанъ-Пьеръ, членъ франц. конвента.

³⁾ «Барнавъ, у тебя холодные и пристальные глаза, въ тебѣ нѣтъ божества».

были дѣланы съ невѣроятной дерзостью, съ цинизмомъ, грубымъ до отвратительности. Грановскій отвѣчалъ тихо, спокойно, кротко, вѣжливо, улыбаясь; нравственно оппоненты были уничтожены имъ. Но толстая шкура ихъ не поняла бы этого. Другой голосъ по- сильнѣе осудилъ ихъ: Грановскій былъ встрѣченъ громомъ рукоплесканій, каждое слово Бодянскаго награждалось всеобщимъ шиканіемъ. Изъявленія эти были такъ сильны и энергичны, что никто и не подумалъ останавливать ихъ. Сверхъ дерзости въ выраженіяхъ, гнусныя продѣлки Шевырева, Бодянскаго и др. были извѣстны всей публикѣ: на нихъ смотрѣли съ омерзѣніемъ. Когда кончился диспутъ, и гр. Строгановъ поздравилъ Грановскаго, раздались: *vivat! vivat!* продолжавшіеся съ $\frac{1}{4}$ часа. На лѣстницѣ потомъ увидѣли какъ-то опять Грановскаго,—и новыя рукоплесканія; даже передъ университетомъ собралась толпа студентовъ, ожидавшая его выхода, но ее уговорили разойтись. Этотъ день торжества Гр. да вмѣстѣ съ тѣмъ торжества всего университета. Университетъ доказалъ, что онъ имѣетъ и мнѣніе, и голосъ. Намъ доказалъ онъ, что его симпатіи далеки отъ славянофильства. Хвала студентамъ. Вчера за обѣдомъ я предложилъ 1-й тостъ за здоровье студентовъ моск. университета. Славяне огорчились и какъ-то не находятся; *au reste* благородные изъ нихъ были противъ всѣхъ продѣлокъ, а подлые выдумаютъ въ свое оправданіе несбыточныя мерзости, что это—интрига etc., и по своимъ котеріямъ будутъ насъ вдвое ругать. Сегодня видѣлъ Петра Васил.—чудный человѣкъ.¹

Славянофилы постоянно набрасываютъ на насъ смѣшной и жалкій упрекъ, что мы ненавидимъ Россію; да изъ которой же стороны нашихъ словъ, дѣлъ, мнѣній это видно? Неужели изъ того, что мы страдали, а они нѣтъ? что мы становились въ оппозицію, которая только могла насъ вести въ ссылку, а они нѣтъ? Дѣло; кажется, просто, и одна узкая нетерпимость ихъ могла взвести на насъ пошлое обвиненіе. Мы разное поняли вопросъ о современности, мы разнаго ждемъ, желаемъ; развѣ это мѣшаетъ намъ быть столько же патріотическими? Да, въ нашъ патріотизмъ входитъ общечеловѣческое, и не токмо входитъ, но занимаетъ первое мѣсто; а у нихъ развѣ христіанство—какое-нибудь суздальское явленіе. Изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что мы протянули другъ другу руки,—нѣтъ, но не слѣдуетъ и того, чтобы вся монополія любви къ отечеству принадлежала имъ, и они имѣли бы право насъ упрекать въ ненависти къ Россіи. У больного два врача: одинъ думаетъ лѣчить его отъ гемороя, другой отъ чахотки; быть можетъ, что они оба неправы; однако, гдѣ же достаточная причина считать того или другого отравителемъ? Они могутъ ни въ чемъ не

соглашаться, но цѣль ихъ остается та же: желаніе излѣчить больного. Имъ нужно былое, преданіе, прошедшее,—намъ хочется оторвать отъ него Россію; словомъ, мы не хотимъ той Руси, которой и нѣтъ, т. е. до-петровской, а той новой Руси они совершенно не знаютъ, они отрицаютъ ее такъ, какъ мы отрицаемъ древнюю.

26.—На-дняхъ получилъ письмо отъ Самарина. Удивительный вѣкъ, въ которомъ человѣкъ до того умный, какъ онъ, какъ бы испуганный страшнымъ, непримиримымъ противорѣчіемъ, въ которомъ мы живемъ, закрываетъ глаза разума и стремится къ успокоенію въ религіи, къ квіетизму, толкуетъ о связи съ преданіемъ. Письмо его подѣйствовало на меня грустно. Сегодня писалъ ему отвѣтъ; въ немъ я сказалъ ему: «Encore une étoile qui file et disparaît! ¹⁾ Прощайте, идите иной дорогой: какъ попутчики, мы не встрѣтимся, это навѣрное» ²⁾. Да какъ это ему не стыдно принадлежать къ такимъ запакощеннымъ славянофиламъ?

28.—Студенты приготовили, было, новый апплодисментъ Грановскому при первой лекціи. Инспекторъ ³⁾ просилъ его какъ-нибудь предупредить; онъ предупредилъ по-своему. Взошедши на кафедру, онъ сказалъ, стоя, à peu près ⁴⁾ такъ: «Мм. Гг. Позвольте мнѣ благодарить васъ за 21 фѣвраля; этотъ день скрѣпилъ наши отношенія неразрывными узами: я получилъ отъ васъ самую прекрасную, самую благородную награду, какую только можетъ получить преподаватель въ университетѣ,—вполнѣ чувствую ее и еще съ большей ревностью посвящаю жизнь мою московскому университету. Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ просьбой; я осмѣливаюсь просить васъ, Мм. Гг., не изъявлять болѣе наружнымъ образомъ вашего сочувствія. Мы слишкомъ близки другъ къ другу, чтобъ нужны были такія доказательства. Не потому я прошу васъ объ этомъ, что считаю опасными для васъ или для себя такія изъявленія,—я знаю, что это не остановило бы васъ,—а потому, что они излишни послѣ того изъявленія вашей симпатіи, которое останется на всю жизнь мою лучшимъ воспоминаніемъ. Зачѣмъ наружные знаки? Вы и я принадлежимъ къ молодому поколѣнію, мы имѣемъ общее, прекрасное дѣло—посвятить занятія наши серьезно изученію, служенію Россіи,—Россіи, вышедшей изъ рукъ Петра I, равно удаляясь отъ пристрастныхъ клеветъ иноземцевъ и

¹⁾ «Еще звѣзда, которая падаетъ и исчезаетъ», извѣстный стихъ Беранже.

²⁾ См. № 412.

³⁾ Платонъ Степановичъ Нахимовъ.

⁴⁾ Приблизительно.

отъ старческаго, дряхлаго желанія возстановить древнюю Русь во всей ея односторонности».

Студенты, разумѣется, не апплодировали; съ благоговѣніемъ и молчаніемъ выслушали они превосходныя слова. Во всемъ, что дѣлаеть Гр., есть какая-то стройная грація: какое удивительное благородство и умѣнье притомъ остановиться въ необходимыхъ предѣлахъ.

Шевырева готовятся принять свистками или ошкаты, если онъ будетъ говорить, т. е. выговаривать студентамъ. Это было бы хорошо, но за это можно ухъать бѣднымъ юношамъ на Кавказъ, а потому лучше было бы имъ, т. е. всѣмъ студентамъ, рѣшительно не ходить на его публичныя лекціи.

Бѣдный Крюковъ умираеть. Еще однимъ свѣтлымъ, прекраснымъ человѣкомъ меньше въ нашемъ кругѣ.

«De la création de l'ordre dans l'humanité» ¹⁾ того Прудона, который писалъ о собственности. Книга эта, вышедшая около двухъ лѣтъ тому назадъ,—чрезвычайно замѣчательное явленіе. Во-первыхъ, надобно, читая Прудона, какъ П. Леру и другихъ французовъ-философствующихъ, безпрерывно помнить, что у нихъ есть свои странныя мысли и приемы, *des niaiseries* ²⁾, иллогизмы и пр. Сквозь это надобно пробиться, надобно это принять за дурную привычку, которую мы терпимъ въ талантливомъ человѣкѣ, и итти далѣе; поверхностныхъ читателей, того и гляди, отстрашаютъ такія выраженія. Прудонъ рѣшительно поднимается въ спекулятивное мышленіе; онъ рѣзко и смѣло отдѣлался отъ разсудочныхъ категорій, прекрасно выводитъ недостатокъ каузальности, субстанціальности и снимаетъ ихъ своими серіями, т. е. понятіемъ, расчленяющимся на всѣ свои моменты и снятаго разумѣніемъ, какъ тотальность ³⁾).

Бездна яркихъ мыслей. Напр., говоря о Кантовыхъ необходимыхъ координатахъ мышленія о времени и пространствѣ, онъ ставитъ рядомъ съ ними необходимость человѣческаго воззрѣнія видѣть каждый предметъ не единичностью, а звеномъ ряда, а принадлежащимъ, отнесеннымъ къ цѣлому порядку явленій. Для него чувственная достовѣрность сама въ себѣ носитъ очевидное свидѣтельство своей истины etc. Выходя вездѣ къ конкретнымъ приложеніямъ, онъ превосходенъ въ иныхъ мѣстахъ; самая лучшая часть, это—его доказательства невозможности религіи въ грядущемъ;

¹⁾ «О созданіи порядка въ человѣчествѣ».

²⁾ Вздоръ.

³⁾ Совокупность, сумма.

выводъ его силенъ, энергиченъ и смѣлъ, онъ заключаетъ словами, прекрасно благородными: «вспомнимъ, какъ религія благословеніемъ своимъ встрѣчала насъ при рожденіи и какъ молитвами провожала тѣла наши; сдѣлаемъ для нея то же—похоронимъ ее съ честью, вспоминая ея благодѣянія человѣчеству». Онъ считаетъ философію тоже прошедшимъ элементомъ. Религія—откровеніе причины, философія—наука причины... (явнымъ образомъ несправедливо). Метафизика—наука о серіальныхъ отношеніяхъ—одна остается съ частными науками. Да почему же это метафизика? Если онъ подъ философіей разумѣетъ исключительный идеализмъ,—дѣло другое, но гдѣ же право? развѣ онъ въ Спинозѣ и въ Гегелѣ и въ самомъ Кантѣ (котораго онъ изучалъ, кажется) не видѣлъ больше своего опредѣленія?

Мартъ мѣсяцъ.

2.—Большое письмо изъ Берлина ¹⁾, вѣсти о Парижѣ, письма изъ Петербурга etc., etc., Между прочимъ, статья Бакунина въ «La Réforme»; вотъ языкъ свободнаго человѣка,—онъ дикъ намъ, мы не привыкли къ нему. Мы привыкли къ аллегоріи, къ смѣлому слову *intra muros* ²⁾, и насъ удивляетъ свободная рѣчь русскаго такъ, какъ удивляетъ свѣтъ сидѣвшаго въ темной конурѣ. Огаръ пишетъ о томъ, что нельзя жить дома; да, мы знаемъ это получше его. Слабость, что ли, надежда ли, а что-то да держить. Будемъ думать да думать, да почти ничего не дѣлать, а жизнь будетъ итти да итти. ²

5.—Вчера, въ 9 часовъ утра, умеръ Крюковъ. Еще одно свѣтлое, существованіе кануло въ прошедшее прежде, нежели что-нибудь успѣло совершить. Я видѣлся съ нимъ наканунѣ; онъ былъ въ полномъ сознаніи, держалъ мою руку, говорилъ, что любитъ насъ всѣхъ... смерти, кажется, не предвидѣлъ; онъ былъ страшно худъ, однако, выраженіе лица было прекрасно, взглядъ свѣтелъ, покоенъ и кротокъ. Вчера сняли маску съ него. Охъ, что-то тяжелое въ воздухѣ нынѣшняго года, какая-то плита на груди.

7.—И схоронили его. Студенты несли до кладбища. Въ церкви было видно, сколько цѣнили его; величаво и благородно быть такъ отпѣту не попами, а толпою друзей и почитателей. Я усталъ отъ этихъ дней, какъ-то горечь переполнила душу. А, впрочемъ, надобно свыкнуться со смертію, надобно настолько уморить въ себѣ

¹⁾ Отъ Огарева и Сатина.

²⁾ Между стѣнъ.

ячность, чтобъ не бояться смерти; хорошо,—но какъ примириться со смертью друга?.. мыслю, что всѣ люди смертны, а такъ какъ NN. человѣкъ, то и онъ смертенъ? Піетисты кричатъ теперь, что Крюковъ обратился, но, по несчастію, онъ послѣднее время былъ только короткія минуты въ сознаніи, а остальные—въ полупомѣшательствѣ. А какъ - - - - - весь пародіальный тонъ самой церемоніи: это официальное хладнокровіе - - - - , этотъ серьезный видъ при какихъ-то безцѣльныхъ нелѣпостяхъ, наконецъ, какъ это все длинно. То ли дѣло кружокъ друзей, горестныхъ, убитыхъ, молча опускающихъ въ могилу тѣло товарища.

12.—Gieb ihm ein Gott zu sagen, was er leidet ¹⁾. Сказанное слово устремляетъ ядъ вонъ изъ души. Та эпоха страшна въ горести, въ опасеніи, когда нѣтъ слова, нѣтъ силы сказать, когда человѣкъ боится себѣ сказать, признаться. А между тѣмъ, высказанное слово—полуисполненное опасеніе, начало его осуществленія внѣ насъ. Я истерзанъ здоровьемъ Н., и я, я снова способствовалъ ея болѣзни; а если болѣе, нежели болѣзни? Что за проклятая ничтожность характера, что за преступная распушенность.

14.—Мнѣ бываетъ тягостно смотрѣть на близкихъ мнѣ друзей; я чувствую, что я хуже ихъ нравственно, что я слабъ, готовъ всегда увлечься всякими побужденіями. Могутъ ли, должны ли они любить меня? Любовь, впрочемъ, къ человѣку есть личность, предупрежденіе, несправедливость, пристрастіе. Справедливость мнѣ обязанъ оказать кварталный, если онъ исполнить свой долгъ; дружба—не судъ, дружба любитъ всего человѣка, а не одинъ какой-нибудь элементъ его. Любовь къ одному элементу—далеко не дружба; я могу съ восторгомъ слушать Листа, поклоняться его способности, но не быть съ нимъ другомъ; уважать въ человѣкѣ однѣ умственные способности можно, но тогда лицо его дѣлается лишнимъ; такъ съ нами симпатизируетъ и книга; дружба не осуждаетъ, но оплакиваетъ. Но въ этомъ-то и вся страшная карательная сила ея. Человѣкъ можетъ только наказывать самъ себя и безпощаднѣ инквизитора нѣтъ, какъ совѣсть; не нравственные должны корить падшаго, а падшій долженъ сознать свою ничтожность передъ ними. Это страшное чувство: мнѣ бываетъ до того тяжело смотрѣть на Гр., что слезы навертываются на глазахъ.

17.—Майкова ²⁾ поэма «Двѣ судьбы». Много прекрасныхъ мѣстъ, много разъ онъ умѣлъ коснуться до тѣхъ струнъ, которыя и въ нашей душѣ вибрируютъ болѣзненно. Хорошо отразилась въ

¹⁾ Внуши ему Богъ высказать, чѣмъ онъ страдаетъ.

²⁾ Аполлонъ Николаевичъ.

немъ тоска по дѣятельности, наша чуждость всѣмъ интересамъ Европы, наша апатія дома etc., etc. Цензура Петербурга гораздо снисходительнѣе. Да, что ни дѣлай правительство, а однажды привитая мысль зажглась и обращается по жиламъ,—чуть маленькое отверстіе, огонь выбиваетъ; цензора устають, дѣятельная мысль сотенъ головъ ни на минуту не устаеть.

25.—Три года тому назадъ начатъ этотъ журналъ въ этотъ день. Три года жизни схоронены тутъ или не то, что схоронены, а прикрѣплены во всей мимолетности; перечитывая, все оживаетъ, какъ было, а воспоминаніе, одно воспоминаніе не возстановляетъ былого, какъ оно было; оно стираетъ всѣ углы, всю рѣзкость и ставитъ туманную среду.

Ну, аминь.³

Октября 3.—Болѣе шести мѣсяцевъ прошло, и я не заглядывалъ въ журналъ, и не писалъ въ него, и не завелъ другого; не отъ внутренней пустоты, а такъ,—жизнь шла довольно тихо¹⁾. Все болѣе и болѣе уравнивается, но есть и печальныя стороны, и я удерживался иной разъ писать, чтобъ подъ вліяніемъ первыхъ минутъ не написать съ тою рѣзкостью, которая послѣ сдѣлается противною.

На первомъ планѣ скитанье Огар. и всѣ вѣсти, приходящія объ этомъ скитаньѣ, ибо онъ самъ не пишетъ. Вѣра въ способность его ко всему прекрасному и высокому не можетъ потрясена быть во мнѣ, но что же въ одной возможности? когда же наступитъ пора дѣла? что за противорѣчіе между жизнью gentier, безцѣльной, безъ занятій и этими *слезами* симпатіи всему прекрасному. Я не токмо не противъ заграничной жизни, но допускаю въ извѣстныхъ случаяхъ экспатріацію, но не для того, чтобъ жить тамъ праздному и проживать все свое состояніе пошло: такое употребленіе богатства въ наше время преступно. Да и такая жизнь за границей—безнравственное бѣгство. Видно, пора перестать слишкомъ много класть на голову индивидуальностей. Охъ, Спиноза правъ!

29 ок.—И на послѣднемъ листѣ повторится то же, что было сказано на первомъ. Страшная эпоха для Россіи, въ которой мы живемъ, и не видать никакого выхода. На первомъ планѣ несчастная, бѣдная Польша. Первый свободный шагъ долженъ состоять въ примиреніи, нѣтъ, болѣе—въ просьбѣ, чтобъ она простила Россію за то, что сдѣлано ея руками, но волею одного человѣка. Мы потеряли уваженіе въ Европѣ: на русскихъ смотрятъ со злобой, почти

¹⁾ См. № 422.

съ презрѣніемъ. Россія становится представительницей всего ретрограднаго, патріархальной силой, употребляемой для того, чтобъ остановить теченіе европейскаго развитія. Да и какъ же иначе смотрѣть на нее? Въ то время, какъ въ самой Пруссіи движеніе эмансипаціонное пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе характеръ величественный, у насъ издается сводъ уголовныхъ законовъ, въ которомъ смерть за слово, за неосторожное выраженіе, кнутъ размѣненъ на плети, у насъ заводятъ майораты, усиливаютъ дворянство, то есть утрачиваютъ тѣ выгоды, которыя мы имѣли передъ Европой, тѣ выгоды, о которыхъ Бентамъ писалъ къ импер. Александру, когда онъ воцарился, что ему легче, нежели какому-нибудь монарху, дать дѣльные законы, потому что предразсудки римско-феодальные не мѣшаютъ... И какъ эти три года, такъ пройдутъ годы еще и еще, и мы состаримся и яснѣе увидимъ, что жизнь потеряна...

◆◆ 1. Выступленія Шевырева и Бодянскаго были очень неудачны, что признали даже ихъ единомышленники. Погодинъ записалъ въ своемъ «дневникѣ»: «Длинная рѣчь Бодянскаго въ неприличной формѣ. Почти шиканье послѣ нѣсколькихъ репликъ». Хомяковъ писалъ Самарину: «Неловкостей была бездна: Бодянской и Шевыревъ попались въ просакъ» («Рус. Архивъ» 1879, XI, 317).

2. Письмо Огарева и Сатина напечатано на стр. 26—36 кн. VI «Рус. Мысли» 1891 г. Тамъ, между прочимъ, читаемъ: «Герценъ! а вѣдь, дома жить нельзя. Подумай объ этомъ. Я убѣжденъ, что нельзя. Человѣкъ, чуждый въ своемъ семействѣ, обязанъ разорваться съ своимъ семействомъ. Онъ долженъ сказать своему семейству, что онъ ему чужой. И если бы мы были чужды въ цѣломъ мірѣ, мы обязаны сказать это. Только выговоренное убѣжденіе свято. Жить не сообразно съ своимъ принципомъ есть умираніе. Прятать истину есть подлость. Лгать изъ боязни есть трусость. Жертвовать истиной—преступленіе. Польза! Да какая же польза въ прятаніи? Все скрытое да будетъ проклято! Въ темнотѣ бродить разбойникъ, а люди истины не боятся дня. Наконецъ, есть святая обязанность быть свободнымъ. Мнѣ надоѣло все носить внутри, мнѣ нуженъ поступокъ. Мнѣ, слабому, нерѣшительному, не практичному, *dem grübelnden*, нуженъ поступокъ! Что же послѣ этого вамъ, болѣе меня сильнымъ? Или мы, амфибии нравственнаго міра, можемъ жить попеременно во лжи и истинѣ? Чистосердечно я не вижу возможности транзакцій¹⁾. Подумай объ этомъ, Герценъ, и напиши мнѣ: *да* или *нѣтъ*. Твое «да» удесятеритъ мнѣ жизненныя

¹⁾ Transaction—мировая сдѣлка, компромиссъ.

силы. Твое «нѣтъ» ввергнуть меня въ скорбь, но ни на волосъ не пошатнетъ моего убѣжденія и упованія (35—36).

3. Въ этотъ же день Грановскій писалъ Кетчеру, что вечеромъ предстоитъ дружеское сборище у Герцена, если не умретъ очень серьезно больной И. А. Яковлевъ. «Герценъ началъ, было, хандрить по пословицѣ: «съ жиру бѣсится». Теперь успокоился и попрежнему запиваетъ» (Т. II, 464).

407. Письмо къ А. А. Краевскому.

19 янв. 1845.
Москва.

Письмо ваше, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, я получилъ. Мою первую статью Вы получите на дняхъ; она, если пойдетъ въ мартов., то къ апрѣлю будетъ 2, а къ маю 3, о естествовѣдѣннн. Если у васъ о Розенкранцѣ¹⁾ началъ писать кто-нибудь дѣльный, то лучше бы онъ продолжалъ, потому что мнѣ бы не хотѣлось отрываться отъ моихъ «Писемъ», которыя, какъ Вы увидите по первому, не вовсе лишены всеобщей занимательности.

Грановскій пишетъ и, полагаю, вышлетъ статью или въ началѣ, или въ половинѣ марта.

«Москвитянина» еще нѣтъ; стало, всего лучше напечатайте:

«Письмо 1-е о Москвитянинѣ».

Еще не выходилъ. Chi va piano, va sano²⁾.

20 января. Москва».

Насчетъ финансовъ я васъ прошу мнѣ высылать не 175, а 150 р., да по 50 экземпляровъ статьи объ естествовѣд. Это непремѣнно.

За иную передѣлку съ иностр. можно предложить 75, но не за всѣ; Коршъ остановился поэтому, тѣмъ болѣе, что Головачевъ³⁾ за Ранка получилъ по 150. За важныя передѣлки, за составленныя по источникамъ статьи невозможно брать то же, что за переводъ. Мы имѣемъ свои правила,—напр., я для моихъ «Писемъ объ естествовѣдѣннн» купилъ на 375 руб. книгъ. Объ этомъ я васъ по-

¹⁾ Только, чтобъ онъ непремѣнно перевелъ «Liebe und Scham» изъ приложений.—А. И. Г.

²⁾ Тише ѣдешь—дальше будешь.

³⁾ Г. Ф., переводъ романа Юсифа Ранка въ XXXV т. «От. Зап.» 1844 г.

прошу написать строку, т. е. Коршъ составлятъ статьи не будетъ по иностраннымъ источникамъ иначе, какъ за 150. Въ другихъ случаяхъ положитесь на меня: даю Вамъ честное слово, что если изъ людей съ талантомъ найдется, кто возьметъ по нашему указанію работу, я буду уговариваться съ нимъ въ цѣнѣ.

Далѣе, къ вамъ придетъ черезъ меня превосходная статья «О Кантѣ» — введеніе въ изученіе новой философіи.

Рѣдкинъ собирается писать, но скоро ли соберется, не знаю.

Съ Головачевымъ мы можемъ всегда переговорить о разборахъ книгъ etc.

Мнѣ досадно, что въ 1 № такъ много о Языковѣ¹⁾ и Хомяковѣ²⁾: они гордятся этимъ и воображаютъ, что ихъ направленіе такъ сильно, что съ ними борются; не статьи объ нихъ надобно, а колкія остроты.¹

NB. При моей статьѣ есть листокъ изъ Гете: его необходимо напечатайте тотчасъ послѣ статьи и его попрошу перепечатать въ моихъ экземплярахъ.

Статья объ Индіи³⁾ очень занимательна; она меня навела на мысль рекомендовать вамъ «Transatlantische Skizzen»: это цѣлый арсеналъ статей.

Прощайте, Андрей Александровичъ, кланяйтесь Бѣлинскому.

Весь вашъ *А. Герценъ.*

Да не объявить ли вамъ въ числѣ новостей, что Грановскій, Рѣдкинъ и Коршъ участвуютъ? Гр. здѣсь имѣетъ ужасный вѣсъ.

Еще вопросъ, на который, пожалуйста, отвѣчайте: принимаете ли вы статьи изъ механики? я могъ бы доставить очень хорошую, но для нея необходимъ чертежъ.

Я читалъ Погодина статью для «Москвитянина»⁴⁾ — превосходить всякое ожиданіе; вообще, кажется, славянобѣсіе доходитъ до права кровати въ домѣ умалишенныхъ.

◆◆ 1. 26 января Бѣлинскій писалъ Герцену: «А что ты пишешь Краевскому, будто моя статья не произвела на ханжей впечатлѣнія и что они гордятся ею — вздоръ; если ты этому повѣрилъ, значитъ, ты плохо знаешь сердце человѣческое и совсѣмъ не знаешь сердца

¹⁾ Николай Михайловичъ.

²⁾ Въ статьѣ Бѣлинскаго «Русская литература въ 1844 году».

³⁾ «Англійская Индія», въ XXXVIII и въ XXXIX томахъ «Отеч. Записокъ» 1845 г.

⁴⁾ «Параллель русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ относительно начала», въ № 1 1845 г.

литературнаго, — ты никогда не былъ печатно обруганъ. Штука, сударь ты мой, изъ которыхъ я вижу ясно, что ударъ былъ страшенъ. Теперь я этихъ каналій не оставляю въ покоѣ... Цѣна, объявленная вами Краевскому за статьи, показалась ему дорогою. Въ самомъ дѣлѣ, ужъ и вы нашли кого прижимать и грабить, — человекъ бѣдный, у него всего дохода въ годъ какихъ-нибудь тысячь сто съ небольшимъ» (Бѣлинскій «Письма», т. III, 86—87).

408. Приписка къ Н. Х. Кетчеру.

26 января 1845.
Москва.

Вотъ тебѣ разъ: меня обвиняетъ Madame въ хандрѣ. Это ново, чего нѣтъ другого; нѣтъ не хандра, а сквозь многое хорошее иногда, разумѣется, посѣщаетъ и грустное. Дѣло вотъ въ чемъ: пока все спокойно и нѣтъ внѣшнихъ причинъ, у насъ царить совѣтъ и гармонія, а чуть что-нибудь — Наташа не знаетъ никакихъ предѣловъ. Такъ было и съ перемѣной кормилицы; все обошлось легко и удачно, а дорого это стоило ей. Фактъ я переносу легко, когда вижу, что нѣтъ въ немъ грозной важности, но реакцію эту на нее я не могу перенести, и тутъ я дѣлаюсь самъ слабъ до чрезвычайности. Но вотъ новость: я очень мало пью вина и вообще физически старѣюсь, а можетъ, нашла такая полоса. Иногда есть живая, безотложная потребность поговорить, хоть поругаться, съ тобою; есть надежда увидѣться въ Петерб., — быть можетъ, я побываю до лѣта у васъ въ гостяхъ.

Грановскій и Коршъ цвѣтутъ. Грановскаго вѣсь растеть въ университетѣ и въ общественномъ мнѣнii; этого нельзя сказать о Петрѣ Григорьевичѣ ¹⁾, несмотря на то, что онъ завивается.

Съ славянофилами война. Аксаковъ такъ же юнъ и благороденъ и такъ же одностороненъ; онъ объяснялся со мною и съ тѣхъ поръ не бываетъ. Шевыревъ на лекціяхъ ругаетъ европеизмъ. Вотъ и все. Здѣсь Ал. Ал. ²⁾ и завтра ѣдетъ въ Инсаръ; превосходный человекъ, — ты мало зналъ его.

Прощай.

Отъ Огарева былс письмо, — зри посланіе къ Виссаріону.

Что ты сдѣлалъ съ письмомъ къ Зиновьеву? отдай ты ему его и узнай же, сколько я ему долженъ.

¹⁾ Рѣдкинъ.

²⁾ Тучковъ.

409. Письмо къ гр. А. Ѳ. Орлову.

27 января 1845 г.

Ваше Сіятельство, Милостивый Государь, Графъ Алексѣй Ѳеодоровичъ!

Семейныя дѣла мои необходимо требуютъ моего присутствія въ Петербургѣ, я принимаю на себя смѣлость беспокоить Ваше Сіятельство покорнѣйшею просьбою объ исходатайствованіи все-милостивѣйшаго соизволенія Государя Императора на разрѣшеніе мнѣ вѣзда въ Петербургъ.

Я увѣренъ если, Вашему Сіятельству, угодно будетъ дать мнѣ руку помощи въ дѣлѣ чрезвычайно важномъ для моего семейства, успѣхъ моей просьбы несомнѣненъ—и еще болѣе увѣренъ, что Вы не откажете въ этой рукѣ помощи человѣку, отцу семейства съ полной увѣренностью просящему объ ней.

Съ чувствами истиннаго уваженія и беспредѣльной преданности честь имѣю пребыть Милостивый Государь, Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою

Александръ Герценъ—отставной надворный совѣтникъ.

Жительство имѣю Пречистенской части, IV Квартала; въ Старой Конюшенной, въ домѣ Яковлева за № 357. ¹

◆◆ 1. 31 марта Орловъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ указалъ, что «безпрерывно получая хорошіе о надв. сов. Герценѣ отзывы отъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія», осмѣливается «повергнуть на воззрѣніе В. И. Величества просьбу его о дозволеніи ему вѣзда въ Петербургъ, всеподданнѣйше испрашивая на оную Высочайшее разрѣшеніе съ тѣмъ, чтобы и здѣсь учрежденъ былъ за Герценомъ полицейскій надзоръ». 1 апрѣля Николай I рѣшилъ: въ СПб. пріѣхать позволяется, но на ограниченное время. 2 апрѣля Дубельтъ увѣдомилъ объ этомъ Герцена (архивъ III Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи, 1834 г., 1 эксп., дѣло № 239, ч. 10).

410. Письмо первое о „Москвитянинѣ“ 1845 года.

Еще не выходилъ. Chi va piano, va sano.

20 января 1845 г.
Москва. ¹

◆◆ 1. «Письмо» это сопровождалось слѣдующимъ замѣчаніемъ редакціи:

«Одинъ изъ нашихъ московскихъ корреспондентовъ взялъ на себя обязанность доставлять въ «Отеч. Записки» ежемѣсячно свѣдѣнія о новостяхъ московской журналистики, вообще мало извѣстной въ Петербургѣ. Такъ какъ до сихъ поръ въ Москвѣ издается только одинъ литературный журналъ — «Москвитянинъ», то и извѣстія нашего корреспондента должны ограничиться имъ однимъ. Надняхъ получили мы отъ него слѣдующее письмо, которое, для полноты его отчетовъ, считаемъ нужнымъ также напечатать».

411. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

17 февраля 1845.
Москва ¹).

Долею ты, конечно, правъ, саго тіо, въ письмѣ твоемъ; разумѣется, ты въ воображеніяхъ придалъ болѣе еще, чѣмъ на самомъ дѣлѣ; ты имѣешь одну привычку, общую съ лошадыю: въ ея глазахъ все отражается вѣрно, только въ двойной величинѣ. Я полагаю, что надобно гигантскую силу, чтобъ превозмочь естественныя опредѣленія характера; у Нат. Grübeleі есть именно доля фонда всего характера. Въ сущности дѣла я съ тобою совершенно согласенъ, — этотъ слой ея нрава реагируетъ на меня иногда очень грустно. Особенно теперь могло бы всякое Grübeleі исчезнуть (да долею, и въ самомъ дѣлѣ, она и здоровѣе и покойнѣе, нежели когда-либо); внутри домашней жизни у насъ тишина и благословіе. Если-бъ ты видѣлъ, что за прелестная малютка M-selle Herzen! существо живое, веселое à la Sacha и (чудно устроено наше сердце),

¹) Сначала письмо Н. А — ны.

кажется, безъ нея (а три ¹⁾) мѣсяца тому назадъ объ ней и помину не было) семья наша неполна, что она обогатила нашу жизнь элементомъ женственности и пр. Впрочемъ, это эгоизмъ толковать только о своемъ очагѣ.

Бенефисъ Щепкина шелъ хорошо, театръ былъ биткомъ набить. Пьесу публика на первый случай не раскусила; но я былъ во второй разъ опять, ее приняли очень хорошо. Въ 3-хъ первыхъ актахъ Мих. Сем. какъ-то вялъ, въ 4-мъ онъ начинаетъ играть, а въ 5-мъ—великій артистъ.

Гранка ²⁾ и Коршъ процвѣтаютъ; они всѣ хотятъ, и въ самомъ дѣлѣ хотятъ, писать къ тебѣ, но все откладываютъ. Morgen, morgen, nur nicht heute ³⁾. Маленькій у Корша что-то съ виду очень плохъ, такъ что я не думаю, чтобъ онъ былъ проченъ. Зато Федя процвѣтаетъ, какъ самъ ледахторъ.

Славянофилы ненавидятъ меня и гонятъ со свѣту; Аксаковъ прервалъ всѣ сношенія, съ другими я прервалъ. Что-то они сдѣлаютъ за статью объ «Москвит.»? Толпа, слушающая бредъ Шевырева, растетъ со всякимъ разомъ: его встрѣчаютъ съ апплодисментами и провожаютъ. Вотъ вамъ образецъ публики и ея оцѣнки...

Скажи Бѣлинскому, что скоро напишу ему отвѣтъ, и благодарю за письмо ⁴⁾.

Доставилъ ли ты письмо мое Зиновьеву? Я спрашиваю объ этомъ въ сотый разъ ⁵⁾.

Нельзя ли въ «Литер. Приб.» тиснуть, что 16 февр. въ Маломъ театрѣ бросали цвѣты Санковской, что публика все такъ же любить и уважаетъ ея прекрасный талантъ, хотя и не называетъ пери, фея, русалка и пр. Можно начать такъ:

«16 февр. давали 2-й разъ драму Мэссинджера «Новое средство платить старые долги»; прекрасная оцѣнка этой пьесы была въ «Моск. Вѣдомостяхъ»...

не написалось ⁶⁾.

Вотъ славянофилъ-то,—подъ титлами пишетъ.

Напиши подробно проектъ вашъ журнала.

¹⁾ Н. А—на замѣтила, что не три, а два.

²⁾ Грановскій.

³⁾ Завтра, завтра, только не сегодня.

⁴⁾ Дальше приписка Н. А—ны: «Бываетъ ли у тебя Петруша? Я спрашиваю объ этомъ въ десятый разъ».

⁵⁾ Опять приписка Н. А—ны.

⁶⁾ Дальше приписка Саши Герцена.

412. Письмо къ Ю. Ө. Самарину.

27 февраля 1845.
Москва.

Итакъ, наконецъ, отъ васъ письмо, и при томъ большое, любезнѣйшій Юрій Өеодоровичъ,—благодарю васъ, но не скрою, что впечатлѣніе всего письма было грустное, очень грустное.

Encore une étoile qui file et disparaît! ¹⁾

Прощайте. Идите инымъ путемъ,—мы не встрѣтимся, какъ попутчики,—это вѣрно. Возражать вамъ я не стану, потому что это лишнее: одинъ Хомяковъ спорить для спору; для него жизненнѣйшіе вопросы—только предметы для разговора; для меня не такъ. Замѣчу одно: на чемъ вы основываете, отталкивая отъ себя отрицаніе, что въ немъ нѣтъ любви? Любовь съ обѣихъ сторонъ (я исключаю закраины эгоистическія и скверныя съ той и другой стороны). Да, любовь сильная, плачущая, жертвующая. Мнѣ жаль и больно, что именно вы пишете такъ; въ васъ я видѣлъ организацію, далеко сильнѣйшую, нежели во всѣхъ славяноф., исключая, можетъ, Петра Вас. ²⁾ (я возвращусь еще къ нему); отдаленіе такого человѣка, какъ вы, больно, потому что нельзя мимо васъ пройти. Вотъ вамъ мой комплиментъ. Вы вызываете меня на борьбу. Это-то и дурно, что вы хотите бороться съ другимъ мнѣніемъ, а не съ *друшмъ* фактомъ. Мнѣнія, прямо противоположныя фформальнымъ выраженіямъ, могутъ быть сняты высшимъ единствомъ нравственности и любви, тождествомъ цѣли—стремленіемъ къ благу. Итакъ, не ждите отъ меня возраженій; что я могу вамъ сказать? повторить коротко все то, что высказано и поэтами, и мыслителями, и историками нашего времени, поднять вопросъ о чиноположеніи и чиновности, о преданіи и надеждѣ, о правахъ прошедшаго и будущаго? Вы все это знаете, вы обо всемъ этомъ думали, читали; ну, что же я прибавлю? Обращаясь къ личной сторонѣ вопроса, я скажу только, что вся эта противоположность не даетъ права намъ на неуваженіе другъ друга. Дайте вашу руку,—мы можемъ узнать общечеловѣческое и хорошее другъ въ другѣ, а потому не отвернемся другъ отъ друга. Мы не видимся болѣе съ Аксаковымъ, но я съ теплой любовью вспоминаю объ немъ, хотя не могу

¹⁾ См. стр. 447.

²⁾ Кирѣевскій.

не сказать, что его односторонность, вѣчное повтореніе одного и того же свидѣтельствуесть о недостаткѣ объема его мысли. Теперь позвольте (основываясь на томъ же правѣ искренней рѣчи, о которомъ вы пишете) вамъ сказать нѣсколько словъ о славянской партіи. Съ каждымъ днемъ грузнетъ она въ жалкую, ненавидящую и готовую преслѣдовать односторонность. Наконецъ, ея дѣйствія увидѣла публика, и общественный голосъ осудилъ ее. Я говорю о диссертациі Гранов. Рядъ гнусныхъ продѣлокъ предшествовалъ диспуту; наконецъ, на диспутѣ явился Бодянской—дерзко, неделикатно, съ оскорбленіями и колкостями; его проводили шиканьемъ, а равно и Шевырева (который низокъ, какъ Давыдовъ; онъ это доказалъ); Грановскаго проводили страшными «браво». Теперь благородный Шевыревъ рассказываетъ, что все это было подготовлено. Всѣ славяне (исключая Петра Вас. и Акс.) наперерывъ стараются очернить студентовъ, представить это дѣло уголовнымъ; Шевыр. жаловался на это Строганову у Васильчиковыхъ на балу. Судите сами!

Диссертациа Гр., стихи Языкова—плодъ онанизма и вліянія Хомякова—заставляютъ меня окончательно пожертвовать всѣми личными сношеніями. Жаль мнѣ Ивана Вас., но *tu l'as voulu, G. Dandin* ¹⁾,—у него по средамъ теперь и Глинка ²⁾, и М. Дмитриевъ. Раздраженное самолюбіе, сознание своего безсилія, шиканье,—все это вмѣстѣ окончательно сорвало личину съ хваленой славянской любви. *Никогда никто изъ насъ не прибѣгалъ къ такимъ средствамъ и не говорилъ такихъ вещей, какія я слышалъ въ послѣднее время.* Я потому пишу вамъ объ этомъ, что вашъ братецъ ³⁾ сказалъ мнѣ, что оказія вѣрная; хочу пользоваться ею, чтобъ предупредить слухи, которые могутъ дойти. Петръ Вас. далеко благороднѣе; это—трагическое лицо; онъ сочеталъ неразрывно жизнь свою съ былымъ, онъ видитъ все, о чемъ я писалъ вамъ, и это бывшее, возрожденное въ немъ, бичуется не только обстоятельствами, но даже людьми, дѣлящими его воззрѣніе. А еслибъ вы видѣли благородную кротость, самоотверженіе (да, въ этомъ высокое самоотверженіе: публично умѣть съ кротостью принять наглуго дерзость, кабацкій тонъ) Грановскаго, вы согласились бы, что любовь совмѣстима и не съ вашимъ воззрѣніемъ.

Можетъ, они интригами и вздуютъ изъ этого дѣло; можетъ, Гр. долженъ будетъ оставить университетъ. Я не завидую имъ въ этой побѣдѣ! Благородно держитъ себя семейство Дм. Ник. ⁴⁾ въ

¹⁾ «Ты этого хотѣлъ, Жоржъ Дандэнъ!» (Мольеръ).

²⁾ Федоръ Николаевичъ.

³⁾ Дмитрій Федоровичъ.

⁴⁾ Свербеевъ.

этихъ передрягахъ. Кат. Ал. ¹⁾ перестала ѣздить къ поэту-денонсиатору ²⁾. Почтенный Вигель ѣздитъ вездѣ и читаетъ до сихъ поръ блестящіе стихи. У «Москвитянина» 400 съ чѣмъ-то подписчиковъ. Вотъ вамъ все, что дѣлается въ Москвѣ, да при томъ, честное слово, что я не старался представлять хуже, чернѣе.

Прощайте; вы меня очень одолжите, доставивши приложенную записку Кетчеру, если вы знаете, гдѣ онъ живетъ, или его брату — въ медицинскій д-тъ. Но только позвольте васъ просить сдѣлать это лично или черезъ вѣрнаго человѣка, буде же затруднить васъ эта просьба — сожгите ее.

Весь вашъ А. Г.

Р. С. Письмо къ Кетчеру посылаю особо именно съ... ³⁾. Прощайте.

44 годъ ниже 45, хотя и веселѣе былъ.

413. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

3 марта 1845.

Письмо твое съ Селивановымъ ⁴⁾ получилъ. Ты меня бранишь за молчаніе, а между тѣмъ ты отъ меня получаешь съ блестящей аккуратностью отвѣты. Я писалъ еще на-дняхъ по почтѣ; видно, ты не получилъ моего письма.

Твои нападки странны. Къ кому относятся обвиненія? Кто въ этомъ преизбыткѣ? ⁵⁾ Одинъ Огаревъ. Я—in spe. Слушай, вотъ нами предполагаемая средства для журнала:

Ог. не 3, а 5,000 (вѣроятно, онъ и дастъ ихъ);	
Я	1,500
Гр.	1,000
Рѣдкинъ	1,000
Крюковъ	1,000 (объ этихъ и говорить нечего: онъ, кажется, на-дняхъ кончитъ свои страданія).
	<hr/> 9,500

¹⁾ Жена Свербеева, урожд. кн. Щербатова.

²⁾ Dénonciateur — доносчикъ, Н. М. Языковъ.

³⁾ Слово зачеркнуто.

⁴⁾ Илья Васильевичъ.

⁵⁾ Т. е. у кого хорошія средства.

Да посильно хотѣлъ участвовать Головачевъ, да еще 700 Галахова, и еще человекѣ два; итакъ, 10,000. На изданіе журнала, по нашему счету, было необходимо въ годъ 25,000; въ Петерб. этого мало, надобно отъ 30 до 35/т. Далѣе, мы предполагали не покупать журнала: здѣсь новая трата и значительная. Конечъ съ концомъ, на это предпріятіе нужно имѣть 25/т. сейчасъ да 25/т. на всякій случай. Гдѣ онѣ? Мнѣ бы очень хотѣлось, еслибъ можно было, имѣть, напр., «Библ. для Чтенія», потому что она имѣетъ еще ходъ и репутацію, ну, а съ какимъ-нибудь «Сыномъ От.» что вы сдѣлаете?—На первый случай скажите: что за дѣло—Кр. бѣлъ или сѣръ? онѣ — средство печататься; его журналъ получилъ вѣсь, въ ходу, имѣетъ протекцію и все. Виссаріонъ имѣетъ прекрасный талантъ, но что же онѣ за редакторъ? я одного редактора и знаю—это Коршъ (или ты самъ), съ его многосторонностію, ловкостью, полиглотностію и, наконецъ, умѣренностію и Selbstbeherrschung¹⁾. Потомъ—откуда матеріалы? Я буду работать и это говорю не шутя, другіе всѣ заняты; Грановскій имѣетъ очень мало времени, Коршъ въ бѣличьемъ колесѣ и въ перемежающейся лихорадкѣ «Московскихъ Вѣдом.».

Упрекъ твой насчетъ денегъ не обиденъ мнѣ, а досаденъ. Ты знаешь мою жизнь отъ доски до доски; что, я бросаю деньги? Иногда бутылка шампанскаго да книги. Что, развѣ я изъ удовольствія или изъ любви къ сквернымъ квартирамъ живу въ этой лагунѣ? Я занялъ у Тучкова огар. денегъ 5000; изъ нихъ 1000 у Корша, около 1000 у Гр. и другихъ; да, вѣдь, занималъ же для чего-нибудь, а именно—у меня должны быть налицо для портрета Гр. 1200 р. и для Петруши²⁾ 500. Сверхъ этихъ денегъ я имѣю въ годъ 8000 отъ Дм. Павл.³⁾ и 1000 изъ Восп. дома. Вотъ тебѣ полный кадастръ и балансъ моего состоянія; но если пойдетъ дѣло, я, пожалуй, займу денегъ, лишь бы онѣ не лопнули,—обдумай хорошенько. Сенковскій, я полагаю, продастъ «Библ. для Чт.», но заломить цѣну страшную. Наконецъ, не продастъ ли Кр. «От. Зап.»? напимѣръ, предложить ему не разомъ выплатить сумму, а въ сроки, въ 5 лѣтъ ex. gratia⁴⁾. Смѣшное дѣло, что я состою въ подозрѣніи богатства, а денегъ не имѣю... Да знаешь ли, что и будущее не то, чтобъ безъ дурныхъ шансовъ. Деръ Геръ⁵⁾ въ

1) Самообладаніе.

2) П. А. Захарьинъ.

3) Голохвастовъ.

4) Напимѣръ.

5) Отецъ.

ссорѣ и очень серьезной съ Дм. Павл., а онъ одинъ—homme comme il faut изъ всего антуража. Ну, вотъ тебѣ мой отвѣтъ. Завтра увижусь съ Гр. и Корш. и заставлю ихъ вотировать.

Обвиненіе въ занятіяхъ естественными науками нелѣпо, Signore! Занимаюсь я физиологіей, or donc въ наше время нѣтъ философіи безъ физиологіи; съ тѣхъ поръ, какъ пропало Jenseits, надобно базу diesseits. Да ты скажешь, что и философію къ чорту, а я скажу: 1-е, что только на этомъ полѣ и можно писать у насъ; 2-е, что только эти статьи мнѣ и удаются; 3-е, что я имѣю теперь доказательства, что мои прошлыя статьи прошли не безслѣдно. Насъ къ естественнымъ наукамъ привела логика; да, впрочемъ, это вовсе не значить, что я оставилъ всѣ humaniora и inhumanissima ¹⁾, — я читаю, пишу (и, признаюсь, недоволенъ собою смертельно, но объ этомъ послѣ потолкуемъ). А въ доказательство, что я читаю и кромѣ анатоміи Бока ²⁾, и кромѣ физиологіи Бурдаха ³⁾, сообщу тебѣ во вниманіе книгу «De la création de l'ordre dans l'humanité» р. Proudhon Его брошюра «De la propriété» ⁴⁾ — вещь великая; но въ этой книгѣ полная теорія: его наука, методъ etc.; какъ у всѣхъ французовъ, часто фразистые сюперфлю ⁵⁾, зато ужъ не лишнее—объяденье. Достань-ка да и засядьте съ Виссаріономъ поштудировать. Да если не читали и «de la propriété», почитайте.

Я писалъ къ Виссаріону всѣ подробности о превосходномъ торжествѣ Грановскаго при защитѣ диссертациі и пораженіи славяноф. свистками, т. е. шиканьемъ. Не хочется повторять: прочти въ его письмѣ, да лучше письма расскажетъ тебѣ Калайдовичъ ⁶⁾, который самолично все это видѣлъ. Онъ, вообще, можетъ рассказать, какъ здѣсь идетъ наша война съ славяноблудниками. Ну, что, распотенный мой: славянофилъ я или нѣтъ? имя мое приводитъ ихъ въ бѣшенство. На днѣ всѣхъ ихъ мерзостей — прекрасный Хомяковъ; Ив. Кирѣевскій слабъ характеромъ, Аксаковъ все такъ же благороденъ, но одностороннѣе тебя: у него умъ косою да второй глазъ кривъ. Петръ Васильевичъ, при всемъ фанатизмѣ своемъ, лучшій изъ всѣхъ нихъ и mirate ⁷⁾ — съ нимъ однимъ и больше

1) Гуманитарныя и самыя негуманныя.

2) Карлъ-Эрнестъ, извѣстный анатомъ.

3) Карлъ-Фридрихъ, извѣстный физиологъ.

4) Это сочиненіе носитъ заглавіе: «Qu'est ce que la propriété?»—«Что такое собственность?»

5) Le superflu—излишество.

6) Иванъ Ѳедоровичъ.

7) Смотрите!

ни съ кѣмъ я остался въ хорошихъ отношеніяхъ. Гр. дис. замяла ихъ въ грязь: что послѣ было, возмутило всѣхъ порядочныхъ людей.

Отъ Ог. длинное и прекрасное письмо ¹⁾).

414. Приписка къ Н. Х. Кетчеру.

2 марта 1845.
Москва.

Вырвалъ на семь мѣстѣ у Наташи бумагу, чтобъ сказать тебѣ, что наступаетъ 3 марта сію минуту; помнишь 3 марта 1838 года? Мой первый приѣздъ и первое свиданіе съ Н.? Господи, сколько блаженства выпито съ тѣхъ поръ, даже страшно становится. А тогда, тогда... Тамъ, на Поварской, я ждалъ тебя у фонарнаго столба... Madame, продолжайте ²⁾).

Послѣ огромнаго шиканья Шевыреву и Бодянскому славяноф. пустились противъ Гр. и отчасти меня въ крестовый походъ, да какъ грязно и подло. Они, кажется, не очень разборчивы на средства—іезуитизмъ *consommé* ³⁾),—всему поучаетъ Хомяковъ; я готовъ бороться и даже быть побѣжденному, но назадъ не пойду. Гр. пошлетъ съ удивительнымъ благородствомъ.

(4 марта).

Крюковъ скончался ⁴⁾). Опять похороны... Грустно какъ-то и шемить душу; я боюсь 45 года. Графъ Строгановъ (который во всей исторіи диссер. поступалъ самымъ благороднѣйшимъ образомъ) прислалъ 1000 руб. на похороны. Мих. Сем. распоряжается и всѣ мы.

Прощай.

Я видѣлся съ нимъ за день до смерти; онъ былъ въ памяти.

¹⁾ Напечатано въ VI кн. «Рус. Мысли» 1891 г., стр. 26—36.

²⁾ Слѣдуетъ продолженіе прерваннаго письма Н. А.—ны.

³⁾ Совершенный.

⁴⁾ 4 марта.

415. „Москвитянинъ“ и вселенная.

Въ то время, какъ солнечная система, ничего не предчувствуя, спокойно продолжала свои однообразныя занятія, а народы Запада, увлеченные со временъ Талеса въ пути не хорошіе, еще менѣе что-либо подозрѣвая, продолжали свои разнообразныя дѣла, совершилось въ тиши событіе рѣшительное: редакція «Москвитянина» сообщила публикѣ, что на слѣдующій годъ она будетъ выписывать иностранныя журналы, пріобрѣтатъ *важнѣйшія* книги, что у ней будутъ новые сотрудники, которые не токмо будутъ участвовать, но и примутъ «мѣры»¹⁾... Изъ этого можно было бы подуматъ, что до реформы журналы не выписывались, книги пріобрѣтались неважныя, и мѣры брались не сотрудниками, а подписчиками... Спустя нѣсколько времени редакція успокоила умы на счетъ своего направленія, удостовѣряя, что оно останется то же, которое пріобрѣло ея журналу такое значительное количество почитателей... Впрочемъ, арифметическая сумма читателей никогда не занимала «Москвитянина»; цѣль его была совсѣмъ не та, онъ имѣлъ высшую, вселенскую цѣль: онъ собою заложилъ магазинъ обновительныхъ мыслей и оживительныхъ идей для будущихъ поколѣній Европы, Азіи, Америки и Австраліи; онъ приготовилъ въ тиши якорь спасенія погибающему Западу. Гибнущая Европа, нося въ груди своей черныя пророчества А. С. Хомякова, утопая въ безстыдствѣ знанія, въ личномъ себялюбіи, заставляющемъ европейцевъ жертвовать собою наукѣ, идеямъ, челоѣчеству, ищетъ помощи, совѣта... И нѣтъ его внутри ея нѣмецкаго сердца: въ немъ одни слова—автономія, соціальные интересы—и слова, какъ видите, все иностранныя. Но придетъ время, кто-нибудь укажетъ на дальнемъ финскомъ берегу лучезарный «Маякъ»... Тогда народы всего земного шара побѣгутъ къ «Маяку», и онъ имъ скажетъ: «Идите на Тверскую, въ домъ Попова, противъ дома военнаго генераль-губернатора; тамъ готово для васъ исцѣленіе, тамъ лежатъ дѣвственные непочатые запасы въ конторѣ «Москвитянина»,—и народы придутъ на Тверскую и увидятъ, что противъ дома военнаго генераль-губернатора никакой конторы нѣтъ, а что она съ боку, подпишутся на «Москвитянина», узнаютъ много, оживутъ и потолстѣютъ.

¹⁾ Погодинъ фактически передалъ тогда «Москвитянинъ» И. В. Кирѣевскому, привлечшему къ нему частью новыхъ сотрудниковъ изъ славянофиловъ.

Когда я получилъ новую книжку «Москвитянина» ¹⁾ и уви- дѣлъ другую обертку съ изящнымъ видомъ Кремля, понялъ я, что редакція не шута говорила о перемѣнѣ... И—какъ слабъ человѣкъ!— мнѣ смерть стало жаль стараго «Москвитянина». Что будетъ въ новомъ, думалось мнѣ, кто знаетъ? Сотрудники не токмо будутъ участвовать, но и возьмутъ мѣры... А, бывало, ждешь съ нетерпѣ- ніемъ какъ-нибудь въ февралѣ декабрьской книжки, и знаешь на- передь: будетъ чѣмъ душу отвести; вѣрно, будетъ отрывокъ изъ «путевого дневника» г. Погодина... энергическія фразы, изрубленные въ куски: читаешь—и кажется, будто самъ ѣдешь осенью по фа- шиннику. Дѣтски-милое, наивное воззрѣніе г. Погодина на Европу казалось намъ иногда страннымъ, но, не надобно забывать, онъ, какъ кажется, имѣлъ въ виду дикія племена Африки и Австраліи: для нихъ нельзя писать другимъ языкомъ. Ну, вотъ, напримѣръ, шлегелевски-глубокомысленныя, основанныя на глубокомъ изученіи Данта, критики г. Шевырева не имѣли въ тѣхъ странахъ далеко такого успѣха, въ нихъ и Западу доставалось... а все не то! Бы- вало, королева Помара (какъ ее называетъ «Сѣверная Пчела» ²⁾) какъ получить вселенскую книжку, только и спрашиваетъ: «Есть ли дневникъ?»—Есть! Она, моя голубушка, такъ и катается по полу (въ Отаити это значитъ восторгъ) и посылаетъ къ Причарду ³⁾ за коньякомъ—выпить за здоровье редакціи. Оно, кажется, бездѣлица, а, вѣдь, это главная причина раздора между Причардомъ и капи- таномъ Брюа ⁴⁾. Брюа—морякъ и думалъ, что еще болѣе вселен- скій журналъ «Маякъ», а Причардъ наклоненъ къ пузеизму,—сло- вомъ, симпатизируетъ во многомъ съ «Москвитяниномъ»... Впро- чемъ, все это было въ газетахъ, и Гизо насчетъ этого успокоилъ Пиля: Помаре согласилась кататься по полу и отъ «Маяка». Въ сторону политику—Богъ съ ней! Обратимся къ «Москвитянину». Всѣ ли прежніе сотрудники останутся?—продолжалъ я думать, глядя на обертку съ изящнымъ видомъ Кремля. Останется ли г. Лихо- нинъ, переводившій Шиллерова «Дона-Карлоса», кажется, прямо съ испанскаго, и переводившій прекрасные стихи графини Сарры Тол- стой на вовсе не существующій языкъ,—по крайней мѣрѣ, въ зем-

1) Январскую 1845 г.,—первую, редактированную И. В. Кирѣевскимъ.

2) Вмѣсто Помаре ⁰⁾.—А. И. Г.

3) Уполномоченный Англии на архипелагѣ, бывший за одно съ коро- левой.

4) Франц. морской офицеръ, сумѣвшій подчинить архипелагъ Франціи.

⁰⁾ Королева архипелага Таити, въ то время ведшая войну съ францу- зами за независимость архипелага.

ной юдоли? Останется ли главный сотрудникъ, духъ праведнаго негодованія противъ европейской цивилизаціи и индустріи? ¹⁾ А, вѣдь, одному «Маяку» не справиться со всѣмъ этимъ. «Москвитянинъ-рѣге», что ни говорите, журналъ былъ хорошей: если-бъ былъ кто-нибудь, кто его читалъ не въ Отаити, а на Руси, тотъ согласился бы съ нами. Чья вина? Кто жъ не велитъ читать? Издатель «Маяка» математически доказалъ въ своемъ несравненномъ отчетѣ за пятилѣтнее управленіе современнымъ просвѣщеніемъ: во-первыхъ, что со всякимъ годомъ у него подписчиковъ меньше и меньше, такъ что за 1844 годъ языкъ не повернулся признаться въ цифрѣ; во-вторыхъ, что это очень стыдно читателямъ, а не журналу. Еще разъ, жаль прежняго «Москвитянина». Господа! помните, какъ онъ вдохновенно объявилъ, что мы спимъ, а онъ не спитъ за насъ (иные думали, что мы именно потому и спимъ, что онъ не спитъ!)? Разумѣется, въ этомъ сторожевомъ положеніи иногда говорилъ онъ что попало, чтобъ разогнать дремоту,—человѣкъ слабъ есть! Теперь его чередъ: пожелаемъ ему доброй ночи: пусть онъ спитъ легкимъ сномъ:—его не потревожатъ частыя воспоминанія. Воздавъ должную честь покойному «Москвитянину-рѣге», обратимся къ ново-рожденному «Москвитянину-fils» (живой о живомъ и думаетъ) ²⁾.

Свѣтская часть начинается стихами: тутъ вы встрѣчаете имена Жуковского, М. Дмитріева, Языкова ³⁾ (какое-то предчувствіе говорить намъ, что въ слѣдующей книжкѣ будутъ стихи Ф. Глинки и г. А. Хомякова) ⁴⁾. Разсказъ г. Языкова о капитанѣ Сурминѣ ⁵⁾—трогательнъ и наставителенъ; кажется, успокоившаяся отъ суетъ муза г. Языкова рѣшительно посвящаетъ нѣкогда забубенное перо свое поэзіи исправительной и обличительной. Это—истинная цѣль искусства: пора поэзіи сдѣлаться трибуналомъ de la poésie correctionnelle ⁶⁾. Мы имѣли случай читать еще поэтическія произведенія

¹⁾ Съ чувствомъ увидѣли мы потомъ въ оглавленіи именно двухъ прежнихъ сподвижниковъ «Москвитянина»: поэта М. Дмитріева и философа Стурдзу ⁰⁾.—А. И. Г.

²⁾ Мы считаемъ обязанностью отдѣлится отъ прочихъ частей «Москвитянина» теологическую его часть,—она не входитъ въ обзоръ нашъ.—А. И. Г.

³⁾ Николай Михайловичъ.

⁴⁾ Въ указаніи на «свѣтскую часть» есть ядовитость: журналъ открылся отдѣломъ «Духовное краснорѣчіе», въ которомъ было помѣщено «Слово» митрополита Филарета, сказанное на освященіи храма въ каедр. Чудовъ монастырѣ.

⁵⁾ «Сержантъ Сурминъ».

⁶⁾ «Исправительной поэзіи»—во Франціи былъ судъ «исправительной полиціи», вѣдавшій проступки.

⁰⁾ Александръ Скарлатовичъ.

того-же исправительнаго направленія, ждемъ ихъ въ печати, это — громъ и молнія: озлобленный поэтъ не остается въ абстракціяхъ, онъ указываетъ негодующимъ перстомъ *лица* (при полномъ изданіи можно приложить адреса). Исправлять нравы! Что можетъ быть выше этой цѣли? Развѣ не ее имѣлъ въ виду самоотверженный Коцебу и авторъ «Выжигиныхъ» ¹⁾ и другихъ нравственно-сатирическихъ романовъ?

Замѣчательнѣйшія статьи принадлежатъ гг. Погодину и Кирѣевскому. Статья г. Погодина — «Параллель русской исторіи съ исторіей западныхъ государствъ» написана ясно, рѣзко и довольно вѣрно, даже въ ней было бы много новаго, если-бъ она была напечатана лѣтъ двадцать пять назадъ. Все же она не лишена большого интереса. Если бы г. Погодинъ чаще писалъ такія статьи, его литературные труды цѣнились бы больше. Главная мысль г. Погодина состоитъ въ томъ, что основанія государственнаго быта въ Европѣ съ самаго начала были иныя, нежели у насъ; исторія развила эти различія; онъ показываетъ, въ чемъ они состоятъ, и ведетъ къ тому результату, что Западу (т. е. одностороннему европеизму) на Востокѣ (т. е. въ славянскомъ мірѣ) не бывать. Но въ томъ-то и дѣло, что и на Западѣ этой односторонности больше не бывать: самъ г. Погодинъ очень вѣрно изложилъ, какъ новая жизнь побѣждала въ Европѣ феодальную форму, и даже заглянулъ въ будущее. Если-бъ авторъ не затемнилъ своей статьи поясняющими сравненіями, — большею частію математическими, — своими ¹⁰/₁₀ и 0,00001 ²⁾, примѣромъ о шарахъ, свидѣтельствующимъ какое-то оригинальное понятіе о механикѣ, о линіи и о бильярдной игрѣ вообще, — то она была бы очень недурна. Несмотря на славянизмъ, истина пробивается у г. Погодина сквозь личныя мнѣнія, и сторона, которую ему хочется поднять, не то, чтобъ въ авантажѣ была... Это, надобно согласиться, дѣлаетъ большую честь автору: «шелъ въ комнату — попалъ въ другую», но попалъ, увлекаемый истиною. Честь тому, кто можетъ быть ею увлеченъ за предѣлы личныхъ предразсудковъ!

Другая статья принадлежитъ г. Кирѣевскому: «Обозрѣніе современнаго состоянія словесности». Даровитость автора никому не нова. Мы узнали бы его статью безъ подписи по благородной рѣчи, по поэтическому складу ея; конечно, во всемъ «Москвитянинѣ» не было подобной статьи. Согласиться съ ней, однакожь, невозможно:

¹⁾ Ф. В. Булгаринъ.

²⁾ Погодинъ говорилъ: «Западное государство можно выразить такою дробью ¹⁰/₁₀, а наше десятичною» (стр. 8).

ея результатъ почти противоположенъ выводу г. Погодина. Г. Погодинъ доказываетъ, что два государства, развивающіяся на разныхъ началахъ, не привьютъ другъ къ другу основаній своей жизни: г. Кирѣевскій стремится доказать, напротивъ, что славянскій міръ можетъ обновить Европу своими началами. Послѣ живого, энергическаго разсказа современнаго состоянія умовъ въ Европѣ, послѣ картины, набросанной смѣлой кистью таланта, мѣстами страшно вѣрной, мѣстами слишкомъ отражающей личныя мнѣнія, — выводъ бѣдный, странный и ни откуда не слѣдующій! Европа поняла, что она далѣе итти не можетъ, сохраняя германо-романскій бытъ; слѣдовательно, она не имѣетъ другого выхода, какъ принятіе въ себя основъ жизни славяно-русской. Это въ самомъ дѣлѣ такъ по исторической ариѳметикѣ г. Погодина, что $\frac{10}{10}$ не помѣстятся въ 0,000001, а 0,000001 въ $\frac{10}{10}$, въ случаѣ нужды, всегда помѣстится. Надобно быть слѣпымъ, чтобъ не понимать великаго значенія славянскаго міра и не столько его, какъ Россіи. Но отчего же Европа должна посылать къ намъ за какими-то неизвѣстными основаніями нашего быта такъ, какъ мы нѣкогда посылали къ ней за варяжскими князьями? Петръ I, обращаясь къ Европѣ, зналъ, видѣлъ, за чѣмъ обращается; но съ чего же Европа, оживившая насъ своею богатой, полной жизнью, пойдетъ къ намъ искать для себя построющую идею, и какая это идея, принадлежащая намъ національно и съ тѣмъ вмѣстѣ всеобще-человѣческая? Г. Кирѣевскій говоритъ, что теперь вопросъ объ отношеніи Европы къ славянскому міру обратилъ на себя вниманіе Запада. Да гдѣ же все это? Правда, что нѣсколько брошюръ появилось въ Австріи и индѣ, но онѣ такъ же мало занимаютъ Европу, какъ піѳтистическіе контроверсы протестантскихъ теологовъ, о которыхъ съ подробностью говоритъ авторъ. Самое сильное вліяніе славянскаго міра на Европу состоитъ въ распространеніи польки; танцуютъ-то они по-славянски, да ходятъ-то по-европейски. Такого патріотизма я не понимаю, и особенно въ томъ человѣкѣ, который за нѣсколько страницъ высказалъ эту превосходную мысль: «Общее стремленіе умовъ къ событіямъ дѣйствительности, къ интересамъ дня имѣетъ источникомъ своимъ не однѣ личныя выгоды или корыстныя цѣли, какъ думаютъ нѣкоторые. По большей части это—просто интересъ сочувствія. Умъ разбуженъ и направленъ въ эту сторону. Мысль человѣка срослась съ мыслью о человечествѣ, *это—стремленіе любви, а не выгоды*», и проч. Какое глубокое пониманье! Вотъ когда бы истые славяне умѣли подобнымъ образомъ понимать явленія, тогда хульныя слова на Европу не такъ легко произносились бы ими! Славянизмъ—мода, которая скоро надобѣтъ; перенесенный изъ Европы и переложенный на наши

нравы, онъ не имѣетъ въ себѣ ничего національнаго; это явленіе отвлеченное, книжное, литературное; оно такъ же изсякнетъ, какъ отвлеченныя школы націоналистовъ въ Германіи, разбудившія славянизмъ.

Скажу вкратцѣ о содержаніи остальной части журнала. Цѣлый отдѣлъ посвященъ апологическимъ разборамъ публичныхъ чтеній г. Шевырева ¹⁾ въ видѣ писемъ къ иногороднимъ, къ г. Шевыреву, къ самому себѣ, подписанныхъ фамиліями, буквами, цифрами; иныя изъ нихъ напечатаны въ первый разъ, другія (именно, лирическое письмо, подписанное цифрами ²⁾) мы уже имѣли удовольствіе читать въ «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 2, января 13). Вообще во всѣхъ статьяхъ доказывается, что чтенія г. Шевырева имѣютъ космическое значеніе, что это—зубъ мудрости, прорѣзавшійся въ челюстяхъ нашего историческаго самопознанія. За этимъ отдѣломъ все идетъ по порядку, какъ можно было ждать а priori: статья о «Словѣ о полку Игоревѣ», догадка о происхожденіи Кіева, путешествіе по Черногоріи и тому подобныя, живыя, современные интересы; статья о сельскомъ хозяйствѣ, можетъ быть, и хороша, но что-то очень длинна для чтенія; изъ западныхъ пришельцевъ, составляющихъ Нѣмецкую слободу «Москвитянина», статья о Стефенсѣ ³⁾ (онъ родился ужъ очень въ холодной полосѣ и потому роднѣе намъ) и интересная «Хроника русскаго въ Парижѣ». Историческая новость о томъ, какъ пытали и сожгли какую-то колдунью въ Германіи въ 1670 году (ужъ этотъ инквизиціонный, аутодафежный Западъ!), точно будто взята изъ Кошихина или Желябужскаго.

Не ограничиваясь настоящимъ, «Москвитянинъ» пророчитъ намъ двѣ новости, изъ нихъ одна очень утѣшительна. Первая состоитъ въ томъ, что профессоръ Гейманъ *скоро* издастъ химію, а вторая—что пасторъ Зедергольмъ очень *долго* не издастъ второй части своей «Исторіи философіи».

Кажется, довольно. Журналъ будетъ выходить около 20 чиселъ мѣсяца. Я ищу теперь въ археографическихъ актахъ ключа къ этому и такъ занятъ, что кладу перо.

¹⁾ Послѣ курса Грановскаго онъ читалъ курсъ исторіи русской словесности, преимущественно древней.

²⁾ Статья В. А. Панова, подпись «З. 16».

³⁾ Генрихъ, нѣмецкій философъ.

416. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

30 марта 1845.
Москва.

Здравствуйте, благородный Христофоровичъ; опоздавши на дняхъ приписать въ письмѣ Гр., я пишу нѣсколько строкъ особо. Все это время наружно ничего не совершилось, а внутренно я и хандрить, и расхандриваюсь, и главною долею души дряхлѣю. Кли-мать, сударь, такой, — вывѣтриваетъ известковыя души, а откуда взять адамантовыя...

Тимочка ¹⁾ (какъ называетъ его Ел. Богд.) тебѣ писалъ, что Иванъ Алексѣевичъ ²⁾ очень боленъ. Представь себѣ, что у него была воспалительная лихорадка, и онъ, хотя слабъ до чрезвычайности, но, однако, вынесъ ее, и притомъ болѣзнь усложнилась присутствіемъ Левенталя ³⁾. Надежды на выздоровленіе мало: 77 лѣтъ и разрушенный организмъ. Психически онъ сталъ тише, но ни на волосъ не перемѣнился, — такъ же острить, тѣ же требованія и пр. Я такъ былъ занятъ все это время, что не имѣлъ времени съѣздить съ Мих. Сем. посмотрѣть дачу; думаю, однако, еще зимнимъ путемъ съѣздить.

Елизавета Богдановна послала очень нужное письмо о какомъ-то денежномъ дѣлѣ съ Кудрявцевымъ ⁴⁾, просила его лично вручить, а въ случаѣ, если не застанетъ, попросить тебѣ отдать... забылъ фамилію; теперь, зная его разсѣянность, она думаетъ, что онъ укатитъ въ Берлинъ, не исполнивши ея просьбы; возьми у него письмо и доставь и напиши ей ⁵⁾.

т. е. когда отдашь Зиновьеву письмо или сообщишь что-нибудь о немъ.

На дачу я полагаю *omni casu* ѣхать можно; для дѣтей это — дѣло существенное.

¹⁾ Грановскій.

²⁾ Яковлевъ.

³⁾ Густавъ Осиповичъ, врачъ.

⁴⁾ Петръ Николаевичъ, проф. исторіи моск. университета.

⁵⁾ Дальше приписка Н. А. — ны, кончающаяся словами: «передай Петрушѣ записку, да, пожалуйста, ужъ не по возвращеніи изъ Москвы, а прежде отъѣзда».

Что это какъ изуродована статья Водянскаго въ «От. Зап.»? ¹⁾
Теперь они готовятъ громъ и молонье на Корша и меня; я хотѣлъ бы отвѣчать, но если Кр. опять такъ урѣжетъ, выйдетъ глупо.

Ждемъ вѣстей.

Бібліографическій коментарій.

(Сокращенія: Наталія Александровна Захарьина, потомъ Герценъ = Н. А—на; «Собраніе сочиненій А. И. Герцена», СПб., 1906 г. = Спб. изд.; «Сочиненія А. И. Герцена», Женева, 1875—1879 гг. = Жен. изд.; Румянцовскій музей въ Москвѣ = Рум. муз.; архивъ семьи Герцена = АСГ.; «Колоколъ» = «Кол.»; «Полярная Звѣзда» = «П. З.»).

№ 338. Напечатано неполно въ VI кн. «Рус. Мысли» 1889 г., стр. 17; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой. Приписка къ письму жены.

339. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинимъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

340. Напечатано во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 280. Подлинникъ не найденъ.

341. Напечатано неисправно въ «Отчетъ И. Публичной Библіотеки за 1890 г.»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ той же библіотекѣ.

342. Напечатано въ XII кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 765 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 156. Подлинникъ не найденъ.

343. Напечатано въ № 2 «Колокола» 1857 г., въ III т. Жен. изд. и неисправно и съ купюрами въ IV т. Спб. изд. Писано въ 1842 г. и, какъ видно изъ указанія самого Герцена на несвободу выбора мѣстожителства, до переѣзда въ Москву и при томъ настолько до, что успѣхъ распространенной въ рукописяхъ статьи побудилъ еще въ Новгородѣ написать и № 346. Коротенькое предисловіе написано въ 1857 г., при печатаніи сочиненія въ «Колоколѣ». Подлинникъ не найденъ. Текстъ данъ по «Колоколу».

344. Напечатано въ I т. Жен. изд. и въ VI т. Спб. изд.; свѣрено съ подлинникомъ, полученнымъ мною отъ Г. Н. Вырубова и переданнымъ въ библіотеку Академіи Наукъ. Это—объемистая тетрадь, заключенная въ кожанный переплетъ и подаренная мужу Н. А—ной, написавшей на оборотѣ перваго листа: «Да будутъ всѣ страницы этой книги и всей твоей жизни

свѣтлы и радостны! Желаніе сердца простого, исполненнаго любви къ тебѣ. Новгородъ. 18²⁵_{III}42». Герценъ собственноручно назвалъ тетрадь «Дневникомъ» и началъ его въ тотъ же день. Весь дневникъ написанъ поразительно чисто, бсзъ всякихъ помарокъ, ровнымъ, хорошимъ почеркомъ и настолько опрятенъ, что какъ нельзя лучше можетъ свидѣтельствовать о рѣдкой аккуратности Герцена. Несмотря на такую внѣшность, текстъ, воспроизведенный сначала въ Жен., а затѣмъ въ Спб. изданіи, прямо поражаетъ числомъ и характеромъ допущенныхъ ошибокъ и явныхъ небрежностей; напр., вмѣсто «бесконечное» напечатано «безпокойное»; «сильнѣе»—«склонъ»; «какъ»—«намъ»; «утрату»—«пустоту»; «нашъ»—«какъ»; «этакая»—«хозяйинъ»; «wache»—«тегне»; «задыхаюсь»—«сокрушаюсь»; «исполнить долгъ»—«оставить домъ»; «Пушкина»—«путника»; «ума»—«духа»; «кошмаръ»—«Казимиръ» и т. д., и т. д. Кромѣ того, допущены пропуски по одной и по нѣсколько строчекъ подлинника, благодаря чему получились совершенныя безсмыслицы. Въ Спб. изд. масса купюръ цензурнаго характера.

Записи за мартъ 1842 г. даны во всемъ точно съ оригиналомъ; читатель увидитъ изъ этого, можно ли было дать весь дневникъ, фотографируя орѳографію Герцена.

На послѣдней страницѣ тетради Герценъ написалъ карандашомъ: «перечиталъ въ Лондонѣ 24 юня 1856». Это было сдѣлано имъ передъ написаніемъ соотвѣтствующихъ главъ «Былого и думъ».

Въ предисловіи «Отъ редактора» указаны основанія, по которымъ «Дневникъ» данъ по годамъ.

345. Напечатано мною въ VII кн. «Міра Божьяго» 1906 г. съ подлинника, хранящагося въ архивѣ III Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи, дѣло 1834 г., 1 экс., № 239, ч. 10; орѳографія по подлиннику.

346. Напечатано въ I кн. «Полярной Звѣзды» на 1855 г. и во второмъ ея изданіи, 1858 г., затѣмъ въ III т. Жен. изд. и неисправно и съ купюрой въ IV т. Спб. изд.; подлинникъ не найденъ. Текстъ данъ по «Полярной Звѣздѣ», гдѣ впервые появилось и примѣчаніе Герцена. Нѣтъ сомнѣнія, что «по чувству добросовѣстности къ прошедшему» и это свое сочиненіе Герценъ напечаталъ въ 1855 г. такъ, какъ оно было написано въ 1842 г.

347. Напечатано мною въ VII кн. «Міра Божьяго» 1906 г., съ подлинника, хранящагося въ архивѣ III Отд. С. Е. И. В. канцеляріи, дѣло 1834 г., 1 экс., № 239, ч. 10; орѳографія по подлиннику.

348. Напечатано въ XII кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 765 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 157; подлинникъ не найденъ.

349. Напечатано неисправно въ «Отчетѣ И. Публичной Библиотеки за 1890 г.»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ той же библиотекѣ.

350. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у бар. К. К. Тизенгаузена.

351. См. № 344.

352. Напечатано: статья первая въ кн. I «Отечеств. Записокъ» 1843 г. (цензурная дата—1 января 1843 г.), вторая—въ кн. III «От. З.» 1843 г., третья—въ кн. V «От. З.» 1843 г., четвертая—въ кн. XII «От. З.» 1843 г.; под-

пись подъ I и II статьями «Ис—ръ», подъ III и IV «И—ръ». Затѣмъ появилось въ сборникѣ «Раздумье», Москва, 1870, въ I т. Жен. изд. и въ IV т. Спб. изд. Подлинникъ не найдѣнъ; текстъ данъ по «Отечеств. Запискамъ».

«Скажи Герцену—писаль Бѣлинскій Боткину 6 февраля 1843 г. слѣд., послѣ появленія первой статьи,—что его «Дилетантизмъ въ наукѣ»—статья до нельзя прекрасная; я ею упивался и безпрестанно повторялъ: вотъ какъ надо писать для журнала. Это не порывъ и не преувеличеніе—я уже не увлекаюсь и умѣю давать вѣсь моимъ хвалебнымъ словамъ. Повторяю, статья его чертовски хороша» (Бѣлинскій, «Письма», т. II, 334). По прочтеніи второй статьи, 9 марта 1843 г., Бѣлинскій писаль Боткину: «Статья «Романтизмъ» неудовлетворительна въ цѣломъ,—чувствуется, что не все сказано; но выраженіе, языкъ, слогъ,—просто, подлець, до отчаянія доводитъ,—зависть возбуждаетъ и писать охоту отбиваетъ» (тамъ же, 354). Въ статьѣ своей «Русская литература въ 1843 году» Бѣлинскій указаль «изъ замѣчательныхъ учено-беллетрическихъ въ прошлогоднихъ журналахъ слѣдующія... статьи А. И. Ис—ра»: «Дилетантизмъ въ наукѣ», его же «Буддизмъ въ наукѣ». При этомъ замѣчу, что хотя Герценъ никогда при своей подписи «Искандеръ» или «И—ръ» не ставиль своихъ инициаловъ, Бѣлинскій назваль ихъ печатно.

Боткинъ писаль Краевскому 1 февраля 1843 г.: «Посылаю вамъ или, вѣрнѣе сказать, Герценъ посылаетъ вамъ вторую статью свою. Третья у него тоже готова, та лучше всѣхъ. Напечатайте эту въ мартовской книжкѣ». 11 марта—: «Герценъ посылаетъ вамъ 3-ю статью, которая, по моему мнѣнію, гораздо лучше двухъ прежнихъ». 20 мая—: «3-я статья Герцена превосходна» («Отчетъ И. Публ. Библиотеки за 1889 г.», 59, 63, 71).

13 сентября 1844 г. Огаревъ писаль Герцену: «Твоей статьей я очень доволенъ,—я давно просиль ее у тебя, и былъ бы еще довольнѣе, еслибъ ты ее не такъ разбросаль, а обдѣлаль бы послѣдовательнѣе и не вмѣшиваль бы слишкомъ много фигурныхъ выраженій, сравненій и т. п., что иногда не объясняетъ мысли, а затмеваетъ ее. Да потомъ, пожалуйста, поменьше греческихъ словъ. Вѣдь, что хватаешь? По-гречески ни гу-гу не знаешь». Сатинъ къ этому добавилъ: «За статью твою спасибо, но дѣлаю тебѣ тотъ же упрекъ: языкъ ея чересчуръ фигуренъ, и въ этой статьѣ ты имѣль неудачу перещеголять предыдущія: удержи немного коней своихъ» («Рус. Мысль» 1891, VI, 5, 7).

Въ 1848 г. въ III Отдѣленіе поступиль доносъ на «Отечеств. Записки» и «Современникъ», въ которомъ, между прочимъ, особо указывалось на «материализмъ и политическія мнѣнія въ сочиненіяхъ Искандера (Герцена)», въ доказательство которыхъ приводились выписки изъ «Дилетантизма въ наукѣ» («Голосъ Минувшаго» 1913, IV, 211).

Н. Н. Страховъ находить, что «статьи о дилетантизмѣ и «Письма объ изученіи природы» составляютъ главнѣйшія произведенія, въ которыхъ Герценъ проповѣдываль гегельянство и старался уяснить себѣ и другимъ тотъ новый путь, который, по его мнѣнію, прямо ведетъ отъ Гегеля къ Фейербаху. ...По всему видно, что Герценъ отнесся къ дѣлу самымъ серьезнымъ, самымъ искреннимъ образомъ. И по всему видно, что новыя убѣжденія наполнили

его безотрадностью, хотя онъ и хвалитъ ихъ трезвость, просторъ, свѣтъ и тому подобныя холодныя качества» («Заря» 1870, IV, 90—91). Въ другомъ мѣстѣ Страховъ говоритъ: «Герценъ, дѣйствительно, былъ проникнутъ самыми существенными стремленіями тогдашней жизни Европы. Въ такомъ проникновеніи не можетъ быть сомнѣнія. Невозможно не удивляться, съ какою силою этотъ умъ схватилъ и усвоилъ себѣ самую суть тогдашняго развитія... Герценъ тотчасъ понялъ, что ему необходимо овладѣть тайнами этой мудрости (гегелевской философіи—*М. Л.*), и послѣ упорнаго труда ему это вполнѣ удалось. Тогда всѣ были гегельянцами, но едва ли не одного Герцена можно считать вполнѣ обладавшимъ приемами гегелевской философіи. Грановскій, Бѣлинскій, Бакунинъ смиренно признавали его превосходство въ этомъ дѣлѣ. Наконецъ, Герценъ одинъ оставилъ намъ превосходные образчики философскихъ статей, вполнѣ доказывающіе его талантъ» («Борьба съ Западомъ», I, Кіевъ, 1897, 53).

353. Напечатано въ XII кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 766 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ. Подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по книгѣ.

354. Напечатано неисправно въ III кн. «Рус. Мысли» 1890 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

355. Напечатано неисправно въ VII кн. «Голоса Минувшаго» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

356. Напечатано неисправно въ III кн. «Рус. Мысли» 1890 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

357. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

358. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся у А. А. Оомина.

359. Напечатано неисправно въ «Отчетѣ И. Публ. Библиотеки за 1890 г.»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ той же библиотекѣ.

360. Напечатано во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 306. Подлинникъ не найденъ; по всему видно, что это—отрывокъ изъ большого письма.

361. Напечатано нигдѣ не было; подлинникъ не найденъ; свѣрено съ копией, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова.

362. Напечатано нигдѣ не было; подлинникъ не найденъ; свѣрено съ копией, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова.

363. Напечатано въ VIII кн. «Отечеств. Записокъ» 1843 г. съ примѣчаніемъ редакціи: «Разныя причины замедлили присылку въ *Отеч. Записки* четвертой статьи о «Дилетантизмѣ», которая, вѣроятно, напечатается осенью. Извиняясь передъ читателями и редакціей, И—ръ препровождаетъ это Grübelein, какъ entre-mêts¹⁾, которыми онъ искупаетъ свою неаккуратность». Потомъ съ небольшими и немногими въ самомъ началѣ поправками и двумя новыми примѣчаніями, раскрывающими не пропущенное въ журналѣ цензурою, появилось въ III т. «Былого и думъ», Лондонъ 1862. Герценъ включилъ

¹⁾ Легкое блюдо послѣ жаркого и передъ десертомъ.

это сочиненіе въ серію «Капризы и раздумье»; вошло также въ сборникъ «Раздумье», М. 1870, во II т. Жен. изд. и въ IV т. Спб. изд. Первоначально подписано «Ис—ръ».

Бѣлинскій считалъ это произведеніе «однимъ изъ замѣчательныхъ» въ журналахъ 1843 г. («Рус. литература въ 1843 году»). Страховъ находитъ, что здѣсь вопросъ любви «трактуется въ отвлеченной формѣ и поставленъ превосходно, съ истинно-философской глубиною... Герценъ не былъ болтуномъ, услаждающимся своею болтовнею; подъ его рѣчами и умствованіями всегда была живая подкладка; теоретическіе вопросы превращались у него въ жизненные вопросы; они его мучили, какъ нравственныя задачи, безъ разрѣшенія которыхъ невозможно спокойно и увѣренно жить и дѣйствовать» («Борьба съ Западомъ», I, 23, 31).

364. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.; письмо послано въ с. Покровское.

365. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой.

366. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

367. Напечатано въ XI кн. «Отеч. Записокъ» 1843 г., потомъ въ III т. «Былого и думъ», Лондонъ, 1862, въ VIII т. Жен. изд. и въ IV т. Спб. изд. Подлинникъ не найденъ. Текстъ данъ по журналу, гдѣ нѣтъ пропуска, сдѣланнаго въ лондонскомъ изданіи.

15 ноября 1843 г. Грановскій писалъ Кетчеру, что «Коперникъ» произвелъ эффектъ («Т. Н. Грановскій и его переписка», II, 459).

368. Напечатано въ XI кн. «Отеч. Записокъ» 1843 г., въ III т. «Былого и думъ», Лондонъ, 1862, въ VIII т. Жен. изд. и въ IV т. Спб. изд. Подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по журналу.

Это—очень удачная пародія на «дорожный дневникъ» Погодина, печатавшійся въ теченіе 1843 г. въ «Москвитянинѣ»; когда стало извѣстно, что въ 1844 г. онъ будетъ изданъ отдѣльной книгой («Годъ въ чужихъ краяхъ»), Герценъ его высмѣялъ и такимъ образомъ оправдалъ опасенія друзей Погодина. «Давыдовъ въ восторгѣ отъ записокъ Вѣдрина,—писалъ Грановскій Кетчеру,—говорить, что, читая эту статейку женѣ своей, онъ невольно принялъ тонъ Погодина; увлекся, говоритъ онъ. Вообще Коперникъ и Вѣдринъ произвели эффектъ» (т. II, 459).

Чтобы читатель легко могъ оцѣнить достоинства этой пародіи, приведу небольшой отрывокъ изъ «дорожнаго дневника» Погодина.

«Въ Подебрадѣ обѣдали очень плохо... Я иззябъ ходя вездѣ въ лѣтнемъ сюртукѣ, и между тѣмъ, какъ Пуркыня, столь же легко одѣтый, не чувствовалъ ни малѣйшей стужи, у меня зубы едва попадали другъ на друга... Такой сюртукъ принесъ мнѣ, что чудо: фасонъ на всю жизнь; застегивается до подбородка; длиненъ по каблуки; кармановъ съ дюжину: куда ни сунешь рукой невзначай, вездѣ найдешь квартиру; надѣвается на другой сюртукъ. А стоитъ на ватѣ рублей 80; жилетку принесъ съ длинную куртку или старый камзолъ... Задобривъ своего хозяина похвалами и обѣщаніемъ прославить его въ будущемъ описаніи моего путешествія, я спросилъ его по со-

вѣсти, сколько надо давать вообще прислужникамъ на водку, чтобъ было не слишкомъ мало, не слишкомъ много. По полгульдену дворнику, горничной и кельнеру, т. е. по 30 коп. или круглымъ счетомъ по рублю на всѣхъ»...

369. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

370. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

371. Напечатано въ № 142 «Москов. Вѣдомостей» 1843 г. отъ 27 ноября, за подписью «А. Герценъ»; выпущено въ свѣтъ и отдѣльными оттисками съ набора газеты; потомъ напечатано неисправно во II т. «Воспоминаній» Пасекъ и въ IV т. Спб. изд.; подлинникъ не найденъ.

372. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

373. Напечатано въ III т. «Былого и думъ» Лондонъ, 1862, въ VIII т. Жен. изд. и въ IV т. Спб. изд.; подлинникъ сожженъ; свѣрено съ лондонскимъ изданіемъ.

Въ XI кн. «Рус. Старины» 1871 г. появилось за подписью W съ посвященіемъ въ концѣ: «Посвящаю Виссаріону Григорьевичу Бѣлинскому, другу четы московской и петербургской четы не врагу» и съ отнесеніемъ ея къ 1846 г. Изъ этого ясно, что редакторъ, М. И. Семевскій, не зналъ о нахожденіи этого сочиненія въ III т. лондонскаго изданія и далъ ее съ одной изъ многочисленныхъ копій, ходившихъ по рукамъ еще и подъ названіемъ «Два литературныхъ брака».

374. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

375. Напечатано во II т. «Т. Н. Грановскій и его переписка», М. 1897, стр. 460—461; подлинникъ не найденъ.

376. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

377. Тоже.

378. См. № 344.

379. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

380. Напечатано въ XII кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 767 и во II т. «Воспоминаній» Пасекъ, стр. 158. Подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по книгѣ.

381. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

382. Тоже.

383. Тоже.

384. Тоже.

385. Тоже.

386. Тоже.

387. Тоже.

388. Тоже.

389. Тоже.

390. Тоже.

391. Напечатано неисправно и неполно въ сборникѣ «Помощь голодающимъ», стр. 517; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

392. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

393. Напечатано въ VII кн. «Москвитянина» 1844 г. (цензурная дата— 5 іюля); неисправно—въ IV т. Спб. изд. и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ; подпись А. Г. Подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по журналу. Подъ заглавіемъ значилось «сообщено» что имѣло тогда двойное значеніе. Съ одной стороны, «Москвитянинъ» Погодина показаль этимъ, что статья, согласно принятому тогда порядку, навязана ему начальствомъ, гр. С. Г. Строгановымъ, и слѣдовательно, не являлась мнѣніемъ журнала, съ другой—и Герценъ, по возможности, далъ понять, что печатается не тамъ, гдѣ хотѣлъ. Страницы «Москвитянина» не могли быть для него привлекательными, но печататься въ Москвѣ больше было негдѣ.

Бѣлинскій отрицательно отнесся къ обѣимъ статьямъ о лекціяхъ Грановскаго, что и высказаль гораздо позднѣе, въ январѣ 1845 г. «Спасибо тебѣ, добрый мой Герценъ, за память о пріятелѣ,—писаль онъ 26 января.—Твои письма всегда доставляютъ мнѣ большое удовольствіе. Въ нихъ всегда такъ много какого-то добродушнаго юмора, который хоть на минуту выведетъ изъ апатіи и возбудитъ добродушный смѣхъ. Только при послѣднемъ письмѣ я немного подосадовалъ на тебя. Въ одно прекрасное утро, когда въ одиннадцать часовъ утра въ комнатѣ было темно, какъ въ погребѣ, слышу звонокъ,—кухарка (она же и камердинеръ) *докладываетъ*, что меня спрашиваетъ г. Герцъ. У меня вздрогнуло сердце: какъ, Герценъ? быть не можетъ—субъектъ запрещенный, изгнанный изъ Петербурга за вольныя мысли о будочникахъ,—притомъ же онъ оборвалъ бы звонокъ, залился бы хохотомъ и, снимая шубу, отпустилъ бы кухаркѣ съ полсотни остротъ,—нѣтъ, это не онъ! Входитъ юноша съ московскимъ румянцемъ на щекахъ, передаетъ мнѣ письмо и поклоны отъ Герцена и Грановскаго. Распечатываю письмо, думая, что первая же строка скажутъ мнѣ, что за птица доставитель письма. Ничуть не бывало—о немъ ни слова!.. Если бы ты имѣлъ право между первою и второю лекціею Шевырки (Шевыревъ—М. Л.) писнуть статейку, вторая лекція, навѣрное, была бы принята съ меньшимъ восторгомъ. По моему мнѣнію, стыдно хвалить то, чего не имѣешь права ругать: вотъ отчего мнѣ не понравились твои статьи о лекціяхъ Грановскаго» (Бѣлинскій, «Письма», III, 85—86).

394. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ. Приписка къ письму Н. А—ны.

395. Напечатано неполно и весьма неисправно въ книгѣ «П. В. Анненковъ и его друзья», стр. 109; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

396. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

397. Напечатано во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 321; подлинникъ не найденъ. Ясно, что это—только часть письма.

398. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ..

399. Напечатано въ XI кн. «Отечественныхъ Записокъ» 1844 г. (цензурная дата—14 ноября); подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по журналу. Т. П. Пассекъ напечатала очень измѣненный въ мелочахъ текстъ во II кн. «Рус. Старины» 1874 г. и во II т. своихъ «Воспоминаній»; зная, какъ даетъ она тексты Герцена, я не рѣшаюсь предпочесть его приведенному, тѣмъ болѣе, что увѣренъ, что въ «Отеч. Записки» текстъ шутки былъ отправленъ, если не самимъ Герценомъ, то съ его вѣдома и согласія. Редакція журнала сдѣлала слѣдующее примѣчаніе: «Мы получили пресмѣшной пуфъ, и не англійскій, а московскій, который передаемъ нашимъ читателямъ». Въ IV т. Спб. изд. текстъ данъ по Пассекъ.

Послѣдняя рассказываетъ и обстоятельство, при которыхъ была написана эта шутка. Зонненбергу не везло съ продажей его изобрѣтенія, и онъ попросилъ Герцена помочь его бѣдѣ составленіемъ заманчивой рекламы. «Извольте, Карль Ивановичъ, я напишу вамъ объявленіе о продажѣ вашего пиретрума». «Говоря это, онъ поспѣшно взялъ бумагу, перо—и черезъ часъ о продажѣ персидскаго порошка въ кондитерской было готово слѣдующее объявленіе». «Дня черезъ три эта реклама явилась, кажется, въ *Инвалидъ*, потомъ была перепечатана въ *Пчелъ*. Она привела къ Перу множество покупателей» (т. II, 101, 105—106). Указанія на напечатаніе шутки совершенно невѣрны. Впервые она появилась въ «Отеч. Запискахъ», которыя и не стали бы печатать въ литературной части то, что раньше было уже въ газетныхъ объявленіяхъ.

400. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ..

401. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ. Письмо относится къ концу 1844 года, когда, какъ это видно и изъ «Дневника», Герценъ получилъ узнать П. В. Кирѣевского. 23-е ноября—день именинъ Герцена, всегда праздновалось въ его домѣ и было тѣмъ праздникомъ, на который прямо указано; какъ разъ оно совпадало съ четвергомъ. 24 ноября—«Екатерининъ» день, когда очень легко было встрѣтиться съ Кирѣевскимъ въ какомъ-нибудь домѣ, напр., у Е. Г. Левашовой. Не бывъ въ Москвѣ въ концѣ 1843 и 1845 гг., Галаховъ былъ тамъ въ концѣ 1844 г. Всѣ эти основанія позволяютъ считать дату письма весьма вѣроятной.

402. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ..

403. Напечатано неисправно въ «Отчетѣ И. Публичной Библіотеки за 1890 г.»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ той же библіотекѣ.

404. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ..

405. Напечатано неисправно и неполно въ кн. VI «Рус. Мысли» 1891 г., стр. 21; конецъ, послѣ приписки Грановскаго, напечатанъ М. О. Гершензонемъ на стр. 231 его книги «Исторія молодой Россіи». Свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

406. См. № 344.

407. Напечатано въ «Отчетѣ И. Публичной Библіотеки за 1890 годъ»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ той же библіотекѣ.

408. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпнымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова, подлинникъ не найденъ. Приписка къ письму Н. А.—ны.

409. Напечатано мною въ VII кн. «Міра Божьяго» 1906 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ архивѣ III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи 1834 г., 1 эксп., дѣло № 239, ч. 10; орфографія по подлиннику.

410. Напечатано во II кн. «Отечествен. Записокъ» 1845 г. (цензурная дата—31 января) и неисправно въ IV т. Спб. изд.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ И. Публичной Библіотекѣ.

411. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпнымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

412. Напечатано неисправно въ № 59 «Вольнаго Слова» 1883 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

413. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпнымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ. Дата 5 марта, поставленная въ копіи, невѣрна, такъ какъ Крюковъ тогда уже умеръ.

414. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпнымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ. Письмо было начато 2 марта ночью, а окончено 4-го, въ день смерти Крюкова; въ промежуткѣ написанъ № 413. День смерти Крюкова устанавливается точно по «Москов. Некрополю» и по записямъ современниковъ, напр., Погодина. Въ «Рус. біографич. словарь» невѣрно указано 5 марта; тамъ же указано рожденіе Крюкова не въ 1810, а въ 1809 г.

415. Напечатано въ III кн. «Отечеств. Записокъ» 1845 г. (цензурная дата—28 февраля) за подписью «Ярополкъ Водянской»; потомъ вошло въ III т. «Былого и думъ», Лондонъ, 1862 г., въ VIII т. Жен. изд. и въ IV т. Спб. изд. Подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по журналу. Подпись была выбрана примѣнительно къ фамиліи ожесточеннаго славянофила—проф. Бодянскаго.

416. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпнымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

Опечатки и дополненія.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
23	1 сн.	Производительность	произведеніе
47	1 св.	(8 лѣтъ старше)	(«8 лѣтъ старше»)
48	1 сн.	Михаилъ Яковлевичъ	Федоръ Лукичъ
49	1 св.	іюнѣ	іюлѣ
59	10 сн.	Альбрехтъ Карловичъ	Карлъ Альбертовичъ
61	5 сн.	Индивидуализмъ	Индивидуальность
73	14 св.	Родившагося и умершаго мальчика назвали Ивановомъ.	Ребенка назвали Ивановомъ, желая сдѣлать пріятное И. А. Яковлеву; на дѣлѣ же смерть второго Ивана очень его разстроила.
108	1 сн.	Иваномъ	Николаемъ
122	15 сн.	ргорге сіс	ргорге сіт
126	2 сн.	Іоганъ	Іоганнъ
129	3 сн.	И. И.	В. И.
135	4 сн.	Пунктъ	Понятіе
150	1 св.	Федоровнѣ	Богдановнѣ
150	2 св.	Коршъ	Мюльгаузенъ
195	1 сн.	?	Giovanni Giornovicchi, итал. скрипачъ конца XVIII в.
221	20 сн.	стіями	ствіями
233	4 сн.	(Выноска)	Все свое въ себѣ несущее.
241	1 сн.	«Письма объ изученіи природы»	статьи № 352.
246	2 св.	асли	если
267		Коментарій вычеркнутъ.	

268	19 сн.) ¹ .).
274	1 сн.		Выноску зачеркнуть.
277	3 сн.	Галахова.	Галахова, Kenney.
281	1 сн.	Викторъ	Витторіо
289	16 сн.	писали,	писали, ²
293	Дата № 375		(14—15 декабря 1843).
299	2 св.	(Окончаніе)	(Продолженіе)
326	6 сн.	Точная	Золотая
365	15 св.	Салви	Сальви
368	9 св.	Камилла	Камилля
374	13 сн.	всюда	всюду
388	2 сн.	Delphinii	Delphini
396	5 сн.	Николай	Михаиль
397		№ 392 долженъ быть послѣ № 395.	
420	3 сн.	Мужъ	Братъ мужа
426	10 св.	сага	casu
426	13 св.	что,	что
426	4 сн.	Всезаботливо	Во всякомъ случаѣ.
431	12 сн.	Мильгаузена	Мюльгаузена
433	4 сн.	Вертеръ	Вестеръ
—	1 сн.	совершенно.	совершенно, vester—вашъ.
437	7 сн.	Земме-	Зомме-
445	3 сн.	Антуанъ-Пьеръ	Жозефъ

Къ № 363.

Въ концѣ 1843 или въ самомъ началѣ 1844 года, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отпечатанія этого сочиненія, Герценъ получилъ письмо отъ своей новгородской пріятельницы, Л. Д. Филипповичъ. Такъ какъ эта женщина выдѣлена Герценомъ изъ массы его знакомыхъ, то считаю небезынтереснымъ привести ея письмо полностью.

«Александрѣ Ивановичу и Натальѣ Александровнѣ сердечное привѣтствіе.

«Надѣюсь, что *это* посланіе дойдетъ до Васъ. Послѣднее Ваше письмо сдѣлало на меня такое пріятное, такое милое, гармоническое впечатлѣніе, что я на другой же день отвѣчала со всѣмъ увлеченіемъ самаго симпатическаго настроенія; но, видно, не суждено было ему такъ же скоро, какъ было написано, дойти по своему назначенію. Владиміръ Ив. хотѣлъ непремѣнно писать вмѣстѣ со мною, и между тѣмъ день за днемъ уходилъ, и письмо мое состарѣлось. Между тѣмъ встрѣтилась еще одна причина, вскружившая намъ голову. Мы переѣхали на другую квартиру, а именно къ генералу Рейхелю (Казиміръ Яковлевичъ—*М. Л.*). Теперь у насъ просторно... довольно красиво, тепло и проч.; но суеты, возни и скуки, самой деревянной скуки, было такъ много, что я совсѣмъ поглупѣла.

«Передъ самымъ отъѣздомъ изъ этого дома мнѣ хотѣлось позабыть скучную возню, происходившую съ утра до вечера. Я ушла въ кабинетъ

Влад. Ив., котораго расположеніе Вы знаете: онъ ближе всего къ небу, слѣдовательно, къ созерцаію. Тамъ со всевозможнымъ комфортомъ прочла я Ваши Grübelein *По случаю одной драмы*. Надо замѣтить, что я очень мало читаю *даже* «Отечественныхъ Записокъ», и такъ какъ журналъ, едва полученный, на подхватъ перелетаетъ по окружающимъ насъ сферамъ, то эта статья совсѣмъ, было, ускользнула отъ меня и надо было ее отыскивать въ прошедшемъ, чтобы уже никогда не потерять въ будущемъ.—Вы спрашивали, довольна ли я, и я съ великимъ удовольствіемъ, съ радостью могу сказать правду. Да, я довольна ею, чрезвычайно довольна. Довольна по-своему, что не значить, можетъ быть, въ смыслѣ философическомъ абсолютнаго удовольствія, но, по-моему, это значить гораздо болѣе и, если Вамъ не очень надоѣсть болтовня оригинальной женщины, то я *немножко* расскажу, почему я такъ *мною* довольна.

«La profusion d'idées... un tas d'observation et de principes, une richesse de pensées¹⁾—все, все это мнѣ не ново—я Васъ знаю. Вамъ некогда высказывать рой идей, безпрестанно возобновляющійся, дробящійся, опять соединяющійся, толпящійся и какъ бы противъ воли стремящійся къ свѣту жизни. Такъ и тутъ, вначалѣ множество набросано вещей, которыя каждая можетъ вызвать долгій рядъ Grübelein. Однакожъ, я, какъ настоящая женщина, не осмѣливаюсь пускаться въ путь прямо по стремниѣ скачущихъ мыслей, а на благородной дистанціи всегда жду цѣлаго, потому что только оно доступно моей отнюдь не многообъемлющей интеллигенціи,—такъ что, по самой необходимости моего мозгового локаля, я должна выбирать изъ предлагаемыхъ мнѣ вещей только для ума моего *потребныя*, отбрасывая всѣ тѣ, которыя, по-моему, имѣютъ право на отрицательную частицу *не*.

«Такимъ образомъ въ умѣ моемъ заняла я постъ, съ котораго видна была мнѣ *votre chasse aux idées*²⁾, начиная съ бороды *an sich*, переходя въ бороду *in sich* и оттуда во всѣ предѣлы и безпредѣльность поднебесной. Съ первыхъ строкъ я невольно дѣлала нѣкоторыя восклицанія, которыя имѣли немножко угловатое направленіе къ бородѣ *in sich* или *für sich*, и, казалось, мои понятія должны были со временемъ отойти, какъ расходящіяся линіи, въ навѣки несоединимое разстояніе. Однако, я не оставляла моего поста, хотя мнѣ казалось, что звуки роговъ и голоса охотниковъ раздавались то тамъ, то въ другой сторонѣ, но все вдали. Только успѣвала я повертываться со стороны на сторону и каждую минуту думала, что звѣрь уйдетъ. Вдругъ, къ великой моей радости, увидала его въ двухъ шагахъ... еще минута—и съ быстротою молніи и мѣткостью, достойною ловкаго охотника, звѣрь пойманъ и убитъ, прямо въ сердце пораженъ онъ, откуда исходятъ всякое добро и зло... Для меня истинный триумфъ—убѣждаться болѣе и болѣе, что свѣтъ по природѣ своей родня истинѣ, и какими бы необыкновенными путями не стремился къ ней, но въ немъ самомъ заключаются условія, поставляющія его въ неизбѣжную необходимость искать ее, а нашедши преклонять колѣна, не смотря ни на какія постороннія обстоятельства. И тутъ также можно ска-

1) Изобиліе идей... куча замѣчаній и принциповъ, богатство мыслей.

2) Ваша охота за идеями.

затѣ, хотя въ утѣшительнѣйшемъ смыслѣ, что мы любимъ истину, потому что мы любимъ ее, и хотимъ оставаться въ ней, потому что не хотимъ оставаться внѣ ея¹⁾. Какъ жаль, что самый утонченный умъ не можетъ тутъ сказать болѣе, т. е. на понятномъ языкѣ человѣческомъ! Признаюсь Вамъ, я болѣе вѣрю уму и чувству человѣка, нежели его системамъ. Въ системѣ есть ограниченіе, въ душѣ живое вдохновеніе, покорное только одному духу. Уму А. И. Герцена и чудесному *appareil*²⁾, которымъ этотъ славный умъ такъ живо, мѣтко и ясно дѣйствуетъ, удивляюсь, восхищаюсь и завидую, что всѣ его подвиги происходятъ на сухопарой почвѣ скучной діалектики.

«Совершенно согласна и съ тѣмъ, что женщины не понимаютъ своего назначенія, прибавляя къ тому удивленіе мое, почему это такъ. Увы! Очень боюсь, что онѣ глупы потому только, что неумны. Какую же нужно ученость, чтобы быть доброю матерью (разумѣется, не только кормилицей) и нравственнымъ членомъ общества, готовымъ съ достоинствомъ исполнять свои обязанности, даже еслибъ и счастье не могло быть условіемъ ея положенія въ свѣтѣ? Къ сожалѣнію, въ наше время женщина считается какимъ-то существомъ, которому многое прощительно, потому—о, стыдъ!—*что это женщина*,—и онѣ позволяютъ себѣ многое, какъ женщины: и маленькую подлость, и маленькое воровство, и маленькое нахальство. Однимъ словомъ, у насъ нѣтъ достоинства въ женщинахъ, и въ этомъ не поставляется никакой важности, между тѣмъ, какъ именно эта сторона есть сила наша. Женщина имѣетъ высоту нравственную не вслѣдствіе резонерства (*je Vous demande pardon pour ce mot à la mode*)³⁾, а потому, что это результатъ ея душевной жизни. Ея слово должно быть святѣе, вѣрнѣе, ея честность совершеннѣе, потому что это не одинъ *point d'honneur*, а слѣдствіе собственнаго уваженія, которое неподкупимо ничѣмъ, даже самолюбіемъ. Для такого назначенія, скажу опять, нужна ли ученость?—я не называю также высшей цѣлью жизни написать романъ, исполненный увлекательной глубиной чувства, остроумныхъ замѣчаній, вѣрныхъ картинъ. Для этого, конечно, нужно поэтическій вкусъ и даръ слова, но... есть ли это цѣль жизни? Не дадите ли Вы такому занятію частичку времени, какъ и для любви? и, по моему, довольно. Я не говорю объ талантахъ, каковы Жоржъ Сандъ, Рахель и обожательница Гете. Это исключенія изъ правилъ и для нихъ закона не писано. Если Вы думаете, что *esprit de conduite*⁴⁾ есть признакъ умственныхъ способностей женщинъ, то позвольте мнѣ сдѣлать Вамъ замѣчаніе, что тотъ же *esprit de conduite* часто встрѣчается у мужчинъ весьма ограниченныхъ,—это инстинктъ и даже не слишкомъ высокій. Если женщина хороша въ глубинѣ души, то зачѣмъ ей этотъ *esprit de conduite*? теперь же онъ есть костюмъ, требуемый благопристойностію, и часто за спиной общества дѣвицы

1) Какъ тѣ посѣтителы театра, которые потому только въ театрѣ, что не внѣ театра.—Л. Д. Ф.

2) Приборъ, снарядъ.

3) Прошу извиненія за это модное слово.

4) Умѣніе вести себя.

ведутъ себя нелѣпо. Именно за это я часто сержусь, горюю, ропщу и даже иногда радуюсь, что у меня нѣтъ дѣтей. Да что мнѣ долго толковать—à côté de Vous se trouve une femme comme je les aime, petrie de noblesse d'âme, de sensibilité, d'affection et de douceur. Bénissez le ciel et gardez Votre bonheur ¹⁾.

«Сашеньку цѣлую въ умную головку» (Румянцов. музей).

¹⁾ Рядомъ съ вами такая женщина, какихъ я люблю, образованная изъ благородства души, чувствительности, любви и нѣжности. Благословляйте небо и храните ваше счастье.

№ 365 bis. Письмо къ К. С. Аксакову.

(1843).

Вѣрите ли, что кардинальскій пуншъ происхожденіемъ славянинъ отъ жженки? А если вѣрите, то я не вижу причинъ, почему вамъ не сдѣлать мнѣ одолженіе и въ четвергъ, въ 9 часовъ вечера не выпить жженку, которую я собираюсь варить подъ непосредственнымъ начальствомъ Кетчера.

Весь Вашъ
А. Герценъ.

№ 365 ter. Письмо къ К. С. Аксакову.

7 окт. (1843).

Грановскій поручилъ мнѣ, любезнѣйшій Константинъ Сергѣевичъ, попросить Васъ къ нему вечеромъ въ субботу; онъ хотѣлъ самъ писать, но я взялся за это. Вы, вѣрно, будете такъ любезны, что приѣдете поболтать и посидѣть съ нами.

Не пришлете ли еще «Москвитянинъ»—и этотъ № хорошъ, что и говорить.

Сегодня вечеромъ будетъ у меня отъѣзжающій Кетчеръ. Не угодно ли и вамъ?

Душевно преданный
А. Герценъ.

№ 371 bis. Письмо къ К. С. Аксакову.

27 ноября (1843).

Бартеневъ говаривалъ, что галиматья бываетъ простая и сугубая, но эта квадратность принадлежитъ, сверхъ того, и разсѣянности. Я забылъ отдать *тебѣ* («Вы» мы уничтожили прошлый разъ) билетъ, а потомъ вспомнилъ, да все же не отдалъ. Пусть у тебя есть свой, но дай кому хочешь этотъ, ибо и онъ твой ¹⁾). Грановскій дуется на меня, что я забылъ отдать. Вотъ онъ. Довольны ли-съ «Москов. Вѣдом.»? ²⁾ Totus baro.

А. Н.

¹⁾ Рѣчь идетъ, повидимому, о билетѣ на лекцію Грановскаго.

²⁾ Съ его сочиненіемъ № 371.

№ 387 bis. Письмо къ К. С. Аксакову.

(Начало 1844).

Ваша записка заставляетъ меня думать и думать. За откровенность не только благодарю, но искренно отъ всей души и съ полнымъ уваженіемъ жму руку, но чего-то тутъ не понимаю. Будьте откровенны—я васъ прошу, до конца, всякую откровенность я оправдаю. Если вамъ можно на одну минуту сегодня завернуть ко мнѣ, я вамъ буду много обязанъ. Я самъ сейчасъ отправился бы къ вамъ, но вы пишете, что Вамъ недосужно. Прошу васъ завернуть и передать новость да и объяснить записки. «Вы» ли, «ты» ли, но я васъ искренно уважаю, хотя, признаюсь, немного досадно, что вы пишете объ искренности.

Итакъ, если можно, вы заѣдете.

№№ 365 bis, 365 ter, 371 bis и 387 bis напечатаны неисправно въ VIII кн. «Минув. Годовъ» 1908 г.; свѣрены съ подлинниками, полученными отъ Кружка имени А. И. Герцена.

Исключенія, сдѣланныя при печатаніи до революціи.

(Напечатано съ одной стороны, чтобы желающіе могли вырѣзать и вклеить на соответствующія страницы).

Стр.	15	10 св.	самъ Богъ сходилъ на землю,
—	—	14 св.	Богъ
—	—	15 св.	темныя
—	—	17 св.	съ любовникомъ
78	14 св.	Зимняго дворца,	
—	15 св.	августѣйшей фамиліи	
97	9 сн.	царя.	
122	13 сн.	императорство	
139	6 сн.	le mensonge couronné ³⁾).	
—	1 сн.	³⁾ Коронованная ложь.	
301	18 сн.	императорской фамиліи	
305	8 св.	палачъ.	
310	13 св.	у насъ,	
321	7 сн.	Павла	
322	16—17 св.	чортъ тебя	
—	17—18 св.	разомъ три любовника,	
—	15 сн.	плантатора	
—	11 сн.	нагла	
339	20 св.	равноапостольнымъ.	
—	24 св.	наше	
—	10 сн.	вдохновенныя Св. Духомъ.	
340	2 св.	подла,	
—	18 св.	нечисты	
—	4 сн.	проклятое	
—	1 сн.	кулаками	
341	18 св.	византійская	
450	6 св.	противень	
—	7 св.	поповъ,	

Изданіе помѣщается въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича.

Петроградъ, Вас. остр., 5 лин., собств. д. 28.